№ 4. Августъ 1902-го г.

ЗАРЯ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

Цѣна 2 руб.

Preis 4 Mark = 5 Francs.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):

J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Verlag und Druck: J. H. W Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Оглавленіе.

Отдѣлъ А.

Стран.

Проектъ программы Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи 1

Проектъ программы Россійской Соціаль-демократической Партіи. Г. Плеханова 11

Отдѣлъ 1.

Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова 1

Habeas Corpus. Д. Аясова 32

Деревенскія воспоминанія. Л. Б. К. 39

О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ „критиковъ". Ортодокса 43

Соціализмъ въ Финляндіи. *** 71

„Россія". Изъ оды Свинбурна. Ш. 80

Тѣнямъ умершихъ 82

Отдѣлъ 2.

Оппортюнизмъ на практикѣ. Парвуса (переводъ съ нѣм.) 1

1. Оппортюнизмъ и соціально-революціонное развитіе 1
2. Оппортюнизмъ и доктрина 9
3. Тактика Фольмара 14
4. Практицизмъ Ауэра 22
5. Что далъ оппортюнизмъ? 82

О еврейскомъ рабочемъ движеніи въ Россіи. К. К. 40

Бомбардировка Благовѣщенска китайцами. Сонина 55

Элементы идеализма въ соціализмѣ. В. Засуличъ 75

„Международная" полемика по вопросу о Миллеранѣ 101

I. „Vorwärts" и „Заря". Ignotus 101

II. Миллеранъ и „Vorwärts". Парвуса 105

Выборы во Франціи. Г. Линдовъ 118

Прогрессъ религіи и „религія" прогресса. —Ъ 135

Кіевская демонстрація 2-го февраля. П. 143

Аграрная программа русской соціаль-демократіи. Н. Ленина . . . 152

Внутреннее обозрѣніе. Л. Мартова 184

Стран.

Библіографія:

Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland. Zur Geschichte der Philosophie und Sozialphilosophie des Junghegelianismus. Von Dr. Koygen (Berner Studien zur Philosophie und ihrer Geschichte. Bd. XXVI, 1901). P. C. 223

Къ вопросу о національной автономіи и преобразованіи Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи на федеративныхъ началахъ. Изданіе Всеоб. Евр. Раб. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи. Лондонъ. Февраль 1902 года. Б. 228

Бенедетто Кроче. Экономическій матеріализмъ и марксистская экономія. Критическіе очерки. Переводъ П. Шутякова. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Петербургъ. 1902. Г. П. 230

Bibliothèque socialiste internationale publiée sous la direction d'Alfred Bonnet. VII. Le Socialisme et l'Agriculture, par G. Gatti, député au parlement italien. Avec une introduction de G. Sorel. Paris. V. Giard et E. Brière. 1902. (Международная Соціалистическая Библіотека издаваемая подъ редакціей Альфреда Бонне. VII. Соціализмъ и земледѣліе, соч. Дж. Гатти, депутата въ итальянскомъ парламентѣ. Со введеніемъ Г. Сореля. Парижъ. В. Жіаръ и Э. Бріэръ. 1902.) Г. П. 241

Крестьянинъ. Романъ Вильгельма фонъ-Поленца. Переводъ съ нѣмецкаго Б. Величкиной. Съ предисловіемъ графа Льва Николаевича Толстого. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1902. Г. П. 247

Проектъ программы Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи.

(Выработанный редакціей „Искры“ и „Зари“.)

Проектъ программы Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи.

(Выработанный редакціей „Искры“ и „Зари“.)

Развитіе обмѣна установило такую тѣсную связь между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ.

Считая свою Партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская соціаль-демократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціаль-демократы всѣхъ другихъ странъ.

Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ буржуазнаго общества и ходомъ его развитія. Главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества.

Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, съуживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни, и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала.

Тотъ-же техническій прогрессъ даетъ кромѣ того предпринимателямъ возможность все въ большихъ размѣрахъ примѣнять женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства и обращенія товаровъ. А такъ какъ, съ другой стороны, онъ приводитъ къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, то спросъ на

рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія, вслѣдствіе чего увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи.

Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе раззоряютъ мелкихъ производителей, еще болѣе увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса.

Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производительности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собою въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства, увеличеніе разстоянія между имущими и неимущими и ростъ необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ.

Но по мѣрѣ того, какъ растутъ и развиваются всѣ эти противорѣчія, свойственныя буржуазному обществу, растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующимъ порядкомъ вещей, растетъ число и сплоченность пролетаріевъ и обостряется ихъ борьба съ ихъ эксплуататорами. Въ то же время усовершенствованіе техники, концентрируя средства производства и обращенія и обобществляя процессъ труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, все быстрѣе и быстрѣе создаетъ матеріальную возможность замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими — т. е. той соціальной революціи, которая представляетъ собою конечную цѣль всей дѣятельности международной соціаль-демократіи, какъ сознательной выразительницы классоваго движенія пролетаріата.

Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою.

Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой

политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ.

Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историческую миссію, международная соціаль-демократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обнаруживаетъ предъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ гнета капитала. Партія рабочаго класса, соціаль-демократія, зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.

На пути къ ихъ общей конечной цѣли, обусловленной господствомъ капиталистическаго способа производства во всемъ цивилизованномъ мірѣ, соціаль-демократы разныхъ странъ вынуждены ставить себѣ неодинаковыя ближайшія задачи какъ потому, что этотъ способъ не вездѣ развитъ въ одинаковой степени, такъ и потому, что его развитіе въ разныхъ странахъ совершается въ различной соціально-политической обстановкѣ.

Въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, на каждомъ шагу встрѣчаются еще остатки нашего стараго, до-капиталистическаго общественнаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства государствомъ и имущими классами и держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе. По самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію и не можетъ не быть злѣйшимъ противникомъ всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата.

Поэтому, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія ставитъ своей ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи, обезпечивающей:

1. Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа;

2. Всеобщее равное и прямое избирательное право при выборахъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія для всякаго гражданина, достигшаго 20 лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго избирателя быть избраннымъ во всѣ представительныя собранія; жалованье народнымъ представителямъ;

3. Неприкосновенность личности и жилища гражданъ;

4. Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ;

5. Свободу передвиженія и промысловъ;

6. Уничтоженіе сословій и полную равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи и расы;

7. Признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями входящими въ составъ государства;

8. Предоставленіе всякому гражданину права преслѣдовать всякаго чиновника предъ судомъ безъ жалобы по начальству;

9. Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа;

10. Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви;

11. Даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ. Снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства.

Какъ основного условія демократизаціи нашего государственнаго хозяйства, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія требуетъ: *отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.*

Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также и въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ, партія требуетъ:

1. Ограниченія рабочаго дня 8-ью час. въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ;

2. Установленія закономъ еженедѣльнаго отдыха, непрерывно продолжающагося не менѣе 36 часовъ, для наемныхъ рабочихъ обоего пола во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

3. Полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ;

4. Воспрещенія ночнаго труда (отъ 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ онъ безусловно необходимъ по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями;

5. Воспрещенія предпринимателямъ пользоваться наемнымъ трудомъ дѣтей до 16-лѣтняго возраста;

6. Воспрещенія женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденіе роженицъ

отъ работы въ теченіе 2-хъ недѣль до и 4-хъ недѣль послѣ родовъ.

7. Установленія закономъ гражданской отвѣтственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду, происшедшую вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства, и освобожденія рабочаго отъ обязательства доказывать, что потеря эта произошла по винѣ капиталиста;

8. Воспрещенія выдачи заработной платы товарами; установленія еженедѣльнаго срока расплаты по всѣмъ договорамъ о наймѣ рабочихъ и выдачи заработка въ рабочее время;

9. Выдачи государственной пенсіи престарѣлымъ рабочимъ;

10. Увеличенія числа фабричныхъ инспекторовъ; назначенія инспектрисъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ преобладаетъ женскій трудъ; надзора выбранныхъ рабочими и оплаченныхъ государствомъ представителей за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, а также за составленіемъ расцѣнокъ и браковкой товаровъ;

11. Надзора органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилыхъ помѣщеній, отводимыхъ рабочимъ предпринимателями, равно какъ за внутреннимъ распорядкомъ этихъ помѣщеній и за условіями отдачи ихъ въ наймы, — въ цѣляхъ огражденія наемныхъ рабочихъ отъ вмѣшательства предпринимателей въ жизнь и дѣятельность ихъ, какъ частныхъ лицъ и какъ гражданъ;

12. Учрежденія правильно организованнаго санитарнаго надзора во всѣхъ предпріятіяхъ, употребляющихъ наемный трудъ и безплатной медицинской помощи для рабочихъ за счетъ предпринимателей;

13. Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ отрасли народнаго хозяйства и на всѣ предпріятія, употребляющія наемный трудъ, не исключая и казенныхъ;

14. Установленія уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда;

15. Запрещенія предпринимателямъ производить денежные вычеты изъ заработной платы по какому-бы поводу и для какого-бы назначенія они ни дѣлались (штрафы, браковка и проч.);

16. Учрежденія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей;

17. Возложенія на органы мѣстнаго самоуправленія обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ (биржи труда) во всѣхъ отрасляхъ производства съ участіемъ въ ихъ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій.

Въ цѣляхъ же устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ Партія будетъ добиваться:

1. Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

2. Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

3. Возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей: конфискаціи съ этой цѣлью монастырныхъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній; а равно обложенія особымъ налогомъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

4. Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ: а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или — въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки, — выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія; б) для устраненія остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ Западномъ Краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

5. Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Стремясь къ достиженію своихъ ближайшихъ политическихъ и экономическихъ цѣлей, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка, рѣшительно отвергая въ то же время всѣ тѣ реформаторскіе проекты, которые связаны съ какимъ-бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами.

Съ своей стороны, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій достижимо лишь *путемъ низверженія царскаго самодержавія* и созыва *учредительнаго собранія*, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.

* * *

Намъ нечего здѣсь распространяться о томъ, каково значеніе программы въ дѣятельности политической партіи. Только объединенная общей программой, партія можетъ вести планомѣрную и плодотворную работу въ интересахъ дѣла, которому служитъ; только формулировавъ въ стройной программѣ свое общее соціально-политическое міровоззрѣніе и предъявляемыя ею къ современному обществу политическія требованія, партія пролетаріата можетъ вести глубокую и успѣшную пропаганду революціоннаго соціализма и внести объединяющую струю въ широкое народное движеніе противъ существующаго строя. Безъ политической программы нѣтъ еще, строго говоря, политической партіи, имѣются на лицо только элементы слагающейся партіи.

Русское соціаль-демократическое движеніе, такъ неудержимо-широко разлившееся за послѣдніе годы и въ силу этой самой широты своего развитія пережившее такъ много внутреннихъ кризисовъ, — русское соціаль-демократическое движеніе уже давно стоитъ передъ неотложной задачей дѣйствительнаго партійнаго объединенія. Не рѣшивъ этой задачи, оно рискуетъ потерять уже завоеванную имъ позицію въ русской общественной жизни — къ невыгодѣ какъ для интересовъ пролетаріата, такъ и для дѣла русской свободы.

„Прежде чѣмъ объединиться, намъ необходимо сначала размежеваться“, писала „Искра“ 1½ года тому назадъ при первомъ своемъ выступленіи передъ читателями. Появившись въ моментъ одного изъ самыхъ глубокихъ внутреннихъ кризисовъ, переживавшихся нашимъ движеніемъ, „Искра“ и „Заря“ должны были выдвинуть на первый планъ задачу *подготовленія элементовъ единства въ нашей партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами принесенныхъ въ него, элементовъ.*

Поскольку упомянутый идейный кризисъ, переживавшійся движеніемъ, начинаетъ, видимо, приходить къ концу, поскольку логика революціонной борьбы сильнѣе логики печатнаго слова внѣдряетъ въ сознаніе временно-забытыя истины революціонной соціаль-демократіи, постольку мы можемъ надѣяться на близость окончательнаго объединенія партіи. И мы думаемъ, что процессъ выработки партійной программы самъ по себѣ сдѣлаетъ много для этого окончательнаго объединенія.

Программа партіи должна выражать коллективную мысль партіи. Это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи. И обсужденіе предлагаемаго проекта въ разныхъ группахъ и кружкахъ должно послужить прекрасной школой политическаго воспитанія для мѣстныхъ дѣятелей.

Печатая свой проектъ, мы разсчитываемъ на то, что каждый соціаль-демократическій комитетъ, каждый рабочій кружокъ,

каждая примыкающая къ соціаль-демократіи группа интеллигентовъ сочтутъ своимъ долгомъ обсудить его и въ той или иной формѣ опредѣлить свое отношеніе къ нему. Мы просимъ товарищей не медлить съ этимъ дѣломъ, ибо на II съѣздѣ партіи, необходимость созыва котораго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ представиться каждую минуту, программа партіи должна быть утверждена.

Всѣ критическія замѣчанія, проекты поправокъ резолюціи и т. п., присланныя въ нашу редакцію, будутъ по мѣрѣ возможности, печататься въ „Искрѣ“ или „Зарѣ“, все-же, не нашедшее себѣ мѣста въ печати, будетъ нами представлено на II съѣздъ партіи.

Въ рядѣ статей въ „Зарѣ“ и „Искрѣ“ мы разсчитываемъ дать подробную обосновку предлагаемаго нами проекта.

(„Искра“, № 21.)

Проектъ программы Россійской Соціаль-демократической Партіи.

Соціаль-демократическое ученіе широко распространилось въ Россіи. Соціаль-демократы, на которыхъ всего лѣтъ десять тому назадъ русскіе соціалисты *старой „манеры“* смотрѣли какъ на чудаковъ не понимающихъ „закона экономическаго развитія“ нашей страны, могутъ съ гордостью сказать теперь, что они господствуютъ въ русской революціонной средѣ и что всѣ выдающіяся явленія современной русской экономической жизни представляютъ собою яркое и неопровержимое доказательство справедливости *ихъ* взгляда на „законъ“ ея развитія. Горсточка „чудаковъ“ разрослась въ большую и вліятельную партію. И какъ бы ни были велики тѣ разногласія, которыя раздираютъ ее время отъ времени; какъ бы ни были тяжелы тѣ многочисленныя потери, которыя приходится нести ей вслѣдствіе безпрерывныхъ и ожесточенныхъ правительственныхъ преслѣдованій, всѣмъ и каждому теперь ясно, что нѣтъ въ русской имперіи такой силы, которая могла бы *искоренить* нашу соціаль-демократію. Россійская соціаль-демократическая партія является теперь неустранимымъ факторомъ соціально-политической жизни Россіи. Обстоятельства складываются чрезвычайно благопріятно для нея. Весь вопросъ въ томъ, какъ съумѣетъ она воспользоваться ими. На этотъ вопросъ отвѣтитъ будущее. Но уже въ настоящее время можно, ни мало не рискуя ошибаться, указать тѣ условія, которыя непремѣнно должны быть на лицо для того, чтобы она поднялась на высоту своей задачи. Такихъ условій два: одно изъ нихъ называется *крѣпкой боевой организаціей*, а другое — *стройной и послѣдовательной программой*.

Теперь уже никто изъ нашихъ товарищей не сомнѣвается въ необходимости крѣпкой организаціи того типа, который существовалъ въ Россіи во второй половинѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (организаціи общества „Земля и Воля“ и „партіи Народной Воли“) и который оказалъ тогдашнимъ русскимъ революціонерамъ такія огромныя, неоцѣненныя услуги. Теперь, — если мы не ошибаемся, — споры ведутся лишь о томъ, *какой путь приведетъ насъ къ созданію организаціи этого типа*. Не то съ программой: ея

значеніе въ жизни и дѣятельности партіи сознается съ гораздо меньшею ясностью. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей и теперь еще охотно повторяютъ тѣ слова Маркса, что одинъ дѣйствительный шагъ въ рабочемъ движеніи важнѣе цѣлой дюжины программъ. Но эти наши товарищи, — принадлежащіе къ числу такъ называемыхъ *практиковъ*, — вкладываютъ здѣсь въ слова Маркса не тотъ смыслъ, какой они у него имѣли. Что Марксъ — равно какъ и его неизмѣнный другъ Энгельсъ — не былъ и не могъ быть *равнодушенъ* къ программнымъ вопросамъ, это понимаетъ всякій тотъ, кто хоть немного освоился съ научнымъ соціализмомъ и выяснилъ себѣ ту роль, которая отводится въ немъ *воздѣйствію сознательныхъ элементовъ рабочаго класса на его отсталые элементы*. Пусть „практики" вдумаются, напримѣръ, въ нижеслѣдующія строки.

„Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій тѣмъ, что съ одной стороны въ движеніи пролетаріевъ разныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата; съ другой стороны — тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ съ буржуазіей, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. Такимъ образомъ коммунисты на практикѣ представляютъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, а въ теоретическомъ отношеніи они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія." *)

Этихъ строкъ никакъ нельзя истолковать въ смыслѣ столь любезнаго „практикамъ" всѣхъ странъ противопоставленія *дѣйствительныхъ успѣховъ движенія программамъ*. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы выдѣлить общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата, *необходимо знать въ чемъ они заключаются* а это невозможно для того, кто не выяснилъ себѣ условій, хода и общихъ результатовъ рабочаго движенія, т. е. для того, кто равнодушенъ къ *„теоріи"* Еще менѣе способенъ былъ бы такой человѣкъ опредѣлить и отстоять *общіе интересы этого движенія, въ его цѣломъ, на всѣхъ стадіяхъ его развитія*. Такимъ образомъ, согласно Марксу, коммунистъ (по нынѣшнему — соціаль-демократъ) въ своей *практической* дѣятельности необходимо долженъ опираться *на теорію*. Но что такое эта *теорія*, безъ которой ни одному *„практику"* нельзя ступить почти ни одного шагу? Отвѣтъ ясенъ. Кто хорошо понялъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія, тотъ выработалъ себѣ полную и послѣдовательную коммунистическую (соціаль-демократическую)

*) Манифестъ Коммунистической партіи, Женева 1900, стр. 16—17.

программу, потому что такой программой называется не что иное, какъ совокупность руководящихъ взглядовъ, относящихся къ указаннымъ предметамъ. Слѣдовательно, — опять таки по Марксу, — коммунисты (соціаль-демократы) отличаются отъ другихъ рабочихъ партій (напримѣръ, хоть отъ *„чистыхъ"* трэдъ-юніонистовъ) именно тѣмъ, что они имѣютъ *программу*, охватывающую весь ходъ рабочаго движенія, взятаго въ его цѣломъ, и постоянно руководствуются этой программой въ своей *практической дѣятельности.**) Иначе сказать: отличительная черта коммунистовъ (соціаль-демократовъ) именно въ томъ и заключается, что у нихъ *„практика"* тѣснѣйшимъ образомъ связана съ *„теоріей"* и что эта тѣснѣйшая связь находитъ свое естественное и прямое выраженіе въ *программѣ*. Если-же это такъ, — а это въ самомъ дѣлѣ такъ, — то въ глазахъ Маркса противопоставленіе дѣйствительныхъ успѣховъ движенія программамъ пріобрѣтало смыслъ *только* въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о программѣ такихъ группъ (или партій), которыя еще не пользуются равно никакимъ вліяніемъ на умы рабочихъ: дѣйствительные успѣхи рабочаго движенія ни мало не зависятъ отъ программъ *такихъ* партій (или группъ). Но какъ только рабочіе начинаютъ прислушиваться къ ихъ голосу и подчиняться ихъ вліянію, — ихъ программы тотчасъ же пріобрѣтаютъ *практическое* значеніе: и тогда онѣ начинаютъ входить въ число тѣхъ условій, отъ которыхъ зависятъ дѣйствительные успѣхи рабочаго движенія, а потому противопоставленіе имъ этихъ успѣховъ дѣлается тогда совершенно неумѣстнымъ и логически невозможнымъ.**)

*) „We are not theorists: this is no visionnary plan, but one eminently practicable" (мы не теоретики, нашъ планъ — не планъ мечтателей, а планъ вполнѣ осуществимый", такъ говорила въ своемъ заявленіи Сѣверо-Американская Ассоціація рабочихъ желѣзныхъ, стальныхъ и жестяныхъ заводовъ (The Amalgamated Association of iron, steel and tin workers) наканунѣ большой стачки 1901 года. Понесенное ею жестокое пораженіе показало, что ея „вполнѣ осуществимый" планъ былъ на самомъ дѣлѣ не вполнѣ „осуществимъ", и что пренебрежительное отношеніе къ „теоріи" не проходитъ даромъ для пролетаріата нашихъ дней.

**) Намъ возразятъ, можетъ быть, что замѣчаніе Маркса насчетъ маловажности программъ сравнительно съ дѣйствительными успѣхами движенія находится въ письмѣ, написанномъ по поводу соединенія эйзенахцевъ съ лассальянцами, т. е. относится къ тому времени, когда программы нѣмецкихъ соціалистовъ пріобрѣли уже очень серьезное вліяніе на рабочихъ. Это такъ. И отсюда выходитъ, повидимому, что даже и въ этомъ случаѣ Марксъ считалъ возможнымъ противопоставлять дѣйствительные успѣхи рабочаго движенія программамъ. Но почему Марксъ написалъ свое, теперь знаменитое письмо о тогдашнемъ проектѣ программы нѣмецкой соціаль-демократіи? Почему онъ такъ горячо критиковалъ этотъ проектъ въ своемъ письмѣ? Почему онъ думалъ, что лучше не соединяться съ лассальянцами, чѣмъ дѣлать имъ уступки, непозволительныя въ принципіальномъ отношеніи? Ясно — почему: потому, что программа нѣмецкой соціаль-демократіи уже была тогда въ его глазахъ очень важнымъ условіемъ дѣйствимельныхъ успѣховъ нѣмецкаго рабочаго движенія, и что равнодушное отношеніе къ программѣ, — сопровождающееся обыкновенно очень большой

Такъ представляется отношеніе между *„теоріей“* и *„практикой“* съ точки зрѣнія правильно понятаго *марксизма*. Людвигъ Фейербахъ писалъ когда-то: „Что такое теорія, что практика? Теорія, это — то, что остается въ одной моей головѣ; практика, это — то, что проникаетъ въ головы многихъ. То, что объединяетъ многія головы, создаетъ массу, распространяется и завоевываетъ себѣ мѣсто въ мірѣ“. Все ученіе и вся дѣятельность Маркса показываетъ, что *въ этомъ отношеніи* онъ до самой смерти своей былъ вполнѣ согласенъ съ Фейербахомъ.

II.

Да и не одинъ Марксъ былъ съ нимъ согласенъ. Съ нимъ — сознательно или безсознательно — соглашались также и всѣ тѣ, которые отстаивали существующій порядокъ вещей и видѣли въ успѣхахъ соціалистическаго движенія величайшую угрозу цивилизаціи. Идеологи господствующихъ классовъ издавна умѣли цѣнить значеніе тѣхъ теорій, которыя *оправдывали* эксплуатацію одною части общества другой. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что господствующая церковь и оффиціальная общественная наука всегда и вездѣ играли роль такихъ теорій. Современная намъ буржуазія тоже очень недурно понимаетъ, какую огромную важность имѣютъ соціально-политическія *теоріи* для соціально-политической *практики*. Это доказывается, — если еще нужно доказывать это, — тѣмъ походомъ, который она предприняла теперь противъ революціоннаго соціализма подъ предлогомъ „критики“ теоріи Маркса. Буржуазные ученые, подобные Шульце-Геверницу, Геркнеру, Георгу Адлеру, Вернеру Зомбарту и прочей братіи того же рода, сочли своимъ гражданскимъ долгомъ выступить въ „критическій“ походъ противъ марксизма именно потому, что оцѣнили колоссальное *практическое* значеніе этой *теоріи*. Они увидѣли, что марксизмъ *„объединяетъ“* теперь *милліоны головъ;* что онъ быстро и широко *„распространяется“* теперь между пролетаріями; что онъ „создаетъ массу“ и готовится *„завоевать себѣ мѣсто въ мірѣ“*. И вотъ, полные страха за судьбу дорогого имъ общественнаго порядка, они взялись за „критику“ марксова ученія, чтобы удалить изъ него его революціонное содержаніе и убѣдить пролетаріевъ въ томъ, что, вопреки упрямымъ догматикамъ, *соціализмъ* очень хорошо можетъ существовать и даже развиваться *бокъ о бокъ съ капитализмомъ*. Этому же достохвальному мотиву повиновались и русскіе diis minorum gentium, ополчаясь на брань съ „ортодоксіей“, всѣ эти гг. Струве, Булгаковы, Туганъ-

---

„уступчивостью“, — казалось ему крайне вреднымъ. Правда, уступчивость „практиковъ“ не принесла тогда *всѣхъ* тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какихъ опасался Марксъ. Но это уже вопросъ посторонній, насъ здѣсь не касающійся.

Барановскіе, Прокоповичи, Бердяевы, Франки и прочіе глубокомысленные и многоглаголивые „критическіе“ подмастерья, имена же ихъ ты, господи, вѣси. Несмотря на огромную дозу всѣмъ имъ свойственной наивности, эти господа прекрасно понимаютъ *практическій* смыслъ своихъ *теоретическихъ* усилій. Идеологи той просвѣщенной части русской буржуазіи, которая стремится европеизировать свои взгляды, но не хочетъ и не можетъ перейти на точку зрѣнія пролетаріата, они „критикуютъ“ ученіе Маркса для того, чтобы превратить его изъ орудія освобожденія рабочаго класса, — какимъ оно вездѣ и неизмѣнно было до сихъ поръ, — въ орудіе политической эмансипаціи русскаго „средняго сословія“. И какъ ни жалки сами по себѣ теоретическіе результаты подобной „критики“, все таки надо признать, что въ извѣстномъ смыслѣ они весьма *полезны для дѣла буржуазіи*. Гг. „критики“ могутъ утѣшать себя тѣмъ, что ихъ усилія не пропадаютъ даромъ. Очень ошиблись тѣ изъ нашихъ товарищей, которые думали, что „критика“ марксизма есть чисто литературное явленіе, и которые поэтому не придавали значенія теоретической *борьбѣ съ нею*. Кому же не извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что вліяніе „критики“ распространялось у насъ иногда даже на совершенно искреннихъ сторонниковъ пролетаріата, которые, къ большому вреду для своего собственнаго дѣла, обнаруживали готовность покинуть, какъ *„устарѣлыя“*, многія важнѣйшія положенія научнаго соціализма? Эти соціалистическія жертвы буржуазной „критики“ въ большинствѣ случаевъ кончали тѣмъ, что сознавали свои заблужденія. И это, разумѣется, дѣлаетъ честь ихъ собственной критической мысли. Но это въ лучшемъ случаѣ только уменьшаетъ вредъ, нанесенный нашей партіи ихъ, хотя бы и временными, колебаніями.

Всякому свое дорого. Чѣмъ болѣе усердствуютъ въ своей, будто бы критической работѣ ученые, полуученые и совсѣмъ невѣжественные идеологи крупной и мелкой *буржуазіи*, тѣмъ серьезнѣе должны относиться къ соціалистической теоріи всѣ тѣ, которымъ не на словахъ только дороги интересы *пролетаріата*. Въ такое время, когда *буржуазная интеллигенція* на всѣ голоса кричитъ о *„соціальномъ мирѣ“* и на всѣ лады доказываютъ, что соціализмъ всегда останется не болѣе, какъ великодушной *утопіей*, *интеллигенція пролетаріата* обязана съ удесятеренной энергіей отстаивать идею *классовой борьбы* и убѣждать рабочихъ какъ *въ исторической неизбѣжности соціальной революціи*, такъ и въ *практической осуществимости соціалистическихъ требованій*. А чтобы выполнить эту задачу, она должна окончательно раздѣлаться со всѣми предразсудками узкихъ „практиковъ“ и всецѣло проникнуться сознаніемъ первостепенной *практической* важности теоретическихъ вопросовъ вообще и програмныхъ вопросовъ въ частности. Соотношеніе умственныхъ силъ въ современномъ ка-

питалистическомъ обществѣ таково, что соціаль-демократамъ слѣдуетъ какъ можно чаще припоминать слова Мефистофеля:

Verachte nur Vernunft und Wissenschaft
Des Menschen allerhöchste Kraft,
Lass nur in Blend- und Zauberwerken
Dich von dem Lügengeist bestärken,
So hab ich dich schon unbedingt . . .

Если нѣтъ худа безъ добра, то нѣтъ и добра безъ худа. Соціаль-демокрттическія идеи чрезвычайно быстро распронялись у насъ, начиная со второй половины девяностыхъ годовъ. Это чрезвычайно умножило наши силы. Но это же привело и къ тому, что вмѣстѣ съ сознательными товарищами въ нашихъ рядахъ оказалось очень много такихъ новобранцевъ, которые далеко еще не усвоили себѣ нашего ученія въ его цѣломъ, въ значительной степени сохранивъ взгляды, унаслѣдованные отъ предъидущихъ эпохъ нашего движенія и являющіеся теперь вреднымъ анахронизмомъ. Неудивительно, что такіе новобранцы невольно и незамѣтно для себя вносили въ нашу среду довольно таки порядочную путаницу понятій. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, пересматривая свой умственный багажъ, они замѣчали, что многіе ихъ взгляды не соотвѣтствуютъ ихъ новой, соціаль-демократической точкѣ зрѣнія, и старались отъ нихъ отдѣлаться, они по весьма естественной реакціи преувеличивали отличительныя черты своего новаго міросозерцанія, доходя до непозволительныхъ и смѣшныхъ крайностей. При внимательномъ отношеніи къ „программамъ“ со стороны болѣе опытныхъ товарищей все это, — при данныхъ обстоятельствахъ неизбѣжное, но тѣмъ не менѣе очень вредное, — шатаніе мыслей могло бы быть прекращено довольно скоро. Но „старики“ сами были подчасъ не такъ чтобы ужь очень сильны въ теоріи и мало дорожили ею; поэтому архаизмы и уродливыя крайности надолго оставались неприкосновенными, а иногда гордо и смѣло выступали, именуя себя *„новыми теченіями“* въ русской соціаль-демократіи. Что такое положеніе дѣлъ чрезвычайно сильно препятствовало дальнѣйшимъ успѣхамъ нашей партіи, это знаетъ всякій, кто слѣдилъ за ея жизнью въ продолженіе послѣдняго пятилѣтія.

И такъ, невнимательное отношеніе русскихъ соціаль-демократовъ къ теоретическимъ и програмнымъ вопросамъ ведетъ за собою то, что даже ея успѣхи отчасти становятся источникомъ ея слабости. Это продолжаться не должно; этому надо положить конецъ. Тѣмъ болѣе надо, что въ будущемъ наше господство въ русской революціонной средѣ не можетъ оставаться такимъ же неоспоримымъ, какимъ оно было въ послѣдніе годы. Растущая волна политическаго недовольства выноситъ на арену оппозиціоннаго и даже революціоннаго движенія такіе общественные элементы, которые по самой

природѣ своей не могутъ сочувствовать соціаль-демократіи. Эти элементы непремѣнно будутъ сплачиваться въ особыя отъ нашей партіи организаціи и, по свойственному всякой организаціи инстинкту самосохраненія, будутъ стараться отстаивать свою собственную точку зрѣнія и ослаблять вліяніе соціаль-демократической пропаганды. По нѣкоторымъ недвусмысленнымъ признакамъ уже теперь можно предвидѣть, въ какую парадоксальную форму облечется на практикѣ это стремленіе: съ одной стороны на насъ будутъ нападать во имя *свободы и пользы критики*, а съ другой — каждую *нашу* критическую статью будутъ ставить намъ въ вину, указывая на необходимость объединенія всѣхъ революціонныхъ направленій. Какъ неизбѣжный результатъ такой, повидимому, противорѣчивой, но въ сущности вполнѣ послѣдовательной и цѣлесообразной тактики, получится новая и еще бо́льшая путаница понятій, чрезвычайно полезная для *враждебныхъ* намъ организацій и крайне невыгодная для насъ. Съ этой путаницей мы вынуждены будемъ бороться, даже если бы теперь мы пока еще и не хотѣли этого. Но единственнымъ и незамѣнимымъ средствомъ борьбы съ нею является *заботливое охраненіе нашихъ собственныхъ теоретическихъ позицій, старательное выясненіе себѣ и другимъ всѣхъ особенностей нашей программы*.

„Наша задача — говорилъ органъ Маркса и Энгельса, журналъ „Neue Rheinische Zeitung“, въ апрѣлѣ 1850 г., — состоитъ въ безпощадной критикѣ, направляемой даже болѣе противъ нашихъ мнимыхъ друзей, чѣмъ противъ нашихъ явныхъ враговъ; и, занимая такую позицію, мы съ удовольствіемъ отказываемся отъ дешевой демократической популярности.“

Намъ, русскимъ соціаль-демократамъ, не приходится отказываться отъ „демократической популярности“ по то простой причинѣ, что мы составляемъ теперь уже не меньшинство, а огромное большинство въ нашей революціонной средѣ. Но, разумѣется, мы должны были бы отказаться отъ нея, если бы это стало нужно въ интересахъ нашего дѣла. Во всякомъ случаѣ задача безпощадной критики мнимыхъ друзей рабочаго класса стоитъ и передъ нами теперь, какъ она стояла передъ основателями научнаго соціализма болѣе полувѣка тому назадъ. А для ея рѣшенія необходима *ясная* теорія, *послѣдовательная* программа.

III.

Недостаточно внимательное отношеніе къ „программамъ“, сказалось у насъ, между прочимъ, и въ томъ достойномъ замѣчанія обстоятельствѣ, что *единственнымъ печатнымъ проектомъ программы русской соціаль-демократіи* былъ до сихъ поръ проектъ, выработанный группой *„Освобожденіе Труда“*

въ 1884 году и опубликованный въ 1885. Да и этотъ единственный печатный проектъ не былъ, насколько мы знаемъ, *открыто принятъ* ни одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи организацій, хотя *всѣ* серьезныя русскія соціаль-демократическія организаціи дѣйствовали въ его духѣ. Программа группы „*Освобожденіе Труда*“ и до сихъ поръ не можетъ быть названа устарѣлой. Правда, въ ней есть два пункта, которые, — какъ замѣтилъ недавно польскій „Przeglad Social-demokratyczny“, — не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія „ортодоксальнаго“ марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительнымъ товариществамъ рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ нашего народнаго хозяйства. Но это — зло не столь большой руки, потому что его очень легко было бы поправить. „Przeglad“ прибавляетъ, что эти два требованія еще очень недавно фигурировали даже въ германской соціаль-демократической программѣ.*) Повидимому, это служитъ въ его глазахъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Но на самомъ дѣлѣ германская соціаль-демократія тутъ не причемъ. Группа „*Освобожденіе Труда*“ внесла въ свою программу требованіе государственной помощи производительнымъ товариществамъ не потому, чтобы она была увлечена въ этомъ случаѣ примѣромъ нѣмецкихъ товарищей, а просто потому что ей невозможно было не считаться съ народническими симпатіями, — скажемъ откровеннѣе: *предразсудками*, — тогдашнихъ русскихъ революціонеровъ. Нужно помнить, что въ то время она была буквально *единственной* русской соціаль-демократической группой, а число *возможныхъ* русскихъ соціаль-демократовъ казалось очень большимъ, такъ какъ всѣ старые революціонные взгляды и программы потерпѣли жестокое крушеніе. При такихъ обстоятельствахъ группа „Освобожденіе Труда“ поневолѣ должна была, по крайней мѣрѣ, *попробовать быть* осторожной, мягкой и уступчивой. И она дѣйствительно *рѣшила попытаться* быть такою. Этимъ ея рѣшеніемъ объясняется какъ принятіе ею въ свою программу требованія государственной помощи производительнымъ товариществамъ, такъ и очень неопредѣленная формулировка ея *аграрныхъ требованій*. Эти послѣднія должны были особенно сильно затрогивать народническіе предразсудки нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. Группа „Освобожденіе Труда“ хорошо понимала это и поэтому выразилась очень „дипломатично“ Желательный ей пересмотръ характеризуется въ ея проектѣ только двумя чертами: 1. онъ долженъ быть *радикальнымъ*, т. е. въ корнѣ измѣнить бытъ крестьянскаго населенія и не останавливаться передъ соображеніями о *законности* и о такъ называемыхъ *историческихъ правахъ* „благороднаго“ сословія; 2. домохозяевамъ должно

*) Przeglad Social-demokratyczny. № 1. Marzec 1902. str. 43.

быть предоставлено право отказываться отъ надѣла и выходить изъ общины. Эта вторая черта ясно опредѣляетъ *направленіе* пересмотра: онъ долженъ положить конецъ *крѣпостной зависимости крестьянина по отношенію къ государству и разорвать ту цѣпь, на которой оно такъ долго держало его* подъ *предлогомъ надѣленія его землею*. Но группа „*Освобожденіе Труда*“ ничего не сказала о томъ, *какія положительныя требованія* должна, по ея мнѣнію, выставить соціалистическая партія во время желательнаго ей радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній. И это понятно. Пускаться въ подробности на этотъ счетъ значило тогда поднимать такіе ожесточенные, безконечные споры, какихъ лучше было избѣгать до поры до времени. На дѣлѣ такая осторожность ни къ чему не привела, потому что споры эти все-же пришлось начать очень скоро послѣ составленія проекта программы: доказательство — книга „*Наши Разногласія*“, представляющая собою рѣзкій отвѣтъ на ехидныя литературныя выходки нынѣ благополучно юродствующаго г. Л. Тихомирова противъ соціаль-демократической ереси. Но что группа „*Освобожденіе Труда*“ *не спѣшила* начинать ихъ, это очень понятно, и это доказывается также брошюрой „*Соціализмъ и политическая борьба*“, которая написана совсѣмъ „мягко“ и въ которой даже о русской поземельной общинѣ говорится въ выраженіяхъ, совершенно исчезнувшихъ изъ нашего словаря послѣ выхода „*Нашихъ Разногласій*“, т. е. послѣ того, какъ началась *вынужденная полемика* наша съ народниками всякихъ оттѣнковъ.*) Теперь обстоятельства кореннымъ образомъ измѣнились, и теперь соображенія практической осторожности подсказываютъ русскимъ соціаль-демократамъ прямо противоположную тактику: *всякія* недомолвки принесли-бы намъ теперь огромный вредъ, и потому въ предлагаемомъ проектѣ нѣтъ *никакихъ* недомолвокъ. На всѣхъ безъ исключенія *і* поставлены въ немъ достаточно замѣтныя точки.

На счетъ представительной системы и прямого народнаго законодательства, надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа „Освобожденіе Труда“ находилась тогда подъ вліяніемъ *идей Риттингаузена*, и что прекрасная работа Каутскаго: „Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie“, Stuttgart 1893, заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ.**) Но и это

*) Удивительно, почему никто изъ нашихъ противниковъ не указалъ на это, какъ на „*противорѣчіе*“; вѣдь наши противники такъ усердно (и такъ безплодно) искали у насъ „противорѣчій“.

**) Разъ зашла рѣчь объ этой группѣ, замѣтимъ, что ея самое названіе (Освобожденіе *Труда*) нераціонально. Но и оно принято было, *какъ уступка „духу времени“* Первоначально группа предполагала называть себя просто *группой русскихъ соціаль-демократовъ*; но это уже слишкомъ рѣзало бы ухо нашихъ *возможныхъ* товарищей, въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкавшее лишь къ анархической хулѣ на международную соціаль-демократію,

частность, которую легко было бы исправить. Главное неудобство въ томъ, что программа группы „*Освобожденіе Труда*“ представляетъ собою скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова: она содержитъ въ себѣ не только изложеніе взглядовъ ея авторовъ, но и защиту этихъ взглядовъ, отвѣты на тѣ возраженія, которыя должны были подняться со всѣхъ сторонъ. Это было неизбѣжно при извѣстныхъ уже читателю обстоятельствахъ той эпохи, но это дѣлаетъ ее несоотвѣтствующей требованіямъ настоящаго времени. Теперь, когда русская соціаль-демократія пустила уже такіе глубокіе корни въ русскую землю и когда она достигла неоспоримаго преобладанія въ русской революціонной средѣ, она можетъ и должна спокойно сказать свое „*Вѣрую*“, не вводя въ него теперь уже ненужныхъ доказательствъ своего права на существованіе въ Россіи. Именно такое „*Вѣрую*“ и представляетъ собою предлагаемая программа. Ея составители закрыли доступъ въ нее критикѣ чужихъ воззрѣній и защитѣ своихъ собственныхъ, полагая, что какъ та, такъ и другая найдутъ себѣ болѣе подходящее мѣсто въ довольно обширной теперь литературѣ партіи.

IV

Но если въ нашей программѣ теперь уже неумѣстны какіе бы то ни были діалоги съ нашими противниками, то это вовсе не значитъ, что при ея составленіи излишне было вспоминать жгучіе вопросы нашихъ дней, такъ сильно волнующіе соціаль-демократовъ всего міра. Мы говоримъ о тѣхъ вопросахъ, которые подняты были въ соціально-политической литературѣ капиталистическихъ странъ критическимъ походомъ болѣе или менѣе ученыхъ представителей буржуазіи противъ научнаго соціализма Маркса и Энгельса. На эти вопросы программа необходимо должна дать ясные отвѣты, потому что *отвѣтами на нихъ опредѣляется теперь группировка людей въ два* противоположныхъ лагеря: лагерь эксплуататоровъ съ одной стороны и лагерь эксплуатируемыхъ съ другой. Самымъ важнымъ изъ этихъ жгучихъ вопросовъ, центромъ, вокругъ котораго расположились всѣ остальные, былъ, какъ извѣстно, вопросъ о томъ, *увеличивается, или уменьшается общественное неравенство, — т. е. экономическое разстояніе между классами, — по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ развитіе капиталистическаго общества.* Идеологамъ

и потому рѣшено было „смягчить“ то, чего на самомъ дѣлѣ смягчить было рѣшительно невозможно. Съ этой цѣлью и принято было безъ внимательнаго разсмотрѣнія пришедшее кому-то изъ насъ въ голову названіе: соціаль-демократическая группа „Освобожденіе Труда“ Теперь такая „осторожность“ отчасти напоминающая осторожность страуса, кажется просто смѣшною, а тогда было не до смѣху.

буржуазіи очень хотѣлось доказать, что оно *уменьшается*. Они думаютъ, что его уменьшеніе неизбѣжно должно вести къ *ослабленію борьбы классовъ* или даже къ полному „*соціальному миру*“. Но, не говоря уже о томъ, что — какъ это показываетъ исторія борьбы той-же буржуазіи съ аристократіей — уменьшеніе общественнаго неравенства далеко не всегда ведетъ къ ослабленію классовой борьбы, всѣ тѣ статистическія данныя, на которыя ссылались защитники капитализма, были совершенно невѣрны сами по себѣ или подвергались невѣрному истолкованію. Теоретики соціализма обнаружили это съ полною очевидностью, показавъ, что разстояніе между производителями и присвоителями постоянно увеличивается. И само собою разумѣется, что авторы предлагаемаго проекта сочли своею обязанностью выставить въ надлежащемъ освѣщеніи этотъ важный результатъ спора, вполнѣ подтверждающій правильность марксовой теоріи. Указавъ на то, что въ развивающемся буржуазномъ обществѣ область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній постоянно *расширяется*, наша программа говоритъ вслѣдъ за этимъ, что зависимость наемнаго труда отъ капитала столь-же постоянно увеличивается, а *уровень* его *эксплуатаціи* капиталомъ *повышается*. Отсюда слѣдуетъ, конечно, что буржуазные призывы къ „*соціальному миру*“ въ дѣйствительности не имѣютъ даже того мнимаго основанія, которое имъ придавали статистическіе фокусы ученыхъ апологетовъ капитализма. На самомъ дѣлѣ борьба классовъ постоянно обостряется и не можетъ не обостряться пока существуетъ капиталистическій способъ производства. Эта мысль также нашла себѣ категорическое выраженіе въ нашей программѣ. А этими двумя чертами достаточно опредѣляется ея характеръ: она вполнѣ „*ортодоксальна*“ Кто не любитъ марксистской „*ортодоксіи*“ и кто мечтаетъ если не о полномъ примиреніи классовъ, то хотя бы о „*притупленіи*“ ихъ борьбы, тотъ можетъ даже и не читать нашего проекта. Онъ не для него написанъ.

Тѣхъ же, которые не боятся прослыть „ортодоксами“ и которые, подобно намъ, считаютъ преступной всякую мысль объ ослабленіи классовой борьбы въ капиталистическомъ обществѣ, мы попросимъ обратить вниманіе еще вотъ на что.

Марксъ и Энгельсъ видѣли въ *промышленныхъ кризисахъ* выраженіе того обстоятельства, что *производительныя силы* буржуазнаго общества переросли его *имущественныя отношенія*. „Во время кризисовъ, — говорили они еще въ „*Манифестѣ Коммунистической Партіи*“ — появляется эпидемія, которая во всѣ предшествующія эпохи показались бы нелѣпостью — эпидемія излишняго производства. Общество вдругъ превращается на нѣкоторое время въ варварское состояніе; можно подумать, что голодъ или всеобщая истребительная война лишили его всѣхъ жизненныхъ средствъ; промышлен-

ность и торговля какъ бы уничтожаются, и почему? Потому что общество слишкомъ цивилизовано, потому что оно имѣетъ слишкомъ много жизненныхъ средствъ, потому что торговля и промышленность его развиты слишкомъ высоко. Находящіяся въ его распоряженіи производительныя силы не способствуютъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній; напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній; онѣ встрѣчаютъ въ нихъ препятствіе, а когда имъ удается одолѣть его, онѣ приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, угрожаютъ существованію буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими, чтобы вмѣстить созданное ими богатство“ Въ брошюрѣ „*Развитіе научнаго соціализма*“ Энгельсъ, вслѣдъ за Фурье, называетъ промышленные кризисы *кризисами отъ полнокровія*, т. е. отъ *перепроизводства*. Но объяснять кризисы противорѣчіемъ между средствами производства и имущественными отношеніями значитъ видѣть въ нихъ періодически повторяемый самой общественно-экономической жизнью *доводъ въ пользу соціалистической революціи*. Такой взглядъ, естественно, не могъ нравиться теоретикамъ буржуазіи, которые давно уже находили его *тенденціознымъ*. Въ послѣднее время въ ихъ „миролюбивомъ“ сердцѣ расцвѣла та пріятная надежда, что развитіе кредита и трёстовъ, увеличивъ „*приспособляемость*“ *капитала*, въ значительной степени, если не вполнѣ, избавятъ буржуазное общество отъ непріятныхъ потрясеній, вызывавшихся „эпидеміей излишняго производства“ Этой отрадной надеждѣ стали предаваться даже нѣкоторые писатели, до сихъ поръ упорно именующіе себя соціаль-демократами. Для примѣра назовемъ г. Бернштейна, довольно пространно развивавшаго эту мысль въ своей книгѣ „Die Voraussetzungen des Sozialismus“ (вышедшей по русски въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: *Историческій матеріализмъ*). Но злая судьба готовила нашему бывшему товарищу жестокое посрамленіе. Не успѣлъ еще замолкнуть шумъ, вызванный его книгой, какъ новый промышленный кризисъ обнаружилъ всю тщету и все легкомысліе его пріятной надежды.

Не вдаваясь здѣсь въ перечисленіе „уроковъ“ этого кризиса, замѣтимъ, что онъ, подобно своимъ предшественникамъ, ясно обнаружилъ свой характеръ „кризиса отъ полнокровія“ Перепроизводство не оспаривается никѣмъ. Экономисты спорятъ между собою лишь объ его *причинѣ*. Иные изъ нихъ, по старой привычкѣ, до сихъ поръ изображаютъ *излишекъ* производства, какъ слѣдствіе. *недостатка* его въ нѣкоторыхъ отрасляхъ народнаго хозяйства: капиталъ неправильно („непропорціонально“) распредѣленъ между разными отраслями, — въ этомъ, по ихъ словамъ, все дѣло. Но такое объясненіе, не выдерживающее самаго легкаго прикосновенія

критики, свидѣтельствуетъ лишь объ упорномъ нежеланіи или о полной неспособности дающихъ его экономистовъ бросить критическій взглядъ на капиталистическое общество и подмѣтить существующее въ немъ несоотвѣтствіе между производительными силами и имущественными отношеніями. А между тѣмъ это несоотвѣтствіе почти уже поддается теперь *количественному измѣренію* (разумѣется, далеко не *точному*). Опираясь на данныя нѣмецкой имперской статистики, Рихардъ Кальверъ, путемъ очень простого разсчета, пришелъ къ тому выводу, что за четыре года (1895—1899), ознаменовавшіеся чрезвычайно высокимъ *подъемомъ*, производительныя силы нѣмецкой промышленности возросли по крайней мѣрѣ на 38,56%, а покупательная способность внутренняго рынка Германіи увеличилась ни въ какомъ случаѣ не болѣе какъ на 20%. Такъ какъ въ 1899 году нѣмецкая промышленность работала „*во всю*“, то выходитъ, что въ этомъ году *по меньшей мѣрѣ* $^2/_5$ общей суммы произведенныхъ ею товаровъ не могли найти сбыта на внутреннемъ рынкѣ. Это значитъ, что въ 1899 году населенію Германіи не хватило по меньшей мѣрѣ полутора милліарда марокъ для того, чтобы безъ остатка купить всю массу имъ же самимъ произведенныхъ товаровъ. Почему не хватило? Это можетъ быть объяснено только распредѣленіемъ національнаго дохода Германіи, которое въ свою очередь опредѣляется ея имущественными отношеніями. Ясно стало быть, что если производительныя силы германской промышленности далеко опередили покупательную способность населенія этой страны, то это показываетъ, что ея имущественныя отношенія не уже соотвѣтствуютъ ея производительнымъ силамъ, т. е. что совершенно правы были основатели научнаго соціализма со своимъ „тенденціознымъ“ объясненіемъ „эпидеміи излишняго производства“.

Когда покупательная способность населенія данной страны отстаетъ отъ ея производительныхъ силъ, то ей остается аппелировать только къ вывозу. Германія, разумѣется, не позабыла объ этомъ. Но къ несчастью промышленный подъемъ распространился на весь цивилизованный міръ и привелъ всѣ его страны приблизительно къ такому же несоотвѣтствію между ростомъ производства и покупательною способностью населенія. Поэтому всѣмъ имъ пришлось въ усиленной степени аппелировать именно къ *вывозу*. Неудивительно, что международный рынокъ оказался переполненнымъ и что почти всемірный промышленный кризисъ положилъ конецъ тому пышному расцвѣту промышленности, въ прочность котораго такъ сильно хотѣлось вѣрить не только самимъ предпринимателямъ, но и ихъ теоретическимъ выразителямъ, буржуазнымъ экономистамъ и „критикамъ“ Маркса. „Эпидемія излишняго производства“ и на этотъ разъ повлекла за собою всѣ тѣ разрушительныя послѣдствія, которыя обыкно-

венно ее сопровождаютъ. Она унесла много мелкихъ и слабыхъ предпріятій и „еще сильнѣе обнаружила стремленіе къ сосредоточенію хозяйственныхъ силъ въ крупныхъ предпріятіяхъ“.*) Вмѣстѣ съ тѣмъ сотни тысячъ пролетаріевъ лишились всякаго заработка, а еще большее число ихъ вынуждено было довольствоваться значительно пониженнымъ заработкомъ. Лишенія рабочаго класса, которыя были не малы даже въ періодъ промышленнаго подъема, усилились теперь въ огромной степени. И такимъ образомъ опять подтвердилась справедливость той мысли Фурье, что въ цивилизаціи (т. е. въ капиталистическомъ обществѣ) *бѣдность порождается богатствомъ.*

Эти явленія, столь характерныя для нынѣшняго общественнаго порядка, конечно, не могутъ быть обойдены молчаніемъ въ соціаль-демократической программѣ. Поэтому предлагаемый проектъ, указавъ на расширеніе области господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній и на повышеніе уровня эксплуатаціи наемнаго труда капиталомъ, говоритъ:

„Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся соперничество этихъ странъ на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающихъ количествахъ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляютъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе раззоряютъ мелкихъ производителей, еще болѣе увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса.“

Тутъ читатель имѣетъ передъ собою *фотографически точное изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности.* И если въ этомъ мѣстѣ нашъ проектъ программы такъ же „*ортодоксаленъ*“, какъ и во всѣхъ другихъ, то это объясняется „*ортодоксальнымъ*“ *характеромъ всего хода развитія капиталистическаго общества.*

V

Техническій прогрессъ роковымъ образомъ ведетъ къ концентраціи производства и къ уменьшенію значенія среднихъ и особенно мелкихъ предпріятій въ хозяйственной жизни капиталистическихъ странъ. Это ясно показываетъ современная статистика, и это volens nolens признается даже тѣми

*) Kölnische Zeitung 1902, № 9: „Das Wirtschaftsjahr 1901“

„критиками", которые дѣлаютъ всѣ возможныя и всѣ невозможныя статистическія натяжки съ цѣлью показать, что указанный процессъ совершается крайне медленно. И это, разумѣется, тоже отмѣчено въ нашемъ проектѣ. Но какая судьба ждетъ тѣхъ мелкихъ производителей, которые выбываютъ изъ строя и лишаются возможности продолжать независимое существованіе? Апологеты буржуазіи и ихъ новые союзники, „критики" Маркса, говорятъ, что развитіе крупнаго капиталистическаго производства создаетъ множество новыхъ функцій, обезпечивающихъ своимъ исполнителямъ довольно высокое денежное вознагражденіе и привлекающихъ къ себѣ по крайней мѣрѣ часть нѣкогда самостоятельныхъ производителей. Такъ создается, — увѣряютъ насъ апологеты и „критики", — новое среднее сословіе, становящееся на мѣсто стараго, исчезающаго вслѣдствіе прогресса производства. Объ экономической самостоятельности этого новаго средняго сословія, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи: оно цѣликомъ находится въ услуженіи у крупнаго капитала. Но потеря экономической самостоятельности вознаграждается хорошимъ „жалованьемъ" и комфортабельной жизнью. — Появленіе новаго средняго сословія произвело, напримѣръ, на г. Бернштейна такое сильное впечатлѣніе, что онъ заговорилъ объ *абсолютномъ увеличеніи числа „собственниковъ"* въ нынѣшнемъ обществѣ.*)

Всѣ эти увѣренія не лишены нѣкотораго фактическаго основанія. Развитіе крупнаго производства, безпощадно давя мелкихъ и среднихъ производителей, въ самомъ дѣлѣ создаетъ новый и многочисленный слой, разумѣется, не *собственниковъ* (это могъ придумать только несравненный г. Бернштейнъ), а *„служащихъ"*, этихъ чиновниковъ капитала, получающихъ отъ него кое-когда и кое-гдѣ довольно богатыя милости. Этотъ новый общественный слой уже успѣлъ оказать огромное вліяніе на характеръ того *соціализма*, которому по всей справедливости принадлежитъ названіе *мелко-буржуазнаго*. Между тѣмъ какъ прежде теоретики этого соціализма нападали на крупный капиталъ и мечтали о возстановленіи класса мелкихъ независимыхъ производителей, въ настоящее время они, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, вполнѣ и нелицемѣрно примирились съ крупнымъ производствомъ въ *промышленности*, — въ *земледѣліи* они, попрежнему, поютъ хвалу мелкому производителю — и заботятся лишь о томъ, чтобы „притупить" борьбу пролетаріата съ буржуазіей и придумать такія *„соціалистическія"* реформы, которыя мирно уживались бы съ дальнѣйшимъ существованіемъ капиталистическаго способа производства. Изъ среды теоретиковъ этого соціализма вышла значительная часть „кри-

*) См. его письмо къ ганноверскому конгрессу нѣмецкой партіи, отчасти воспроизведенное въ его книгѣ.

тиковъ“ Маркса. Къ нимъ принадлежитъ теперь и наиболѣе „извѣстный“, наиболѣе крикливый, наиболѣе самоувѣренный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе комичный изо всѣхъ этихъ „критиковъ“, такъ часто упоминаемый здѣсь г. Бернштейнъ. Все это показываетъ, что общественное значеніе того новаго слоя, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно немаловажно. Но, во-первыхъ, появленіе „новаго средняго сословія“ нисколько не подрываетъ вѣрности того положенія, что число *пролетаріевъ* въ развивающемся капиталистическомъ обществѣ *увеличивается и абсолютно, и относительно*, вслѣдствіе чего это общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два *класса* съ прямо противоположными интересами: съ одной стороны классъ лицъ, существующихъ *продажей* своей рабочей силы а съ другой — классъ лицъ, *покупающихъ* эту силу съ цѣлью ея эксплуатаціи. На этотъ счетъ статистика не оставляетъ сомнѣнія. А, въ-вторыхъ, возникаетъ вопросъ: насколько прочно существованіе этого „новаго средняго сословія“? Выразимся точнѣе: не должно-ли дальнѣйшее развитіе капитализма привести къ значительному уменьшенію числа чиновниковъ капитала и къ обращенію большинства ихъ въ простыхъ рабочихъ, если не въ жалкихъ нищихъ, протягивающихъ къ обществу руку за скудной и обидной помощью? Факты говорятъ, что — да. По мѣрѣ того, какъ концентрація производства идетъ впередъ своими постоянно ускоряющимися шагами, число этихъ мелкихъ буржуа новаго вида испытываетъ быстрое уменьшеніе. Это хорошо видно на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ распространеніе трёстовъ дѣлаетъ въ средѣ чиновниковъ капитала по истинѣ жестокія опустошенія. Изъ “Preliminary Report of the Commission on Trust and Industrial Combinations“ видно, что, напримѣръ, при возникновеніи „American Steel and Wire Company“ лишились мѣста *около половины* разныхъ officers, superintendents и другихъ „highpriced men“ Не лучше вліяютъ трёсты и на судьбу „офицеровъ“ *торговаго* капитала. Президентъ „*Національной Лиги странствующихъ приказчиковъ*“ (Commercial Travelers National League), Dowe полагаетъ, что число „Salesmen“, лишившихся мѣста вслѣдствіе возникновенія трёстовъ, превышаетъ 35 000, т. е. составляетъ если не цѣлую *армію*, то *довольно значительный корпусъ*. И предположеніе Dowe врядъли можно назвать преувеличеннымъ, если принять въ разсчетъ, что, напримѣръ, American Steel and Wire Company изъ прежняго числа 200—300 приказчиковъ сохранила у себя 15—20 человѣкъ, а Destilling Company of America уволила 300 „Salesmen“ Естественнымъ результатомъ такого опустошенія является *пониженіе „жалованья“*, получаемаго чиновниками капитала. Вышеназванный президентъ „*Лиги странствующихъ прикащиковъ*“ утверждаетъ, что около 25 000

salesmen должны были согласиться на пониженіе ихъ платы *на цѣлую треть.**)

Все это показываетъ, что новая разновидность „*собственниковъ*“ совсѣмъ неспособна оправдать ожиданія, возлагаемыя на нее идеологами крупной и мелкой буржуазіи. Ея судьба также мало опровергаетъ „марксову догму“, какъ и всѣ другія явленія современной общественно-экономической жизни.

Въ виду этого составители предлагаемаго проекта считали себя въ полномъ правѣ сказать, нисколько не смущаясь возникновеніемъ „новаго средняго сословія, что съ расширеніемъ области господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній мелкіе производители частью превращаются въ пролетаріевъ, а частью попадаютъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость по отношенію къ капиталу. И эта „догма“ тоже есть фотографически точное изображеніе дѣйствительнаго хода вещей. Ея правильности ни мало не подрываетъ даже тотъ общеизвѣстный фактъ, что подъ вліяніемъ многоразличныхъ причинъ, *которыя сами создаются по большей части тѣмъ же развитіемъ капитализма и международныхъ сношеній*, концентрація производства въ земледѣліи вообще совершается несравненно медленнѣе, чѣмъ въ промышленности, мѣстами же совсѣмъ пріостанавливается или сопровождается одновременнымъ увеличеніемъ очень мелкихъ хозяйствъ. Эти очень мелкія хозяйства все болѣе и болѣе становятся хозяйствами *бѣдняковъ*, существующихъ главнымъ образомъ продажей своей рабочей силы и получающихъ со своего клочка земли лишь извѣстное количество *продуктовъ для собственнаго потребленія*. Выступая *на рынкѣ* въ качествѣ продавцовъ рабочей силы, эти „землевладѣльцы“, разумѣется, ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть занесены въ разрядъ независимыхъ отъ капитала производителей. Напротивъ, увеличеніе числа рабочихъ, владѣющихъ землею, стало теперь однимъ изъ важнѣйшихъ условій существованія и дальнѣйшаго развитія интенсивнаго капиталистическаго земледѣлія.

VI.

Если въ добавокъ ко всему вышесказанному читатель приметъ въ соображеніе, что — какъ это указано въ нашемъ проектѣ — техническій прогрессъ необходимо ведетъ къ тому, что *спросъ* на рабочую силу отстаетъ отъ ея *предложенія*, то онъ не увидитъ никакого преувеличенія въ тѣхъ словахъ, которыми предлагаемая программа заканчиваетъ характеристику капиталистическаго общества: „Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производи-

---

*) См. Heinrich Waentig'a: Industriekartelle und Trusts въ Schmollers Jahrbuch за 1901 годъ. Ср. также въ „Chicago Conference on Trusts“, Chicago 1900, рѣчь того же Dowe, напечатанную на стр. 115/124.

тельности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собой въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства и необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ“ Этими словами указываются *соціальныя послѣдствія основного противорѣчія, свойственнаго капиталистическому обществу:* противорѣчія между нынѣшнимъ, высоко-развитымъ состояніемъ производительныхъ силъ и капиталистическими отношеніями производства. Объ устраненіи этихъ *послѣдствій* нельзя серьезно говорить до тѣхъ поръ, пока существуетъ ихъ *причина.* А для того, чтобы уничтожить ихъ причину, нужно устранить капиталистическія производственныя отношенія, т. е. *сдѣлать соціальную революцію.* Въ своемъ проектѣ мы и опредѣляемъ эту революцію, какъ *конечную цѣль* „всей дѣятельности международной соціалъ-демократіи“

Нужно-ли пояснять, почему въ нашемъ проектѣ соціальная революція пролетаріата изображается не только какъ „экспропріація экспропріаторовъ“, но и какъ организація общественнаго производительнаго процесса? Если буржуазное общество характеризуется *товарнымъ производствомъ* на основѣ *капиталистическихъ производственныхъ отношеній*, то упраздняющая его соціалистическая революція необходимо должна устранить какъ эти отношенія, такъ и товарное производство, этотъ обильный источникъ анархіи въ народномъ хозяйствѣ.

Но необходимое политическое условіе этой революціи составляетъ, по нашему мнѣнію, *диктатура пролетаріата.*

Такъ какъ мысль о диктатурѣ пролетаріата имѣетъ даръ очень не нравиться „критикамъ“ Маркса и такъ какъ ихъ доводы противъ этой мысли не остались безъ нѣкотораго вліянія даже на вполнѣ надежныхъ товарищей нашихъ въ разныхъ странахъ, то полезно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ защиту нашего мнѣнія, категорически выраженнаго въ нашемъ проектѣ.

Подъ диктатурой пролетаріата мы понимаемъ завоеваніе имъ „такой политической власти, которая сдѣлаетъ его господиномъ положенія и дастъ ему возможность подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ“. Вопросъ заключается, стало быть, въ томъ, нужна-ли пролетаріату такая власть для того, чтобы онъ могъ совершить свою соціальную революцію?

Когда буржуазія боролась съ аристократіей, стремясь замѣнить *феодальныя* производственныя отношенія *капиталистическими,* ея теоретики много разъ, очень горячо и очень краснорѣчиво высказывали то убѣжденіе, что *только сила можетъ дать ей побѣду,* и что въ обществѣ, опирающемся на насиліе, *нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы.* Руководимая этимъ убѣжденіемъ, она не останавливалась передъ самыми *„крайними“* средствами, если только они были

цѣлесообразны. Она сознательно искала *политическаго* господства, понимая, что безъ него не могутъ осуществиться ея *соціальныя* стремленія. Наконецъ, ея продолжительныя и упорныя усилія увѣнчались рѣшительнымъ успѣхомъ: она добилась политическаго господства. Какъ же она воспользовалась имъ? Во-первыхъ, она окончательно разбила сопротивленіе аристократіи и сдѣлала его невозможнымъ на будущее время; а во-вторыхъ — позаботились о томъ, чтобы обезопасить свой общественный порядокъ отъ всякихъ посягательствъ со стороны пролетаріата. Въ своемъ стремленіи къ этой послѣдней цѣли она, какъ это извѣстно всѣмъ и каждому, тоже не останавливалась передъ крайними средствами и не колеблясь аппелировала, если это казалось ей нужнымъ, къ верховному владыкѣ, всякаго общества, раздѣленнаго на классы, т. е. къ *силѣ.* Однимъ словомъ, она понимала, что *ея диктатура* составляетъ необходимое *политическое условіе ея соціальнаго освобожденія и ея господства.* А теперь, когда это господство не только достигнуто, но уже клонится къ упадку; теперь, когда созданный его общественный порядокъ все сильнѣе и сильнѣе колеблется подъ революціоннымъ напоромъ пролетаріата, она, крѣпко держась за ту политическую власть, которая еще остается у нея въ рукахъ, объявляетъ классовую диктатуру злостнымъ измышленіемъ узкихъ *„догматиковъ“*, нелѣпой выдумкой революціонныхъ *„доктринеровъ“*. Это по меньшей мѣрѣ такъ же странно, какъ странно было бы, — по извѣстному латинскому выраженію, — слышать, что Гракхъ говоритъ противъ возмущенія. Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ знамя общественнаго прогресса перешло изъ бѣлыхъ рукъ буржуазіи въ мозолистыя руки пролетаріата? Почему диктатура, бывшая полезной и необходимой въ рукахъ одного класса, стала бы ненужной и нецѣлесообразной въ рукахъ другого? Измѣнилось только отношеніе буржуазіи къ общественному прогрессу. Прежде она *защищала* его и была проникнута *революціонными* стремленіями; теперь она *противится* ему и какъ огня боится всего, что носитъ на себѣ печать такихъ стремленій. Поэтому ея идеологи, нѣкогда такъ краснорѣчиво разсуждавшіе о *„войнѣ классовъ“* и о революціонной роли *силы*, теперь такъ вкрадчиво толкуютъ о *„соціальномъ мирѣ“* и о безполезности классовой диктатуры для „рѣшенія соціальнаго вопроса“. Но *„что врагъ совѣтуетъ, то вѣрно худо“*. Если противъ мысли о диктатурѣ пролетаріата возстаютъ защитники нынѣшняго общественнаго порядка и находящіеся подъ ихъ вліяніемъ мелко-буржуазные „критики“ Маркса, то это происходитъ именно потому, что эта диктатура представляетъ собою необходимое политическое условіе соціальной революціи. Ссылки на то, что передовыя капиталистическія страны все болѣе и болѣе приближаются къ *демократическому режиму*, совсѣмъ не убѣдительны. Такой режимъ еще не устраняетъ

классовъ, а слѣдовательно и *классовой борьбы*, а слѣдовательно и необходимости для угнетеннаго класса добиться политическаго господства, чтобы устранить соціальную причину своего угнетенія. Кто хотя отчасти раздѣляетъ то мнѣніе, что современныя демократическія конституціи дѣлаютъ излишней диктатуру рабочаго класса, тотъ сознательно или безсознательно склоняется къ той мысли, что „соціальный вопросъ" можетъ быть „рѣшенъ" безъ нарушенія существенныхъ интересовъ эксплуататоровъ, т. е. что дѣло обойдется безъ *соціальной революціи*. Но такой мысли, разумѣется, не можетъ раздѣлять никто изъ тѣхъ, которые причисляютъ себя къ *революціонной соціаль-демократіи*. И вотъ почему всѣ сторонники *этой* соціаль-демократіи обязаны разъяснять пролетаріату, что ему надо стремиться къ диктатурѣ, если онъ хочетъ устранить *капиталистическія* производственныя отношенія и замѣнить ихъ *соціалистическими*. Въ программу политическаго воспитанія рабочихъ непремѣнно должно войти усвоеніе ими идеи будущаго политическаго господства ихъ класса, какимъ бы путемъ ни привела ихъ къ нему исторія: *насильственнымъ, или мирнымъ*.

Заботливо и не безъ „ортодоксальнаго" умысла оттѣнили мы въ нашемъ проектѣ роль соціаль-демократіи, какъ передового отряда рабочей арміи и вмѣстѣ ея руководителя. Она организуетъ рабочій классъ въ самостоятельную партію, противостоящую всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ этихъ послѣднихъ съ интересами эксплуатируемыхъ и вообще всѣми зависящими отъ нея средствами старается *ускорить* развитіе классового самозианія пролетаріата и выяснить ему необходимость и характеръ предстоящей соціальной революціи. Съ точки зрѣнія правильно понятаго марксизма все это разумѣется само собою. Но „критическая" смута и сюда напустила *густого туману*, благодаря которому русскіе соціаль-демократы „*экономическаго*" направленія вообразили, будто обязанность соціаль-демократіи состоитъ не въ томъ, чтобы безустанно и какъ можно скорѣе двигать впередъ классовое самосознаніе пролетаріата, а единственно въ томъ, чтобы *выражать то, что уже сознано имъ безъ какой бы то ни было помощи со стороны „революціонной бациллы"* Не совершая самоубійства, соціаль-демократія никогда не можетъ согласиться на эту смѣшную и позорную роль *пятаго колеса въ телѣгѣ*.

VII.

Буржуазіи господство пролетаріата представляется сплошнымъ попраніемъ правъ и систематическимъ нарушеніемъ интересовъ „*всѣхъ остальныхъ классовъ общества*". Но что такое эти остальные классы? Нашъ проектъ говоритъ, что въ развитомъ *капиталистическомъ* обществѣ „самая важная

и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ относительно небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полу-пролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества". Если это вѣрно, — а мы хотѣли бы послушать того, кто попыта́лся бы доказать намъ, что это ошибочно, — то и соціальная революція, которая положитъ конецъ существованію *капиталистическаго* общества, нарушитъ интересы лишь незначительнаго *меньшинства*. А изъ этого слѣдуетъ, что и диктатура пролетаріата вовсе не будетъ знаменовать собою попранія правъ „всѣхъ остальныхъ классовъ общества". Напротивъ, она явится *орудіемъ соціальнаго освобожденія всѣхъ тѣхъ слоевъ*, которые, не принадлежа непосредственно къ наемникамъ капитала, все болѣе и болѣе становятся зависимыми отъ него въ своемъ существованіи и все болѣе и болѣе чувствуютъ его гнетъ. Нашъ проектъ говоритъ, что по мѣрѣ того, какъ развиваются противорѣчія, свойственныя капиталистическому обществу, „растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы и обостряется революціонная борьба пролетаріата съ эксплуататорами" Эти слова вѣрно выражаютъ, какъ намъ кажется, отношеніе къ капиталу разныхъ классовъ угнетаемаго имъ населенія: его гнетъ испытываетъ на себѣ теперь далеко не одинъ пролетаріатъ, и не одинъ пролетаріатъ недоволенъ этимъ гнетомъ, но онъ одинъ *сознательно возстаетъ* противъ него, онъ одинъ ведетъ съ капиталомъ *революціонную* борьбу, т. е. такую борьбу, цѣль которой заключается въ *устраненіи капиталистическихъ отношеній производства*. Потому *только его движеніе* можетъ быть разсматриваемо, какъ движеніе, способное освободить все угнетенное и эксплуатируемое капиталомъ человѣчество. И потому борьба съ капиталомъ другихъ общественныхъ классовъ будетъ становиться соціально-революціонной только въ той мѣрѣ, въ какой они будутъ раздѣлять *его* стремленія и поддерживать ихъ. Потому, наконецъ, и партія рабочаго класса, международная соціаль-демократія, хотя и зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, но зоветъ ихъ — какъ говоритъ нашъ проектъ — лишь если они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата. Для всѣхъ соціаль-демократовъ это должно быть понятно само собою. Но такъ какъ опытъ показываетъ, что въ настоящее время, благодаря „критической" смутѣ, полезно пояснять даже такія истины, которыя въ нашемъ кругу должны были бы считаться совершенно безспорными, то мы пояснимъ нашу мысль на отдѣльномъ примѣрѣ.

Въ послѣдніе годы въ соціаль-демократической литературѣ западно-европейскихъ странъ очень много спорили объ *аграрномъ вопросѣ*, на практикѣ сводящемся для соціаль-демократіи къ вопросу о томъ, въ какое положеніе ей слѣдуетъ стать по отношенію къ *крестьянству*. Но что такое *крестьянинъ?* Ставя себѣ этотъ вопросъ, невольно вспоминаешь слова Ал. Толстого: „*есть мужикъ и мужикъ*“ Такъ, напримѣръ, въ Германіи крестьяниномъ называется и такой домохозяинъ, который, имѣя десятинъ восемьдесять земли, обработываетъ ихъ съ помощью *наемнаго труда*, — при чемъ получаетъ доходъ, которому позавидовалъ бы у насъ иной „мелкопомѣстный“ дворянинъ, — но то же названіе крестьянина носитъ и владѣлецъ крохотной „*парцеллы*“, вынужденный продавать свою рабочую силу, можетъ быть, тому-же счастливому обладателю восьмидесяти десятинъ. Не ясно ли, что соціаль-демократія не можетъ одинаково относиться къ обоимъ этимъ разрядамъ „крестьянъ“? Крестьянинъ, благосостояніе котораго основывается на эксплуатаціи наемнаго труда, есть для нея, такой же буржуа, какъ и промышленный капиталистъ, а обладатель „парцеллы“, выступающій на рынкѣ въ качествѣ продавца рабочей силы, разсматривается ею, какъ человѣкъ, существенные интересы котораго совпадаютъ съ интересами *пролетаріевъ*, и который рано или поздно, съ большимъ или меньшимъ трудомъ, долженъ стать подъ красное знамя пролетаріата. Тутъ дѣло говоритъ само за себя и дальнѣйшихъ поясненій не требуетъ. Возьмемъ, поэтому, слой сельскаго населенія, называемый иногда крестьянскимъ по преимуществу. Слой этотъ состоитъ изъ домохозяевъ, которые никому не продаютъ *своей* собственной рабочей силы, но по размѣрамъ своихъ участковъ не нуждаются также и въ эксплуатаціи — *чужой*. Что сказать объ *этихъ* крестьянахъ, несомнѣнно живущихъ „трудомъ рукъ своихъ“ и потому тоже входящихъ въ составъ *трудящейся массы?*

О нихъ мы скажемъ вотъ что. Эти крестьяне, *какъ и всѣ мелкіе производители*, очень сильно страдаютъ отъ развитія капитализма. Если, — говоря вообще — капиталъ не находитъ теперь выгоды въ ихъ *обезземеленіи*,*) то онъ много-

*) Говоримъ — вообще, потому что есть исключенія. Такъ, въ Бельгіи, въ періодъ отъ 1880 до 1895 года число участковъ *до 5 гектаровъ* испытало очень значительное уменьшеніе, такъ что, по словамъ оффиціальныхъ статистиковъ, „концентрація поземельной собственности, соотвѣтствующая развитію крупной сельско-хозяйственной культуры и скотоводства, обнаружилась съ большой ясностью“ (Annuaire statistique de la Belgique, 1899, p. XL—XLI). Во Франціи *крупная* поземельная собственность въ десятилѣтіе 1882—1892 *пріобрѣла* 197 300 гектаровъ; *средняя* (отъ 10 до 40 гект.) *утратила* 16 086 гект., *мелкая* (отъ 1 до 10 гект.) *утратила* 121 524 гект., при чемъ число мелкихъ собственниковъ уменьшилось на 17 442; только *мельчайшая* собственность (до 1-го гектара) показываетъ возрастаніе, но мельчайшіе собственники — тѣ же пролетаріи.

численными другими способами налагаетъ на нихъ свою тяжелую руку. Поэтому ихъ положеніе *ухудшается*, что естественно порождаетъ въ нихъ болѣе или менѣе сильное *недовольство*. Они тоже *борются* съ капиталомъ. Но поскольку ихъ борьба имѣетъ цѣлью защиту ихъ интересовъ, *какъ мелкихъ производителей и мелкихъ собственниковъ*, она совершенно чужда того *соціально-революціоннаго характера*, какимъ отличается борьба пролетаріата. Чтобы дѣйствительно отстоять мелкое производство и мелкую собственность, нужно было-бы вернуть общество назадъ, къ тому времени, когда товарное производство еще не привело въ своемъ развитіи къ господству *капиталистическихъ* производственныхъ отношеній. Но желать этого могутъ *только реакціонеры*, и поскольку мелкое крестьянство имѣетъ *такія* желанія, оно играетъ *реакціонную роль* въ современномъ обществѣ. Однако, чаще всего оно не задается даже и такими, — по своему широкими, — цѣлями. Оно ограничивается рядомъ требованій, самое щедрое исполненіе которыхъ способно было бы только отчасти *задержать тріумфальное шествіе крупнаго капитала* и, соотвѣтственно этому, нѣсколько *упрочить современное положеніе вещей*. Такія требованія *консервативны* по своему существу. Соціаль-демократія не можетъ поддерживать ихъ, не отказываясь отъ своей соціально-революціонной программы. Правда, въ качествѣ партіи, болѣе всѣхъ другихъ заинтересованной въ торжествѣ демократическихъ принциповъ политическаго устройства, соціаль-демократія, съ своей стороны, выставляетъ рядъ требованій, осуществленіе которыхъ значительно облегчило бы положеніе мелкаго крестьянства, — какъ и всей вообще трудящейся массы, — ни мало не задерживая при этомъ быстраго хода современнаго экономическаго развитія. Эти требованія и теперь мѣстами обезпечиваютъ нашей партіи сочувствіе и поддержку нѣкоторой части крестьянства. Но этимъ сочувствіемъ они въ большинствѣ случаевъ дарятъ ее именно какъ партію *демократическую*, а не какъ *соціальную* демократію, не какъ *партію соціальной революціи*.*) Чтобы на-

*) Дж. Гатти въ своей книгѣ „Le socialisme et l'agriculture", говоритъ (на стр. 305—306), что въ Италіи, во время выборовъ 1895 и 1897 годовъ многіе мелкіе землевладѣльцы подали свой голосъ за соціалистическихъ кандидатовъ. Мы охотно вѣримъ этому. Но у Гатти остается невыясненнымъ *всей*-ли соціалистической программѣ сочувствовали эти землевладѣльцы, или только ея *демократической* части. А это далеко не одно и тоже. Вступленіе въ ряды соціалистической партіи людей, на самомъ дѣлѣ сочувствующихъ *только одной* и при томъ *не самой характерной* части ея программы, можетъ повлечь за собою весьма серьезныя неудобства для всего движенія. Марксъ говоритъ, что этикетки, наклеиваемыя на соціально-политическія системы, въ отличіе отъ этикетокъ, наклеиваемыхъ на другіе товары, обманываютъ не только покупателей, но и продавцевъ. Это очень мѣтко сказано. Но отсюда слѣдуетъ, что къ соціально-политическимъ этикеткамъ надо относиться внимательнѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ.

учиться цѣнить ее, *какъ соціально-революціонную партію*, они должны предварительно убѣдиться въ томъ, что соціальная революція представляетъ для нихъ, какъ и для рабочаго класса, единственный дѣйствительный выходъ изъ нынѣшняго тяжелаго положенія. Но убѣдиться въ этомъ именно и значитъ *перейти на точку зрѣнія пролетаріата*. Распространять это убѣжденіе между всѣми вообще мелкими производителями (и мелкими лавочниками) составляетъ безспорную обязанность международной соціаль-демократіи. На эту безспорную обязанность указываетъ и нашъ проектъ, когда говоритъ, что соціальная демократія, организуя пролетаріатъ, руководя всѣми проявленіями его борьбы и выясняя ему историческое значеніе и необходимость соціальной революціи, „вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ передъ всей остальной трудящейся массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ ига капитала“

Чѣмъ дальше пойдетъ впередъ развитіе капитализма, тѣмъ легче будетъ для международной соціаль-демократіи исполненіе этой ея обязанности передъ мелкими производителями, потому что тѣмъ очевиднѣе и тѣмъ тяжелѣе будетъ ихъ болѣе или менѣе посредственная зависимость отъ крупнаго капитала.

VIII.

Что именно должна дѣлать соціальная демократія для исполненія указанной обязанности, это — вопросъ, который не допускаетъ общаго рѣшенія, потому что въ каждой отдѣльной странѣ, а очень часто даже и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ отдѣльныхъ странъ онъ долженъ рѣшаться различно въ зависимости отъ различія данныхъ условій. Несомнѣнно и ясно только то, что воздѣйствіе соціальной демократіи на страдающіе отъ капитализма, но не принадлежащіе къ пролетаріату слои трудящейся массы, будетъ тѣмъ легче и тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ *сознательнѣе* станетъ рабочій классъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ лучше будетъ онъ *организованъ* и чѣмъ дальше подвинется впередъ экономическое развитіе. Это показываетъ, между прочимъ, примѣръ Германіи. Ни въ какомъ изъ другихъ нѣмецкихъ государствъ соціаль-демократы не говорили такъ много о необходимости воздѣйствія на крестьянство, какъ въ *Баваріи*, и нигдѣ соціаль-демократы не были такъ сильно расположены жертвовать въ интересахъ такого воздѣйствія „марксовой догмой“, какъ именно въ этомъ государствѣ. Какимъ же успѣхомъ увѣнчались ихъ усилія? Очень небольшимъ! Въ сельскихъ округахъ Баваріи за соціаль-демократовъ было подано въ 1898 году только 7,6% общаго числа правильно поданныхъ голосовъ, между тѣмъ какъ въ сельскихъ округахъ Пруссіи

соціаль-демократы получили 11,6% голосовъ, въ Мекленбургъ-Шверинѣ 31,4%, а въ Саксонскомъ королевствѣ — 40%*) Саксонское королевство далеко опередило Баварію, что объясняется большимъ экономическимъ его развитіемъ и свойственнымъ ему несравненно болѣе энергичнымъ движеніемъ рабочихъ. Мы обращаемъ на это вниманіе тѣхъ изъ нашихъ русскихъ противниковъ, которые охотно напоминаютъ намъ о томъ, что теперь „даже на Западѣ" соціаль-демократы стараются сблизиться съ крестьянствомъ: воздѣйствіе западной соціаль-демократіи на сельское населеніе есть прежде всего воздѣйствіе на него хорошо сплоченныхъ и хорошо организованныхъ *рабочихъ партій*. Чтобы слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру „Запада", намъ нужно сначала создать себѣ прочный операціонный базисъ въ рабочемъ классѣ.

Однако, какъ разъ въ этомъ отношеніи мы пока еще *„не Западъ"* Хотя капиталистическій способъ производства и у насъ уже сдѣлался господствующимъ, и потому истинно-революціонной партіей и у насъ можетъ быть только соціаль-демократія, но положеніе нашего крестьянства какъ нельзя болѣе отличается отъ положенія западно-европейскихъ крестьянъ. У насъ, — какъ говоритъ предлагаемый проектъ, — „на каждомъ шагу встрѣчаются остатки нашего стараго, докапиталистическаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству и его главѣ" Эти многочисленные остатки крѣпостного быта чрезвычайно сильно задерживаютъ все вообще наше экономическое развитіе, но съ особенной и по истинѣ мертвящей силой ложатся они на крестьянина. Прежде, чѣмъ ставить аграрный вопросъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ его ставятъ западно-европейскіе соціаль-демократы, мы должны *добиться раскрѣпощенія нашего крестьянина*, мы должны ввести его въ условія жизни свойственныя нынѣшнему европейскому обществу. Соціальная революція, которую намъ предстоитъ теперь совершить въ русской деревнѣ, есть революція *„третьяго сословія"*, *а не революція пролетаріата*. Не вдаваясь въ неумѣстные здѣсь подробные комментаріи нашей аграрной программы, мы считаемъ, однако, полезнымъ сказать о ней слѣдующее.

Революціонеры, не раздѣлавшіяся съ народническими предразсудками, — а такихъ у насъ, къ сожалѣнію, все еще не мало, — навѣрное упрекнуть насъ въ томъ, что мы не требуемъ *націонализаціи земли*. Мы же думаемъ, что не только соціаль-демократы, но и всѣ вообще революціонеры, скажемъ больше: всѣ вообще противники нашего стараго крѣпостного быта и его политической „надстройки", — *царизма*, — должны *очень осторожно* относиться къ требованію націонализаціи земли, потому что если бы такая націонализація совершилась

*) Hugo Böttger, Die Sozialdemokratie auf dem Lande. Leipzig 1900, S. 11.

при нынѣшнихъ нашихъ политическихъ условіяхъ или хотя бы при такомъ *полу-абсолютизмѣ*, какой существуетъ, напримѣръ, въ Пруссіи, то шансы побѣды революціонной партіи, — а слѣдовательно и выхода русскаго мужика изъ того печальнаго и позорнаго положенія *илота*, въ которомъ онъ прозябаетъ въ настоящее время, — *уменьшились бы въ очень значительной степени.*

Въ рукахъ нашего полицейскаго государства и теперь уже сосредоточивается слишкомъ значительная часть производительныхъ средствъ нашей страны. Содѣйствовать переходу къ нему всѣхъ тѣхъ земель, которыми оно не можетъ теперь распоряжаться, какъ своею собственностью,*) значило бы способствовать укрѣпленію его силъ, продолженію, если не увѣковѣченію, его существованія. Такая политика соотвѣтствуетъ интересамъ нашей бюрократіи, но она кореннымъ образомъ противорѣчитъ интересамъ революціонной партіи, а съ ними также всей трудящейся и эксплуатируемой массы.

Націонализація земли защищается у насъ. *„Московскими Вѣдомостями“*. Въ прошломъ году это почтенное изданіе напечатало (въ № 110), за подписью князя Д. Цертелева, статью: *„Земельная собственность и земельное обложеніе“*, въ которой мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія строки:

„Мысль о націонализаціи земли не разъ уже высказывались не одними только соціалистическими писателями, и нельзя не признать, что выраженная въ общей формѣ она не представляетъ въ себѣ ничего революціоннаго, и что, при существующемъ порядкѣ вещей, фактически государство уже есть собственникъ всѣхъ земель, находящихся внутри его границъ или собственной территоріи, какъ принято выражаться, а такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ быть собственностью двухъ конкретныхъ или юридическихъ лицъ не можетъ, то частные землевладѣльцы не могутъ быть названы собственниками своихъ земель въ точномъ смыслѣ, а являются ихъ владѣльцами, въ той мѣрѣ, въ какой это владѣніе гарантировано имъ государствомъ.“

Съ теоретической стороны доводъ князя Д. Цертелева является чѣмъ-то въ родѣ плохого каламбура; но это ни мало не подрываетъ истинности основного положенія приведенной нами тирады: того, что мысль о націонализаціи земли далеко не вездѣ и вовсе не всегда революціонна. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста, а въ русскомъ полицейскомъ государствѣ эти обстоятельства таковы, что націонализація земли была бы колоссальнымъ *выигрышемъ* для бюрократіи и

*) Земли крестьянскихъ обществъ издавна разсматриваются имъ, какъ его собственность. Да и не однихъ крестьянскихъ обществъ: *однодворческими* землями оно тоже всегда распоряжалось по своему усмотрѣнію. Много-ли выиграли отъ этого крестьяне и однодворцы — предоставляемъ рѣшить читателю.

столь же колоссальнымъ *проигрышемъ* для всѣхъ друзей политической свободы.

Наши нѣмецкіе товарищи*) и слышать не хотятъ о націонализаціи земли въ германскихъ государствахъ.**) Тѣмъ рѣшительнѣе возстали бы они противъ нея, если бы въ Германію перенесены были *русскіе* государственные порядки.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что они высказываются противъ націонализаціи земли *не только* потому, что она придала бы новыя силы германскому полу-абсолютизму. Это соображеніе имѣетъ имѣетъ для нихъ очень большой вѣсъ, но кромѣ него есть и другія. Дѣло въ томъ, что при нынѣшнемъ положеніи всемірнаго хозяйства націонализація земли, — которая въ *буржуазномъ* обществѣ могла бы совершиться, разумѣется, лишь при условіи денежнаго вознагражденія землевладѣльцевъ, — *была бы выгодна этимъ послѣднимъ*, — а слѣдовательно *невыгодна рабочему классу и всему вообще трудящемуся населенію*. Въ виду этого соціалисты могутъ защищать ее *только по недоразумѣнію*.

Когда политическая власть окажется въ рукахъ рабочаго класса, тогда вопросъ о націонализаціи земли приметъ, конечно, совсѣмъ другой видъ, но тогда онъ будетъ *лишь одной изъ составныхъ частей гораздо болѣе широкаго вопроса о націонализаціи*, — т. е. о переходѣ въ общественную собственность, — *всѣхъ вообще средствъ производства и обращенія продуктовъ*.

Правда и то, что *въ революціонную эпоху* экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ можетъ явиться у насъ необходимымъ условіемъ соціально-политической побѣды революціонной партіи. Но это — вопросъ совсѣмъ другой. Его постановка и его рѣшеніе будутъ обусловливаться *соотношеніемъ общественныхъ силъ въ такую эпоху*. Говорить о немъ теперь преждевременно хотя теперь же слѣдуетъ замѣтить, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ *его необходимо будетъ поставить*.

X.

Переходя къ другимъ частямъ нашего проекта, мы прежде всего замѣтимъ, что мы не видимъ надобности защищать тѣ требованія, которыя мы выставляемъ „*въ интересахъ охраненія рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ*“: неотложная необходимость осуществленія требованій подобнаго рода такъ очевидна, что признается даже „критиками“ Маркса, какъ извѣстно, мало склонными къ

*) Конечно, не изъ тѣхъ, которые идутъ за „критиками“ или сами принадлежатъ къ ихъ числу. Эти „товарищи“ въ лучшемъ случаѣ сами не вѣдаютъ, чего хотятъ.

**) Ср. Kautsky, „Die Agrarfrage“, S. 321 и слѣд.

„утопіямъ“ т. е. къ борьбѣ съ буржуазіей. „Критики“ изображаютъ дѣло такъ, какъ будто эти *реформы* представляютъ собою все, чего можетъ разумно добиваться пролетаріатъ; для насъ онѣ являются лишь рядомъ мелкихъ побѣдъ, которыя нужно одержать пролетаріату въ его движеніи къ *соціальной революціи*. Но именно потому, что эти побѣды *должны* быть одержаны для того, чтобы его полное освобожденіе стало возможнымъ, мы будемъ добиваться ихъ со всей энергіей, порождаемой стремленіемъ къ великой цѣли.

Не нужно комментаріевъ и для нашихъ *политическихъ* требованій. Всеобщее равное и прямое избирательное право; неприкосновенность личности и жилища гражданъ; неограниченная свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ; свобода передвиженія и промысловъ; уничтоженіе сословій и полная равноправность гражданъ; безусловное предоставленіе гражданамъ права преслѣдовать *передъ судомъ* чиновниковъ, нарушившихъ ихъ права или неисполнившихъ своихъ обязанностей; замѣна постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа; обязательное и даровое народное образованіе; отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства, — каждое изъ этихъ требованій входитъ, какъ необходимая и незамѣнимая составная часть, въ наше требованіе *демократической конституціи*. Мы не станемъ оскорблять читателя, доказывая ему, какъ нужна такая конституція рабочему классу. Мы только замѣтимъ, что столь же необходимыя и незамѣнимыя составныя части этого общаго нашего требованія представляютъ собою и остальныя два, выше не названныя нами требованія этого разряда: 1. отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви и 2. признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ сославъ русской имперіи. Справедливость *перваго* изъ этихъ требованій признаютъ даже буржуазные домократы (что, конечно, не мѣшаетъ имъ, какъ вѣрнымъ выразителямъ инстинктовъ своего класса, покидать его ради „утилитарныхъ соображеній“); въ Россіи же оно пріобрѣтаетъ тѣмъ большее *практическое* значеніе, чѣмъ больше умножаются въ ней раскольничьи толки и секты. *Второе* требованіе, — необязательное для буржуазныхъ демократовъ, даже въ теоріи, — обязательно для насъ, какъ для *соціаль-демократовъ*. Если бы мы позабыли о немъ или не рѣшились выставить его, опасаясь затронуть національные предразсудки нашихъ соотечественниковъ русскаго племени, то въ нашихъ устахъ сталъ бы постыдной ложью боевой кличъ международной соціаль-демократіи: *Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!*

Не такъ настоятельно необходимымъ можетъ показаться съ перваго взгляда наше требованіе *республики*. Намъ могутъ указать на Францію, гдѣ *республиканское* правительство расправляется съ рабочими несравненно круче, чѣмъ прави-

тельство *монархической* Англіи. Мы и сами знаемъ, что республика республикѣ рознь и что французскую республику не безъ основанія называютъ монархіей, которой недостаетъ только монарха. Но вѣдь мы будемъ проповѣдывать идеи республики „*республиканской*“; мы хотимъ истинно-демократической республики, на дѣлѣ, а не только на бумагѣ обезпечивающей политическое самодержавіе народа. И несомнѣнно, что *такая* республика ближе придвигаетъ насъ нашей конечной цѣли, чѣмъ конституціонная монархія хотя-бы и англійскаго образца.

Въ 1891 году Энгельсъ писалъ по поводу одного проекта программы нѣмецкой соціаль-демократіи: „Абсолютно вѣрно то, что наша партія и рабочій классъ могутъ придти къ власти только при демократической республикѣ. Она есть специфическая форма диктатуры пролетаріата, какъ это уже показала великая французская революція“. Мы считаемъ это неопровержимой истиной. И мы думаемъ, что чѣмъ скорѣе проникнетъ эта истина въ умы рабочаго класса, тѣмъ быстрѣе пойдетъ впередъ дѣло его политическаго воспитанія и тѣмъ скорѣе созрѣетъ онъ для своего освобожденія. Поэтому мы полагаемъ, что откладывать въ долгій ящикъ ясную формулировку нашихъ республиканскихъ стремленій было бы просто на просто *непрактично*.

„*Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ народоправство!*“ — такимъ крикомъ отвѣтимъ мы на безпрерывныя правительственныя преслѣдованія; съ такимъ крикомъ пойдемъ мы въ аттаку противъ царизма. Громко раздастся онъ въ нашей странѣ, и еще несравненно громче будутъ повторять его все болѣе и болѣе густыя колонны пролетаріевъ, созрѣвающихъ для сознательной политической борьбы и охватываемыхъ той благородной и безпощадной ненавистью къ деспотизму, подъ вліяніемъ которой молодой Пушкинъ писалъ огненныя слова:

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу! . . .

Г. Плехановъ.

Критика нашихъ критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціальнаго развитія.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

I.

Г. П. Струве очень любитъ, какъ извѣстно, потолковать о *„гносеологіи“*. Правда, до сихъ поръ онъ не нашелъ нужнымъ (или возможнымъ) сколько нибудь стройно и послѣдовательно изложить свои „гносеологическія“ воззрѣнія. Сомнительно даже, есть-ли у него стройныя воззрѣнія такого рода. Но это не мѣшаетъ ему ссылаться на „гносеологію“ при всѣхъ удобныхъ и, — что гораздо хуже, — при всѣхъ неудобныхъ случаяхъ. Въ виду этого нельзя удивляться тому, что „гносеологическія“ соображенія составляютъ у него главное оружіе въ его борьбѣ съ *„соціальной революціей“*.

Чтобы показать намъ, до чего несостоятельно это „теоретическое псевдо-понятіе“, нашъ „критикъ“ объясняетъ, какъ долженъ понимать „эволюціонизмъ“ всякій тотъ, кто не хочетъ грѣшить противъ *теоріи познанія*. Вотъ что мы узнали отъ него на этотъ счетъ.

Принципъ эволюціи, ничего не говоря о томъ, *почему* совершаются измѣненія, очень опредѣленно указываетъ намъ, однако на то, *какъ* они совершаются. Онъ знакомитъ насъ съ ихъ *формой*. А форма ихъ можетъ быть опредѣлена однимъ словомъ: *непрерывность* (Die Stetigkeit). Намъ можетъ быть понятно только непрерывное измѣненіе. Поэтому старое положеніе: natura non facit saltus (природа не дѣлаетъ скачковъ) должно быть дополнено другимъ положеніемъ: intellectus non patitur saltus (интеллектъ не терпитъ скачковъ). Гегель говоритъ, что *количественныя измѣненія*, перейдя извѣстный предѣлъ, превращаются въ *качественныя*. И на эту формулу любятъ ссылаться правовѣрные марксисты, наивно воображающіе, что она даетъ реальное объясненіе хода соціальной революціи. На самомъ же дѣлѣ она не объясняетъ явленій, а только описываетъ ихъ съ помощью логическихъ категорій.*) И при томъ она указываетъ именно на непрерывный харектеръ измѣненія. Вотъ почему ссылки на нее совсѣмъ

*) Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV, Heft 5/6, S. 679.

неубѣдительны. Мы неизбѣжно приходимъ къ тому выводу, что понятіе: соціальная революція не выдерживаетъ критики, и что его приходится поставить на одну доску съ понятіемъ о свободѣ воли (въ смыслѣ безпричиннаго дѣйствія), о субстанціальности души и т. п.: со времени Канта мы знаемъ, что эти понятія очень важны въ практическомъ отношеніи, но совершенно несостоятельны въ теоріи.

Такъ разсуждаетъ г. П. Струве, старательно подкрѣпляя свои разсужденія цитатами изъ сочиненій Шуппе, Канта, Зигварта, Цигена и даже г. Ѳ. Кистяковскаго. Но хотя Гейне и справедливо говорилъ, что цитаты очень украшаютъ писателей, мы, слѣдя за доводами г. „критика“, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ, что далеко не всѣ писатели, „украшающіе“ себя цитатами, отличаются ясностью и послѣдовательностью мысли.

Если понятіе: *соціальная революція* не выдерживаетъ критики, то спрашивается, какъ же быть съ тѣми соціальными революціями, которыя уже совершились въ исторіи? Считать-ли ихъ *не* совершившимися, или признать, что онѣ не были революціями въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову правовѣрные марксисты? Но если мы даже и скажемъ, что, напримѣръ, великая французская революція на самомъ дѣлѣ вовсе не имѣла мѣста, то вѣдь этому врядъ-ли кто повѣритъ. А если мы вздумаемъ утверждать, что эта великая революція совсѣмъ не похожа на ту, о которой толкуютъ правовѣрные марксисты, то эти упрямые люди немедленно прервутъ насъ, замѣтивъ, что мы неправильно изображаемъ дѣло. По мнѣнію правовѣрныхъ марксистовъ, великая французская революція была соціальной революціей въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, это была *революція буржуазіи*, между тѣмъ какъ теперь на очереди стоитъ, — какъ думаютъ правовѣрные марксисты, — *революція пролетаріата*. Но это различіе въ данномъ случаѣ ничего не значитъ. Если понятіе: *соціальная революція* несостоятельно потому, что природа скачковъ не дѣлаетъ, а интеллектъ ихъ не терпитъ, то, очевидно, что эти рѣшительные доводы должны въ одинаковой мѣрѣ относиться *какъ къ революціи буржуазіи, такъ и къ революціи пролетаріата*. А если революція буржуазіи давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки *„невозможны“*, а измѣненія *„непрерывны“*, то у насъ есть всѣ основанія думать, что въ свое время совершится и революція пролетаріата, если только, разумѣется, она не встрѣтитъ на своемъ пути другихъ препятствій, болѣе серьезныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ намъ г. П. Струве въ своихъ „гносеологическихъ“ разсужденіяхъ.

Но приглядимся поближе къ этимъ разсужденіямъ.

Гегелева „формула“ *не объясняетъ* явленій, а *только описываетъ ихъ*. Это такъ. Но вѣдь вопросъ совсѣмъ не въ

этомъ. Вопросъ въ томъ, *вѣрно или ошибочно описаніе*, даваемое „формулой“. Если оно вѣрно, то ясно, что вѣрна и „формула“; а если вѣрна „формула“, то не менѣе ясно, что Гегель правъ; а если ясно, что Гегель правъ, то опять столь же ясно, что *непрерывный характеръ измѣненій* — на который, къ тому же, „формула“ Гегеля *указываетъ*, по признанію самаго г. П. Струве, — совсѣмъ не исключаетъ возможности тѣхъ самыхъ *„скачковъ“*, которыхъ будто бы не дѣлаетъ природа и которыхъ будто бы не терпитъ интеллектъ.

II.

Надо замѣтить, что вообще *„скачки“* довольно зло подсмѣиваются надъ нашимъ „критикамъ“, неудержимо проникая даже въ область его собственной аргументаціи. Лучше всего это подтверждается цитатой, сдѣланной имъ изъ Зигварта.

Зигвартъ говоритъ, что если на нашихъ глазахъ измѣняется какая нибудь вещь, — напримѣръ, если краснѣетъ синяя бумага или таетъ кусокъ воску, положенный въ печку, — то мы имѣемъ дѣло съ *непрерывнымъ процессомъ*, не дающимъ намъ никакого повода предполагать, что данная субстанція замѣняется какой нибудь другою. Напротивъ, непрерывность измѣненій, совершающихся въ данномъ мѣстѣ, убѣждаетъ насъ, что вещь осталась той же самой, даже въ томъ случаѣ, когда измѣнились всѣ ея непосредственно воспринимаемыя нами свойства: температура, цвѣтъ, внѣшній видъ и т. д.

Эти соображенія Зигварта приводятся нашимъ „критикомъ“ какъ одинъ изъ доводовъ, раскрывающихъ несостоятельность понятія: *соціальная революція*. Но на самомъ дѣлѣ они не разрушаютъ этого понятія, а скорѣе подкрѣпляютъ его. Они отвѣчаютъ, — поскольку отвѣчаютъ, — на вопросъ о томъ, *при какихъ условіяхъ и почему данный предметъ продолжаетъ оставаться для насъ тѣмъ же самымъ предметомъ, несмотря на претерпѣваемыя имъ измѣненія*. Но въ нихъ нѣтъ ни тѣни доказательства той мысли, что въ окружающихъ насъ предметахъ невозможны такія быстрыя и коренныя перемѣны, которыя мы имѣли бы право называть скачками. Какъ разъ наоборотъ: одинъ изъ взятыхъ Зигвартомъ примѣровъ очень выразительно напоминаетъ намъ о томъ, что такія перемѣны вполнѣ возможны, совершенно естественны и ни мало не удивительны. Когда таетъ воскъ, положенный въ печку, то въ его состояніи происходитъ цѣлая революція: онъ *былъ* твердымъ; онъ *сталъ* жидкимъ. И хотя эта коренная перемѣна, конечно, предполагаетъ болѣе или менѣе *„непрерывный“* процессъ болѣе или менѣе *„постепеннаго“* нагрѣванія воска,*) но сама-то она совершается не *„постепенно“*,

*) Читатель понимаетъ, что непрерывность нагрѣванія необязательна. Если я, доведя температуру воска до *a* градусовъ, прекращу его нагрѣ-

а именно *вдругъ*, какъ только достигнута необходимая для таянія высота температуры. Тутъ происходитъ самый несомнѣнный „saltus“ (скачекъ). А г П. Струве взялся показать намъ, что природа скачковъ не дѣлаетъ, и что интеллектъ ихъ не терпитъ. Какъ же это такъ? Или можетъ быть, онъ имѣетъ въ виду только свой собственный интеллектъ, который, дѣйствительно, *не терпитъ скачковъ* по той простой причины, что онъ, — какъ говорится, — *„терпѣть не можетъ“ диктатуры пролетаріата.*

Если мы, давъ себѣ трудъ правильно понять разсужденія Зигварта, захотимъ приложить ихъ къ человѣческимъ обществамъ, то мы должны будемъ сказать, напримѣръ, такъ: мы убѣждены, что въ началѣ 19-го столѣтія Франція оставалась Францією *(„той же самой“ страной)*, хотя въ ней и совершился въ концѣ 18-го столѣтія соціальный переворотъ, извѣстный подъ именемъ великой революціи; и мы убѣждены въ этомъ, во первыхъ, потому, что всѣ измѣненія въ этой странѣ, во время революціи и послѣ нея, непрерывно совершались на опредѣленной территоріи („въ данномъ мѣстѣ“); во-вторыхъ, потому, что населеніе этой страны во многихъ отношеніяхъ, (напримѣръ, въ отношеніи расы и языка) было въ 19-мъ вѣкѣ такимъ-же, какимъ оно было и до революціи; во-третьихъ, потому — но намъ нѣтъ надобности перечислять всѣ эти „потому“; намъ нужно только показать, что иное дѣло вопросъ о томъ, почему и когда данная вещь (или страна) продолжаетъ *оставаться для насъ „той же самой“*, а иное дѣло вопросъ о томъ, возможны-ли и мыслимы-ли въ организаціи человѣческихъ обществъ (или въ свойствахъ вещей) быстрыя и коренныя перемѣны, называемыя революціями (или подобныя имъ). Если бы авторы, цитируемые г. П. Струве, представили вполнѣ исчерпывающій отвѣтъ на *первый* изъ этихъ вопросовъ, то это отрадное обстоятельство все таки не дало бы намъ никакого права и даже никакого подобія, никакой тѣни права на рѣшеніе въ отрицательномъ смыслѣ *второго* вопроса.

Г П. Струве возразитъ намъ, можетъ быть, что какъ бы тамъ ни обстояло дѣло съ цитатой изъ Зигварта и съ нѣкоторыми другими его цитатами, но цитата изъ Канта отвѣчаетъ именно на второй вопросъ. Прочтемъ же эту цитату. Вотъ она цѣликомъ.

„Всякое измѣненіе возможно только въ силу непрерывнаго дѣйствія причинности. Въ явленіи нѣтъ различія реальнаго такъ же, какъ ни одно различіе въ величинѣ временъ не есть самое меньшее; такимъ образомъ возникаетъ

ваніе и дамъ ему остыть до $\frac{a}{2}$, а затѣмъ опять стану нагрѣвать пока онъ не растаетъ, то результатъ будетъ такой же, какъ и въ случаѣ непрерывнаго нагрѣванія, но только онъ потребуетъ больше времени и большаго числа калорій.

новое состояніе реальности изъ перваго, гдѣ его не было, черезъ всѣ безконечныя степени его, всѣ различія которыхъ другъ отъ друга всегда бываютъ меньше, чѣмъ различіе между О и А".*)

Тутъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что „скачки" невозможны и передъ нами опять возникаетъ мучительный вопросъ о томъ, какъ же намъ быть съ тѣми „скачками", которые уже произошли въ исторіи. Но по нѣкоторомъ размышленіи оказывается, что и эта страшная цитата совсѣмъ не такъ страшна, какъ вообразилъ нашъ „критикъ".

У Канта рѣчь идетъ о *состояніяхъ*, различающихся одно отъ другого *только по величинѣ*.**) Что представляетъ собою рядъ послѣдовательныхъ состояній, отличающихся другъ отъ друга только величиной? Онъ представляетъ собою рядъ *количественныхъ измѣненій*. Кантъ говоритъ, что этотъ рядъ *непрерывенъ*, что *скачки* въ немъ немыслимы. Допустимъ, что это правда. Но какое отношеніе имѣетъ это къ вопросу о томъ, возможны ли скачки *при переходѣ количественныхъ измѣненій въ качественныя?* Ровно никакого: этотъ вопросъ вовсе не рѣшается тѣмъ, что мы узнали отъ Канта насчетъ невозможности скачковъ въ непрерывномъ процессѣ измѣненій количества. Выше мы отмѣтили, что, по словамъ самаго г. П. Струве, „формула" Гегеля тоже указываетъ на непрерывный характеръ измѣненій. Теперь мы можемъ прибавить, что она признаетъ измѣненія непрерывными именно постольку, поскольку они остаются *количественными*. Но она объявляетъ скачки неизбѣжными при переходѣ количества въ качество. Если г. П. Струве хотѣлъ опровергнуть Гегеля, — а съ нимъ и правовѣрныхъ марксистовъ, — то ему надо было направлять свои критическіе удары какъ разъ въ это самое мѣсто. Ему надо было показать, что количество *не* переходитъ въ качество или, — если и переходитъ, — то никакого скачка при этомъ не бываетъ и быть не можетъ. А г. П. Струве ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ изъ *„Критики чистаго разума"* цитату, гласящую, что невозможны скачки *при измѣненіяхъ количества*. Странная логика! Удивительный „критикъ"!

Далѣе. Кантъ говоритъ, что данная величина реальности возникаетъ, проходя черезъ всѣ меньшія степени, лежащія между предѣльцыми моментами измѣненія. Но *какое* возникновеніе, возникновеніе *чего* имѣетъ онъ въ виду? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ категорически: возникаетъ не субстанція, количество которой въ природѣ всегда остается неизмѣннымъ, а *только новое состояніе субстанціи*.***) Хорошо.

---

*) Критика чистаго разума, переводъ Н. М. Соколова, С.-Петербургъ, стр. 184. Г. П. Струве цитируетъ по второму нѣмецкому изданію К. Кербаха, въ которомъ приведенныя имъ строки находятся на стр. 194—195.

**) *„Если состояніе В отличается отъ состоянія А только по величинѣ, то"* и т. д., тамъ же, стр. 188 русскаго перевода г. Соколова. (Курсивъ нашъ.)

***) Тамъ же, стр. 182—183, того же перевода. Курсивъ опять нашъ.

Примемъ это къ свѣдѣнію и спросимъ себя, — развѣ возникновеніе новаго *состоянія* (субстанціи) есть единственное мыслимое возникновеніе? Развѣ не можетъ возникнуть новое *отношеніе* (между частями субстанціи)? Не только можетъ возникнуть, но и безпрестанно возникаетъ. И не только безпрестанно возникаетъ, но и должно безпрестанно возникать вслѣдствіе тѣхъ самыхъ измѣненій состоянія субстанціи, о которыхъ Кантъ собственно и говоритъ, т. е. *вслѣдствіе ея движенія.* Именно это возникновеніе новыхъ отношеній и есть та область, въ которой количество переходитъ въ качество, а *„непрерывное измѣненіе“* приводитъ къ *„скачкамъ“.*

III.

Когда кислородъ соединяется съ водородомъ, то проходитъ-ли вновь возникшая молекула воды черезъ „всѣ безчисленная степени“, которыя отдѣляютъ ее отъ молекулы водорода (или кислорода)? Мы не думаемъ. И не думаемъ по той простой причинѣ, что промежуточныхъ *„степеней“* между водой и стоставляющими ее элементами невозможно себѣ и представить. *Такого рода непрерывость немыслима: ея „не терпитъ интеллектъ“*

Еще примѣръ. Положимъ, что въ данной странѣ существуетъ законъ, ограничивающій рабочій день девятью часами въ сутки. Но рабочіе находятъ, что ихъ трудъ все таки слишкомъ продолжителенъ, и требуютъ сокращенія рабочаго дня до восьми часовъ. Законодатель исполняетъ, наконецъ, ихъ требованіе, и вотъ съ такого-то числа, скажемъ хоть съ перваго января слѣдующаго года, восьми-часовый рабочій день становится законнымъ рабочимъ днемъ. Спрашивается, можно-ли здѣсь говорить о какихъ-то „безчисленныхъ степеняхъ“, которыя отдѣляютъ новый законъ отъ стараго? Ясно, что нельзя: такихъ степеней и не было; законодатель *сразу* передвинулъ предѣлъ рабочаго дня на одинъ часъ. Тутъ былъ saltus — хотя, разумѣется, и не такой страшный, какъ соціальная революція, — и если мы, *„не терпя скачковъ“*, заговоримъ о *„непрерывности“*, то скоро вынуждены будетъ сознаться, что *здѣсь* ея не было и что, поэтому, *здѣсь* интеллектъ ея *„не терпитъ“*. Выходитъ, что безъ скачковъ не обойдешься даже и въ *„соціальной реформѣ“*

А вотъ еще примѣръ, нѣсколько болѣе *„революціонный“* Двадцать четвертаго февраля 1848 года въ парижской ратушѣ была провозглашена *республика.* Пусть намъ скажетъ г. П. Струве, въ чемъ заключались, въ чемъ *могли* заключаться „безчисленныя степени“ между іюльской монархіей и второй республикой. Ужь не въ томъ-ли революціонномъ движеніи возставшаго парижскаго народа, которое, постепенно подрывая силу сопротивленія войска, тѣмъ самымъ постепенно уменьшало шансы сохраненія монархіи? Но слишкомъ ужь

было бы странно ссылаться на побѣдоносное народное *возстаніе* какъ на доказательство невозможности *скачковъ*. Съ помощью такихъ ссылокъ г. П. Струве доказалъ бы какъ разъ обратное тому, что требуется доказать.

Кантъ самъ замѣчаетъ, что *измѣняются* только тѣ предметы, которые *„остаются“*, т. е. продолжаютъ существовать. Возникновеніе, — равно какъ и исчезновеніе, — *вовсе не есть измѣненіе того, что возникаетъ или исчезаетъ*.*) Но если это такъ, — а это дѣйствительно такъ, — то очевидно, что измѣненіе вообще, а слѣдовательно и постепенное, *непрерывное* измѣненіе не объясняетъ *ни возникновенія, ни исчезновенія*. А если мы не можемъ объяснить ни возникновенія, ни исчезновенія предметовъ, то мы вообще не понимаемъ ихъ, и о нашемъ научномъ къ нимъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи.

Непрерывность, о которой говоритъ Кантъ, есть та самая непрерывность, которую Лейбницъ еще раньше его возвелъ въ *законъ* подъ именемъ loi de continuité. Но тотъ же Лейбницъ признавалъ, что, имѣя дѣло съ „choses composées“, мы находимъ, что иногда небольшое измѣненіе вызываетъ очень большое дѣйствіе, т. е., другими словами, причиняетъ *перерывъ постепенности, скачекъ*. Такіе скачки невозможны, по словамъ Лейбница, только въ „простыхъ вещахъ“ („à l'égard des principes ou des choses simples“), потому что они противорѣчили бы божественной мудрости.*) Оставляя въ сторонѣ божественную мудрость, мы замѣтимъ, что всѣ примѣры, приведенные нами выше, взяты именно изъ области des choses composées. Значитъ самъ Лейбницъ не сталъ бы возражать противъ нихъ съ точки зрѣнія „закона непрерывности“ Да, что мы говоримъ: „не сталъ бы возражать“! Намъ сдается, что если бы онъ предвидѣлъ, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ его „закона“ нѣкоторые любомудры нѣкотораго послѣдующаго времени, то онъ прибавилъ бы на ихъ счетъ какую нибудь ядовитую оговорку, если бы только не побоялся раздразнить тѣхъ, всегда многочисленныхъ, консервативныхъ гусей, „интеллектъ“ которыхъ издавна не терпѣлъ *„скачковъ“* особенно тамъ, гдѣ дѣло касалось „сложной вещи“, называемой соціально-политическими отношеніями.

Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ „простыхъ вещахъ“ вопросъ о скачкахъ рѣшается совсѣмъ не такъ просто, какъ это казалось Лейбницу и Канту. Возьмемъ, напримѣръ, уже знакомыя намъ разсужденія автора *„Критика чистаго разума“*

---

*) „Veränderung ist eine Art zu existiren, welche auf eine andere Art zu existiren eben desselben Gegenstandes erfolgt. Daher ist alles, was sich verändert, bleibend und nur sein Zustand wechselt.“ Kritik der reinen Vernunft, herausgegeben von Kehrbach, 2. Auflage, S. 179.

**) Не имѣя подъ рукой сочиненій Лейбница, укажемъ хоть на „Grundriss der Geschichte der Philosophie“ Ибервега, Berlin 1880, III. Theil, S. 130.

Онъ говоритъ, что новая величина реальности (A—B) возникаетъ посредствомъ всѣхъ меньшихъ степеней, заключающихся между моментами *A* и *B*. Положимъ, что это такъ, и возьмемъ двѣ, непосредственно слѣдующія одна за другой степени изъ тѣхъ, которыя находятся между указанными моментами. Спрашивается, какъ возникаетъ та величина реальности, которая равняется разности между этими двумя степенями? Тутъ можно сдѣлать только два предположенія: 1. она возникаетъ *сразу;* или 2. она возникаетъ *постепенно*. Если она возникаетъ *постепенно*, то значитъ она сама проходитъ многія промежуточныя степени. Но это противорѣчитъ условіямъ нашей задачи, такъ какъ мы взяли двѣ такія степени, которыя *непосредственно* идутъ одна за другою. Стало быть, остается только второе предположеніе, согласно которому разность между взятыми нами степенями возникаетъ *сразу*. А это возникновеніе *сразу* и есть одинъ изъ тѣхъ *скачковъ*, которые будто бы невозможны. А это значитъ, что *не скачковъ не терпитъ* интеллектъ, *а именно непрерывности.*

Тезису, гласящему, что *скачковъ не бываетъ, а есть только непрерывность*, съ полнымъ правомъ можно противопоставить *антитезисъ*, по смыслу котораго въ дѣйствительности *измѣненіе всегда совершается скачками, но только рядъ мелкихъ и быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ скачковъ сливается для насъ въ одинъ „непрерывный" процессъ.*

Правильная теорія познанія, конечно, должна примирить этотъ *тезисъ* и этотъ *антитезисъ* въ одномъ *синтезѣ*. Мы не можемъ разсматривать здѣсь, какъ можно примирить ихъ въ области *„простыхъ вещей"* Это завело бы насъ слишкомъ далеко.*) Здѣсь для насъ достаточно знать и помнить, что въ *„сложныхъ вещахъ"*, съ которыми намъ такъ часто приходится имѣть дѣло при изученія природы и исторіи, *скачки предполагаютъ непрерывное измѣненіе, а непрерывное измѣненіе неизбѣжно приводитъ къ скачкамъ*. Это — два необходимыхъ *момента* одного и того же *процесса*. Устраните мысленно одинъ изъ нихъ, и весь процессъ станетъ невозможнымъ и немыслимымъ.**)

---

*) Замѣтимъ, однако, что здѣсь прежде всего пришлось бы считаться съ *діалектической природой движенія*.

**) Гегель давно уже показалъ, какъ несостоятельны ходячія разсужденія на ту тему, что природа скачковъ не дѣлаетъ. „Es hat sich gezeigt, — говоритъ онъ, — dass die Veränderungen des Seins überhaupt nicht nur das Uebergehen einer Grösse in eine andere Grösse, sondern Uebergang vom Qualitativen in das Quantitative und umgekehrt sind, ein Anderswerden, das ein Abbrechen des Allmähligen und ein qualitativ Anderes gegen das vorhergehende Dasein ist." Wissenschaft der Logik, Hegels Werke, III. Band, zweite Auflage, S. 434. Г. П. Струве вообразилъ, что цитаты, такъ неудачно натасканныя имъ изъ разныхъ авторовъ, опровергаютъ эту мысль Гегеля. На самомъ дѣлѣ въ нихъ нѣтъ даже и намека на ея опроверженіе. Подробнѣе о Гегелевой теоріи скачковъ см. въ нашей брошюрѣ: *„Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомирова"*.

IV.

Все течетъ, все измѣняется, говорилъ „темный“ эфесскій мыслитель. Все течетъ, все измѣняется, повторяли и повторяютъ сторонники діалектическаго метода. Но если все течетъ и все измѣняется, если явленія постоянно переходятъ одно въ другое, то не всегда легко бываетъ обозначить *границы*, отдѣляющія одно явленіе отъ другого. „Мы, напримѣръ, — говоритъ Энгельсъ, — въ обыденной жизни можемъ съ увѣренностью сказать, существуетъ данное животное, или нѣтъ, но при болѣе точномъ изслѣдованіи мы убѣждаемся, что это иногда въ высшей степени запутанный вопросъ, трудности котораго прекрасно извѣстны юристамъ, тщетно пытавшимся открыть раціональную границу, за которой умерщвленіе ребенка во чревѣ матери можно считать убійствомъ. Невозможно тоже точно опредѣлить и моментъ смерти, такъ какъ физіологія показываетъ, что смерть не есть внезапный, мгновенный актъ, а очень медленно совершающійся процессъ. Всякое органическое существо въ каждое данное мгновеніе есть то же, какимъ оно было въ предыдущемъ, и вмѣстѣ не тоже. Въ каждое данное мгновеніе оно перерабатываетъ извнѣ получаемую матерію и выдѣляетъ изъ себя другую, однѣ клѣточки его организма вымираютъ, другія вновь нарождаются, такъ что спустя извѣстный періодъ времени матерія даннаго организма вполнѣ обновляется, замѣняется другимъ составомъ атомовъ; вотъ почему каждое органическое существо всегда тоже и, однако, не тоже.“ *)

Г. П. Струве, которому, разумѣется, хорошо знакомы эти соображенія, хочетъ поймать правовѣрныхъ марксистовъ на словѣ. Онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они ожидаютъ найти пропасть тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ можетъ быть лишь ровный и почти незамѣтный переходъ. Онъ объявляетъ лишенными разумной теоретической основы ихъ толки о соціальной революціи, которая означала бы собою именно рѣзкое — въ дѣйствительности невозможное, — разграниченіе двухъ общественныхъ формацій: капиталистической и соціалистической.

Но подобными доводами можно сбить съ толку развѣ лишь такого марксиста, который еще не успѣлъ свести въ своемъ міросозерцаніи концы съ концами. Марксистъ, продумавшій основныя положенія своей теоріи, знаетъ, что на самомъ дѣлѣ развитіе совершается вовсе не такъ, какъ хотѣли бы гг. „критики“. Если я вижу, что нагрѣваніе превращаетъ ледъ въ воду, а воду въ паръ, то мнѣ нужно сдѣлать много усилій надъ собою, чтобы не замѣтить *скачковъ*, подготовляемыхъ здѣсь *постепеннымъ измѣненіемъ*. Конечно, такіе скачки

*) Развитіе научнаго соціализма, переводъ В. И. Засуличъ, второе изданіе, Женева 1893 г., стр. 18.

имѣютъ мѣсто не повсюду. Но даже и тамъ, гдѣ ихъ не бываетъ, или тамъ, гдѣ то, что представляется намъ скачкомъ, на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ ряда постепенныхъ, но незамѣтныхъ для насъ переходовъ, даже и въ этихъ случаяхъ мы не рѣдко имѣемъ полную возможность разграничить явленія съ точностью, достаточной для преслѣдуемой нами опредѣленной цѣли. Такъ, хотя смерть и есть болѣе или менѣе медленно совершающійся *процессъ*, а не внезапный *актъ*, мы все таки въ огромномъ большинствѣ случаевъ умѣемъ отличать живыхъ отъ мертвыхъ, и если мы видимъ, что Иванъ ударомъ топора отсѣкаетъ голову Семену, то мы можемъ, не опасаясь ошибки, сказать что онъ совершаетъ убійство, и что отсѣченіе Ивановой головы топоромъ и есть то дѣйствіе, которое лишаетъ его жизни. Тоже и въ области соціально-политическихъ явленій. Общественная *эволюція* совсѣмъ не исключаетъ соціальныхъ *революцій*, которыя являются ея *моментами*. Новое общество развивается „въ нѣдрахъ стараго“, но когда наступаетъ время *„родовъ“*, тогда медленный ходъ развитія обрывается, и тогда „старый порядокъ“, перестаетъ заключать новый въ своихъ „нѣдрахъ“, по той простой причинѣ, что *онъ исчезаетъ вмѣстѣ со своими „нѣдрами“*. Это и есть то, что мы называемъ *соціальной революціей*. Если г. П. Струве хочетъ имѣть наглядное представленіе о соціальной революціи, то мы еще разъ отсылаемъ его къ великому соціальному перевороту, положившему во Франціи конецъ существованію того самаго „ancien régime“, внутри котораго такъ долго развивалось третье сословіе. Г. П. Струве думаетъ, что капиталистическому порядку не суждено умереть такою быстрою и такою насильственною смертью. Мы не препятствуемъ ему думать, какъ ему угодно. Но если онъ хочетъ упрекать насъ въ томъ, что мы думаемъ иначе, то мы попросимъ его напередъ привести въ защиту своего мнѣнія что нибудь болѣе убѣдительное, нежели его нескладныя и неладныя соображенія о *„непрерывности“*.

Но если эти доводы нашего „критика“ несостоятельны въ смыслѣ логики, то они интересны въ *психологическомъ* отношеніи. И съ этой стороны ихъ интересно сопоставить съ нѣкоторыми доводами г. Э. Бернштейна.

Энгельсъ сказалъ, — въ своемъ сочиненіи *„Людвигъ Фейербахъ“*, — что міръ представляетъ собою совокупность процессовъ, въ которой вещи и ихъ умственные образы, т. е. *понятія*, находятся въ безпрерывномъ измѣненіи. Г. Э. Бернштейнъ счелъ нужнымъ подвергнуть это положеніе Энгельса своей *„критикѣ“*. Онъ заявилъ, что „въ принципѣ“ (prinzipiell) онъ, „конечно“, признаетъ это положеніе правильнымъ (sicherlich richtig), но сомнѣвается насчетъ того, въ какой мѣрѣ вѣрна мысль, лежащая въ его основѣ (welche Tragweite dürfen wir dem ihm zu Grunde liegenden Gedanken beilegen)

и какъ надо понимать слова: *постоянное измѣненіе*. Чтобы пояснить, что именно показалось ему сомнительнымъ, г. Бернштейнъ привелъ такой примѣръ. По ученію физіологовъ, составныя части человѣческаго организма постоянно перемѣняются. Въ промежутокъ времени, не превышающій десяти лѣтъ, въ этомъ организмѣ происходитъ полное обновленіе всего вещества. Поэтому можно сказать, что въ каждую данную минуту каждый данный человѣкъ не совсѣмъ тотъ, какимъ онъ былъ въ предъидущую минуту, а по истеченіи нѣкотораго времени онъ въ матеріальномъ отношеніи совершенно перемѣняется. Но, несмотря на это, онъ остается той же самой *личностью*, какою былъ и прежде. Правда, онъ старѣетъ и измѣняется. Онъ развивается; но его развитіе опредѣляется свойствами его организма, и хотя оно могло-бы быть замедлено или ускорено, но оно ни въ какомъ случаѣ не могло бы привести къ тому, чтобы изъ даннаго человѣка получилось существо совсѣмъ другого рода. На этомъ основаніи г. Э. Бернштейнъ думалъ, что вышеприведенное положеніе Энгельса надо видоизмѣнить такъ: міръ представляетъ собою совокупность готовыхъ вещей и процессовъ. Мы видимъ въ немъ такіе процессы, для завершенія которыхъ нужно менѣе одной секунды, но видимъ также и такіе, для которыхъ необходимы цѣлыя столѣтія или даже тысячелѣтія, и которые съ практической точки зрѣнія могутъ быть названы *вѣчными*. Ради нѣкоторыхъ опредѣленныхъ цѣлей изслѣдованія и изложенія не только можно, но и нужно бываетъ иногда отвлечься отъ нѣкоторыхъ специфическихъ признаковъ вещей. Но діалектическія формулы, — думаетъ г Бернштейнъ, — побуждаютъ къ такому отвлеченіе даже тамъ, гдѣ оно совсѣмъ недопустимо или же допустимо только въ извѣстныхъ предѣлахъ. И въ этомъ заключается опасность діалектическихъ формулъ.

Мы не хотимъ касаться здѣсь вопроса о томъ, насколько *поправка*, сдѣланная г. Бернштейномъ, *поправляетъ* Энгельса. Не будемъ мы также распространяться и о поразительной, чисто институтской наивности „критическихъ“ соображеній г. Бернштейна. Главная отличительная черта его, какъ „критика“ философскихъ и соціологическихъ основъ марксизма, вообще состоитъ въ непониманіи имъ критикуемаго предмета.*) Но здѣсь намъ нѣтъ до нея никакого дѣла. Намъ нужно только выяснить себѣ смыслъ упрека, дѣлаемаго г. Бернштейномъ діалектикамъ вообще и марксистамъ въ частности. А этотъ упрекъ сводится къ тому, что они недостаточно считаются со специфическими признаками вещей. Замѣтивъ это, вспомнимъ, въ чемъ упрекаетъ правовѣрныхъ марксистовъ г. П. Струве.

*) Объ его „критическихъ“ подвигахъ см. нашу статью: Cant противъ Канта или духовное завѣщаніе г. Бернштейна во № 2—3 „*Зари*“.

У него выходитъ, что эти люди слишкомъ сосредоточиваютъ свое вниманіе на специфическихъ признакахъ противоположныхъ понятій: *капитализмъ, соціализмъ* и измѣняютъ діалектикѣ, забывая о постепенномъ и непрерывномъ развитіи формъ общественной жизни.*)

Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою *два прямо-противоположныхъ упрека.* По г. Бернштейну, правовѣрные марксисты изъ-за *развитія* на видятъ готовыхъ *вещей*; по г. П. Струве, они изъ-за рѣзко-очерченныхъ *понятій* не видятъ *развитія.* По г. Бернштейну, они слишкомъ вѣрны діалектикѣ; по г. П. Струве, они недостаточно вѣрны ей.

Оба эти упрека вышли изъ одного и того же источника: изъ неправильнаго представленія о діалектикѣ.

Г Бернштейнъ почему-то думаетъ, что діалектика не считается съ тѣмъ, что Гегель называлъ *правами разсудка*, т. е. не заботится о точномъ опредѣленіи понятій. Г П. Струве почему-то вообразилъ, что считаться съ „правами разсудка“ значитъ измѣнять діалектикѣ. На самомъ дѣлѣ отличительная черта людей, умѣющихъ мыслить діалектически, состоитъ въ томъ, что они свободны какъ отъ того, такъ и отъ другого недостатка: они знаютъ, что развитіе каждой данной „вещи“ ведетъ къ ея *отрицанію* и къ переходу ея *въ другую „вещь“* Но они такъ же хорошо знаютъ, что этотъ процессъ перехода одной вещи въ другую можетъ быть для насъ понятенъ только тогда, когда мы научимся отличать ихъ одну отъ другой и не давать нашимъ понятіямъ о нихъ сливаться въ одно безразличное цѣлое: вѣдь на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ именно *о возникновеніи различныхъ вещей, а не о постоянномъ измѣненіи одной и той же вещи.* Выражаясь словами Гегеля, можно сказать, что остается вѣрнымъ діалектическому методу только тотъ, кто умѣетъ отдавать должное и *разуму*, и *разсудку.* Кто забываетъ о правахъ „разума“, тотъ становится *метафизикомъ*; кто упускаетъ изъ виду права „разсудка“, тотъ впадаетъ въ *скептицизмъ.***)

Кто воображаетъ, что сторонники діалектическаго метода *пренебрегаютъ* правами „разсудка“, тотъ такъ же мало понимаетъ истинную природу этого метода, какъ и тотъ, кто во *внимательномъ отношеніи* къ названнымъ правамъ видитъ измѣну діалектикѣ. Первый случай есть случай г. Бернштейна; второй — случай г. П. Струве.

А впрочемъ, какое дѣло до всего этого г Струве и г Бернштейну? Крайне ошибочно было бы воображать, что такъ называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой нибудь серьезной теоретической потребности. До тео-

*) Archiv, S. 688.

**) См. объ этомъ „большую“ энциклопедію Гегеля, параграфъ *81-й* и *дополненіе* къ нему. Ср. также Die Phenomenologie des Geistes, Bamberg und Würzburg 1807, стр. 134 и слѣд.

ріи гг. „критикамъ“ въ сущности очень мало дѣла. Имъ нужно побороть или хотя бы только ослабить извѣстную практическую тенденцію: *революціонную тенденцію* передового пролетаріата. Ихъ „критика“ служитъ имъ оружіемъ въ „духовной борьбѣ“ съ этой тенденціей, и ихъ аргументы имѣютъ въ ихъ глазахъ цѣну лишь постольку, поскольку они помогаютъ выставлять въ неблагопріятномъ освѣщеніи ненавистное имъ понятіе: *соціальная революція*. Эта практическая цѣль оправдываетъ всѣ теоретическія средства. И если одинъ „критикъ“ выдвигаетъ противъ правовѣрныхъ марксистовъ такое обвиненіе, которое совершенно несовмѣстимо съ обвиненіемъ, въ тоже самое время выдвигаемымъ противъ нихъ другимъ „критикомъ“, то тутъ нѣтъ *противорѣчія*, а есть только *разнообразіе въ единствѣ*. Оба „критика“ вполнѣ согласны между собою въ томъ, что надобно разрушить Карѳагенъ, т. е. понятіе: *соціальная революція*. И это обстоятельство дѣлаетъ ихъ *единомышленниками*, создаетъ взаимное сочувствіе между ними. А какой *предлогъ* слѣдуетъ выбрать для разрушенія Карѳагена, это каждый изъ нихъ рѣшаетъ по своему, ни крошечки не смущаясь тѣмъ, что предлогъ, выбираемый имъ самымъ, лишаетъ всякаго смысла предлоги, выбираемые его союзниками. Не даромъ гг. „критики“ возстаютъ противъ „шаблоновъ“!

Въ теоретическомъ отношеніи защищаемая г. П. Струве теорія эволюціи имѣетъ, какъ мы видѣли, тотъ коренной недостатокъ, что въ ней есть мѣсто только для измѣненія уже возникшихъ вещей, а не для возникновенія новыхъ. Но на этотъ недостатокъ охотно закрываетъ глаза и самъ г. П. Струве, и вся та ученая и полуученая, крупная и мелкая буржуазія, которая стремится побороть „духовнымъ оружіемъ“ соціально-революціонныя стремленія пролетаріата. Консервативный классовой инстинктъ, всегда очень зло подшучивавшій надъ идеологами высшихъ классовъ, подшучиваетъ теперь надъ буржуазными „гносеологами“. Онъ заставляетъ ихъ гордиться своими теоретическими ошибками и свысока посматривать на людей, избѣгающихъ такихъ ошибокъ.

V.

Читатель замѣтитъ намъ, пожалуй, что говорить о *консервативномъ* инстинктѣ гг. П. Струве и Э. Бернштейна нельзя потому, что каково бы ни было ихъ отношеніе къ *соціальной революціи*, они все таки выступаютъ рѣшительными сторонниками *соціальной реформы*. Но въ томъ то и дѣло, что рѣшительное отстаиваніе соціальной реформы какъ нельзя лучше уживается въ настоящее время съ *консервативнымъ инстинктомъ современной буржуазіи*.

Вотъ, напримѣръ, послушайте г. Вернера Зомбарта.

„Мысль, занимавшая въ половинѣ нынѣшняго вѣка самыя свѣтлыя головы, — говоритъ онъ, — мысль о возможности въ близкомъ будущемъ общественнаго производства безъ капиталистическаго предпринимателя, — эта мысль въ наши дни живетъ только въ представленіяхъ вымирающей генераціи соціальныхъ фантазеровъ. — Теперь мы знаемъ, что предприниматели могутъ стать излишними только путемъ медленнаго органическаго процесса... Еще на цѣлыя столѣтія хватитъ интенсивной и экстенсивной работы капитализма... И мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ перспективу еще долго видѣть во главѣ нашего экономическаго прогресса тѣхъ людей, которые и теперь руководятъ общественною жизнью: геніальныхъ предпринимателей, имперскихъ купцовъ, директоровъ крупныхъ акціонерныхъ обществъ, имѣющихъ почти стольже важное значеніе, далѣе — руководителей нашего государственнаго, городскаго и коммунальнаго хозяйства.“ *)

Перспектива видѣть во главѣ экономическаго прогресса имперскихъ купцовъ, директоровъ акціонерныхъ компаній, геніальныхъ предпринимателей и т. п. совершенно неотдѣлима отъ перспективы видѣть всю эту почтенную братію *„во главѣ“ эксплуататоровъ наемнаго труда.* Человѣкъ „съ удовольствіемъ привѣтствующій“ одну перспективу, съ удовольствіемъ привѣтствуетъ и другую. Такой человѣкъ, несомнѣнно, стоитъ на точкѣ зрѣнія буржуазіи. Ему дороги ея интересы. Ея инстинктъ самосохраненія говоритъ его устами. И тѣмъ не менѣе онъ горячо защищаетъ *„соціализмъ“*.

„Но это вовсе не значитъ, — увѣряетъ онъ, — что передъ колоссальной сферой дѣятельности современнаго капитализма должны капитулировать соціалистическіе идеалы: *скорѣе наоборотъ, именно на капиталистическомъ пути они получаютъ возможность реализаціи.* Это справедливо какъ въ томъ случаѣ, если мы соціалистическимъ идеаломъ считаемъ планомѣрное управленіе производствомъ и дикими стихійными силами рыночнаго обращенія при помощи союза картелей, такъ и въ томъ случаѣ, когда мы на первый планъ выдвигаемъ защиту интересовъ труда противъ интересовъ собственности. Послѣдній идеалъ достигается путемъ медленнаго преобразованія господствующаго хозяйственнаго порядка; сюда относится фабричное законодательство, государственное страхованіе рабочихъ и вообще всѣ реформы въ законодательствѣ и управленіи, которыя на мѣсто первоначальнаго частноправоваго договора о наймѣ ставятъ публично правовое отношеніе.“ **)

---

*) *„Во что-бы то ни стало! Изъ теоріи и исторіи профессіональнаго движенія.“* Переводъ съ нѣмецкаго, напечатанный въ приложеніи къ русскому переводу книги В. Кулемана: *„Профессіональное движеніе“*, С.-Петербургъ 1901, стр. 95—96.

**) Тамъ же, стр. 96. Курсивъ г. В. Зомбарта.

Что такое „интересы собственности“, т. е. интересы капиталистической собственности, собственности тѣхъ купцовъ, акціонеровъ и предпринимателей, которымъ г. Вернеръ Зомбартъ съ такимъ удовольствіемъ пророчитъ такое долгое господство? Это интересы эксплуатаціи наемнаго труда. Оградить интересы наемнаго труда противъ интересовъ этой собственности значитъ понизить уровень эксплуатаціи работника капиталистомъ. Спрашивается, понизился-ли этотъ уровень, благодаря тѣмъ реформамъ въ отношеніяхъ труда къ капиталу, о которыхъ намъ всѣ уши протрубили сторонники теоріи постепеннаго „опорожненія“ капитализма? Нѣтъ, до сихъ поръ этого не было! Намъ очень хорошо извѣстно, что — наоборотъ — несмотря на всѣ эти реформы, *относительная доля* рабочаго класса въ общественномъ доходѣ *уменьшается* во всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ. Но это означаетъ *повышеніе уровня эксплуатаціи рабочаго класса и увеличеніе его зависимости отъ капиталистовъ*. Стало быть, указанныя реформы не вносятъ ровно никакихъ *существенныхъ* измѣненій въ капиталистическія отношенія производства и ни мало не ограничиваютъ *существенныхъ правъ капиталистической собственности*. И если весь возможный теперь „соціализмъ“ сводится къ такимъ реформамъ, то ни мало не удивительно, что „соціалистическіе идеалы“ лучше всего реализуются на *капиталистической* основѣ. Передовая промышленная буржуазія капиталистическихъ странъ давно уже поняла, что осуществленіе *такихъ* „идеаловъ“ *не только не вредитъ ей, но приноситъ значительную пользу*. Вотъ почему она, такъ рѣшительно возставшая прежде противъ государственнаго вмѣшательства въ отношенія труда къ капиталу и противъ профессіональныхъ союзовъ рабочихъ, теперь сама готова требовать такого вмѣшательства и содѣйствовать возникновенію такихъ союзовъ. Она поняла, что — какъ выражается одинъ изъ буржуазныхъ Пиндаровъ трэдъ-юніонизма — „въ большой механической мастерской розничная покупка рабочей силы есть безсмыслица и нелѣпость“.*) И вотъ ея публицисты и ея ученые выступаютъ убѣдительными проповѣдниками „соціализма“ этого разбора.**)

*) Paul Bureau, le Contrat de Travail, le Rôle des syndicats professionnels, Paris 1902, p. 257.

**) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ самое послѣднее время въ Англіи отношеніе общественнаго мнѣнія буржуазіи къ трэдъ-юніонамъ начинаетъ рѣзко измѣняться. Теперь почти каждый номеръ соціаль-демократической „Justice“ приноситъ намъ нѣсколько новыхъ извѣстій о ходѣ *„войны“* съ трэдъ-юніонами (The war on Trade Unions). Англійская буржуазія какъ будто возвращается къ той мысли, что трэдъ-юніоны мѣшаютъ ей успѣшно конкурировать съ другими странами на всемірномъ рынкѣ. Если эта „война съ трэдъ-юніонами“ не прекратится въ скоромъ времени, то „соціализмъ“ англійской буржуазіи отойдетъ въ область преданія, показавъ, что даже и онъ, при всей своей безобидности, могъ уживаться съ капитализмомъ лишь до поры до времени, *лишь до извѣстнаго предѣла*.

Въ качествѣ ученаго буржуа, очень хорошо знающаго, „гдѣ раки зимуютъ“, г. Вернеръ Зомбартъ весьма краснорѣчиво разсуждаетъ о *соціализмѣ... на капиталистической основѣ*. Но замѣтьте, читатель, что этотъ будто-бы-соціализмъ и есть та пресловутая *„соціальная реформа“*, которую намъ такъ настойчиво рекомендуютъ и такъ старательно расписываютъ гг. Э. Бернштейнъ, П. Струве e tutti frutti. Мы не скажемъ, что „соціалистическіе идеалы“ г. В. Зомбарта вполнѣ покрываютъ собою соціаль-реформаторскіе планы нашихъ „критиковъ“. Возможно, что кое въ чемъ они и разойдутся между собою. Но мы съ увѣренностью утверждаемъ, что „соціализмъ“ г. В. Зомбарта отличается отъ „соціальной реформы“ г. П. Струве никакъ не больше, чѣмъ отличается одна отъ другой двѣ разновидности одного и того же вида. *Это варіяція на одну и ту же тему*. И именно поэтому г. П. Струве такъ превозноситъ г. В. Зомбарта, а г. В. Зомбартъ возлагаетъ такія большія надежды на „неомарксизмъ“ г. П. Струве.*) Рыбакъ рыбака видитъ издалека. И оба рыбака руководствуются однимъ и тѣмъ же классовымъ инстинктомъ.

Въ своей извѣстной книгѣ г. Бердяевъ прекрасно выражаетъ то представленіе о постепенномъ реформированіи капиталистическаго общества, которое свойственно гг. „критикамъ“ à la П. Струве. „Поправки создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ, — говоритъ онъ, — до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная ткань не сдѣлается сплошь новой.“**) Лучше выразиться невозможно. Бѣда только въ томъ, что удачно выразить данное представленіе еще не значитъ устранить изъ него элементы ошибки. Возникновеніе *новой* „общественной ткани“, какъ слѣдствіе усиленнаго штопанья *старой*, есть *единственный, признаваемый гг. „критиками“, случай перехода количества въ качество*. Но это сомнительный случай. Если я штопаю *чулки*, то они останутся чулками и не превратятся въ *перчатки* даже въ томъ крайнемъ случаѣ, когда вся ихъ „ткань“ подвергнется сплошному обновленію. Тоже и со штопаніемъ дыръ капиталистическаго общества. Капиталистическій способъ производства утвердился благодаря *устраненію* феодально-цехового строя, а не благодаря его заштопыванью. И совершенно непонятно, какимъ образомъ и почему штопаніе капиталистической „ткани“ можетъ и должно привести (хотя бы и путемъ самаго медленнаго измѣненія) къ *устраненію капиталистическихъ отношеній производства и къ замѣнѣ ихъ соціалистическими*. Употребленное г. Бердяевымъ образное выраженіе лишь съ большею яркостью

*) См третье изданіе его сочиненія: „Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert“, Jena 1900, S. 126—127.

**) Субъективизмъ и индивидуализмъ, стр. 260.

оттѣнило несостоятельность защищаемой гг. „критиками“ теоріи эволюціи. Мы уже видѣли, что она можетъ объяснять *только измѣненіе* уже существующихъ „вещей“, *а не возникновеніе* новыхъ. Теперь мы съ ясностью видимъ, что она способна служить теоретическомъ руководствомъ *только для тѣхъ, чьи „соціалистическіе идеалы“ не идутъ дальше „непрерывнаго“ штопанья дыръ капиталистическаго общества.* Тѣмъ же, которые стремятся къ созданію новаго общественнаго порядка, она, какъ говорится, *совсѣмъ ни къ чему.* Это именно теорія буржуазной *соціальной реформы*, выставленная противъ теоріи *соціалистической революціи пролетаріата.*

„Непрерывно“ штопать старье и столь же „непрерывно“ воображать при этомъ, что заштопываемое *старье* „непревывно“ превращается въ нѣчто совсѣмъ *новое*, это значитъ „непрерывно“ вѣрить въ такое чудо, которое открыто и „непрерывно“ насмѣхается надъ всѣми законами человѣческаго мышленія. И такую-то *вѣру*, являющуюся въ теоретическомъ отношеніи настоящимъ *противо-естественнымъ порокомъ*, превозносятъ теперь на счетъ якобы утопизма правѣрныхъ марксистовъ! О, „критики“!

На самомъ дѣлѣ утопистами оказываются не правовѣрные марксисты, а именно теоретики *„штопанья“*. Но утопія этихъ теоретиковъ есть утопія совсѣмъ особаго, новаго свойства. Въ исторіи соціальныхъ ученій такой еще никогда не бывало. Вѣра въ чудодѣйственную силу „штопанья“ мирно уживается въ головахъ гг „критиковъ“ съ той несокрушимой и непреоборимой „трезвенностью“, которая благоразумно довольствуется отраднымъ сознаніемъ того, что — какъ выражается гдѣ-то Г. И. Успенскій, — въ будущемъ историческомъ періодѣ почтовыя марки станутъ дешевле на цѣлую копѣйку. Мало того. Эта утопія такъ же немыслима безъ этой трезвенности, какъ *„низъ“* немыслимъ безъ *„верха“*, а *положительный* полюсъ безъ *отрицательнаго.* Мѣщански трезвенный „интеллектъ“ теоретиковъ штопанья „не терпитъ“ другихъ „скачковъ“, кромѣ удешевленія почтовыхъ марокъ въ весьма отдаленномъ будущемъ. И они безусловно повинуются голосу своего интеллекта во всемъ, что касается практической дѣятельности. На практикѣ ими начата эпоха того *сознательнаго* оппортюнизма, который тѣмъ болѣе доволенъ собою, чѣмъ полнѣе и удобнѣе его требованія укладываются въ схему *„штопанья“*. Но чѣмъ болѣе ими овладѣваетъ гордое сознаніе своей трезвенности, тѣмъ непоколебимѣе становится ихъ убѣжденіе въ томъ, что имъ позволительно побаловать себя *мечтою.* И вотъ они благодушно разрѣшаютъ себѣ *повѣрить*, что заплата, помноженная на заплату, даетъ новую „общественную ткань“, а удешевленіе почтовыхъ марокъ будетъ знаменовать собою наступленіе золотого вѣка. Но и вѣра у гг. „критиковъ“ не похожа на вульгарную, слѣпую вѣру обыкновенныхъ смертныхъ. *Она насквозь проник-*

нута невѣріемъ, такъ какъ гг. „критики“ *вѣрятъ* въ то, что они же сами *объявляютъ теоретически-несостоятельнымъ*. Это — вѣра, на которую способны только кантіанцы, которые сначала покажутъ себѣ и другихъ, что ни одинъ изъ доводовъ, приводимыхъ для доказательства бытія божія, не выдерживаетъ критики, а потомъ возьмутъ, да и „увѣруютъ“ въ бога. Психологія такихъ „вѣрующихъ“ людей нѣсколько напоминаетъ психологію гоголевскаго Подколесина. Этотъ персонажъ въ глубинѣ души прекрасно знаетъ, что у него нѣтъ ни малѣйшей охоты жениться и что онъ никогда не женится. Его нерасположенія къ брачнымъ узамъ не пересилятъ никакіе Кочкаревы. Но это не мѣшаетъ ему говорить: „Вотъ какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно надо жениться! Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится.. Право самому какъ-то становится совѣстно“ Разница только въ томъ, что Подколесинъ не имѣетъ того „критическаго“ образованія какимъ отличаются гг. реформаторы новой школы. Подъ вліяніемъ собственныхъ рѣчей Подколесинъ хоть иногда, хоть на короткое время становится женихомъ. А гг. критики рѣшительно не идутъ дальше „штопанья“, такъ какъ ихъ рѣшительно никогда не покидаетъ та мысль, что *обновленіе общественной ткани есть утопія*. Если гг. „критики“ не насмѣхаются надъ своими читателями, не осѣненными „критической“ благодатью; если они дѣйствительно вѣрятъ въ то, во что, по ихъ же словамъ, вѣрить невозможно, то мы имѣемъ передъ собой чрезвычайно интересный случай *„двойного сознанія“*.

„Каждый соціалистъ, — пишетъ г. П. Ствуве, — исходитъ изъ соціализма, какъ изъ нравственно-политическаго идеала; соціализмъ есть для него регулятивная идея, съ помощью которой онъ подвергаетъ нравственно-политической оцѣнкѣ и измѣренію отдѣльные событія и дѣйствія. И не иначе обстоитъ дѣло съ цѣлымъ классомъ, который, будучи организованъ въ партію, выступаетъ какъ единый нравственно-политическій субъектъ. Соціаль-демократическое движеніе должно подчиниться въ идеалѣ конечной цѣли — иначе оно разложится. Вѣра въ конечную цѣль есть религія соціаль-демократіи, и эта религія — вовсе не „частное дѣло“, а важнѣйшій общественный интересъ партіи.“ *)

И это при томъ теоретическомъ сознаніи, что „конечная цѣль“ — утопія! Нѣтъ, что ни говорите, а такая *„религія“*, невозможна безъ „двойного сознанія“ Но мы, соціаль-демократы, находимся въ здравомъ умѣ и въ твердой памяти; мы „двойнымъ сознаніемъ“ не страдаемъ, и намъ нѣтъ ни малѣйшей нужды въ „религіи“ г. П. Струве. Мы очень бла-

*) Archiv, S. 698—699.

годарны ему за его *„регулятивную идею“*, но и ея намъ не требуется. Мы говоримъ о своей конечной цѣли не потому, что мы считаемъ ее *„насъ возвышающимъ обманомъ“*, а потому, что мы *твердо убѣждены въ неизбѣжности ея осуществленія*. Завѣдомо несбыточный идеалъ для насъ не идеалъ, а просто безнравственные *пустяки*. *Нашъ идеалъ*, идеалъ революціонной соціаль-демократіи, это — *дѣйствительность будущаго*. За его осуществленіе ручается намъ весь ходъ современнаго общественнаго развитія, и вотъ почему наша увѣренность въ его будущемъ осуществленіи имѣетъ въ нашихъ глазахъ такъ же мало родственнаго съ „религіей“, какъ и общая намъ съ гг. „критиками“ увѣренность въ томъ, что солнце, „сѣвшее“ сегодня, не полѣнится „взойти“ завтра. Это вопросъ болѣе или менѣе безошибочнаго знанія, а вовсе не болѣе или менѣе твердой „религіозной“ вѣры.

VI.

Но почему нашъ „критикъ“ такъ сильно убѣжденъ въ томъ, что наша *„конечная цѣль“* можетъ быть для *насъ только* предметомъ *„вѣры“*? Почему онъ намъ разрѣшаетъ говорить о ней только въ виду нашего „божественнаго права“ на порядочный кусокъ утопіи? Потому что, говоря о ней, мы покидаемъ *почву реализма*.

А что такое реализмъ? Это марксизмъ, пересмотрѣнный, исправленный, очищенный и дополненный г. П. Струве.

„Изложенное въ этой статьѣ реалистическое воззрѣніе также основывается на идеяхъ Маркса и особенно на коренномъ положеніи историческаго матеріализма о постоянно совершающемся приспособленіи права къ экономіи, какъ и нереалистическое воззрѣніе, оперирующее съ теоретическимъ псевдо-понятіемъ: „соціальная революція“ Марксъ противъ Маркса.“ *)

Въ первой изъ статей, посвященныхъ нами критикѣ нашихъ „критиковъ“, мы показали, какъ уродливо-плохо понялъ г. П. Струве „коренное положеніе“ историческаго матеріализма о причинной зависимости между экономіей и правомъ. Кто внимательно прочиталъ эту статью, тотъ знаетъ, что „реалистическое воззрѣніе“ г „критика“ основывается на „коренномъ“ недоразумѣніи. А кто знаетъ это, тотъ понимаетъ, чего можно ожидать отъ „реалистической“ критики нашей *„конечной цѣли“*. Но не мѣшаетъ подвергнуть и эту критику подробной и внимательной критикѣ.

Г. П. Струве неправильно называетъ ученіе Маркса объ отношеніи экономіи къ праву *кореннымъ* положеніемъ историческаго матеріализма. На самомъ дѣлѣ оно является *лишь однимъ изъ коренныхъ положеній этой теоріи*. Рядомъ съ

*) Archiv, S. 690.

нимъ надо поставить ученіе Маркса объ отношеніи экономіи ко *взглядамъ* и *чувствамъ* людей и къ тѣмъ *цѣлямъ*, которыми задаются люди въ своемъ историческомъ движеніи.

Почему нѣкоторыя изъ этихъ цѣлей представляются намъ *утопическими?* Въ чемъ вообще заключается критерій „*реальности*“? Послушаемъ г. П. Струве.

„Движеніе есть историческій Prius — говоритъ онъ. — Соціализмъ всегда обладаетъ реальностью въ той мѣрѣ, въ какой онъ заключается въ движеніи, порождаемомъ современнымъ хозяйственнымъ порядкомъ, — не болѣе и не менѣе.“ *)

Соціализмъ заключается въ движеніи, порождаемомъ современнымъ хозяйственнымъ порядкомъ. И поскольку онъ заключается въ немъ, постольку онъ „*реаленъ*“. Хорошо. Но какимъ же образомъ соціализмъ заключается въ указанномъ движеніи? Это можно понимать двоякимъ образомъ: 1. или соціализмъ заключается въ немъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ заключается во взглядахъ и въ чувствахъ участниковъ движенія; 2. или онъ заключается въ немъ въ той мѣрѣ, въ какой участникамъ движенія *удается въ данное время передѣлать окружающую ихъ дѣйствительность сообразно ихъ взглядамъ и ихъ чувствамъ*. Если мы примемъ первое толкованіе, то мы придемъ къ тому выводу, что соціализмъ „реаленъ“ постольку, поскольку *къ нему стремятся участники движенія*, порождаемаго нынѣшнимъ историческимъ порядкомъ, т. е. значитъ именно въ той мѣрѣ, въ какой онъ является ихъ „*конечной цѣлью*“ Это совершенно логичный выводъ. Но онъ лишаетъ насъ всякаго подобія права называть *утопіей* конечную цѣль современной соціаль-демократіи: вѣдь стремленіе къ этой цѣли несомнѣнно окрашиваетъ собою взгляды и чувства огромной части людей, примыкающихъ теперь „къ движенію, порождаемому“ и т. д.

А къ какому выводу приводитъ насъ *второе* толкованіе? Къ тому, что соціализмъ реаленъ настолько, насколько онъ можетъ быть осуществленъ въ настоящій моментъ, т. е. именно въ то время, когда мы съ вами, читатель, разсуждаемъ объ его *реальности:* „не болѣе и не менѣе“ Все, что не можетъ быть осуществлено въ это время, оказывается *утопіей*. Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ *къ области утопіи* приходится отнести *не только конечную цѣль современной соціальной демократіи, но и всѣ тѣ ея цѣли, которыя не могутъ быть осуществлены ея* **нынѣшними** *силами*. Такимъ образомъ область утопіи расширяется чрезвычайно сильно, а область „*реалистической*“ дѣятельности, наоборотъ, чрезвычайно сильно съуживается. Болѣе того. Утопистомъ выходитъ у насъ *всякій* общественный дѣятель, ставящій себѣ какую бы то ни было другую цѣль, кромѣ цѣли быть беззаботнымъ на счетъ какихъ

*) Archiv, S. 698.

бы то ни было другихъ цѣлей. Всякая другая цѣль непремѣнно *пріурочивается къ будущему;* всякая другая цѣль неизбѣжно *предполагаетъ недовольство настоящимъ* и, слѣдовательно, уже тотъ фактъ, что ее ставитъ себѣ данный индивидуумъ, ясно показываетъ, что этотъ индивидуумъ не удовлетворяется тѣмъ, что *происходитъ въ настоящее время, благодаря существующему теперь соотношенію общественныхъ силъ;* всякая другая цѣль означаетъ желаніе измѣнить это соотношеніе въ ту или въ другую сторону; всякая другая цѣль выходитъ такимъ образомъ, изъ границъ *„реальности"*. Это тоже вполнѣ логичный выводъ. Но его не дѣлаютъ г. П. Струве и его „критическіе" единомышленники. Хотя они придерживаются именно того взгляда на „коренное" условіе „реальности" соціализма, изъ котораго этотъ выводъ неизбѣжно вытекаетъ, но они не додумываютъ своей мысли до конца; они останавливаются на пол-дорогѣ и признаютъ „реальнымъ" тотъ „соціализмъ", который хотя и не довольствуется существующимъ порядкомъ вещей, но въ своихъ „реформаторскихъ" стремленіяхъ не отваживается идти дальше *„штопанья дыръ"*. При этомъ *утопическими* естественно оказываются всѣ тѣ задачи, для рѣшенія которыхъ необходимо *устранить капиталистическія отношенія производства.*

Теперь, когда мы узнали, въ чемъ состоитъ искомый нами критерій „реальности", у насъ возникаетъ другой и еще болѣе „проклятый" вопросъ о томъ, можно-ли согласить этотъ критерій съ *подлиннымъ*, — не искаженнымъ „критикой", — ученіемъ Маркса *о цѣляхъ въ историческомъ движеніи человѣчества.*

На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно. Г. П. Струве преподноситъ намъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, ту мнимо-реалистическую путаницу понятій, которая наиболѣе яркимъ образомъ выразилась въ печальной памяти „Credo" и которая сводится къ повторенію на разные лады (но всегда „съ ученымъ видомъ знатока") той мысли, что конечная цѣль соціальной демократіи перестанетъ быть утопіей только тогда, — точнѣе: только въ томъ случаѣ, *если* — весь рабочій классъ, процессомъ самобытнаго развитія, безъ всякаго участія въ этомъ процессѣ *„революціонной бациллы"*, будетъ приведенъ къ тому убѣжденію, что его интересы требуютъ немедленнаго осуществленія этой цѣли.

Эта путаница понятій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сбивавшая у насъ довольно многихъ*) могла бы быть принята за злѣйшую пародію на знаменитое предисловіе къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie", если бы люди, ей предающіеся, не сохраняли самой невозмутимой и самой неподдѣльной серьезности.

*) См. нашъ Vademecum для редакціи *„Рабочаго Дѣла"*, Женева 1900.

VII.

Источникомъ ихъ заблужденія послужило слѣдующее мѣсто изъ упомянутаго предисловія: „Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матерьяльныя условія ихъ существованія въ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условія, необходимыя для ея разрѣшенія или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія."

Человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить. Слѣдовательно, если оно еще не поставило себѣ той или другой задачи, — скажемъ задачи полнаго устраненія капиталистическихъ отношеній производства, — то значитъ эта задача еще не можетъ быть разрѣшена. Ну, а стремиться къ разрѣшенію задачъ, неразрѣшимыхъ для настоящаго времени, можетъ только тотъ, кто покидаетъ *реальную* почву и пускается въ область *утопіи*.

Такъ разсуждаютъ многіе „критики", а разъ утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, они уже безъ большого труда отдѣляютъ въ программѣ соціаль-демократіи „реалистическій" элементъ отъ „утопическаго" Представителемъ передовыхъ стремленій современнаго человѣчества въ дѣлѣ преобразованія экономическихъ отношеній является теперь, какъ извѣстно, рабочій классъ. Въ чемъ же состоятъ тѣ практическія задачи, рѣшеніемъ которыхъ занятъ онъ въ настоящее время? Онѣ состоятъ въ сокращеніи рабочаго дня, въ улучшеніи санитарныхъ условій труда, въ организаціи профессіональныхъ союзовъ, кооперативныхъ товариществъ и т. д. и т. д. Устраненіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній еще не занесено пролетаріатомъ въ число *практическихъ* вопросовъ дня. Это именно и показываетъ, что еще не готовы матеріальныя условія, необходимыя для рѣшенія этой задачи. Правда, въ пролетаріатѣ есть слой, стремящійся къ обобществленію средствъ производства и обращенія продуктовъ и ставящій его во главу всей своей программы. Этотъ слой состоитъ изъ *соціаль-демократовъ*. Онъ надѣется увлечь за собою *весь* пролетаріатъ. Можетъ быть, эта надежда когда нибудь и осуществится, но пока она не осуществилась, обобществленіе средствъ производства и обращенія продуктовъ останется *утопическимъ* элементомъ соціаль-демократической программы. Реальны только тѣ задачи, для рѣшенія которыхъ *уже* имѣются средства.

Особенность этой цѣпи силлогизмовъ составляетъ ея *метафизическій характеръ*. Люди, ее придумавшіе, мыслятъ

такъ, какъ мыслятъ всѣ метафизики: „да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“. У нихъ матеріальныя условія рѣшенія данной общественной задачи *или* существуютъ, или *не* существуютъ. Слова Маркса о томъ, что эти условія могутъ находиться *въ процессѣ своего возникновенія*, не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія или, по крайней мѣрѣ, нисколько не помогаютъ имъ опредѣлить, гдѣ кончается *„реальный“* соціализмъ и гдѣ начинается — *утопическій*.

Процессъ возникновенія матеріальныхъ условій, необходимыхъ для рѣшенія данной общественной задачи, не можетъ быть подмѣченъ одновременно *всѣмъ тѣмъ „человѣчествомъ“*, которому современемъ придется рѣшать эту задачу. Это „человѣчество“ состоитъ изъ слоевъ и изъ отдѣльныхъ лицъ, отличающихся неодинаковой степенью развитія (слои) или даже неодинаковыми природными дарованіями (отдѣльныя лица). То, что уже понято одними, какъ историческая необходимость, часто еще даже и не подозрѣвается другими. Въ группѣ людей, идущихъ по одной дорогѣ почти всегда найдутся *дальнозоркіе*, видящіе предметы на большомъ разстояніи, и *близорукіе*, различающіе эти самые предметы только вблизи. Значитъ ли это, что дальнозоркихъ надо отнести къ *„утопистамъ“*, а *„реалистами“* можно признать только близорукихъ? Кажется, что — не значитъ. Кажется, что дальнозоркіе лучше другихъ различаютъ направленіе общаго пути, и что, поэтому, ихъ сужденія о немъ ближе къ *дѣйствительности*, чѣмъ сужденія близорукихъ. Иные захотятъ, можетъ быть, упрекнуть дальнозоркихъ въ томъ, что они слишкомъ рано поднимаютъ разговоръ о тѣхъ предметахъ, мимо которыхъ придется современемъ проходить всей компаніи. Но, во-первыхъ, слишкомъ рано заговорить о *реальномъ предметѣ* еще не значитъ покинуть *реальную почву*. А кромѣ того, — какъ судить о томъ, время или не время поднимать тотъ или другой разговоръ? Представьте себѣ, что чѣмъ раньше дальнозоркіе люди заговорятъ, положимъ, о томъ домѣ, который стоитъ на пути и въ которомъ путниковъ ожидаетъ необходимый имъ отдыхъ, тѣмъ скорѣе они къ нему приблизятся, потому что тѣмъ болѣе они станутъ торопиться. Въ такомъ случаѣ дальнозоркіе *не могутъ заговорить слишкомъ рано*, если только путники хоть немного дорожатъ своимъ временемъ. А вѣдь роль дальнозоркихъ въ этомъ случаѣ очень походила бы на ту роль, которую играютъ соціалъ-демократы въ общемъ движеніи рабочаго класса.

„Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что съ одной стороны въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата; съ другой стороны — тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ

развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. — Такимъ образомъ, коммунисты на практикѣ представляютъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, а въ теоретическомъ отношеніи они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія.. Они борются во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, но въ то же время отстаиваютъ и будущность движенія.“ *)

То, что Марксъ и Энгельсъ говорятъ здѣсь о *коммунистахъ* сороковыхъ годовъ, вполнѣ примѣнимо къ революціонной соціаль-демократіи нашего времени. Она борется за ближайшія цѣли рабочаго класса, но она отстаиваетъ также и будущность движенія. Отстаивать будущность движенія это и значитъ бороться за его „конечную цѣль“ и бороться именно теперь, — сегодня, завтра, послѣ-завтра, въ каждую данную минуту. Если будущность движенія понята правильно, — а ее правильно понимаютъ тѣ, которые съумѣли выяснить себѣ ходъ современнаго экономическаго развитія — то въ отстаиваніи конечной цѣли нѣтъ рѣшительно ни одного атома утопіи. Говорить объ утопіи въ этомъ случаѣ значитъ придавать словамъ совершенно произвольный смыслъ. „Конечная цѣль“ здѣсь также „*реальна*“, какъ реально современное экономическое развитіе.

Революціонная соціаль-демократія на практикѣ представляетъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть пролетаріата всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Она относится къ остальной части пролетаріата почти такъ, какъ *дальнозоркіе* относятся въ нашемъ примѣрѣ къ *близоруким*ъ.**) Она *уже* видитъ то, чего *еще не* видятъ другіе пролетаріи, и, — разъясняя имъ, куда имъ предстоитъ направиться въ будущемъ, — она *осмысливаетъ* ихъ движеніе и *ускоряетъ* его. Скажите, ради бога, гдѣ же здѣсь „*утопія*“? И почему это не „*реально*“?

Тотъ фактъ, что революціонная соціаль-демократія разъясняетъ пролетаріату будущность его собственнаго движенія — его „*конечную цѣль*“ — доказываетъ, что матеріальныя условія, необходимыя для достиженія этой цѣли, уже находятся въ процессѣ своего возникновенія и что этотъ процессъ уже можетъ быть замѣченъ болѣе зоркими глазами. Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія исторической

*) Манифестъ Ккоммунистической Партіи, Женева 1900, стр. 16—17 и 37.

**) Съ тою разницей, что между тѣмъ какъ дальнозоркіе на близкомъ разстояніи видятъ хуже близорукихъ, революціонная соціаль-демократія даже и ближайшіе интересы рабочихъ понимаетъ обыкновенно лучше, чѣмъ люди, не признающіе „конечной цѣли“

теоріи Маркса. А наши „критики“ поняли эту теорію такъ нелѣпо, что у нихъ оказывается утопіей всякая попытка людей, обладающихъ острымъ зрѣніемъ, приглядѣться къ названному процессу и опредѣлить его послѣдній результатъ. Ахъ, господа, господа, слона-то вы и не замѣтили!

VIII.

А можетъ быть гг „критики“ à la Струве все таки еще не сообразили, въ какомъ именно мѣстѣ они „даютъ ошибку“? Побесѣдуемъ еще немного съ этими догадливыми „реалистами“. Будемъ держаться того элементарнаго, но иногда совершенно неизбѣжнаго педагогическаго пріема, который такъ часто и съ такимъ успѣхомъ практиковалъ великій русскій просвѣтитель Н. Г. Чернышевскій. Станемъ объяснять по складамъ: буки азъ — ба, буки азъ — ба, баба и т. д.

Экономическія отношенія опредѣляютъ собою *взгляды* людей и ихъ *дѣйствія*. Но люди не всегда понимаютъ характеръ своихъ собственныхъ экономическихъ отношеній, и не всегда ихъ взгляды развиваются такъ же быстро, какъ совершается развитіе ихъ экономическихъ отношеній. Чаще бываетъ такъ, что *взгляды* болѣе или менѣе значительно отстаютъ въ своемъ развитіи отъ *экономики*. *Новыя экономическія отношенія* лишь съ теченіемъ времени, лишь мало по малу расшатываютъ *старые взгляды* и порождаютъ *новые*. Причина возникаетъ раньше своего слѣдствія. Благодаря этому безспорному обстоятельству, лица или группы лицъ, одаренныя проницательностью, получаютъ возможность принимать дѣятельное участіе въ поступательномъ движеніи человѣчества. Понявъ смыслъ существующихъ экономическихъ отношеній, они выясняютъ его другимъ, менѣе проницательнымъ, и тѣмъ вліяютъ на ихъ взгляды, а черезъ посредство ихъ взглядовъ и на ихъ дѣйствія, которыя въ свою очередь способствуютъ дальнѣйшему развитію даннаго экономическаго порядка.*) Но все течетъ, все измѣняется. Понять то, что измѣняется, значитъ выяснить себѣ, къ чему придетъ оно на *послѣдней* ступени своего развитія. Иначе нѣтъ полнаго пониманія, какъ это извѣстно еще со временъ Аристотеля. Стремленіе опредѣлить послѣднюю стадію, окончательный исходъ даннаго процесса развитія не только вполнѣ законно, но прямо обязательно для всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ придти къ его пониманію. Поэтому люди, желающіе понять экономическія отношенія современныхъ цивилизованныхъ обществъ, должны употребить всѣ силы своего разума на то, чтобы узнать, куда идетъ развитіе этихъ отношеній и *чѣмъ закончится* процессъ ихъ развитія. Если эти люди

*) Въ дѣйствительности историческій процессъ выясненія и измѣненія взглядовъ людей не ограничивается выясненіемъ и измѣненіемъ однихъ только *экономическихъ* взглядовъ. Но мы упростили ходъ дѣла для болѣе наглядnаго его изображенія.

убѣдились въ томъ, что онъ закончится устраненіемъ *капиталистическихъ отношеній производства и замѣной ихъ соціалистическими*, и если они, по своимъ симпатіямъ или по своему классовому положенію, имѣютъ основаніе радоваться такому исходу, то они станутъ *указывать на него другимъ людямъ и будутъ побуждать ихъ содѣйствовать ему всѣми средствами.* Онъ сдѣлается *конечной цѣлью* всѣхъ ихъ усилій, онъ ляжетъ въ основу всей ихъ программы. И если они не заблуждаются на его счетъ, если „ходъ вещей“ въ самомъ дѣлѣ направляется въ сторону ихъ конечной цѣли, то они могутъ смѣло сказать, что подъ ними есть твердая реальная почва, и что *утописты не они, а всѣ тѣ, которые считаютъ утопіей ихъ конечную цѣль.*

Конечная цѣль революціонной соціаль-демократіи представляетъ собою не болѣе, какъ сознательное выраженіе безсознательной тенденціи, свойственной развитію нынѣшняго общества. Современный соціализмъ, — подъ знаменемъ котораго идетъ революціонная соціаль-демократія, — только потому и имѣетъ право называться научнымъ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, ту въ высшей степени важную теоретическую задачу, которую еще Шеллингъ ставилъ общественной наукѣ въ своемъ, — столь богатомъ содержаніемъ, — сочиненіи „System des transcendentalen Idealismus“: объяснить, какимъ образомъ сознательная *(„свободная“)* дѣятельность людей въ исторіи не только не исключаетъ того, что называется *исторической необходимостью*, но предполагаетъ ее, какъ свое необходимое условіе. Соціалисты-*утописты* исходили изъ того или другого отвлеченнаго принципа и опирались на его силу. Послѣдователи *научнаго соціализма* исходятъ изъ сознанія исторической необходимости и опираются на ея силу. „Конечная цѣль“ есть у однихъ, какъ была она и у другихъ; но „конечная цѣль“ утопистовъ относилась къ дѣйствительности совсѣмъ иначе, чѣмъ относится къ ней „конечная цѣль“ послѣдователей научнаго соціализма. Вотъ почему между тѣми и другими лежитъ цѣлая пропасть. И вотъ почему послѣдователямъ научнаго соціализма такъ трудно помириться съ утопическими элементами, не рѣдко и теперь еще встрѣчающимися въ программахъ соціалистовъ *„широкаго“* образа мыслей. Они не выносятъ утопіи, а ихъ величаютъ за это *сектантами, догматиками* и прочими ласкательными прозвищами.

Чтобы вліять на историческое движеніе, надо понять существующій экономическій порядокъ. Понять существующій экономическій порядокъ значитъ выяснить себѣ процессъ его развитія вплоть до его *окончательнаго исхода* включительно. Будучи выясненъ, этотъ *исходъ* неизбѣжно становится нашей *„конечной цѣлью“* при первой же нашей попыткѣ *положительнаго участія* въ историческомъ движеніи. Выталкивайте *„ко-*

нечную цѣль“ въ дверь, она ворвется въ окно, если только вы не закроете окна ставнями, преграждающими доступъ всякому поползновенію *понять* данный процессъ общественнаго развитія и всякому искушенію *дѣйствовать* сообразно съ достигнутымъ вами пониманіемъ.

Для того, чтобы „конечная цѣль“ стала для соціалиста болѣе или менѣе благочестивой утопіей, неосуществимость которой ясна для него при свѣтѣ сознанія, необходимо, чтобы онъ предварительно убѣдилъ себя въ томъ, что никакого окончательнаго исхода развитіе нынѣшняго экономическаго порядка имѣть не будетъ и не можетъ по самому своему существу. Разъ такой исходъ признанъ невозможнымъ, то тѣмъ самымъ признано теоретически несостоятельнымъ и стремленіе расположить всю свою дѣятельность такъ, чтобы она ускоряла его приближеніе. Невозможность окончательнаго исхода *лишаетъ „конечную цѣль“ реальной основы.* Но что же означаетъ собою это признаніе невозможности окончательнаго исхода? Оно означаетъ убѣжденіе въ томъ, что *процессъ развитія капитализма будетъ продолжаться постоянно*, т. е. другими словами, что *капитализмъ будетъ существовать всегда* или, *по крайней мѣрѣ такъ необозримо-долго, что незачѣмъ и задумываться объ его устраненіи.* Это, какъ видите, есть уже извѣстное намъ убѣжденіе г. В. Зомбарта, сообщившаго намъ ту великую и отрадную новость, что соціализмъ не исключаетъ капитализма, т. е. что *даже развитіе соціализма не положитъ конца капиталистическому способу производства.* Это есть также убѣжденіе г. П. Струве и другихъ „критиковъ“.*) Разъ у соціалиста возникло такое убѣжденіе, ему въ самомъ дѣлѣ не остается ничего другого, какъ положить *„конечную цѣль“* своей партіи на божницу благочестивыхъ утопій и признать *штопанье дыръ* единственной общественной дѣятельностью, имѣющей подъ собою *реальную почву.* Но вѣдь это значитъ, что *„конечная цѣль“* дѣлается для соціалиста *утопіей* только тогда, *когда онъ перестаетъ быть соціалистомъ.*

IX.

Г. П. Струве самъ чувствуетъ, что убѣжденіе въ практически-безконечной прочности и „приспособляемости“ капиталистическаго способа производства является необходимымъ *предварительнымъ условіемъ* того отношенія къ *„конечной цѣли“*, которое онъ рекомендуетъ, какъ единственное достойное мыслящаго человѣка. Именно для того, чтобы вселить насъ это убѣжденіе, онъ и принялся „критиковать“ понятіе: *соціальная*

*) „Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, — увѣряетъ г. С. Булгаковъ, — это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.“ *„Капиталистъ и Земледѣлецъ“*, т. II, стр. 456.

революція съ помощью тѣхъ глубокихъ „гносеологическихъ“ соображеній, которыя должны были обнаружить предъ нами полную несостоятельность этого „псевдо-понятія“, и которыя превосходно резюмируются въ знаменитомъ вопросѣ Козьмы Пруткова: *„Гдѣ начало того конца, которымъ оканчиваетсяначало?“* А для того, чтобы *подготовить* насъ къ принятію указаннаго убѣжденія, онъ сталъ увѣрять насъ въ томъ, что общественныя противорѣчія постепенно *„притупляются“*, и что если мы взглянемъ на дѣло безъ предразсудковъ, привитыхъ намъ правовѣрнымъ марксизмомъ, то сами увидимъ, что прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ, есть функція всего общественнаго капитала.*) При столь *„реалистическомъ* воззрѣніи“ понятіе объ эксплуатаціи работника капиталистомъ облекается такимъ густымъ туманомъ „критики“, что мы совсѣмъ перестаемъ понимать, затѣмъ же и кому же — кромѣ „утопистовъ“, „эпигоновъ“, „догматиковъ“ и т. д. — нужно устраненіе капитализма, и тогда вопросъ о *„конечной цѣли“* соціалистовъ рѣшается самъ собой: въ лучшемъ случаѣ мы третируемъ эту цѣль какъ „насъ возвышающій обманъ“. *„Критика“ г. П. Струве полна ошибокъ и недоразумѣній.* Но она имѣетъ то несомнѣнное достоинство, что *она отъ начала до конца остается вѣрной своей собственной „конечной цѣли“.*

Господа, придерживающіеся *„реалистическаго воззрѣнія“* г. П. Струве, — а имъ у насъ имя легіонъ, — безпрестанно говорятъ о „критикѣ“. Безъ „критики“ они не дѣлаютъ ни одного шагу, „критическій“ демонъ искушаетъ ихъ денно и нощно. Но очень страннымъ представляется на первый, невнимательный взглядъ, что та критика, которой предаются наши „критики“, чрезвычайно предрасполагаетъ ихъ *къ совершенно некритическому усвоенію ученій новѣйшихъ представителей буржуазной экономіи* до какого нибудь Бемъ-Баверка — этого Бастіа нашихъ дней — включительно. И чѣмъ усерднѣе работаетъ оружіе „критики“, тѣмъ полнѣе и прочнѣе становится *единомысліе* между нашими „критиками“ съ одной стороны и профессіональными защитниками буржуазіи съ другой. Искушающій гг. „критиковъ“ демонъ „критики“ оказывается *„домовымъ“ современной буржуазіи.*

Это странно именно только на первый, невнимательный взглядъ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи все дѣло оказывается какъ нельзя болѣе простымъ и понятнымъ.

Историческая миссія нашихъ „критиковъ“ заключается въ „пересмотрѣ“ Маркса для устраненія изъ его теоріи всего ея соціально-революціоннаго содержанія. Марксъ, имя котораго съ увлеченіемъ повторяется теперь революціоннымъ

*) Эта послѣдняя мысль высказана была имъ въ статьѣ *„Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности“*, Жизнь, февраль 1900 г.

пролетаріатомъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ; Марксъ, который призывалъ рабочій классъ къ *насильственному* низверженію нынѣшняго общественнаго порядка; Марксъ, который, — по прекрасному выраженію Либкнехта — былъ революціонеромъ *и по чувству, и по логикѣ; этотъ* Марксъ очень несимпатиченъ нашей образованной мелкой буржуазіи, идеологами которой являются гг. „критики“ Ее отталкиваютъ его крайніе выводы; ее пугаетъ его революціонная страсть. Но „по нынѣшнимъ временамъ“ трудно обойтись и совсѣмъ безъ Маркса: *его* критическое оружіе незамѣнимо въ борьбѣ съ охранителями всѣхъ реакціонныхъ цвѣтовъ и съ утопистами разныхъ народническихъ оттѣнковъ. Поэтому надо очистить теорію Маркса отъ революціонныхъ плевелъ; надо противопоставить Марксу-*революціонеру* Маркса-*реформатора*, Маркса-*„реалиста“*. *„Марксъ противъ Маркса“!* И вотъ закипаетъ работа „критики“ Изъ теоріи Маркса выбрасываются одно за другимъ всѣ тѣ положенія, которыя могутъ послужить пролетаріату духовнымъ оружіемъ въ его революціонной борьбѣ съ буржуазіей. Діалектика; матеріализмъ; ученіе объ общественныхъ противорѣчіяхъ, какъ о стимулѣ общественнаго прогресса; теорія стоимости вообще и теорія прибавочной стоимости въ частности; соціальная революція; диктатура пролетаріата, — всѣ эти необходимыя составныя части Марксова научнаго соціализма, безъ которыхъ онъ утрачиваетъ все свое существенное содержаніе, объявляются *второстепенными частностями*, несоотвѣтствующими нынѣшнему состоянію науки, тенденціозными, утопичными и потому подлежащими ампутаціи въ интересахъ безпрепятственнаго развитія основныхъ положеній того же мыслителя. „Марксъ противъ Маркса“! „Критическая“ работа „непрерывно“ продолжается. И мало по малу изъ горнила „критики“ выходитъ такой Марксъ, который, мастерски доказывая намъ историческую необходимость *возникновенія капиталистическаго способа* производства, обнаруживаетъ очень большой скептицизмъ во всемъ томъ, что казается замѣны капитализма соціализмомъ. Изъ *Маркса-революціонера* „критика“ ухитрается сдѣлать *Маркса-почти-консерватора*. И все это будто бы съ помощью его же собственныхъ положеній. По истинѣ можно сказать, что подобныя этому превращенія пришлось пережить только Аристотелю, котораго средне-вѣковые схоластики изъ языческаго философа сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ отца христіанской церкви.

„Въ своемъ мистифицированномъ видѣ діалектика сдѣлалась нѣмецкой модой, — говоритъ Марксъ, — такъ какъ казалось, что она служила для прославленія существующаго порядка. Въ своемъ раціональномъ видѣ она огорчаетъ и раздражаетъ буржуазію и ея теоретическихъ выразителей, потому что, давая положительное объясненіе существующему, она въ то же время объясняетъ его отрицаніе, его неизбѣжное

паденіе; потому что она разсматриваетъ каждую возникшую форму въ потокѣ ея движенія, а слѣдовательно съ ея преходящей стороны; потому что она ни передъ тѣмъ не останавливается, будучи критической и революціонной по своему существу.*)

Настоящій Марксъ до конца своихъ дней оставался вѣренъ революціонному духу *діалектики*. Но именно это обстоятельство и не нравилось гг. „критикамъ". Они *„пересмотрѣли"* теорію Маркса съ точки зрѣнія *„реализма"*, и въ результатѣ ихъ „пересмотра" получилась такая доктрина, которая, *давая „положительное объясненіе" капитализму, въ то же время отказывается объяснить его „неизбѣжное паденіе"*, анализировать его съ его *„преходящей стороны"*. Съ *этой* стороны *„пересмотренный" нашими „критиками" Марксъ анализируетъ только старые, до-капиталистическіе способы производства и вырастающія на ихъ основѣ политическія формы*. Такимъ образомъ нашъ „неомарксизмъ" является самымъ надежнымъ оружіемъ русской буржуазіи въ борьбѣ ея за духовное господство въ нашей странѣ.**)

Г. П. Струве стоитъ за „соціальную реформу". Мы уже знаемъ, что эта пресловутая реформа не идетъ дальше штопанья буржуазной общественной „ткани". Въ томъ видѣ, какой придается ей въ теоріи г. П. Струве, она не только не угрожаетъ господству буржуазіи, но напротивъ, обѣщаетъ поддерживать его, содѣйствуя упроченію *„соціальнаго мира"*. И если наша крупная буржуазія до сихъ поръ и слышать не хочетъ объ этой „реформѣ", то это не мѣшаетъ нашему *„неомарксизму"* быть лучшимъ и самымъ передовымъ выраженіемъ общихъ соціально-политическихъ интересовъ буржуазнаго класса *какъ цѣлаго*. Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы-вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего *„средняго" класса*. Мы нисколько не удивимся, если тотъ или другой изъ нашихъ „критиковъ" дойдетъ въ этомъ смыслѣ до *степеней* весьма *„извѣстныхъ" и станетъ, напримѣръ, во главѣ нашихъ либераловъ*.

Довольно много лѣтъ тому назадъ мы въ нашемъ журналѣ *„Соціаль-Демократъ"* высказали ту мысль, что народническая теорія окончательно отжила свое время и что нашей буржуазной интеллигенціи необходимо, раздѣлавшись съ на-

---

*) См. предисловіе ко второму нѣмецкому изданію перваго тома *„Капитала"*, стр. XIX.

**) Психологія западно-европейскихъ „критиковъ" Маркса отличается отъ русскихъ „критиковъ" лишь въ той мѣрѣ, въ какой западная буржуазія старше русской. Но существеннаго различія здѣсь нѣтъ, не было и быть не можетъ: та же буржуазная погудка, хотя немного и на другой ладъ.

родничествомъ, *европеизировать* свои взгляды.*) Теперь эта европеизація уже въ значительной степени совершилась, но совершилась въ неожиданной для насъ формѣ. Когда мы указывали на ея необходимость, мы не думали, что она совершится подъ знаменемъ хотя бы и *„пересмотрѣннаго“ марксизма.* „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“, справедливо говоритъ русская пословица. . . .

Теперь, когда мы знаемъ не только ошибки г. П. Струве, но также и raison d'être его ошибокъ; теперь, когда мы поняли его не только со стороны путаницы его понятій, но и со стороны его историческаго призванія; теперь мы можемъ разстаться съ нимъ, пожелавъ ему всяческаго благополучія. Теперь насъ ждетъ другая задача. Мы видѣли, какъ вообще несостоятельна придуманная г. П. Струве „критика“ Марксовой теоріи соціальнаго развитія. Мы видѣли, въ частности, какъ неудачна его попытка показать невозможность *„скачковъ“* въ области мысли и въ области жизни. Намъ надо показать теперь, какъ понимали основатели научнаго соціализма тѣ *„скачки“*, которые называются *соціальными революціями*, и какъ они представляли себѣ будущую *соціальную революцію пролетаріата.* Это мы сдѣлаемъ въ слѣдующей статьѣ, которая послужитъ началомъ *второй* части нашей *„Критики нашихъ критиковъ“*.

Г. Плехановъ.

*) См. внутреннее обозрѣніе второй книжки *„Соціаль-Демократа“* (Женева, 1890).

Habeas Corpus.

Оригинальный былъ человѣкъ Парфенъ Семенычъ въ своей средѣ. Всю свою ссыльную жизнь въ Сибири онъ провелъ на Витимскихъ пріискахъ, перебывавъ во всевозможныхъ положеніяхъ въ неустанномъ стремленіи „раздуть, какъ онъ выражался, кадило“ Зачѣмъ это было нужно ему, онъ и самъ ясно не отдавалъ себѣ отчета. Ни жены, ни дѣтей, ни любовницы — одинъ, какъ перстъ. Его суетливая предпріимчивость объяснялась, по моему, потребностью дѣятельной натуры, а постоянное общеніе съ людьми наживы пріучило его видѣть въ деньгахъ ключъ ко всѣмъ благамъ не только матеріальнымъ, но и духовнымъ. Отсюда его честолюбіе — стать человѣкомъ богатымъ; разъ эта цѣль достигнута, все остальное приложится. Вмѣстѣ съ тѣмъ Парфенъ Семенычъ далеко не былъ чуждъ и нѣкоторыхъ идейныхъ интересовъ. Онъ любилъ читать газеты, журналы и, благодаря врожденнымъ способностямъ, не только легко усвоивалъ свѣдѣнія фактическаго характера, но по своему подчасъ даже недурно разбирался въ различныхъ направленіяхъ общественной мысли. Въ этомъ отношеніи онъ не мало обязанъ также государственнымъ ссыльнымъ, съ которыми ему приходилось часто сталкиваться первые годы ссылки. Правда, самолюбіе, желаніе казаться независимымъ въ своихъ сужденіяхъ, заставляло его относиться къ нимъ какъ-то бодливо: онъ вѣчно спорилъ, хотя въ сущности далеко не всегда изъ-за несогласія съ ними; часто онъ вступалъ въ полемику лишь для того, чтобы себѣ самому уяснить извѣстный вопросъ. Для него, не получившаго никакого образованія, эта манера много способствовала выучкѣ и шлифовкѣ его ума. Не смотря на внѣшнее свысока отношеніе къ людямъ книжнымъ, онъ охотно искалъ ихъ общества, и благодаря этому его влеченію, я попалъ къ нему въ поисковую партію по занятію площадей въ районѣ рѣки Муи.

Мы ѣхали верхомъ среди полнаго бездорожья, устали изрядно и встрѣтивъ пустой балаганъ, остановились на ночлегъ. Наши рабочіе расположились подъ открытымъ небомъ, разложивъ гигантскій костеръ, который съ трескомъ и свистомъ швырялъ въ высь цѣлыя ракеты громадныхъ искръ. Мы съ Парфенъ Семенычемъ водворились въ балаганѣ, гдѣ застали какого-то „шпанца“, устроившагося на подстилкѣ изъ свѣжихъ еловыхъ вѣтвей. Онъ пилъ чай, черпая изъ котелка

китайской чашкой и размачивая въ ней ржаные сухари. Около лежалъ грязный мѣшокъ съ лямками и стояла прислоненная къ стѣнѣ винтовка. Не смотря на лѣтнюю пору, рабочій былъ въ высокихъ томскихъ валенкахъ. Сухо отвѣтивъ на наше привѣтствіе, онъ молча продолжалъ чаепитіе. Въ кое-какъ сбитомъ изъ глины камелькѣ ярко пылали угли, чѣмъ мы поспѣшили воспользоваться, чтобы вскипятить въ чайникѣ воду. Въ ожиданіи чая, утомленные длиннымъ переѣздомъ этого дня, мы разлеглись на разостланныхъ кошмахъ.

Дорогой мы спорили, и Парфенъ Семенычъ, сознавая, но не признавая, себя сраженнымъ, былъ не въ духѣ. Онъ приладилъ въ эмалированномъ стаканѣ свѣчку, вынулъ изъ сумки номеръ газеты и закрылъ имъ отъ меня свое лицо. Я лежалъ на спинѣ, заложивъ руки подъ голову и наслаждался покоемъ. Чувствовалось мнѣ, что Парфенъ Семенычъ не столько занятъ газетой, сколько обдумываніемъ плана реванша, и я ежеминутно ожидалъ новаго съ его стороны нападенія. Онъ не заставилъ себя долго ждать.

Это не изъ „вашихъ“ ли корреспондируетъ изъ Кучумовской волости? — не безъ яду спрашиваетъ Парфенъ Семенычъ, не отрывая глазъ отъ газеты.

Все можетъ быть. А что такое?

Засѣдателя во взяточничествѣ обличаетъ.

Ну, такъ что жъ? Дѣло хорошее.

Хорошее, да лопухомъ поросшее. И скотинѣ и человѣку этотъ бурьянъ безъ надобности.

О, Парфенъ Семенычъ, заражаюсь я явной, хотя и сдерживаемой, раздражительностью его тона, бросьте вы эзоповскій языкъ. На берегахъ пустынныхъ волнъ Витима это совершенно излишняя предосторожность.

Равняться съ вами не смѣемъ, выражаемся какъ умѣемъ. Куда намъ! Окончили курсъ второго класса гимназіи, въ университетѣ не волновались .

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Парфенъ Семенычъ, въ чемъ суть?

А въ томъ, видите-ли, что вашему корреспонденту лишь бы высокія идеи провозглашать, а полезны ли онѣ для людей, или нѣтъ — на это ему наплевать; для тѣхъ самыхъ людей, что нынѣ живутъ въ Кучумской волости, для „ближнихъ“, а не для „дальнихъ“, что будутъ жить въ вашемъ будущемъ строѣ. А я вотъ вамъ скажу: не только не полезно, а прямо таки зловредно. Засѣдатель Хапкинъ мнѣ лично прекрасно извѣстенъ. Человѣкъ чрезвычайно удобнаго направленія. Поразспросили бы вы самихъ кучумовцевъ, какъ они къ нему относятся. „При немъ, говорятъ, только и жить можно“ Взятки беретъ! Скажите пожалуйста! Беретъ, за то другимъ жить даетъ. А вотъ до него былъ: идеальнѣйшая и честнѣйшая личность — отъ предначертаній начальства ни на шагъ. И что же вы думаете? Вся волость волкомъ

взвыла. А нынѣшній, взяточникъ, безъ преувеличенія можно сказать, отъ голодной смерти крестьянъ избавилъ. „Помните, какой голодъ въ 97 мъ году свирѣпствовалъ? Засуха все сожгла, а что по лѣснымъ расчисткамъ оставалось, кобылка пожрала. Ни хлѣба, ни травы, ни живности: палъ такой пошелъ по тайгѣ, что всего звѣря, всю бѣлку разогналъ. Кучумовцы — къ засѣдателю, умоляютъ Христомъ-Богомъ доложить кому слѣдуетъ на счетъ ссуды. „Не могу, говоритъ, вижу вашу нужду, а не могу". — Какъ, что, почему? Сами, молъ, знаете: заболонь ѣдимъ, дѣти съ голоду пухнутъ. „Знаю, говоритъ, все знаю. Только что-же я подѣлаю, ежели голодать не полагается, не соотвѣтствуетъ видамъ правительства". Прочиталъ имъ предписаніе исправника: дѣйствительно, „предлагаетъ" не безпокоить начальство тревожными донесеніями. При прежнемъ засѣдателѣ и разговоровъ тутъ больше никакихъ. Начальство „предлагаетъ" — значитъ ложись и помирай. А съ Хапкинымъ сошлись. Сердце-то у него теоріями не засушено, пожалѣлъ людей, рискнулъ пойти противъ предначертаній и выхлопоталъ таки ссуду. И всего то за рискъ взялъ съ души по десять бѣлокъ. Крестьяне обязались внести мѣстному покрутчику изъ перваго удачнаго промысла, а покрутчикъ уплатилъ засѣдателю наличными. Посмотрѣли бы вы, какъ ликовали кучумовцы... Хоть самимъ то и мало хлѣба довелось ѣсть, — больше скотину подкармливали, — все же какъ-никакъ, а зиму перебились. Что же, спрашиваю я васъ, подло засѣдатель поступилъ, или нѣтъ? О, вы, конечно, скажете, что ему слѣдовало сдѣлать тоже самое безвозмездно. Спору нѣтъ, это было бы очень даже умилительно. Только ужъ извините: подобный образъ дѣйствія съ экономическимъ матеріализмомъ какъ то не вяжется. Борьба реальныхъ интересовъ — и вдругъ безкорыстіе! — Парфенъ Семенычъ приподнялся съ своего ложа и недоумѣвающе развелъ руками.

Заинтересованный фактической стороной разсказа и опасаясь возникновенія надоѣвшихъ мнѣ безплодныхъ словопреній, я отклоняю вызовъ и замѣчаю:

По десяти бѣлокъ съ души. Согласитесь, для истощенныхъ мужицкихъ спинъ довольно чувствительно.

Но человѣку надо же себя обезпечить. Старушка мать, жена, трое дѣтей. Вы не любите этихъ аргументовъ, а между тѣмъ чего ужъ реальнѣе: и ѣдятъ и пьютъ, и продукты фабричной промышленности употребляютъ... Пріймите во вниманіе, что засѣдатель рисковалъ потерять должность. Послѣ этого сколько лѣтъ на плохомъ счету состоялъ. Первое время даже, что называется, висѣлъ на волоскѣ. Лишенъ, дескать, чувства административнаго обонянія, страдаетъ альтруизмомъ...

Желаете еще примѣрчикъ? Въ саханской области евреямъ торговать возбранено. Законъ не новый, но какъ по мѣрѣ

удаленія отъ культурныхъ центровъ духъ законности ослабѣваетъ, то и въ области не произошло отъ сего никакихъ перемѣнъ. Вдругъ какъ то, неизвѣстно по какой причинѣ, циркуляръ: блюсти законъ во всей строгости и никакихъ послабленій, подъ страхомъ отвѣтственности, не допускать. А торговые паузки были уже въ пути, плывутъ себѣ потихоньку безъ страха и сомнѣнія. Въ Саханскѣ только что перекинули на берегъ сходни, является этнографическая экспедиція. Преднисано отъ Акадаміи Наукъ выяснить національность судовладѣльцевъ. Два паузка съ керосиномъ оказываются еврейскаго происхожденія. Немедленно велятъ отчаливать, а въ случаѣ ослушанія грозятъ срубить причалы и спустить посуды въ океанъ. Случись-же такъ, что въ городѣ ни фунта керосину, и на православныхъ паузкахъ его нѣтъ: по дорогѣ успѣли весь распродать на пріиска. Представьте же себѣ послѣдствія, еслибъ начальникъ экспедиціи, во исполненіе циркуляра, срубилъ причалы. И судовладѣльцамъ разворъ и городъ на всю зиму остается безъ освѣщенія. Къ счастью, обѣ стороны вывела изъ бѣды гонимая вашимъ корреспондентомъ взятка. Евреямъ данъ былъ какой-то срокъ для оптоваго сбыта товара. Мѣстные купцы нашей родной національности здорово нагрѣли тогда руки. Второпяхъ евреямъ пришлось продать керосинъ въ чистый убытокъ. Ну, да кто себѣ врагъ? Довольно того, что хоть городъ зиму въ темнотѣ не сидѣлъ.

По вашему ученію, замѣтилъ я, взятка — это своего рода сибирскій Habeas Corpus. На сколько помню изъ „Государственнаго права европейскихъ народовъ“ Градовскаго, ни въ одной странѣ этотъ актъ не истолковывается въ столь своеобразномъ смыслѣ.

А о Сибири Градовскій повѣствуетъ?

Говоритъ.

Ну, значитъ, у васъ отшибло память. Нельзя же допустить, чтобы такой основательный правовѣдъ не зналъ о существованіи взятки, этого краеугольнаго камня нашего личнаго права. Надѣюсь онъ не изъ марксистовъ?

Нисколько. Это былъ самый здраво и благо мыслящій ученый. Но при чемъ тутъ марксизмъ? сорвалось у меня.

Ну, струсилъ я, упрекая себя за неосторожный вопросъ, теперь заведетъ волынку на весь вечеръ.

А вотъ при чемъ. Это вѣдь чисто по марксистски: изучитъ исторію англійскихъ грабежей да разбоевъ, и воображаетъ, что все человѣчество по тому же шаблону строено, даже чуть ли не на всѣхъ планетахъ все совершается точь въ точь тѣмъ же порядкомъ. Вобьетъ себѣ въ башку эту идею — и кумъ королю! Оглядываться кругомъ не хочетъ. Къ чему, молъ, безпокоиться? Все равно, ничего новаго не узнаю. Вездѣ вѣдь жизнь течетъ по англійскому образцу.

Даже рѣки повсюду по тому же направленію текутъ, что и Темза. А вникни хотя бы вашъ корреспондентъ въ окружающія насъ условія, онъ увидѣлъ бы, что взятка — ей Богу же благодѣтельнѣйшая вещь въ нашей странѣ. Хотите иллюстрацію изъ моей личной жизни?

Съ удовольствіемъ, Парфенъ Семенычъ! Обрадовался я повороту вала на другой мотивъ.

Искалъ я какъ-то 2000 рублей съ компаніи Амурскаго Товарищества за поставку крѣпей по подряду. Счета оказались запутанными. У нихъ вѣдь, въ этихъ компаніяхъ, конторы ведутся каждая по своей конспиративной бухгалтеріи. Обращаюсь къ горному исправнику, — о мировыхъ тогда еще и слуху не было. Исправникъ велитъ канцеляріи провѣрить счета обѣихъ сторонъ. Повѣрка, какъ и слѣдовало ожидать, дала результатъ не въ мою пользу. По молодости лѣтъ я имѣлъ неосторожность настаивать на своей правотѣ. Исправникъ собственно изъ администраторовъ покладистыхъ, но вспыльчивъ чертовски: взрываетъ, какъ динамитъ, отъ неизвѣстной причины. „А, такъ ты, кричитъ, моимъ приговоромъ не доволенъ! Въ казачью! Всыпать ему двадцать пять! Письмоводитель, составьте протоколъ.“ Разъ его высокоблагородіе вскипѣлъ, никакія разсужденія и соглашенія съ нимъ невозможны. Тотчасъ два архаровца меня подъ руки и вонъ на улицу. Попробуйте вникнуть въ мое состояніе въ этотъ моментъ. Я — подрядчикъ, ворочаю дѣлами тысячъ на пятьдесять, принятъ въ интеллигентномъ пріисковомъ кругу — и вдругъ быть выпоротымъ, какъ заурядный шпанецъ! Что вы на это скажете?

Я имѣлъ, что сказать, но сдержалъ себя и предпочелъ смолчать.

И обратите вниманіе: все по закону. Я состоялъ еще тогда въ ссыльно поселенческомъ сословіи, — значитъ, имѣлъ полное право на 25 ударовъ съ составленіемъ по сему случаю протокола. Выбѣгаетъ изъ канцеляріи письмоводитель: въ большомъ смущеніи, — какъ ему быть. „Не мнѣ васъ учить, какъ быть, говорю я, нащупывая въ карманѣ катеринку: приходите лучше въ собраніе — пообѣдаемъ.“ Архаровцы стоятъ, улыбаются и тоже держатъ ладони на готовѣ. Пришлось и имъ по пятишкѣ сунуть.. Поняли теперь, что такое въ Сибирской жизни взятка? И не вправѣ-ли я возмущаться противъ господъ корреспондентовъ, подкапывающихся подъ этотъ нашъ Habeas Corpus? Ну, ладно. Вижу, что поняли. Такъ давайте пить чай.

Въ его словахъ звучалъ снисходительный тонъ торжествующаго побѣдителя. И признаться по правдѣ, мои мысли дѣйствительно были приведены въ нѣкоторое замѣшательство. Парфенъ Семенычъ, вѣроятно, прочелъ въ моемъ лицѣ напрасныя усилія возразить ему по существу что нибудь умное,

сшибающее его съ позиціи. Прочелъ и былъ обезоруженъ моимъ безсиліемъ.

Въ это время рабочій покончилъ съ своей скудной трапезой, уложилъ остатки сухарей въ мѣшокъ, всталъ, перекрестился въ пустой уголъ и, обратившись къ намъ съ поклономъ, промолвилъ:

Благодаримъ васъ, господа, за умныя рѣчи. Васъ я знаю, Парфенъ Силычъ! Въ третьемъ году конюхомъ у васъ служилъ. Жилкина не узнаете?

Я, паря, каждую свою лошадь, каждаго служившаго у меня рабочаго за версту узнать могу. И Жилкина хорошо помню. Только ты, паря, что то не того. . . .

Парфенъ Семенычъ сталъ всматриваться въ новаго собесѣдника.

Да неужто это ты, Жилкинъ? воскликнулъ онъ. Тебя трудно узнать: исхудалъ, постарѣлъ. Должно быть, хищничать — не въ транспортѣ ходить. Или шибко хворалъ, чего-ли?

Всяко бывало, Парфенъ Семенычъ. А главная причина та, что съ вашевскимъ корпусомъ нашему брату не подходяво.

Съ какимъ такимъ корпусомъ?

Съ тѣмъ самимъ, про который вы давеча съ товарищамъ разговаривали.

Да-а-а! Вотъ какъ! Ха-ха-ха-ха. . . Яковъ Васильевичъ, слышите? Четвертое сословіе про Habeas Corpus заговорило. Ну, ну, разсказывай. Это любопытно. Гдѣ пропадалъ? Чай на Муѣ все время хищничалъ? Съ грознымъ Скуратовымъ войну велъ? Воюй, братъ, сколько хошь, а въ концѣ концовъ онъ васъ доймет.

Въ поясненіе послѣднихъ словъ Парфена Семеныча слѣдуетъ сдѣлать маленькое отступленіе. По рѣчкѣ Муѣ вольные искатели золота открыли богатую розсыпь. Вѣсть о новой Калифорніи привлекла на Мую до тысячи хищниковъ, организовавшихся, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, въ стройную, дисциплинированную, съ весьма суровыми законами, общину. Избранные старосты обязаны были охранять общинное достояніе отъ посягательствъ на него частныхъ лицъ. Въ виду этого никакія поисковыя партіи въ занятую хищниками территорію не пропускались. Не смотря на мѣры предосторожности, одному ловкому золотопромышленнику удалось прошмыгнуть въ границы запретной области и послать заявки на свое имя. Какъ только всѣ формальности, требуемыя горнымъ уставомъ, были совершены, законный теперь владѣлецъ Муи потребовалъ у властей военной силы для изгнанія „расхищавшей его добро“ своевольной шпаны. Общину не трудно было разрушить и разогнать, но мелкія разрозненныя артели, скрываясь въ тайгѣ, упорно не хотѣли

уступить своихъ правъ на открытыя ими богатства. Для борьбы съ ними золотопромышленникъ нанялъ летучій отрядъ казаковъ, поставивъ во главѣ извѣстнаго на промыслахъ своей смѣлостью и жестокостью урядника Скуратова. . . . Но и онъ не отваживался проникать въ глубь тайги, а нападалъ на хищниковъ, когда они выходили изъ своихъ дебрей за провизіей, или выносили намытое золото въ ближайшій жилой пунктъ. Тутъ ужъ онъ имъ пощады не давалъ.

Вотъ онъ то меня и донялъ, отвѣтилъ Жилкинъ на замѣчаніе Парфена Силыча. Ну, съ фунтъ золота отнялъ; ну, крестъ золотой съ шеи сорвалъ; новую надѣвашку снялъ... Пущай, потому его сила. Такъ нѣтъ-же, ему, извергу, этого мало: безъ мучительства онъ, какъ пьяница безъ вина, не можетъ обойтись. Трое ихъ было. Раздѣли до гола, „уточкой“ связали: бьютъ, бьютъ, чѣмъ попало: и прикладами и каблуками; потомъ давай по снѣгу катать, какъ колоду. Только тогда и отпустили, когда почти что замерзать сталъ. Вотъ съ той поры и здоровья лишился. Въ нутрѣ болитъ, ноги опухли. Пихту пилъ, пилъ — не помогатъ. Далъ бы Богъ до резиденціи доплестись, въ больницѣ бы маленько полежать.

Зачѣмъ же онъ, подлецъ, истязалъ тебя послѣ того, какъ все ограбилъ?

Скажи, вишь, ему, гдѣ товарищи работаютъ. А я чего скажу? Лучше же я отъ него смерть прійму, чѣмъ отъ своихъ.

Ну, это дѣйствительно возмутительная исторія. Ты, знаешь, этого такъ не оставляй, непремѣнно подай жалобу. . .

На кого?

На Скуратова. На кого же больше?

У насъ съ нимъ еще съ весны вѣчный миръ заключенъ. Какъ только злющая его душа съ тѣломъ своимъ разъединилась, мы ему всѣ грѣхи его отпустили. По христіански, какъ Богъ велитъ. . . .

Скуратовъ стало быть померъ! отъ чего?

Отъ нашего габеса-корпуса.

Отъ какого? — продолжалъ, на этотъ разъ не смѣясь, вопрошать Парфенъ Семенычъ.

Будто не знаете? Вотъ отъ этого отъ самого. И рабочій, схвативъ винтовку, стукнулъ прикладомъ объ полъ.

А про этотъ Habeas Corpus, какъ вы полагаете, у Градовскаго есть? обратился я къ Парфенъ Семенычу, чтобы нарушить довольно долго длившееся молчаніе.

Не знаю, отрѣзалъ онъ угрюмо: пора намъ спать.

Д. Аяксовъ.

Деревенскія воспоминанія.

Нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ излишне сообщать здѣсь, заставили меня прожить нѣсколько лѣтъ въ одной изъ деревень центральной Россіи. Населеніе Х-ой и сосѣднихъ губерній давно уже перестало „кормиться“ исключительно землей. Всевозможные отхожіе промыслы сдѣлали большую часть деревенскаго населенія чрезвычайно подвижной (въ территоріальномъ смыслѣ, конечно) и близко познакомили ее съ Москвой и Питеромъ. Мѣстами цѣлыя деревни сплошь имѣютъ постоянныя сношенія съ фабриками и заводами. Не мудрено, что благодаря этому въ „сѣрую“ деревню стали попадать такіе элементы, которые сами собой въ ней не зародились бы, а въ традиціонномъ, узкохозяйственномъ, унылomъ и однообразномъ тонѣ мужицкихъ бесѣдъ и сужденій стали раздаваться для внимательнаго уха новые, несвойственные самой деревнѣ звуки . . .

Однажды въ агрономическое отдѣленіе земской управы, гдѣ я въ тотъ моментъ случайно находился, вошла группа крестьянъ человѣкъ въ пять; одинъ старикъ, трое среднихъ лѣтъ и одинъ парень лѣтъ 20, вся внѣшность котораго изобличала въ немъ „питерца“. Вмѣсто обыкновеннаго „кожуха“ — черное пальто, на шеѣ — шарфъ, повязанный не такъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ крестьяне-деревенцы . . . Не помню уже, съ чего началась у меня бесѣда съ ними. Но она сразу приняла не совсѣмъ обычный въ такихъ случаяхъ характеръ, а именно предметомъ нашего разговора сдѣлался Толстой. Одинъ изъ крестьянъ, очевидно много читавшій его, но знакомый лишь съ подцензурными его произведеніями, обрушился на него за его проповѣдь „недѣланія“. Обнаруживая совершенное непониманіе этой статьи Толстого, онъ говорилъ чрезвычайно много неидущихъ къ дѣлу вещей. Старикъ, занятый выборомъ семянъ, подавалъ лишь реплики, но очень кстати и остроумно. Онъ не соглашался съ критикомъ Толстого и старался обнаружить его непониманіе идеи этого писателя. Но за своимъ занятіемъ онъ не могъ дѣлать этого какъ слѣдуетъ. Тогда выступилъ молча и съ усталымъ видомъ сидѣвшій у двери парень. Съ первыхъ же словъ его складной и задушевной рѣчи я увидалъ въ немъ не обыкновеннаго деревенскаго парня, или „питерца“, а рабочаго, получившаго на фабрикѣ нѣкоторое „образованіе“. Не стѣсняясь ни мной, ни агрономомъ — онъ очевидно почув-

ствовалъ къ намъ довѣріе — онъ сталъ разъяснять роль Толстого, какъ защитника народа отъ произвола, который творятъ надъ нимъ. Его рѣчь была проста, искренна и убѣдительна. Онъ обнаружилъ большое знакомство съ нелегальными твореніями Толстого и былъ увлеченъ, какъ кажется, главнымъ образомъ ихъ безподобной критикой существующаго строя . . . Не помню хорошенько, былъ ли его противникъ убѣжденъ его доводами или остался при своемъ мнѣніи. Я подсѣлъ къ защитнику Толстого поближе и завязалъ съ нимъ бесѣду. Оказалось, что онъ дѣйствительно былъ рабочимъ въ Петербургѣ и только что сегодня утромъ пріѣхалъ домой. Пріѣхалъ онъ на лѣто (была весна), но не столько по необходимости въ его силахъ, сколько благодаря „безпокойствамъ“ въ Питерѣ. Онъ принималъ участіе въ громадной стачкѣ въ апрѣлѣ 1896 г. и послѣ ея прекращенія рѣшилъ на время покинуть столицу, чтобы избѣжать той участи, которой подвергнулось много его товарищей и даже однодеревенцевъ. Я распросилъ его, какъ у нихъ шли дѣла на фабрикѣ по части пропаганды и пр. Онъ оказался уже вполнѣ сознательнымъ соціаль-демократомъ. Умно, толково и тономъ глубокаго убѣжденія говорилъ онъ мнѣ о 8 часовомъ рабочемъ днѣ, о политической свободѣ, какъ необходимомъ условіи энергичной борьбы за экономическія улучшенія и о многомъ другомъ. Бесѣда съ нимъ произвела на меня чрезвычайно оживляющее впечатлѣніе. Это была первая моя встрѣча съ сознательнымъ рабочимъ соціаль-демократомъ. Что то свѣжее, молодое, могучее и въ то же время чистое чуялось мнѣ въ этомъ молодомъ человѣкѣ . . . Съ нимъ я больше уже не встрѣчался, но слышалъ много о той деревнѣ, гдѣ онъ обиталъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ жилъ не далеко отъ нея и находился съ ней въ сношеніяхъ. Тамъ образовалась цѣлая группа крестьянскихъ подростковъ лѣтъ 15—19, въ центрѣ которой стояли два высланныхъ на жительство въ деревню рабочихъ. Шла интенсивнѣйшая пропаганда революціонныхъ идей. Рабочіе, молодые и горячіе, пылали жаждой подѣлиться своимъ знаніемъ съ окружающей ихъ массой. Разумѣется объектомъ своихъ воздѣйствій они сдѣлали наиболѣе впечатлительную часть ея — молодежь. Къ сожалѣнію, провѣрить результаты этой работы, подвести ей болѣе или менѣе строгій учетъ не было возможности потому, что высланные рабочіе сравнительно скоро получили возможность возвратиться въ Питеръ; большая часть ихъ учениковъ тоже скрылась изъ деревни и сношенія съ ней моего знакомаго прекратились. Эта и нѣкоторыя сосѣднія ей деревни бо́льшую часть своего молодого поколѣнія отсылали на фабрики и заводы, и, вѣроятно, именно въ силу этого обстоятельства, въ нихъ чаще, чѣмъ въ другихъ деревняхъ, откуда на фабрики попадаетъ сравнительно малая часть населенія, можно на-

ткнуться на человѣка съ странными и несвойственными традиціонному деревенскому мышленію взглядами... По словамъ моего знакомаго, которому приходилось бесѣдовать съ вышеупомянутыми рабочими объ условіяхъ и результатахъ ихъ вліянія на деревенскую молодежь, вопросъ о вовлеченіи деревни въ русло начавшагося революціоннаго движенія въ Россіи, представлялъ для нихъ чрезвычайно живой и непосредственный интересъ. Воспринявъ свое революціонное міровоззрѣніе на фабрикѣ, они не могли и не хотѣли ограничить сферу борьбы съ правительствомъ только фабрикой. Деревня съ ея невѣжествомъ, грязью, бѣдностью и рабской покорностью „волѣ божіей“ вызывала въ нихъ, правда, извѣстнаго рода презрѣніе къ ней, но въ то же время и горячее желаніе внушить ей, что нужно бороться; разъяснить ей, какъ бороться, кто ея врагъ и въ комъ она должна видѣть друга. Это стремленіе коренилось у нихъ не въ платоническомъ желаніи помочь „несчастнымъ“, а въ томъ жгучемъ чувствѣ боли, стыда и униженія, которое вызывалось у нихъ жизнью ихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ и, наконецъ, ихъ самихъ, когда они волей или неволей принуждены были находиться въ деревнѣ. Они прекрасно знали, что главнѣйшимъ ихъ врагомъ является правительство, но насколько они ясно и отчетливо представляли себѣ способы борьбы съ нимъ тамъ, на фабрикѣ, настолько здѣсь они блуждали въ потемкахъ. Всѣ ихъ теоретическія предпосылки, пригодныя для фабричной жизни, здѣсь не годились въ значительной своей части. Книжки, которыя они имѣли при себѣ, не могли дать крестьянину того уясненія *его*, крестьянскаго положенія въ строѣ „россійскаго государства“, какое извлекъ бы изъ нея рабочій. Они часто жаловались на то, что не пишутъ книгъ спеціально для крестьянъ. Такія книги оказали бы ихъ пропагандѣ существеннѣйшую помощь

Припоминаю другой случай. Какъ то зашелъ ко мнѣ незнакомый парень изъ сосѣдней деревни и попросилъ какой нибудь книжки почитать. Тонъ и манера говорить обнаружили въ немъ человѣка, уже помотавшагося по свѣту и видавшаго кое-что. Сначала онъ очень не понравился мнѣ; „питерецъ“ подумалъ я, соединяя съ этимъ словомъ понятіе о деревенцѣ, потерявшемъ все то хорошее, что у него было въ деревнѣ и пріобрѣвшемъ въ столицѣ только одну фатоватость, стремленіе блеснуть, пустить пыль въ глаза. Я предложилъ ему имѣвшіяся у меня на такой случай книжки. „Мнѣ бы по научной части„ говорилъ онъ, роясь въ книжкахъ, и выбралъ брошюру Кобонова—„Начатки знанія“. На этотъ разъ мнѣ не пришлось съ нимъ о чемъ либо побесѣдовать. Мы распростились, и онъ ушелъ. Я постарался собрать объ этомъ парнѣ свѣдѣнія, чтобы составить себѣ о немъ хоть приблизительное представленіе. Но толку вышло не много,

такъ какъ мнѣ сообщали о немъ то, что можно было бы разсказать и о многихъ другихъ — чисто внѣшнія обстоятельства. Въ послѣдствіи я познакомился съ нимъ ближе. Онъ довольно часто приходилъ за книгами и, очевидно, читалъ ихъ съ громадной охотой. Первое нехорошее впечатлѣніе мало по малу исчезло: онъ оказался въ высшей степени любознательнымъ юношей (ему было всего 17 лѣтъ), съ жадностью поглощалъ все то, что давало ему разрѣшеніе мучившихъ его вопросовъ. О „политикѣ“ онъ мало думалъ: съ одной стороны, вѣроятно, возрастъ еще не дозволялъ создаться опредѣленному влеченію и общественной дѣятельности; съ другой — деревня съ ея монотонной, чисто индивидуалистической жизнью. Правда онъ прожилъ около года внѣ дома: былъ въ Питерѣ и еще гдѣ то, кажется, въ Нарвѣ, занимаясь въ какихъ то небольшихъ мастерскихъ. Столкновеніе съ чужими людьми, въ особенности съ однимъ нѣмцемъ — хозяиномъ мастерской въ Нарвѣ, произвело на его впечатлительную психику извѣстное вліяніе: у него началась критическая работа мысли и порывъ къ знаніямъ. Первымъ существеннымъ вопросомъ былъ для него вопросъ о Богѣ. Кто онъ такой? Правда ли, что ему нужно покланяться? Существуетъ ли адъ и рай? Нужно ли ходить въ церковь? Эти и имъ подобные вопросы сильно занимали его. Помню, какой торжествующій, съ сіяющимъ лицомъ и вызывающимъ видомъ, пришелъ онъ однажды ко мнѣ съ книжкой Чижова — Тайны и чудеса божьяго міра — (кстати, прекрасная книжка), которую онъ незадолго передъ этимъ получилъ отъ меня. „Ну, теперь я знаю, какъ нужно понимать адъ и рай!“ воскликнулъ онъ. „А какъ?“ спросилъ я. „Какъ поповскія выдумки, вотъ какъ!“ И онъ началъ передавать мнѣ свои соображенія на этотъ счетъ. Картина вселенной съ ея безконечнымъ пространствомъ, наполненнымъ безчисленнымъ множествомъ міровъ, произвела на него обоятельное впечатлѣніе своей грандіозностью и величавой простотой. Его понятія о землѣ, верхѣ и низѣ, небѣ и „преисподней“ были опрокинуты совершенно, и вмѣстѣ съ ними и тѣ религіозныя суевѣрія, которыя находили въ нихъ свою опору. Тѣ популярныя книжки по физикѣ, химіи и біологіи, которыя онъ читалъ съ такой жадностью, давали ему обильный матеріалъ для критики обыденнаго пониманія явленій природы, пониманія, въ которомъ „богъ“ и „чертъ“ переплетались между собою самымъ причудливымъ образомъ Лишь послѣ того, какъ онъ болѣе или менѣе справился съ мучившими его религіозными сомнѣніями и вопросами, стали привлекать его вниманіе общественныя явленія. У насъ часто происходили бесѣды относительно „порядковъ“ на Руси. Но къ вполнѣ опредѣленному, оппозиціонному отношенію къ русской дѣйствительности пришелъ онъ позднѣе, послѣ того, какъ по-

бывалъ въ Питерѣ на фабрикахъ. Это случилось приблизительно спустя годъ послѣ нашего знакомства. Онъ пробылъ въ Питерѣ цѣлую зиму и, воротившись къ началу полевыхъ работъ домой, оказался полнымъ революціоннаго настроенія. Онъ успѣлъ участвовать въ нѣсколькихъ стачкахъ и въ одной схваткѣ съ казаками, слѣдомъ чего у не осталась большая царапина на щекѣ. Когда онъ говорилъ о царѣ и его преспѣшникахъ, онъ отпускалъ самыя крѣпкія выраженія. Хотя это отчасти, конечно, было своего рода молодечествомъ, однако въ совершеннѣйшей искренности его ненависти къ этимъ милымъ господамъ нельзя было сомнѣваться ни минуты... На деревню онъ сталъ смотрѣть свысока: „сѣрость сиволапая; имъ по загривку поколачиваютъ, а они только кряхтятъ!“ Сдѣлать изъ деревенскаго человѣка революціонера казалось ему совершенно немыслимымъ. Невѣжество, взаимная грызня и тупая покорность „начальству“ отталкивали его отъ деревни. Ему хотѣлось вновь въ городъ, въ Питеръ на фабрику. Но судьба распорядилась иначе. Онъ принужденъ былъ прожить въ деревнѣ не только лѣто, но и слѣдующую зиму. Это обстоятельство не замедлило отразиться на его міросозерцаніи. Его кипучей дѣятельной натурѣ нужно было какое-нибудь занятіе, и онъ сталъ искать въ деревнѣ что нибудь такое, на что онъ могъ бы употребить свои силы. Бѣдность, которая его, какъ и многихъ односельчанъ, держала въ своихъ рукахъ, натолкнула его мысли прежде всего на возможность чисто хозяйственныхъ улучшеній въ полеводствѣ и огородничествѣ. Въ головѣ зародилась множество плановъ относительно пчеловодства и еще чего то, что я уже забылъ; но ничего изъ своихъ плановъ ему не удалось осуществить; онъ не былъ самостоятельнымъ хозяиномъ, жилъ у отца, да кромѣ того на всѣ его рѣчи окружающіе смотрѣли, какъ на рѣчи молокососа. Продолжая въ то же время усердно читать книги, онъ естественно искалъ собесѣдниковъ, съ кѣмъ бы онъ могъ подѣлиться своими мыслями и впечатлѣніями по поводу прочитаннаго. Но это была чрезвычайно мудреная задача, — вся деревенская молодежь была ниже его по умственному развитію; онъ годился имъ въ учителя, и дѣйствительно, одно время вокругъ него сгруппировались нѣсколько молодыхъ людей, съ которыми онъ читалъ и бесѣдовалъ на разныя немудреныя темы. Но пускаться въ выясненіе тѣхъ вопросовъ, которые онъ считалъ такими важными и нужными для всякаго „понимающаго“, какъ онъ выражался, человѣка, онъ не всегда рѣшался. Въ деревнѣ многіе смотрѣли уже на него косо. Называли его и „нехристемъ“ и „безбожникомъ“ и „сорванцемъ“ Правда, большая часть упрековъ вызвана ни была имъ самимъ совсѣмъ безъ всякой надобности: онъ имѣлъ привычку выпить иногда лишнее, — и въ нетрезвомъ видѣ для него не существовало

никакихъ авторитетовъ. Онъ ругалъ и поповъ, и начальство, и стариковъ и всѣхъ деревенцевъ. Но обыкновенно онъ бывалъ сдержанъ и опасался сказать что либо лишнее. Кромѣ того, онъ чувствовалъ часто невозможность ясно и просто, на фактахъ повседневной жизни, показать ту несомнѣнную связь, какая существуетъ между деревенской бѣдностью и политикой правительства; быть можетъ и потому отчасти, что она была и ему самому не совсѣмъ ясна. Онъ съ большой жадностью прочитывалъ тѣ нелегальныя изданія, которыя я ему давалъ, но часто оставался неудовлетвореннымъ: „все это мало касается насъ, говорилъ онъ; вотъ бы Вы такія книжки достали, которыя я могъ бы дать въ деревнѣ почитать; вѣдь самъ такъ толково не разскажешь, какъ въ книжкѣ“ Было два-три парня, съ которыми онъ былъ болѣе или менѣе откровененъ, но тѣхъ пока интересовали религіозные вопросы. Стремленіе что нибудь дѣлать заставило значительно измѣнить свой первоначально презрительный взглядъ на деревню. Онъ сталъ искать во 1-хъ такой точки зрѣнія, которая дала бы ему возможность осмыслить отношеніе деревни къ міру, ее окружающему и наоборотъ; и въ 2-хъ, набросился на ту работу въ деревнѣ, какая только представлялась. Книжки, которыя онъ читалъ, чтобы ясно представить себѣ роль деревни въ жизни Россіи, не давали очевидно ему того, чего онъ хотѣлъ получить отъ нихъ. Онѣ говорили, что деревня разлагается, что лучшіе ея элементы бѣгутъ въ городъ, что нѣтъ надежды на ея благополучіе и т. д. Но онѣ молчали, что и какъ могутъ и должны дѣлать тѣ, которые подобно ему желѣзной рукой экономической необходимости принуждены жить въ деревнѣ. *Это* ему хотѣлось знать, но именно *этого* то книга ему и не говорила. И вотъ онъ началъ заниматься на вечеринкахъ молодежи чтеніемъ разныхъ и интересныхъ для большинства книгъ, досталъ отъ одного знакомаго волшебный фонарь съ картинами и сталъ устраивать въ своей и другихъ деревняхъ чтенія. Эти послѣднія, благодаря картинамъ, имѣли, разумѣется, большой успѣхъ. Ему захотѣлось устроить библіотеку, выписывать газету, но благодаря нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, ни то, ни другое не удалось. Въ концѣ зимы онъ опять попалъ въ Питеръ, и я потерялъ его изъ виду почти на годъ или полтора. Встрѣтился я вновь съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ опять возвратился въ свою деревню и кажется надолго. Его настроеніе было уже другое. Питеръ, его мало удовлетворилъ. Чудовищно развитое шпіонство съ одной стороны и естественная мнительность съ другой сдѣлали то, что онъ остался какъ то внѣ сферы благодѣтельнаго вліянія революціонной пропаганды. Но и деревня представляла ему мало отраднаго: бѣдность, невѣжество и взаимная борьба, что и раньше. Необходимо отмѣтить однако, что его

деревня, дѣйствительно, была одна изъ бѣднѣйшихъ, и съ каждымъ годомъ опускалась все ниже и ниже. И его пессимизмъ значительно объясняется тѣми чрезвычайно стѣснительными условіями, въ какихъ ему приходилось и приходится жить. . . .

Я не буду вдаваться въ дальнѣйшія воспоминанія, такъ какъ и этого достаточно, чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, что происходитъ теперь въ нѣкоторыхъ деревенскихъ уголкахъ. Я привелъ только тѣ факты, которые считалъ возможнымъ безошибочно возстановить въ памяти и съ которыми я болѣе или менѣе приходилъ въ соприкосновеніе. Есть несомнѣнно факты болѣе характерные, но передавать ихъ не буду изъ боязни перепутать данныя. Скажу только одно: подъ однообразной сѣрой скорлупой деревенской жизни тамъ и сямъ, иногда въ силу счастливаго стеченія обстоятельствъ чисто мѣстнаго свойства, иногда подъ „тлетворнымъ“ вліяніемъ фабричныхъ элементовъ, вспыхиваютъ искорки оппозиціонной мысли. И они не остаются совершенно безъ вліянія на окружающее. Какъ велико это вліяніе, что изъ этого выйдетъ, это вопросы, выходящіе изъ предѣловъ задачи автора этихъ строкъ. . . .

Л. Б. К.

О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ „критиковъ“.

I.

Man mus das Wahre immer wiederholen, weil auch der Irrthum um uns her immer wieder gepredigt wird. Goethe.

Въ статьѣ: *„Свобода и историческая необходимость“*,*) г. П. Струве вполнѣ опредѣленно выступилъ противъ матеріалистическаго пониманія исторіи.

На первой страницѣ этой статьи мы читаемъ: „Живое обсужденіе т. н. „экономическаго матеріализма“ или матеріалистическаго пониманія исторіи вновь поставило на очередь вопросъ о соотношеніи между свободой и исторической необходимостью. Матеріалистическое, или — мы охотнѣе станемъ говорить — экономическое пониманіе исторіи есть грандіозная попытка свести исторію человѣчества въ систему *научнаго опыта*, основнымъ формальнымъ понятіемъ котораго является необходимость или закономѣрность въ смыслѣ строгой причинности (durchgängige Kausalität).“

„Но исторія въ тоже время *дѣлается* людьми, стремящимися къ осуществленію *своихъ* цѣлей, дѣйствующими во имя своихъ идеаловъ. Ставить цѣли и стремиться къ ихъ осуществленію можно только при сознаніи своей свободы.“

Ясно, что г. П. Струве указываетъ здѣсь на то будто бы противорѣчіе въ матеріалистическомъ взглядѣ на исторію, которое состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что съ одной стороны эта доктрина основываетъ свой идеалъ на объективномъ ходѣ вещей, а съ другой, — находитъ возможнымъ активное воздѣйствіе на историческій процессъ.

Основательность или неосновательность этого возраженія зависитъ отъ того, можно ли признать свободную волю, независимую отъ объективныхъ причинъ или таковой признать нельзя. Этотъ вопросъ сводится въ свою очередь къ другому вопросу: необходимо ли предположить существованіе внѣшняго міра, *дѣйствующаго* на познающій субъектъ или нѣтъ.

Если объективный міръ существуетъ *внѣ и независимо* отъ нашего сознанія, какъ причина нашихъ ощущеній и представленій, то ясно, что все наше субъективное содержаніе обусловливается строгой необходимостью.**)

Смутно сознавая эту зависимость, г. П. Струве направляетъ свою гносеологическую критику противъ детерминизма Маркса.

Намъ такимъ образомъ необходимо прежде всего подвергнуть анализу его гносеологію.

---

*) „Вопросы философіи и психологіи“, январь-февраль 1897 г.

**) Дуализмъ не отрицаетъ существованія внѣшняго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ признать и даже часто признавалъ свободную волю. Эта нелогичность вытекла именно изъ дуалистическаго міровоззрѣнія. Предположеніе двухъ субстанцій фактически всегда исключало дѣйствіе внѣшняго міра на познающій субъектъ.

Вся философская *система* г. П. Струве изложна на двухъ страницахъ.*)

Чтобы читатель могъ лучше ориентироваться въ нашей критикѣ мы позволимъ себѣ привести ихъ здѣсь цѣликомъ.

Г. П. Струве говоритъ: „Съ точки зрѣнія гносеологическаго монизма всѣ показанія сознанія представляютъ бытіе: ибо мышленіе бытія равносильно бытію мыслимаго. Эта точка зрѣнія является чисто гносеологической (почему?) и свободной отъ всякаго метафизическаго предположенія. И потому она ставитъ вопросъ о субъективности данныхъ сознанія въ границы мыслимаго бытія, ибо только такое бытіе есть непосредственный фактъ опыта и не нуждается — для своего постулированія — ни въ какомъ немыслимомъ или существующемъ внѣ мысли бытіи, ни въ какомъ transcensus'ѣ. Съ этой монистической точки зрѣнія различіе между субъективнымъ и объективнымъ есть различіе въ степени дѣйствительности (дѣйствительность = бытію = мыслимому бытію**). Первобытное сознаніе (въ которомъ почти отсутствуютъ абстрактные элементы) не умѣетъ или очень мало умѣетъ различать воспріятія и представленія по степени ихъ дѣйствительности. Только очень постепенно вырабатывается умѣнье дифференцировать представленія по степени ихъ постоянства, т. е. прочности повторяемости. На *практикѣ*, т. е. въ борьбѣ за существованіе и въ общеніи съ себѣ подобными, путемъ ряда опытовъ въ обычномъ смыслѣ, слова вырабатываетъ себѣ человѣкъ опытъ въ гносеологическомъ смыслѣ притомъ не сразу какъ цѣльное теоретическое понятіе, а такъ сказать, кусками и отрывками, которые оказываются достаточными не только для практическихъ цѣлей, но и для цѣлей отдѣльныхъ научныхъ отраслей. Объективно, стало быть, то, что обязательно для всякаго нормально-организованнаго сознанія, а обязательны для индивидуальнаго сознанія *прочныя* представленія,, т. е. какъ таковыя, выдержавшія испытаніе на практикѣ, мѣсто которой лишь постепенно занялъ научный опытъ. На основаніи данныхъ представленій, положимъ, предпринимаемы были дѣйствія и эти дѣйствія увѣнчивались успѣхомъ: за воспріятіемъ a всегда слѣдовало воспріятіе b, которое составляло предметъ хотѣнія, и этотъ успѣхъ и представлялъ психологическое основаніе для признанія данныхъ воспріятій и связи между ними *реальными*, объективными, сущими. Прочность воспріятій и представленій, которая является критеріемъ ихъ объективности и реальности и на практикѣ и въ научномъ опытѣ, констатируется и провѣряется, конечно, не на узкомъ полѣ индивидуальнаго сознанія, а въ общеніи людей между собою.“ Далѣе мы въ опредѣленіи объектив-

---

*) Читатель, который быть можетъ, не имѣлъ возможности познакомиться со всей литературной дѣятельностью г. П. Струве, удивится, что вся философія извѣстнаго философскаго критика марксизма помѣщается только на двухъ страницахъ. Вполнѣ раздѣляя это удивленіе, мы должны констатировать, что г. П. Струве не написалъ ни одной цѣльной систематической статьи, которая была бы посвящена принципамъ теоріи познанія. Начиная съ „Критическихъ замѣтокъ“, онъ употребляетъ по отношенію къ марксизму одинъ и тотъ же пріемъ, а именно: онъ произнесетъ слово *„гносеологія“* и вслѣдъ за тѣмъ торопливо замѣчаетъ, что философія марксизма не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія этого слова. Болѣе полно онъ высказался въ названной статьѣ именно на тѣхъ страницахъ, которыя мы сейчасъ приведемъ. Правда, существуетъ цѣльный философскій трактатъ г. П. Струве: предисловіе къ книгѣ г. Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализъ въ общественной наукѣ“. Но объ этомъ философскомъ произведеніи у насъ будетъ рѣчь впереди.

**) Въ скобкахъ г. П. Струве формулируетъ точку зрѣнія Леклера.

ности и реальности не можемъ идти: *предполагать за индивидуальнымъ или коллективнымъ сознаніемъ реальный міръ внѣшнихъ вещей есть метафизика*" (курсивъ нашъ).*)

Der langen Rede kurzer Sinn сводится къ слѣдующему. Мышленіе и бытіе тождественно; слѣдовательно, внѣ мышленія реальное бытіе невозможно, или, признаніе за предѣлами сознанія „реальнаго міра внѣшнихъ вещей есть метафизика".

Масштабомъ дѣйствительности и недѣйствительности представленій служитъ: a) прочность, повторяемость и постоянство представленій; b) практическая провѣрка. Масштабомъ же объективности — коллективное сознаніе нормально организованныхъ субъектовъ, т. е. людей.

Разберемъ это.

Прежде всего мы спрашиваемъ г. П. Струве, чѣмъ и какимъ масштабомъ можно измѣрить нормальность субъективной организаціи, коль скоро устраненъ внѣшній воспринимаемый объектъ?

Норма организаціи фактически устанавливается на основаніи сходства воспринимающихъ функцій всѣхъ людей. Но само сходство воспринимающихъ функцій не можетъ быть познано безъ внѣшняго объекта, который бы одинаково дѣйствовалъ на нихъ, т. е. вызывалъ одинаковыя ощущенія и одинаковыя представленія.

Въ предисловіи къ книгѣ г. Бердяева г. П. Струве пишетъ: „Присутствіе дерева на лугу, противъ котораго я сижу, есть содержаніе объективное и отрицать его можетъ только помѣшанный или слѣпой, но не нормально организованный и функціонирующій субъектъ".**) Это совершенно вѣрно, но это ни коимъ образомъ не слѣдуетъ изъ основной мысли г. П. Струве, категорически заявляющаго, что внѣ субъекта не существуетъ реальныхъ вещей.

Въ качествѣ субъективнаго идеалиста г. П. Струве можетъ утверждать, что во всѣхъ людяхъ существуетъ представленіе о деревѣ, но спрашивается, когда, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ и въ какое время должно совпадать это представленіе у всѣхъ людей? Почему во мнѣ должно возникнуть пердставленіе о деревѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его видитъ г. П. Струве, если такого дерева внѣ насъ фактически не существуетъ?

На этотъ существенный вопросъ субъективный идеализмъ, отрицающій существованіе внѣшняго объекта, отвѣтить не въ состояніи. Ясно, что съ устраненіемъ субстрата, находящагося внѣ сознанія субъекта, устраняется окончательно и тотъ *пунктъ, который долженъ служить критеріемъ нормы коллективнаго сознанія.****)

Далѣе, что такое практика?

Подъ практикой всякій понимаетъ (въ томъ числѣ и нашъ гносеологъ, ибо онъ заявляетъ, что понимаетъ практику въ самомъ обычномъ смыслѣ)

---

*) „Вопросы философіи и психологіи". Январь-февраль 1897 г., стр. 124—125.

**) Стр. XXXVII.

***) Поэтому совершенно правильно разсуждаетъ Германъ Лотце, когда говоритъ: „Wahrheit besteht nur in der Uebereinstimmung einer Vorstellung mit derjenigen Vorstellung, welche in Bezug auf dasselbe Object in allen Geistern von derselben Organisation entstehen muss. Wenn aber die ganze Existenz der äusseren Wirklichkeit aufgehoben wird, so fällt nur ganz der Beziehungspunkt hinweg mit Bezug auf welchen von einer Wahrheit oder Unwahrheit die Rede sein könnte und damit geht eigentlich der Begriff der Erkenntniss selbst, die ohne ein solches nicht denkbar ist, verloren". (Grundzüge der Metaphysik, S. 95.).

столкновеніе субъекта съ объектомъ. Если данная субъективная комбинація подтверждается на практикѣ, т. е. въ столкновеніи съ объектами, то считаемъ ее дѣйствительной, если же она не оправдывается — ложной.

Отсюда опять таки слѣдуетъ, что съ уничтоженіемъ внѣшняго объекта совершенно уничтожается *само понятіе* о практической провѣркѣ дѣйствительности субъективныхъ представленій.

И г. П. Струве фактически вводитъ не существующій съ его точки зрѣнія внѣшній объектъ (сей transcensus), когда ссылается на провѣрку дѣйствительности представленій въ опытѣ.

Говоря о причинности, которая тоже должна провѣряться въ опытѣ, г. П. Струве разсуждаетъ такъ: „За воспріятіемъ a всегда слѣдовало воспріятіе b, которое составляло предметъ хотѣнія, и этотъ успѣхъ и представлялъ психологическое основаніе для признанія данныхъ воспріятій и связи между ними реальными, объективными, сущими.“

Это положеніе въ сущности есть не что иное, какъ блѣдная копія того взгляда Юма, согласно которому существованіе объективной причинности не можетъ быть констатировано, а потому наше понятіе о ней имѣетъ своимъ источникомъ послѣдовательность воспріятій во времени. Другими словами, мы наблюдаемъ, какъ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, и изъ этого заключаемъ, что имъ присуща внутренняя связь.*)

Что наше умозаключеніе о причинной связи явленій выработалось посредствомъ наблюденія и опыта, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но изъ этого ни коимъ образомъ не слѣдуетъ, что это наше умозаключеніе основано *исключительно* на послѣдовательности воспріятій во времени.

Въ сновидѣніяхъ, въ галлюцинаціяхъ, при умопомѣшательствѣ воспріятія слѣдуютъ *во времени* одни за другими точно такъ же, какъ и тѣ воспріятія, которыя мы считаемъ реальными и дѣйствительными.

Я, напримѣръ, видѣлъ во снѣ, что камень въ одно мгновеніе превратился въ лебедя, лебедь — въ соляной столбъ, а соляной столбъ оказался женой Лота. Какъ думаетъ г. П. Струве, дѣйствителенъ или недѣйствителенъ только что указанный рядъ моихъ воспріятій, слѣдовавшихъ однѣ за другими *во времени?*

Г. П. Струве отвѣтитъ, конечно, отрицательно, но на это онъ съ своей точки зрѣнія не имѣетъ ни малѣйшаго логическаго права.

---

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что это положеніе Юма явилось необходимымъ послѣдствіемъ его метафизическаго образа мышленія. Юмъ, какъ извѣстно, отрицаетъ объективную причинность на томъ основаніи, что намъ даны объекты какъ самостоятельные и другъ отъ друга независимые. „Разсматривая, говоритъ Юмъ, каждую вещь саму по себѣ, мы не видимъ, чтобы она съ необходимостью предполагала другую“. Однимъ словомъ, мы не наблюдаемъ въ явленіи свойства быть причиной другого явленія. И поэтому, заключаетъ Юмъ, наше понятіе о причинности основано на послѣдовательномъ воспріятіи явленій во времени.

Очень правильно и мѣтко возражаетъ на это Гефдингъ: „Anstatt mit Hume zu sagen, dass wir einem Dinge nicht ansehen oder aus dessen Begriff nicht schliessen können, es sei Ursache oder Wirkung eines anderen Dinges, müssen wir umgekehrt behaupten, dass wir ein Ding überhaupt nur kennen, insofern es Ursache oder Wirkung ist. Die Dinge sind uns stets als Glieder eines Zusammenhanges gegeben. Wenn man sie aus diesem Zusammenhang herausnimmt, in welchem sie leben, weben und sind, wird es freilich wunderbar, dass sie etwas miteinander zu thun haben.“ S. 288. Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung. Leipzig 1893.

Если отрицать внутреннюю объективную связь данныхъ явленій, если признать, что единственной основой нашего понятія о причинности служитъ послѣдовательность воспріятій во времени, то *нѣтъ* и не *можетъ быть критерія для различія ложныхъ представленій отъ дѣйствительныхъ*, ибо, повторяемъ, всѣ сумасбродныя комбинаціи представленій *слѣдуютъ во времени* однѣ за другими, точно также, какъ и тѣ представленія, которыя г. П. Струве считаетъ почему-то дѣйствительными.

Высказывая свое положеніе, или, вѣрнѣе, положеніе Юма, о причинности, г. П. Струве чувствуетъ, что тутъ дѣло не совсѣмъ ладно, но онъ, по своему обыкновенію, перепрыгиваетъ именно черезъ то мѣсто, гдѣ должна начаться серьезная работа мысли, и торопливо ссылается на практическую провѣрку субъективныхъ комбинацій. Но какъ мы видѣли выше, сама практическая провѣрка предполагаетъ реальные объекты, между которыми есть внутренняя связь, которые служатъ масштабомъ вѣрности или невѣрности нашихъ субъективныхъ представленій.

Ссылка на прочность и повторяемость представленій также не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, потому-что этими признаками могутъ опять таки отличаться и въ совершенно одинаковой степени всѣ ложныя представленія.

Пусть г. П. Струве соберетъ всѣ существующія представленія современнаго человѣчества; онъ убѣдится, что ничто не отличается такой прочностью, какъ именно заблужденія.*) Г. П. Струве убѣдится также и въ томъ, что число людей, вѣрующихъ въ неподвижность земли, несравненно больше числа, знающаго о движеніи нашей планеты.

Г. П. Струве касается также развитія научнаго опыта. Научный опытъ, полагаетъ онъ, вырабатывается лишь постепенно, по мѣрѣ роста и развитія представленій и провѣрки ихъ на практикѣ.

Совершенно справедливо. Но это положеніе не только не вытекаетъ изъ имманентной гносеологіи, но прямо противорѣчитъ ей.

Ростъ и развитіе познанія предполагаетъ существованіе внѣшняго міра, который познается нами постепенно. Отрицаніе же міра внѣшнихъ вещей уничтожаетъ въ корнѣ всякое понятіе о развитіи познанія. Нельзя познавать міръ, исходя изъ той точки зрѣнія, что его не существуетъ. А эту то именно нелѣпость проповѣдуетъ субъективный идеализмъ.

Весьма характерно объясненіе г. П. Струве, почему первобытное сознаніе лишено элементовъ научнаго опыта. „Первобытное сознаніе, говоритъ онъ, въ которомъ почти отсутствуютъ абстрактные элементы не умѣетъ или очень мало умѣетъ различать представленія по степени ихъ дѣйствительности".

Но отъ *чего* должно абстрактировать первобытное сознаніе, и какъ ему съ точки зрѣнія субъективнаго идеализма отличать представленія „по степени ихъ дѣйствительности"? Вѣдь объектовъ нѣтъ! Бѣда съ г. П. Струве да и только. Онъ не въ состояніи на протяженіи двухъ страницъ разсуждать объ опытѣ безъ того, чтобы не апеллировать къ отрицаемому имъ внѣшнему объекту. Изгоняемый transcensus такъ и преслѣдуетъ имманентнаго гносеолога.

О первобытномъ сознаніи, не умѣющемъ различать представленія „по степени дѣйствительности", мы совѣтовали бы г. П. Струве лучше умолчать по той простой причинѣ, что гносеологическія основы первобытнаго сознанія и субъективнаго идеализма совершенно тождественны по своему внутреннему содержанію.

---

*) Имманентная философія отрицаетъ существованіе внѣшняго міра, за то весьма дѣятельно оправдываетъ прочность существующихъ въ немъ заблужденій.

Дикарь, не будучи въ состояніи различать объектъ отъ представленія, считаетъ *все то* дѣйствительнымъ, что у него въ головѣ; для него, слѣдовательно, мышленіе и бытіе такъ же тождественны, какъ и для субъективнаго идеалиста.

Первый объективируетъ свои представленія, превращая ихъ въ реальное бытіе, второй отрицаетъ реальность бытія, отождествляя его съ представленіемъ. Различіе въ отправныхъ точкахъ нисколько не нарушаетъ полнаго тождества внутренняго содержанія, *состоящаго въ идентичности мышленія и бытія.* Критерій научнаго опыта или, какъ выражается г. П. Струве, различіе въ степени дѣйствительности между представленіями одинаково невозможно какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ; *ибо немыслимо предположить различіе въ степени дѣйствительности безъ предположенія возможнаго различія между объектомъ и представленіемъ, т. е. между мышленіемъ и бытіемъ.*

Имманентная философія, доходящая до самой высшей степени абстракціи, до отрицанія внѣшняго реальнаго міра, идетъ въ сущности назадъ къ самой первой ступени человѣческаго мышленія.

Не слѣдуетъ также обходить молчаніемъ наскоро введенное г. П. Струве „коллективное сознаніе". Припомнимъ еще разъ основное гносеологическое положеніе г. П. Струве: „Только такое бытіе (существующее только въ сознаніи субъекта, Ортодоксъ) есть *непосредственный фактъ* опыта и не нуждается ни въ какомъ немыслимомъ или *существующемъ внѣ мысли бытіи ни въ какомъ* transcensus'ѣ".

Отсюда слѣдуетъ, что люди, которые находятся по ту сторону сознанія субъекта — тотъ-же transcensus и та-же метафизика.

Нисколько не смущаясь такимъ выводомъ изъ своихъ гносеологическихъ предпосылокъ, нашъ философъ пишетъ дальше: „Предполагать за индивидуальнымъ или *коллективнымъ сознаніемъ реальный міръ внѣшнихъ вещей* (курсивъ нашъ) *есть метафизика.*" Тѣмъ, что г. П. Струве ни съ того, ни съ сего заговорилъ о „коллективномъ сознаніи", существованіе людей внѣ даннаго субъективнаго сознанія еще вовсе не доказано. Субъективный идеализмъ, ссылаясь на коллективное сознаніе, какъ на единственный критерій объективности, никогда не былъ въ состояніи доказать это существованіе, исходя изъ своихъ посылокъ.

Ибо одно изъ двухъ: если я признаю существованіе другихъ людей внѣ моего сознанія, то у меня нѣтъ никакого основанія отрицать существованіе другихъ „внѣшнихъ вещей"; если же я отвергаю существованіе „внѣшнихъ вещей", то у меня нѣтъ никакой логической возможности признавать существованіе другихъ людей.*)

---

*) Какъ послѣдователю имманентной философіи, г. П. Струве должно быть извѣстно, что его учителя: Шубертъ-Зольдернъ, Леклеръ и Кауфманъ прямо и открыто приходили къ солипсизму. Только Шуппе, понимая полную невозможность построенія теоріи познанія на солипсизмѣ, выбивается изъ силъ, чтобы выйти изъ этого поистинѣ затруднительнаго положенія. Но это ему, конечно, не удается. Здѣсь не мѣсто заниматься опроверженіемъ доводовъ Шуппе, тѣмъ болѣе, что г. П. Струве ихъ не приводитъ.

Замѣтимъ, что солипсизмъ неизбѣжно приводитъ къ отрицанію собственнаго субъекта, такъ какъ въ сознаніи собственный субъектъ мыслится тоже какъ внѣшнее бытіе.

Тѣло г. П. Струве по отношенію къ его сознанію тотъ же transcensus. „Das Gehirn selbst ist ein Bewusstseinsdatum" говоритъ Schubert v. Soldern, „Grundlagen einer Erkenntnisstheorie", S. 30. Leipzig 1884.

Но г. П. Струве беззаботенъ насчетъ логической послѣдовательности. Критику марксовой теоріи многое дозволено; благо бумага терпитъ, а буржуазные читатели одобряютъ. Возвратимся къ критерію научнаго опыта и подведемъ итогъ сказанному объ этомъ вопросѣ въ этой главѣ.

Всѣ критеріи, указанные г. П. Струве: прочность, постоянство, повтомяемость явленій и коллективное сознаніе суть *условія критерія научнаго опыта, но не базисъ его,* ибо, какъ мы видѣли, всѣ эти признаки присущи въ совершенно одинаковой степени заблужденіямъ, какъ и дѣйствительнымъ представленіямъ.

Поэтому базисомъ критерія научнаго опыта *всегда были и останутся міръ, существующій внѣ субъективнаго сознанія, и внутренняя причинная связь между предметами этого міра.* И фактически наука, вопреки всѣмъ метафизическимъ фокусамъ, стояла и стоитъ на твердой почвѣ того убѣжденія, что *дѣйствительно объективны только тѣ представленія, источникъ которыхъ находится внѣ субъекта.*

Имманентная философія, которая устраняетъ существованіе внѣшняго міра, не только не разрѣшаетъ проблемы познанія, но, наоборотъ, уничтожаетъ эту проблему въ самой ея основѣ. Желая быть критической теоріей познанія, эта философія сама опирается на самую невѣроятную *догму тождества мышленія и бытія,* — догму, которая разрушается въ прахъ при первомъ столкновеніи съ научнымъ опытомъ.

Кромѣ того вся имманентная философія не сказала рѣшительно ничего новаго. Она только повторяетъ на разные лады, въ разныхъ варіаціяхъ берклеевскій софизмъ, что противорѣчиво мыслить міръ и утверждать его существованіе внѣ и независимо отъ нашего мышленія.

На этотъ софизмъ Вундтъ возразилъ въ своей глубокой и блестящей критикѣ имманентной школы вполнѣ исчерпывающимъ образомъ.

„Само собою понятно, — говоритъ Вундтъ, — что мысль о какой нибудь вещи не можетъ быть независима отъ моего мышленія, и поскольку данная вещь мнѣ дана въ мысли, она, конечно, *не существуетъ для меня, когда я ея не мыслю.* Но изъ этого не слѣдуетъ никоимъ образомъ, что вещь существуетъ благодаря моему мышленію, такъ какъ *существовать для моего мышленія и существовать благодаря моему мышленію — двѣ вещи разныя.* Если бы моя мысль о вещи *была сама вещь,* то вещь эта должна была бы обладать такими признаками, которые доказали бы зависимость ея существованія отъ моего мышленія или отъ мышленія вообще. Поэтому я до тѣхъ поръ буду придерживаться того взгляда, что мое непосредственное воспріятіе (существованіе внѣшняго міра, Ор.) вѣрно, пока не встрѣчу въ самомъ *опытѣ* серьезныхъ его опроверженій.“ *)

Къ возраженію Вундта можно прибавить еще то соображеніе, что въ дѣйствительности нѣтъ большаго противорѣчія *для самаго сознанія* какъ отрицаніе внѣшняго реальнаго міра, такъ какъ наше сознаніе отлично различаетъ *представленіе объ объектѣ и представленіе о представленіи.*

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что построеніе научнаго опыта на почвѣ субъективнаго идеализма рѣшительно невозможно и что научный опытъ немыслимъ безъ предположенія объективнаго реальнаго міра и объективной причинности. Просимъ читателя запомнить эти выводы, такъ какъ они должны служить основой нашей дальнѣйшей критики.

II.

Въ началѣ предъидущей главы мы сказали, что г. П. Струве, направляя имманентную гносеологію противъ матеріалистическаго пониманія исторіи,

*) „Ueber naiven und kritischen Realismus“, S. 325—326, Wundts Phil. Studien, Bd. XII.

имѣетъ главнымъ образомъ въ виду взглядъ имманентной философіи на свободу и необходимость, который онъ противопоставляетъ детерминизму марксовой доктрины.

Имманентная философія, исходящая изъ признанія тождества мышленія и бытія, считаетъ реально-конкретными лишь тѣ представленія, которыя *сознаніе мыслитъ таковыми.* Стало быть *необходимость* только потому и есть необходимость, что *сознаніе мыслитъ ее какъ таковую.* То, что должно быть, т. е. всякое предсказаніе, которое представляется сознанію не какъ реальность, лишено, во первыхъ, реальнаго источника происхожденія, и во вторыхъ *необходимыхъ* гарантій его осуществленія.

То, что должно быть, не обладаетъ въ *сознаніи* никакими реальными признаками въ *настоящемъ,* такъ какъ оно пріурочивается къ *будущему.* Поэтому оно является субъективнымъ безпричиннымъ постулатомъ или актомъ свободной воли.

Коренная основа этого взгляда лежитъ такимъ образомъ въ первомъ положеніи имманентной гносеологіи, въ тождествѣ бытія и мышленія или въ отрицаніи внѣшняго міра и объективной причинности.*)

Взглядъ же Маркса и Энгельса на отношеніе свободы къ необходимости вытекаетъ изъ ихъ діаметрально противоположныхъ гносеологическихъ предпосылокъ.

Марксова система, точно такъ какъ вся современная опытная наука, исходитъ изъ признанія существованія внѣшняго міра и внутренней закономѣрной связи между его предметами.

Между всѣми явленіями космоса существуетъ внутренняя связь и непрерывное взаимодѣйствіе. Когда объектъ дѣйствуетъ на субъектъ, то его дѣйствіе разсматривается субъектомъ какъ *необходимое.* Обратное дѣйствіе субъекта на объектъ сознается — поскольку сознается — субъектомъ какъ *свободное.*

Субъективное *сознаніе свободы* обусловливается, такимъ образомъ: *1. познаніемъ законовъ дѣйствія объекта на субъектъ, 2. познаніемъ обратнаго дѣйствія субъекта на объектъ или познаніемъ законовъ взаимодѣйствія между объектомъ и субъектомъ.*

Изъ этого слѣдуетъ, что всякая цѣль, которая, какъ таковая, направлена на будущее, постольку имѣетъ шансы быть реализованной, поскольку въ ея основѣ лежитъ познанная причинность. Эту точку зрѣнія формулировалъ еще основатель научнаго опыта, Бэконъ, когда говорилъ:

„Человѣческое познаніе и его сила совпадаютъ. Неизвѣстность причины дѣлаетъ невозможнымъ наше дѣйствіе. Побѣду надъ природой мы можемъ одержать только въ томъ случаѣ, когда повинуемся ея законамъ. То, что въ изслѣдованіи оказывается причиной, становится правиломъ въ области нашей дѣятельности."

Не трудно замѣтить, что Бэконъ говоритъ рѣшительно тоже самое, что говорили объ этомъ вопросѣ Марксъ, Энгельсъ и Бельтовъ.**) Основатели научнаго метода въ области соціологіи сошлись во взглядахъ съ основателемъ научнаго метода въ области естествознанія. И это вовсе не удивительно.

---

*) Шеллингъ и Гегель тоже признавали тождество бытія и мышленія, но какъ *объективные* идеалисты они вмѣстѣ съ тѣмъ признавали существованіе внѣшняго міра и зависимость содержанія сознанія отъ него. Поэтому свобода является для нихъ сознанной необходимостью.

**) См. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію" гл. Идеалистическая нѣмецкая философія.

Различіе во взглядахъ на свободу и необходимость, вытекающее изъ противоположныхъ философскихъ предпосылокъ субъективнаго идеализма съ одной стороны, и матеріалистической философіи съ другой, приводитъ къ діаметрально противоположнымъ взглядамъ на практическую дѣятельность.

Отрицая объективную причинность и разсматривая *то, что должно быть*, какъ свободный безпричинный постулатъ, субъективный идеализмъ отнимаетъ у *цѣли* всякую гарантію ея реализаціи.

Цѣль, какъ свободный постулатъ, остается въ головѣ субъекта безъ всякаго необходимаго отношенія къ дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія, цѣлесообразное воздѣйствіе на окружающее рѣшительно не возможно, и субъективному идеалисту ничего не остается, кромѣ слѣпаго и фаталистическаго выжиданія явленій, будь это въ области природы, будь то въ общественной жизни.

Абсолютная свобода превращается въ абсолютную необходимость.

Признавая объективную причинность и разсматривая то, что должно быть, какъ ея результатъ, детерминизмъ приходитъ къ тому заключенію, что та цѣль, которая является отраженіемъ необходимой причинной связи явленій, носитъ въ самой себѣ элементы своего осуществленія.

Ясно, что съ этой точки зрѣнія успѣхъ воздѣйствія человѣка какъ на природу, такъ и на исторію, обезпеченъ.

Необходимость превращается въ свободу.

Далѣе. Такъ какъ по ученію субъективныхъ идеалистовъ цѣль не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительными реальными условіями, то она и *не можетъ содержать въ себѣ указанія на опредѣленную сферу*, гдѣ она должна осуществиться. Субъективный идеалистъ, поскольку онъ рѣшается на дѣйствіе, можетъ поэтому пытаться проводить свои оторванныя отъ конкретной дѣйствительности цѣли въ какой угодно средѣ. Эта точка зрѣнія *приводитъ поэтому къ оппортюнизму*. Съ точки зрѣнія матеріализма цѣль, представляя собою результатъ необходимыхъ дѣйствительныхъ условій, заключаетъ въ себѣ указаніе на *ту опредѣленную сферу*, гдѣ она должна быть осуществлена.

Способъ воздѣйствія, вытекающій изъ этого міросозерцанія, оказывается строго опредѣленнымъ и планомѣрнымъ.

Субъективный идеалистъ, не признающій возможности существованія такихъ научныхъ данныхъ, которыя говорили бы въ пользу осуществленія его цѣлей, считая истинно конкретнымъ только то, что онъ въ данное время мыслитъ какъ таковое, обреченъ либо стоять на мѣстѣ (что было бы вполнѣ послѣдовательно съ его точки зрѣнія), либо плестись за совершающимся историческимъ процессомъ и дѣлать лишь то, что ему подсказываетъ всякій данный моментъ.

Крайній субъективизмъ превращается въ свою противоположность: въ крайній фаталистическій объективизмъ.

Господствующій въ настоящее время, преимущественно въ буржуазной соціологіи, субъективный идеализмъ начинаетъ съ цѣлесообразной свободной воли и приходитъ на этомъ же основаніи къ тому заключенію, что соціальное будущее не можетъ имѣть никакихъ научныхъ гарантій и что вслѣдствіе этого необходимо идти за такъ называемымъ естественнымъ ходомъ вещей.

Практическимъ выраженіемъ этой философской концепціи является, кромѣ буржуазной „соціальной реформы“, бернштейніанство, программа авторовъ „Credo“, „Рабочей Мысли“, и даже „Рабочаго Дѣла“, поскольку оно проповѣдуетъ *„тактику-процессъ“*.

Весьма возможно, что очень многіе представители этихъ оппортюнистическихъ направленій ровно никакого понятія не имѣютъ о той философіи,

которая отождествляетъ мышленіе съ бытіемъ, отрицаетъ внѣшній міръ и объективную причинность.

Но отсутствіе философскаго міросозерцанія нисколько не препятствуетъ этимъ господамъ находиться подъ вліяніемъ *буржуазныхъ критиковъ научнаго соціализма*, взгляды которыхъ проникаютъ всю современную соціологическую литературу, начиная съ объемистыхъ профессорскихъ книгъ и кончая докторскими диссертаціями и журнальными статейками.

Слѣдуетъ, однако, быть справедливымъ и по отношенію къ буржуазнымъ идеологамъ. Эти господа отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ своемъ міровоззрѣніи и потому, строго отличая его отъ марксизма, стараются какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, опровергать научный соціализмъ. Что же касается соціаль-демократическаго оппортюнизма, то онъ воспринялъ всѣ главные принципы и практическіе выводы у буржуазной идеологіи и прикрылъ ихъ для себя и для другихъ марксистской терминологіей. Отсюда — та неимовѣрная путаница и умственная деморализація, которая господствуетъ въ нѣкоторой части соціаль-демократической литературы переживаемаго нами періода. Главнымъ образомъ исказили и наполнили буржуазнымъ содержаніемъ термины марксовой идеологіи: „естественный ходъ вещей“, „историческій процессъ“ и „конкретная дѣйствительность“.

Дѣло въ томъ, что о естественномъ ходѣ вещей всегда говорила буржуазія и не одна буржуазія, а всѣ существовавшіе господствующіе классы.

Разсматривался-ли этотъ естественный ходъ, какъ результатъ божественнаго предопредѣленія, опирался-ли онъ на естественное право, *соціальное содержаніе* этого понятія всегда сводилось къ оправданію и укрѣпленію данной общественной формы. Совершенно инымъ характеромъ и инымъ содержаніемъ отличается терминъ „естественный ходъ вещей“ въ теоріи Маркса и Энгельса.

Приложивъ къ исторіи діалектическій методъ изслѣдованія, Марксъ и Энгельсъ, какъ это должно быть всѣмъ извѣстно, смотрѣли на историческій процессъ, какъ на непрерывную смѣну общественныхъ формъ.

Такимъ образомъ ученіе Маркса подчеркиваетъ естественность и необходимость революціонныхъ элементовъ дѣйствительности, вопреки утвержденію защитниковъ существующаго порядка, что естественно и необходимо только то, что поддерживаетъ этотъ порядокъ. Между тѣмъ какъ буржуазная идеологія стремится на основаніи естественнаго хода вещей увѣковѣчить капиталистическій строй, Марксова доктрина, наоборотъ, подчеркивая революціонные элементы дѣйствительности и разсматривая ихъ какъ естественно необходимый результатъ того же историческаго процесса, находитъ въ естественномъ ходѣ научное обоснованіе будущаго соціалистическаго строя.

Весьма ошибоченъ также тотъ взглядъ, будто марксизмъ противопоставилъ субъективному вмѣшательству объективный историческій процессъ.*)

На самомъ дѣлѣ Марксова теорія не противопоставила эти моменты другъ другу, а *согласила ихъ*.

Цѣлесообразная дѣятельность людей въ исторіи должна, — съ точки зрѣнія системы Маркса-Энгельса, — согласоваться съ исторической необходимостью; другими словами: субъективное воздѣйствіе должно опираться на объективный ходъ вещей.

Причинность и цѣлесообразность въ исторіи, какъ и во всякой другой области, не только другъ друга не исключаютъ, но напротивъ того, другъ друга обусловливаютъ.

---

*) Такъ поняли теорію Маркса русскіе народники и такъ исказили ее соціаль-демократы оппортюнисты.

Взаимное отношеніе исторической теоріи къ исторической практикѣ въ теоріи Маркса можно сравнить съ отношеніемъ механики къ техникѣ.

Изобрѣтатель изучаетъ механическіе законы природы и, пользуясь знаніемъ ихъ, строитъ машину, выполняющую цѣлесообразную функцію. Механическая причинность становится у него источникомъ *цѣлесообразнаго* движенія, которое совершается въ силу закономѣрной необходимости. Машина дѣйствуетъ въ силу той же механической причинности, которая существуетъ въ природѣ, но съ той огромной разницей, что цѣлесообразная комбинація силъ, выполняя заранѣе опредѣленную функцію, удовлетворяетъ опредѣленную, сознанную человѣкомъ потребность.

Воспользуемся теперь этимъ примѣромъ и разсмотримъ два другихъ момента, во-первыхъ, когда причинность не вызываетъ цѣлесообразнаго воздѣйствія субъекта, во-вторыхъ, когда цѣлесообразная идея не опирается на причинность.

Представимъ себѣ, что изобрѣтатель вздумалъ ограничиваться исключительно однимъ наблюденіемъ законовъ природы, полагая что ея силы сами собой скомбинируются именно такъ, какъ ему желательно. Можно съ увѣренностью сказать, что его надежда не сбудется: природа за него работать не станетъ. Теперь представимъ себѣ обратный случай: изобрѣтатель носитея съ планомъ построить машину, но не повинуется механической причинности. Опять таки понятно, что его спекуляція останется осуществленной лишь въ его собственномъ воображеніи. На этихъ примѣрахъ нетрудно видѣть, какъ крайній объективизмъ и крайній субъективизмъ сходятся въ своихъ конечныхъ результатахъ. Полное совпаденіе этихъ крайностей объясняется полной тождественностью ихъ исходныхъ точекъ. Крайній объективизмъ и крайній субъективизмъ выходятъ изъ одного и того же метафизическаго начала: изъ субъективнаго идеализма. Отрицаніе дѣйствительности внѣшняго міра и объективной причинности приводитъ къ отрицанію всякой закономѣрности, а отрицаніе закономѣрности — къ вѣрѣ въ свободу цѣлесообразной воли. Цѣлесообразная, безпричинная воля, сущность которой сводится къ субъективному конструированію плановъ, лишенныхъ элементовъ необходимости, приводитъ неизбѣжнымъ образомъ къ скептицизму.

Изъ скептицизма возможны два выхода: либо мы будемъ слѣдовать за естественнымъ процессомъ и фаталистически ожидать отъ него осуществленія сложившихся въ нашей головѣ идеаловъ, либо слѣпо дѣйствовать какъ это проповѣдуютъ субъективисты.

Поэтому субъективисты и крайніе объективисты, расходясь, если можно такъ выразиться, *психологически*, совершенно солидарны теоретически и практически. Оба направленія одинаково отрицательно относятся къ планомѣрному воздѣйствію на историческій процессъ, объявляя опредѣленность и планомѣрность образа дѣйствія сектантскимъ догматизмомъ.*) И оба направленія, поскольку они дѣйствуютъ, одинаково обречены на оппортюнизмъ.

Изъ этого краткаго и, конечно, далеко неполнаго анализа читатель все таки можетъ видѣть, до какой степени различіе въ философскихъ основахъ дѣлаетъ различнымъ всю систему взглядовъ, вытекающихъ изъ субъ-

---

*) „Русское Богатство“ хотя и споритъ противъ „критиковъ“, но споритъ такъ игриво и кокетливо, что стоитъ имъ хорошенько объясниться и дѣло кончится законнымъ бракомъ. *„Русское Богатство“* хвалитъ „критиковъ“ за ихъ отрицательное отношеніе къ „догмѣ“ и опредѣленному научному міровоззрѣнію, а „критики“ хвалятъ Михайловскаго за его отстаиваніе „свободы личности“ т. е. опять таки за то же самое.

ективнаго идеализма съ одной стороны и изъ матеріалистической философіи съ другой. Отнять у марксизма его матеріалистическую основу и воздвигать его теоретическое зданіе на чуждомъ ему фундаментѣ критицизма*) значитъ покончить всѣ счеты съ нимъ и создать совершенно другую систему взглядовъ, не только ничего общаго съ марксизмомъ не имѣющую, но прямо противоположную ему. Г. П. Струве подставилъ подъ теорію Маркса этотъ чуждый ему фундаментъ.**) Естественно, что вся система воззрѣній марксизма пришла въ непримиримое противорѣчіе съ чуждыми ей философскими предпосылками. Это несовпаденіе взглядовъ марксизма со взглядами, вытекающими изъ критической философіи, г. П. Струве самодовольно выдаетъ за критику матеріалистическаго пониманія исторіи.

Такимъ пріемомъ голаго противопоставленія пользуется г. П. Струве при его будто-бы критикѣ детерминизма Марксовой теоріи.

Предпославъ главную гносеологическую *догму* о тождествѣ бытія и мышленія, онъ дѣлаетъ то, вытекающее изъ нея, заключеніе, что свобода не есть сознаніе необходимости.

Это заключеніе онъ твердитъ на разные лады, воображая при этомъ самъ и увѣряя читателя, что онъ критикуетъ детерминизмъ Марксовой системы.

Легко замѣтить, что тутъ нѣтъ и тѣни критики.

Чтобы подвергнуть критикѣ детерминизмъ Марксовой теоріи съ точки зрѣнія имманентной гносеологіи, г. П. Струве долженъ былъ прежде всего *критически* обосновать свою собственную гносеологію, а затѣмъ на этомъ основаніи обнаружить несостоятельность философскихъ предпосылокъ системы Маркса.

Но г. П. Струве предпочитаетъ болѣе легкій способъ. Онъ начинаетъ свою гносеологію указомъ: „Съ точки зрѣнія гносеологическаго монизма всѣ показанія сознанія представляютъ бытіе: ибо мышленіе бытія равносильно бытію мыслимаго“. А такъ какъ изъ этого гносеологическаго указа слѣдуетъ, что свобода не есть сознаніе необходимости, то значитъ не правы Энгельсъ и Бельтовъ, и „критикъ“ пишетъ дальше: „Энгельсъ могъ такъ философствовать (о томъ, что свобода есть сознаніе необходимости, Ор.), потому что ему была совершенно чужда критическая точка зрѣнія“.***)

---

*) Въ данномъ случаѣ мы не отличаемъ критической философіи отъ субъективнаго идеализма. Субъективный идеализмъ представляетъ только наиболѣе логическую форму той же критической философіи.

Переходъ г. П. Струве отъ критицизма къ субъективному идеализму вполнѣ послѣдователенъ. Вернувшись *„Назадъ къ Канту“*, г. П. Струве пошелъ впередъ къ имманентной гносеологіи, т. е. подвинулся еще дальше назадъ *къ Юму и Беркли*.

**) Возможность сочетанія матеріалистическаго пониманія исторіи съ „критицизмомъ“ г. П. Струве аргументируетъ такъ: „Я стою на той же самой почвѣ, что и г. Булгаковъ: мы оба одновременно — сторонники критической философіи и матеріалистическаго пониманія исторіи“. „Это сочетаніе (слѣдуетъ тутъ же въ примѣчаніи) критической точки зрѣнія и матеріалистическаго пониманія исторіи показываетъ, что послѣднее *по существу* (курсивъ нашъ) нисколько не связано съ матеріалистической метафизикой“ (Вопр. фил. и псих. стр. 132. 1879). Итакъ, тотъ фактъ, что г. П. Струве вмѣстѣ съ г. Булгаковымъ сочетали Марксову теорію съ критицизмомъ должно служить доказательствомъ, что такое согласованіе логично по *существу*. Такая аргументація не нуждается въ опроверженіи. Можно только подивиться ея легкомыслію.

***) „Вопросы философіи и психологіи“, стр. 132. Январь-февраль 1897.

Именно потому г. П. Струве! Энгельсу не только чужда была критическая философія, но онъ даже былъ вполнѣ сознательнымъ и рѣзкимъ противникомъ ея.

Но чѣмъ же, спрашивается, виноватъ Энгельсъ, если его взгляды на свободу и необходимость не совпадаютъ со взглядами на этотъ вопросъ критической философіи?

Виноватъ не Энгельсъ, а г. П. Струве, которому пришла въ голову веселая идея соединять несоединимое. На подобномъ основаніи можно безъ особеннаго труда уничтожить какую угодно теорію.

Стоитъ, напримѣръ, сдѣлать попытку согласовать библейскій разсказъ о сотвореніи міра съ теоріей происхожденія видовъ, а когда такое сочетаніе окажется невозможнымъ, то объявить кризисъ въ дарвинизмѣ.*) Сталкиваясь съ такого рода пріемами критики, становишься въ тупикъ и прямо не знаешь, какъ и въ такой связи отвѣчать на нее. А отвѣчать необходимо, ибо много наивныхъ читателей на бѣломъ свѣтѣ, вѣрующихъ писателю на слово.

Твердятъ же гг. критики чуть ли не черезъ каждыя три строчки: „критика", „критическая точка зрѣнія", „гносеологія", „кризисъ въ марксизмѣ", а наивный читатель, быть можетъ и не совсѣмъ ясно понимающій философскую фразеологію этихъ господъ (ихъ понимать очень трудно, если не знать источниковъ, изъ которыхъ они черпаютъ свою премудрость), все таки думаетъ, что съ марксизмомъ должно быть дѣло не ладно.

III.

Главнымъ поводомъ къ „критической" дѣятельности г. П. Струве послужила извѣстная книга профессора Штаммлера: „Wirthschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung". Эта книга, написанная съ внѣшней профессорской ученостью и съ истиннымъ филистерскимъ пониманіемъ марксовой теоріи, произвела большой шумъ и оказала огромное вліяніе на нашихъ легальныхъ quasi-марксистовъ.

Въ нашу задачу не входитъ разборъ этого произведенія; но мы приведемъ то пресловутое мѣсто, которое выставляется почти всѣми критиками на показъ и которое надѣлало такъ много хлопотъ гг. Булгакову и Струве, и постараемся разобрать его.

Профессоръ Штаммлеръ говоритъ: „Характерную черту матеріалистическаго пониманія исторіи и его практическаго примѣненія составляетъ то, что оно уклоняется отъ неумолимой альтернативы — остановиться исключительно или на казуально-понимающемъ познаніи, или на волѣ, ставящей себѣ цѣли; оно постулируетъ естественно-необходимый ходъ соціальнаго развитія, но считая при этомъ возможнымъ его поощрять, ему содѣйствовать, уменьшать его бѣдствія. Это жестокое qui pro quo! Кто познаетъ, что опредѣленный результатъ наступитъ съ неизбѣжной естественной необходимостью, тотъ уже не можетъ содѣйствовать наступленію этого результата. Въ представленіи содѣйствія и поощренія лежитъ мысль, что такъ какъ оно можетъ произойти при вмѣшательствѣ, событіе не познано, какъ естественно-необходимое. Отъ этого противорѣчія нельзя уклониться: разъ научно познано, что извѣстное событіе необходимо произойдетъ совершенно опредѣленнымъ способомъ, безсмысленно еще желать содѣйствовать этому *опредѣленному способу* его наступленія. Нельзя основать

*) Замѣтимъ, между прочимъ, что этотъ примѣръ не совсѣмъ гипотетиченъ. Критики дарвинизма пользовались точно такимъ же негоднымъ оружіемъ, какъ критики марксизма. Всякая революціонная теорія должна встрѣчать недобросовѣстную и легкомысленную критику.

партію, которая хотѣла бы сознательно содѣйствовать точно вычисленному лунному затмѣнію.*)

На эту тираду профессора Штаммлера г. Булгаковъ, тогда еще цѣпляясь за марксизмъ, отвѣтилъ: „Законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ *безъ* нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій. И всякій разумный человѣкъ согласится, что можно энергично дѣйствовать скорѣе въ томъ случаѣ, когда знаешь, что дѣло увѣнчается успѣхомъ, чѣмъ тогда, когда дѣйствуешь на удачу.“ **)

Само по себѣ это возраженіе совершенно справедливо, но оно тѣмъ не менѣе не исчерпываетъ всѣхъ заблужденій, лежащихъ въ основѣ мысли Штаммлера.

Дѣло въ томъ, что профессоръ Штаммлеръ исказилъ всю мысль Маркса объ объективномъ моментѣ въ историческомъ процессѣ.

У Маркса творцами новыхъ формъ общественной жизни являются *люди*, побуждаемые къ дѣйствію ходомъ экономическаго развитія. Въ этомъ смыслѣ и только въ этомъ слѣдуетъ понимать объективизмъ марксовой доктрины. А профессоръ Штаммлеръ представилъ себѣ мысль Маркса такъ, какъ будто общественныя формы создаются сами собою, безъ всякаго участія людей. Понявъ Маркса такимъ нелѣпымъ образомъ, онъ глубокомысленно открылъ противорѣчіе между объективной исторической необходимостью и цѣлесообразной дѣятельностью людей.

Далѣе, невѣренъ тотъ взглядъ профессора Штаммлера, что люди свободно творятъ исторію еще и потому, что не всякое же поколѣніе творитъ *весь* историческій процессъ. Всякое поколѣніе является въ готовую историческую среду, стоящую противъ него какъ *объектъ*, подъ вліяніемъ котораго она вырабатываетъ свои взгляды, свои привычки, свои стремленія и т. д.

„Люди дѣлаютъ свою собственную исторію, — говоритъ Марксъ, — но они ее *не дѣлаютъ самопроизвольно* — имъ приходится дѣйствовать не при обстоятельствахъ, выбранныхъ ими самими, а при обстоятельствахъ, независимыхъ отъ ихъ выбора, непосредственно ихъ окружающихъ и ими унаслѣдованныхъ.***)

Историческій процессъ, лежащій позади всякаго живущаго и дѣйствующаго поколѣнія, представляетъ по отношенію къ послѣднему точно такой же объективный факторъ, какъ и внѣшняя природа.

Съ этой точки зрѣнія нѣтъ, слѣдовательно, никакого основанія примѣнять къ изученію исторіи иной методъ, чѣмъ къ изученію внѣшней природы.

Кромѣ того не выдерживаетъ ни малѣйшей критики примѣръ профессора Штаммлера о лунномъ затмѣніи. Въ этомъ примѣрѣ совершенно не важно частное явленіе — затмѣніе луны, — а важенъ главный принципъ, лежащій въ основѣ этой параллели. Главный же принципъ заключается въ томъ, что къ изслѣдованію природы примѣнимъ методъ причинности, а къ исторіи методъ цѣлесообразности.

Природу мы изучаемъ и она, слѣдовательно, должна разсматриваться съ точки зрѣнія объективной закономѣрности, исторію мы дѣлаемъ, ее необходимо, поэтому, объяснять на основаніи цѣлесообразной воли.

Подобное различеніе скрываетъ въ себѣ тотъ ошибочный и въ сущности никѣмъ не раздѣляемый взглядъ, будто человѣкъ спокойный, пас-

---

*) Цитируемъ это мѣсто по статьѣ г. П. Струве „Вопросы философіи и психологіи“, стр. 133. 1897.

**) „Вопросы философіи и психологіи“, ноябрь и декабрь 1896, стр. 610.

***) „Восемнадцатое Брюмера“, стр. 7 русск. пер. Б. Кричевскаго. 1894. Женева.

сивный наблюдатель процессовъ природы, фатально выжидающій того или другаго ея явленія.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Отношеніе человѣка къ природѣ не пассивное, а всегда активное. Изучая окружающую природу, человѣкъ борется съ ней, а борясь съ ней, онъ изучаетъ ее. Природа, стоитъ противъ человѣка не какъ внѣшій, застывшій, не задѣвающій его объектъ, а какъ постоянно на него дѣйствующій факторъ. Борьбу съ природой человѣкъ ведетъ двоякимъ способомъ: либо онъ на основаніи познанія ея законовъ превращаетъ и комбинируетъ ея силы, непосредственно подчиняя ихъ своимъ цѣлямъ; либо же онъ съ помощью комбинаціи однѣхъ ея силъ дѣлаетъ безопасными и безвредными другія ея силы.

Но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ роль человѣка въ отношеніи къ природѣ дѣятельная и вполнѣ активная. Столкновеніе и взаимодѣйствіе законовъ объективнаго міра съ причинностью нашего субъективнаго воздѣйствія создаетъ наше понятіе о цѣлесообразности. Тѣ наши дѣйствія, которыя имѣютъ своимъ результатомъ побѣду надъ природой т. е. подчиненіе ея силъ нашему воздѣйствію, мы называемъ цѣлесообразными. И этотъ моментъ цѣлесообразности участвуетъ, стало быть, въ борьбѣ человѣка съ природой какъ и въ борьбѣ его съ исторической средою. Теперь мы спрашиваемъ профессора Штаммлера, почему онъ не открываетъ противорѣчія между „казуальнымъ познаніемъ“ природы и „цѣлесообразнымъ воздѣйствіемъ“ на нее? Почему познаніе причинности въ этой сферѣ явленій не только не парализуетъ нашей воли, а наоборотъ поощряетъ, увеличиваетъ и укрѣпляетъ ея силу? На такіе вопросы профессору Штаммлеру нечего отвѣтить, ибо онъ очень хорошо знаетъ, что цѣлесообразность, не основанная на причинности, есть *пустое и безсодержательное понятіе.*

И если бы ему пришлось произнести рѣчь на юбилеѣ какого нибудь крупнаго естествоиспытателя, то онъ бы несомнѣнно съ большой гордостью сталъ указывать на ту власть человѣка надъ природой, которая достигнута благодаря примѣненію научно-объективнаго метода. Онъ бы не говорилъ о противорѣчіи между „казуальнымъ познаніемъ“ и волевымъ воздѣйствіемъ, а наоборотъ подчеркивалъ бы ихъ взаимную и неразрывную связь.

IV.

Возвратимся къ нашему критику. Приведенное и разобранное нами возраженіе профессора Штаммлера сильно смутило суетливый умъ г. П. Струве. Не сумѣвъ справиться со Штаммлеромъ, онъ также не удовлетворился вышецитированнымъ нами возраженіемъ г. Булгакова. „Только что приведенному разсужденію г. Булгакова, пишетъ г. П. Струве, я могу противопоставить такое на мой взглядъ неотразимое соображеніе: „законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а изъ нашихъ дѣйствій“ (слова г. Булгакова), но совершенно *независимо* отъ того, *какъ мы будемъ дѣйствовать*, ибо въ этотъ законъ развитія, какъ составной элементъ объемлемой имъ необходимости, входитъ уже и опредѣленный образъ нашихъ дѣйствій. *Какъ мы думаемъ дѣйствовать уже предетерминировано* и, конечно, совершенно независимо отъ нашего сознанія, т. е. отъ нашей рѣшимости дѣйствовать такъ, а не иначе. Допустить обратное значило бы, прогнавъ свободу съ передняго крыльца, самымъ любезнымъ образомъ открыть ей черный ходъ“.*)

*) Стр. 184 „Вопросы фил. и психологіи“, Январь—февраль 1897.

Нетрудно замѣтить, что г. П. Струве вычелъ изъ человѣческихъ дѣйствій сознаніе, отождествилъ его съ свободой и послѣ этого спрашиваетъ: гдѣ же сознательная человѣческая дѣятельность?

Въ томъ именно и суть, что детерминизмъ отнюдь не уничтожаетъ *сознательной* дѣятельности субъекта, а наоборотъ объясняетъ ее причинами, мотивами и цѣлями.

Далѣе, опредѣленность способа дѣйствія должна, по мнѣнію нашего автора, уничтожить личную рѣшимость. На какомъ это основаніи? Казалось бы, какъ разъ наоборотъ, что полное и всестороннее познаніе способа дѣйствія не только не исключаетъ личной рѣшимости, но именно обусловливаетъ ее собою.

Соотвѣтственно высказанному г. П. Струве убѣжденію личная рѣшимость проявляется только въ томъ случаѣ, когда отсутствуютъ сильные, деминирующіе мотивы и опредѣленные способы дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія самымъ слабымъ человѣкомъ на свѣтѣ былъ Кальвинъ, а самымъ рѣшительнымъ Обломовъ.

То, что г. П. Струве называетъ личной рѣшимостью, выражаетъ не что иное, какъ патологическое состояніе воли, при которомъ отсутствуетъ преобладающій мотивъ. Наше „критическое“ время полно такими развинченными и разслабленными субъектами. Большинство буржуазной интеллигенціи, пресыщенное всѣми благами ненормальной культуры, страдаетъ болѣзнью воли, т. е. отсутствіемъ опредѣленныхъ мотивовъ, опредѣленныхъ цѣлей и всякихъ идеаловъ.

Влача жалкое, равнодушное существованіе, она всегда готова на всякое сумасбродство, чтобы только ощутить свое собственное бытіе.

Являясь декадентомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, г. П. Струве возвелъ эту позорную безпринципность буржуазной интеллигенціи въ принципъ, разсматривая ея слабость, какъ проявленіе личной рѣшительности.

Истинно сильные и истинно рѣшительные люди всегда чувствуютъ непреодолимую силу своихъ мотивовъ.

Самъ Фихте, отказавшись отъ детерминизма Спинозы изъ опасенія потерять свободу личности, долженъ былъ вслѣдъ затѣмъ создать объекты, ограничивающіе абсолютную свободу его „Я“, которое безъ внѣшняго ограниченія должно было исчезнуть въ своей собственной пустотѣ. Фихте началъ свободой и кончилъ необходимостью.

Г. П. Струве приводитъ еще одинъ доводъ противъ детерминизма: „Идея свободы, — говоритъ онъ, — есть лишь абстрактный дистелятъ *психологическаго чувства свободы* (курсивъ нашъ), которымъ окрашена вся наша дѣятельность. Эта идея непригодна для цѣлей познанія и въ этомъ смыслѣ она является, по словамъ Канта, лишь голой идеей, но ея существованіе указываетъ на наличность въ сознаніи двухъ направленій: познанія (о бытіи) и воли“.*)

Выходитъ, что фактъ существованія сознанія свободы долженъ служить опроверженіемъ послѣдовательнаго детерминизма. На это старое, какъ міръ, возраженіе отвѣтилъ Спиноза: „Такимъ образомъ самъ опытъ показываетъ съ неменьшей ясностью, чѣмъ разумъ, что люди только потому думаютъ, будто они свободны, что они сознаютъ свои дѣйствія, а причины этихъ дѣйствій имъ неизвѣстны. Слѣдовательно, кто думаетъ, что онъ говоритъ или молчитъ или дѣлаетъ что нибудь другое по свободному рѣшенію своего духа, тотъ видитъ сны на яву“.**)

---

*) „Еще о свободѣ и необходимости“, стр. 203 „Новое Слово“, 1897, № 8.

**) Die Ethik von Spinoza, neu übersetzt von J. Stern. III. Theil. S. 159—160.

Но если читатель предполагаетъ, что г. П. Струве серьезно отстаиваетъ свободу воли, то онъ глубоко ошибается. „Я вполнѣ послѣдовательный детерминистъ, — пишетъ г. П. Струве, — и никогда не думалъ переносить категоріи свободы въ объективный міръ. Я утверждалъ лишь, что для живыхъ людей, представленіе о будущихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ „не можетъ быть окрашено сплошь въ цвѣтъ необходимости“.*) Что же это значитъ? Если это значитъ, что человѣкъ *мыслитъ* свои дѣйствія, направленныя на будущее, *свободными*, то г. П. Струве, какъ „вполнѣ послѣдовательный детерминистъ“, можетъ сдѣлать тотъ необходимый выводъ, что сознаніе свободы есть представленіе, которое объясняется сознаніемъ дѣйствія и отсутствіемъ сознанія причины его.

Но такой логическій выводъ изъ его собственныхъ словъ г. П. Струве не по душѣ. „Вполнѣ послѣдовательный детерминистъ для объективнаго міра“ находитъ, однако, возможнымъ исключить изъ объективнаго міра дѣятельность людей**) и объявить ее безпричинной на томъ основаніи, что они сами себя мыслятъ свободными. Укажемъ еще на одну непослѣдовательность.

Признавая свободу въ дѣятельности, которая направлена на будущее, г. П. Струве остается „вполнѣ послѣдовательнымъ детерминистомъ“ по отношенію къ прошедшему. Онъ, очевидно, не понимаетъ, что быть послѣдовательнымъ детерминистомъ по отношенію къ прошедшему значитъ объяснять всю прошедшую историческую дѣятельность строгой причинностью. А такъ какъ люди, дѣйствовавшіе въ прошедшемъ, тоже въ свое время направляли свою дѣятельность на будущее и, слѣдовательно, тоже „не окрашивали“ ее „въ сплошной цвѣтъ необходимости“, то „вполнѣ послѣдовательный детерминистъ“ для прошедшаго можетъ прійти къ тому простому логическому выводу, что дѣятельность людей, направленная на будущее, не смотря на ихъ сознаніе свободы тоже опредѣляется строгой причинностью.

Однимъ словомъ, признать необходимую закономѣрность въ прошедшемъ значитъ признавать ее и для будущаго.

Но нашъ гносеологъ послѣдователенъ лишь въ одномъ: ему во что бы то ни стало необходимо „критиковать“ Маркса и согласиться съ Зиммелемъ. Выражая свою солидарность съ этимъ писателемъ, онъ приводитъ изъ него слѣдующее мѣсто: „Какъ только мы признаемъ, что долженствованіе есть лишь одна изъ формъ, принимаемыхъ содержаніемъ представленій, для созданія практическаго міра, то становится ясно, что мы не можемъ долженствованію à prіorі приписывать болѣе сильную связь съ однимъ содержаніемъ, чѣмъ съ другимъ“.***)

Въ этомъ положеніи скрывается весь гносеологическій скептицизмъ и вытекающій изъ него практическій оппортюнизмъ. Разъ будущее не связано ни съ какимъ содержаніемъ въ настоящемъ, то оно какъ мы это видѣли выше, не носитъ характера обязательности.

Положеніе, „что мы не можемъ долженствованію à prіorі приписывать болѣе сильную связь съ однимъ содержаніемъ, чѣмъ съ другимъ“, означаетъ, что между конкретными данными въ настоящемъ нѣтъ никакой причинной связи съ закономѣрностью въ будущемъ. Отрицаніе такой связи приводитъ къ полному отрицанію всякаго закона, ибо всякій законъ тѣмъ

---

*) „Еще о свободѣ и необходимости“, стр. 200, „Новое Слово“ 1899 № 8.

**) Не мѣшаетъ при этомъ случаѣ напомнить г. П. Струве, что кромѣ дѣятельности людей съ его точки зрѣнія нѣтъ объективнаго міра, ибо все находящееся внѣ коллективнаго сознанія „transcensus“ и „метафизика“.

***) „Вопросы философіи и психологіи“, Январь—Февраль, стр. 128, 1897.

и отличается отъ простого эмпирическаго наблюденія, что носитъ характеръ обязательнаго долженствованія и для будущаго. Вышеприведенное гносеологическое положеніе относится, поэтому, въ совершенно одинаковой степени ко всѣмъ областямъ науки. И мы хотѣли бы знать, отчего г. П. Струве не сталъ на основаніи гносеологическаго скептицизма опровергать законы астрономіи, физики, химіи и т. д., а направилъ его исключительно противъ матеріалистическаго пониманія исторіи?

Другое противорѣчіе. Если г. П. Струве не находитъ возможнымъ предсказывать будущее, то почему же онъ такъ настойчиво доказываетъ невозможность *въ будущемъ* соціальной революціи?

Если онъ далѣе не считаетъ возможнымъ „a priori приписывать болѣе *сильную связь* съ однимъ содержаніемъ, чѣмъ съ другимъ“ то на какомъ основаніи онъ связываетъ невозможность соціальной революціи съ притупленіемъ общественныхъ противорѣчій?

Мало того г. П. Струве не только предсказываетъ невозможность соціальной революціи, но даже знаетъ форму будущаго соціалистическаго строя.

Такъ, въ своемъ предисловіи къ книгѣ г. Бердяева онъ приводитъ филистерски-тривіальную каррикатуру на соціалистическій строй изъ „Заратустры“.

Стало быть онъ, „критикъ“, — вмѣстѣ со скептикомъ Фридрихомъ Нитше — чуть ли не лучше насъ, „догматиковъ“ и „доктринеровъ“, знаетъ, какъ будутъ выглядѣть члены соціалистическаго общества.*)

Итакъ, г. П. Струве тоже предсказываетъ будущее и тоже связываетъ его съ настоящимъ вопреки своимъ гносеологическимъ предпосылкамъ.

На такое вопіющее противорѣчіе обреченъ всякій скептикъ, потому что ни наука, ни обыденная жизнь ни-шагу сдѣлать не въ состояніи безъ того или другого убѣжденія относительно будущаго. Тѣмъ человѣкъ и отличается отъ животнаго, что онъ освѣщаетъ свои поступки своими соображеніями о будущемъ и приспособляетъ къ будущему свое настоящее. *Чистые эмпирики, чуждые всякаго „догматизма“ и всякихъ предсказаній, върующіе въ дѣйствительность только даннаго момента суть животныя.* Это животное состояніе дѣятельно и настойчиво проповѣдуется скептической гносеологіей, и это же животное состояніе отразилось во всей декадентской литературѣ, сущность которой состоитъ въ полномъ отрицаніи разума, цѣльности чувства, планомѣрности дѣятельности и въ лихорадочной погонѣ за отдѣльными моментами.

Главной причиной этого сильнаго по размѣрамъ теченія является умственное и нравственное вырожденіе буржуазіи съ одной стороны и борьба противъ нея пролетаріата съ другой.

Буржуазія инстинктивно чувствуетъ, что не ей принадлежитъ будущее, что въ ея распоряженіи только настоящее; ея идеологи признаютъ поэтому конкретнымъ и дѣйствительнымъ только настоящій моментъ. Когда же этимъ господамъ приходится защищать настоящее положеніе вещей, то они вопреки гносеологическому скептицизму предсказываютъ будущее, но предсказываютъ его въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, что оно не будетъ и не должно по существу отличаться отъ настоящаго. Съ точки зрѣнія философскаго скептицизма положительное предсказаніе равносильно отрицательному. Слѣдовательно, предсказанія этихъ господъ противорѣчатъ гносеологическому скептицизму. Но они не смущаются

---

*) Замѣтимъ кстати, что прикованная къ дѣйствительности убогая фантазія филистера всегда представляетъ себѣ людей будущаго строя по своему образу и подобію. Филистеръ знаетъ, что когда онъ сытъ и пьянъ, то онъ ни въ какъ идеологіи не нуждается.

такимъ противорѣчіемъ потому, что оно гармонируетъ съ настроеніемъ ихъ, какъ защитниковъ господствующаго класса.

Когда надо оправдать законность существующаго строя, г. П. Струве „вполнѣ послѣдовательный детерминистъ“ по отношенію къ прошедшему. А когда требуется опровергнуть научное обоснованіе соціализма, онъ допускаетъ свободу дѣйствій, направленныхъ на будущее.

Чтобы уничтожить научный базисъ соціализма онъ доказываетъ съ гносеологической точки зрѣнія невозможность предвидѣть будущее. А чтобы доказать несостоятельность соціалистическаго идеала, онъ предсказываетъ невозможность соціальной революціи.

Чтобы больше не возвращаться къ вопросу о свободѣ и необходимости, считаемъ нужнымъ сказать тутъ же нѣсколько словъ о мнимомъ противникѣ г. П. Струве о г. Булгаковѣ.

Споръ между г. П. Струве и г. Булгаковымъ происходилъ главнымъ образомъ на почвѣ такъ называемой гносеологіи.

Г. Булгаковъ былъ въ то время*) критицистомъ въ чистомъ видѣ, т. е. стоялъ на точкѣ зрѣнія кантовскаго дуализма. Г. П. Струве примкнулъ къ субъективному идеализму, который, какъ нами уже было упомянуто, представляетъ наиболѣе логическій выводъ изъ кантовскаго апріоризма.

Именно это различіе лежало въ основѣ ихъ полемики. Пощеголявъ другъ передъ другомъ и передъ читателями гносеологической терминологіей и наговоривъ другъ другу цѣлые вороха комплиментовъ („критики“ всегда другъ друга хвалятъ), спорящіе закончили свою полемику трогательнымъ согласіемъ. Въ своей послѣдней полемической статьѣ противъ г. Булгакова г. П. Струве писалъ: „Въ заключеніе не могу не замѣтить, что напечатанное выше возраженіе г. Булгакова было первой полемической статьей, принесшей мнѣ полное и очень глубокое удовлетвореніе. Наши разногласія оказались либо мнимыми, либо несущественными, наше согласіе очень реальнымъ и весьма существеннымъ.“**) Глубоко удовлетворило и успокоило г. П. Струве, должно быть, слѣдующее примѣчаніе г. Булгакова: „Г. Струве ошибочно полагаетъ, что я повторяю Энгельса, котораго я въ такомъ случаѣ и процитировалъ бы и метафизическая точка зрѣнія котораго мнѣ совершенно чужда. Говоря, что можно дѣйствовать съ успѣхомъ, когда въ немъ увѣренъ, я имѣлъ въ виду отмѣтить именно психологическій фактъ, — если угодно сказать психологическій трюизмъ, но не воскрешать метафизическаго положенія о томъ, что свобода есть познанная необходимость.“***)

Г. Булгаковъ уступилъ г. П. Струве и для этой уступки даже подмѣнилъ свою собственную мысль.

Возражая профессору Штаммлеру, г. Булгаковъ, какъ намъ извѣстно, писалъ: „Законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ *безъ* нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій. И всякій разумный человѣкъ согласится, что можно энергично дѣйствовать скорѣе въ томъ случаѣ,

---

*) Мы намѣренно сказали: „въ то время“. Говоря объ убѣжденіяхъ критиковъ необходимо точно опредѣлять время, такъ какъ эти господа мѣняютъ свои воззрѣнія также легко и цинично, какъ Донъ Жуанъ своихъ любовницъ; только съ той разницей, что Донъ Жуанъ все таки при всякой новой любви увлекался серьезнѣе. Наши легальные писатели назвали г. П. Струве „правдуискательствующимъ“. Они не въ состояніи отличить легкомысленную, развращающую писателя и читателя, перемѣну убѣжденій отъ серьезнаго исканія истины.

**) „Новое Слово“, стр. 208, 1879, № 8.

***) „Новое Слово“, стр. 194, 1897, № 8.

когда знаешь, что дѣло увѣнчается успѣхомъ, чѣмъ тогда, когда дѣйствуешь наудачу." Г. Булгаковъ тогда, слѣдовательно, полагалъ, что познаніе объективной необходимости обусловливаетъ успѣшность дѣйствія, вопреки профессору Штаммлеру, думающему, что познаніе объективной необходимости противорѣчитъ цѣлесообразной исторической дѣятельности. Г. Булгаковъ защищалъ, стало быть, точку зрѣнія Энгельса, что свобода есть „познанная необходимость".

Ясно, что г. Булгаковъ далъ превратное толкованіе своей собственной высказанной годъ тому назадъ мысли лишь бы г. П. Струве не заподозрилъ его въ прежней приверженности къ Энгельсу. Какъ бы тамъ ни было, г. П. Струв и г. Булгаковъ оказались вполнѣ солидарными.

Трогательное согласіе произошло на почвѣ отношенія къ теоріи. Г. П. Струве оперируетъ заимствованными имъ у Зиммеля категоріями необходимости и свободы. Если перевести эту гносеологическую терминологію на простой языкъ, это значитъ: необходимо *то*, что есть, и неизвѣстно *то*, что будетъ. Жизнь и теорія не имѣютъ поэтому никакой обязательной причинной связи.

Къ этому же воззрѣнію пришелъ и г. Булгаковъ, закончившій свою полемическую статью противъ г. П. Струве такимъ образомъ: „Итакъ, наука и жизнь нетожественны и непротивоположны: *онѣ различны*".*) (курсивъ нашъ). Впослѣдствіи г. Булгаковъ объявилъ всякое научное предсказаніе будущаго „шарлатанствомъ" и „знахарствомъ".**) Мысль о коренномъ различіи науки и жизни, о невозможности руководствоваться въ практической дѣятельности теоретическими принципами не нова и нисколько неоригинальна. Ее высказывалъ, напримѣръ, еще Катковъ, противъ котораго Писаревъ приводилъ слѣдующіе интересные аргументы: „Когда въ XV вѣкѣ нашлись чудаки, которые хотѣли печатать книги, вмѣсто того, чтобы переписывать ихъ, тогда, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", надо было отвѣчать имъ: „вы все врете! — Это теорія; жизнь съ ея фактами говоритъ намъ, что книги должны непремѣнно переписываться". Когда въ томъ же вѣкѣ Колумбъ выпрашивалъ себѣ два корабля у испанскаго правительства, чтобы открыть цѣлый новый міръ, тогда надо было непремѣнно отвѣтить ему, что жизнь съ ея фактами запрещаетъ открывать новыя земли. И такой отвѣтъ дѣйствительно былъ данъ ему многими почтенными представителями жизни и ея фактовъ. Когда въ концѣ XVI столѣтія Джордано Бруно своими сочиненіями и лекціями сталъ распространять систему Коперника, тогда ему доказали очень осязательно, что *иное дѣло — фактъ, и иное дѣло — теорія* (курсивъ Писарева). Фактъ сначала посадилъ теорію въ тюрьму, а потомъ сжегъ ее на кострѣ. Въ XVII столѣтіи Галилей былъ теоріей, а папская инквизиція была фактомъ. Въ XVIII столѣтіи сочиненіе Беккарія противъ смертной казни было теоріей, а пытка, висѣлица и колесованіе — фактами. Во время Наполеона пароходъ былъ теоріей, а насмѣшка Наполеона надъ пароходомъ была фактомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія эманципація русскихъ крестьянъ была теоріей, а крѣпостное право было фактомъ. И откупъ, и закрытый судъ, и тѣлесныя наказанія въ свое время были также весьма почтенными фактами.

Но иное дѣло — фактъ, иное дѣло — теорія, твердятъ „Московскія Вѣдомости." ***)

---

*) „Новое Слово" стр. 199. № 8 1797.

**) „Капитализмъ и земледѣліе", стр. 458., т. II.

***) Сочиненія Д. П. Писарева, томъ IV, стр. 466. С.-Петербургъ 1897. Эпиграфомъ къ статьѣ „Свобода и историческая необходимость" г. П. Струве

Какъ вы думаете, читатель, кто правъ: Катковъ, или Писаревъ? Если вы думаете, что правъ Писаревъ, а неправъ Катковъ, то вы согласитесь также, что гг. П. Струве и Булгаковъ глубоко ошибаются.

V.

Основная мысль въ предисловіи г. П. Струве къ книжкѣ г. Бердяева осталась та же, что въ статьѣ *„Свобода и историческая необходимость“* *) Онъ прибавилъ къ ней лишь по истинѣ невѣроятную путаницу понятій.

Чтобы не быть голословными, мы выписываемъ одну страницу изъ этого философскаго трактата, и читатель самъ увидитъ, до какой степени трудно разбирать подобнаго рода произведенія.

„Насколько высоко я ставлю эту спиритуалистическую традицію (рѣчь идетъ о „платоно-кантовской“ традиціи) въ метафизикѣ, гдѣ она, по моему мнѣнію, должна безусловно торжествовать, настолько ошибочной я считаю ее въ теоріи познанія, гдѣ она въ послѣднее время — съ легкой руки Лотце и неокантіанцевъ, завоевала себѣ господствующее положеніе.**) Для обозначенія этой объективности не бытія, а идеальной или (формальной) обязательности нѣмецкій языкъ обладаетъ особымъ выраженіемъ gelten, (Geltung, giltig), не переводимымъ на русскій языкъ (Владиміръ Соловьевъ, впрочемъ, пытался ввести неологизмъ: „значимость“). Аксіомамъ или нормамъ присуще, учитъ Виндельбандъ, не бытіе, а обязательность (Geltung). Проблема философіи есть обязательность аксіомъ (Praeludien, 255). Обязательность есть общій предикатъ нормъ познанія, этики и эстетики, и въ этой обязательности и состоитъ ихъ объективность. Понятіе gelten впервые съ полнымъ пониманіемъ его специфическаго гносеологическаго смысла ввелъ Лотце (не забудьте, читатель, что все это написано подрядъ), связавшій это понятіе съ Платоновскимъ ученіемъ объ идеяхъ (см. его Логику гл. Ideenwelt). Указаніемъ на фундаментальное значеніе этого построенія Лотце для нормативной теоріи познанія я обязанъ П. А. Кистяковскому, который самъ въ своихъ сочиненіяхъ (сколько ихъ?) является искуснымъ защитникомъ этой точки зрѣнія. Учитель Кистяковскаго, Виндельбандъ, всецѣло усвоилъ себѣ построеніе Лотце (см. его Beiträge zur Lehre vom negativen Urtheile in Strassburger Abhandlungen zur Philo-

---

взялъ слова Мефистофеля: „Grau, teuerer Freund, ist alle Theorie und grün des Lebens goldner Baum“.

Ему слѣдовало бы прибавить слѣдующія слова того же Мефистофеля:

„Verachte nur Verstand und Wissenschaft
Des Menschen allerhöchste Kraft,
So habe ich dich schon unbedingt.“

*) „Моя точка зрѣнія на логику и теорію познанія, сложившаяся совершенно самостоятельно (?!) была уже въ общихъ чертахъ сформулирована въ статьѣ „Свобода и историческая необходимость“, предисловіе стр. XXX.

**) Несмотря на такое категорическое заявленіе, что спиритуалистическій элементъ долженъ быть устраненъ изъ положительной науки, г. П. Струве пишетъ двадцатью страницами ниже: „Долженъ, однако, оговориться, что понятіе душевной субстанціи, *быть можетъ*, имѣетъ право на существованіе не только въ метафизикѣ, но и въ психологіи, какъ спеціальной наукѣ Ср. Кюльпе“. Г. П. Струве вдругъ показалось возможнымъ ввести понятіе душевной субстанціи въ научную психологію потому, что онъ вспомнилъ Кюльпе. Такъ написано все предисловіе. На всякое *„да“* г. П. Струве находитъ соотвѣтствующее *„нѣтъ“*. Утвержденіе или отрицаніе зависитъ отъ того, какую книжку онъ вспомнилъ при процессѣ писанія.

sophie. Freiburg 1884, S. 184) и, истолковавъ Канта съ точки зрѣнія этого построенія, создалъ особую чрезвычайно изящную и свободную отъ противорѣчій историческаго Канта, форму кантіанства, съ неподражаемымъ литературнымъ совершенствомъ изложенную въ классическихъ „Прелюдіяхъ", то, что gilt, есть безвременное, вѣчное".*)

Довольно! Подвергнуть критикѣ одну эту страницу значитъ разбирать „Praeludien" Виндельбанда, „логику" Лотце, „Beiträge ect." того же Виндельбанда. Но это не все. Необходимо также коснуться Канта, какъ учителя Виндельбанда, и Платона, у котораго многое заимствовалъ Лотце и т. д.

Но что же сказалъ самъ г. П. Струве, кромѣ того, что Виндельбандъ учитель Кистяковскаго? Ровно ничего. И точно такимъ образомъ написано все предисловіе съ начала до конца. Г. П. Струве тревожитъ мертвыхъ и живыхъ, выхватываетъ изъ каждаго сочиненія по одной фразѣ и склеиваетъ выхваченныя мѣста богъ его только вѣдаетъ по какой ассоціаціи. Поэтому мы оставимъ весь этотъ безсвязный вздоръ въ сторонѣ и поговоримъ, насколько позволяютъ размѣры статьи, о тѣхъ пунктахъ, которые касаются непосредственно Марксовой теоріи.

Повторяя за всѣми „критиками" ту мысль, что матеріализмъ Маркса-Энгельса разсматриваетъ содержаніе познанія субъекта, какъ точное отраженія въ зеркалѣ, г. П. Струве категорически утверждаетъ: „Эту теорію Марксъ и Энгельсъ дѣйствительно раздѣляли и неоднократно высказывали въ самой наивной формѣ" **) Это *безусловная неправда.*

Марксъ и Энгельсъ, — именно потому, что они были матеріалистами, не могли стоять и не стояли на точкѣ зрѣнія наивнаго реализма.

Матеріализмъ покончилъ съ антропоцентрическимъ міровоззрѣніемъ (которое въ той или другой формѣ всегда свойственно идеализму), и покончивъ съ нимъ, онъ не можетъ ставить человѣка *отдѣльно* и независимо отъ космоса въ видѣ зеркала, въ которомъ долженъ отражаться внѣшній міръ. Матеріализмъ впервые взглянулъ на человѣка, какъ на объектъ той же природы и констатировалъ фактъ взаимодѣйствія между субъектомъ и объектомъ.

Матеріалисты не могутъ не понимать, что субъективныя свойства познающаго субъекта должны участвовать въ содержаніи познанія.

И въ дѣйствительности первый, высказавшій положеніе о значеніи субъективныхъ свойствъ въ познаніи былъ, какъ извѣстно, Демокритъ.

Что же, однако, могло подать поводъ „критикамъ" такъ нелѣпо понять философское міровоззрѣніе Маркса-Энгельса и говорить такіе пустяки? Думаемъ, что слѣдующее обстоятельство.

Формулируя и неоднократно подчеркивая основное положеніе матеріализма, что мышленіе опредѣляется бытіемъ, а небытіе мышленіемъ, Марксъ и Энгельсъ часто выражали эту мысль, говоря, что наше представленіе о космосѣ является отраженіемъ мірового процесса. Но, противопоставляя эту точку зрѣнія идеалистическому міровоззрѣнію, согласно которому міровой процессъ является результатомъ сознанія, Марксъ и Энгельсъ имѣютъ въ виду собственно не отраженіе объективнаго міра въ нашемъ сознаніи, а *зависимость содержанія сознанія отъ реальнаго бытія и развитія существующаго внѣ насъ объективнаго міра.*

Кто внимательно прочтетъ сдѣланную Энгельсомъ критику онтологическаго апріоризма Дюринга,***) тотъ съ ясностью увидитъ, что *сущность*

---

*) Предисловіе стр. XIII XIV.

**) Ibid., стр. V.

***) См. Dührings Umwälzung der Wissenschaft, II. Auflage, S. 19: „Die logischen Schemata können sich nur auf Denkformen beziehen, hier aber

матеріализма Энгельсъ видѣлъ въ признаніи *реальности* внѣшняго міра и *зависимости отъ него содержанія* сознанія. Иное дѣло *зависимость* идей отъ вещей, а иное дѣло *отраженіе* ихъ въ мозгу, какъ въ зеркалѣ.

Нелѣпо и прямо недобросовѣстно приписывать Марксу Энгельсу незнаніе такихъ простыхъ вещей, какъ то, что ощущеніе цвѣта есть результатъ колебанія эфира, что ощущеніе звука вызывается движеніемъ воздушныхъ волнъ и т. п. Г. П. Струве можетъ быть увѣренъ, что основатели научнаго соціализма знали эти общеизвѣстныя истины. А если они ихъ знали, то ясно, что слово „отраженіе" употреблялось ими не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ.

Въ томъ же предисловіи г. П. Струве пишетъ, что человѣкъ — „тріединъ": „онъ — мыслящій, чувствующій и хотящій".*) Г. П. Струве забылъ прибавить, что атрибутъ *„мыслящій"* иногда можно замѣнить атрибутомъ *„болтающій"*.

Невѣрно также голословное утвержденіе г. П. Струве, будто матеріализмъ Маркса-Энгельса сходенъ съ позитивизмомъ.**) Позитивизмъ, ведущій свою родословную отъ скептицизма Юма, довелъ положеніе о субъективныхъ свойствахъ до полнаго абсурда и разсматриваетъ все содержаніе познанія какъ исключительно субъективный феноменъ. Позитивизмъ сводящійся къ субъективизму въ познаніи не имѣетъ, поэтому, рѣшительно ничего общаго съ объективизмомъ Маркса-Энгельса, а напротивъ того, сходенъ въ главныхъ принципахъ своей теоріи познанія съ имманентной философіей.***)

По вопросу о матеріализмѣ вообще г. П. Струве, точно такъ какъ и его единомышленникъ†), г. Бердяевъ, ограничивается краткимъ энергическимъ утвержденіемъ: „Несостоятельность матеріализма не требуетъ никакихъ новыхъ доказательствъ".††) Если нѣтъ надобности въ новыхъ доказательствахъ, то слѣдовало бы воспользоваться хоть старыми и съ ихъ помощью показать несостоятельность марксовой философіи. Но гг. „критики" не дѣлаютъ и этого. Въ дѣйствительности матеріализмъ совсѣмъ не опровергнутъ. Чаще всего противъ него приводится возраженіе,

---

handelt es sich nur um die Forderung des Seins, der Aussenwelt, und diese Formen kann das Denken niemals aus sich selbst, sondern eben nur aus der Aussenwelt schöpfen und ableiten. Damit aber kehrt sich das ganze Verhältniss um: die Prinzipien sind nicht der Ausganspunkt der Untersuchung, sondern ihr Endergebniss; sie werden nicht auf Natur und Menschgeschichte angewandt, sondern aus ihnen abstrahirt; nicht die Natur und das Reich des Menschen richten sich nach den Prinzipien, sondern die Prinzipien sind nur insoweit richtig, als sie mit Natur und Geschichte stimmen. Das ist die einzige materialistische Auffassung der Sache, und die entgegenstehende des Herrn Dühring ist idealistisch, stellt die Sache vollständig auf den Kopf und konstruirt die wirkliche Welt aus den Gedanken." (Курсивъ нашъ.)

*) Стр. XIX.

**) Ibid., стр. VII.

***) Сходство точекъ зрѣнія позитивизма и имманентной школы отмѣчаетъ Ueberweg, см. Grundriss der Geschichte der Philosophie der Neuzeit, S. 214, zweite Abtheilung, III. Bd. Berlin 1894.

†) Существуютъ пункты, по которымъ г. П. Струве расходится съ г. Бердяевымъ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о монизмѣ въ положительной наукѣ, о которомъ г. П. Струве пишетъ: „Въ этомъ пунктѣ я, *кажется*, расхожусь съ Бердяевымъ". Стр. XLVIII.

††) Idid., стр. VI.

состоящее въ томъ, что матеріалистическое ученіе не объясняетъ возникновенія сознанія. Но матеріализмъ и не берется объяснять это происхожденіе.*) Если въ этомъ — его недостатокъ, то, мы замѣтимъ, что указаннаго вопроса не рѣшаетъ и идеализмъ, который вообще ничего не объясняетъ кромѣ развѣ *безсмертія души*.

Великіе идеалисты лишь постольку оказывали благотворное вліяніе на развитіе человѣческой мысли, поскольку они покидали свои идеалистическія спекуляціи и переходили на матеріалистическую почву. Таковы были, напримѣръ, Аристотель, Декартъ, Кантъ, Гегель и многіе другіе.**)

Придерживаясь телеологической точки зрѣнія въ метафизикѣ, Аристотель былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ телеологическаго элемента въ области положительнаго знанія.

Признавая существованіе духовной субстанціи, Декартъ оставался вполнѣ послѣдовательнымъ матеріалистомъ въ дѣлѣ объясненія явленій природы. Гегель очень часто измѣнялъ своему *„Абсолютному Духу“*, когда ему приходилось объяснять явленія дѣйствительнаго міра и т. д. и т. д. Да что и говорить! Утверждать, что матеріализмъ опровергнутъ, смѣшно и нелѣпо уже по одному тому, что вся современная наука насквозь пропитана духомъ матеріализма.

Въ заключеніе — два слова объ этикѣ г. П. Струве. Онъ до тѣхъ поръ возился съ абстрактной этикой Канта, пока не довелъ ее до логическаго конца. „Я глубочайшимъ образомъ увѣренъ, — говоритъ онъ, — что идея равноцѣнности людей, какъ продуманное до конца философское убѣжденіе, опирается на идею субстанціальнаго бытія духа, и что въ этомъ смыслѣ наименованіе „христіанско-демократическая мораль“ совершенно вѣрно. Люди равноцѣнны не какъ *эмпирическіе и „случайные пучки воспріятій“*,***) не какъ животные организмы, а какъ душевныя субстанціи, какъ формальныя единицы рода „человѣкъ“. Все содержаніе нашего я мы можемъ „отдумать“, но его самаго невозможно „отдумать“, невозможно даже мысленно упразднить, и это мысленно неупразднимое формальное единство равно во всѣхъ людяхъ. На этомъ „равномъ“ утверждается или, вѣрнѣе, изъ него вытекаетъ равноцѣнность людей.“ †) „Мораль абсолютнаго блага обращается къ эмпирической личности не съ приказомъ: подчиняйся благу, а съ предложеніемъ: возлюби благо.“††) За эту благочестивую „критику“ г. П. Струве по истинѣ достоинъ вѣчнаго блаженства. Но насъ не интересуютъ тѣ небесныя награды, которыя ждутъ его на томъ свѣтѣ. Намъ важно отмѣтить лишь тотъ фактъ, что онъ проповѣдуетъ и возводитъ въ вѣчный идеалъ *то*, что фактически существуетъ. Если болѣе 2000 лѣтъ назадъ такіе мыслители, какъ Платонъ и Аристотель, не могли допустить мысли о „субстанціальномъ равенствѣ“ господъ и рабовъ, то въ нашемъ XX вѣкѣ равенство людей не вызываетъ сомнѣній даже въ гимназистахъ низшихъ классовъ.

Въ немъ убѣжденъ, между прочимъ, и капиталистъ, который, признавая *абстрактную „равноцѣнность“* людей, высасываетъ изъ *„эмпирическихъ“* рабочихъ ихъ грѣшные соки, оставляя въ полной неприкосновенности ихъ безсмертныя души.

---

*) См. статьи Г. Плеханова: „Bernstein und der Materialismus“, „Neue Zeit“, № 44, XVI. Jahrgang, 1897/98; „Materialismus oder Kantianismus?“, №№ 19, 20, XVII. Jahrgang, 1898/99.

**) Мы не говоримъ о Спинозѣ, потому что онъ не былъ идеалистомъ.

***) Курсивъ нашъ.

†) Предисловіе, стр. LXVIII.

††) Ibid., стр. LXXIII.

Въ субстанціальномъ равенствѣ людей убѣжденъ, не менѣе г. П. Струве, Николай II, по велѣнію котораго гуляютъ казацкія нагайви по „эмпирическимъ“ спинамъ русскихъ поданныхъ. Въ субстанціальномъ равенствѣ людей убѣждена, не менѣе г. П. Струве, вся христіанская англійская буржуазія, истребившая цѣлый „эмпирическій“ народъ.

Словомъ, въ субстанціальномъ равенствѣ людей убѣждены, не менѣе г. П. Струве, всѣ современные угнетатели народовъ и всѣ представители позорной реакціи.

Поэтому, когда рѣчь идетъ о дѣйствительномъ, „эмпирическомъ“, равенствѣ правъ на земное существованіе и земное счастье, проповѣдь абстрактнаго равенства *реакціонна* и потому *антиэтична*.*)

Идеалистическая этика, существенное содержаніе которой состоитъ въ требованіи *исключительно* духовнаго равенства и въ отрицаніи матеріальнаго бытія, *санкціонируетъ фактически существующее матеріальное неравенство*.

Такая проповѣдь означаетъ поэтому не что иное, какъ возведеніе въ вѣчный религіозный принципъ классового неравенства и угнетенія трудящейся массы.

Именно эту цѣль (сознательно и безсознательно) преслѣдуетъ вся современная буржуазная идеологія, воскресившая христіанскій аскетическій идеалъ съ его культомъ страданія,**) съ его отрицаніемъ земнаго бытія и съ его *принципіальнымъ* пренебреженіемъ къ матеріальному равенству. Скрытый смыслъ этой возвышенной морали мѣтко охарактеризовалъ Гейне:

„Sie sang vom irdischen Jammerthal,
Von Freuden, die bald zerronnen,
Vom Jenseits, wo die Seele schwelgt
Verklärt in ew'gen Wonnen.

Sie sang das alte Entsagungslied,
Das Eiapopeia vom Himmel,
Womit man einlullt, wenn es greint
Das Volk, den grossen Lümmel.

Но напрасно вспомнила буржуазія эту старую пѣсню! — Она не усыпитъ борющагося пролетаріата! Прошли тѣ времена, когда обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства можно было гипнотизировать забитый трудомъ и лишеніями народъ и убаюкать его усталый мозгъ монотоннымъ религіознымъ напѣвомъ! Народъ нашего времени — пролетаріатъ — не думаетъ о небѣ. Онъ борется за настоящія *„эмпирическія“* права, за земное равенство, за земное счастье, за дѣйствительно нравственный идеалъ. Его увлекаютъ теперь не молитвенные напѣвы, а смѣлыя пѣсни революціонеровъ:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O, Freunde, will ich euch dichten:
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten.

Ортодоксъ.

---

*) Само собою понятно, что мы вездѣ имѣемъ въ виду теоретическіе взгляды г. П. Струве, а не его субъективныя побужденія.

**) Г. П. Струве не отсталъ и въ этомъ пунктѣ. „Прямое страданіе, пишетъ онъ, можетъ доставлять удовлетвореніе, т. е. приносить ‚счастье‘“ (ibid., стр. LXIX). Конечно, „прямое страданіе“ пролетаріата „можетъ доставить удовлетвореніе, т. е. приносить *„счастье“* господствующему классу.

Соціализмъ въ Финляндіи.

Трансвааль — на югѣ, Финляндія — на сѣверѣ, вотъ два пункта земного шара, привлекающіе въ послѣдніе годы вниманіе всего культурнаго общества. Двѣ крупныя державы, пользуясь преимуществомъ чисто грубой силы, съ одинаковой, ничѣмъ не оправдываемой жестокостью, посягаютъ на права, попираютъ свободу и самостоятельность двухъ малыхъ народовъ; остальныя же „цивилизованныя“ государства выражаютъ свое платоническое сочувствіе угнетаемымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумно сторонятся отъ открытаго вмѣшательства, опасаясь быть вовлеченными въ нежелательную борьбу за „чужую“ свободу, за „чужія“ права. Насиліе, творимое Англіей надъ Трансваалемъ и Россіей надъ Финляндіей, — „это дѣла семейныя“, въ которыя не подобаетъ мѣшаться постороннимъ. И обѣ „великія державы“ перестаютъ стѣсняться своихъ сосѣдей. На югѣ — завоеваніе и покореніе совершается огнемъ и мечомъ, принципы гуманности вычеркиваются изъ обихода, кровь льется рѣкой, гибнутъ и женщины, и дѣти; но за то, тутъ не прикрываются звучными фразами о народномъ благѣ, здѣсь граждане имѣютъ по крайней мѣрѣ преимущество открыто встать въ защиту своей родины, своей свободы или погибнуть съ ними и за нихъ. На сѣверѣ льются только слезы, заглушаемыя лживыми увѣреніями, что все здѣсь творимое совершается по волѣ самаго народа; здѣсь не оружіемъ, а „царскими манифестами“, канцелярскими бумагами, чинно и безшумно, шагъ за шагомъ отнимаютъ драгоцѣннѣйшія, вѣковыя права народа, произвольно ограничиваютъ и измѣняютъ законы; здѣсь безнаказанно, дерзко попираютъ свободу и самостоятельность цѣлой націи.

Если Финляндія до сихъ поръ молча сносила творимыя надъ нею беззаконія, если она не поддалась естественной вспышкѣ гнѣва и съ своей стороны не дала грубаго отпора, то только потому, что въ этой странѣ люди привыкли бороться иными способами. Но внѣшнее спокойствіе Финляндіи, кажущееся подчиненіе навязываемому ей государственному режиму вызываютъ со стороны лучшей, радикальнѣйшей части русскаго общества нѣкоторое недоумѣніе, отчасти даже порицаніе. Образъ дѣйствія финляндцевъ, ихъ тактика кажутся чуждыми, непонятными, и живой интересъ къ событіямъ на сѣверѣ смѣняется равнодушіемъ. Русскіе соціаль-демократы пока еще не сознаютъ своей духовной связи съ радикальной партіей Финляндіи, а между тѣмъ для успѣха общаго дѣла — для борьбы съ самодержавіемъ, для широкаго распространенія соціальныхъ идеаловъ въ Россіи такое объединеніе весьма и весьма желательно.

Но послѣднее возможно лишь при болѣе близкомъ знакомствѣ съ направленіемъ и характеромъ рабочаго движенія Финляндіи, почему мы на немъ главнымъ образомъ и остановимся.

* * *

Въ 80-хъ годахъ близкія отъ Петербурга окраины Финлядіи полюбились русскимъ сановникамъ, какъ дачныя мѣста; „почетнымъ“ дачникамъ, избалованнымъ царящимъ въ Россіи произволомъ, пришлось подчиниться

на время законамъ великаго княжества и на себѣ испытать иные порядки и отношенія. Это вызвало нѣсколько мелкихъ столкновеній, съ радостью подхваченныхъ и раздутыхъ реакціонною печатью. Нашлись господа, — въ ихъ числѣ нашумѣвшій своего книгою К. Ординъ, — воспользовавшіеся возникшими недоразумѣніями между Финляндіей и Россіей для личныхъ карьерныхъ цѣлей; на финляндцевъ посыпались обвиненія въ преступныхъ замыслахъ, въ „сепаратизмѣ“, во враждѣ ко всему русскому; поднялись крики о необходимомъ усиленіи „русскаго духа“ на окраинахъ. Финляндцы, возмущенные клеветою, спѣшили оправдаться. Загорѣлась полемика, еще сильнѣе раздувшая вопросъ и привлекшая вниманіе русскаго правительства къ положенію вещей въ Финляндіи.

Финляндская конституція показалась вдругъ несовмѣстимой съ идеей русскаго самодержавія; въ Финляндіи дышалось черезчуръ свободно; финскіе граждане наслаждались слишкомъ обширными правами, они черезчуръ чувствовали неприкосновенность своей личности подъ охраной конституціоннаго законодательства; все это пора было сгладить, уничтожить, дабы не вводить въ соблазнъ „легкомысленныхъ Россіянъ“. Идея руссификаціи окраинъ, взлелѣянная темнымъ царствованіемъ Александра III и поддерживаемая квасным патріотизмомъ русскихъ ретроградовъ, одержала верхъ надъ слабымъ сопротивленіемъ либеральной части русскаго общества. Весь 1898 г. прошелъ въ тревожныхъ для Финляндіи слухахъ и предположеніяхъ. А 3-го февраля 1899 г. финляндской конституціи подписанъ былъ смертный приговоръ.

Николай II, нарушивъ свое царское слово, данное при вступленіи на престолъ „о сохраненіи ненарушимо основныхъ законовъ страны“, лишній разъ показалъ міру, что при самодержавіи возможны самыя произвольныя дѣйствія и всегда можно ожидать новыхъ „сюрпризовъ“.

Съ тѣхъ поръ, избѣгая прямыхъ и рѣзкихъ мѣръ, русское правительство неукоснительно подрѣзываетъ крылья финляндской самостоятельности. Сеймъ низведенъ до совѣщательнаго собранія; собственное войско — уничтожено; отдѣльныя почтовыя марки — отмѣнены; русскій языкъ признанъ обще-обязательнымъ; свобода слова — фактически упразднена; свобода собраній ограничена; на очереди — выработка новыхъ таможенныхъ постановленій. Что же остается отъ основныхъ установленій страны? На отвѣтственные посты сажаютъ ставленниковъ Бобрикова, преданныхъ отечеству людей увольняютъ. Финляндію, съ ея самобытной исторіей, съ ея высоко-развитой культурой, съ ея національнымъ духомъ, столь отличнымъ отъ русскаго, съ ея гражданскими идеалами и прочными политическими традиціями, хотятъ низвести на роль безгласной, безправной русской провинціи!

Возможно ли это? И не имѣется ли въ Финляндіи такого жизненнаго уклада, такихъ общественныхъ теченій и экономическихъ условій, которые дѣлали бы такое насиліе немыслимымъ, невыполнимымъ?

Финляндію принято считать страною консервативной, съ узкими патріотическими стремленіями, съ идеалами черезчуръ terre-á-terre: въ ней не встрѣтишь широкаго полета мысли, въ ней не видишь крупныхъ смѣлыхъ дѣяній. Но при этомъ забываютъ тѣ премущества, которыми Финляндія обладаетъ не только передъ Россіей, но и передъ многими другими культурными государствами: во первыхъ, Финляндія страна демократическая по преимуществу, во вторыхъ, въ ней глубоко вкоренился духъ общественности, — привычка, привитая жизненными условіями, къ кружковой организаціи, къ союзной дѣятельности всякаго рода.

Называя Финляндію страною демократической par excellence, мы хотимъ сказать, что въ ней отсутствуетъ рѣзкое дѣленіе людей на приви-

легированныхъ и безправныхъ, — каждый финляндецъ чувствуетъ себя гражданиномъ своей родины, каждый пользуется извѣстными правами и уваженіемъ, какъ личность, независимо отъ той касты, къ которой принадлежитъ. Это не значитъ, однако, что въ Финляндіи отсутствуетъ соціальное неравенство, что ей чужда борьба двухъ враждебныхъ классовъ: собственниковъ и пролетаріевъ. Напротивъ, политическая зрѣлость народа дѣлаетъ экономическое неравенство еще болѣе ощутительнымъ, а быстрый ростъ капитализма лишь углубляетъ пропасть между эксплуататорами и эксплуатируемыми, какъ и всюду, впрочемъ, гдѣ царствуетъ и правитъ капитализмъ.

Какъ и въ другихъ странахъ, финляндскіе предприниматели выжимаютъ неоплаченную долю труда изъ своихъ рабочихъ; какъ и вездѣ, трудовой рынокъ изобилуетъ свободными рабочими руками. Запасная армія пролетаріата въ Финляндіи даже особенно многочисленна: $^1/_3$ ея населенія — это сельскіе пролетаріи, безъ опредѣленной профессіи, безъ постояннаго заработка, безъ крова и пріюта; эти люди идутъ туда, гдѣ слышится спросъ на ихъ рабочую силу; вся ихъ жизнь — непрерывная борьба за черствый кусокъ хлѣба. Но обиліе и дешевизна рабочей силы лишь способствуетъ расцвѣту промышленности; въ предпріимчивыхъ рукахъ фабрикантовъ и заводчиковъ начинаютъ накопляться солидные капиталы; въ сердцахъ же рабочихъ накипаетъ горечь униженія и порабощенія, ненависть къ своимъ эксплуататорамъ, вражда къ существующему строю. Въ умахъ зарождаются иные идеалы, въ сердцахъ загорается новая вѣра и толкаетъ впередъ на борьбу, на самозащиту. Рабочіе вступаютъ на свой освободительный путь.

Началось рабочее движеніе въ Финляндіи сравнительно недавно; первый союзъ основанъ былъ въ 1884 году въ Гельсингфорсѣ; вскорѣ затѣмъ организаціи проникли и во всѣ остальные промышленные центры страны.

Сначала рабочія ассоціаціи носили чисто-просвѣтительный характеръ и преслѣдовали лишь культурныя цѣли: образовывались музыкальныя и хоровыя общества, организовывались общества трезвости, устраивались научно-популярныя бесѣды и лекціи. Но понемногу, уступая созрѣвшимъ потребностямъ рабочихъ, организаціи эти измѣнили свой первоначальный характеръ: союзы стали обзаводиться кассами на случай болѣзни, старости и похоронъ, стали учреждать кассы борьбы, начали выбирать и поддерживать спеціальныхъ агитаторовъ, разносившихъ среди рабочихъ новыя идеи и объединявшихъ стремленія разрозненнаго пролетаріата, стали, наконецъ, пользоваться чаще и сознательнѣе забастовками, какъ серьезнымъ орудіемъ самозащиты и борьбы. Однимъ словомъ, дѣятельность союзовъ сосредоточивалась все болѣе и болѣе на задачахъ, непосредственно связанныхъ съ интересами рабочаго класса. Въ настоящее время въ Финляндіи имѣется 68 рабочихъ организацій съ 9232 членами, что при 91000 рабочихъ составляетъ цѣлыхъ 10% правильно организованнаго промышленнаго пролетаріата, ведущаго сознательную классовую борьбу.

Наиболѣе крупные союзы имѣютъ свои собственные дома — клубы, съ заломъ для собраній, съ читальней, библіотекой, дешевой столовой и т. под. Рабочіе сами занимаются изданіемъ статей и брошюръ по экономическимъ, соціальнымъ и политическимъ вопросамъ и имѣютъ нѣсколько собственныхъ газетъ. Сознавая вліяніе прессы на умы рабочихъ, финляндцы охотно пользуются печатнымъ словомъ для распространенія новыхъ мыслей и завѣтныхъ идеаловъ.

Организаторская дѣятельность рабочихъ значительно облегчалась существовавшей въ Финляндіи до 1900 года свободой собраній и ассоціацій. Конституціонное правительство мало вмѣшивалось въ дѣла рабочихъ;

даже стачки протекали здѣсь по большей части мирно; для усмиренія рабочихъ никогда не призывали вооруженной силы.

Однако, не слѣдуетъ думать, будто проявляющаяся самопомощь и пробуждающееся среди рабочихъ классовое самосознаніе встрѣчаются сочувственно буржуазіей и правительствомъ. Съ первыхъ же своихъ наступательныхъ шаговъ рабочимъ пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ властей и враждебнымъ отношеніемъ буржуазныхъ классовъ не только къ освободительнымъ стремленіямъ пролетаріата, но и къ справедливому желанію рабочихъ ограничить эксплуатацію труда законодательнымъ путемъ.

Лишь послѣ долгихъ усилій удалось провести черезъ Сеймъ тѣ немногія постановленія, которыя охраняютъ трудъ рабочихъ въ Финляндіи. Сеймъ 1889 года принялъ законъ, нормирующій трудъ дѣтей и подростковъ, и предписывающій вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе мѣръ предосторожности и соблюденіе санитарныхъ и гигіеническихъ условій на фабрикахъ и заводахъ. Въ томъ же году были утверждены должности двухъ фабричныхъ инспекторовъ. Въ 1895 году вышелъ законъ, устанавливающій отвѣтственность предпринимателя за увѣчья рабочихъ; въ 1896 году выработано постановленіе относительно кассъ взаимопомощи и назначенъ третій фабричный инспекторъ. Вотъ и все, что сдѣлано въ Финляндіи по части законодательной защиты труда рабочаго населенія: ни максимальнаго рабочаго дня, ни охраны труда работницъ, ни нормировки ночной работы въ Финляндіи не существуетъ. Буржуазные элементы здѣсь, какъ и всюду, не любятъ дѣлать уступокъ въ пользу рабочаго класса.

Особенно ясно обозначилось враждебное отношеніе правящихъ классовъ къ освободительнымъ стремленіямъ пролетаріата при первой попыткѣ рабочихъ ко всеобщему объединенію. Въ 1891 году финляндскіе рабочіе рѣшили созвать всеобщій съѣздъ рабочихъ представителей для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, могущихъ поднять экономическое положеніе пролетаріата. Гельсингфорскіе рабочіе успѣли уже разослать во всѣ концы приглашенія на съѣздъ, когда со стороны генералъ-губернатора графа Гейдена послѣдовало административное запрещеніе предполагаемаго съѣзда, какъ „ненужнаго, неумѣстнаго и могущаго повести къ нежелательнымъ осложненіямъ."

Въ то время рабочее движеніе Финляндіи находилось еще въ зачаточномъ состояніи и носило вполнѣ миролюбивый характеръ, рабочіе не утратили тогда еще наивной вѣры въ возможность проведенія постепенныхъ реформъ, не нарушающихъ интересовъ капиталистовъ. Отъ соціалистическихъ стремленій финляндскіе рабочіе были еще далеки; на своемъ предполагаемомъ съѣздѣ они намѣревались преслѣдовать чисто утилитарныя цѣли и требовать лишь частичныхъ улучшеній, не касающихся основъ существующаго порядка. Предполагалось обсуждать вопросы: о рабочихъ организаціяхъ, о наилучшемъ устройствѣ потребительныхъ товариществъ, объ участіи рабочихъ въ прибыли предпріятія, коснуться также нѣкоторыхъ реформъ избирательнаго права и т. под.

Неудача, постигшая первую попытку рабочихъ къ созванію конгресса, не уменьшила однако ихъ энергіи; послѣ новыхъ настойчивыхъ усилій имъ, наконецъ, удалось выхлопотать разрѣшеніе на созывъ перваго съѣзда рабочихъ представителей. Конгрессъ состоялся въ Гельсингфорсѣ въ 1893 г.; по духу своему онъ отличался умѣренностью и консерватизмомъ. Требованія ограничивались расширеніемъ избирательнаго права, улучшеніемъ быта сельскаго пролетаріата, учрежденіемъ должности третьяго фабричнаго инспектора, введеніемъ обязательнаго обученія, преобразованіемъ начальной школы въ низшую ступень средней школы и т. п. Какъ видно, рабочіе выступили съ весьма непритязательными требованіями.

Однако, и въ такой скромной, умѣренной формѣ, конгрессъ оказалъ полезное вліяніе на развитіе рабочаго движенія Финляндіи. На съѣздѣ былъ учрежденъ центральный комитетъ рабочихъ организацій, названный „Рабочей Делегаціей“ и состоявшій изъ пяти выборныхъ членовъ, которые призваны были защищать интересы рабочаго класса, въ качествѣ его представителей, и слѣдить за выполненіемъ намѣченной программы.

Второй съѣздъ рабочихъ состоялся въ Таммерфорсѣ въ 1896 году; онъ носилъ уже болѣе рѣзко очерченый характеръ и свидѣтельствовалъ о просыпающемся классовомъ самосознаніи рабочихъ. Основнымъ вопросомъ являлась — реформа избирательнаго права. Необходимость реформы политическихъ выборовъ ощущалась уже давно не одними рабочими, но и большей частью населенія. Устарѣлая, четырехъ-камерная система представительства, высокій цензъ для избирателей (отъ 400 до 800 марокъ — въ городскомъ и отъ 200 до 600 марокъ въ крестьянскомъ сословіяхъ), наконецъ, пресловутая „лѣствица голосовъ“,*) устраняютъ отъ политической жизни страны огромную часть населенія (около 70%) и передаютъ всю власть въ руки капиталистовъ. Но для рабочаго класса, сверхъ переименованныхъ ограниченій, существуетъ еще одно, которымъ нерѣдко пользуются для устраненія рабочаго отъ выборовъ въ томъ случаѣ, если онъ даже и отвѣчаетъ всѣмъ выше поставленнымъ требованіямъ: по закону лицо, находящееся въ услуженіи у другого лица, вслѣдствіе этого теряетъ право голоса. Однако, параграфъ этотъ не примѣняется ни по отношенію къ конторщикамъ, ни къ управляющимъ, ни къ другимъ, болѣе обезпеченнымъ служащимъ въ предпріятіяхъ. Подобная избирательная система соединена съ большими преимуществами для класса собственниковъ и капиталистовъ, что прекрасно сознается и самими рабочими. Они понимаютъ также, что безъ политической власти имъ не добиться никакихъ прочныхъ реформъ въ области реорганизаціи труда. Поэтому, уже на Таммерфорскомъ съѣздѣ всѣ умы были заняты вопросомъ о необходимости реформы избирательной системы. Болѣе консервативно настроенные участники съѣзда предлагали полумѣру: ограничить накопленіе числа голосовъ за однимъ избирателемъ — 10-ю; умѣренные радикалы стояли за дарованіе лишь одного голоса каждому избирателю, но за сохраненіе извѣстнаго имущественнаго ценза, и только небольшая группа „крайнихъ радикаловъ“ высказалась за всеобщее избирательное право, не стѣсняемое никакими денежными цензами, съ установленіемъ одного голоса за каждымъ гражданиномъ. Однако, побѣда осталась за умѣренными радикалами, и конгрессъ постановилъ добиваться уничтоженія „лѣствицы голосовъ“, съ сохраненіемъ имущественнаго ценза.

На Таммерфорскомъ съѣздѣ впервые зашла рѣчь объ образованіи самостоятельной рабочей партіи, но предложеніе не встрѣтило сочувствія, и пренія по этому вопросу даже не были записаны въ протоколъ.

Рѣшающее значеніе въ направленіи, принятомъ рабочимъ движеніемъ въ Финляндіи, имѣлъ третій рабочій конгрессъ, состоявшійся въ Або въ іюлѣ 1899 г. За послѣдніе годы рабочее движеніе Финляндіи успѣло значительно вырости и окрѣпнуть. Съ одной стороны, соціалистическіе идеалы

---

*) Въ Финляндіи каждый избиратель обладаетъ числомъ голосовъ, соотвѣтствующимъ числу единицъ его имущественнаго обложенія; въ городскомъ сословіи накопленіе голосовъ за однимъ избирателемъ ограничено мѣстами 10-ю, мѣстами же допускается и до 25-ти голосовъ; въ крестьянскомъ сословіи число голосовъ одного избирателя не ограничено опредѣленной нормой и лишь не должно превосходить $^1/_{15}$ всѣхъ остальныхъ голосовъ.

широко распространились въ рабочихъ массахъ, съ другой — поведеніе имущихъ классовъ по отношенію къ этимъ массамъ безпощадно разбивало вѣру въ солидарность буржуазіи и рабочихъ. Такъ, напр., несмотря на ненависть къ русскому правительству, охватившую всѣ слои населенія послѣ Февральскаго Манифеста, финляндская буржуазія, недовольная направленіемъ рабочаго органа „Työmies“ („Рабочій“), не погнушалась, однако, обратиться къ генаралъ-губернатоу Бобрикову, прося его своею властью прекратить изданіе этой газеты. По настоянію той же буржуазіи, нѣкоторымъ рабочимъ-лидерамъ пришлось покинуть свое отечество; она-же бойкотировала рабочія изданія несимпатичнаго ей направленія, лишая типографіи бумаги и электрической энергіи, а при забастовкахъ, не стѣсняясь своимъ „патріотизмомъ“, выписывала взамѣнъ финляндскихъ стачечниковъ русскихъ рабочихъ! . . . Подобные факты не могли не раскрыть глаза рабочимъ и не показать имъ, какой глубокій антагонизмъ существуетъ между интересами имущихъ классовъ и ихъ собственными. Разсчитывать долѣе на великодушіе буржуазіи было бы ребячествомъ; приходилось объединиться и выступить съ собственной программой, въ защиту своихъ попираемыхъ интересовъ.

На третьемъ съѣздѣ рабочихъ это намѣреніе и было приведено въ исполненіе. Рабочіе признали себя самостоятельной партіей въ государствѣ и приступили къ выработкѣ соотвѣтствующей программы. Основаніемъ для послѣдней послужила въ главныхъ пунктахъ Эрфуртская программа.*) Такимъ образомъ, финляндская рабочая партія по своимъ стремленіямъ примкнула къ нѣмецкой соціаль-демократіи.**) Въ основу Абоской программы положено сохраненіе независимости края и защиты его національной самостоятельности. Это можетъ показаться противорѣчащимъ космополитическимъ идеаламъ обще-пролетарскаго движенія; но въ данномъ случаѣ, желая сохранить обособленность своей родины, финляндскіе рабочіе прежде всего отстаиваютъ свои конституціонныя учрежденія, свое народное представительство отъ произвола и деспотизма русскаго самодержавія. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ конституція все-же гарантируетъ финляндцамъ извѣстную свободу партійной дѣятельности; съ водвореніемъ же самодержавнаго режима все это должно будетъ прекратиться и самое рабочее движеніе окажется скованнымъ по рукамъ и по ногамъ . . .

На конгрессѣ въ Або было выбрано Центральное Партійное Правленіе, замѣнившее временную Рабочую Делегацію; этому правленію вручено было главное завѣдываніе дѣлами партіи: агитація въ пользу ея расширенія, защита интересовъ рабочихъ, забота о проведеніи черезъ Сеймъ желательныхъ реформъ и т. п. Съ тѣхъ поръ численность рабочей партіи безостановочно возрастаетъ и вліяніе ея на умы рабочихъ все болѣе и

---

*) Важнѣйшими пунктами, принятыми въ Абоской программѣ были: требованіе всеобщаго избирательнаго права, введеніе прогрессивнаго обложенія доходовъ и наслѣдствъ, установленіе обязательной грамотности, уничтоженіе косвенныхъ налоговъ, усовершенствованіе и развитіе фабричнаго законодательства и т. п.

**) На четвертомъ рабочемъ конгрессѣ было даже предложено переименовать „Рабочую Партію“ въ партію „Соціаль-демократическую“. Въ остальныхъ отношеніяхъ четвертый съѣздъ рабочихъ представителей, состоявшійся въ Выборгѣ въ іюлѣ истекшаго 1901 года, не представляетъ интереса для характеристики рабочаго движенія Финляндіи, такъ какъ онъ вполнѣ сохранилъ направленіе съѣзда въ Або и послужилъ лишь къ болѣе полной разработкѣ частныхъ вопросовъ Абоской программы.

болѣе упрочивается; подтвержденіемъ только что высказанному можетъ служить тотъ фактъ, что почти всѣ крупныя рабочія организаціи уже примкнули къ „Рабочей Партіи“ и, слѣдовательно, показали свою солидарность съ ея радикальной программой.*)

Съ образованіемъ самостоятельной партіи финляндскіе рабочіе, наконецъ встали на твердую почву. Неутомимо вербуя новыхъ приверженцевъ, партія эта могла бы, несомнѣнно, оказать вліяніе на выборы и измѣнить до нѣкоторой степени въ свою пользу составъ Сейма, если бы, образованіе ея не совпало съ печальной годиной царскаго манифеста. До 1899 г. въ Финляндіи существовали всего двѣ политическія партіи: съ одной стороны, такъ называемые „свекоманы“ — денежная и родовая аристократія, защищавшая привиллегію шведскаго языка, партія консервативная во всѣхъ отношеніяхъ; съ другой — „фенноманы“, партія либеральная, стремившаяся отстоять народный финскій языкъ и сдѣлать его господствующимъ. Отъ фенномановъ постепенно отдѣлилась фракція болѣе радикальная, назвавшаяся „младо-фенноманской“; къ ней и примыкали во всѣхъ политическихъ дѣлахъ рабочіе до Абоскаго съѣзда.

Однако, ни одна изъ перечисленныхъ партій не являлось представительницей интересовъ рабочихъ на Сеймѣ; лишь отдѣльные, случайные депутаты изъ младо-фенномановъ выступали съ защитой требованій рабочихъ, но и ихъ благія начинанія обыкновенно разбивались объ упорное сопротивленіе буржуазныхъ элементовъ Сейма.

Образовавъ самостоятельную партію, рабочіе разсчитывали провести, наконецъ, и своихъ кандидатовъ и такимъ образомъ, помощью парламентской дѣятельности, пропаганды соціальныхъ идеаловъ и расширенія вліянія рабочихъ организацій, мирными путями добиться намѣченныхъ реформъ. Насильственныя дѣйствія вообще не въ духѣ финляндскаго народа и даже всеобщая стачка принята была въ Абоской программѣ лишь какъ послѣднее и крайнее средство.

Мирно-реформаторскій характеръ рабочаго движенія Финляндіи объясняется конституціоннымъ строемъ государства и терпимостью конституціоннаго правительства: обезпечивая своимъ гражданамъ свободу въ извѣстныхъ предѣлахъ, оно не считало себя призваннымъ вмѣшиваться въ ихъ частно-правовыя отношенія. Теперь же, съ усиленіемъ русской власти въ странѣ, картина рѣзко мѣняется: финляндскому народу грозитъ серьезная опасность познать произволъ и самоуправство, познакомиться съ незаконными постановленіями, административными высылками и пр. самовластными дѣйствіями русской администраціи. Со дня изданія знаменитаго манифеста финляндцамъ пришлось быть свидѣтелями уже многихъ самоуправныхъ поступковъ русскихъ властей и, чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе и безцеремоннѣе проявляется произволъ и насиліе ставленниковъ русскаго самодержца.

Достаточно вспомнить ближайшія событія, характеризующія „обрусительную политику“: раскассированіе финляндскаго драгунскаго полка за смѣлый отказъ съ его стороны принести присягу, не санкціонированную

---

*) На Таммерфорскомъ съѣздѣ профессіональныхъ союзовъ въ 1900 г., имѣвшемъ цѣлью объединить въ одну общую организацію всѣ существующіе въ Финляндіи профессіональные союзы, были приняты слѣдующія постановленія: общая ассоціація профессіональныхъ союзовъ Финляндіи должна примкнуть къ Рабочей Партіи и принять ея программу; это обязательство налагается и на всякій вновь образующійся профессіональный союзъ; иначе, по истеченіи извѣстнаго срока, его исключаютъ изъ Общей Ассоціаціи.

закономъ страны: далѣе — вынужденная отставка должностныхъ лицъ, вся вина которыхъ состояла лишь въ подачѣ всеподданнѣйшей петиціи о прекращеніи насилій и беззаконій со стороны имперскаго правительства; усиленіе жандармскаго корпуса, увеличеніе шпіонства и т. п. Стѣсненіе печатнаго слова, административное и цензурное, скоро низведетъ финляндскую прессу до степени безгласія русской легальной печати. Наконецъ, торжественное и многозначительное заявленіе Бобрикова чинамъ Финляндіи: „финляндскій законъ — это я"! заслуживаетъ быть занесеннымъ на скрижали исторіи. И за всѣ эти доблести на голову Бобрикова сыплются со стороны русскаго самодержца все новыя и новыя почести и награды. Такое поруганіе, такое издѣвательство надъ цѣлой націей не можетъ, не должно быть и не будетъ терпимо! . . .

Напрасно разсчитываетъ русское правительство подкупить сердца финляндскаго пролетаріата, особенно сельскаго, дешевыми обѣщаніями о надѣленіи его землей и лицемѣрной печалью о его незавидной участи. Напрасно заигрываетъ оно съ промышленнымъ пролетаріатомъ, щадя въ своемъ гоненіи печатнаго слова лишь рабочіе органы и не подавляя до сихъ поръ рѣзкими мѣрами рабочаго движенія. Финскій народъ слишкомъ хорошо знаетъ экономическія условія свой родины, чтобы попасться на удочку русскаго правительства. Сельскій пролатаріатъ понимаетъ, что никакое правительство не сможетъ надѣлить его необходимымъ количествомъ земли: во-первыхъ и главнымъ образомъ, потому, что земли годной для обработки имѣется въ Финляндіи вообще очень незначительное количество; во-вторыхъ потому, что Финляндія — страна мелкаго землевладѣнія: крупныхъ собственниковъ, у которыхъ можно бы скупать нужное количество пахатной земли, имѣется всего 2,4% отъ обшаго числа землевладѣльцевъ (остальные, по преимуществу, мелкіе крестьянскіе собственники); что же касается казенныхъ земель, то 61,90% представляютъ собою болота, торфяники, скалы и другія непригодныя къ обработкѣ земли, 37,85% — лѣсные участки и лишь 0,25% — пахотныя земли.

Такимъ образомъ, рѣчь о надѣленіи безземельныхъ земельной собственностью есть лишь дипломатическая уловка со стороны русскаго правительства. Къ счастью, финляндское сельское населеніе слишкомъ развито, слишкомъ зрѣло въ политическомъ отношеніи, чтобы продать себя, свою родину, свое будущее за чечевичную похлебку.

Что же касается промышленныхъ рабочихъ, то ихъ обойти еще труднѣе. Развѣ могутъ они повѣрить въ искренность попеченій русскихъ властей о народномъ благѣ, когда факты за фактами доказываютъ обратное, когда послѣдовательно и неуклонно примѣняются мѣры, подрывающія силу финляндцевъ, какъ націи, какъ самостоятельнаго народа? Раскассированіе войскъ — не есть ли это одинъ изъ жесточайшихъ ударовъ, направленныхъ противъ всей націи въ цѣломъ и, въ частности, противъ рабочаго класса? Финлядское войско никогда не стало бы стрѣлять въ „своихъ", если бы народъ поднялся наконецъ въ справедливомъ возмущеніи противъ насилія русскихъ властей; воспитанное на уваженіи къ личности, не стало бы оно также усмирять нагайками своихъ отцовъ, дѣтей и братьевъ при столкновеніяхъ рабочихъ съ капиталомъ. Уничтоженіе собственнаго войска — это одна изъ чувствительнѣйшихъ мѣръ, могущая служить серьезнымъ тормазомъ дальнѣйшему рабочему движенію. Но еще болѣе крупный ударъ нанесенъ былъ Бобриковымъ рабочему движенію изданіемъ лѣтомъ 1900 г. постановленія, сильно ограничившаго свободу сходокъ и ассоціацій. Отнынѣ для каждаго собранія или народнаго праздника требуется особое разрѣшеніе властей; отнынѣ всякая сходка можетъ быть закрыта по волѣ полиціи; каждое ново-основываю-

щееся общество должно выхлопатывать себѣ разрѣшеніе генералъ-губернатора и ожидать утвержденія имъ устава; въ противномъ случаѣ, существованіе общества считается нелегальнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждено преслѣдованіе лицъ и обществъ, имѣющихъ цѣлью: „разъѣзжая по Финляндіи, подстрекать народъ къ неповиновенію мѣропріятіямъ верховнаго правительства". Всѣ эти мѣры сильно подрываютъ агитаціонную дѣятельность, широко развитую въ рабочей партіи.

Такое положеніе вѣщей создаетъ для финляндскихъ рабочихъ слѣдующую альтернативу: либо склонить голову и покориться гнету, насилію, эксплуатаціи, либо вступить въ открытый бой съ русскимъ самодержавіемъ. Если рабочіе до сихъ поръ не теряли надежды мирными путями добиться желательныхъ реформъ, то самовластныя дѣйствія русскаго правительства безпощадно разрушаютъ эти наивныя вѣрованія. Беззаконіе, гнетъ и насиліе пробуждаютъ самосознаніе финляндскаго пролетаріата и убѣждаютъ его, что при господствѣ русскаго царизма идеалы соціальнаго переустройства становятся совершенно невыполнимыми.

Современное положеніе создаетъ точку соприкосновенія между финляндской рабочей партіей и русскими соціалистами. До сихъ поръ финляндскіе рабочіе держались обособленно отъ русскихъ; обладая первой ступенью къ политическому освобожденію — конституціей, они преслѣдовали иныя цѣли; но отнынѣ это преимущество у нихъ отнято, и для финляндскихъ рабочихъ, такъ же какъ и для русскихъ, ближайшимъ и главнымъ врагомъ является — русское самодержавіе. Эта общность цѣли и ближайшихъ задачъ должна понемногу объединить обѣ соціалистическія партіи и, такимъ образомъ, поднять ихъ значеніе и силу. Финляндскіе рабочіе имѣютъ за собою опытность въ дѣлѣ организаціи и внѣшняго упорядоченія движенія, русскіе, съ своей стороны, могутъ внести широкій размахъ мысли и смѣлость посѣщеній. Отъ подобнаго соединенія выиграютъ обѣ стороны.

Остается только надѣяться, что, какъ русскіе соціаль-демократы, такъ и финляндская рабочая партія въ скоромъ времени сознаютъ всю важность подобнаго объединенія и дружно вступятъ въ бой съ своимъ общимъ врагомъ: *русскимъ самодержавіемъ*.

* * *

„Россія.“ *)

Изъ оды Свинбурна.

Пер. съ англійскаго.

I.

Воплемъ пронзительнымъ, жгучимъ какъ пламя, и мрачнымъ
какъ рокъ
Стонъ раздается изъ ада земного, гдѣ зло и порокъ
Самодержавно царятъ; — гдѣ пытокъ и страшныхъ мученій
Жертвой невинной погибло столько уже поколѣній!
Душу терзая какъ коршунъ, въ пыткахъ найдя свою страсть,
Тѣшится ими безстыдно демоновъ грозная власть!
Воплемъ рыдаетъ земля, и стонетъ безбрежное море —
Но не сравнится ни съ чѣмъ по силѣ тотъ стонъ и то горе!
Страшенъ, ужасенъ, какъ смерть, и мраченъ былъ Дантовскій
адъ —
Пропасть, гдѣ вѣчно царилъ во мракѣ удушливый смрадъ,
Бездна, гдѣ вѣчно журчалъ смрадный, кровавый ручей —
Сладкимъ видѣньемъ была въ сравненіи съ бездной другою,
Съ бездной, ужаснѣй въ стократъ, прозванной Русью святою!
Чу, раздаются удары страшныхъ казацкихъ плетей —
Вторятъ имъ стоны, рыданья старцевъ и малыхъ дѣтей!
Крики, призывы на помощь, проклятья и ропотъ глухой!
Всюду одно преступленіе! Всюду растленье, позоръ
Въ безднѣ кромѣшной встрѣчаетъ мой отуманенный взоръ!
И среди ночи глубокой въ царствѣ тирановъ царей
Слышу одни лишь я стоны, вижу однихъ палачей!

II.

Матери, братья и сестры! Упрекъ мы рѣшимся ли бросить
Въ тѣхъ, кто отдавъ свою жизнь, въ союзники смерть себѣ
проситъ,

---

*) Ода „Россія“ была написана Свинбурномъ тотчасъ по прочтеніи статей „The Fortnightly Review“ о русскихъ тюрьмахъ. Это было какъ разъ въ то время, когда въ англійской прессѣ появилось много негодующихъ статей по поводу избіенія политическихъ ссыльныхъ въ Сибири. Ода эта, написанная по поводу царствованія Александра III, и имѣвшая, главнымъ образомъ, въ виду его лично, была напечатана еще при жизни Александра III. Она произвела въ свое время огромный шумъ и о ней говорили очень много въ прессѣ. По ея поводу въ августѣ 1890 г. въ англійскомъ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ, но предсѣдатель отвѣтилъ, что парламентъ „не знаетъ контроля надъ произведеніями поэтовъ“. Правительство же Александра III было настолько благоразумно, что не рѣшилось преслѣдовать поэта за его оду. („Былое“, № 1.)

Въ тѣхъ, кто себя не щадя, не щадитъ въ то же время другихъ,
Въ тѣхъ, кто душою великъ, кто полонъ стремленій святыхъ,
Въ тѣхъ, кто страдаетъ и вѣритъ, что смертью онъ служитъ свободѣ,
Въ тѣхъ, чья послѣдняя скорбь, послѣдняя мысль о народѣ?
Что безотвѣтная смерть, жизнь, наслажденья и счастье?
— Лепетъ деревьевъ въ грозу! Лучъ мимолетный въ ненастье! —
Грѣющій сердце и грудь лишь тѣхъ, чью горячую кровь
Можетъ питать лишь надежда, ненависть, вѣра, любовь!
Помощи съ неба не жди! Потухла звѣзда упованья!
Все преклонилось предъ Нимъ въ безсильномъ и рабскомъ молчаньи!
Тронъ окруженъ палачами — и кровожадный тиранъ
Тѣшится вволю при видѣ крови зіяющихъ ранъ!
Нѣтъ! даже демоновъ сонмы, попавъ въ эту юдоль стенаній
Громко взопили бы къ небу при видѣ всѣхъ этихъ страданій!
Ужасомъ дышитъ земля, и небо трепещетъ отъ стона!
Плачъ обезумѣвшихъ жертвъ оглашаетъ лишь своды притона,
Вѣтеръ доноситъ порой лишь глухое бряцанье оковъ,
Молнія лишь озаряетъ ночи глубокой покровъ!
Всѣмъ, кто не умеръ еще, въ комъ сердце великое бьется
Въ смѣлой и стойкой борьбѣ съ тираномъ погибнуть придется!
Слово любви и прощенья застыло на честныхъ устахъ!
Стѣточи правды потухли, и дерзко повергнуты въ прахъ!
На небѣ ярко горитъ одна лишь звѣзда разрушенья!
— Путь для борьбы освѣщенъ, и часъ наступилъ для отмщенья!

III.

Если Его поразить безсильна рука Провидѣнья,
То рука смертныхъ простыхъ убьетъ Его безъ сожалѣнья!
Пусть перестанутъ дышать уста ихъ, и пусть, наконецъ,
Сыну укажетъ дорогу къ смерти и къ аду отецъ!
Кто изъ свободныхъ людей ненавистнымъ тиранамъ въ угоду
Броситъ въ нихъ жалкій упрекъ, осквернивъ тѣмъ святую свободу?
Пусть преклоняется рабъ! И пусть пресмыкается лесть!
Сердце великихъ борцовъ озаряетъ лишь жгучая месть!
Взоръ ихъ, дышащій огнемъ, не ждетъ отъ тирановъ привѣта!
Месть ихъ сильнѣе во тьмѣ! Не нужно ей яркаго свѣта!
Пусть же отмщенья пожаромъ заря небеса освѣтитъ!
Ночи разсѣется тьма! Всемогущая жизнь побѣдитъ!

Ш.

Тѣнямъ умершихъ.

Гулко прозвучалъ пушечный выстрѣлъ . . . И двѣ молодыя, красивыя дѣвушки вздрогнули и разсмѣялись. И въ отвѣтъ имъ улыбнулось горячее солнце, задрожалъ теплый, весенній воздухъ и загорѣлась искрами серебристая зыбь рѣки.

Смѣялся и я, радуясь веснѣ, солнцу, двумъ дѣвушкамъ и своей бодрой и сильной молодости . . .

Теперь каждый день, ровно въ полдень, гдѣ-то близко, надъ самымъ моимъ окномъ раздается такой же одинокій выстрѣлъ изъ пушки. Эхо его будитъ во мнѣ воспоминаніе о солнцѣ, о веснѣ и о счастьи . . . И я не смѣюсь больше . . .

Мой міръ — маленькій клочекъ неба и большая, сѣрая стѣна. Въ полнолунье я не вижу луны; я догадываюсь, что она взошла, потому что на стѣну моей камеры ложится неясный зеленоватый отблескъ, робкій и нѣжный. И я люблю его. Я смотрю на него и вижу, какъ онъ таетъ, блѣднѣетъ, гаснетъ и мнѣ становится жаль его. Бѣдный лунный отблескъ! Онъ тоже попалъ въ холодную и угрюмую тюрьму . . .

Въ одномъ мѣстѣ наружныя, изрытыя дождями стѣны равелина обсыпались, штукатурка и большое красно-сѣрое пятно глядитъ прямо ко мнѣ въ камеру. Каждый разъ, какъ я поднимаю глаза отъ книги и смотрю сквозь рѣшетку въ окно, оно встрѣчаетъ меня мутной окраской своихъ обвѣтрившихся кирпичей, и я долго не могу оторваться отъ его каменнаго, загадочнаго взгляда.

Что оно хочетъ сказать? Что ему надо? Зачѣмъ оно здѣсь, это мутное таинственное пятно съ обсыпающимися краями?

Я ненавижу его. Я наблюдаю всѣ, самыя мельчайшія измѣненія, происходящія въ немъ за ночь, я изучаю его, какъ изучаютъ черты дорогого и любимаго лица. И когда я долго смотрю на него, мнѣ кажется, что оно начинаетъ принимать человѣческій образъ. Маленькіе, прищуренные глаза

злобно мигаютъ, безобразныя щеки расплываются, теряя свои очертанія въ сыромъ, ноздреватомъ камнѣ, а громадный беззубый ротъ кривится въ холодную усмѣшку. И мнѣ становится страшно . . . Если ночью шелъ дождь, свистѣлъ вѣтеръ и потоки воды, пѣнясь и журча, стекали по водосточнымъ трубамъ, я думаю про себя: сегодняшняя ночь не прошла ему даромъ, и жадно отыскиваю на стѣнѣ слѣды ночного разрушенія.

На верхнихъ камняхъ равелина, между пыльной и чахлой травой, выросъ одинокій цѣломудренный цвѣтокъ. Нѣжный, болѣзненный лиловый колокольчикъ. Я здороваюсь съ нимъ каждое утро, я ищу глазами капель росы на немъ и когда нахожу ихъ, то говорю себѣ: сегодня было росистое утро.

Иногда рѣчная чайка взлетаетъ на откосъ стѣны и хлопаетъ крыльями и долго молча сидитъ надъ моимъ окномъ. И затѣмъ съ крикомъ улетаетъ. И я остаюсь одинъ, опять одинъ . . .

Иногда голубь грузно падаетъ на амбразуру моего окна и, медленно и важно, ходитъ по подоконнику, задѣвая перьями за чугунныя рѣшетки. И я смотрю ему въ глаза, красные, безсмысленные глаза птицы.

Часто я слѣжу, какъ въ томъ маленькомъ кусочкѣ неба, который виденъ мнѣ, проходятъ легкія перистыя облака; часто вечеромъ они розовѣютъ, отражая лучи зари. И тогда я говорю себѣ: какъ красиво сегодня садится солнце.

Я знаю, хорошо знаю, что за стѣною рѣка, за рѣкою — церкви, дома и дворцы. Я знаю, что теперь весна, и улыбается солнце, и смѣется рѣка, и воздухъ чистъ, и куда-то торопятся люди . . . Торопятся люди . . . Значитъ они могутъ ходить, куда хотятъ; смотрѣть, что хотятъ; говорить, съ кѣмъ хотятъ; могутъ даже любить, могутъ даже работать . . .

Мнѣ это трудно понять. Еще такъ недавно я тоже могъ дѣлать все это: но я уже забылъ и не могу вспомнить, что значитъ наслаждаться на свободѣ людьми, солнцемъ, зеленью деревьевъ и блескомъ рѣки. Какъ это хорошо и какъ счастливы тѣ, кому все это доступно . . . И я часто проходилъ мимо деревьевъ, рѣки и людей и не замѣчалъ ихъ, и не зналъ, сколько счастья видѣть жизнь и чувствовать ее.

Видѣть жизнь! . . Вѣдь я вижу только стѣны, да клочекъ неба, да угрюмое мутное пятно . . .

Я боюсь себя . . . Я боюсь, что разлюблю свѣтъ и воздухъ, людей и жизнь; что пятно тихо сойдетъ со стѣны и ляжетъ мнѣ на грудь холоднымъ, обросшимъ мхомъ и пыльной травой камнемъ. Я боюсь, что чайка, улетѣвъ, унесетъ съ собою частицу моей души, моей безсмертной души, и я перестану жить.

Жить! . . Вѣдь я живу: — я вижу стѣны, я вижу клочекъ неба, я вижу цвѣтокъ, я слышу крикъ чайки и свистки па-

роходовъ. И я лишусь всего этого, лишусь звуковъ и красокъ, я не буду смотрѣть на отблесъ луны и искать глазами росистыхъ капель... Мнѣ будетъ все равно, — ночь или день, тюрьма или свобода, камень или слезы... И я боюсь себя, боюсь...

А вечеромъ, когда пугливо дрожитъ пламя одинокой свѣчи, по угламъ сгущается сумракъ и моя громадная, безобразная тѣнь, слѣдуя за мной, безмолвно ходитъ изъ угла въ уголъ, я начинаю бояться темноты, бояться этихъ холодныхъ стѣнъ, этой безмолвной тѣни, этихъ загадочныхъ, манящихъ угловъ... Почему молчатъ они, почему?...

Старинные башенные часы бьютъ девять. Жалобный, тоскливый, ужасный звонъ! Девять часовъ. Какая долгая, долгая ночь впереди... Ужасный звонъ... Похоронный звонъ надъ могилами невыплаканныхъ слезъ, подавленной тоски, заглушенныхъ страданій... И изъ всѣхъ таинственныхъ темныхъ угловъ на меня смотрятъ блѣдныя лица моихъ погибшихъ предшественниковъ, жильцовъ моей камеры, моихъ умершихъ товарищей.

Они пожертвовали всѣмъ — жизнью, семьей, свободой и шли на смерть, на смерть!

И такъ же, какъ и на меня, смотрѣла на нихъ старая, потрескавшаяся стѣна, и такъ же взлетала чайка и такъ-же звонили куранты...

И проходили мѣсяцы, проходили годы... Годы!... Какое страшное, безпросвѣтно страшное слово... Сѣрыя стѣны, мрачные своды, длинныя, безцвѣтныя, тягучія мысли или отчаянная, страстная, духъ-захватывающая злоба... И тишина. Могильная, холодная тишина. Только рѣдкій крикъ чайки, да звонъ часовъ.

Одна за другой выходятъ тѣни изъ вечерняго сумрака, и я вижу скорбные, на вѣки потухшіе глаза, плотно-сжатые, посинѣвшія губы, дорогія черты, искаженныя страданіемъ и омытыя слезами...

Вотъ ведутъ безпомощнаго, дряхлаго старика. Онъ безъ шапки, въ енотовой шубѣ; сѣдые волосы растрепались и прядями ложатся на холодный, блѣдный лобъ. И гулко стучатъ по каменнымъ плитамъ корридора кованые сапоги солдатъ, въ треуголкахъ, въ пудренныхъ букляхъ и фракахъ съ позументомъ...

Бряцаютъ тяжелыя ружья и щелкаетъ тройной замокъ; эхо шаговъ теряется подъ сводами равелина.

Проходятъ годы, поютъ куранты, одинокій жалкій старикъ покорно и медленно умираетъ, и сѣрые камни безстрастно глядятъ на него.

Опять стучатъ замки и хлопаютъ двери и раздаются шаги въ корридорѣ. Сильная, радостная и веселая молодость, какъ стая птицъ врывается въ мрачную и сырую тюрьму. Раз-

даются громкіе голоса; блеститъ позолота на эполетахъ; звенятъ шпоры; гусарскій ментикъ, опушенный дорогимъ мѣхомъ, небрежно накинутъ на одно плечо, глаза глядятъ смѣло и гордо, а за тяжелыми дубовыми дверями тюрьмы рыдаютъ молодыя, красивыя жены . . .

Молодыя жены мужей, гибнущихъ за свободу . . .

И затѣмъ, — сѣрый, грязный арестантскій халатъ, грубые окрики часовыхъ, мрачныя стѣны, голые камни . . .

Глаза тускнѣютъ, руки безсильно падаютъ, уходитъ молодость, гибнутъ надежды. . .

И снова тишина, загадочная тишина.

Опять отворяются двери. Человѣкъ съ длинными волосами, съ высокимъ лбомъ, въ очкахъ, медленно входитъ подъ безмолвные своды крѣпости. И стѣны поглощаютъ его, нѣмыя, безстрашныя, жестокія. . . Онъ борется съ ними. Онъ хочетъ сохранить въ себѣ искру жизни, живую мысль и передать ее чистую и свѣтлую, какъ горный ручей, людямъ, задыхающимся отъ горя, грязи и нищеты. Онъ окружилъ себя книгами, — умомъ, страстью и страданіемъ всего человѣчества. . . . Въ книгѣ его жизнь и спасенье, его счастье и свобода. . . Такъ увѣряетъ онъ себя.

И жалобно поютъ куранты, и дико кричатъ гайки, и человѣкъ пишетъ.

Идутъ годы. Великій писатель блѣднѣетъ и чахнетъ, а безмолвные каменные своды такъ же безстрастны и угрюмы и такъ же все пусто и сѣро кругомъ. . . .

Книга не спасла человѣка и мшистый камень выпилъ всю кровь его сердца.

Отворялись и затворялись двери; входили и уходили люди. И пришелъ одинъ. Онъ былъ молодъ и гордъ, силенъ и безстрашенъ; онъ съ сатанинской отвагой боролся одинъ на одинъ съ мракомъ, насильемъ и произволомъ. Онъ колебалъ могучей рукой позолоченные троны и цари дрожали подъ его взглядомъ и окружали себя штыками, ложью и клеветой. Онъ пришелъ въ тюрму, но не призналъ себя побѣжденнымъ: онъ жилъ одной мечтой, одной надеждой, однимъ желаньемъ, бѣжать, бѣжать и побѣдить эти высокія стѣны, эти чугунныя рѣшетки, этихъ безучастныхъ солдатъ, сторожившихъ его . . .

Время шло и надежда сбывалась. Солдаты слушались его и повиновались его гордому духу; безстрастныя стѣны дивились силѣ человѣческаго слова и время освобожденія было близко. . . .

И еще шли годы; надежда покинула человѣка и безмолвіе ночи охватило его.

И смѣлый человѣкъ погибъ, и тюрьма стала еще мрачнѣе.

Потомъ приходили сотни и тысячи неизвѣстныхъ, безимянныхъ людей, приходили и молча погибали. Имена ихъ

забыты, могилы поросли пыльной травой и никто не плачетъ надъ ними....

Иногда вечеромъ слышался неясный шопотъ и по молчаливому корридору тихо скользила темная фигура священника въ рясѣ съ крестомъ. Щелкалъ замокъ и отворялись двери. Но гордые люди не принимали лицемѣрнаго прощенія, и все снова погружалось въ холодную дрёму.

Звенѣли сабли, бряцали ружья, раздавались долгіе шаги, повторенные эхомъ и люди шли на смерть. Ни одна пара глазъ не смотрѣла на нихъ съ печальной любовью и ни одно слово участья не прозвучало имъ вслѣдъ.

Они шли на смерть.... Страданьемъ души своей они хотѣли искупить страданье и слезы тысячъ и милліоновъ. И погибали... О жестокость изъ жестокостей, о безумство изъ безумствъ!... Они погибли... Они!... И послѣдніе святые часы ихъ были отравлены грязью пошлости; передъ лицомъ смерти они видѣли грубыя чужія лица, слышали крикъ команды, чувствовали запахъ казармы... Приставить часового съ ружьемъ, заглушить дробью барабана послѣдній вздохъ умирающаго и... жить!.... О, жалкіе, безконечно жалкіе люди... Животные безъ чести, безъ совѣсти и безъ любви... Ничего не любить, ничѣмъ не мучиться, ни о чемъ не скорбѣть, не сознавать своего позора и не краснѣть отъ стыда... Стадо свиней, съ глазами устремленными въ землю, нечистую, грязную землю....

И тѣ, кто зналъ и жилъ.... Все видѣлъ, понималъ и жилъ... Чувствовалъ пошлость, жестокость, злобу жизни и не боролся, не смѣлъ бороться... Сѣрые, жалкіе, слабые люди!...

Дрожитъ пламя свѣчи, по угламъ сгущаются тѣни, и я уже не боюсь себя, не боюсь тишины и жалобнаго звона курантовъ.... Вѣдь я не одинъ, я больше не одинъ! Здѣсь ждали они своего послѣдняго часа, они — мои предшественники, мои товарищи, мои братья, они здѣсь, со мною; въ нихъ моя сила; я связанъ съ ними кровью и слезами, смертью и побѣдой; изъ мрака могилы благословляютъ они меня на безпощадную, страстную борьбу, и въ душѣ моей вспыхиваетъ непримиримая вражда и горячая, преданная любовь... Мнѣ не страшны больше нѣмыя стѣны, холодные камни, мракъ и насиліе.... Жизнь, счастье, молодость и свободу мою я отдамъ любви и ненависти, борьбѣ и побѣдѣ!...

И вдругъ крикъ, нечеловѣческій, страшный, душу раздирающій... То гдѣ то здѣсь, близко, совсѣмъ близко, возлѣ меня кто-то не выдержалъ безмолвія ночи и бьется, бьется о дубовую дверь, какъ будто онъ можетъ разбить ее своими слабыми руками...

И снова гнететъ меня таинственный сумракъ угловъ и загадочно дрожитъ пламя свѣчи и безучастно, безстрастно

смотрятъ стѣны.... И я боюсь ихъ.... Мнѣ хочется тоже кричать и биться о дубовую дверь, пока силы не оставятъ меня, и я не упаду на холодныя плиты.

Часы бьютъ двѣнадцать. Унылый, похоронный звонъ...

Пора спать, спать, забыться тяжелымъ, больнымъ сномъ.

Что-жъ? Спокойной ночи, читатель.

Оппортюнизмъ на практикѣ.

1. Оппортюнизмъ и соціально-революціонное развитіе.

„Это еще разъ доказываетъ неизлѣчимое непостоянство страшнаго деспота хорошаго общества: общественнаго мнѣнія средняго класса, и еще разъ оправдываетъ то презрѣніе, съ которымъ мы, соціалисты исчезающаго поколѣнія, всегда относились къ нему."

(Фридрихъ Энгельсъ.)

Конецъ всякому сомнѣнію: мы имѣемъ теперь въ Германіи вполнѣ сформировавшійся оппортюнизмъ. Было время — не особенно далекое, самые молодые члены партіи могутъ припомнить его — когда германская соціаль-демократія считалась застрахованной отъ оппортюнизма. Въ то время достаточно было показать оппортюнистическій характеръ даннаго политическаго дѣйствія, чтобы сдѣлать это дѣйствіе невозможнымъ въ партіи. Что партія не должна, не можетъ стать оппортюнистической — это считалось аксіомой, не требующей доказательствъ. Всего два-три года тому назадъ, кто дерзалъ упрекнуть виднаго члена партіи въ оппортюнизмѣ, считался сварливымъ пессимистомъ и могъ опасаться изгнанія изъ партіи за клевету

Въ настоящее время ни слово „оппортюнизмъ", ни его содержаніе уже не пугаютъ. Оппортюнизмомъ хвастаются теперь наши политическіе модники — есть такіе и въ нашей партіи — и выставляютъ его на показъ на всѣхъ перекресткахъ. За то революціонизмъ отзывается на вкусъ этихъ самоновѣйшихъ политиковъ чѣмъ-то столь-же старомоднымъ и провинціальнымъ, какъ длиннополые сюртуки и неуклюжіе цилиндры 1848 года. Словомъ, оппортюнистъ существуетъ и самъ на себя не нарадуется. Для него самый фактъ его существованія служитъ лучшимъ доказательствомъ правомѣрности и политической цѣнности оппортюнизма. „Сколько разъ меня отвергали, опровергали и всячески уничтожали", заявляетъ оппортюнистъ, „сколько разъ всѣ были убѣждены, что послѣ безпощаднаго и основательнаго разоблаченія моего умственнаго убожества, моего невѣжества и фальшивыхъ цитатъ я уже не выплыву? И однако я каждый разъ снова появляюсь на свѣтъ и становлюсь все безстыднѣе. Не доказываетъ ли это, что я необходимый продуктъ историческаго развитія? Гдѣ же ваше соціально-революціонное предвидѣніе?"

Развитіе соціаль-демократіи неотдѣлимо отъ общаго политическаго развитія капиталистическаго міра. Соціально-революціонная дѣятельность пролетаріата не стоитъ на одномъ уровнѣ съ его соціально-революціоннымъ сознаніемъ, а на это послѣднее вліяетъ не одна только соціально-революціонная пропаганда. Достигаемые нами результаты зависятъ далеко не отъ одной только настойчивости и цѣлесообразности нашей агитаціи. Крупныя событія на міровомъ рынкѣ, опредѣляющія темпъ промышленнаго развитія, періодическое чередованіе процвѣтанія и кризисовъ, неподвижность сельскаго населенія или его наплывъ въ города, эмиграція, развитіе капиталистическихъ колоній, возникновеніе новыхъ промышленныхъ странъ и гибель старыхъ формъ хозяйства, образованіе новыхъ крупныхъ государствъ и упадокъ или распаденіе старыхъ, война и миръ, борьба національностей, борьба за демократію, правительственная реакція, столкновенія интересовъ буржуазныхъ партій, борьба между церковью и государствомъ — все это оказываетъ могучее вліяніе на соціально-революціонную дѣятельность пролетаріата. Какъ въ экономическомъ и политическомъ развитіи капитализма, такъ и въ освободительной борьбѣ пролетаріата бываютъ періоды ускореннаго и замедленнаго движенія, періоды бурнаго воодушевленія, когда пролетаріатъ изумляетъ міръ своей мужественной рѣшимостью и дерзостью своихъ плановъ, и періоды угнетенія, когда онъ становится нерѣшительнымъ, тяжелымъ на подъемъ и, повидимому, тратитъ на мелочи свою силу.

За историческимъ ураганомъ 1848 г., свергавшимъ правительства и грозившимъ выбить изъ колеи капиталистическій міръ, послѣдовало самое угнетенное состояніе, въ 60-хъ гг. — новый подъемъ, выразившійся въ Интернаціоналѣ, Коммунѣ и крупныхъ политическихъ организаціяхъ германскихъ рабочихъ, послѣ событій 1870/71 г. опять реакція, длившаяся, разумѣется, всего дольше во Франціи, затѣмъ новый подъемъ. Послѣдній періодъ характеризуется сплоченіемъ пролетаріата въ крупныя парламентскія партіи, прежде всего въ Германіи. Здѣсь быстрымъ развитіемъ страны въ великую капиталистическую державу сплачивались массы фабричныхъ рабочихъ, революціонизировались цѣлыя ремесла, какъ портняжное конфекціонными фабриками, изготовленіе обуви — сапожными; съ ростомъ крупныхъ городовъ явился совершенно новый разрядъ строительныхъ рабочихъ, совсѣмъ непохожихъ на каменьщиковъ и плотниковъ мелкихъ городовъ, и всюду закипѣла новая политическая и культурная жизнь. Въ эту жизнь соціаль-демократія внесла готовую организацію и ясную программу, тогда какъ буржуазія, не имѣвшая за душой ничего, кромѣ традиціонной половинчатости, слабости, вялости, предательства ползала у ногъ Бисмарка въ благодарность за

то, что этотъ слуга гогенцоллернскаго дома бросилъ ей въ видѣ подачки прусскаго короля германское единство, котораго она не сумѣла достигнуть. А самъ желѣзный канцлеръ впутался въ столь же нелѣпую, какъ и нерѣшительную при всей ея грубости борьбу съ католическимъ духовенствомъ, и закономъ противъ соціалистовъ привилъ молодой, быстрорастущей соціаль-демократіи классовое сознаніе и солидарность! Во Франціи, Австріи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи и Норвегіи происходило то же самое. Высшій пунктъ этого новаго подъема соціально-революціонной борьбы былъ достигнутъ уже въ 1889 г. Съ той поры организаціи значительно усилились, но энергія революціонной иниціативы, проявившаяся на первомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, самый созывъ котораго былъ важнымъ успѣхомъ, не была превзойдена. Нѣсколько лѣтъ движеніе держалось на одномъ уровнѣ, затѣмъ наступилъ отливъ, въ которомъ мы теперь находимся. Ростъ организацій продолжается, но поверхность великаго историческаго теченія уже не такъ гладка, видны побочные и поперечные токи, растекающіеся тонкими струйками, встрѣчается и масло на волнахъ. Это явленіе объясняется многими причинами положительнаго и отрицательнаго характера.

Парламентское сплоченіе служило первоначально цѣлямъ агитаціи. Но съ теченіемъ времени парламентаризмъ не могъ остаться однимъ агитаціоннымъ средствомъ. Съ ростомъ значенія партіи въ парламентѣ явилось стремленіе къ непосредственнымъ парламентскимъ успѣхамъ. Будучи небольшой и слабой партіей, соціаль-демократія ставила въ счетъ классовому характеру государства многое, что было только результатомъ ея слабости. Поэтому когда усилившаяся партія получила возможность достигнуть кое чего въ парламентѣ, этотъ фактъ отразился во многихъ парламентскихъ головахъ въ видѣ противорѣчія принципіальной борьбѣ съ капиталистическимъ государствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ парламентская дѣятельность соціаль-демократіи становится все разностороннѣе, она обращается къ деталямъ. Повседневная мелкая политическая работа не только неизбѣжна, но въ цѣломъ она революціонна, тѣмъ не менѣе многіе, сосредоточиваясь на деталяхъ, теряютъ изъ виду общую связь движенія. Вообще отъ такого историческаго движенія, какъ борьба пролетаріата, стремящаяся охватить въ своихъ многообразныхъ политическихъ проявленіяхъ всю соціальную жизнь, нельзя ожидать, чтобы въ каждомъ единичномъ случаѣ ея основной характеръ ясно выступалъ наружу. Чѣмъ шире разростается соціально-революціонное движеніе, тѣмъ легче уклоненія въ подробностяхъ, тѣмъ труднѣе видѣть на деталяхъ его основной характеръ и тѣмъ необходимѣе не упускать изъ виду всего движенія въ его цѣломъ. Парламентаризмъ ставитъ соціаль-

демократіи много мелкихъ политическихъ задачъ, которыя легко уклоняются въ сторону отъ принципіальной борьбы съ капиталистическимъ государствомъ и еще легче вводятъ въ заблужденіе наблюдателя.

Съ другой стороны необычайно болѣзненный процессъ революціонизированія ремесла, который приводилъ въ ряды соціаль-демократіи многихъ неудачниковъ, можетъ считаться закончившимся, — по крайней мѣрѣ, для континентальной западной Европы. Разорившійся ремесленникъ находилъ нѣкоторое нравственное утѣшеніе въ простой критикѣ капиталистическихъ порядковъ. Промышленному рабочему этого мало. Онъ хочетъ прежде всего выбиться изъ нужды. Онъ хочетъ перемѣнъ, крупныхъ, всесокрушающихъ, если возможно, хоть мелкихъ, если нельзя иначе. Не могу здѣсь останавливаться надъ разрѣшеніемъ этой задачи, я констатирую только, что желаніе „положительной“ дѣятельности возникаетъ также и съ этой стороны. Наконецъ, произошла существенная перемѣна въ отношеніи правительствъ къ соціаль-демократіи. Можно принять, что въ общемъ періодъ политическаго безправія и опеки уже окончился для пролетаріата. Не хочу этимъ сказать, что капиталистическое государство отказалось отъ насильственныхъ мѣръ по отношенію къ соціаль-демократіи, вовсе нѣтъ, но оно убѣдилось въ безполезности мелкихъ полицейскихъ придирокъ. Въ настоящій моментъ, послѣ многихъ пораженій въ борьбѣ съ соціаль-демократіей, оно старается придти къ парламентскому соглашенію съ нею. Это относится не къ одной Франціи, гдѣ образовалось форменное министерство „соціальнаго мира“, но и къ Германіи, Австріи и, въ послѣднее время, Италіи. Такой тактикѣ благопріятствуетъ то обстоятельство, что колоніальная и внѣшняя политика въ послѣдніе годы пріобрѣли для капиталистическихъ государствъ небывалое значеніе, благодаря чему вниманіе правительствъ отвлекается отъ внутренней политики и они ищутъ мира внутри, чтобы свободнѣе дѣйствовать во внѣшнихъ столкновеніяхъ. И это ослабленіе политической реакціи дѣйствуетъ успокоительно и порождаетъ въ иныхъ головахъ иллюзіи, тѣмъ болѣе пышныя, чѣмъ жирнѣе была удобрена раньше почва соціаль-реформистскимъ навозомъ.*) Такимъ иллюзіямъ благопріятствовалъ также промышленный подъемъ послѣднихъ лѣтъ.

*) Позволяю себѣ напомнить, что уже на штуттгартскомъ съѣздѣ, гдѣ при обоснованіи нашей соціально-революціонной тактики правительственныя насилія играли гораздо бо́льшую роль, чѣмъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы, я высказалъ слѣдующее: „звѣрское поведеніе правительства встрѣчается не въ каждомъ капиталистическомъ государствѣ. Въ Англіи мы видимъ совсѣмъ другую тактику. Съ того момента, когда и въ Германіи убѣдятся, что съ соціаль-демократическимъ движеніемъ нельзя бороться „каторжными“ мѣрами, съ того момента идеи тов. Гейне станутъ опасными. Ходъ событій приведетъ къ попыткамъ парламентскаго согла-

Всѣ эти моменты, разумѣется, не въ состояніи измѣнить соціально-революціонный характеръ классовой борьбы пролетаріата, но ихъ вполнѣ достаточно, чтобы въ головахъ иныхъ парламентаристовъ, адвокатовъ и журналистовъ образовалась та идейная путаница, которая характерна для оппортюнизма. Газетные пустозвоны буржуазіи даютъ всему этому резонансъ, необходимый для того, чтобы о немъ говорили.

Однако уже довольно ясно замѣтны признаки поворота, который долженъ повести къ новой соціальнореволюціонной концентраціи пролетаріата. На капиталистическомъ міровомъ рынкѣ готовится перемѣщеніе коммерческаго центра тяжести. Всѣ видятъ опасность, грозящую коммерческой мощи Англіи. Это не можетъ остаться безъ вліянія на политику англійскаго рабочаго класса. Со времени паденія хлѣбныхъ законовъ англійскій либерализмъ прошелъ блестящій путь, и ему удалось даже впречь рабочихъ въ свою тріумфальную колесницу. Но золотой вѣкъ торговой гегемоніи Англіи кончился, англійскій капиталъ сильно стѣсненъ на товарномъ и колоніальномъ рынкахъ, ростъ экспорта и промышленности уже не поспѣваетъ за капиталистическимъ развитіемъ другихъ странъ. Что же дальше? „Что, если континентальные и особенно американскіе товары будутъ приливать во все возрастающемъ количествѣ, если все еще львиная доля англійскихъ фабрикантовъ въ снабженіи мірового рынка, будетъ изъ года въ годъ уменьшаться? Пусть отвѣтитъ на это универсальное средство отъ всѣхъ золъ — свободная торговля!“ На этотъ вопросъ, поставленный Энгельсомъ въ 1885 г., отвѣтъ теперь написанъ потоками крови: *имперіализмъ*. Англійскій имперіализмъ — послѣдняя отчаянная попытка англійскаго капитала удержать еще на время торговое владычество на моряхъ. Уже не подлежитъ сомнѣнію, что попытка эта лопнула. Какъ бы ни кончилась съ формальной стороны южноафриканская война, она не дастъ желанной основы для созданія британской міровой имперіи, но знаменуетъ собою эру начинающагося паденія мірового значенія Англіи. За войной послѣдуетъ — тотчасъ же, или послѣ временнаго упоенія успѣхомъ — страшная экономическая и политическая ликвидація.

А тѣмъ временемъ у всѣхъ на виду царизмъ охватываетъ азіатскую сферу вліянія Англіи, желѣзнымъ полукругомъ, простирающимся уже отъ Пекина до Персидскаго Залива и имѣющимъ много опорныхъ пунктовъ. Тѣмъ временемъ германскій и американскій экспортъ вытѣсняютъ англійскую

шенія съ соціаль-демократіей, и тогда идеи, которыя теперь робко высказываетъ Гейне, получатъ практическое значеніе“ Съ тѣхъ поръ правительство вступило на путь, ведущій къ такому парламентскому соглашенію и хотя ничуть не торопится подвигаться въ этомъ направленіи, все же гейневская политика компромиссовъ практически затрагиваетъ насъ ближе.

индустрію съ всемірнаго рынка. Съ 1885 г., когда Энгельсъ писалъ свои слова, англійскій либерализмъ, это политическое представительство промышленнаго капитала, все слабѣетъ и слабѣетъ. Онъ раскололся и продолжаетъ раскалываться. Онъ не рѣшается ни взять на себя полную отвѣтственность за политику правительства, ни стать въ принципіальную оппозицію къ послѣднему. Такимъ образомъ и англійскій либерализмъ постигла общая участь буржуазнаго либерализма: политическое измельчаніе. Это освобождаетъ отъ его вліянія англійскихъ рабочихъ и должно заставить ихъ образовать собственную политическую партію. И чѣмъ болѣе вынуждено будетъ британское государство подвигаться по пути милитаризма, тѣмъ выше шансы англійской соціаль-демократіи. „Каждый годъ приближаетъ Англію къ роковому вопросу: кому погибать, націи или капиталистическому производству?“ (Энгельсъ).

Континентальные промышленники рады готовящемуся паденію Англіи, надѣясь поживиться при раздѣлѣ англійскаго наслѣдства. Въ особенности германскій капиталъ мнитъ себя наслѣдникомъ Англіи въ коммерческой гегемоніи. Ошибочный разсчетъ! Борьба гораздо шире, чѣмъ между двумя промышленными государствами. Конкуррентами являются цѣлыя части свѣта. Промышленное будущее принадлежитъ *Америкѣ* и *Россіи*. Эти страны имѣютъ предъ старой Европой преимущество географическаго положенія, обширнаго протяженія, гигантскаго масштаба для развитія промышленности, политическаго единства. Конкурренція грозитъ какъ Англіи, такъ и Германіи и Франціи. Только государства, лежащія у Средиземнаго моря, благодаря своей близости къ возникающимъ новымъ центрамъ мірового рынка у Тихаго Океана и своему богатству водяной силой, пользованіе которой для полученія электрической энергіи играетъ большую роль въ развитіи современной индустріи, могутъ дать отпоръ американской и русской конкурренціи. Напрасно Германія кидаетъ на чашку вѣсовъ свою военную мощь: удаленность отъ мірового рынка отъ этого не уменьшается, производительныя силы Европы не становятся больше. Германскій имперіализмъ до сихъ поръ служилъ преимущественно соціаль-демократіи. Такъ пойдетъ и дальше, поскольку оппортюнизмъ не окажетъ вліянія на политику партіи.

Наряду съ промышленными конфликтами обремененной политическими традиціями и политически раздробленной Европѣ предстоятъ также и политическіе конфликты. Бываютъ историческіе моменты, когда эволюція въ самыхъ различныхъ областяхъ подходитъ къ рѣшительному перелому Такъ въ революціонной бурѣ 1848 г. идея свободы комбинировалась съ идеей нѣмецкаго единства, объединенія Италіи, независимости Венгріи. И теперь мы въ періодѣ всеобщей

тревоги. Восточный вопросъ настоятельно требуетъ рѣшенія, борьба національностей въ Австріи парализовала государственный механизмъ. Кто не убѣжденъ a priori въ вѣчности австрійскаго государства, тотъ не пройдетъ съ легкимъ сердцемъ мимо недобрыхъ симптомовъ разложенія, свидѣтелями которыхъ мы были въ послѣдніе годы. Политическая система Европы, здѣсь раздирающая національности, тамъ насильственно соединяющая ихъ, снова оказывается въ противорѣчіи съ исторической тенденціей къ образованію крупныхъ національныхъ союзовъ. Раздробленность западной Европы при наличности такихъ мощныхъ экономическихъ аггрегатовъ, какъ Россія и Америка, является все большей и большей преградой экономическому, т. е. капиталистическому развитію. Объединеніе Европы становится все болѣе и болѣе настоятельнымъ требованіемъ капиталистическаго мірового рынка. Но объединенная Европа мыслима только какъ республиканская Европа. Въ тоже время царской Россіи становится уже не въ мочь держать въ оковахъ силы, освобожденныя развитіемъ капитализма, молодой пролетаріатъ смѣло поднимаетъ голову, и не смотря на ссылки и нагайки все гуще становятся его ряды, все тѣснѣе смыкаются они вокругъ царизма.

Какъ видитъ читатель, и безъ предвзятой мысли о соціальной революціи можно признать, что политическое развитіе Европы будетъ идти не совсѣмъ гладко и мирно. Пожалуй, многіе изъ тѣхъ, кто такъ тихо, такъ незамѣтно переводитъ — на бумагѣ — капитализмъ въ соціализмъ, станутъ втупикъ передъ далеко менѣе крупной задачей: какъ слить безболѣзненно воедино габсбургскій и савойскій домъ и еще полсотни политическихъ фирмъ „божьей милостью“. Но какъ бы ни совершалось политическое развитіе Европы, болѣе-ли бурно, менѣе-ли бурно, весь опытъ прошлаго столѣтія не позволяетъ сомнѣваться во вліяніи этого развитія на соціально-революціонную концентрацію пролетаріата. Эта концентрація будетъ совершаться тѣмъ легче, что непрерывно растущее парламентское сплоченіе пролетаріата создало организаціи, грандіозные размѣры которыхъ не только затмѣваютъ всѣ прежнія организаціонныя попытки пролетаріата, но являются безпримѣрными и во всей парламентской исторіи Европы. Въ то же время въ промышленности съ нѣкоторыхъ поръ происходитъ ускоренный процессъ капиталистической экспропріаціи, который не оставляетъ мѣста капиталистической средней собственности и создаетъ могучіе конгломераты, гигантскіе тресты, концентрирующіе классовую борьбу рабочихъ въ той же мѣрѣ, въ какой они концентрируютъ производство, и сводящіе вопросъ о собственности къ простой альтернативѣ: монополія капиталистическаго синдиката или коллективизмъ! Одновременно съ этимъ развитіе электротехники

производитъ радикальный переворотъ во всей промышленной дѣятельности.

Капиталистическое развитіе идетъ много быстрѣе, чѣмъ развитіе такъ называемаго „общественнаго мнѣнія“; оно всегда значительно опережаетъ идеи, задающія тонъ въ прессѣ и парламентахъ. Только что успѣли буржуазные идеологи, обладивъ по своему вкусу маленькую теорійку, приготовится къ желанному спокойствію, медленности и гладкости капиталистическаго развитія, какъ вдругъ оно бурно клокочетъ, становится на дыбы и вообще ведетъ себя такъ, какъ будто бы нарочно хотѣло осмѣять своихъ благожелательныхъ друзей. Вліяніе этого буржуазнаго вѣчно ковыляющаго на костыляхъ общественнаго мнѣнія простирается и на соціаль-демократическіе ряды. Если судить о политическомъ характерѣ классовой борьбы пролетаріата по взглядамъ, получающимъ эфемерное распространеніе внутри рабочихъ партій, то можно иной разъ прійти въ большое уныніе. Но соціальнореволюціонный характеръ рабочаго движенія основывается на фактахъ, а не на мнѣніи о классовой борьбѣ, которое составилъ себѣ тотъ или другой изъ временныхъ свѣтилъ соціаль-демократіи. Въ партіи всегда будутъ люди, къ которымъ соціальнореволюціонное сознаніе является, большею частью, извнѣ, въ видѣ литературной или политической плетки, каторая ихъ стегаетъ. Если взглянуть на эволюцію съ этой точки зрѣнія, то придется признать, что и въ послѣдніе годы германская соціаль-демократія обнаружила много соціальнореволюціоннаго сознанія. Вѣдь всюду и вездѣ, гдѣ только ни показывались оппортюнистскіе симптомы, тотчасъ же за ними выступало и соціальнореволюціонное сознаніе. Шагъ за шагомъ оно преслѣдовало оппортюнизмъ и часто впервые именно оно вытаскивало его изъ темныхъ закоулковъ на свѣтъ. Завѣщанный Марксомъ и Энгельсомъ историческій методъ даетъ намъ возможность познавать политическіе промахи и заблужденія пролетаріата въ ихъ происхожденіи и въ ихъ послѣдствіяхъ. Благодаря этому мы избѣгаемъ разочарованія, способствуемъ исправленію промаховъ и стараемся оградить отъ раздробленія накопленную соціальнореволюціонную энергію, пока напоръ обстоятельствъ не вызоветъ новой соціальнореволюціонной концентраціи пролетаріата.

Но самъ оппортюнизмъ не въ состояніи дождаться того момента, когда прогрессъ развитія смететъ его съ дороги. Онъ изъ кожи лѣзетъ отъ старанія довести себя заранѣе до практическаго абсурда. Оказать ему въ этомъ маленькое теоретическое содѣйствіе, такова въ сущности цѣль настоящей статьи.

Посмотримъ же, чѣмъ проявилъ себя оппортюнизмъ на практикѣ, что онъ далъ, на какія перспективы онъ вправѣ разсчитывать. Посмотримъ и выведемъ заключенія!

2. Оппортюнизмъ и доктрина.

Съ самаго появленія своего на свѣтѣ оппортюнизмъ не переставалъ жаловаться, что его *не понимаютъ*. Рѣчи Фольмара въ Эльдорадо въ 1891 г. были непоняты, его отношеніе къ государственному соціализму въ 1892 г. было непонято, одобреніе бюджета соціаль-демократической фракціей баварскаго сейма было непонято, идея самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ южно-германскомъ проэктѣ аграрной программы была непонята, отношеніе Шиппеля къ милитаризму на гамбургскомъ съѣздѣ партіи было непонято, гейневская политика компромиссовъ была непонята, наконецъ, бернштейновскій пересмотръ соціализма былъ непонятъ — сначала много бѣднымъ, затѣмъ всѣми, кто ни нападалъ на него, вплоть до Каутскаго, ближайшаго друга Бернштейна, впродолженіи двадцати лѣтъ обмѣнивавшагося съ нимъ мыслями! Способность возбуждать непониманіе составляетъ самое сильное духовное оружіе оппортюнизма. Есть политики, которые даже при всемъ своемъ добромъ желаніи не могли бы остаться непонятыми, они скорѣе уже слишкомъ ясны, дѣлаютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ слишкомъ прямолинейные выводы и платятся за нихъ кричащими противорѣчіями, въ которыя безсознательно впадаютъ. Но противорѣчіе вытекающее изъ прямого и смѣлаго стремленія къ правдѣ и ясности, все же гораздо почетнѣе той умственной приспособляемости, у которой на языкѣ всегда двѣ половинки истины, не складывающіяся одна съ другой, потому что принадлежатъ различнымъ цѣлымъ. Но противорѣчіе рѣжетъ глаза, половинчатость же умѣетъ угодить всѣмъ.

Предполагаемая непонятость зависитъ отъ самой сущности оппортюнизма. Онъ прежде всего и больше всего самъ себя не понимаетъ. Ему нужна посторонняя помощь, чтобы увидѣть, къ чему ведетъ его образъ дѣйствій, долгій опытъ, чтобы познать самого себя. При появленіи своемъ на свѣтъ онъ — только степень, оттѣнокъ, пятнышко; и какъ бы онъ не разростался, онъ никогда не сложится въ систему, доктрину или хотя бы принципъ, онъ остается безформеннымъ, студенистымъ. Потому то ничто ему такъ не противно, какъ отчетливая форма, „доктрина“, „догма“ Въ то же время для него не представляетъ никакого затрудненія, подвергнувшись нападенію, подписаться подъ догмой. Поэтому до сихъ поръ никогда не удавалось охватить оппортюнизмъ резолюціей. Когда Бебель предложилъ въ Эрфуртѣ свою резолюцію, весь конгрессъ, судя по занятому Фольмаромъ положенію, ожидалъ отъ него поправокъ и дополненій, но Фольмаръ и не подумалъ о нихъ: безъ всякихъ оговорокъ онъ присоединился къ резолюціи. Въ своей заключительной рѣчи онъ даже заявилъ, что вообще не желаетъ никакого измѣненія партій-

ной тактики: пусть остается, какою была. Подобнымъ же образомъ и Бернштейнъ подписывается теперь подъ всѣми резолюціями. Ведя ожесточенную борьбу противъ всей научной и политической дѣятельности Маркса и Энгельса, онъ заявляетъ, что стоитъ на почвѣ идей и дѣятельности этихъ людей. И хотя между нимъ и всей политикой, всѣми историческими традиціями партіи давно образовалась цѣлая бездна, онъ упорно повторяетъ, что партія за одно съ нимъ, правда безсознательно и сама того не замѣчая.

Слѣдуетъ отказаться отъ попытки выразить оппортюнизмъ одной формулой. Для этого онъ такъ же мало годится, какъ песокъ для ваянія. Критику не остается ничего иного, какъ представить его въ его происхожденіи, развитіи и разложеніи.

Въ источникѣ всѣхъ оппортюнистскихъ блужданій внутри соціалистическаго рабочаго движенія, я нахожу одну общую черту: неспособность связать въ одну органическую картину текущую работу партіи съ ея соціально-революціонной цѣлью. Въ глазахъ оппортюнистовъ: „конечная цѣль“ рѣзко отдѣлена отъ „работы въ настоящемъ“ Въ лучшемъ случаѣ они признаютъ только параллелизмъ: агитація въ пользу соціальной революціи *и* дѣятельность внутри капиталистическаго государства. Что наша работа настоящаго при всемъ своемъ разнообразіи, при всемъ своемъ „положительномъ“, практическимъ характерѣ можетъ быть вполнѣ соціально-революціонной, притомъ въ старомъ, истинномъ смыслѣ слова, по которому соціальная революція начинается только съ диктатуры пролетаріата, этого они понять не могутъ. Зато чистый революціонизмъ, отказывающійся отъ всякой работы для настоящаго, имъ совершенно ясенъ, его они понимаютъ. Такъ, въ 1891 г. Фольмаръ выставлялъ такъ называемыхъ „молодыхъ“ за образецъ послѣдовательности, излагая ихъ точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ: „Нынѣшнія общественныя и политическія условія неисправимы Поэтому намъ надо держаться въ сторонѣ отъ практической политики и только протестовать да ждать момента, когда сила перейдетъ на улицу: тогда мы все сразу передѣлаемъ. Этотъ моментъ недалекъ; приблизить его зависитъ только отъ насъ самихъ.“ „Это несомнѣнно, *ясная, цѣльная* точка зрѣнія“, добавляетъ Фольмаръ. Напротивъ, точка зрѣнія Бебеля, Либкнехта и др. казалась ему верхомъ непослѣдовательности. Въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Мюнхенской почтѣ“ и перепечатанныхъ въ брошюрѣ: „Ближайшія задачи германской соціаль-демократіи“ онъ писалъ: „Всему нашему пониманію постепеннаго созрѣванія въ новое общество рѣзко противорѣчатъ внезапно дѣлаемыя время отъ времени заявленія, представляющія работу для непосредственныхъ цѣлей почти что не имѣющею никакой цѣли Въ Берлинѣ выдающійся членъ партіи въ хорошо продуманной рѣчи сказалъ: „Государство господству-

ющихъ классовъ никогда не даетъ ничего, кромѣ незначительныхъ уступокъ.“ Такія слова въ пору развѣ кому нибудь изъ „молодыхъ“, проповѣдующихъ воздержаніе отъ практической политики и чисто „принципіальную“ агитацію. И дѣйствительно, къ чему посвящать девять десятыхъ нашей дѣятельности работѣ, которая „никогда“ не даетъ ничего, кромѣ „незначительныхъ“ результатовъ?“

Чего тутъ Фольмаръ, очевидно, не понимаетъ, такъ это соціально-революціоннаго агитаціоннаго значенія практической парламентской работы, которое именно тогда-то всего полнѣе, когда классовые интересы или хотя бы классовое своекорыстіе власть имущихъ мѣшаютъ законодательному осуществленію выставленныхъ требованій. На это то и напирала позднѣе эрфуртская резолюція, что, конечно, не помѣшало Фоальмару присоединиться къ ней.

Кто не умѣетъ связать борьбу за соціальную революцію съ повседневной политической, также и парламентской работой, у того на практикѣ то повседневная политическая работа будетъ мѣшать соціально-революціонной агитаціи, то наоборотъ — агитація работѣ. Для оппортюниста одна исключаетъ другую — нужно выбирать: или чистый революціонизмъ или чистый реформизмъ! Теперь намъ понятно, почему въ разсужденіяхъ оппортюнистовъ *время* соціальной революціи играетъ такую важную роль. Предполагаемая близость соціальной революціи избавляетъ ихъ отъ проклятой дилеммы, въ такомъ случаѣ они уже не считаютъ нужнымъ ломать голову надъ шансами соціальной реформы и могутъ отдаться ультра-революціонизму. Такъ, о Бебелѣ, который ждалъ въ близкомъ будущемъ крупнаго соціальнаго переворота, Фольмаръ выразился: „Если бы я могъ раздѣлять эту вѣру, то *никакія агитаціонныя соображенія не заставили бы меня продолжать обыденную политическую работу.*“ Такимъ то именно образомъ дѣйствій, замѣтимъ мимоходомъ, и можно бы нѣсколько отсрочить приближающуюся революцію. Достигнетъ ли пролетаріатъ власти, чтобы положить конецъ капиталистической эксплуатаціи, черезъ десять, черезъ двадцать или же черезъ пятьдесятъ лѣтъ, — этотъ вопросъ имѣетъ большое культурное значеніе, но соціально-революціонная политика обусловливается не срокомъ соціальной революціи, она вытекаетъ изъ капиталистическаго развитія, которое, совершается ли оно быстро или медленно, во всякомъ случаѣ ставитъ рабочій классъ въ непримиримое соціальное противорѣчіе съ капиталомъ. Многіе удивлялись, почему Фольмаръ, который раньше готовъ былъ закусить удила въ своемъ ультра-революціонизмѣ, сдѣлался такимъ умѣреннымъ. Теперь мы знаемъ, что въ этомъ то и состоитъ его своеобразная послѣдовательность, позднѣе доставшаяся въ удѣлъ „молодымъ“ 1891 г., которые, поскольку продолжаютъ принимать

участіе въ политикѣ, всѣ стали фольмаристами. Ясно, что кто революціонеръ лишь потому, что ждетъ завтра революціи, станетъ послѣзавтра реформистомъ, если ходъ событій отсрочитъ революцію до конца недѣли. Революціонизмъ „молодыхъ“ былъ скорѣе настроеніемъ, чѣмъ убѣжденіемъ, ему недоставало яснаго пониманія соціально-революціоннаго развитія, внутренно онъ былъ такъ же пустъ, какъ теперешній оппортюнизмъ. Вотъ Марксъ и Энгельсъ полвѣка боролись за соціальную революцію, ни на минуту не впадая въ малодушіе, а, напротивъ, съ растущей увѣренностью, потому что у нихъ была историческая прозорливость, какой недостаетъ другимъ; Бебель тоже не перемѣнился оттого, что до 1898 г не произошло крупныхъ политическихъ перемѣнъ. Дѣло не въ великомъ историческомъ днѣ, а въ великихъ историческихъ событіяхъ, время наступленія которыхъ зависитъ не отъ однихъ нашихъ разсчетовъ, а прежде всего отъ капиталистическаго развитія.

Фольмаръ, упрекавшій Бебеля въ непослѣдовательности за то, что онъ не простиралъ своего революзіонизма до полнаго отказа отъ „обыденной работы“, самъ однако, остерегся сдѣлать практическіе выводы изъ своей точки зрѣнія. Вѣдь если между соціальной революціей и „обыденной работой“ существуетъ такое противорѣчіе, то надо, чтобы посвятить себя безъ помѣхъ „обыденной работѣ“, оставить мысль о соціальной революціи. Этого Фольмаръ не сдѣлалъ, а заявилъ, что при обыденной работѣ хочетъ имѣть передъ глазами „конечную цѣль“ Дальнѣйшій шагъ сдѣлалъ Бернштейнъ своимъ извѣстнымъ изреченіемъ: „Конечная цѣль для меня ничто, движеніе — все“ Но для оппортюнизма именно и характерно то, что онъ не отваживается выйти изъ противорѣчія, въ которое впадаетъ. Когда оппортюнистъ дѣлаетъ свои соціально-реформистскіе выводы, онъ перестаетъ существовать, онъ превращается въ соціаль-реформиста, и положеніе ясно: съ чистымъ реформизмомъ мы могли бы раздѣлаться такъ же быстро, какъ покончили съ чистымъ революціонизмомъ. Какъ увидимъ далѣе, эволюція оппортюнизма ведетъ именно къ поглощенію его реформизмомъ. Но пока окончательный шагъ не сдѣланъ, оппортюнизмъ маскируетъ свое собственное развитіе. Такъ возникаютъ теоріи о постепенномъ врастаніи въ соціализмъ, о незамѣтномъ переходѣ капиталистическаго строя въ соціалистическій и проч., которыя всѣ сводятся къ подмѣнѣ соціальной революціи соціальной реформой. Оппортюнисты думаютъ перемѣнить вещи, измѣнивъ ихъ названіе. Но такъ такъ это невозможно, то, подвигаясь въ своей эволюціи, они впадаютъ во все бо̀льшее и бо̀льшее противорѣчіе со своимъ исходнымъ пунктомъ, начинаютъ смѣяться надъ революціонизмомъ, объявляютъ соціализмъ свободной наукой, затѣмъ отъ науки апеллируютъ къ отно-

сительности человѣческаго знанія, наконецъ, дѣлаютъ изъ соціализма предметъ вѣры, вопросъ темперамента, — и такимъ образомъ задолго до превращенія капитализма въ соціализмъ, наши соціалисты, для которыхъ раньше ничто не было достаточно революціоннымъ, сами превращаются въ буржуазныхъ соціаль-реформистовъ. Они незамѣтно устраняютъ не капитализмъ, а свое собственное политическое прошлое. Вмѣсто того, чтобы разрѣшать свое собственное противорѣчіе, оппортюнистъ переноситъ его на всю партію. Онъ думаетъ, что, борясь съ нимъ, мы противопоставляемъ нашу конечную цѣль работѣ въ настоящемъ. Но въ такомъ видѣ вопросъ для насъ вовсе не существуетъ, потому что *намъ* соціально-революціонная агитація не мѣшаетъ, а скорѣе помогаетъ въ текущей работѣ. Дѣло идетъ о *самой этой работѣ*, изъ которой оппортюнисты выбрасываютъ соціально-революціонную агитацію. Дѣло идетъ о томъ, должна-ли наша „повседневная работа“ быть направлена исключительно на достиженіе непосредственныхъ парламентскихъ и профессіональныхъ успѣховъ, или же послѣдніе сами должны служить средствомъ для высшаго объединенія, для соціально-революціонной организаціи пролетаріата. Вопросъ не въ томъ, надо-ли участвовать въ выборахъ, стремиться къ парламентскимъ успѣхамъ, бороться за соціальныя реформы и демократическое законодательство, организовывать борьбу за заработную плату и другіе виды профессіональной борьбы, а въ томъ, должны ли мы при всемъ этомъ оставить государственную власть въ рукахъ буржуазіи, или же, объединяя всѣ виды дѣятельности въ соціально-революціонной агитаціи, вести пролетаріатъ къ завоеванію политической власти, необходимой для измѣненія самыхъ основъ государства, собственности и способа производства. Бросая намъ упрекъ въ отказѣ отъ текущей работы или пренебреженіи ею, оппортюнисты борются не съ нами, а съ воображемымъ противникомъ. Такъ, Фольмаръ соціально-революціонную точку зрѣнія Бебеля, Либкнехта, Зингера и другихъ подмѣнилъ революціонизмомъ „молодыхъ“. Такъ, Бернштейнъ направляетъ свои удары противъ превращеннаго имъ въ чистѣйшее бунтарство бланкизма, какимъ онъ никогда не былъ ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, а изобрѣтенъ самимъ Бернштейномъ ради полемическихъ цѣлей. Такъ, Жоресъ борется противъ такого непримиримаго революціонизма, какой давно вышелъ изъ моды даже во Франціи, и вмѣсто того, чтобы признать практическую дѣятельность партій, которыя научили французскій пролетаріатъ повседневной соціально-революціонной работѣ, онъ уличаетъ ихъ въ противорѣчіи за то, что онѣ ведутъ эту работу, не отрекаясь отъ своихъ соціально-революціонныхъ принциповъ, уличаетъ въ томъ самомъ грѣхѣ, который Фольмаръ въ 1891 г. открылъ у Бебеля и Либкнехта.

Кто смотритъ на свѣтъ черезъ призму, не долженъ удивляться, если видитъ его окрашеннымъ всѣми цвѣтами радуги. Таковъ удѣлъ оппортюнизма. Онъ носитъ противорѣчіе въ самомъ себѣ и борется только противъ собственнаго опрокинутаго въ зеркалѣ изображенія. Онъ отражается въ непримиримомъ революціонизмѣ, какъ этотъ послѣдній отражается въ немъ самомъ.

3. Тактика Фольмара.

Wie nur dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet,
Die immerhin an schalem Zeuge klebt,
Mit gieriger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet.

Goethe, Faust.

Умственная безформенность оппортюнизма обусловливаетъ большое разнообразіе также и формъ его проявленія. Поскольку онъ обнаружился до сихъ поръ въ германской соціаль-демократіи, въ немъ можно различить четыре главные типа, обнимающіе болѣе или менѣе родственныя души.

Прежде всего назову *государственную мудрость Фольмара*. Подъ нею я понимаю далеко немаловажное, конечно, искусство политическихъ (парламентскихъ) комбинацій, первое условіе котораго — умѣнье уловить въ каждый данный моментъ взаимное отношеніе парламентскихъ партій и политику правительства. Подобная политическая проницательность полезна, конечно, всякому политику, въ томъ числѣ и соціаль-демократу. Но для соціаль-демократіи ея мало. Какъ для партіи соціально-революціонной, для соціаль-демократіи *развитіе* важнѣе баланса политическихъ партій въ данный моментъ. Основа всей нашей дѣятельности — экономическое развитіе, которое революціонизируетъ соціальное расчлененіе, измѣняетъ относительную силу политическихъ партій, преобразуетъ политику правительствъ и должно привести насъ къ господству. Соціаль-демократія считается съ факторами, о которыхъ буржуазный государственный дѣятель не знаетъ вовсе. Съ другой стороны, хотя было бы, конечно, глупо игнорировать расхожденіе интересовъ различныхъ слоевъ буржуазіи, ихъ борьбу между собою и съ правительствомъ и все валить въ одну безформенную „реакціонную массу“, тѣмъ не менѣе, при каждомъ значительномъ политическомъ шагѣ пролетаріата, буржуазія и правительство въ борьбѣ съ нимъ всегда оказывались заодно. Универсальный характеръ пролетарской классовой борьбы, которая направлена противъ всего существующаго общественнаго порядка вмѣстѣ съ его государственной формой, обусловливаетъ то, что въ противномъ лагерѣ общій классовой интересъ имущихъ, несмотря на всѣ тренія, въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ. Измѣна буржуазной демократіи пролетаріату не случайность, а

законъ. Вначалѣ демократическая буржуазія, забывая классовыя противорѣчія, обольщается мыслью, будто можетъ представлять интересы рабочихъ такъ же хорошо, какъ и „всѣхъ другихъ слоевъ населенія“, но затѣмъ, когда классовое противорѣчіе, всегда внезапно и неожиданно для буржуазныхъ идеологовъ, всплываетъ наружу, — для нихъ не остается иного выбора, какъ измѣнить собственному классу или же пожертвовать интересами пролетаріата.

Государственный умъ между соціаль-демократами особенно склоненъ переоцѣнивать значеніе преходящихъ парламентскихъ комбинацій и упускать изъ виду великіе законы развитія. Онъ придаетъ слишкомъ много вѣса намѣреніямъ правительства, видамъ и обѣщаніямъ партій. Онъ вообще переоцѣниваетъ значеніе *правительства* (не смѣшивать съ правительственной властью) и парламентскаго большинства и охотно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что *государственная власть*, т. е. правительство, парламентъ и вся политическая организація страны, включая войско, находится въ рукахъ господствующаго капиталистическаго класса. Онъ придаетъ черезчуръ много вѣса вліянію общественнаго мнѣнія на парламентъ и правительство и слишкомъ мало вѣса тѣмъ интересамъ, вытекающимъ изъ соціальнаго расчлененія, которые производятъ быстрый и радикальный поворотъ въ общественномъ мнѣніи, когда тихія воды повседневной политики внезапно забурлятъ отъ напора могучихъ нижнихъ теченій соціальной жизни. Нашему политику не разъ приходится видѣть крушеніе своихъ хитро задуманныхъ политическихъ комбинацій благодаря непредвидѣнному его высокой мудростью проявленію классовыхъ противорѣчій. Въ смущеніи и горечи онъ ищетъ причину своей неудачи въ задорной тактикѣ вожаковъ, въ неумѣренности стремленій массы. Поэтому онъ старается затормазить соціально-революціонное движеніе, направить его въ болѣе спокойный фарватеръ. Онъ проповѣдуетъ умѣренность, разсудительность. Онъ думаетъ этимъ обезпечить развитіе, вести пролетаріатъ отъ успѣха къ успѣху маленькими этапами все ближе къ цѣли. Слѣдуетъ только не спѣшить, считаться съ данными условіями и ставить себѣ „достижимыя“ цѣли. Онъ взываетъ къ самообладанію, требуетъ самоотреченія. И самъ упражняется въ немъ. Запуганный неудачами, жаждущій „политическихъ“ результатовъ, онъ все болѣе и болѣе урѣзываетъ свои требованія, приспособляясь къ преходящимъ политическимъ группировкамъ, къ мимолетному парламентскому большинству. Все больше и больше „самоограниченія“ требуетъ онъ отъ пролетаріата, все дальше и дальше идетъ навстрѣчу буржуазнымъ партіямъ и приходитъ все въ большую и большую ярость противъ революціонныхъ смутьяновъ, которые мѣшаютъ ему въ его похвальной работѣ.

Если его стѣсняютъ теоретическія положенія, онъ обращается противъ теоріи вообще. Онъ не хочетъ быть рабомъ принципа, рабомъ научнаго знанія. Развѣ наука не измѣняется? Будемъ поэтому ссылаться на ту науку, которая намъ по вкусу, а нѣтъ въ данный моментъ подходящей на рынкѣ, такъ подождемъ, пока явится.

Отъ научныхъ доводовъ можно отдѣлаться, не только опровергнувъ ихъ, — можно также обойти ихъ, перепрыгнуть черезъ нихъ, не поддаваться имъ, — все зависитъ отъ человѣка. Какое значеніе могутъ имѣть для нашего политика доказательства ложности его аргументовъ, его незнакомства съ фактами, его противорѣчій и непослѣдовательности? Ничто не вѣчно подъ луной, все забывается, и у публики короткая память. Болѣе того: публика всегда уважаетъ того, кто не смущается. Всѣ видѣли, напримѣръ, что въ такомъ то случаѣ нашему мудрому государственному мужу пришлось сплоховать предъ аргументами не извѣстнаго, не носящаго ни шпоръ ни эполетъ злого критика, но такъ какъ мудрецъ при этомъ глазомъ не сморгнулъ и не поморщился, то всѣ заключаютъ, что онъ знаетъ больше другихъ и оттого-то сохраняетъ гордый видъ тамъ, гдѣ всякій другой на его мѣстѣ чувствовалъ бы себя пристыженнымъ. Стоитъ продѣлать это нѣсколько разъ, и мудрому политику останется только бросать толпѣ при случаѣ мудрыя изреченія въ родѣ того, напримѣръ, что „всякой вещи свое время“, что „пустые мечтатели ничего не добьются“, что ему противны „безпочвенныя разсужденія“, что „ходъ вещей самъ повліяетъ на идеи“, и т. п., чтобы на всѣхъ площадяхъ заговорили: „мудрый политикъ знаетъ нѣчто, чего не вѣдаетъ весь міръ, но молчитъ, потому что выжидаетъ случая заговорить, а представится этотъ случай, тогда — о, тогда! Другіе дивятся хладнокровію политика, не раздумывая надъ причинами. Оно для нихъ просто чудо, какъ многое на свѣтѣ, напримѣръ, Али, неуязвимый арабъ, которому можно проколоть вязальной спицей безкровныя щеки, человѣкъ къ каменнымъ черепомъ, на которомъ можно раскалывать гранитъ, и т. д.

Характеристика тактики никогда не можетъ быть тождественной съ характеристикой личностей. Вещи послѣдовательнѣе людей. Прошу читателя держать эту оговорку въ памяти. Но, съ другой стороны, я считаю себя вправѣ выводить безъ прикрасъ самыя крайнія послѣдствія изъ всякаго политическаго поступка, изъ всякаго положенія, открыто занятого при разногласіяхъ внутри партіи.

Основная политическая ошибка, которую Фольмаръ сдѣлалъ уже въ 1891 г., состояла въ томъ, что онъ придалъ черезчуръ много вѣса перемѣнѣ *тактики правительства* по отношенію къ соціаль-демократіи. Не особенно важно было то, что онъ ошибочно приписалъ правительству гораздо

больше доброжелательства, чѣмъ оно его имѣло, что онъ не предвидѣлъ калейдоскопической смѣны цвѣтовъ новаго курса, мелкихъ и крупныхъ законопроектовъ, направленныхъ противъ разрушительныхъ тенденцій; его главная ошибка заключалась въ томъ, что онъ перемѣну въ образѣ дѣйствій правительства счелъ настолько значительной, что находилъ нужнымъ пересмотръ всей тактики партіи. Слѣдовательно, если правительство реакціонно, то мы революціонны, если оно податливо, то и мы идемъ на уступки. Но пролетаріатъ революціоненъ не потому, что его преслѣдуютъ, а наоборотъ, его преслѣдуютъ, потому что онъ революціоненъ. Фольмаръ забылъ, что по отношенію къ пролетаріату правительство капиталистическаго государства при наилучшихъ желаніяхъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ орудіемъ въ рукахъ капиталистическаго класса. Что соціаль-демократія революціонна, это не зависитъ ни отъ правительства, ни отъ насъ, а есть результатъ борьбы классовъ въ капиталистическомъ обществѣ. Германская соціаль-демократія справедливо гордилась тѣмъ, что законъ противъ соціалистовъ не отклонилъ ее ни вправо, ни влѣво, почему же паденіе этого закона требовало перемѣны партійной тактики? Тутъ опять бросается въ глаза характерное совпаденіе: именно тѣ, которые послѣ изданія закона противъ соціалистовъ хотѣли увлечь партію далеко влѣво, послѣ паденія этого закона тянутъ ее далеко вправо. Въ обоихъ случаяхъ ошибка заключалась въ переоцѣнкѣ вліянія правительственной политики на классовую борьбу пролетаріата. Соціально-революціонное движеніе само прокладываетъ себѣ путь независимо отъ ненависти или доброжелательства правительства.

Итакъ Фольмаръ думалъ, что съ паденіемъ закона противъ соціалистовъ начинается новая эра политическихъ и соціально-реформаторскихъ уступокъ со стороны правительства. Поэтому онъ торопился точно опредѣлить наши ближайшія требованія въ области законодательства и совѣтовалъ партіи показать правительству готовность идти ему навстрѣчу, чтобы облегчить его работу. Можно держаться различныхъ взглядовъ на цѣнность германскаго соціально-политическаго законодательства послѣдняго десятилѣтія, но не подлежитъ сомнѣнію, что девяностые годы въ этомъ отношеніи не выдерживаютъ никакого сравненія съ восьмидесятыми. Мѣропріятій, равныхъ по важности проведенію фабричнаго законодательства или страхованію рабочихъ, больше не предпринимется. Вопреки ожиданіямъ Фольмара, соціально-политическій жаръ правительства не разгорался, а остывалъ, пока, наконецъ, не была открыто провозглашена пауза въ соціальной политикѣ. Какое отношеніе имѣетъ это къ выбору между соціально-революціонной или оппортюнисткой тактикой, — разберу въ другомъ мѣстѣ, теперь-же я констатирую только,

что наиболѣе интенсивная соціально-политическая дѣятельность государства приходится на періодъ наиболѣе интенсивной соціально-революціонной агитаціи.

Такимъ образомъ государственная проницательность Фольмара обманула его вполнѣ. Посмотримъ, какъ это повліяло на дальнѣйшее развитіе его тактики. Изъ пяти требованій, выставленныхъ Фольмаромъ въ 1891 г., особенно заслуживаютъ вниманія два: законодательное установленіе нормальнаго рабочаго дня и „отмѣна пошлинъ на жизненные припасы“ Эти пункты онъ считалъ тогда *немедленно* осуществимыми, и требующими поэтому всего вниманія практическаго политика. Конечно, надо работать и надъ дальнѣйшимъ развитіемъ законодательства по охранѣ труда, „но прежде всего надо направить всѣ силы на законодательное установленіе нормальнаго рабочаго дня, этого краеугольнаго камня всѣхъ мѣръ по охранѣ труда.“ Относительно отмѣны пошлинъ на жизненные припасы онъ выразился такъ: „Я хочу только сказать, что наша борьба противъ искусственной дороговизны жизненныхъ припасовъ *никогда не должна ослабѣвать.*“ Но мы тщетно будемъ искать въ дѣятельности Фольмара съ 1891 г. признаковъ „сосредоточенія всѣхъ силъ“ на достиженіи нормальнаго рабочаго дня. Напротивъ, чѣмъ больше его государственный взоръ открывалъ, что правительство и партіи пока считаютъ такую мѣру несвоевременной, тѣмъ больше агитація въ пользу нормальнаго рабочаго дня отступала у него на задній планъ передъ соціально-политическими мѣрами одна другой мельче, которымъ онъ въ 1891 г. придавалъ второстепенное значеніе.

Также и въ своей борьбѣ за отмѣну пошлинъ на жизненные припасы, которая „никогда не должна была ослабѣвать“, Фольмаръ допустилъ длинную паузу. Только самыя послѣднія событія снова встряхнули его, и онъ началъ звать къ борьбѣ противъ „новыхъ пошлинъ“, т. е. уже не за отмѣну пошлинъ на жизненные припасы, а противъ повышенія ихъ. До этихъ же поръ онъ лично устранялся отъ агитаціи противъ пошлинъ на жизненные припасы, игнорируя всѣ поводы, которыми упорно снабжалъ его Крестьянскій Союзъ. Онъ молчалъ, когда Крестьянскій Союзъ предложилъ повышеніе пошлинъ на хлѣбъ. Молчалъ, потому что обдумывалъ уже достойный государственнаго мужа планъ обратить посредствомъ предупредительности членовъ Крестьянскаго Союза въ соціаль-демократовъ, также точно какъ хотѣлъ посредствомъ той же предупредительности склонить правительство къ соціальнымъ реформамъ. Это была только часть цѣлаго плана — агитаціи въ крестьянской средѣ, прелести которой я подвергну подробному и любящему разбору въ другомъ мѣстѣ. Ея руководящимъ положеніемъ было слѣдующее: такъ какъ германское крестьянство, какимъ оно является въ настоящее время,

нельзя склонить къ соціалистической программѣ пролетаріата, то мы должны выкроить соціалистическую программу въ духѣ этого крестьянства. Здѣсь государственная мудрость, начавши съ простой ни къ чему необязывающей предупредительности по отношенію къ правительству, — „безъ забвенія о конечной цѣли", — приводитъ къ принципіальнымъ уступкамъ. Прикрывая Крестьянскій Союзъ отъ всякихъ нападеній справа или слѣва, Фольмаръ какъ нельзя лучше помогъ дѣламъ этого политическаго ублюдка. Расплачиваться за эту дѣятельность пришлось при выборахъ въ рейхстагъ 1898 г. давшихъ въ сельскихъ избирательныхъ округахъ Баваріи значительный приростъ голосовъ Крестьянскому Союзу и абсолютное уменьшеніе числа избирателей, голосовавшихъ за соціаль-демократовъ. Государственная мудрость еще разъ разбилась въ дребезги о подводные камни классовыхъ противорѣчій.

Одинаковымъ успѣхомъ увѣнчалась и политическая комбинація Фольмара въ вопросѣ о *баварскомъ избирательномъ правѣ*. Баварская избирательная система такова, что при безрезультатности первой баллотировки необходимы избирательные союзы, иначе выборы не могутъ состояться. Раньше въ такомъ случаѣ центръ и національ-либералы соединялись противъ соціаль-демократовъ, но такъ какъ при дѣлежѣ добычи національ-либералы неоднократно выказывали себя несговорчивыми, то на послѣднихъ выборахъ огорченный центръ обратился къ соціаль-демократамъ. Вслѣдствіе этого либералы были побиты и имъ пришлось на собственной шкурѣ извѣдать невыносимость существующей избирательной системы. Но и радость центра была не безъ примѣси: выступивъ заодно съ соціаль-демократами онъ собственными руками сдѣлалъ не мало надрывовъ въ густой сѣти лжи и клеветы, которыми отпугивалъ массы отъ соціаль-демократіи; особенно неловко долженъ былъ центръ чувствовать себя по отношенію къ католическимъ рабочимъ союзамъ. Съ другой стороны, ему пришлось выслушивать горькіе упреки со стороны католической буржуазіи и католическихъ ханжей. Въ свое оправданіе онъ ссылался на избирательную систему. Такимъ образомъ послѣ выборовъ всѣ партіи горько жаловались на эту систему. Мы должны были прежде всего воспользоваться такимъ благопріятнымъ положеніемъ для цѣлей агитаціи. Такъ какъ всѣ говорили объ измѣненіи избирательнаго права, то намъ слѣдовало посредствомъ собраній, летучихъ листковъ и проч. вызвать массовое движеніе въ пользу демократическаго избирательнаго права. Въ ландтагѣ мы должны были выставлять самыя крайнія требованія, чтобы вызвать рѣзкое выраженіе частныхъ интересовъ отдѣльныхъ партій. Мы должны были настаивать на возможно быстромъ рѣшеніи вопроса, принудить къ тому правительство и партіи всѣми доступ-

ными политическими средствами, не исключая обструкціи. Если-бъ даже мы и не добились удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій, то при такомъ образѣ дѣйствій мы все же могли разсчитывать, что господствующія партіи уступятъ хоть въ чемъ нибудь; во всякомъ случаѣ отъ агитаціи мы только выиграли бы. Но Фольмаръ думалъ иначе. Его государственный умъ тотчасъ придумалъ политическую комбинацію. И онъ началъ кампанію въ ландтагѣ съ торжественной рѣчи въ тонѣ доброжелательнаго увѣщанія. Онъ указывалъ партіямъ, какъ неразумно поступали онѣ до сихъ поръ, оставаясь глухи къ предъявленному соціаль-демократами требованію избирательной реформы. „Потрудитесь же, господа, понять насъ," взывалъ онъ, всячески стараясь стать на точку зрѣнія буржуазныхъ партій, доказывая имъ, что въ ихъ собственныхъ интересахъ и въ виду соціаль-демократической агитаціи онѣ должны измѣнить избирательное право. Онъ грозилъ этой агитаціей, но *только* грозилъ. Ему хотѣлось главнымъ образомъ невыполненіемъ этой угрозы выказать доброжелательство и уступчивость соціаль-демократіи, „теперь, — говорилъ онъ — я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно самаго предмета, т. е. избирательной реформы. Я буду кратокъ, и именно потому, что вопросу уже данъ *полный ходъ* и прежде всего нами. Предложеніе должно поступить въ *коммиссію*, и тамъ мы будемъ въ состояніи говорить о дѣлѣ. Для насъ, соціаль-демократовъ, тутъ, какъ и всегда, важна не *агитація*, хотя многіе изъ васъ думаютъ противное... Поэтому мы хотимъ избѣжать обвиненій въ виду прежняго отношенія партій къ нашимъ предложеніямъ и не будемъ входить въ подробности; послѣднее лучше сдѣлаемъ въ *коммиссіи*". Ораторы всѣхъ партій высказались за измѣненіе избирательнаго права, слѣдовательно, оно неотложено. Совершенно невозможно, заявлялъ Фольмаръ, чтобы вопросъ былъ снова отложенъ надолго.

Итакъ, Фольмаръ думалъ, что на вопросѣ объ избирательномъ правѣ онъ объединитъ всѣ партіи. Нѣкоторая готовность идти на компромиссъ со стороны буржуазныхъ партій, сговорчивость съ нашей стороны, — и дѣло въ шляпѣ. Потому то такъ мила была ему коммиссія, гдѣ вдали отъ шума должна была совершиться „положительная работа". Агитація была замѣнена миролюбіемъ. Но именно этого то и хотѣли реакціонеры. Они боялись массовой агитаціи, они боялись публичнаго обсужденія и были несказанно рады, что соціаль-демократія позволяетъ успокоить себя нѣсколькими фразами и въ лучшій моментъ общественнаго возбужденія отказывается отъ агитаціи. Въ коммиссіи не спѣшили. Среди общей тишины, которую соціаль-демократія почти не нарушала, жгучій интересъ общественнаго мнѣнія испарился. Вопросъ началъ забываться. При „положительной" работѣ составленія законопроэкта все яснѣе становились какъ особые интересы

буржуазныхъ партій такъ и объединяющая ихъ вражда къ соціаль-демократіи, и скоро уже не подлежало никакому сомнѣнію, что дѣло отложено въ долгій, самый долгій ящикъ! Такъ кончилась эта государственная махинація. Фольмаръ обогатился лишнимъ опытомъ, изъ котораго, какъ и изъ всѣхъ предыдущихъ, онъ вывелъ по всему вѣроятію лишь то заключеніе, что былъ еще недостаточно хитеръ, недостаточно политиченъ.

Въ послѣднее время „дѣло Милльерана“ дало Фольмару наилучшую возможность самому вывести всѣ послѣдствія своей точки зрѣнія. Подъ прикрытіемъ утвержденія, что „практическаго“ значенія этотъ вопросъ въ Германіи не имѣетъ, онъ могъ позволить себѣ роскошь размышленія не стѣсняющагося практическими соображеніями. Когда въ Эрфуртѣ Либкнехтъ сказалъ, что точка зрѣнія Фольмара логически ведетъ къ „правительственному соціализму“, Фольмаръ крайне обидѣлся. Съ тѣхъ поръ неудача за неудачей внушили ему больше скромности въ желаніяхъ и мудрости въ выборѣ средствъ. Безпрерывное урѣзываніе своихъ ближайшихъ законодательныхъ требованій научило его высоко цѣнить микроскопическія подобія реформъ Милльерана. Съ другой стороны, чѣмъ мельче законодательная мѣра, тѣмъ легче провести ее доброжелательному правительству. Чѣмъ больше съуживается политическій горизонтъ парламентариста, тѣмъ больше разрастается въ его глазахъ значеніе правительства.

Такимъ путемъ Фольмаръ пріобрѣлъ вкусъ къ соціалистическому министеріализму. И дѣйствительно, кто протягиваетъ руку „доброжелательству“ правительства, тотъ не можетъ сказать: „нѣтъ“, когда правительство приглашаетъ его: „приходи и будь моимъ добрымъ геніемъ?“ Фольмаръ и прочіе защитники Милльерандизма, всегда оговариваются, правда, что къ Германіи случай непримѣнимъ, что въ Германіи отношенія иныя, политическая форма менѣе свободна, правительство менѣе демократично, и проч. Но если присмотрѣться поближе, то окажется, что случай непримѣнимъ лишь *потому, что германское правительство не захочетъ имѣть министромъ соціалиста.* А пожелай, — такъ это было бы доказательствомъ его либерализма, демократизма, и проч. Итакъ, правительству надо только захотѣть!

Германскіе министеріалисты отличаются отъ французскихъ только тѣмъ, что послѣдніе принимаютъ предложеніе правительства, а первые приготовились принять его задолго до того, какъ у правительства является хотя бы самая отдаленная мысль дать министерскій портфель соціалисту. Какая государственная предусмотрительность!

Я вовсе не хочу этимъ сказать, что самъ Фольмаръ принялъ бы министерскій портфель. За нимъ слишкомъ крупное политическое прошлое, чтобы онъ могъ лично осуществить

на практикѣ крайнія послѣдствія своей теперешней точки зрѣнія. Но предѣльный пунктъ, достигнутый однимъ политикомъ за всю его жизнь, является для его пріемника отправнымъ пунктомъ дѣятельности, и онъ развиваетъ его послѣдствія гораздо дальше. Оппортюнизмъ — сама непослѣдовательность. И оппортюнисту, возражающему намъ, что онъ въ томъ или другомъ практическомъ случаѣ не заходитъ такъ далеко, мы заявляемъ: „Мы не можемъ основываться на твоей непослѣдовательности, но должны считаться съ выводами, которые другіе сдѣлаютъ изъ твоей точки зрѣнія!“

Государственное искусство въ рядахъ соціаль-демократіи рядомъ незамѣтныхъ переходовъ приводитъ къ тому, что завоеваніе политической власти пролетаріатомъ подмѣнивается заполученіемъ министерскаго портфеля какимъ нибудь политиканомъ, а соціально-революціонный процессъ развитія замѣняется парламентскими, а гдѣ можно — то и придворными интригами!

4. Практицизмъ Ауэра.

Что Ауэръ находится въ натянутыхъ отношеніяхъ съ теоріей, объ этомъ онъ самъ неоднократно заявлялъ. Онъ этимъ положительно щеголяетъ при всѣхъ принципіальныхъ дебатахъ въ партіи. Къ сожалѣнію, онъ до сихъ поръ не удосужился выяснить специфическія особенности того практицизма, которымъ онъ отличается отъ другихъ членовъ партіи, занимающихся во всякомъ случаѣ не однимъ же обсужденіемъ принциповъ. Неизвѣстно даже, стоитъ ли онъ на оппортюнистской, или же революціонной точкѣ зрѣнія. Въ Гановерѣ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ зачисленія его въ одну компанію съ Бернштейномъ и хотя бѣглыми, но рѣзкими чертами отмежевалъ себя отъ бернштейніанства. Но на публику — удивительное дѣло! — это нисколько не повліяло, и Ауэръ какъ прежде, такъ и теперь слываетъ вождемъ оппортюнизма, теперь даже больше, чѣмъ прежде. Онъ слѣдовательно тоже принадлежитъ къ „непонятымъ“ Постараемся растолковывать его.

Практицизмъ вытекаетъ изъ отвращенія къ теоретическому мышленію въ политикѣ. Онъ хочетъ оперировать только съ конкретными отношеніями, ненавидитъ неопредѣленныя величины. Однако, пріятно то или нѣтъ, а въ политикѣ нельзя обойтись безъ вычисленія вѣроятностей. Только *законъ* развитія можно установить — и для капиталистическаго общества это уже сдѣлано въ Коммунистическомъ Манифестѣ такъ мастерски, что послѣдующіе полвѣка капиталистической исторіи вполнѣ подтвердили его. — За ходомъ же развитія приходится постоянно слѣдить и всегда съизнова опредѣлять его направленіе. Но практическій умъ знаетъ только непосредственно данное, все, выходящее за этотъ предѣлъ, ему въ тягость, обреме-

няетъ мысль. Онъ хочетъ яснаго, простого положенія, а если оно не просто, то онъ упрощаетъ его, т. е. рѣшаетъ задачу тѣмъ, что игнорируетъ ея трудности. Онъ собственно не врагъ теоріи, но хочетъ такой теоріи, которая сразу же и безъ остатка переходила бы въ практику. Практическій умъ не понимаетъ, какъ можетъ служить руководящей нитью то, что само измѣняется? Поэтому неизмѣнная форма — прежде всего. А когда теорія укладывается на прокрустово ложе практическаго разсудка, то застываетъ въ догму, изъ которой практикъ выкраиваетъ шаблоны. Если же практикъ, пользующійся теоріей какъ шаблономъ, натолкнется на противорѣчіе развивающихся отношеній, то усумнится не въ своемъ методѣ пользованія теоріей, но въ самой теоріи. Неподвижность, которую онъ самъ же внесъ въ теорію, представляется ему ея собственной сущностью, и онъ борется противъ всякаго теоретизированія какъ вреднаго догматизма и выкраиванія шаблоновъ.

Едва-ли кто изъ членовъ партіи защищалъ соціаль-демократическіе принципы такъ доктринерски, какъ Ауэръ на берлинскомъ конгрессѣ партіи. Онъ былъ докладчикомъ по вопросу о кооперацiяхъ. Уже самое вступленіе интересно. Онъ дословно цитируетъ положеніе эрфуртской программы, говорящее объ измѣненіи формы собственности и необходимомъ для этого захватѣ политической власти пролетаріатомъ, и объявляетъ, что: „Въ этихъ положеніяхъ ясно выражены наши цѣли и задачи. Мы приняли ихъ при началѣ соціаль-демократической агитаціи, мы держемся ихъ до сихъ поръ и *должны сохранять на всѣ времена*, пока наша партія есть партія соціаль-демократическая. Если возникаютъ другіе взгляды, — а они появились, — то это доказываетъ только, что въ этомъ вопросѣ товарищи ошибаются насчетъ сущности и содержанія соціаль-демократіи“. Такимъ образомъ въ 1892 г. программа для Ауэра была установлена „на всѣ времена“, — а нѣсколькими годами позднѣе онъ уже не знаетъ ничего, болѣе измѣнчиваго, чѣмъ программа, и обзываетъ доктринерами всѣхъ, кто защищаетъ положенія программы отъ скоропалительной и зложелательной критики.

Переходя къ самой темѣ доклада, Ауэръ говорилъ тогда, что тотъ: „Кто думаетъ устройствомъ кооперативныхъ обществъ способствовать рѣшенію сціальнаго вопроса, кто думаетъ, какъ это заявлялось въ Бреславлѣ, что кооперативы могутъ урегулировать производство, и предотвратить перепроизводство, *тотъ заблуждается насчетъ сущности соціализма*. Партія неоднократно высказывалась противъ подобныхъ попытокъ затушевать сущность нашихъ задачъ и цѣлей. Сегодня мы обязаны сдѣлать то же“. Здѣсь Ауэръ уже предвидитъ Бернштейна, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Бернштейнъ представляетъ только новое

изданіе старыхъ соціаль-реформистскихъ фразъ. Въ Ганноверѣ Ауэръ тоже заявилъ, что не раздѣляетъ иллюзій Бернштейна относительно кооперативныхъ обществъ, но вмѣсто того, чтобы какъ въ Берлинѣ протестовать противъ этого „затушевыванія нашихъ задачъ и цѣлей", онъ сталъ теперь самымъ ревностнымъ его поборникомъ. Въ Берлинѣ онъ заявилъ, что тотъ, кто видитъ въ кооперативныхъ обществахъ средство къ осуществленію нашей соціально-революціонной программы, „не имѣетъ никакого представленія о сущности соціализма и нашихъ задачахъ" Ничего худшаго не говорили о Бернштейнѣ его злѣйшіе критики. Но въ Ганноверѣ Ауэръ яростно обрушился на всѣхъ, кто упрекалъ Бернштейна въ недостаткѣ научныхъ знаній. „Человѣкъ, который впродолженіи десяти лѣтъ редактировалъ нашъ центральный органъ, человѣкъ, который до послѣдняго времени считался замѣчательнѣйшимъ изъ научныхъ писателей партіи, человѣкъ..." и т. д.!

Итакъ, въ виду того, что кооперація еще не соціализмъ, онѣ безполезны и даже вредны для рабочаго движенія, потому что заставляютъ пролетаріатъ растрачивать свою энергію на безплодной почвѣ и отвлекаютъ его вниманіе отъ политической борьбы. Тутъ предъ нами шаблонность во всей ея узкости и закоснѣлости! Была предложена и соотвѣтствующая резолюція: товарищи должны противиться основанію кооперацій и, между прочимъ, бороться съ иллюзіей, будто кооперація „могутъ устранить или хотя бы смягчить политическую и профессіональную борьбу рабочихъ" Нельзя сказать, что это невѣрно, но это узко и односторонно: конечно, основаніе кооперацій въ капиталистическомъ государствѣ не есть соціализмъ, конечно, нелѣпо ждать отъ нихъ смягченія классовой борьбы пролетаріата, — но этимъ не все еще сказано, тутъ только одна отрицательная сторона явленія, а положительная та, что кооперація въ видѣ комбинаціи потребительныхъ и производительныхъ товариществъ при нѣкоторыхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ въ высокой степени усиливаютъ организованность пролетаріата и доставляютъ ему поддержку въ профессіональной и политической борьбѣ. Съ точки зрѣнія нашихъ принциповъ мы можемъ побивать только *соціаль-реформаторство въ кооперативномъ движеніи*, мы можемъ бороться лишь противъ теоретической и практической эксплуатаціи кооперація соціаль-реформаторами. Само же по себѣ кооперативное движеніе есть экономическій фактъ требующій не оспариванія, а пониманія. Но практикъ умѣетъ пользоваться программой лишь какъ собраніемъ шаблоновъ: если явленіе подходитъ подъ готовую форму (параграфъ такой то), — хорошо, а если нѣтъ, то онъ рѣшительно не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, оно для него является нарушеніемъ нормальнаго, закономѣрнаго развитія; онъ не умѣетъ поль-

зоваться программой какъ методомъ для познанія соціальнаго развитія.

Тотъ же догматизмъ и доктринерство повліяли и на отношеніе Ауэра къ профессіональнымъ союзамъ. Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы Ауэръ былъ когда либо противникомъ профессіональнаго движенія, онъ только долгое время считалъ нужнымъ оградить партію отъ *конкурренціи* профессіональныхъ союзовъ, по мѣрѣ своего роста стремящихся къ самостоятельности. Онъ ясно высказывалъ это: „Прежде профессіональные союзы хотѣли считаться и считались хотя и самостоятельной частью, но все же только частью организованнаго и сознательнаго классового рабочаго движенія, — какъ артиллерія составляетъ особый отдѣлъ арміи, но не есть армія, а только часть ея, — но со времени основанія генеральнаго комитета замѣчается стремленіе отдѣлять профессіональные союзы отъ политической партіи и относиться къ этимъ двумъ организаціямъ какъ соперничающимъ силамъ. Эти стремленія, исходящія особенно отъ генеральнаго комитета и опирающіяся на него, я считаю крайне превратными и, если они найдутъ бо́льшій откликъ, прямо роковыми для всего германскаго рабочаго движенія“. И здѣсь имѣется большая доза истины, но опять таки слишкомъ узко понимаемой и односторонней. Въ Германіи, гдѣ политическая организація пролетаріата развивалась поразительно быстро, профессіональные союзы долгое время во всемъ зависѣли отъ партіи, были подчинены партіи. Но съ ростомъ профессіональныхъ организацій отношенія должны были измѣниться. Союзы должны были выучиться держаться на собственныхъ ногахъ. Имъ нужна была собственная централизація. Чѣмъ больше подвигались они въ этомъ направленіи, тѣмъ самостоятельнѣе должны они были себя чувствовать. Ихъ отношеніе къ политической партіи не могло уже оставаться отношеніемъ спеціальнаго рода оружія ко всей арміи, но уподобиться отношенію между двумя союзными арміями. Конечно, съ развитіемъ профессіональныхъ союзовъ возникла опасность конкурренціи между ними и соціаль-демократіей, кто станетъ отрицать это? Но для предотвращенія этой опасности у соціаль-демократіи есть только одно средство: обращать еще больше вниманія, чѣмъ раньше, на профессіональные интересы при своемъ выступленіи въ парламентѣ, въ своей политикѣ, въ своей агитаціи. Должно было ясно понять, что усиленіе профессіональныхъ союзовъ увеличиваетъ также, какъ обязанности, такъ и вліяніе политическаго представительства пролетаріата. Но Ауэръ понималъ дѣло крайне узко: должно сокрушить, подавить въ зародышѣ конкурренцію профессіональныхъ союзовъ; опорнымъ пунктомъ всѣхъ стремленій профессіональныхъ союзовъ къ независимости является генеральный комитетъ, слѣдовательно,

ему нужно „подравнять шерсть“. Тогда это ему удалось легко — благодаря сильному авторитету поличитеской организаціи и подрыву кредита и безъ того уже очень слабыхъ профессіональныхъ союзовъ неблагопріятнымъ общимъ положеніемъ дѣлъ, только что проигранной крупной стачкой, внутренними организаціонными раздорами, и проч. Но это была Пиррова побѣда. Спасительное, по мнѣнію Ауэра, осаживаніе отдѣльныхъ вожаковъ профессіональнаго движенія образовало трещину между соціаль-демократіей и профессіональными союзами.

Ложная тактика Ауэра по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ имѣла одинаковое основаніе съ его нападками на кооперацію: онъ смотрѣлъ на политическую дѣятельность пролетаріата черезчуръ исключительно, черезчуръ отрѣшенно отъ всего прочаго. Ходъ его мыслей былъ приблизительно таковъ: мы хотимъ соціальной революціи, слѣдовательно, завоеванія политической власти; для этого нужна политическая организація пролетаріата, соціаль-демократія; все прочее можетъ представлять нѣкоторыя выгоды въ настоящемъ (многое — просто обманъ), можетъ также имѣть нѣкоторую цѣну какъ подготовительная школа къ соціаль-демократіи, но въ сопоставленіи съ политической дѣятельностью соціаль-демократіи во всякомъ случаѣ отходитъ на задній планъ и не должно стоять у нея на дорогѣ. Эта аргументація упускаетъ изъ виду взаимодѣйствіе. Если оставить въ сторонѣ пертурбаціи, неизбѣжныя въ классовой борьбѣ пролетаріата, какъ во всякомъ крупномъ политическомъ движеніи, и зависящія отъ разныхъ причинъ, среди которыхъ недостаточная прозорливость вождей играетъ самую ничтожную роль, то окажется, что политическая дѣятельность пролетаріата помогаетъ профессіональнымъ союзамъ и коопераціямъ, а тѣ въ свою очередь помогаютъ соціаль-демократіи. Главная сила не въ перевѣсѣ политической дѣятельности пролетаріата, а въ томъ, что соціальныя стремленія пролетаріата во всемъ ихъ растущемъ многообразіи, даже въ формахъ, имѣющихъ всего менѣе соотношенія съ политикой, всегда и постоянно приводитъ къ одному и тому же результату: къ необходимости завоеванія пролетаріатомъ политической власти.

Ауэръ никогда не велъ иной политики, кромѣ *чисто рабочей*. Въ этомъ его сила Онъ никогда не кокетничалъ съ крестьянствомъ или ремесленниками. Политика мудрыхъ комбинацій для него черезчуръ спекулятивна: его практическій умъ требуетъ яснаго, простого положенія. Ауэра считаютъ чрезвычайно хитрымъ, но онъ вовсе не хитеръ. Онъ только дѣлаетъ видъ будто хитритъ и что всего замѣчательнѣе: ему вѣрятъ. Поразивъ публику своимъ чертовски хитрымъ изрѣченіемъ: „Милый Эде, такія вещи дѣлаютъ, но о нихъ не говорятъ“, онъ тѣмъ самимъ сталъ въ противорѣчіе со сво-

имъ маккіавеллевскимъ принципомъ. Онъ слишкомъ чистокровный германецъ, чтобы быть непомѣрно лукавымъ. Краснорѣчивый полемистъ въ цицероновскомъ жанрѣ онъ слишкомъ часто дозволяетъ своимъ собственнымъ сарказмамъ завлекать себя въ преувеличеніе. Въ послѣдніе годы онъ несомнѣнно говорилъ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, и притворялся худшимъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Въ качествѣ практика, онъ уже заранѣе относился къ теоріи съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; а его способъ примѣнять теорію долженъ былъ, какъ мы видѣли, окончательно разочаровать его въ ней, такимъ образомъ его недовѣріе перешло въ *скептицизмъ*. Отъ этого страдаетъ прежде всего цѣльность его политическаго сознанія. У него есть сомнѣнія вправо и сомнѣнія влѣво, и ничто не удовлетворяетъ его. Онъ уже не находитъ въ своемъ умѣ достаточной самоувѣренности, чтобы выступить рѣшительнымъ сторонникомъ опредѣленныхъ принциповъ, поэтому онъ и не понимаетъ, какъ могутъ дѣлать это другіе. Онъ видитъ въ ихъ поведеніи только нетерпимость и полемическій задоръ. Его сомнѣнія сближаютъ его съ оппортюнизмомъ: не съ положительной, а съ отрицательной стороной послѣдняго — его привлекаетъ критика установленныхъ принциповъ. Съ этой критикой онъ не согласенъ, правда, но его интересуетъ, къ чему она поведетъ, что изъ нея выйдетъ. Потому Ауэръ, — одинъ изъ тѣхъ, кто всего раньше увидѣлъ опасность оппортюнизма и всего рѣзче выступалъ противъ него, сталъ теперь, если и не отъявленнымъ оппортюнистомъ, то во всякомъ случаѣ *патрономъ оппортюнизма*.

Въ то же время скептицизмъ привелъ его, странно сказать, къ своего рода *фатализму*. Всякое теоретизированіе — безполезная трата времени, всякое спекулятивное предвидѣніе — разъ Бебель ошибся въ датѣ революціи — игра, чему быть, того не миновать, а какъ оно будетъ, — объ этомъ мы знаемъ очень мало. Поэтому прежде всего — степенность и осмотрительность, нечего летѣть сломя голову! Мы и такъ придемъ во время, если не черезчуръ рано. Будемъ считаться съ обстоятельствами, не будемъ стремительны. Никакой программы и никакой ясной тактики, кромѣ одной: тормозить всюду. И тутъ также чѣмъ дальше конечная цѣль уходитъ изъ поля зрѣнія, тѣмъ сильнѣе становится жажда непосредственныхъ, ощутимыхъ успѣховъ. Работа для настоящаго въ охарактеризованномъ нами ограниченномъ смыслѣ. Намѣсто движущей впередъ критики отношеній, становится приспособленіе къ отношеніямъ, осаживающее всякій порывъ, тяжелымъ гнетомъ ложащееся на движеніе, затрудняя и парализуя его.

На франкфуртскомъ съѣздѣ 1899 г. Ауэръ еще обращался къ баварской фракціи, которая вотировала фактически во

многихъ отношеніяхъ несамостоятельный баварскій бюджетъ, съ такими словами: „Для того ли вы выбраны въ сеймъ, чтобы способствовать продленію существованія баварскаго государства въ его нынѣшнемъ видѣ? Не должны-ли вы передѣлать его или — извините за выраженіе — подкопаться подъ его основы. Только поставьте себѣ этотъ вопросъ — и вы поймете ненормальность положенія, въ которомъ очутились. Безъ бюджета общественная жизнь пришла бы въ разстройство, тѣмъ не менѣе вотировать средства на ея сохраненіе и поддержаніе — не ваше дѣло. Вы можете спокойно предоставить его національ-либераламъ и клерикаламъ.“ Въ Гамбургѣ Ауэръ уже не могъ понять, какъ это можно отказывать правительству въ перевооруженіи арміи, — нельзя же „вывести солдатъ въ поле съ дубинами!“ А въ 1900 г. въ Парижѣ онъ защищалъ вступленіе въ министерство Милльерана и жалѣлъ бѣдную Германію, столь далекую еще отъ кандидатуры соціалиста въ министры. Какой съ божьей помощью поворотъ!

Такимъ образомъ практицизмъ, отрывая движеніе отъ родной соціально-революціонной почвы, также и въ рабочей политикѣ, теряетъ всякую почву и тяготѣетъ къ ассимиляціи съ капиталистическимъ государствомъ.

5. Что далъ оппортюнизмъ?

Оставляю безъ разсмотрѣнія еще одну духовную разновидность оппортюнизма.

На этотъ разъ займемся оппортюнистской тактикой въ ея отношеніи къ прежней дѣятельности.

Диктатура пролетаріата, составляющая до сихъ поръ ту идею, вокругъ которой концентрируется революціонная политика соціаль-демократіи, въ существенныхъ чертахъ заключается въ томъ, что пролетаріатъ, который численно уже составляетъ большинство націи и съ интересами котораго совпадаютъ интересы разоренныхъ капитализмомъ ремесленниковъ и крестьянъ, завладѣваетъ политической властью. Рядомъ съ политическимъ и военнымъ переустройствомъ государства въ смыслѣ самаго полнаго господства народа, устраняющаго всякую возможность злоупотреблять государственной властью для навязыванія народнымъ массамъ воли экономически господствующаго меньшинства, пролетаріатъ переводитъ одну отрасль производства за другою въ распоряженіе государства, которое при такихъ условіяхъ изъ правительственной машины, служащей для угнетенія народа, обращаетя въ организацію, завѣдующую его хозяйствомъ. Всѣми своими политическими и экономическими средствами государство содѣйствуетъ развитію муниципальнаго владѣнія, муниципальнаго производства и кооперацій. Частная

собственность на средства производства исчезаетъ, и капиталистическій способъ производства уступаетъ мѣсто соціализму.

На „диктатурѣ пролетаріата“, какъ извѣстно, оппортюнизмъ всего охотнѣе упражняетъ свои критическія способности, хотя онъ прямо и не оспариваетъ ея возможности, но сомнѣвается въ ней, отсылаетъ ее въ самое отдаленное будущее, изъ политическихъ же размышленій о настоящемъ хочетъ во что бы то ни стало выкинуть. Дѣло, дескать, еще настолько не созрѣло, что, возьми пролетаріатъ государственную машину въ свои руки, онъ только опозоритъ себя своей законодательной дѣятельностью, и все кончится колоссальнымъ проваломъ. Мы должны, слѣдовательно, оставить господство въ государствѣ его нынѣшнимъ властителямъ — дворянству, биржѣ, промышленникамъ, и въ каждой побѣдѣ на выборахъ тоскливо видѣть шагъ, приближающій насъ къ — провалу Съ той непослѣдовательностью, впрочемъ, благодаря которой онъ только и существуетъ, послѣдняго вывода изъ своихъ посылокъ оппортюнизмъ не дѣлаетъ. Но что же предлагаетъ онъ намъ вмѣсто негодной по его мнѣнію „диктатуры пролетаріата“, служившей до сихъ поръ нашей путеводной нитью въ политикѣ? Если не завоеваніемъ политической власти, то какимъ-же инымъ путемъ долженъ пролетаріатъ устранить капиталистическую эксплуатацію? Что должно произойти, какъ долженъ дѣйствовать пролетаріатъ для того, чтобы эта цѣль была достигнута? Короче, каково содержаніе той „реальной политики“, которою такъ хвалятся оппортюнисты? Поищемъ отвѣта въ практикѣ оппортюнизма. Весьма естественно, что, отбросивъ надежду на политическое господство пролетаріата, оппортюнизмъ стремится къ компромиссу между буржуазіей и пролетаріатомъ. Тамъ гдѣ до сихъ поръ соціализмъ открывалъ самыя рѣзкія классовыя противорѣчія, оппортюнизмъ выискиваетъ пункты объединенія. Онъ ведетъ политику компромиссовъ, хочетъ обломать всѣ острые края, перекинуть мосты между всѣми противными интересами. Такъ возникаютъ тѣ теоріи приспособленія капитализма, врастанія соціализма въ капитализмъ и т. п., которыми оппортюнизмъ старается скрыть, какъ отъ себя самаго, такъ и отъ всего міра безнадежность своей точки зрѣнія. Посмотримъ, какихъ результатовъ достигаетъ онъ когда пытается приложить эти теоріи къ практикѣ.

Казалось бы оппортюнизму всего логичнѣе остановиться на мысли о *государственной собственности.* Это путь компромиссовъ, на которомъ ничего не дѣлается безъ согласія класса капиталистовъ и тѣмъ не менѣе производство уходитъ изъ рукъ частныхъ собственниковъ. Вѣдь на этой основѣ построенъ и катедръ-соціализмъ. Оказывается, однако, что мысль о государственномъ производствѣ совсѣмъ не привлекаетъ нашихъ оппортюнистовъ. Почему? Причина ясна: они боятся

государства. Повторяя на каждомъ шагу, что государство безпрерывно и самопроизвольно становится все болѣе и болѣе демократическимъ, они въ то же время сами пугаются практическихъ выводовъ изъ своей теоріи. Итакъ, государственная собственность не годится. Не подойдетъ ли въ такомъ случаѣ *муниципализація?* О муниципальномъ соціализмѣ оппортюнисты много кричатъ, но вы не найдете у нихъ ни малѣйшихъ новыхъ практическихъ предложеній въ этомъ направленіи. Соціаль-демократія развивала свою муниципальную тактику, нимало не поступаясь своими соціально-революціонными принципами. Наоборотъ, муниципальная дѣятельность соціаль-демократовъ даетъ имъ на каждомъ шагу новыя доказательства безусловной необходимости какъ политической такъ и экономической реорганизаціи капиталистическаго строя. О чемъ бы ни зашла рѣчь, о квартирномъ ли вопросѣ, электротехническихъ сооруженіяхъ, объ очисткѣ улицъ или о постановкѣ въ рабочемъ кварталѣ лишней пары фонарей, вы всюду наталкиваетесь на вопросъ о *поземельной рентѣ*. Домовладѣльцы пользуются всякимъ улучшеніемъ, чтобы поднять квартирную плату. Если обложить ихъ налогомъ, они переложатъ его на квартиронанимателей. Но въ то время какъ соціаль-демократъ революціонеръ имѣетъ опредѣленную цѣль сознательно выдвигать именно тѣ моменты, которые ставятъ муниципальную политику въ противорѣчіе съ капиталистической формой собственности, оппортюнисту эти противорѣчія только мѣшаютъ, только стѣсняютъ и затрудняютъ его въ его „положительной работѣ“ Онъ не можетъ разрѣшить противорѣчія, поэтому старается обойти его, ставя себѣ наимельчайшія задачи, при которыхъ противоположность интересовъ выступаетъ менѣе рѣзко. Но чѣмъ ничтожнѣе практическая цѣнность его работы, тѣмъ смѣлѣе теоретическія спекуляціи, которыя онъ съ нею связываетъ. Муниципальный политикъ-революціонеръ не можетъ ничѣмъ удовлетвориться, онъ зорко слѣдитъ за всѣми пробѣлами и недостатками муниципальной жизни, вытаскиваетъ ихъ наружу и тѣмъ самимъ становится движущей впередъ силой. Оппортюнистъ въ муниципалитетѣ всегда занятъ по горло своей „положительной работой“, роется въ ней какъ кротъ и остается подобно кроту въ самомъ узкомъ кругу; онъ дѣлаетъ изъ каждой пойманной мухи „положительнаго“ слона и считаетъ, что кладетъ фундаментъ соціализму устройствомъ публичныхъ бань и отхожихъ мѣстъ.

Оппортюнистъ думаетъ преобразовать капитализмъ муниципальной политикой, на дѣлѣ же муниципальная политика разбивается о капитализмъ, остается лѣсами безъ зданія, не только стѣсняется капиталистическими отношеніями, но и уродуется ими зачастую настолько, что даетъ результаты, прямо противоположные намѣченнымъ. Устраиваютъ, напри-

мѣръ, въ предмѣстьѣ водопроводъ и канализацію, прокладываютъ трамвай и проч., чтобы доставить удобства живущимъ тамъ рабочимъ, а на дѣлѣ достигается лишь то, что рабочихъ выгоняютъ изъ ихъ жилищъ, потому что въ преобразованное предмѣстье устремляются чиновники, учителя, офицера, рантье и подымаютъ квартирную плату.

Итакъ, муниципальная политика не въ состояніи замѣнить государственной политики пролетаріата. Для своего развитія она сама нуждается наоборотъ въ такихъ коренныхъ измѣненіяхъ экономической структуры, которыя безъ диктатуры пролетаріата невозможны. Устранивъ ее изъ своей программы, оппортюнистъ и здѣсь также отнимаетъ у себя почву для всякой практической дѣятельности, сколько нибудь возвышающейся надъ горизонтомъ соціаль-политическаго бургомистра.

Слѣдующей излюбленной темой оппортюнистовъ являются кооперації, особенно потребительныя общества. И здѣсь опять таки вы придете въ величайшее затрудненіе, если вздумаете искать какихъ нибудь *практическихъ* предложеній внесенныхъ оппортюнистами. Партія, правда, нѣкоторое время смотрѣла на эти вещи односторонне и узко, но она не только никогда не мѣшала развитію потребительныхъ товариществъ, а наоборотъ поощряла ихъ. Но какъ бы тепло не относилась она къ нимъ изъ этого еще не слѣдуетъ, что она должна предаваться иллюзіямъ насчетъ экономическаго значенія и соціально-политической роли потребительныхъ товариществъ и связанныхъ съ ними производительныхъ учрежденій. Противъ всѣхъ попытокъ буржуазныхъ политиковъ задавить потребительныя общества съ помощью фискальныхъ мѣръ партія всегда энергично протестовала не потому, собственно, чтобы дѣло шло о соціалистическихъ учрежденіяхъ, а потому, что видѣла въ этоихъ мѣрахъ налогъ на народное потребленіе, — кромѣ же такой защиты партія фактически не можетъ оказать серьезнаго содѣйствія развитію потребительныхъ товариществъ, если не считать общей пропаганды. Сами оппортюнисты очень далеки отъ того, чтобы приглашать партію заняться повсемѣстнымъ учрежденіемъ потребительныхъ товариществъ, такъ какъ подобная дѣятельность непремѣнно и весьма скоро привела бы ее къ „колоссальному провалу“

На этомъ кончаетея область мѣропріятій, которыя съ большимъ или меньшимъ основаніемъ могутъ считаться, направленными на измѣненіе экономической структуры общества, на устраненіе основныхъ отношеній, обусловливающихъ эксплуатацію. Немного же оставляетъ намъ оппортюнизмъ въ этой области: всякое измѣненіе формы собственности путемъ самостоятельной политики устранено, нѣтъ помина и о переходѣ производства въ руки современнаго государства; остается муниципальная политика, заранѣе осужденная заниматься

мельчайшими пустяками и въ заключеніе потребительныя товарищества. Никакой „положительной работы“, которую партія не дѣлала бы раньше безъ всякаго оппортюнизма, ничего новаго кромѣ фантастическихъ иллюзій относительно результатовъ такой работы.

И это называютъ „раельной политикой“! Вся разница въ томъ, что партія, занимаясь однимъ не выбрасываетъ за бортъ всего остального, ведетъ, напримѣръ, энергичную муниципальную политику, не отказываясь для нея отъ завоеванія политической власти, которая дастъ ей возможность передѣлать общія отношенія въ государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ далеко усилитъ ея мощь въ муниципальной политикѣ; оппортюнизмъ наоборотъ выдвигаетъ муниципальную политику, вмѣсто дѣятельности вытекающей изъ соціально-революціонной точки зрѣнія, но утерявъ эту точку зрѣнія, онъ по необходимости обращаетъ муниципальную политику въ безцвѣтную реформаторскую работу въ самомъ поверхностномъ буржуазномъ духѣ.

Сколько бы не твердили, что оппортюнизмъ остается соціалистическимъ или даже соціально-революціоннымъ ученіемъ, тотъ фактъ, что на практикѣ всякая мысль о радикальномъ измѣненіи экономической структуры общества отходитъ для него на самый задній планъ остается фактомъ. При такой постановкѣ соціализмъ въ лучшемъ случаѣ обращается въ символъ вѣры, который повторяютъ по привычкѣ, не помышляя серьезно о проведеніи его въ жизнь. Оппортюнизмъ охотно отводитъ ему область пропаганды: можете говорить о соціализмѣ сколько угодно, но къ практикѣ онъ не имѣетъ никакого отношенія, тутъ нужна „реальная политика“ Мы не касаемся принциповъ! Но *принципъ* одно, а *тактика* совсѣмъ другое, нѣчто прямо противоположное принципу.

Чѣмъ старательнѣе оппортюнисты отсылаютъ соціализмъ въ область далекихъ фантазій, тѣмъ больше научаются они *подчиняться* капиталистическимъ отношеніямъ. Подчиняться этимъ отношеніямъ или считаться съ ними для того, чтобы какъ можно лучше использовать ихъ для заранѣе намѣченной цѣли — это двѣ совершенно различныя вещи. Ихъ различіе особенно ярко сказывается въ вопросѣ о *законодательной охранѣ труда*.

Выставляя свои требованія въ этой области соціаль-демократія сообразуется съ общими отношеніями капиталистическаго производства. Иначе и быть не можетъ: являясь ограниченіемъ капиталистической эксплуатаціи, фабричное законодательство существуетъ и падаетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ. Соціаль-демократія идетъ еще дальше и въ своихъ законопроектахъ принимаетъ въ раэсчетъ также и общія промышленныя отношенія страны. Но для „реальной политики“ оппор-

тюнистъ этого еще недостаточно. Такъ какъ дѣло идетъ о законѣ, то оппортюнистъ прежде всего справляется о парламентскихъ группировкахъ. Что скажутъ буржуазныя партіи? Какъ отнесется правительство? И онъ урѣзываетъ свои законодательныя требованія, хотя убѣжденъ въ экономической возможности ихъ выполненія, лишь для того, чтобы набрать необходимое число голосовъ въ парламентѣ и получить согласіе правительства. Такъ возникаютъ призрачныя законодательныя мѣры, извѣстнѣйшими образчиками которыхъ являются миллерановскій нормальный рабочій день и его законъ объ урегулированіи стачекъ. Вмѣсто того, чтобы оказывать на парламентскія партіи давленіе извнѣ, вмѣсто того, чтобы вліять на составъ парламента, короче, вмѣсто того, чтобы приспособлять парламентъ къ своей волѣ, оппортюнизмъ заранѣе рѣшаетъ приноравливаться къ готовому буржуазному парламентскому большинству.

Когда такая оппортюнистская тактика относительно законодательной охраны труда приходитъ на смѣну политики, доводившей до крайности всѣ политическія противорѣчія, она на первыхъ порахъ, конечно, можетъ достичь нѣсколькихъ мелкихъ результатовъ. Буржуазныя партіи, радуясь ослабленію антагонизма, выказываютъ на первыхъ порахъ нѣкоторую готовность къ уступкамъ. Этимъ успѣхомъ оппортюнизмъ обязанъ не себѣ самому, онъ просто ликвидируетъ полученное наслѣдство, размѣниваетъ на мелкую монету капиталъ, накопленный долголѣтней соціально-революціонной агитаціей. Весьма понятно, что оппортюнизмъ дорожитъ лишь немедленными успѣхами. Не имѣя никакихъ политическихъ перспективъ, никакой конечной цѣли, выбросивъ изъ своего кругозора связь соціализма съ соціально-революціонной борьбой и тѣмъ самимъ превративъ его въ утопическій идеалъ, оппортюнистъ не имѣетъ за душой ничего кромѣ непосредственныхъ, „положительныхъ“ результатовъ, имъ пожертвовалъ онъ и прошлымъ и будщимъ. Но эта политическая расточительность кончается еще быстрѣе и позорнѣе, чѣмъ чѣмъ всякая другая форма мотовства. Порадовавшись сначала внезапной склонности соціаль-демократіи къ компромиссамъ, буржуазія будетъ становиться затѣмъ все сдержаннѣе по мѣрѣ роста уступчивости со стороны ея противницы. Буржуа слишкомъ ловкій дѣлецъ, чтобы не видѣть своей выгоды. Чѣмъ меньше энергіи будетъ въ дѣятельности соціаль-демократіи, тѣмъ меньше будетъ она внушать уваженія. Но въ той же мѣрѣ будетъ рости любезность въ обращеніи съ ней. „Законъ противъ соціалистовъ? Боже сохрани, онъ дѣлаетъ мучениковъ изъ вожаковъ и возбуждаетъ массы! Да и къ чему это? Соціаль-демократы вполнѣ приличные, разсудительные люди, которыхъ можно урезонить государственными соображеніями. Соціальная политика? О, конечно.

Справедливыя требованія рабочихъ!... Но только не все сразу. Государству, правительству и безъ того чертовски много дѣла. Сколько хлопотъ съ однимъ Дальнимъ Востокомъ! Затѣмъ поддержка родственныхъ намъ буровъ въ Ю. Африкѣ и сдѣлки съ кузеномъ по ту сторону канала! И вѣчно что-нибудь да случается то въ Ю. Америкѣ, то въ Турціи! Мы должны вести міровую политику, а для этого нуженъ милитаризмъ, нуженъ флотъ. Сооруженіе броненосцевъ доставляетъ занятіе для рабочихъ, это тоже своего рода соціальная политика! Итакъ, будемъ ждать терпѣливо, а со временемъ, когда нибудь впослѣдствіи... почему бы и нѣтъ? Мы люди современные! И вы говорите, къ тому же, что эволюція сама обо всемъ заботится... Не спѣша, потихоньку. При случаѣ мы поять позаймемся соціальной политикой, а пока повысимъ пошлины на съѣстные припасы!“

Никто не станетъ сожалѣть о томъ времени, когда надъ паріей тяготѣлъ „постыдный законъ“. Но не будемъ забывать, что германская соціаль-демократія, чтобы сокрушить законъ противъ соціалистовъ не лизала руки, занесшей надъ нею кнутъ, а выказывала самую желѣзную непреклонность. Законъ палъ не потому, чтобы соціаль-демократія примирилась съ капиталистическимъ государствомъ, а потому что при исключительномъ законѣ она выросла въ внушающую страхъ силу. Этотъ же спасительный страхъ предъ соціаль-демократіей является движущей силой законодательной дѣятельности по охранѣ труда. Здѣсь мы имѣемъ классическое свидѣтельство Бисмарка, оказывающее намъ такъ много услугъ при агитаціи. „Если бы не страхъ передъ соціаль-демократіей, не было бы и тѣхъ соціальныхъ реформъ какія сдѣланы.“ *Соціально-революціонная агитація и соціальная реформа* всегда идутъ рука объ руку. Когда пролетаріатъ готовится сдвинуть съ устоевъ весь капиталистическій общественный порядокъ, буржуазія вотируетъ фабричные законы, чтобы умиротворить его, — когда же пролетаріатъ оставляетъ въ покоѣ экономическіе устои и ничего не требуетъ кромѣ десятичасового рабочаго дня, ему не даютъ и этого, чтобы не разлакомить, но обнадеживаютъ одинадцатичасовымъ рабочимъ днемъ!

Даже простой индифферентизмъ капиталистовъ ко всему, что полезно рабочимъ, не говоря уже объ ихъ эксплуататорскихъ интересахъ, можетъ быть сломленъ только давленіемъ массъ. Какъ бы научно и краснорѣчиво ни доказывалъ оппортюнистъ капиталисту, что сокращеніе рабочаго времени не понизитъ суточной производительности труда, предприниматель останется при старомъ рабочемъ днѣ, если ничто не принуждаетъ его къ иному образу дѣйствій. Но принаравливаясь въ своихъ законопроектахъ по охранѣ труда къ парламентскому большинству, оппортюнистъ тѣмъ самымъ уменьшаетъ ихъ

привлекательность для рабочихъ. Онъ требуетъ, напримѣръ, не восьмичасового, а десяти или одинадцатичасового рабочаго дня, надѣясь легче провести его въ парламентѣ; но такой проектъ не представляетъ никакого практическаго интереса для тѣхъ слоевъ промышленныхъ рабочихъ, которые уже имѣютъ болѣе короткій рабочій день. Ослабленіе интереса рабочихъ массъ, разумѣется, не проходитъ незамѣченнымъ, парламентъ чувствуетъ уменьшеніе внѣшняго давленія и проваливаетъ законъ, несмотря на всю его умѣренность. Замѣчательна также аргументація оппортюнистовъ при защитѣ нормальнаго рабочаго дня, этого важнѣйшаго очереднаго требованія относительно охраны труда. Прежде всего онъ старается доказать предпринимателямъ, что сокращеніе рабочаго времени не можетъ принести имъ ни малѣйшаго вреда, а скорѣе пользу. Слѣдуетъ, конечно, опровергать буржуазныя преувеличенія относительно дѣйствія фабричныхъ законовъ. Но не станемъ же мы на ту точку зрѣнія, съ которой только тѣ фабричные законы и желательны, которые не приносятъ фабрикантамъ ни малѣйшаго ущерба. Такимъ способомъ борьбы мы никогда не достигли бы запрещенія дѣтскаго труда, ночной работы и т. п. Этимъ почтительнымъ отношеніемъ къ интересамъ капиталистовъ уменьшается агитаціонное воздѣйствіе на рабочихъ. Мы не можемъ послѣдовательно доказывать имъ, что ихъ выгода въ точности совпадаютъ съ интересами эксплуататоровъ. Такимъ образомъ и въ законодательной охранѣ труда попытки оппортюнизма обойти классовыя противорѣчія, чтобы достигнуть соглашенія, ни къ чему не приводитъ кромѣ ослабленія политической дѣятельности пролетаріата. Вся выгода отъ затушевыванія классовыхъ противорѣчій неизбѣжно достается капиталу. Онъ господствуетъ, а вся задача господствующаго класса заключается лишь въ остаиваніи существующаго положенія, отъ смягченія классовой борьбы, другими словами — отъ ослабленія оппозиціи его господству, онъ можетъ, слѣдовательно, только выиграть. Отсюда его жажда „соціальнаго мыра“

Профессіональные союзы! Въ то время, какъ буржуазная пресса, не исключая органовъ крупной буржуазіи, признаетъ профессіоннальные союзы организаціями, стоящими на почвѣ существующаго общественнаго порядка и защищающими опредѣленные интересы не касаясь основъ капитализма, — оппортюнизмъ утверждаетъ, что развитіе профессіональныхъ союзовъ ведетъ къ уничтоженію класса капиталистовъ и къ постепенному устраненію капиталистической частной собственности. Оригинальностью это утвержденіе не отличается. Это старыя рѣчи, которыя капиталистъ охотно повторяетъ при скачкахъ, чтобы возбудить общественное мнѣніе противъ рабочихъ: профессіональный союзъ хочетъ занять его мѣсто, хочетъ быть „хозяиномъ въ домѣ“! Оба взгляда заключаютъ

въ себѣ преувеличенія. Профессіональные союзы не такъ ужъ невинны, какъ изображаетъ ихъ буржуазная пресса, они — боевыя организаціи пролетаріата, направленныя противъ капиталистической эксплуатаціи. Но съ другой стороны эти боевыя организаціи, сами по себѣ рѣшительно не въ состояніи измѣнить экономическую структуру капиталистическаго общества, ихъ дѣятельность представляетъ наоборотъ только новое доказательство необходимости тѣхъ политическихъ и экономическихъ измѣненій, которыя будутъ введены диктатурой пролетаріата. Связь между профессіональнымъ движеніемъ и законодательствомъ по охранѣ труда теперь никѣмъ не оспаривается, а мы только что показали какимъ образомъ оппортюнизмъ мѣшаетъ развитію этого законодательства. Но оппортюнистская точка зрѣнія можетъ и вообще оказывать лишь вредное вліяніе на профессіональное движеніе. Въ своей борьбѣ профессіональные союзы должны считаться съ состояніемъ промышленности, съ конкурренціей и другими капиталистическими отношеніями, потому что все это оказываетъ сильное вліяніе на исходъ борьбы, но при благопріятныхъ для рабочихъ обстоятельствахъ союзы вступаютъ въ борьбу съ капиталомъ, хотя бы отъ этого, благодаря конкурренціи страдало само промышленное развитіе. Чѣмъ крупнѣе и продолжительнѣе стачка, тѣмъ больше — за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда стачка вызвана самими предпринимателями — вредъ, который она наноситъ промышленности, тѣмъ труднѣе послѣдней оправиться отъ ея послѣдствій. Но на всѣ подобные доводы профессіональные союзы отвѣчаютъ предпринимателямъ: „мы хотимъ условій, при которыхъ можно было бы жить по человѣчески“, „living wage“, какъ говорятъ англичане. Другими словами: „Кладя въ основу капиталистическіе интересы, намъ никогда не выйти изъ нищеты; мы противопоставляемъ свои человѣческіе интересы интересамъ накопленія капитала, конкурренціи и пр.; если капиталистическое общество не можетъ удовлетворять нашихъ требованій, то долой такое общество.“ Товаръ — рабочая сила возвышаетъ свой человѣческій голосъ, протестующій противъ этой экономической метаморфозы человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ всего экономическаго строя, необходимый элементъ котораго — человѣкъ-товаръ. Но оппортюнизмъ и здѣсь также прежде всего заботится о снисходительномъ отношеніи къ недостаткамъ капитализма. Онъ ревниво блюдетъ интересы промышленности и потому легокъ на поминѣ, когда надо въ интересахъ промышленнаго развитія помѣшать стачкѣ, или осудить дѣйствіе профессіональнаго союза. Напомню только отношеніе Бернштейна къ колоссальной стачкѣ англійскихъ машиностроительныхъ рабочихъ. Оппортюнизмъ и здѣсь какъ и всюду старается примирять, соглашать, объединять и поэтому придаетъ такой большой вѣсъ всѣмъ

учрежденіямъ, служащимъ для соглашеній между хозяевами съ рабочими. Сдерживая и притупляя такимъ образомъ, сверхъ всякой надобности профессіональную борьбу, онъ воображаетъ, что этимъ устраняется капитализмъ.

Черезъ всѣ проявленія оппортюнизма красной нитью проходитъ одна и та же особенность: отбросивъ практически всякую мысль о возможности диктатуры пролетаріата съ цѣлью соціальной революціи, онъ предполаетъ существованіе капиталистическаго способа производства длящимся безпредѣльно. Отсюда его полнѣйшая безпомощность всякій разъ, когда требованіе рабочихъ сталкивается съ препятствіями, вытекающими изъ эксплуататорскаго характера капиталистическаго производства, т. е. изъ его первородной сущности. Потому-то „реальная политика“ оппортюниста есть ничто иное какъ постоянное стремленіе тормозить и сдерживать классовую борьбу пролетаріата во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Но кто стоитъ на почвѣ капиталистическаго способа производства, тотъ долженъ взять въ придачу и *капиталистическое государство*. Оппортюнизмъ, такъ и поступаетъ. И такъ же точно какъ свою капитуляцію передъ капиталистическимъ способомъ производства онъ маскируетъ теоретическимъ стираніемъ границъ между капитализмомъ и соціализмомъ, такъ и свое подчиненіе капиталистическому государству онъ прикрываетъ ссылками на неустанную демократизацію государства. Бѣда лишь въ томъ, что демократическая форма ничуть не устраняетъ классового характера государства. И этотъ фактъ даетъ себя чувствовать оппортюнистамъ на каждомъ шагу. Съуживаая все больше и больше свою рабочую политику, оппортюнизмъ въ то же время видитъ себя вынужденнымъ вести капиталистическую государственную политику.

Какъ можетъ, напримѣръ, оппортюнистъ вести принципіальную борьбу противъ *колоніальной политики*, слишкомъ хорошо зная, — изучалъ же онъ Маркса — что капиталистическое государство *должно* вести колоніальную политику, если не хочетъ рушиться подъ бременемъ перепроизводства? Поэтому онъ ограничиваетъ свою критику лишь внѣшими проявленіями и сохраняетъ оппозиціонное положеніе въ этомъ вопросѣ исключительно по милости колоніальныхъ бандитовъ и разныхъ негодяевъ, заботящихся о заполненіи газетной рубрики „колоніальныхъ ужасовъ“ А впрочемъ — почему бы Германіи не завладѣть Кіао-Чоу? Неужели все должно достаться русскимъ или англичанамъ? Развѣ „мы“ не должны получить свою долю? Кто занялся такими соображеніями, тотъ скоро пропоетъ всю колоніальную литанію, и если все же будетъ продолжать протестовать противъ единичныхъ ужасовъ, то на общую картину этой политики крови и желѣза скоро научится закрывать глаза. Вѣдь что такое эта колоніальная политика? Стремленіе насильно навязать капи-

талистическую эксплуатацію народамъ, живущимъ въ примитивныхъ условіяхъ и душою и тѣломъ протестующимъ противъ ярма капитализма, подъ которое ихъ стараются подвести. А усмиреніе строптивыхъ скорѣе достигается пулями и кнутомъ, чѣмъ парламентскими рѣчами.

Но если относительно колоніальной политики еще остается нѣкоторая возможность выбора, то *милитаризмъ* не оставляетъ никакого. Лишите современное капиталистическое промышленное государство его арміи — и оно перестанетъ существовать. Народная милиція? На нее капиталисты никогда не согласятся. Причина этому только одна, но совершенно достаточная для устраненія всей оппортюнисткой маниловщины относительно демократизаціи и гармоніи, — а именно та, что капиталу армія нужна противъ внутренняго врага, и ея превращеніе въ народную милицію требуетъ предварительнаго завоеванія политической власти пролетаріатомъ. На это нашъ „реальный политикъ“ не разсчитываетъ и ему остается только примириться съ постояннымъ войскомъ и вотировать военный бюджетъ. Сдѣлать неизбѣжный выводъ изъ своей точки зрѣнія у него, правда, мало охоты. Онъ дѣлаетъ различія. Соглашаясь вотировать за ассигновку денегъ на перевооруженіе арміи, онъ противъ расходовъ на усиленіе ея численности. Неустойчивое это различіе. Въ современной войнѣ рѣшаетъ дѣло не одно оружіе, но и численность. Разъ ставъ на точку зрѣнія военной цѣлесообразности, придется убѣдиться, что небольшая, хотя бы и прекрасно вооруженная армія точно такъ же рискуетъ быть побитой, какъ и плохо вооруженная — большая. Вотировавъ оружіе для солдатъ, надо же быть послѣдовательнымъ и согласиться, что для оружія нужны солдаты.

А кто соглашается на милитаризмъ, долженъ согласиться и на *налоги*.

Такимъ образомъ оппортюнизмъ обрываетъ не только съ рабочей политикой, онъ не можетъ удержаться на демократической и ведетъ къ полнѣйшему сліянію съ капиталистической государственной политикой. И это понятно. Крестьянинъ и ремесленникъ стоятъ въ оппозиціи къ капитализму съ точки зрѣнія опредѣленныхъ, раззоряемыхъ имъ формъ производства. Будущность самаго капитализма до нихъ не касается. Въ иномъ положеніи пролетаріатъ. Онъ борется не за прошлое, а за будущее. Онъ можетъ нападать на капитализмъ лишь съ точки зрѣнія *соціальной-революціи*. Если бы онъ отбросилъ эту точку зрѣнія, ему не осталось бы ничего, кромѣ покорнаго приспособленія къ существующему капиталистическому общественному строю, — защищать подобно ремесленнику остатки погибшаго общественнаго строя онъ не можетъ. Для него нѣтъ средняго пути. Пролетаріатъ можетъ быть только *могильщикомъ* капитала или же его *под-*

данныхъ. Но послѣ ста лѣтъ соціально-революціонной борьбы немыслимо, чтобы пролетаріатъ добровольно отдался въ крѣпостную зависимость капиталу. Заключеніе для оппортюнизма отсюда вытекаетъ само собою.

Оппортюнизмъ означаетъ ослабленіе политической энергіи въ всѣхъ областяхъ, общее отступленіе, смуту и безпомощность. Онъ самъ бросается въ этомъ направленіи дальше даже того къ чему вынуждаетъ его отреченіе отъ соціально-ревозюціонной точки зрѣнія. Это ярко обнаружилось въ вопросѣ о таможенномъ тарифѣ. Тутъ въ послѣдніе годы мы могли наблюдать не одно только затемнѣніе соціально-революціонной точки зрѣнія капиталистическимъ вліяніемъ; протекціонистическія вожделѣнія противны интересамъ самаго капиталистическаго развитія Германіи и тѣмъ не менѣе поднятый ими крикъ нашелъ откликъ въ соціаль-демократической литературѣ.

Оппортюнизмъ въ соціаль-демократіи есть ничто иное какъ *національ-либерализмъ*, приспособляющійся къ особеннымъ условіямъ парламентской рабочей партіи.

О еврейскомъ рабочемъ движеніи въ Россіи.

Изъ громадныхъ успѣховъ рабочаго движенія въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе едва ли не самые большіе и самые устойчивые выпали на долю еврейскаго пролетаріата. Если вся Россія при переходѣ въ XX вѣкъ приподнесла всемірному соціализму дорогой подарокъ въ лицѣ ея молодого начинающаго сознавать свои классовые интересы и свое историческое призваніе пролетаріата, то въ еврейскомъ населеніи Россіи самое возникновеніе рабочей массы является продуктомъ лишь послѣдней половины минувшаго вѣка, и уже на склонѣ этого вѣка эта рабочая масса выходитъ на историческую арену сознательно борющейся за идеалы лучшихъ представителей современнаго пролетаріата. Всего какихъ-нибудь десять лѣтъ отдѣляетъ эту самоотверженную, жаждущую знанія и борьбы массу отъ той до ужаса выносливой, трусливой и фанатичной еврейской массы, которая была изолирована китайской стѣной мракобѣсія отъ европейской цивилизаціи и давно уже успѣла помириться съ своимъ безправнымъ положеніемъ. Едва ли гдѣ-нибудь въ мірѣ суждено было рабочему движенію сыграть въ такое короткое время такую огромную культурно-воспитательную роль; едва ли гдѣ-нибудь въ мірѣ массовое рабочее движеніе началось такъ рано, чуть ли не съ перваго момента возникновенія пролетаріата, когда старыя формы экономической жизни не были еще вполнѣ вытѣснены новыми; и едва ли гдѣ-нибудь въ мірѣ рабочее движеніе такъ скоро выросло изъ своей стихійной формы и такъ скоро получило сознательный революціонный характеръ. Конечно, не какимъ-нибудь чудомъ развивалось еврейское рабочее движеніе въ Россіи, и не на счетъ историческаго чуда мы поставимъ его необычайно быстрые успѣхи въ средѣ, повидимому, очень неблагопріятной. При внимательномъ разсмотрѣніи условій той среды, о которой здѣсь идетъ рѣчь, мы увидимъ, что рядомъ съ неблагопріятными моментами для возникновенія рабочаго движенія существуютъ тамъ другіе моменты, благопріятные для того, чтобы направить разъ возникшее рабочее движеніе въ русло революціонной политической борьбы.

Характерно для русско-еврейскаго рабочаго движенія то обстоятельство, что оно началось не въ средѣ настоящаго фабричнаго пролетаріата, а среди подмастерьевъ, и теперь еще представляетъ главнымъ образомъ движеніе подмастерьевъ, защищающихъ свои интересы отъ эксплоатаціи хозяина-мастера, — равно какъ характерна чрезвычайно быстрая смѣна формъ производства въ еврейскомъ населеніи Россіи. Еще сравнительно недавно, около полвѣка тому назадъ о еврейской *рабочей массѣ* въ Россіи не могло быть и рѣчи. Жившая искони вѣковъ въ тискахъ исключительныхъ запретовъ, не имѣвшая возможности заниматься земледѣліемъ, не принятая ни въ какіе ремесленные и гильдейскіе цехи, еврейская масса не имѣла возможности заниматься какимъ-нибудь производительнымъ трудомъ, а должна была пріютиться въ томъ уголкѣ экономической жизни, который труднѣе загородить разными запретами, — въ торговомъ посредничествѣ. И въ этомъ еврейскомъ посредничествѣ существовали конечно

разныя ступени, и огромному большинству еврейской массы приходилось занимать нижнюю ступень, гдѣ голодъ и нужда, эти необходимые спутники всякаго низа, представлены были въ достаточной степени. Но какъ посредникъ, и притомъ какъ посредникъ нерегламентированный и ограниченный опредѣленнымъ райономъ и опредѣленнымъ кругомъ занятій, еврей жилъ какъ бы въ порахъ общей экономической жизни, между классами христіанскаго населенія страны, и потому не имѣлъ ни общихъ классовыхъ инстинктовъ ни той или другой классовой солидарности.

Лишь около середины прошлаго столѣтія еврейская масса начинаетъ покидать мелкое посредничество, которое общимъ развитіемъ экономической жизни страны вытѣсняется, какъ нѣчто лишнее. Какъ городское населеніе, лишенное права селиться въ деревняхъ, еврейская масса должна была прибѣгнуть къ ремесленному труду, который къ тому времени въ районѣ еврейской осѣдлости началъ развиваться съ развитіемъ денежнаго хозяйства. Этотъ процессъ перехода мелкихъ посредниковъ въ самостоятельныхъ ремесленниковъ и несамостоятельныхъ подмастерьевъ, процессъ далеко еще незавершенный и длящійся еще по настоящее время, знаменуетъ выходъ еврейской массы изъ своего специфически еврейскаго какъ бы внѣклассоваго или междуклассоваго положенія. Ставши ремесленникомъ, еврей, какъ трудящійся производитель, примкнулъ къ великой семьѣ трудящихся. Съ другой стороны, произошелъ довольно крупный переворотъ и на высшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы еврейскаго посредничества. При развитіи денежнаго хозяйства и при зачаткахъ капитализма еврейскіе крупные посредники превратились въ крупныхъ купцовъ, крупныхъ фабрикантовъ, крупныхъ банкировъ, — словомъ примкнули къ зародившейся въ Россіи крупной буржуазіи. Такимъ образомъ, дотолѣ единый и солидарный еврейскій народъ — посредникъ распался на два класса съ тѣмъ же антагонизмомъ интересовъ, который господствуетъ въ соотвѣтствующихъ классахъ христіанскаго населенія Россіи.

Но и въ ремесленномъ трудѣ не надолго пріобрѣлъ себя покой разорившійся еврей — мелкій посредникъ. Быстро развившееся капиталистическое производство въ Польшѣ поставило также ремесленника въ зависимость отъ владѣльцевъ магазиновъ и фабрикантовъ. Это не могло не отозваться и на сосѣднихъ литовскомъ и бѣлорусскомъ районахъ, и вслѣдствіе этого тамъ, такъ же какъ въ Польшѣ, ремесло, работающее на заказъ потребителей, начало уступать мѣсто ремеслу, работающему на магазины и для базара. Образуется также значительный контингентъ еврейскихъ фабричныхъ рабочихъ.

Мелкое и крупное ремесло въ процессѣ разоренія представляетъ собою ту среду, въ которую первые русско-еврейскіе соціаль-демократы въ концѣ 80-хъ годовъ несли соціалистическую пропаганду. Скоро эта пропаганда, имѣвшая кружковой характеръ, уступила мѣсто массовой агитаціи на почвѣ отстаиванія рабочими своихъ повседневныхъ интересовъ, что повело къ ряду стачекъ, которыя большей частью кончались побѣдой рабочихъ. Невыносимыя условія труда въ мелкомъ и крупномъ производствѣ, находящемся въ періодѣ разоренія, держались главнымъ образомъ благодаря чрезвычайно низкой степени культурныхъ потребностей у еврейскихъ рабочихъ. Съ ростомъ же культурныхъ потребностей рабочихъ, вслѣдствіе поднятія ихъ общаго культурнаго уровня соціалистической агитаціей, эти невыносимыя условія труда не могли сохраниться на долгое время и должны были нѣсколько улучшиться при напорѣ солидарности рабочихъ. Эти побѣды внушили рабочимъ много вѣры въ силу коллективнаго акта и способствовали развитію въ нихъ той солидарности, которая естественно проявляется только у фабричнаго пролетаріата. Успѣхи экономической

борьбы и подготовленная ею почва для политической агитаціи дали дѣйствующимъ среди еврейскихъ рабочихъ соціаль-демократамъ путеводную нить, которая, какъ имъ казалось должна служить руководствомъ не только для ихъ дѣятельности, но и для соціаль-демократической дѣятельности въ Россіи вообще.

Тутъ мы находимся у источника тѣхъ оппортюнистическихъ теченій въ русской соціаль-демократіи, которыя впослѣдствіи приняли абсурдно одностороннюю форму такъ называемаго экономизма. Эта роковая ошибка еврейскихъ соціаль-демократовъ, поторопившихся обобщить факты, имѣющіе характерныя особенности, и возвести въ теорію то, что на практикѣ совершалось подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій, эта роковая ошибка, въ связи со скептически пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всякаго рода „разсужденіямъ", породила то преклоненіе передъ стихійными формами рабочаго движенія, которое надолго задержало ростъ политическаго сознанія русскаго рабочаго и отъ котораго наше движеніе не совсѣмъ еще освободилось и попынѣ. Систематическій планъ агитаціи, начерченный въ извѣстной брошюрѣ „Объ агитаціи", вполнѣ подходилъ для *еврейской* рабочей массы. Ошибка автора этой брошюры и его послѣдователей состояла въ томъ, что они, не вдумавшись въ коренныя причины успѣховъ ихъ тактики, пытались обосновать ее общими индивидуально-психологическими соображеніями, чѣмъ и придали ей общеобязательный характеръ.

Передъ первыми еврейскими соціаль-демократическими пропагандистами стояла задача: вызвать революціонное настроеніе въ еврейскихъ рабочихъ и двинуть эту вѣками привыкшую къ своему безправію массу на политическую борьбу. Первая часть этой задачи была сравнительно легко выполнимой, вторая же часть должна была встрѣтить значительныя препятствія. Долголѣтнія специфическія страданія евреевъ и постоянное враждебное отношеніе къ нимъ самодержавнаго правительства не могли создать въ еврейской массѣ почву для вѣрноподданическихъ традицій. Самая трудная подготовительная работа русскаго политическаго агитатора, работа надъ разрушеніемъ вкоренившейся вслѣдствіе историческихъ условій вѣры темной русской массы въ богопомазаннаго царя-батюшку, эта работа для еврейской рабочей массы уже была сдѣлана исторіей ихъ исключительнаго безправія. Но съ другой стороны, еврейская рабочая масса не занимала еще того опредѣленнаго классоваго положенія пролетаріата, которое бы могло ей внушить инстинктивное *классовое* сознаніе. Этими двумя моментами — однимъ благопріятнымъ, враждебными чувствами еврейской массы къ русскому правительству, и другимъ, неблагопріятнымъ, отсутствіемъ пролетарски — классоваго настроенія въ этой массѣ — объясняется вся дальнѣйшая тактика вожаковъ еврейскаго рабочаго движенія, тактика, выбранная ими безсознательно, по вѣрному практическому чутью, и оправдавшаяся послѣдовавшимъ развитіемъ еврейскаго рабочаго движенія.

Поставленные самодержавнымъ правительствомъ въ исключительное безправное положеніе, евреи и сами привыкли смотрѣть на себя, какъ на *инородцевъ*, какъ на *чужихъ пришельцевъ*, которые могутъ быть только *терпимы чужимъ* правительствомъ. Это чужое правительство они иногда любятъ, когда оно проявляетъ по отношенію къ нимъ нѣкоторую терпимость и даетъ имъ возможность болѣе или менѣе сноснаго существованія; они его ненавидятъ, когда оно является жестоко нетерпимымъ по отношенію къ нимъ, и натравливаетъ на нихъ враждебно относящуюся къ нимъ, благодаря своему невѣжеству, христіанскую массу и обставляетъ ихъ жизнь такими ограниченіями, при которыхъ существованіе становится не-

выносимымъ. Къ правительству Александра III, правительству еврейскихъ погромовъ и еврейскихъ временныхъ правилъ, еврейская масса относилась враждебно; — такую же вражду евреи чувствуютъ и къ нынѣшнему продолжающему антисемитскую политику правительству. Къ этому еще присоединяется общее политически оппозиціонное настроеніе еврейской массы, питающейся надеждами на конституцію и на большую терпимость, и пожалуй и полное равноправіе, въ конституціонномъ государствѣ. Но не смотря на это общее политически оппозиціонное настроеніе, усугубленное еще явно враждебнымъ отношеніемъ къ болѣе реакціонному правительству, евреи никогда не проявляли этого настроенія въ какой-либо формѣ активной борьбы или открытаго протеста. И вотъ это пассивное оппозиціонное настроеніе нужно было превратить въ стимулъ активной борьбы противъ самодержавія, а для этого необходимо было вызвать въ русскихъ евреяхъ *гражданское* самосознаніе, приучить ихъ смотрѣть на себя, не какъ на чужаковъ, а какъ на полноправныхъ жителей страны, и на русское правительство, какъ на враждебное имъ по вмѣстѣ съ тѣмъ свое правительство.

Но, конечно, не вновь образовавшаяся еврейская крупная буржуазія способна была проявить политическую активность и выступить на борьбу съ правительствомъ за политическую свободу. Она хотя и недовольна своимъ стѣсненнымъ положеніемъ въ конкурренціи съ христіанскими купцами и фабрикантами, равно какъ и господствующимъ въ правительственныхъ сферахъ антисемитизмомъ, загораждающимъ ей доступъ въ высшее общество, но она пытается уменьшать эти трудности лишнимъ рублемъ и ждетъ окончательнаго своего спасенія отъ чиновничьяго либерализма, отъ возврата счастливыхъ временъ царствованія Александра II, когда права еврейской буржуазіи расширялись, по мѣрѣ развитія капитализма въ Россіи. Такъ же мало способна къ политической борьбѣ отживающая масса еврейскихъ мелкихъ посредниковъ, которая, какъ по существу своему реакціонная масса, вздыхаетъ о томъ добромъ старомъ времени, когда денежное хозяйство не было еще столь развито и экономическія отношенія носили еще патріархальный характеръ, и когда мелкое посредничество являлось необходимымъ звеномъ между производителемъ и базаромъ или крупнымъ предпринимателемъ. Только рабочая масса, вышедшая уже давно изъ специфически еврейскихъ экономическихъ условій, угнетаемая эксплоатаціей мелкихъ и крупныхъ предпринимателей, имѣетъ въ себѣ тотъ источникъ живой силы, который необходимъ для превращенія вѣками накопившейся вражды въ стимулъ активной политической борьбы.

И обращаясь къ этой рабочей массѣ съ проповѣдью политической свободы и соціализма, первые еврейскіе соціаль-демократы нашли вполнѣ подготовленную почву для пониманія идей политической свободы и очень мало благопріятную среду для воспріятія идей соціализма. Еврейская рабочая масса, еще не успѣвшая сформироваться въ классъ пролетаріевъ, была исторически воспитана на всеспасительной идеѣ свободы конкурренціи. Еще сравнительно недавно ея старшее поколѣніе съ болью въ сердцѣ бросило самостоятельное посредничество, оказавшееся ему не по плечу вслѣдствіе ограниченія закономъ еврейской конкурренціи. Почти всѣ ограничительные законы о евреяхъ, дѣлающіе имъ существованіе невыносимо труднымъ, направлены на ограниченіе конкурренціи евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ; и не удивительно поэтому, что еврейская масса привыкла видѣть въ ограниченіи еврейской конкурренціи источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій и смотрѣть на широкую свободу конкурренцію какъ на панацею отъ всѣхъ золъ. Такимъ образомъ, первая пропаганда въ еврейской массѣ быстро привилась одной своей стороной, идеей политической свободы, и медленно проникала въ массу другой своей стороной, соціализмомъ.

Необходимо было бороться противъ, вѣками безправнаго положенія вкоренившейся, политической пассивности и противъ, историческими условіями выработавшагося, буржуазнаго предразсудка о всеспасительномъ дѣйствіи свободы конкурренціи. И еврейскіе соціаль-демократы въ самой жизни нашли могучее оружіе, которымъ они успѣшно раздѣлались и съ тѣмъ и съ другимъ.

Присущая еврею экономическая активность, въ связи съ тѣми невозможными условіями труда, которыя обыкновенно господствуютъ въ быстро капитализирующемся ремеслѣ, подсказала еврейскимъ соціаль-демократамъ тотъ вѣрный путь массовой агитаціи, на который они вступили, когда первыя попытки вовлечь массы въ политическую борьбу путемъ кружковой пропаганды оказались тщетными. Началась агитація во имя солидарности интересовъ рабочаго класса, на почвѣ повседневныхъ нуждъ рабочаго, агитація, призывавшая массы къ борьбѣ съ хозяевами, мелкими и крупными предпринимателями, за улучшеніе условій труда. И вскорѣ появились плоды этой агитаціи, въ видѣ мелкихъ и крупныхъ стачекъ, въ которыхъ большей частью побѣда оставалась за рабочими. Эту школу стачекъ долженъ былъ пройти еврейскій рабочій, чтобы разъ на всегда перестать видѣть въ ограниченіи свободы конкурренціи источникъ *всѣхъ* своихъ бѣдствій и чтобы стать воспріимчивѣе къ идеямъ соціализма. Съ другой стороны, экономическая борьба, ведшаяся постоянно коллективно, заставляла еврейскаго рабочаго цѣнить силу коллективныхъ дѣйствій вообще и освободила его отъ той политической пассивности, въ которой онъ прозябалъ, вопреки своему политически оппозиціонному настроенію. Въ этой борьбѣ за мелкія улучшенія условій труда еврейскій рабочій научился также понимать солидарность своихъ интересовъ съ интересами христіанскихъ рабочихъ, равно какъ и прямую связь между интересами рабочихъ и борьбой за политическую свободу.

Такимъ образомъ, успѣхъ, которымъ увѣнчалась агитація за экономическую борьбу, устранилъ главныя препятствія, мѣшавшія идеямъ соціализма и призыву къ политической борьбѣ проникнуть въ массу. Агитація за экономическую борьбу, долженствовавшая по извѣстной схемѣ быть первой стадіей соціалистической агитаціи, въ дѣйствительности сыграла для *еврейской рабочей массы* роль заключительнаго аккорда всей соціалистической агитаціи, такъ какъ желаніе политической свободы и враждебное настроеніе къ самодержавному правительству существовали въ этой массѣ и до появленія соціаль-демократовъ. Недоставало стимула активной борьбы, недоставало пониманія главнаго источника тяжелаго экономическаго положенія, недоставало убѣжденія въ томъ, что не одни еврейскіе рабочіе заинтересованы въ политической свободѣ, и что еврейскіе рабочіе въ политической борьбѣ, какъ и въ экономической борьбѣ, встрѣтятся съ русскими рабочими, какъ со своими союзниками, недоставало, однимъ словомъ, всесторонняго *пролетарски классоваго* сознанія. И поэтому призывъ къ экономической борьбѣ, сопровождавшійся объясненіемъ солидарности интересовъ всѣхъ рабочихъ и необходимости политической свободы для борющагося за улучшеніе условій труда пролетаріата, восполнилъ именно тотъ пробѣлъ въ сознаніи еврейской рабочей массы, которымъ оно отличалось отъ *классоваго сознанія борющагося пролетаріата*.

Но еврейскіе соціаль-демократическіе агитаторы, обнаружившіе такую удивительную умѣлость при практическомъ проведеніи подсказанной имъ жизнью тактики и блестяще выполнившіе такимъ образомъ поставленную имъ исторіей задачу: двинуть рабочую массу на борьбу съ самодержавіемъ, оказались, къ сожалѣнію, очень несостоятельными теоретиками, когда они возымѣли желаніе обобщить совершающійся вокругъ нихъ процессъ рево-

люціонизированія массы. Возникшая на почвѣ этого неудачнаго обобщенія *теорія стадій* была выставлена какъ высшая мудрость „практики“ и рекомендовалась какъ правило агитаціоннаго искусства для всей Россіи. *Содержаніе* агитаціи, которое, по настоящему, должно диктоваться программой партіи и существующими классовыми соотношеніями въ государствѣ, ставилось въ исключительную зависимость отъ той или другой ступени культурнаго развитія массы. Замѣчено было, что, благодаря развившемуся стачечному движенію, еврейская рабочая масса значительно подвинулась въ своемъ культурномъ развитіи и оказалась, вслѣдствіе этого, болѣе воспріимчивой къ идеямъ соціализма и болѣе способной къ активной политической борьбѣ; и практикамъ-агитаторамъ показалось чрезвычайно простымъ взять культурное развитіе массы какъ масштабъ для постепеннаго расширенія содержанія агитаціи, при чемъ нисколько не церемонились съ суживаніемъ этого содержанія агитаціи для *низшихъ ступеней* культурнаго развитія до того, что въ ней не оставалось ничего соціаль-демократическаго. И такъ какъ по этой схемѣ, ставшей въ скоромъ времени общеобязательной для всей Россіи, *самому низкому культурному уровню* массы должна соотвѣтствовать *чисто экономическая агитація*, и такъ какъ естественнѣе всего считать русскихъ рабочихъ стоящими на *самомъ низкомъ культурномъ уровнѣ*, то эта *теорія стадій* въ рукахъ ея русскихъ приверженцевъ превратилась въ *теорію чисто экономической агитаціи*, теорію „Рабочей Мысли“, извѣстную подъ именемъ „экономизмъ“.

У источника этой теоріи, въ районѣ дѣйствій еврейскихъ соціаль-демократовъ, эта неудачная попытка возведенія совершающагося въ сферѣ особыхъ условій процесса въ принципъ не привела однако къ тому оппортюнизму и тому урѣзыванію частей политической программы, къ которому она по всѣмъ видимостямъ должна была привести и дѣйствительно привела въ Петербургѣ и другихъ городахъ. На мѣстѣ своего возникновенія эта теорія не примѣнялась въ такой строгости. Политическая агитація велась тамъ съ того момента, какъ соціаль-демократы нашли доступъ къ массѣ.*) Ревнители названной теоріи объясняли успѣхи своей политической агитаціи якобы поднявшимся культурнымъ уровнемъ массы и не видѣли основной причины этихъ успѣховъ, коренящейся въ томъ враждебномъ отношеніи еврейской массы къ самодержавному правительству,

*) Впрочемъ въ нѣкоторыхъ городахъ наиболѣе послѣдовательные приверженцы теоріи стадій сумѣли такж, вопреки требованіямъ жизни, *воздержаться* долгое время отъ политической агитаціи, о чемъ мы узнаемъ изъ отчета о 4-омъ съѣздѣ представителей „Бунда“, на которомъ произошло наконецъ полное отреченіе отъ теоріи стадій: „Не было ни одного голоса на съѣздѣ противъ того, что въ настоящее время необходимо перейти къ болѣе интенсивной политической агитаціи. Старые тезисы о необходимости переходныхъ стадій или ступеней, сначала *чисто экономической* борьбы безъ тѣни *политической*, а потомъ и политической, начиная малыми дозами и кончая крупными, были отвергнуты. Придерживаясь этого тезиса, нѣкоторые комитеты, какъ было указано, слишкомъ долго ограничивались веденіемъ одной экономической борьбы, и въ то время, когда они въ избранныхъ кругахъ рабочихъ вели широкую политическую пропаганду, они массу почему-то считали мало подготовленной для воспріятія политическихъ идей. Практика показала ошибочность подобныхъ взглядовъ. Политическій гнетъ самъ по себѣ такъ бьетъ въ глаза, что рабочій не нуждается ни въ какихъ стадіяхъ для уразумѣнія его. (Четвертый съѣздъ Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи, стр. 8.)

которое было выработано вѣками исключительнаго гнета и безправія. Но какъ бы то ни было, отъ того или другого неправильнаго объясненія само дѣло политической агитаціи мало страдало. Другое дѣло среди русскихъ рабочихъ. Тамъ приверженцы теоріи стадій имѣли передъ собой массу, видящую въ царѣ-батюшкѣ защитника всѣхъ обездоленныхъ; и, ведя въ этой массѣ — къ тому еще фабричной, гдѣ труднѣе разсчитывать на быстрые осязательные результаты стачечнаго движенія — исключительно экономическую агитацію, они дѣйствительно оставляли рабочую массу на долгое время безъ всякаго политическаго воспитанія. Тамъ экономическая борьба не могла сыграть той роли, какую она сыграла въ еврейской рабочей массѣ, въ которой, какъ мы видѣли, уже существовали политически оппозиціонное настроеніе и вражда къ русскому правительству. И потому педантичные послѣдователи тактики еврейскихъ соціаль-демократовъ топтались на одномъ мѣстѣ, великодушно предоставляя *стихійному процессу* совершить то политическое воспитаніе массы, отъ котораго они считали своимъ долгомъ строго воздержаться.

Однако было бы несправедливо сдѣлать еврейскихъ соціаль-демократовъ отвѣтственными за тѣ результаты, къ которымъ привела созданная ими теорія въ русскихъ городахъ. Какъ ни скоропалительны и неосновательны были ихъ обобщенія, они все-таки никогда не доходили до тѣхъ абсурдовъ, которыми бравировали „экономисты“. Къ тому жъ надо помнить, что неосновательность въ теоретическихъ построеніяхъ составляетъ часто удѣлъ практиковъ-агитаторовъ; а ошибки, вытекающія изъ этой неосновательности, не только обычны и вполнѣ простительны, но и не такъ опасны, такъ какъ онѣ обыкновенно исправляются дальнѣйшимъ ходомъ практической работы, какъ это и имѣло мѣсто въ еврейскомъ рабочемъ движеніи. Если же ихъ менѣе подвижные подражатели, перенявшія у нихъ одну только несчастную схему, довели ее до абсурдовъ „экономизма“, то нельзя же все это ставить въ вину родоначальникамъ этой схемы.

Переходъ отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи на почвѣ повседневныхъ нуждъ рабочаго ознаменовался еще тѣмъ, что характеръ всего движенія сталъ „болѣе еврейскимъ“. Для массовой агитаціи необходимо было прибѣгнуть къ еврейскому языку, необходимо было создать на этомъ языкѣ соціаль-демократическую литературу, и необходимо было приноравливать политическую агитацію къ специфическимъ формамъ еврейской жизни, главнымъ образомъ къ исключительному гражданскому безправію евреевъ. Не могло ускользнуть отъ чутья еврейскихъ соціаль-демократическихъ агитаторовъ, что исключительное гражданское безправіе евреевъ есть одинъ изъ удобнѣйшихъ моментовъ для вовлеченія массы въ политическую борьбу. И потому связь между самодержавнымъ режимомъ и безправіемъ евреевъ была поставлена въ центръ политической агитаціи. И эта тактика, также подсказанная самой жизнью, не замедлила принести плоды. Благодаря еврейскому языку, признанному еврейскими соціаль-демократическими группами единственнымъ языкомъ пропаганды и агитаціи,*) и благодаря тому вниманію, которое еврейскіе агитаторы печатно

*) Исключительное господство еврейскаго языка въ еврейской соціаль-демократической практикѣ оказалось, однако, не совсѣмъ цѣлесообразнымъ. И тутъ, какъ во многихъ другихъ пунктахъ дѣятельности еврейскихъ соціаль-демократовъ, подтверждается нѣмецкая пословица: Der Mensch schätzt nur das, was er überschätzt. Еврейскій языкъ является безспорно лучшимъ орудіемъ для пропаганды и агитаціи въ еврейской массѣ, но онъ оказывается очень плохимъ, или даже совершенно негоднымъ, орудіемъ

и устно удѣляли самому больному вопросу еврейской жизни, соціаль-демократическое движеніе быстро развилось въ еврейской рабочей массѣ и выдвинуло на очередь вопросъ объ образованіи еврейской соціаль-демократической организаціи. Необходимость такой, нѣсколько самостоятельной, еврейской организаціи обосновывалась, съ одной стороны, отдѣльнымъ языкомъ, никому кромѣ евреевъ непонятнымъ, съ другой стороны, необходимостью для еврейской массы подчеркивать требованіе гражданскаго равноправія евреевъ, требованіе, въ которомъ русскій пролетаріатъ непосредственно не заинтересованъ. И дѣйствительно, когда образовалась Росс. Соціальд. Рабочая Партія и образовавшійся за нѣсколько мѣсяцевъ до этого „Бундъ“ вступилъ въ нее, какъ автономная часть, *самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата*, оба упомянутые мотива принимались во вниманіе, какъ raison d'être отдѣльной еврейской соціаль-демократической организаціи съ ограниченной самостоятельностью. Обычныя въ такихъ случаяхъ опасенія, не приведетъ ли такой сепаратизмъ къ возникновенію націоналистическихъ тенденцій въ еврейской рабочей средѣ, мало кѣмъ принимались во вниманіе, такъ какъ нельзя было себѣ представить возможность такихъ тенденцій у евреевъ въ Россіи, страдающихъ, какъ извѣстно, не отъ того, что стѣсняютъ ихъ національную культуру, а оттого, что *ихъ не допускаютъ къ русской культурѣ*. Собственно національной культуры (если не считать религіи и связанныхъ съ ней нѣкоторыхъ общественныхъ порядковъ) у евреевъ нѣтъ; за то и правительство не проявляетъ по отношенію къ нимъ никакихъ руссификаторскихъ стремленій. Нѣкоторая ограниченная самостоятельность еврейской рабочей организаціи, какъ она формулирована въ Манифестѣ Росс. Соціальд. Рабочей Партіи, требовалась реальными условіями еврейской жизни и формой соціаль-демократической агитаціи въ еврейской рабочей массѣ, и конечно не такія малоосновательныя опасенія могли пошатнуть въ комъ-нибудь убѣжденіе въ необходимости такой самостоятельности. И опять таки практика жизни показала, какъ безотлагательно необходима была такая еврейская рабочая организація, ставшая въ скоромъ времени образцовой революціонной организаціей, какъ по своей внутренней дисциплинѣ, такъ и по своей многосторонней активности.

Поставивши однимъ изъ своихъ важнѣйшихъ политическихъ требованій требованіе гражданскаго равноправія евреевъ, Бундъ этимъ нисколько не окрашивалъ націоналистически своей программы. Напротивъ, этимъ требованіемъ еврейскіе рабочіе заявляли о себѣ, какъ о гражданахъ Россіи, въ противовѣсъ тому традиціонному староеврейскому воззрѣнію, по которому евреи, какъ чужіе пришельцы, могутъ претендовать только на широкое гостепріимство, воззрѣнію, представляющему самую благопріятную почву для развитія націоналистическихъ тенденцій. Какъ извѣстно, о какихъ-либо націоналистическихъ стремленіяхъ евреевъ въ Россіи никогда не было рѣчи даже въ самыхъ смѣлыхъ фантазіяхъ завзятыхъ націоналистовъ. Еврейскіе націоналисты, ревнители еврейской національной самобытности, мечтаютъ о національной независимости не въ Россіи, а въ Палестинѣ или Аргентинѣ, куда предлагается евреямъ переселиться, чтобы основать тамъ еврейское царство. Эти націоналисты мало заботятся о завоеваніи гражданскаго равноправія евреевъ въ Россіи. Считая себя

для политическаго разоблаченія. Апеллировать къ общественному мнѣнію на языкѣ, никому кромѣ еврейской массы непонятномъ, не имѣетъ конечно никакого смысла. Въ послѣднее время Бундъ, какъ видно, сознался свою ошибку и началъ отъ времени до времени издавать прокламаціи также на русскомъ и польскомъ языкахъ.

гражданами будущаго еврейскаго государства въ Палестинѣ или въ Аргентинѣ, они сами не считаютъ себя гражданами Россіи. Такимъ образомъ, подчеркиваніе гражданства русскихъ евреевъ представляетъ такой же протестъ противъ воззрѣній еврейскихъ націоналистовъ, какъ и противъ русскаго законодательства о евреяхъ.

Въ первые годы существованія Бунда ничто не подавало повода къ опасеніямъ относительно усугубленія этого организаціоннаго сепаратизма. Крѣпкая духовная и матеріальная связь еврейскаго рабочаго движенія съ общерусскимъ; признаніе Бундомъ единства программы для него и для Росс. Партіи и отсутствіе такихъ спеціально еврейскихъ политическихъ задачъ, которыя бы сдѣлали необходимой бо́льшую самостоятельность Бунда — все это повидимо являлось достаточнымъ ручательствомъ за сохраненіе Бундомъ намѣченныхъ въ манифестѣ Партіи границъ его самостоятельности.*) И дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени Бундъ въ своей литературѣ выражалъ полную солидарность съ Росс. Партіей и отрицательное отношеніе ко всякаго рода націоналистическимъ тенденціямъ въ еврействѣ. Когда на третьемъ съѣздѣ Бунда, въ январѣ 1900 года, былъ поставленъ на очередь національный вопросъ и нѣкоторые голоса высказались за замѣну требованія гражданскаго равноправія болѣе широкимъ требованіемъ національнаго равноправія, то подъ этимъ въ сущности подразумѣвалось не что иное, какъ полная свобода слова на еврейскомъ языкѣ. Ораторъ, отстаивавшій на томъ съѣздѣ внесеніе національнаго пункта въ программу Бунда, обосновывалъ свое предложеніе слѣдующимъ образомъ: „Гражданскихъ правъ недостаточно для того, чтобы еврейскій пролетаріатъ могъ защищать свои интересы. Примѣромъ тому можетъ служить Германія. Хотя въ Германіи по закону всѣ граждане пользуются равными гражданскими правами, польскій пролетаріатъ не можетъ ими пользоваться въ той мѣрѣ, въ какой ими пользуется нѣмецкій. Польскій рабочій одинаково съ нѣмецкимъ имѣетъ право устраивать собранія, но такъ какъ комиссары, обязанные присутствовать на собраніяхъ, обыкновенно не знаютъ польскаго языка, то на этихъ собраніяхъ дебаты должны въ большинствѣ случаевъ вестись на нѣмецкомъ языкѣ, т. е. фактически многіе, не умѣющіе излагать своихъ мыслей на нѣмецкомъ языкѣ или не понимающіе его, лишаются права участвовать въ собраніяхъ. Если это возможно по отношенію къ польскому пролетаріату въ Германіи, то это подавно возможно по отношенію къ еврейскому пролетаріату въ Россіи. Какую пользу, спрашивается, принесетъ еврейскому рабочему свобода собраній, если на этихъ собраніяхъ должны будутъ говорить по русски, т. е. на языкѣ, непонятномъ большей части еврейскихъ рабочихъ? Свобода собраній явится для еврейскихъ рабочихъ лишь красивой фразой, если еврейскій языкъ не будетъ пользоваться тѣми же правами, что и русскій. Поэтому является необходимымъ внести поправку въ программу „Бунда“, замѣнивъ пунктъ гражданскаго равноправія болѣе широкимъ пунктомъ

*) Вѣдь нельзя же серьезно считать требованіе гражданскаго равноправія евреевъ, составляющее часть общаго демократическаго требованія: „полной равноправности всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племеннаго происхожденія“, достаточнымъ основаніемъ для выступленія съ особой политической программой. Если жгучесть этого вопроса для евреевъ требуетъ самостоятельнаго руководства агитаціей на этой почвѣ, и если специфическія условія агитаціонной работы въ сѣверозападномъ краѣ и особый, никому кромѣ евреевъ непонятный, языкъ требуютъ самостоятельной организаціи технической стороны пропаганды и агитаціи, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она нуждается въ полной автономіи.

національнаго равноправія."*) Какъ видно изъ этого обоснованія, подъ національными правами евреевъ понимали на съѣздѣ только право говорить по еврейски на собраніяхъ— требованіе, которое является совершенно излишнимъ при выставленіи широкаго требованія свободы слова. И можетъ быть именно поэтому съѣздъ отклонилъ предложеніе о внесеніи національнаго пункта въ программу и считалъ достаточнымъ выставленіе, по прежнему, требованія гражданскаго равноправія въ ряду важнѣйшихъ политическихъ требованій.

Но своимъ отклоненіемъ немедленнаго внесенія національнаго пункта въ программу третій съѣздъ Бунда, очевидно, не хотѣлъ дать окончательное рѣшеніе національнаго вопроса и поручилъ редакціи издающагося заграницей популярно научнаго журнала открыть въ немъ свободную дискуссію для обмѣна мнѣнія по этому вопросу. Эта дискуссія должна была составить матеріалъ для слѣдующаго съѣзда, на которомъ предполагалось вынести окончательную резолюцію по еврейскому національному вопросу. И дѣйствительно, на 4-омъ съѣздѣ Бунда, состоявшемся въ апрѣлѣ прошлаго года, снова разбирался „національный вопросъ въ программѣ Бунда"; на этотъ разъ члены съѣзда оказались болѣе смѣлыми и разрубили гордіевъ узелъ проведеніемъ чисто формальной и очень поверхностной аналогіи между Россіей и Австріей и добросовѣстно точнымъ скопированіемъ резолюцій съѣзда австрійскихъ соціаль-демократовъ въ Брюннѣ.

Въ конституціонной габсбургской имперіи, сшитой на живую нитку изъ разныхъ областей и народовъ, каждый изъ которыхъ на своей исторической территоріи долголѣтней борьбой упорно отстаиваетъ свою политическую самостоятельность, полвѣка національныхъ треній и національной борьбы выдвинули на очередь вполнѣ назрѣвшій вопросъ: возможно ли установить такія отношенія между различными націями, населяющими Австрію, которыя обезпечивали бы каждой изъ нихъ возможность свободно развивать свои культурныя силы и потребности? Этотъ вопросъ требовалъ отъ соціаль-демократовъ возможно болѣе конкретнаго отвѣта. И сообразуясь съ историческими судьбами австрійскихъ народовъ и той ожесточенной борьбой между ними, которая наложила свою печать навсю внутреннюю политику государства, австрійскіе соціаль-демократы признали федерацію національностей наиболѣе подходящей формой государственнаго устройства Австріи, при чемъ резолюція ихъ принимаетъ во вниманіе и интересы тѣхъ націй, которыя значительной своей частью составляютъ меньшинство населенія въ нѣкоторыхъ областяхъ. Схема эта далеко еще не совершенна и очень не разработана, но она является примирительнымъ голосомъ въ царствѣ ожесточенной вражды и взаимнаго насилія, и въ этомъ состоитъ главная заслуга брюннской резолюціи: при видѣ ожесточенной борьбы національностей, каждая изъ которыхъ живетъ своей національной культурой, борьбы, которой не предвидѣлось конца при условіяхъ политической жизни Австріи, соціаль-демократы вышеупомянутой схемой указываютъ на возможность мирнаго сожительства различныхъ націй, при которомъ ничьи интересы не страдали бы. Этимъ борьба національностей въ Австріи осуждается какъ крайне вредное явленіе, вытекающее изъ неискренности и властолюбивыхъ стремленій буржуазныхъ представителей этихъ національностей. Но перенести эту схему на централизованную самодержавную Россію и распространить эту схему на евреевъ, нигдѣ не составляющихъ компактной массы населенія и всюду находящихся въ меньшинствѣ, никогда не имѣвшихъ политической самостоятельности въ Европѣ и никогда не мечтавшихъ о такой самостоятельности, давно утратившихъ свою національную культуру и невыносимо страдающихъ отъ того, что самодержавное прави-

*) Исторія евр. раб. движенія въ Россіи и Польшѣ, стр. 88—89.

тельство не даетъ имъ доступа къ русской культурѣ, — могутъ только люди, привыкшіе къ легкимъ обобщеніямъ и очень ужъ не стѣсняющіеся аналогіями на основаніи самыхъ случайныхъ признаковъ. Въ Россіи не борьба національностей является тормазомъ для развитія политической жизни, а самодержавное правительство, преслѣдующее всякое проявленіенародной самодѣятельности и налагающее свою тяжелую лапу на покоренные народы. Въ самодержавной Россіи борьба какого-нибудь покореннаго народа за политическую независимость направлена не противъ другого народа, а противъ правительства. Въ Россіи политическія отношенія разныхъ націй другъ къ другу не только еще не выяснены, но еще ни въ чемъ не проявились, вслѣдствіе отсутствія всякой политической жизни; и поэтому въ Россіи соціаль-демократы спокойно могутъ еще обождать своей детальной декларацією по національному вопросу и довольствоваться пока принципіальнымъ заявленіемъ манифеста Партіи о признаніи за каждой націей права самоопредѣленія. Заявленіе это съ полной ясностью и опредѣленностью выражаетъ общее отношеніе соціаль-демократіи ко всѣмъ національностямъ въ Россіи, и этого пока вполнѣ достаточно. Если же оказалась бы надобность опредѣленнѣе высказаться по этому вопросу, то пришлось бы разсмотрѣть судьбы каждой націи отдѣльно. Можно ли серьезно ставить подъ одну скобку финновъ, поляковъ, малороссовъ, евреевъ и т. д., какъ то дѣлалось на послѣднемъ съѣздѣ Бунда? Не способствуетъ ли такое сопоставленіе народовъ, съ различными, ничего общаго между собою не имѣющими, историческими условіями, еще бо́льшему запутыванію вопроса? Для всякаго, свободнаго отъ присущей представителямъ Бунда страсти къ аналогіямъ, ясно, что признать за Финляндіей *только* право на ограниченное самоуправленіе, значитъ оправдать неслыханное нарушеніе международнаго права, совершенное русскимъ царемъ въ извѣстномъ манифестѣ отъ 8-го февраля; съ другой стороны, странно было бы требовать такой автономіи для малороссовъ, которые не нуждаются въ ней ни для своего матеріальнаго, ни для своего духовнаго развитія. Равнымъ образомъ болѣе, чѣмъ неосновательно, поставить поляковъ и евреевъ на одну доску въ политическомъ отношеніи. Первые составляютъ почти исключительное населеніе на территоріи, отвоеванной у нихъ русскимъ правительствомъ, не разъ проявили стремленіе къ обратному отвоеванію своей политической независимости въ геройскихъ схваткахъ съ русскимъ правительствомъ и, главное, невыносимо страдаютъ подъ гнетомъ руссификаторской политики русскаго правительства; вторые же никогда политической самостоятельности въ Европѣ не имѣли, никакой національной культурой не обладаютъ и страдаютъ не отъ руссификаціи, а отъ гражданскаго безправія. Гдѣ тутъ почва для сопоставленія? Развѣ одно только названіе народность?

Всякая нація имѣетъ право на автономію. — Евреи составляютъ націю. — Слѣдовательно, Бундъ, какъ представитель еврейскаго пролетаріата, имѣетъ право требовать автономіи для евреевъ; но въ виду несвоевременности такого требованія при нынѣшнихъ условіяхъ. Бундъ отказывается отъ своего права и удовлетворяется требованіемъ гражданскаго равноправія, — такой ходъ мыслей, сильно напоминающій грубый примѣръ софизма въ какомъ-нибудь учебникѣ логики, казался членамъ съѣзда до того убѣдительнымъ, что они поспѣшили запечатлѣть его въ резолюціи. Лихорадочно торопливые въ рѣшеніяхъ вопросовъ, представители Бунда не совсѣмъ ясно формулировали одно положеніе, допустили нѣкоторую неточность въ другомъ положеніи и, не успѣвши оглянуться, подпали подъ власть нелѣпаго вывода — резолюціи, которой они, вѣрные традиціямъ своей организаціонной дисциплины, должны повиноваться даже вопреки своимъ желаніямъ и убѣжденіямъ. Всякая нація имѣетъ право на авто-

номію; — соціаль-демократы, по нашему мнѣнію, не могутъ принять такое категорическое положеніе въ такой общей формѣ. Если соціаль-демократы оставляютъ за каждой націей право *самоопредѣленія*, т. е. право самой опредѣлить форму своей политической жизни, то этимъ признается *воля націи* верховной инстанціей для рѣшенія всѣхъ политическихъ вопросовъ, касающихся внутренней жизни націи. Конечно, не путемъ плебисцита предполагается узнать эту *народную волю;* но если воля націи, по тѣмъ или другимъ признакамъ общественной жизни, узнана, никакая другая нація, по мнѣнію соціаль-демократовъ, не имѣетъ права стѣснять эту волю. Автономія же важна для соціаль-демократовъ лишь постольку, поскольку она освобождаетъ націю отъ ея порабощеннаго состоянія. Не всякая нація нуждается въ автономіи, и не всякая нація въ состояніи пользоваться автономіей, если бы таковая ей была дана. Намъ думается, что соціаль-демократы должны принять положеніе объ автономіи націй приблизительно въ слѣдующей формѣ: Всякая нація, встрѣчающая препятствія въ матеріальномъ и духовномъ развитіи ея трудящагося класса вслѣдствіе насильственнаго стѣсненія ея національной культуры другой націей, имѣетъ право на автономію. Проще говоря, нація имѣетъ право на автономію тогда, когда ея трудящіеся классы *нуждаются* въ ней. И если бы представители Бунда присовокупили къ своему принципіальному заявленію подобныя пояснительныя оговорки, они бы не могли говорить о націяхъ Россіи вообще, а должны были бы разбирать условія жизни каждой націи въ отдѣльности и разсмотрѣть, нуждается ли она (въ лицѣ ея трудящагося класса конечно) въ автономіи и *способна* ли она жить автономно. Тогда бы они пожалуй, избѣгнули также неточности во второй посылкѣ: Евреи составляютъ націю. Націю въ какомъ смыслѣ? Для народнаго психолога, отыскивающаго національныя черты характера людей, евреи безъ сомнѣнія нація, ибо они и въ расовомъ и въ историческомъ отношеніи представляютъ особую народную индивидуальность. Но вѣдь не это насъ тутъ интересуетъ. Насъ интересуетъ тутъ понятіе націи въ политическомъ смыслѣ. А въ политическомъ смыслѣ евреи не представляютъ собою ничего національнаго. Вѣдь для опредѣленія націи въ политическомъ смыслѣ намъ важны не признаки народопсихологическіе, а тѣ признаки, которые обнаруживаютъ тенденцію къ особой политической жизни, каковы: извѣстная національная культура, извѣстныя традиціи особаго государственнаго права, извѣстные порядки обычнаго права и т. п. А такіе признаки совершенно отсутствуютъ у евреевъ. Признать евреевъ націей въ политическомъ смыслѣ могутъ только сіонисты, надѣющіеся на возрожденіе древнееврейской культуры и работающіе надъ оживленіемъ традицій политической независимости Іудеи. Наконецъ, добровольный отказъ Бунда отъ, по его мнѣнію, справедливаго требованія изъ-за несвоевременности его при нынѣшнихъ условіяхъ? Одно изъ двухъ: или это требованіе вытекаетъ изъ реальной жизни, тогда оно не можетъ быть несвоевременнымъ въ смыслѣ выставленія его въ программѣ), и Бунду, какъ соціаль-демократической партіи, нечего при этомъ считаться съ нынѣшними условіями — вѣдь при нынѣшнихъ условіяхъ самодержавія ни одно политическое требованіе соціаль-демократовъ не можетъ разсчитывать на удовлетвореніе —; или это требованіе является продуктомъ неудачнаго теоретизированія и въ реальной жизни никакихъ корней не имѣетъ, тогда невозможно признать его справедливымъ требованіемъ, тогда лучше было бы заняться раскрытіемъ ошибокъ въ тѣхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, благодаря которымъ оно выплыло. Не указываетъ ли этотъ безсмысленный добровольный *отказъ* на то, что и сами члены съѣзда смутно сознавали неразумность требованія автономіи для евреевъ въ Россіи? . . .

Въ связи съ этимъ крутымъ поворотомъ Бунда въ сторону націонализма находится измѣненіе его отношенія къ Росс. Соціаль-демокр. Рабочей Партіи. Онъ уже больше не хочетъ быть ея составной частью, автономной только въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата. Такая самостоятельность кажется представителямъ Бунда недостаточной, и они рѣшаютъ на томъ же съѣздѣ, чтобы Бундъ вошелъ съ Партіей въ федеративныя отношенія. На незаконность этого рѣшенія и вслѣдствіе этого необязательность его ни для какой стороны было уже указано въ „Искрѣ". Здѣсь же насъ интересуетъ это рѣшеніе съѣзда Бунда не съ формальной стороны, а по существу. Чѣмъ можетъ быть обосновано такое рѣшеніе? Существованіе разныхъ соціаль-демократическихъ партій въ одной странѣ можетъ быть обусловлено либо принципіальными разногласіями, либо разными политическими программами (вслѣдствіе требованія политическаго сепаратизма для націй, къ которымъ принадлежатъ данныя партіи). Примѣромъ перваго случая можетъ служить Франція, гдѣ вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій существуетъ цѣлыхъ три соціаль-демократическихъ партіи. Примѣры второго случая мы видимъ въ обособленности польской партіи (или польскихъ партій) въ Россіи и въ федеративныхъ отношеніяхъ между соціаль-демократическими партіями разныхъ народностей Австріи. Какимъ же изъ этихъ двухъ моментовъ объясняется желаніе Бунда изолироваться въ отдѣльную партію? О принципіальныхъ разногласіяхъ тутъ, очевидно, рѣчи не можетъ быть: Бундъ неоднократно заявлялъ свою полную идейную солидарность съ манифестомъ Росс. Партіи. Съ другой стороны, Бундъ, *пока*, по крайней мѣрѣ, не выставляетъ особой политической программы. Каковы бы ни были взгляды представителей Бунда на справедливость требованія автономіи для евреевъ въ Россіи, въ организаціонномъ отношеніи съ ними считаться не приходится, такъ какъ фактически Бундъ самъ отказывается выставить это требованіе теперь. Не могъ также Бундъ смотрѣть на свою задачу: подчеркивать требованіе гражданскаго равноправія евреевъ, какъ на особую политическую программу. Требованіе гражданскаго равноправія евреевъ входитъ въ общую демократическую программу партіи. И если для евреевъ чрезвычайно важно подчеркивать это свое спеціальное требованіе и бороться за него съ тѣмъ напряженіемъ силъ, съ которымъ умѣетъ бороться пролетаріатъ за самое безотлагательное право, то это оправдываетъ нѣкоторую самостоятельность еврейской организаціи въ предѣлахъ, указанныхъ манифестомъ партіи. Такъ какъ еврейскій пролетаріатъ естественно наиболѣе заинтересованъ въ уничтоженіи своего гражданскаго безправія, то еврейская революціонная организація должна самостоятельно вести борьбу противъ этого безправія и должна поэтому сохранить за собой полную самостоятельность въ дѣлахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата. Но во всей остальной дѣятельности Росс. Партіи еврейскій пролетаріатъ заинтересованъ не болѣе русскаго пролетаріата, и потому во всѣхъ вопросахъ, не касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата, притязанія Бунда на самостоятельность лишены всякаго серьезнаго основанія и являются ничѣмъ не оправдываемой нескромностью.

До послѣдняго съѣзда еврейскій вопросъ въ Россіи отождествлялся для Бунда съ вопросомъ объ исключительномъ безправномъ положеніи евреевъ. Отсюда и вытекало его прямое опредѣленное отношеніе къ націоналистическимъ теченіямъ въ еврействѣ. Теперь же, когда Бундъ коренным образомъ измѣнилъ свою точку зрѣнія на еврейскій вопросъ, у него почва подъ ногами начинаетъ колебаться и иногда не хватаетъ словъ для рѣзкаго осужденія еврейскаго націонализма. Послѣднее мы видимъ въ резолюціи о сіонизмѣ. Въ литературѣ Бунда сіонизмъ клеймится, какъ реак-

ціонное движеніе, съ которымъ соціаль-демократы должны бороться, какъ съ наиболѣе вреднымъ явленіемъ. И вотъ съѣздъ въ резолюціи долженъ былъ формулировать свое отношеніе къ сіонизму и объяснить реакціонность и вредъ этого движенія. Но прочитавши эту резолюцію, мы невольно удивляемся, какъ можно при такомъ, довольно безобидномъ отношеніи къ сіонизму, метать на него громъ и молнію въ литературѣ. Резолюція начинается объясненіемъ историческаго происхожденія сіонизма. „Съѣздъ считаетъ сіонизмъ реакціей буржуазныхъ классовъ противъ антисемитизма и ненормальнаго правового положенія еврейскаго народа.“ Такое, хотя вполнѣ вѣрное, но очень недостаточное, объясненіе возникновенія сіонизма скорѣе располагаетъ въ пользу сіонизма, чѣмъ настраиваетъ противъ него. Реакція противъ антисемитизма и ненормальнаго правового положенія евреевъ, изъ какого бы класса она не исходила, можетъ быть очень хорошимъ дѣломъ, заслуживающимъ всяческой поддержки. Вопросъ въ томъ, *какова* эта реакція, *какъ* реагируютъ буржуазные классы противъ антисемитизма и ненормальнаго правового положенія евреевъ? но на этотъ вопросъ резолюція не даетъ никакого отвѣта. Дальше. „Съѣздъ находитъ конечную цѣль политическаго сіонизма — доставленіе территоріи для еврейскаго народа — поскольку она вмѣститъ *небольшую* часть его — дѣломъ, не имѣющимъ крупнаго значенія и не разрѣшающимъ „еврейскаго вопроса“ а поскольку сіонизмъ претендуетъ на сосредоточеніе на этой территоріи *всего* еврейскаго народа или хотя бы значительной его части — утопичной и неосуществимой.“ По смыслу этой резолюціи выходитъ, что весь споръ между Бундомъ и сіонистами состоитъ въ томъ, что первый считаетъ невозможнымъ переселеніе значительной части еврейскаго народа на одну территорію, въ то время, какъ вторые, т. е. сіонисты, считаютъ это возможнымъ, — больше Schätzungsdifferenz, чѣмъ принципіальная рознь. И если бы это оказалось возможнымъ, Бундъ, по смыслу резолюціи, ничего бы не имѣлъ противъ сіонизма по существу.*) И если даже „агитація сіонистовъ раздуваетъ національное чувство и можетъ препятствовать развитію классоваго самосознанія“, то это еще не представляетъ достаточнаго основанія для похода противъ сіонизма, какъ политическаго движенія. Послѣ всего этого, какъ не удивляться постановленію съѣзда о недопущеніи сіониста ни въ какую организацію? За что такая немилость? Чѣмъ провинился сіонистъ передъ Бундомъ? Тѣмъ ли, что онъ реагируетъ (неизвѣстно какъ) противъ антисемитизма и ненормальнаго правового положенія еврейскаго народа? Или тѣмъ, что онъ считаетъ возможнымъ переселеніе значительной части еврейскаго народа на одну территорію? Что же касается *могущей* помѣшать развитію классового самосознанія сіонистской агитаціи, то вѣдь нельзя сдѣлать каждаго сіониста — рѣчь идетъ о рабочихъ-сіонистахъ, слѣдовательно не патентованныхъ агитаторахъ — отвѣтственнымъ за нѣкоторыя темныя стороны сіонистской агитаціи. Невольно поражаешься безобидно мягкому тону всей резолюціи, никакъ не вяжущемуся съ суровымъ приговоромъ о недопущеніи сіониста-рабочаго ни въ какую организацію. И развѣ еврейскіе соціаль-демократы дѣйствительно ничего другого не имѣютъ противъ сіонизма? Развѣ не было обязанностью Бунда раскрыть всю реакціонность сіонизма и показать опасность этого движенія для еврейской массы и его внутреннюю враждебность всякому демократическому устройству? Развѣ не долженъ былъ Бундъ показать, что успѣхъ сіонизма долженъ повести къ олигархіи нѣ-

*) За послѣдніе двадцать лѣтъ въ Америку переселилось больше милліона русскихъ евреевъ — довольно значительная часть еврейскаго народа.

которыхъ еврейскихъ капиталистовъ и къ кабалѣ трудящейся еврейской массы? А неразрывная связь сіонизма съ еврейскимъ клерикализмомъ? А уничтоженіе сіонизмомъ гражданскаго самосознанія еврея и превращеніе его въ стараго еврея съ психологіей чужого пришельца, политически мертваго человѣка, неспособнаго ни на какую борьбу за свои права? Все это и многое другое, ясно рисующее реакціонность сіонистскаго движенія, должно было войти въ резолюцію Бунда о сіонизмѣ, и насъ очень непріятно поражаетъ отсутствіе этого. Удивительными намъ показались также заключительныя слова резолюціи: „Что касается культурной дѣятельности нѣкоторыхъ сіонистскихъ группъ, то съѣздъ относится къ ней, какъ ко всякой легальной дѣятельности" Развѣ такъ? Мы вправѣ полагать, что съѣздъ соціаль-демократовъ относится къ легальной культурной дѣятельности вполнѣ одобрительно; слѣдовательно, Бундъ относится вполнѣ одобрительно и къ культурной дѣятельности сіонистовъ, т. е. къ учрежденію школъ для обученія дѣтей древнееврейскому языку и еврейской религіи, къ образованію кружковъ для чтенія древневрейской дребедени, словомъ къ культивированію древнееврейскаго языка и древнееврейскихъ традицій. Мы никакъ не можемъ допустить, что Бундъ одобряетъ подобную культурную дѣятельность. А между тѣмъ, по смыслу заключительныхъ словъ резолюціи можно думать, что Бундъ одобряетъ или даже поощряетъ культурную дѣятельность сіонистовъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній спѣшимъ оговориться, что критикой этой резолюціи мы не хотѣли заподозрить Бундъ въ томъ, что онъ склоненъ дѣлать уступки сіонизму. Нисколько. Мы прекрасно знаемъ, что Бундъ непримиримый врагъ сіонизма и борется противъ него, какъ противъ самаго реакціоннаго теченія въ еврействѣ. Характернымъ намъ показалось только то обстоятельство, что, какъ только Бундъ сталъ на національную почву въ еврейскомъ вопросѣ, у него уже не нашлось словъ для выраженія своего отрицательнаго отношенія къ сіонизму по существу.

Въ общемъ мы полагаемъ, что въ новѣйшихъ сепаратистическихъ стремленіяхъ Бунда сказывается не столько ясно сознанная націоналистическая тенденція, сколько своего рода организаціонный патріотизмъ, психологически довольно понятный въ виду безспорно громадныхъ заслугъ Бунда передъ еврейскимъ пролетаріатомъ и большихъ успѣховъ еврейскаго рабочаго движенія. Къ тому еще присоединяется теоретическая безпомощность представителей Бунда, неумѣнье справляться съ формулировкой своихъ задачъ. Конечно, нельзя за это сдѣлать отвѣтственными отдѣльныхъ людей, но отъ цѣлой организаціи, и такой образцовой организаціи, какъ Бундъ, можно требовать большаго вниманія и большей оріентировки въ столь важныхъ вопросахъ и большей осторожности при рѣшеніи ихъ. Остается пожелать, чтобы къ тому практическому чутью, которое выгодно отличаетъ дѣятелей Бунда, присоединилась еще солидная теоретическая подготовка, которая бы сдѣлала невозможными такія скоропалительныя рѣшенія, какія имѣли мѣсто на послѣднемъ съѣздѣ.

Крѣпкая организація Бунда, сумѣвшая такъ хорошо политически воспитать массы и научить ихъ революціонно реагировать на каждое явленіе окружающей жизни, представляетъ одинъ изъ самыхъ отрадныхъ фактовъ рабочаго движенія въ Россіи. Этой крѣпкой организаціи многимъ обязано не только еврейское, но и русское рабочее движеніе. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяніе еврейскаго движенія на общерусское привело къ нежелательнымъ результатамъ, то это надо приписать главнымъ образомъ отсталости рабочаго движенія въ центрахъ Россіи.

К. К.

Бомбардировка Благовѣщенска китайцами.

(Разсказъ очевидца.)

О началѣ русско-китайской войны 1900-го года въ европейской прессѣ печаталось не мало. Но, въ виду особенныхъ условій, въ которыхъ находится Россія, въ этихъ сообщеніяхъ также не мало вымысловъ. Какъ очевидецъ, жившій въ Благовѣщенскѣ все время отъ начала и до окончанія этой войны, я желаю теперь воспользоваться свободной, безцензурной прессой для ознакомленія читателей съ тѣмъ, что мнѣ самому пришлось видѣть и слышать на мѣстѣ.

Скажу сперва нѣсколько словъ о Благовѣщенскѣ. Онъ является главнымъ и вмѣстѣ единственнымъ пока городомъ обширной Амурской области, во много разъ превосходящей нѣкоторыя европейскія государства. Расположенъ Благовѣщенскъ на лѣвомъ, низменномъ берегу Амура, который, какъ извѣстно, на значительномъ протяженіи своемъ является границей между Россійской и Китайской имперіями. Жителей въ Благовѣщенскѣ до начала войны было 38 тыс.; большинство зданій въ немъ деревянныя, и онъ не имѣетъ никакихъ укрѣпленій.

На правомъ берегу Амура, какъ разъ противъ города, до начала военныхъ дѣйствій, находилось китайское селеніе Сахалянъ. Между жителями обоихъ береговъ были постоянныя сношенія: лѣтомъ — на лодкахъ и джонкахъ, зимой — по льду, такъ какъ китайцы и маньчжуры являлись поставщиками для жителей Благовѣщенска разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ особенности — овощей и мяса.

До весны 1900 г. отношенія между жителями Благовѣщенска и Сахаляна были довольно мирныя; но, послѣ убійства германскаго посланника Кеттлера и объявленія 24 іюня мобилизаціи сибирскихъ войскъ русскимъ правительствомъ, въ этихъ отношеніяхъ начала чувствоваться нѣкоторая натянутость и напряженность. На китайскомъ берегу, въ Сахалянѣ по вечерамъ стали производиться военныя упражненія, раздавалась зборя, слышались пушечныя выстрѣлы, чего раньше никогда не бывало. На вопросъ русскихъ властей о причинѣ всего этого, полученъ былъ отвѣтъ отъ китайцевъ, что къ Сахаляну присланъ небольшой отрядъ на лагерное время. Отвѣтъ этотъ вполнѣ успокоилъ благовѣщенскую ад-

министрацію, но жителей далеко не вполнѣ: многіе думали, что не спроста китайцы по вечерамъ упражняются въ стрѣльбѣ изъ пушекъ, къ тому же нѣкоторые изъ биноклей видѣли, что вблизи Сахаляна производятся какія-то земляныя работы. На сообщенія такихъ лицъ военному губернатору Амурской обл. генералу-лейтен. Н. К. Грибскому, онъ отвѣчалъ, что это все пустяки и нечего безпокоиться.

Между тѣмъ войскъ въ Благовѣщенскѣ всегда стояло немного: два-три пѣшихъ полка, одинъ казачій, да артиллерійская бригада. Но 11-го іюля, вслѣдствіе распоряженія приамурскаго генералъ-губернатора Гродекова, и эти войска почти всѣ отправлены были внизъ по Амуру въ Хабаровскъ; для охраны же города оставлены были всего: одна рота солдатъ, сотня казаковъ и двѣ пушки, изъ которыхъ одна оказалась почти негодной къ употребленію. Было, правда, въ городѣ еще до 2000 чел. запасныхъ солдатъ, созванныхъ по случаю объявленной мобилизаціи, но въ виду полнаго отсутствія необходимаго для нихъ оружія и боевыхъ запасовъ, каковыхъ не успѣли почему-то привести, эти нижніе чины не имѣли никакого значенія и не могли считаться достаточной охраной города.

Проводы войскъ изъ Благовѣщенска, отправленныхъ въ Хабаровскъ на нѣсколькихъ пароходахъ и баржахъ, произведены были съ большой торжественностью, при огромномъ стеченіи публики. Все это, конечно, видѣли и китайскіе жители селенія Сахаляна, узнавшіе такимъ образомъ, что русскій городъ остался безъ военной охраны.

Въ 30-ти верстахъ отъ Благовѣщенска, внизъ по теченію Амура, находится небольшой китайскій городъ Айгунъ. Когда 12-го іюля мимо него плыли русскія войска, китайцы нисколько не препятствовали этому, молча пропустивъ ихъ, но почему-то открыли огонь по послѣднему пароходу, на которомъ находились боевые припасы и заставили его вернуться обратно въ Благовѣщенскъ съ нѣсколькими ранеными пароходными служащими, а также пограничнымъ коммисаромъ подполковникомъ Кольшмитъ.

Извѣстіе объ этомъ происшествіи подъ Айгуномъ быстро распространилось по Благовѣщенску вечеромъ 13-го іюня и вызвало среди населенія большую тревогу. Администрація, повидимому, также начала безпокоиться; впервые тогда она стала допускать мысль о возможности нападенія на городъ со стороны китайцевъ и поняла сдѣланную ею оплошность, какъ въ отношеніи игнорированія военныхъ приготовленій, производившихся на противоположномъ, китайскомъ берегу въ Сахалянѣ, такъ и отправкой почти всѣхъ войскъ изъ Благовѣщенска въ Хабаровскъ.

По распоряженію мѣстнаго военнаго губернатора г.-л. Грибскаго утромъ 14-го іюля созвано было экстренное засѣданіе

думы. На это собраніе явились не только всѣ гласные, но и многіе именитые мѣстные жители, разныя чиновныя лица, директора банковъ и т. д.; въ качествѣ корреспондента я также пришелъ въ думу. Отъ имени военнаго губернатора полковникъ Орфеновъ, изложивъ предъ собравшимися, какими ничтожными средствами располагаютъ военныя власти для защиты города, предложилъ имъ взять на себя организацію обороны Благовѣщенска, въ случаѣ нападенія на него со стороны китайцевъ. Хотя жители послѣ отправки войскъ въ Хабаровскъ знали, что осталось немного солдатъ въ городѣ, но они не подозрѣвали, чтобы число ихъ было столь ничтожно, какъ это явствовало изъ сообщенія представителя администраціи, полковника Орфенова. Откровенное сообщеніе его въ сильной степени поразило собравшихся, а многихъ даже испугало: у нѣкоторыхъ лица вытянулись и поблѣднѣли; въ голосахъ говорившихъ гласныхъ слышна была дрожь. Начались толки, что̀ предпринять? Нѣкоторые гласные предложили всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ военному губернатору, г.-л. Грибскому и просить его, чтобы онъ вернулъ обратно тѣ войска, которыя за два дня предъ тѣмъ были отправлены внизъ по Амуру. Но полк. Орфеновъ доказывалъ, что это предложеніе неосуществимо, такъ какъ войска эти отправлены были по распоряженію ген.-губ. Гродскова и ихъ нельзя уже вернуть. Поэтому онъ настаивалъ на томъ, чтобы жители сами организовали защиту Благовѣщенска. Послѣ непродолжительныхъ дебатовъ, рѣшено было призвать добровольцевъ; тутъ же подѣлили городъ на военные участки и выбрали для каждаго по одному начальнику и по два къ нимъ помощника. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ представителей города отправились къ военному губернатору, чтобы передать ему рѣшеніе думы и лично поговорить съ нимъ о положеніи города.

Какъ мнѣ потомъ разсказывали лица, говорившія съ генер. Грибскимъ, онъ поблагодарилъ думу за выраженную ею готовность взять на себя организацію обороны города и успокоивалъ пришедшихъ къ нему насчетъ опасности, которая угрожаетъ со стороны китайцевъ, находившихся на противоположномъ берегу. Когда-же представители города спросили, не находитъ-ли губернаторъ нужнымъ принять какія-нибудь мѣры предосторожности по отношенію къ китайцамъ, жившимъ въ большомъ числѣ въ самомъ Благовѣщенскѣ и въ его окрестностяхъ, то генералъ заявилъ имъ, что онъ считаетъ всякія экстренныя мѣры излишними и неумѣстными, такъ какъ война между Россіей и Китаемъ не объявлена. При этомъ губернаторъ передалъ пришедшимъ, что къ нему являлись уже представители отъ мѣстныхъ китайцевъ, которые тоже спрашивали его, не лучше-ли китайскимъ подданнымъ заблаговременно удалиться съ русской территоріи? На это,

по собственному сообщенію г.-л. Грибскаго, онъ велѣлъ этимъ представителямъ передать ихъ единоплеменникамъ, что они могутъ спокойно оставаться на русской территоріи, такъ какъ они находятся въ великой Россійской Имперіи, правительство которой никому не позволитъ обижать мирныхъ иностранцевъ. Въ заключеніе генералъ сообщилъ, что онъ самъ съ имѣющейся еще ротой солдатъ и сотней казаковъ тотчасъ-же отправляется подъ Айгунъ, чтобы, очистивъ его отъ Большого Кулака, взять его, и сдѣлать такимъ образомъ свободнымъ плаваніе русскихъ судовъ по Амуру. Но этому плану не суждено было осуществиться.

Враждебныя дѣйствія со стороны китайцевъ, направленныя прямо противъ жителей Благовѣщенска, начались раньше, чѣмъ кто-либо предполагалъ. Въ то самое время, когда въ зданіи городской управы собралась послѣ полудня многочисленная публика изъ разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, наперерывъ старавшаяся занести свои имена въ списки добровольцевъ, — вдругъ раздались ружейные и пушечные выстрѣлы со стороны китайскаго берега; затѣмъ изъ оконъ Городской думы, гдѣ и я въ то время находился, мы увидѣли огромныя толпы людей, бѣжавшихъ со стороны набережной съ криками: „Китайцы стрѣляютъ! Китайцы напали!“

Находившаяся въ думѣ публика, услышавъ эти крики, подумала, что дѣйствительно китайцы напали уже на совершенно беззащитный городъ, такъ какъ въ то время губернаторъ съ немногими оставшимися солдатами и казаками отправился уже подъ Айгутъ, откуда, однако, онъ къ ночи вернулся безъ всякихъ результатовъ. Паника поднялась неимовѣрная. Одни бросились вонъ на улицу, другіе съ криками: „Оружія! Оружія давайте!“ устремились въ думскую кладовую, гдѣ, какъ всѣмъ было извѣстно, хранились про всякій случай нѣсколько сотъ старыхъ ружей. Но имѣвшагося тамъ количества ихъ оказалось далеко недостаточнымъ для вооруженія всѣхъ добровольцевъ. Тогда большія толпы, преимущественно изъ простолюдиновъ, устремились къ запертымъ, по случаю воскреснаго дня, магазинамъ откуда съ угрозами насильно разобрали все имѣвшееся тамъ оружіе.

Погода стояла чудесная и масса гуляющей публики была на бульварѣ, находящемся на набережной, какъ разъ противъ китайскаго селенія Сахаляна, когда оттуда раздались первые выстрѣлы. Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе это произвело на ничего подобнаго неожидавшихъ гуляющихъ, въ особенности на женщинъ и дѣтей. Толкая другъ друга, всѣ стремглавъ бросились бѣжать, при неумолкаемомъ гулѣ выстрѣловъ и свистѣ пуль, проносившихся надъ головами. На улицахъ, то здѣсь, то тамъ разрывались гранаты, къ счастью причинявшія мало вреда. Но эта пальба, непрекращавшаяся за тѣмъ втеченіе многихъ дней, поддер-

живала сильнѣйшее возбужденіе у большинства, а у многихъ вызывала прямо панику.

Захвативъ наиболѣе цѣнныя вещи, нѣкоторые жители устремились — кто на коняхъ, а кто пѣшкомъ, — за городъ или къ родственникамъ и знакомымъ, жившимъ подальше отъ набережной и въ каменныхъ домахъ, гдѣ была меньшая опасность отъ бомбъ и пуль. Мысль, что китайцы, ворвавшись въ беззащитный городъ, подожгутъ его и совершатъ надъ жителями всевозможныя жестокости, доводила нѣкоторыхъ до самаго отчаяннаго душевнаго состоянія.

Дѣйствительно, не представляло никакого труда даже для ничтожнаго дисциплинированнаго войска въ нѣсколько часовъ разгромить Благовѣщенскъ. Но по счастью для его жителей, китайцы оказались совершенно плохими стрѣлками: большинство выпускаемыхъ ими зарядовъ или вовсе не долетало до города, падая въ Амуръ, или совсѣмъ не разрывались.

На второй день осады Благовѣщенскъ имѣлъ самый безотрадный видъ: ставни, окна, двери и ворота всюду были наглухо заперты, по улицамъ рѣдко можно было увидѣть прохожаго, да и тотъ, который рѣшался выйти, прятался отъ шальной пули за стѣнами домовъ и наскоро перебѣгалъ перекрестки; всѣ занятія въ разныхъ учрежденіяхъ и всякая торговля совершенно пріостановились; движеніе на лошадяхъ прекратилось.

Но и оставаясь въ запертыхъ домахъ, нѣкоторые, преимущественно изъ зажиточныхъ классовъ, не находили себѣ нигдѣ мѣста: при каждомъ раздававшемся выстрѣлѣ, они метались по комнатамъ и прятались отъ шальной пули въ болѣе безопасные углы. Страхъ быть убитымъ ворвавшимися въ городъ китайцами или случайнымъ выстрѣломъ лишалъ такихъ лицъ всякаго самообладанія. Картины одна другой ужаснѣе рисовались ихъ воображенію, и они готовы были бѣжать, куда глаза глядятъ, оставивъ все на произволъ судьбы. Многіе зажиточные люди, захвативъ лишь наиболѣе цѣнныя вещи, выѣхали за городъ — на дачи, фабрики, мельницы. Но, не чувствуя себя безопасными и тамъ, въ случаѣ взятія города китайцами, они подумывали о полномъ бѣгствѣ съ Амура, что представлялось трудно осуществимымъ: по единственному существующему въ Амурской области пути сообщенія — по рѣкѣ Амуру тогда совершенно прекращено было всякое движеніе, такъ какъ китайцы стрѣляли не только по судамъ, но и по отдѣльнымъ лицамъ, осмѣливавшимся показаться на берегу рѣки.

Въ первые же дни быстро сформировались у насъ отряды добровольной дружины. По всему берегу Амура, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, были наскоро выкопаны ночью ложементы, въ которыхъ залегли охотники изъ разныхъ слоевъ

населенія и разныхъ возрастовъ. Здѣсь были мелкіе чиновники и служащіе, приказчики и чернорабочіе, гимназисты и пріѣхавшіе на каникулы студенты, старики и мальчики. Чередуясь правильно днемъ и ночью, добровольцы охраняли нашъ берегъ и, наблюдая за дѣйствіями китайцевъ, находившихся на противоположной сторонѣ, они дѣлали почти невозможнымъ внезапное нападеніе врага на городъ. Въ этомъ отношеніи охрану Благовѣщенска можно было считать хорошо организованной и вполнѣ обезпеченной. Но нѣкоторыя лица усмотрѣли опасность для города совсѣмъ съ другой стороны: они увидѣли ее со стороны части мѣстнаго же населенія.

* * *

Въ городѣ и въ его окрестностяхъ издавна проживали китайцы и маньчжуры, въ качествѣ крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, прислуги, чернорабочихъ. На окраинѣ Благовѣщенска имъ отведенъ были отдѣльный кварталъ, въ которомъ всѣ постройки (фанзы) носили вполнѣ своеобразный національный характеръ и который такъ и назывался „китайскимъ кварталомъ“ Десятки лѣтъ многіе изъ китайцевъ и маньчжуръ мирно жили въ нашей средѣ, принося огромную пользу населенію своимъ трудомъ, что признавалось рѣшительно всѣми безпристрастными лицами. Трудолюбивые, до невѣроятности ограниченные въ своихъ потребностяхъ, китайскіе подданные рѣшительно никогда не бывали замѣчены не только въ крупныхъ преступленіяхъ, но даже въ мелкихъ предосудительныхъ проступкахъ. Ихъ честность и добросовѣстность были общепризнаными ихъ чертами, и во многихъ крупныхъ учрежденіяхъ, въ разныхъ промышленныхъ фирмахъ и компаніяхъ, какъ и въ частныхъ домахъ, на китайцевъ, какъ на служащихъ или прислугу всѣ безусловно полагались и вполнѣ имъ довѣряли. Во многихъ русскихъ семействахъ, имѣвшихъ въ качествѣ мужской прислуги молодыхъ китайцевъ, къ нимъ привязывались, какъ къ роднымъ. Нерѣдко ихъ обучали русскому языку и этому занятію они предавались съ замѣчательнымъ прилежаніемъ: за русской книжкой и письмомъ они просиживали далеко за полночь и, благодаря такому усердію, дѣлали быстрые успѣхи.

Но въ средѣ мало-культурныхъ слоевъ нашего населенія, китайцы никогда не пользовались особенной симпатіей. Простолюдины видѣли въ нихъ, во-первыхъ, представителей чуждой національности, упорно избѣгающей слиться съ русской, такъ какъ извѣстно, китайцы, за крайне рѣдкими исключеніями, никогда не разстаются ни со своими обычаями, ни съ внѣшнимъ своимъ видомъ. Во-вторыхъ, въ нихъ русскіе рабочіе всегда видѣли опасныхъ для себя конкуррентовъ.

Всѣми признано, что, не будь на Амурѣ китайскихъ подданныхъ, заработки были бы значительно большіе у русскаго населенія. Въ тоже время многіе продукты, которые, благодаря своей дешевизнѣ были доступны и недостаточнымъ людямъ, стали неимовѣрно дороги послѣ войны, когда исчезъ дешевый трудъ китайцевъ.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, а также просто по некультурности, присущей нѣкоторымъ элементамъ каждаго народа, нерѣдко случалось и въ мирное время, что китайцевъ, безъ всякаго рѣшительно повода съ ихъ стороны, при встрѣчахъ на улицѣ, русскіе простолюдины всячески оскорбляли: толкали, били, драли за косы. О нѣкоторыхъ наиболѣе возмутительныхъ случаяхъ издѣвательства надъ забитыми, робкими китайцами попадались сообщенія и въ мѣстныхъ органахъ печати.

Но особенно часто стали повторяться возмутительныя насилія надъ китайцами, послѣ объявленія 23 іюня мобилизаціи. Толпы запасныхъ, призванныхъ на службу въ самое горячее рабочее время, расхаживая по городу, подчасъ сильно выпивши съ горя, при встрѣчахъ съ китайцами накидывались на нихъ и, нанося имъ безпощадно удары, приговаривали: „изъ-за васъ, тварей, насъ отрываютъ отъ работы и семьи и гонятъ на смерть“ Въ глазахъ нашего простолюдина китаецъ не человѣкъ, а „тварь“, „животное“. Отчасти это можетъ служить хорошей иллюстраціей правильности взглядовъ нашихъ патріотовъ, съ кн. Ухтомскимъ,*) редакторомъ С.-Петер. Вѣдом. во главѣ, которые утверждаютъ, будто русскій народъ, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, терпимо относится къ другимъ національностямъ. Указанные случаи насилія заставили даже военнаго губернатора издать прокламацію, въ которой онъ угрожалъ строгими наказаніями за оскорбленія мирныхъ китайскихъ подданныхъ. Положившись поэтому на завѣреніе представителя военной мѣстной администраціи, что китайскимъ подданнымъ, жившимъ въ Благовѣщенскѣ и въ его окрестностяхъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, не грозитъ никакая опасность, они всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Но имъ вскорѣ пришлось въ этомъ сильно раскаяться.

14 іюля, лишь только раздались выстрѣлы съ китайскаго берега и испуганная толпа бросилась бѣжать, уже можно было видѣть сцены насилія надъ несчастными китайцами, которые попадались бѣжавшимъ съ набережной. Я самъ видѣлъ издали, какъ нѣсколько человѣкъ, поваливъ двухъ китайцевъ на землю, наносили имъ удары кулаками. Несчастные китайцы и маньчжуры метались по городу, ища для себя безопаснаго убѣжища. Вечеромъ того же дня были

*) См. его брошюру: „По поводу китайскихъ событій“. Спб. 1900 г.

случаи убійствъ китайцевъ на улицахъ. Вполнѣ компетентныя лица утверждали, что сами полицейскіе совѣтовали обывателямъ убивать китайскихъ подданныхъ, разъ они будутъ вечеромъ появляться на улицахъ, такъ какъ многіе высказывали опасеніе, что изъ сочувствія къ своимъ единоплеменникамъ проживавшіе на русской территоріи китайскіе подданные могутъ ночью поджечь городъ. Подозрѣвали также, что среди нихъ находятся принадлежащіе къ „Большому Кулаку". Поэтому нѣкоторые стали настойчиво говорить о необходимости принять серьезныя мѣры противъ проживавшихъ Благовѣщенскѣ и въ его окрестностяхъ китайскихъ подданныхъ. Болѣе хладнокровныя и разсудительныя лица считали достаточнымъ для этого средствомъ оставить подъ поручительствомъ русскихъ тѣхъ китайцевъ, которыхъ обыватели пожелаютъ взять къ себѣ, — а таковыхъ нашлось бы не мало, — остальныхъ же китайцевъ слѣдовало, по ихъ мнѣнію, собравъ въ одномъ мѣстѣ, содержать подъ охраной. Но мѣстная администрація разсудила иначе.

На второй день послѣ начавшейся бомбардировки Благовѣщенска можно было видѣть верховыхъ и пѣшихъ казаковъ и полицейскихъ, которые заходили во всѣ дома, гдѣ спрашивали, нѣтъ-ли въ нихъ китайцевъ и маньчжуръ. На вопросъ обывателей, что хотятъ съ ними дѣлать? — получался отвѣтъ, что ихъ всѣхъ соберутъ и будутъ держать при полиціи. Подозрѣвая что-нибудь недоброе, нѣкоторые жители стали скрывать проживавшихъ у нихъ китайскихъ подданныхъ, попрятавъ ихъ въ подвалахъ, на чердакахъ и т. п. мѣстахъ. Но сосѣди нерѣдко узнавали объ этомъ и указывали полиціи на такихъ обывателей; тогда казаки грубо, съ угрозами прибѣгнуть къ насиліямъ, иногда обнажая при этомъ саблю, требовалъ выдачи спрятанныхъ. Производились эти уводы китайцевъ втеченіе нѣсколькихъ дней.

Не берусь описать убитаго вида несчастныхъ, когда имъ объявляли, чтобы они шли въ полицію. Наскоро собравъ свои пожитки, съ невыразимой грустью на лицахъ они слѣдовали за казаками. Прощаясь съ хозяевами, нѣкоторые изъ нихъ отдавали имъ на храненіе свои деньги и вещи; иногда они при этомъ поручали уплатить какой нибудь долгъ или предоставляли въ полное распоряженіе своихъ хозяевъ оставляемое ими имущество, дома и магазины, полные всякихъ вещей и товаровъ. Какъ бы предчувствуя печальный конецъ, иные изъ уводимыхъ спрашивали: „насъ кантами?" (головы отрубятъ?).

Они не ошиблись: ихъ убили самымъ возмутительнымъ способомъ. Только въ средніе вѣка, во времена господства инквизиціи и преслѣдованій еретиковъ, евреевъ и мавровъ въ Испаніи прибѣгали къ такимъ ужаснымъ расправамъ съ массами.

Въ нѣсколькихъ верстахъ выше Благовѣщенска, на лѣвомъ берегу Амура есть казачья станица. Туда предъ разсвѣтомъ погнали подъ конвоемъ казаковъ и полицейскихъ нѣсколько тысячъ китайскихъ подданныхъ, въ числѣ которыхъ были старики, калѣки, больные, женщины и дѣти. Кто не могъ идти отъ болѣзни или усталости, того казаки тутъ же по дорогѣ прикалывали. Одинъ изъ препровождаемыхъ такимъ образомъ, довѣренный крупной китайской фирмы Ли-ва-чанъ, отказался идти, прося, чтобы его доставили къ губернатору, который гарантировалъ бывшимъ у него китайскимъ представителямъ полную безопасность всѣмъ оставшимся на русской территоріи, но, въ отвѣтъ на эту просьбу, казаки тутъ же на улицѣ убили его. При этомъ присутствовалъ помощникъ пристава Шабановъ, который ни единымъ словомъ не помѣшалъ совершенію этого злодѣянія.

Когда всѣхъ этихъ несчастныхъ китайскихъ подданныхъ пригнали къ Амуру, то имъ приказали лѣзть въ воду. Никакихъ средствъ для переправы на противоположный, китайскій берегъ тамъ не было; рѣка же въ этомъ мѣстѣ имѣетъ болѣе полуверсты въ ширину и очень быстра. Легко представить себѣ ужасъ, охватившій пригнанныхъ. Бросившись на колѣни, поднявъ руки къ небу, а то и совершая крестное знаменіе, несчастные стали молить, чтобы ихъ не убивали такимъ способомъ; при этомъ нѣкоторые обѣщали принять христіанство и сдѣлаться русскими подданными. Но въ отвѣтъ на эти просьбы, безсердечные исполнители повелѣнія высшихъ мѣстныхъ властей прикладами, штыками и сабельными ударами гнали молившихъ о пощадѣ въ воду; тѣхъ же, которые медлили или упирались, тутъ же убивали. Очевидцы, случайно присутствовавшіе при этихъ массовыхъ потопленіяхъ, производившихся втеченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ на разсвѣтѣ, разсказывали объ ужасныхъ, душу раздирающихъ сценахъ.

Гонятъ въ воду маньчжурскую семью: мужа, жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Каждый изъ супруговъ привязываетъ у себя на спинѣ по ребенку и пускается по Амуру вплавь, но вскорѣ всѣ они идутъ ко дну. У другой семьи одинъ ребенокъ. Мать обращается съ мольбой къ своимъ палачамъ и постороннимъ, присутствующимъ тутъ, прося ихъ взять къ себѣ ея ребенка, чтобы хоть его сохранить въ живыхъ, но никто не соглашается на ея просьбу. Тогда она оставляетъ ребенка на берегу и сама идетъ въ воду. Однако, пройдя немного, она возвращается за ребенкомъ и, неся его на рукахъ, идетъ вновь въ рѣку; но затѣмъ снова возвращается и опять оставляетъ его на берегу. Казаки кладутъ конецъ ея колебаніямъ, прикалывая ее и ребенка. Что испытывала эта несчастная мать, да и всѣ такимъ способомъ умерщвленные, не пойметъ лишь тотъ, у котораго притуплены всѣ че-

ловѣческія чувства. Даже вышеупомянутый полицейскій Шабановъ разсказывалъ, что онъ не могъ достоять до конца этой расправы.

Очень немногимъ, всего нѣсколькимъ наиболѣе здоровымъ и искуснымъ пловцамъ изъ этой огромной массы, удавалось, говорятъ, добраться почти до китайскаго берега, но и изъ такихъ счастливцевъ только ничтожное число осталось въ живыхъ. Видя, что плывущіе уже близки къ спасенію, казаки пускали въ нихъ мѣткія пули. Случалось, что и китайскіе стрѣлки, расположившіеся за окопами на своемъ берегу, пускали пули въ плававшихъ, — потому ли, что принимали ихъ за русскихъ или потому, что относились вообще враждебно ко всѣмъ китайскимъ подданнымъ, которые остались на русской территоріи, послѣ того какъ, по утвержденію нѣкоторыхъ, они, задолго до начала враждебныхъ дѣйствій, получили предложеніе вернуться на свою родину.

Когда 17-го іюля въ первый разъ появилась масса труповъ, плывшихъ внизъ по Амуру, то въ Благовѣщенскѣ всѣ догадались, что это утопили мирныхъ, безоружныхъ китайцевъ и маньчжуръ, которые жили въ городѣ и которымъ самъ губернаторъ не совѣтовалъ уходить въ Китай, гарантируя имъ полную безопасность. Но генералъ Н. Грибскій, всего два дня спустя вѣроломно нарушилъ свое обѣщаніе, отдавъ устный приказъ „переправить китайскихъ подданныхъ въ Китай“

Негодованіе и ужасъ охватили наиболѣе честныхъ и порядочныхъ людей, когда они узнали, какъ совершена была эта „переправа“. При разсказѣ объ этой жестокой расправѣ съ невинными, мирными тружениками, у нѣкоторыхъ выступали слезы на глазахъ, дрожь пробѣгала по тѣлу. Имъ хотѣлось чѣмъ-нибудь выразить свой протестъ, свое возмущеніе. Но какъ сдѣлать это у насъ, въ Россіи?! Къ тому же въ первый же день потопленія китайскихъ подданныхъ, 17-го же іюля Благовѣщенскъ и вся Амурская область были объявлены на военномъ положеніи, а, слѣдовательно, всякаго протестанта могли бы судить военнымъ судомъ. Изъ лицъ, сочувствовавшихъ несчастнымъ китайцамъ и маньчжурамъ, нѣкоторыя, по возможности, старались по крайней мѣрѣ не допустить повторенія ужасной расправы. Извѣстны случаи, когда хозяева, у которыхъ китайцы и маньчжуры жили на квартирѣ или находились въ услуженіи, обращались къ мѣстной администраціи съ настоятельными просьбами, чтобы оставили подъ ихъ поручительствомъ бывшихъ у нихъ китайскихъ подданныхъ. Послѣ долгихъ хлопотъ и при большой протекціи, такимъ лицамъ иногда удавалось спасти того или другого; но такихъ случаевъ было немного. Почти всѣхъ спасенныхъ такимъ образомъ все время осады продержали при городской полиціи или при участкахъ. Благодаря такимъ

лишь хлопотамъ былъ оставленъ въ живыхъ самый крупный купецъ-китаецъ Юнъ-ха-зонъ, который предъ началомъ бомбардировки Благовѣщенска, въ числѣ другихъ, являлся къ губернатору, въ качествѣ представителя. Его спасеніе, какъ утверждаютъ, стоило ему массы денегъ, уплоченныхъ имъ полиціи и разнымъ лицамъ, хлопотавшимъ за него. Этотъ европейски образованный китаецъ, свободно владѣющій русскимъ и французскимъ языками и принятый въ высшемъ мѣстномъ обществѣ, по его словамъ, сверхъ уплаты денегъ, долженъ былъ вынести всевозможныя униженія, во время 18-ти дневнаго ареста.

Одна извѣстная въ городѣ дама, г-жа Макѣева, ѣздила къ лично ей знакомому губернатору, котораго молила оставить у нея молодого китайца-слугу, прожившаго у нея 5 лѣтъ и много сдѣлавшаго для всей ея семьи: во время болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи этотъ китаецъ ухаживалъ за больнымъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ, проводя цѣлыя ночи безъ сна.

Узнавъ, что г-жа М. проситъ за китайца, генералъ Грибскій воскликнулъ: „а, китаецъ, такъ надо его того“, при этомъ провелъ рукой по шею. Когда же она стала настоятельно просить за молодого китайца, заявивъ, что онъ давно уже желалъ принять христіанство, губернаторъ отвѣтилъ ей: „я не приказываю ни забирать китайцевъ, ни освобождать ихъ, — это до меня не касается“ Это заявленіе генерала Грибскаго, какъ потомъ выяснилось, дѣлалось имъ съ той цѣлью, чтобы впослѣдствіе всю вину за потопленіе несчастныхъ взвалить на своихъ подчиненныхъ — полиціймейстера Батаревича и предсѣдателя войскового правленія полковника Волковинскаго.

Подобный же вышеописанному пріемъ встрѣтила эта дама и со стороны высшей мѣстной духовной власти — архіерея. Когда, упавъ на колѣни, г-жа Макѣева просила его дать разрѣшеніе на крещеніе китайца, проповѣдникъ христіанской любви сухо заявилъ ей, что она напрасно хлопочетъ за китайца, что его не слѣдуетъ держать у себя и въ заключеніе бесѣды велѣлъ ей обратиться къ администраціи, такъ какъ отъ усмотрѣнія послѣдней зависитъ удовлетвореніе ея просьбы. Свѣтская власть отсылала хлопотавшихъ къ духовной, а послѣдняя къ первой. Въ концѣ долгихъ хлопотъ г-жѣ Макѣевой удалось спасти этого китайца. Но не у многихъ, вѣрнѣе — ни у кого другого, кромѣ нея, не хватало столько настойчивости для спасенія несчастныхъ. Мнѣ извѣстны только 4 случая успѣшнаго заступничества за китайскихъ подданныхъ, жившихъ въ услуженіи или на квартирахъ у русскихъ, хотя я разспрашивалъ всѣхъ и каждаго, прося сообщить мнѣ о подобныхъ фактахъ. За китайцевъ же и маньчжуръ, жившихъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ въ ки-

тайскомъ кварталѣ, не нашлось ни одного заступника, и почти всѣхъ ихъ перетопили или перебили.

Не только администрація и духовенство, но даже многіе изъ интеллигенціи — врачи, адвокаты, судьи — находили вполнѣ цѣлесообразной и неизбѣжной безчеловѣчную расправу съ мирными безоружными китайскими подданными. „Иначе — говорили такія лица — эти китайцы подожгли-бы, а то и перерѣзали-бы насъ; будь они на нашемъ мѣстѣ, они еще не то-бы сдѣлали съ нами; къ тому же, не кормить же ихъ, когда у насъ самихъ скоро не станетъ хлѣба и не усиливать же было ими нашихъ противниковъ, переправивъ ихъ на какомъ нибудь суднѣ на китайскую сторону.“ Но всѣ эти заявленія не имѣли ни малѣйшаго смысла, такъ какъ можно было сдѣлать вполнѣ безопасными китайскихъ подданныхъ, жившихъ на русской территоріи, собравъ ихъ въ одномъ мѣстѣ; пищи же для нихъ нашлось бы вполнѣ достаточно въ ихъ же многочисленныхъ лавкахъ и магазинахъ, которые, послѣ ихъ потопленія, разграбили казаки, полиція и нѣкоторые изъ обывателей.

Чтобы оправдать эту ничѣмъ невызванную и возмутительную расправу, полиція стала распространять безусловно ложный слухъ, будто въ нѣкоторыхъ китайскихъ домахъ и магазинахъ, при уводѣ ихъ хозяевъ, находили много оружія, пороха, а то и динамита. Хотя заявленіе это ничѣмъ рѣшительно не подтвердилось, но немало нашлось легковѣрныхъ, а то и заинтересованныхъ людей, которые охотно ухватились за него. Дѣло въ томъ, что значительную роль въ жестокой расправѣ съ китайцами и въ ея оправданіи играло у многихъ корыстолюбіе, жажда наживы, возможность неуплатить долговъ и пр. Забирая китайцевъ, казаки и полицейскіе отнимали у нихъ деньги и цѣнныя вещи, обшаривали ихъ дома и магазины, что давало имъ богатую поживу. Вполнѣ компетентныя лица утверждаютъ, что многіе изъ этихъ „охранителей безопасности“, — не только низшіе и средніе, но также и высшіе, — загребли, такимъ образомъ, огромные куши. Въ Благовѣщенскѣ всюду открыто говорили тогда, сколько тысячъ рублей досталось на долю того или другого полицейскаго чиновника и представителя мѣстной администраціи, благодаря потопленію китайцевъ.

Но и изъ обывателей не мало нашлось охотниковъ до легкой наживы. Такіе „граждане“ не брезгали никакими способами, чтобы попользоваться актомъ потопленія несчастныхъ. Поживились многіе должники, кредиторами которыхъ были убитые китайцы, такъ какъ имъ некому было платить по своимъ обязательствамъ: въ большинствѣ случаевъ у китайцевъ отсутствуютъ всякія формальности въ коммерческихъ операціяхъ, которыя ведутся у нихъ, главнымъ образомъ, на личномъ довѣріи, и лишь крайне рѣдко они прибѣгаютъ къ

составленію векселей. Но и по такимъ обязательствамъ русскимъ должникамъ не пришлость платить, такъ какъ, съ потопленіемъ китайцевъ, исчезли кредиторы и некому стало предъявлять векселей ко взысканію. Къ тому же полиція, забирая китайцевъ, чтобы потопить ихъ, постаралась такъ обставить дѣло, что исчезла всякая возможность для наслѣдниковъ, если бы таковые нашлись гдѣ-либо въ Китаѣ, доказать свои права на имущество убитыхъ.

Наоборотъ, когда русскіе являлись кредиторами китайцевъ, то, благодаря содѣйствію подкупленной ими полиціи, они не только получили свои долги изъ оставшаго отъ потопленныхъ имущества, но ухитрялись получить ихъ сторицею. Въ этомъ отношеніи особенно много толковъ и шума по всему Приамурскому Краю вызвало поведеніе директора полу-правительственнаго „Русско-Китайскаго банка“ — Ф. Шливе и бухгалтера этого же учрежденія Н. Филатова. Какъ выяснилось изъ разоблаченій, сдѣланныхъ мѣстной газетой „Амурскій Край“, эти господа, путемъ всякихъ подвоховъ и ухищреній, поживились насчетъ остававшагося отъ убитыхъ имущества. Слишкомъ много и долго пришлось бы разсказывать, если бы я захотѣлъ познакомить читателя со всѣми пріемами, къ которымъ прибѣгали какъ эти, такъ и другіе „честные“ коммерческіе люди. Но о нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ, къ тому же получившихъ огласку и попавшихъ на столбцы вышеупомянутой газеты „Ам. Кр.“, сообщу здѣсь.

Богатый домовладѣлецъ и собственникъ громадной мукомольной мельницы Буяновъ, у котораго китайцы снимали амбаръ для храненія товаровъ, послѣ потопленія собственниковъ этого имущества, сталъ возводить стѣну между этимъ амбаромъ и сосѣдними домами, чтобы, оградивъ себя такимъ образомъ отъ лишнихъ глазъ, очистить хранившееся въ амбарѣ имущество. Другой домовладѣлецъ, также Буяновъ — однофамилецъ — сдѣлалъ подкопъ изъ своей квартиры къ лавкѣ китайца, помѣщавшейся въ сдаваемомъ имъ помѣщеніи, и перетащилъ къ себѣ имущество потопленнаго. Третій коммерсантъ, купецъ Прикащиковъ на нѣсколькихъ подводахъ обходными улицами изъ сдаваемаго имъ китайцу въ наемъ магазина просто перевезъ въ свой магазинъ, помѣщавшійся въ другомъ мѣстѣ въ городѣ, оставшіеся товары утопленнаго квартиранта, для чего воспользовался имѣвшимися у него дупликатами ключей. О послѣднихъ двухъ случаяхъ въ Благовѣщенскомъ окружномъ судѣ состоялись процессы, и указанныя лица были приговорены къ разнымъ наказаніямъ. Но огромное большинство аналогичныхъ пріемовъ разграбленія китайскаго имущества вовсе не было раскрыто, главнымъ образомъ потому, что полиція, а также и администрація были заинтересованы въ неоткрытіи виновныхъ.

Дѣло въ томъ, что, послѣ потопленія китайцевъ, ихъ имущество, впредь до назначенія судомъ опекуновъ, находилось на храненіи у полиціи. Изъ этого полицейскіе чиновники сдѣлали для себя очень выгодную статью дохода; это легко себѣ представить, если принять во вниманіе способности нашей полиціи, а также и то, что въ Благовѣщенскѣ было нѣсколько сотъ китайскихъ магазиновъ и лавокъ, въ которыхъ имѣлось имущество на нѣсколько милліоновъ рублей. Прежде всего эти полицейскіе, конечно, за деньги — иногда за суммы почти равнявшіяся стоимости заключавшихся въ оставленныхъ помѣщеніяхъ товаровъ, — выдавали послѣдніе являвшимся къ нимъ, послѣ окончанія военныхъ дѣйствій на Амурѣ, китайцамъ, которые заявляли, что они или случайно спасшіеся владѣльцы имущества или сокомпаніоны убитыхъ. Смотря по размѣрамъ предложеннаго такими претендентами вознагражденія, полиція признавала или отвергала ихъ, не справляясь ни съ какими законными формальностями. Но, не довольствуясь такими наживами, нѣкоторые полицейскіе прямо стали перевозить въ свои помѣщенія находившееся подъ ихъ охраной китайское имущество. Такъ, напр., помощникъ пристава Шабановъ былъ застигнутъ однимъ изъ назначенныхъ надъ китайскимъ имуществомъ опекуновъ и мировымъ судьей въ то самое время, когда онъ на нѣсколькихъ подводахъ перевозилъ разные товары изъ помѣщенія, гдѣ они хранились, въ какую то частную лавку. Этотъ случай вызвалъ большой скандалъ въ городѣ и даже доведенъ былъ до суда, но тѣмъ не менѣе дѣло это не только ничѣмъ не кончилось, но Шабановъ не былъ даже удаленъ со службы. Для всѣхъ жителей Благовѣщенска было ясно, что губернаторъ прямо потакалъ расхищенію китайскаго имущества, и многіе въ городѣ объясняли такое его поведеніе тѣмъ, что и ему немалая толика перепала. Объясненіе это, думаю, не безосновательно.

Какъ-бы то ни было, но, когда послѣ всевозможныхъ проволочекъ, сдѣланныхъ разными инстанціями, имущество убитыхъ, спустя полгода, перешло, наконецъ, въ вѣдѣніе назначенныхъ опекуновъ, — конечно, изъ русскихъ обывателей, — то во всѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ оно хранилось, на лицо оказались только жалкіе остатки.

* * *

Прошло нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ на Амурѣ появились трупы утопленныхъ. Массами неслись они ежедневно внизъ по рѣкѣ, иногда по-двое, связанные за косы. Въ иные дни трупы плыли почти сплошной массой на значительномъ пространствѣ, такъ что трудно было сосчитать число ихъ. Но въ двухъ мѣстныхъ газетахъ въ эти дни ни слова не появлялось объ этомъ ужасномъ происшествіи, какъ

и вообще о расправѣ съ китайцами. Только на 4-й или 5-й день, послѣ перваго потопленія несчастныхъ, въ „Амур. Краѣ“ появилась статья, въ которой высказывалось негодованіе по поводу жестокихъ расправъ съ мирными катайцами. Статья эта была затѣмъ перепечатана столичными газетами, и о возмутительномъ истребленіи тысячъ безоружныхъ людей узналъ весь цивилизованный міръ.

Другой же мѣстный органъ — „Амурская газета“, редактируемая А. В. Кирхнеромъ, ограничилась однимъ — единственнымъ лишь сообщеніемъ, что „китайцевъ, жившихъ на русской территоріи, выдворили, предложивъ имъ переправиться на противоположный берегъ!“

Гнать безоружныхъ людей, больныхъ, калѣкъ, женщинъ и дѣтей, посредствомъ сабельныхъ ударовъ, штыковъ и выстрѣловъ въ рѣку — это называется „предложеніемъ переправиться“ на езоповскомъ языкѣ русскаго органа печати, старающагося соблюсти невинность и не задѣть начальства.

Генералъ-губернаторъ Приамурскаго Края, Гродековъ, какъ извѣстно изъ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, сообщилъ въ главный штабъ въ Петербургъ, что „китайцы своихъ убитыхъ и раненыхъ бросаютъ въ воду и такихъ труповъ насчитано до 40“ Такъ у насъ изображаютъ дѣйствительныя событія, такъ пишется исторія! Столь же правдиво въ своихъ донесеніяхъ разныя начальствующія лица сообщали вообще объ этой русско-китайской войнѣ: увѣдомляли о сраженіяхъ, которыхъ вовсе не было, о многочисленныхъ китайскихъ войскахъ, будто-бы разбитыхъ, когда въ дѣйствительности русскіе военачальники не находили никого, кромѣ женщинъ, дѣтей и т. п. Много смѣха на Амурѣ вызвало, напр., сообщеніе полковника Кононовича, донесшаго, что онъ въ такъ назыв. „Пятой Пади“ разбилъ значительное китайское войско, за что онъ представленъ былъ къ ордену. Вскорѣ однако, оказалось, что въ указанномъ мѣстѣ Кононовичъ нашелъ лишь двухъ женщинъ — японокъ. Но возвратимся къ благовѣщенскимъ событіямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что потопленіе китайцевъ совершено было не только съ вѣдома, но и по прямому, хотя — ради предосторожности — и устному приказанію мѣстнаго военнаго губернатора, ген.-лейт. Н. Грибскаго. Чтобы отвести отъ себя подозрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить для себя на всякій случай оправданіе, онъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ массового потопленія и убійствъ мирныхъ людей, выпустилъ объявленіе, въ которомъ говорилось, что „изъ дошедшихъ до него слуховъ онъ узналъ о бывшихъ въ городѣ и его окрестностяхъ случаяхъ насилій и убійствъ безоружныхъ китайскихъ подданныхъ; преступленія эти совершены нѣкоторыми жителями города, крестьянами окрест-

ныхъ деревень и казаками. Хотя такія происшествія, — говорится въ этомъ объявленіи, — вызваны предательствомъ китайцевъ, которые первыми открыли враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, но впредь всякое насиліе надъ безоружнымъ будетъ строго преслѣдоваться" И рядомъ съ этимъ объявленіемъ, генералъ Грибскій, послѣ взятія Сахаляна, издалъ еще другое, въ которомъ онъ же, въ качествѣ казачьяго войскового атамана, предписывалъ казакамъ, не дожидаясь разрѣшенія ходотайствъ о дозволеніи, самимъ переправляться на китайскую сторону и уничтожать тамъ шайки китайцевъ, каковыхъ тамъ вовсе не было: иными словами, онъ же приказывалъ казакамъ заниматься избіеніями мирныхъ китайцевъ, которые на своей же территоріи лишь прятались отъ русскихъ преслѣдованій! Въ своемъ лицемѣріи генер. Грибскій дошелъ до того, что объявилъ о назначеніи имъ слѣдствія по поводу „случаевъ насилій и убійствъ мирныхъ китайскихъ подданныхъ" Но, такъ какъ это слѣдствіе должно было-бы констатировать, что потопленіе и убійство мирныхъ китайцевъ совершены были вслѣдствіе устнаго приказанія самаго военнаго губернатора, то оно, конечно, этого не могло открывать. Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ген. Грибскій объявилъ, что изъ доставленныхъ ему протоколовъ слѣдствія выясняется, что причиной произошедшихъ „случаевъ насилія и убійствъ" было недостаточное единство въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему органовъ администраціи, каковымъ онъ и ставитъ это на видъ. Подражая почти дословно извѣстному приказу императора Николая II, изданному послѣ массовыхъ убійствъ на Ходынскомъ полѣ, причины которыхъ царь также нашелъ въ отсутствіи единства въ распоряженіяхъ властей, — указанное объявленіе ген. Грибскаго, какъ бы говорило, что, если во время такого торжества, какъ коронація, не могли избѣгнуть массовыхъ смертей, то нельзя никого винить за убійства китайцевъ, совершенныя во время бомбардировки Благовѣщенска. И вотъ прошло съ тѣхъ поръ болѣе года, а по дѣлу избіенія и потопленія мирныхъ китайцевъ никто изъ администраціи и полиціи не привлеченъ къ отвѣтственности; ген. Грибскій по прежнему остается военнымъ губернаторомъ, всѣ подчиненныя ему лица остаются на своихъ мѣстахъ и продолжаютъ свои достойныя дѣянія.

Между тѣмъ, дознано, что нѣкоторыя административныя лица разсылали прямыя письменныя приказанія истреблять китайцевъ во всей Амурской области. Поэтому то массовыя и единичныя избіенія мирныхъ китайскихъ подданныхъ и производились во многихъ деревняхъ крестьянами, а въ станицахъ — казаками. Изъ лицъ, занимавшихся разсылками своимъ подчиненнымъ вышеупомянутыхъ приказаній по Амурской области особенную извѣстность тамъ пріобрѣли: казачій

полковникъ Волковинскій, окружный начальникъ Тузлуковъ и становой приставъ Волковъ.

* * *

По Айгунскому трактату, заключенному въ 1858 г. между гр. Муравьевымъ-Амурскимъ и представителями китайскаго правительства, вся территорія на лѣвой сторонѣ р. Амура перешла къ Россіи. Но на этой территоріи небольшой уголокъ, лежащій недалеко отъ Благовѣщенска у истока р. Зеи въ Амуръ, исключительно заселенъ былъ маньчжурами. На этомъ пространствѣ, которое извѣстно подъ названіемъ „территорія зазейскихъ маньчжуръ", испоконъ вѣка находилось довольно большое монгольское населеніе, занимавшее до іюля минувшаго 1900-го года 68 деревень и достигавшее 20 тыс. человѣкъ. Хотя населеніе это жило на русской территоріи, но, по Айгунскому трактату, въ административномъ и другихъ отношеніяхъ оно цѣликомъ подчинялось Китаю: эти маньчжуры считались его подданными, ему платили они подати. Занималось это населеніе скотоводствомъ и земледѣліемъ и своими продуктами снабжало жителей Благовѣщенска. Съ окрестнымъ, русскимъ населеніемъ, жившимъ въ сосѣднихъ деревняхъ, эти маньчжуры находились всегда въ самыхъ мирныхъ отношеніяхъ.

Но вотъ начались военныя дѣйствія подъ Благовѣщенскомъ и посыпались приказы выпеназванныхъ администраторовъ объ истребленіи китайскихъ подданныхъ. Послушные начальническимъ повелѣніямъ русскіе крестьяне и казаки вооружились чѣмъ попало и пошли избивать маньчжуръ, сжигать ихъ жилища и грабить ихъ имущество. Не берусь передать всего, происшедшаго на территоріи зазейскихъ маньчжуръ. Скажу лишь, что всѣ 68 деревень истреблены до тла огнемъ, и теперь тамъ торчатъ одни лишь развалины обугленныхъ фанзъ; населеніе частью перетоплено, частью перебито самымъ варварскимъ образомъ, имущество расхищено, скотъ угнанъ русскими. Въ качествѣ иллюстраціи того, какимъ способомъ производилось истребленіе этихъ мирныхъ маньчжуръ, приведу слѣдующіе извѣстные мнѣ случаи.

Въ одной изъ этихъ деревень — въ Алимѣ нѣсколько десятковъ маньчжуръ, увидѣвъ пришедшихъ вооруженныхъ русскихъ крестьянъ, начавшихъ все предавать пламени, спрятались въ одной фанзѣ. Тогда староста, руководившій нападеніемъ, велѣлъ поджечь это строеніе. Дымъ и пламя заставили вскорѣ несчастныхъ искать спасенія въ бѣгствѣ. По одному начали они выскакивать въ окно, но помѣстившіеся возлѣ него крестьяне тутъ же убивали каждаго выскакивавшаго маньчжура. Староста потомъ разсказывалъ, что онъ одинъ положилъ на мѣстѣ „60 тварей". Въ другомъ мѣстѣ толпа крестьянъ пригнала нѣсколько десятковъ маньчжуръ

чжуръ къ обрыву надъ пропастью и сбросила ихъ въ нее. Затѣмъ, спустившись въ пропасть, докололa раненыхъ и оставшихся въ живыхъ.

Совершая, по приказанію-ли начальства, или по собственной иниціативѣ подобныя жестокости надъ безоружными мирными сосѣдями, наши простолюдины искренно думали, что они исполняютъ свой прямой долгъ вѣрноподданныхъ.

„Вотъ и намъ пришлось послужить царю и отечеству“, — наивно заключали иногда свой разсказъ о жестокой и безсмысленной расправѣ такіе „герои“ изъ крестьянъ, перечислявшіе при этомъ, сколько „тварей“ удалось имъ истребить.

Нормальные люди, въ мирное время чувствующіе жалость и къ животнымъ, они становились жестокими варварами въ эти ужасные дни. Вотъ, напр., картинки.

Въ одной русской деревнѣ, втеченіе многихъ лѣтъ, жилъ китаецъ, исполнявшій обязанность пастуха. Всѣ крестьяне относились къ нему дружелюбно, но вотъ до нихъ дошелъ слухъ, что „китайцевъ надо убивать“ Тогда они собираются на сходку и разсуждаютъ о томъ, какъ имъ быть съ единственнымъ у нихъ въ деревнѣ китайцемъ — одинокимъ старикомъ и, хотя всѣ признаютъ, что онъ человѣкъ хорошій, но все же рѣшаютъ, что его надо убить. Когда хозяева, у которыхъ китаецъ жилъ, объявили ему о рѣшеніи общества, онъ покорился своей участи и сталъ просить ихъ, чтобы они сопровождали его до мѣста убійства. „Я одинокій старикъ, нѣтъ у меня ни отца, ни матери, замѣните мнѣ родственниковъ, ведите меня до могилы, такой у насъ обычай“, — сказалъ онъ. Крестьяне, мужъ и жена, исполнили его просьбу, привели его на окраину села, гдѣ односельчане и убили несчастнаго старика.

Другой, извѣстный мнѣ случай, не менѣе характеренъ. Крестьянинъ, проходя по полю, натыкается на лежащую въ лужѣ крови убитую маньчжурку, возлѣ которой барахтается плачущій младенецъ, тщетно ищущій грудь матери. Когда, возвратившись къ себѣ, онъ разсказалъ своимъ домашнимъ объ этой ужасной сценѣ, домочадцы начали упрекать его, почему онъ „не прикончилъ младенца“

Во многихъ мѣстахъ по полямъ, въ кустахъ и по берегамъ Амура долго валялись изуродованные трупы. Несмотря на чрезмѣрное даже стараніе крестьянъ и казаковъ, они все же не могли истребить всѣхъ китайскихъ подданныхъ, — нѣкоторымъ удалось скрыться и они прятались въ лѣсахъ, горахъ, оврагахъ. Но за ними пускались въ поиски и находя расправлялись тутъ же на мѣстѣ.

Только недѣли двѣ спустя, когда жажда къ избіенію безоружныхъ начала исчезать и начальство перестало поощрять это позорное занятіе, находимыхъ еле-живыми, измученныхъ продолжительнымъ голодомъ и перенесенными страданіями

китайскихъ подданныхъ стали подбирать и доставлять въ городъ. Такихъ счастливцевъ, едва волочившихъ отъ изнуренія ноги, вмѣстѣ со спасенными вслѣдствіе особенныхъ ходатайствъ, набралось при полиціи нѣсколько десятковъ человѣкъ, — это изъ многихъ тысячъ китайскихъ подданныхъ, жившихъ въ Благовѣщенскѣ и его окрестностяхъ.

* * *

Не трудно было заранѣе предвидѣть, какой характеръ приметъ война, когда наши солдаты и казаки перейдутъ на китайскую территорію. Лишь только 3-го августа наши войска перешли Амуръ и взяли расположенное противъ Благовѣщенска селеніе Сахалянъ, изъ котораго жители, къ счастью, успѣли заранѣе бѣжать въ глубь страны, какъ немедленно все въ немъ было предано пламени. Двѣ ночи зарево пожара освѣщало Амуръ на большомъ пространствѣ и, вмѣсто зажиточнаго селенія, снабжавшаго Благовѣщенскъ съѣстными продуктами по ничтожнымъ цѣнамъ, теперь торчатъ тамъ одни лишь обгорѣлые пни да покосившіяся печныя трубы.

Но двигаясь все впередъ по Маньчжуріи, наши войска не только предавали все на своемъ пути огню, — они не щадили рѣшительно никого; они безжалостно убивали женщинъ, дѣтей, стариковъ и, изнасиловавъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, тутъ же прикалывали ихъ. Таковы были „подвиги чудо-богатырей“, какъ ген.-губер. Гродековъ въ своихъ телеграммахъ назвалъ нашихъ воиновъ, за „геройскіе подвиги“ которыхъ онъ „не находилъ достаточно словъ для выраженія имъ своей благодарности“ Между тѣмъ, даже нѣкоторые офицеры съ ужасомъ потомъ разсказывали о кровожадныхъ инстинктахъ, которые бывали проявляемы этими „чудо-богатырями“ въ войнѣ съ безоружными, женщинами, дѣтьми и т. п. на китайской территоріи. Побѣдное движеніе генерала Ренненкампфа на Цицикаръ, о которомъ столько восторговъ изливали наши патріотическіе органы печати, по своей жестокости вполнѣ можетъ быть сравнено съ нашествіемъ Чингисхана и Тамерлана, такъ какъ богатая и густо населенная обширная страна въ нѣсколько мѣсяцевъ превращена была мѣстами въ безлюдную пустыню, на которой кое-гдѣ торчали лишь обугленныя фанзы и гдѣ долгое время собаки и коршуны пожирали трупы.

Когда кто нибудь выражалъ свое возмущеніе противъ вышеописанныхъ жестокостей, то почти всегда приходилось слышать такія оправданія: „почитайте, какіе ужасы совершаютъ нѣмцы, французы, англичане въ Китаѣ, не забывайте, что Германскій Императоръ не велѣлъ брать плѣнныхъ и приказывалъ за каждаго убитаго нѣмца уничтожать по китайскому городу. Если такъ ведутъ себя цивилизованныя націи, то чего уже требовать отъ мало-культурныхъ русскихъ“

Противъ такихъ доводовъ трудно было что либо возразить. Бѣлая раса, гордящаяся своей цивилизаціей предъ „полуварварскимъ“ Китаемъ, вполнѣ проявила свою „культурность“ въ этой жестокой войнѣ. На порогѣ 20-го столѣтія буржуазная Европа оказалась не менѣе варварской, чѣмъ полчища Тамерлана и Чингисхана.

Сонинъ.

Элементы идеализма въ соціализмѣ.

II.

Во время полемики съ „учениками“, народники не разъ проводили паралель между условіями труда пролетарія и самостоятельнаго производителя — крестьянина. Хозяйство крестьянина требуетъ безпрерывныхъ и сложныхъ заботъ. Сколько разнообразнаго труда надъ землей, надъ хлѣбомъ, надъ скотомъ; все-то онъ долженъ обдумать, ничего не забыть. Собранъ урожай, онъ же долженъ позаботиться продать его самымъ выгоднымъ образомъ. Сколько ему со всемъ этимъ горя, сколько радости. „И тѣло и умъ и чувство крестьянина, говоритъ г. В. В., упражняются самымъ разнообразнымъ образомъ, условія его труда дѣлаютъ изъ него нормальнаго человѣка.“

У фабричнаго все какъ разъ наоборотъ: „Будучи связанъ съ существующимъ экономическимъ строемъ заработной платой, т. е. связью непостоянной и не обезпечивающей его благополучія; занимая въ организаціи общества не самостоятельное, а случайное положеніе; подчиняясь въ качествѣ наемника произволу хозяевъ и слѣпому механизму машины; служа, наряду съ машиной и рабочимъ скотомъ, дѣлу производства цѣнностей, принадлежащихъ другому — пролетарій служитъ придаткомъ мертваго механизма, не участвуя ни мыслью, ни чувствомъ въ процессѣ, съ которымъ онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ.“*)

Изъ того обстоятельства, что при работѣ пролетарія упражняется только его тѣло, да и то очень однообразно и односторонне, народники заключали, что наемный рабочій долженъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи превращаться во что-то въ родѣ „придатка къ машинѣ“.

Невѣрны во всемъ этомъ выводы, а самое сопоставленіе совершенно вѣрно. Всѣ мысли, всѣ чувства, не земледѣльца только, а всякаго хорошаго хозяина, „занимающаго въ экономической организаціи общества самостоятельное положеніе“, должны быть поглощены его хозяйствомъ. При интенсивной борьбѣ за эту самостоятельность, происходитъ своего рода подборъ хозяевъ и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сохранитъ свое положеніе тотъ изъ двухъ, который ни въ праз-

*) „Наши направленія“ стр. 138—139.

дникъ, ни въ будни, ни днемъ, ни ночью не имѣетъ другихъ помысловъ, ни другихъ чувствъ кромѣ хозяйственныхъ.

Не всегда такъ было, конечно. Въ докапиталистическія времена могъ сохранять свое хозяйственное положеніе и беззаботный человѣкъ, который въ свободное отъ работы время охотнѣе пѣсни пѣлъ, съ сосѣдями разговаривалъ или богу молился, чѣмъ думалъ о хозяйствѣ. Да и самыя думы были тогда поверхностнѣе, такъ сказать. Все главное, основное было предками удумано, самимъ богомъ установлено. Приноравляться къ обстоятельствамъ приходилось лишь въ частностяхъ.

„Рубль и свистъ машины“ убилъ прежняго беззаботнаго хозяина, вызвалъ бѣшенную борьбу за мѣсто на землѣ, котораго прежде, такъ или иначе, всѣмъ хватало, создалъ громадныя производительныя силы, громадную власть человѣка надъ природой, и тѣмъ самымъ уничтожилъ на верху много красиваго (издали въ особенности), а во всей массѣ человѣчества, захваченнаго европейской цивилизаціей, много дѣтскаго, инстинктивнаго, совершеннаго „какъ творенье Божіе“, какъ „галка“, о которой говоритъ Г Успенскій во „Власти земли“ Въ прежнія времена это „совершенство“ утрачивали лишь освобожденные отъ матеріальныхъ заботъ верхи цивилизованныхъ націй. Въ XIX вѣкѣ цивилизованное человѣчество, въ первый разъ въ теченіе переживаемаго имъ „пролога“ къ исторіи, сдѣлало, всей своей захваченной до самыхъ низовъ массой, громадный скачекъ прочь отъ звѣря и его совершенства.

Марксъ говоритъ, что самый плохой архитекторъ тѣмъ отличается отъ самой умной пчелы, что его постройка заранѣе существуетъ въ его умѣ въ видѣ плана. Не знаю насчетъ пчелы: слишкомъ ужъ чуждо намъ это мудреное маленькое твореніе съ его сложнымъ хозяйствомъ. Но какъ-то невѣроятно, чтобы смышленый бобръ или хоть та же галка не имѣли никакого представленія о томъ, что выйдетъ изъ ихъ работы. А съ другой стороны: планъ національнаго жилища временъ натуральнаго хозяйства — нашей избы напримѣръ — это планъ не отдѣльнаго архитектора, а цѣлаго племени, планъ постепенно сложившійся въ незапамятныя времена. И изъ вѣка въ вѣкъ, на сотни верстъ, разницы между избами было не много больше, чѣмъ между гнѣздами. Такой же общей для данной мѣстности и незапамятной по происхожденію была одежда, утварь — всѣ принадлежности матеріальной культуры. И также прочны и общи были знанія, сливавшіяся съ вѣрованіями, правила поведенія, понятіе о добрѣ и злѣ, пѣсни и поговорки. Разносторонни были заботы людей, но вѣдь не односторонни онѣ и у птицы, она тоже и матеріалы для постройки добываетъ и мѣсто для нея выбираетъ и пищу разъискиваетъ себѣ и дѣтямъ и пѣсни поетъ. Только объ

одеждѣ ей и не приходится заботиться. Какъ нарочно именно съ одежды началось въ Европѣ разрушеніе старыхъ выросшихъ вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ способовъ удовлетворенія его потребностей. Разрушивъ старые способы хозяйствованія, вызвавъ отчаянную борьбу за существованіе и расширеніе своей хозяйственной самостоятельности и подборъ хозяевъ, капитализмъ тѣмъ самымъ разрушилъ старыя правила поведенія, старыя знанія о томъ, что есть и будетъ, а мимоходомъ и стараго живого бога, вмѣшивавшагося во всѣ области жизни, все предписавшаго и устроившаго именно такимъ, какимъ оно было и перестало быть.

„Маленькой стала“, по выраженію Ничше, когда-то необъятная, невѣдомая и таинственная земля и съ каждымъ годомъ становится все меньше, все яснѣе видна она вся отъ края до края, быстрѣе и быстрѣе мѣняется на ней все, до чего прикасаются люди, все виднѣе механизмъ этихъ измѣненій, все яснѣе: какъ дѣлаются людьми, а никѣмъ инымъ — и прескверно дѣлаются — ихъ общественныя отношенія и вытекающая изъ нихъ исторія.

Не „культъ довольства“, собственно, какъ думаетъ г. Струве, заполнилъ собою всѣ области сознанія современныхъ хозяевъ міра, а культъ наживы, постояннаго и непрерывнаго расширенія и укрѣпленія ихъ хозяйской самостоятельности. Въ низшихъ слояхъ городской и деревенской буржуазіи накопленіе ради расширенія производства или торговли происходитъ въ ущербъ довольству. Далеко не одна жажда наслажденія всякими благами, а съ одной стороны, сознаніе возможности чуть не безграничнаго прогресса личнаго обогащенія, а съ другой — еще живѣйшее сознаніе непрочности положенія на достигнутой ступени, страхъ за будущее заставляютъ всѣхъ и большихъ и малыхъ хозяевъ „превращеннаго въ лавку міра“ карабкаться не останавливаясь все выше и выше. Запнись только, зазѣвайся по сторонамъ и тебя обгонятъ и столкнутъ на самое дно, гдѣ, если встанешь на ноги, то уже пролетаріемъ.

Въ особомъ положеніи очутился этотъ выброшенный изъ свалки классъ: пролетаріатъ. Новый классъ, котораго въ старомъ, прочномъ мірѣ не существовало. Пролетарій дѣйствительно „связанъ съ работой только тѣломъ“. Думать пристально объ этой чужой работѣ ему приходится, главнымъ образомъ, только тогда, когда ее нѣтъ, когда ее найти надо. Не работа его интересуетъ, а только условія найма, но и объ нихъ раздумывать въ одиночку для него мало проку: все, что онъ можетъ тутъ подѣлать, это перейти къ другому хозяину.

Да, если бы умъ и чувство человѣка могли наполняться только его индивидуальной заботой и работой, а при равнодушіи къ ней должны были оставаться пустыми, пролетарій

оказался-бы тупѣе не то что крестьянина, а всякой порядочной кошки, которая относится къ своему охотничьему ремеслу съ самымъ живымъ интересомъ и упражняетъ на немъ всѣ свои кошачьи способности: умъ и чувство, также какъ и лапы. А пролетарій связанъ со своей работой только тѣломъ, его умъ и чувство остаются свободными... для болѣе широкихъ, болѣе общихъ интересовъ, чѣмъ всѣ сложныя подробности самостоятельнаго хозяйствованія.

Свободными остаются они и въ другомъ отношеніи. Мы уже говорили, что для самостоятельнаго хозяина, если онъ не находится въ неоплатныхъ долгахъ и не идетъ съ безнадежной ясностью къ пролетаризаціи, всегда открыты перспективы личнаго обогащенія, движеніе со ступеньки на ступеньку, причемъ, подъемъ на каждую, облегчаетъ достиженіе слѣдующей.

Эти безграничныя перспективы личнаго обогащенія дѣлаютъ для буржуазіи психологически недоступными широкія общественныя задачи, замѣняютъ для нея и всякія идеальныя цѣли и былое „царство небесное“ На низшихъ ступеняхъ хозяйствованія буржуа съ такимъ же жаромъ, съ такимъ же благочестіемъ постится, и заставляетъ поститься семью, ради избѣжанія пролетарскаго ада и проложенія себѣ пути къ капиталистическому раю, съ какимъ самые благочестивые изъ его предковъ постились ради божьяго рая, и избѣжанія его ада.

Для пролетарія, какъ такового, нѣтъ личнаго будущаго. Всматриваясь въ свое будущее, онъ ничего тамъ не увидитъ, кромѣ уменьшенія своей рабочей силы и пониженія заработка. Мечтать о личномъ обогащеніи, для него также удобно, какъ о выигрышѣ въ лоторею, для человѣка, не имѣющаго билета. Бываютъ, быть можетъ, и такіе, но, вообще говоря, это невозможно.

Пролетарій также боится, разумѣется, какъ и буржуа, какъ и всякое живое существо, „холода, голода и всяческой нужды“, ожидающей его съ пониженіемъ рабочей силы. Но если этотъ страхъ побуждаетъ буржуа упорно заботиться о своемъ будущемъ, то простое чувство нравственнаго самосохраненія побуждаетъ пролетарія, какъ можно рѣже вспоминать о своемъ. Отсюда, оплакиваемое буржуазными „друзьями“ пролетарія, его непредусмотрительность, отсутствіе въ немъ благоразумной страти къ накопленію, его щедрость, засвидѣтельствованная всей его исторіей. Прикопленныя суммы денегъ представляютъ совершенно различныя вещи для самостоятельнаго хозяина и для пролетарія: для перваго — это вложенный въ хозяйство посѣвъ, обѣщающій цѣлый рядъ умножающихся жатвъ; для второго — это кусокъ печенаго хлѣба, отъ котораго, разъ онъ съѣденъ, ничего не остается. Усиленно недоѣдать въ настоящемъ, для того только, чтобы немножко (много то не накопишь) отсрочить голодъ въ ста-

рости — для этого нужно обладать исключительно мрачнымъ характеромъ: уподобиться тѣмъ людямъ, которые цѣлую жизнь о своей будущей смерти думаютъ.

Пролетаріатъ появился, при этомъ, на свѣтъ именно вслѣдствіе крушенія старыхъ экономическихъ условій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и твердыхъ старыхъ знаній и вѣрованій. Вмѣстѣ съ хозяйственной самостоятельностью, онъ постепенно утратилъ также и надежду на загробное вознагражденіе за всѣ земныя непріятности. Онъ вступаетъ въ жизнь безъ готовыхъ отвѣтовъ на задаваемые ею вопросы, безъ готовыхъ, принявшихъ опредѣленную форму, надеждъ на лучшее будущее на землѣ или на небѣ и безъ сомнѣнія съ громадной, свойственной всѣмъ людямъ, потребностью въ надеждѣ.

Вмѣстѣ съ старымъ бытомъ и старыми знаніями разрушились и старыя, подробныя правила отношенія людей другъ къ другу: нравственность нравовъ и обычаевъ. Въ мірѣ собственниковъ съ его погоней за личной наживой, не стѣсняясь — въ предѣлахъ уголовнаго кодекса — ничьимъ благомъ и ничьей гибелью, не выработалось и не можетъ выработаться никакой живой добавочной нравственности къ весьма льготнымъ для него предписаніямъ этого кодекса.

У пролетаріата съ первыхъ же шаговъ его существованія въ капиталистическомъ обществѣ, самыми условіями этого существованія, начинаетъ вырабатываться солидарность, — это необходимое условіе той общественной нравственности, которая одна только и можетъ давать людямъ силу ставить предъ собою общественныя задачи и стремиться къ ихъ осуществленію.*)

Все это задатки, дѣлающіе пролетаріатъ способнымъ стать гробовщикомъ капитализма и создателемъ новаго соціалистическаго строя. Но только задатки, конечно. Даже идея классовой солидарности всего пролетаріата, являющаяся какъ бы естественнымъ расширеніемъ самобытной профессіональной солидарности, не такъ уже проста, чтобы самостоятельно зарождаться въ головѣ каждаго рабочаго; но какъ легко, какъ естественно она распространяется, можно воочію наблюдать на ростѣ только что зародившагося русскаго рабочаго движенія. Соціализмъ, какъ опредѣленная теорія, положенная въ основу программы рабочей партіи, ужъ и вовсе не вырастаетъ въ головахъ рабочихъ „самъ собою изъ экономіи“, какъ готовы были думать нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ, черезъ чуръ упрощая идею зависимости идеологіи отъ экономіи. Соціалистическая теорія была подготовлена всѣмъ

*) Иной общественной нравственности никогда и не существовало. Мѣнялись, расширялись, сжимались тѣ коллективности, въ которыя были соединены люди; мѣнялось содержаніе добра и зла, предписываемаго и запрещаемаго нравственностью, но основой ея всегда оставалось благо данной коллективности, солидарность ея членовъ.

развитіемъ и жизни, и знанія XVIII-го и XIX-го вѣка, и создана вооруженнымъ этимъ знаніемъ геніальнымъ умомъ. Также и начало распространенія идей соціализма среди рабочихъ положили, почти на всемъ континентѣ Европы, соціалисты, получившіе образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ для высшихъ классовъ. И тѣмъ не менѣе соціализмъ есть ученіе пролетаріата, соціалистическій строй можетъ быть цѣлью лишь партіи пролетаріата и можетъ быть осуществленъ лишь подъ его диктатурой. И это не потому только, что соціалистическій строй является для класса пролетаріевъ единственнымъ выходомъ изъ его неустойчиваго положенія, фатально обрекающаго значительную часть каждаго поколѣнія этого класса на прямую гибель отъ безработицы и нищеты, а также и потому, что одинъ только пролетаріатъ заранѣе психически подготовленъ самой жизнью къ условіямъ соціалистическаго строя. Нѣкоторыми сторонами своего существованія онъ теперь уже живетъ въ условіяхъ этого строя. Рядомъ съ привычкой пролетарія къ мысли о невозможности повышенія его личнаго благосостоянія иначе какъ посредствомъ повышенія благосостоянія всей коллективности, къ которой онъ принадлежитъ, главнѣйшимъ условіемъ, дѣлающимъ пролетарія соціалистомъ является отмѣченная г. В. В. особенность его положенія: онъ связанъ со своей работой только тѣломъ, она для него не сама жизнь, а только средство къ жизни, вычетъ изъ жизни. Жизнь мысли и чувства, свободную дѣятельность ради высшихъ цѣлей онъ создаетъ себѣ, гдѣ можетъ, лишь за предѣлами работы.

Трудъ для удовлетворенія основныхъ матеріальныхъ потребностей общества долженъ остаться „царствомъ необходимости“ также и при соціалистическомъ строѣ.

Утописты, стремившіеся прельстить высшіе классы на осуществленіе ихъ проэктовъ рядомъ съ картинами роскоши всегда обѣщали превращеніе труда въ наслажденіе. Какъ о свободномъ наслажденіи говорятъ о немъ анархисты, говоритъ В. Моррисъ въ своей утопіи. Основатели научнаго соціализма рѣзко отличаются отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Марксъ неоднократно настаиваетъ на томъ, что свободная дѣятельность, ради самой дѣятельности, свободное всестороннее развитіе индивидуума можетъ происходить лишь за предѣлами труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Люди должны стремиться къ тому, чтобы этотъ трудъ отнималъ у нихъ какъ можно меньше часовъ въ днѣ, дней въ году, лѣтъ въ жизни, но производство предметовъ, удовлетворяющихъ матеріальныя потребности общества, всегда останется областью необходимости, а трудъ въ этой области обязанностью.

Если не непремѣнно наслажденіемъ, то жизнью, самой сутью жизни представляется трудъ нашимъ народникамъ.

Лишь на разностороннемъ и самостоятельномъ трудѣ крестьянина, упражняющемъ всѣ его силы и способности, можетъ вырабатываться разносторонній и самостоятельный типъ человѣка. Отсюда ненависть къ раздѣленію труда — это расчлененіе самой души человѣка, его жизни; предоставленіе ему вмѣсто цѣльной жизни только ея кусочка. И для всякаго демократа, ссли онъ смотритъ на міръ съ точки зрѣнія не пролетарія, а мелкаго самостоятельнаго производителя, не только капитализмъ, но и тотъ новый строй, для котораго капитализмъ подготовляетъ почву, долженъ представляться приниженіемъ и стѣсненіемъ индивидуума. „Какая казарма и какая скука!“ говоритъ Г Успенскій о томъ соціализмѣ, до котораго додумались западные люди, изгнанные изъ рая натуральнаго хозяйства.

Несомнѣнно только, что пока длилось это всестороннее и всепоглощающее упражненіе всѣхъ силъ человѣка на необходимомъ трудѣ, дремала, не выходя за предѣлы требуемые трудомъ, главнѣйшая изъ силъ человѣка — мысль. Ея прогрессивное развитіе начиналось лишь тамъ, гдѣ, такъ или иначе, часть населенія освобождалась отъ поглощенія всѣхъ силъ и помысловъ физическимъ трудомъ и хозяйственными заботами. Цѣлесообразный умственный трудъ, широкіе общественные интересы, художественное творчество — вся эта область свободной дѣятельности развиваясь всегда отдѣлялась отъ области необходимаго труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Соединиться въ жизни каждаго индивидуума при соціалистическомъ строѣ, эти двѣ области могутъ не иначе какъ оставаясь: одна свободной, — другая необходимой, а слѣдовательно и обязательной. Физическій трудъ при общественномъ производствѣ долженъ быть сокращенъ до минимума, очищенъ отъ всего мучительнаго и вреднаго, что связано съ нимъ при настоящихъ условіяхъ, но превратиться въ свободное наслажденіе, которое люди хотятъ доставляютъ себѣ, а не хотятъ — не доставляютъ, трудъ не можетъ и не долженъ. Области необходимаго обязательнаго труда и свободнаго развитія, свободной самостоятельной дѣятельности должны остаться раздѣленными, но не между индивидуумами, не между отдѣльными частями населенія, а между частями жизни каждаго индивидуума.

По самымъ условіямъ планомѣрной организаціи общественнаго хозяйства необходимо, чтобы всѣ граждане, какъ можно живѣе интересовались общимъ ходомъ дѣлъ, какъ можно шире и полнѣе участвовали въ общественномъ законодательствѣ и въ тоже время какъ можно меньше дорожили своими личными вкусами и склонностями при выполненіи того кусочка матеріальнаго труда, который достается на долю каждаго. Чѣмъ полнѣе индивидуумъ будетъ предоставлять себя, въ этой области, въ распоряженіе коллективности — тѣмъ лучше.

Именно къ такому отношенію къ работѣ ради удовлетворенія своихъ физическихъ потребностей жизнь подготовила пролетарія: онъ отдается этой работѣ только тѣломъ, въ противоположность самостоятельному хозяину, вынужденному отдавать ей и мысль и чувство. А съ другой стороны, классовая борьба, участіе въ жизни своей партіи, свобода отъ помысловъ о личной матеріальной карьерѣ (при настоящихъ условіяхъ мучительная свобода, вытекающая изъ безнадежности) — все это пріучаетъ рабочаго горячо относиться къ общимъ интересамъ, дѣлать ихъ своими личными.

* * *

Одно изъ главнѣйшихъ различій между нашимъ пониманіемъ соціализма и „критическимъ“ заключается, на мой взглядъ, въ томъ, что, „критики“ сводятъ (и намъ подсовываютъ это сведеніе) всѣ результаты соціализма къ одному лишь достиженію матеріальнаго благосостоянія.*)

Съ нашей точки зрѣнія, общественно психологическое, этическое значеніе замѣны современнаго строя соціалистическимъ заключается въ освобожденіи людей отъ личныхъ, индивидуальныхъ заботъ о своемъ личномъ (или семейномъ) благосостояніи, въ прекращеніи унизительной борьбы между людьми за хлѣбъ, за довольство, въ освобожденіи души отъ страхъ завтрашняго голода, въ уничтоженіи, слѣдовательно, не только необходимости, но самой возможности превращать обезпеченіе своего личнаго довольства въ объектъ культа, въ верховную цѣль и высшую цѣнность жизни.

Конечной цѣли человѣчества мы, разумѣется, и предвидѣть не можемъ. Освободившись отъ рабства предъ своими экономическими отношеніями (смѣнившаго рабство предъ силами природы и предъ своей собственной инертностью) человѣчество впервые получитъ самую возможность ставить себѣ цѣли и дѣйствительно достигать желаемыхъ результа-

---

*) Уже этимъ однимъ, въ три пріема (а то и меньше) достигается полное упраздненіе соціализма,

1. Различныя реформы, потребительныя товарищества, контроль профессіональныхъ союзовъ надъ порядками на фабрикахъ (Ausholungstheorie) и проч., — все это улучшаетъ положеніе рабочихъ (что, во всякомъ случаѣ, только части рабочихъ — объ этомъ умалчивается), поэтому одинъ лишь злостный догматизмъ и духовная смерть мѣшаютъ ортодоксамъ признать, что соціализмъ (= благосостояніе) уже осуществляется при капиталистическомъ строѣ.

2. Но соціалистическій строй (т. е. матеріальное довольство) не можетъ же самъ себѣ служить цѣлью. Извѣстная степень довольства есть лишь условіе совершенствованія личности.

3. Теперь это условіе до извѣстной степени уже достигнуто, примемся же поэтому совершенствовать личность.

Такимъ образомъ отъ соціализма не остается равнехонько ничего. Онъ едва замѣтными переходами сливается съ благожелательными реформаторскими стремленіями и „разумной филантропіей“ просвѣщенной буржуазіи, лучшіе образчики которой имѣются въ Англіи.

товъ, — возможность дѣлать свою исторію, а не только претерпѣвать ее. Но конечной цѣлью классовой борьбы пролетаріата, конечной цѣлью революціонной соціаль-демократіи является организація соціалистическаго строя и ничто другое. О дальнѣйшихъ шагахъ человѣческаго рода мы можемъ мечтать, но не можемъ сдѣлать ихъ своей цѣлью, такъ какъ, даже при увѣренности, что лучше нашихъ мечтаній люди ничего не съумѣютъ придумать (а это болѣе чѣмъ сомнительно), мы все же ничего другого не можемъ сдѣлать для ихъ осуществленія, какъ подготовлять и собирать силы для водворенія соціалистическаго строя, слѣдовательно нашей конечной цѣлью остается именно этотъ строй.

Не мгновенно, конечно, не на другой день послѣ побѣды пролетаріата надъ современными господами положенія „зло перейдетъ въ свою противоположность — въ добро“, какъ угодно иронизировать гг критикамъ. Намъ думается, наоборотъ, что когда пролетаріатъ, какъ партія, достигнетъ власти и начнетъ принимать мѣры для превращенія современнаго общественнаго производства съ цѣлью личной наживы, въ общественное производство для удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общества, тогда-то, въ особенности, отъ пролетаріата, какъ класса психологія котораго заранѣе приспособилась къ возникающимъ условіямъ, потребуется больше великодушной выдержки и горячей преданности общественному дѣлу чѣмъ когда либо. Тогда-то, именно, всѣмъ „соціалистамъ вчерашняго дня“, всѣмъ тѣмъ, для кого соціалистическій строй былъ заранѣе желанной, сросшейся съ ихъ душой цѣлью, нужно будетъ всего больше „практическаго идеализма“, а быть можетъ и прямого самоотверженія.

Какъ бы гладко и безпрепятственно ни шла чисто матеріальная сторона общественнаго переустройства, не сразу оправится человѣчество отъ послѣдствій перенесенной имъ болѣзни роста, называемой капитализмомъ. Много нужно будетъ самаго великодушнаго терпѣнія уже на то одно, чтобы поднять и вылѣчить измученную часть пролетаріата, которая теперь, насильственно отученная и отъ правильнаго труда, и отъ правильнаго удовлетворенія хотя бы самыхъ минимальныхъ потребностей, живетъ на самомъ днѣ того общества, гдѣ страданія отъ нищеты „продолжаютъ развиваться быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство“, какъ бы старательно ни заслонялись отъ этого факта цифрами „возростанія среднихъ доходовъ“ всѣ противники революціонной соціаль-демократіи.

Ея конечная цѣль окажется, по всему вѣроятію, вполнѣ достигнутой лишь тогда, когда подростетъ поколѣніе, начавшее свою сознательную жизнь при новыхъ условіяхъ, для котораго зависимость уровня матеріальнаго благосостоянія отдѣльнаго лица отъ благосостоянія всей страны и необходимость тратить на общественную работу опредѣленную часть

своего времени сдѣлается такой же естественной и не подлежащей спору вещью, какъ смѣна временъ года или необходимость тратить на сонъ извѣстное число часовъ въ сутки.

Итакъ, не одно только матеріальное „довольство“ является конечной цѣлью революціонной соціаль-демократіи, а избавленіе людей отъ подавленія ихъ высшихъ, позднѣе развившихся, болѣе сложныхъ свойствъ матеріальной основой жизни: у однихъ — посредствомъ буквальнаго голода, всякихъ лишеній и черезмѣрной работы, у другихъ — посредствомъ поглощающихъ всѣ помыслы и чувства хозяйственныхъ заботъ, у третьихъ — увлекательной погоней за безконечнымъ обогащеніемъ.

Мы не называемъ человѣка ни святымъ, ни божественнымъ, но мы о немъ неизмѣримо лучшаго мнѣнія, чѣмъ наши метафизическіе идеалисты. Ихъ опасеніе, что люди превратятся въ свиней, если начнутъ ѣсть до сыта, не подвергшись предварительно метафизическому усовершенствованію, кажется намъ безконечно „аристократическимъ“ („Vornehm“), навѣяннымъ Ничше, презрѣніемъ къ человѣческому роду, несмотря на высокопарнѣйшіе комплименты, преподносимые отвлеченному „человѣку“

Съ тѣхъ поръ, какъ разрушились старыя условія существованія, своей ограниченностью и неподвижностью внушавшія людямъ иллюзію всезнанія, завершавшуюся въ религіи, — среди массъ, среди „рабовъ“, а не только „господъ“ (употребляя дѣленіе Ничше) все шире и шире распространяется сознаніе своего незнанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жажда знанія. Свидѣтельствъ этому нѣтъ конца.

Процентъ активно „ищущихъ истины“ среди пролетаріата, не смотря на все неравенство условій, едва-ли не больше чѣмъ среди „высшихъ“ классовъ. Но если послѣдніе выказываютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое „свинство“, то причина его заключается, намъ кажется, не въ самой „сытости“, а въ напряженности борьбы за собственность, заставляющей все и вся — производство добра, истины и красоты въ томъ числѣ — превращать въ спеціальное средство къ наживѣ и предоставлять спеціалистамъ. Чтобы, — освободившись отъ личной борьбы за наживу, отъ страха завтрашняго голода и отъ страданій сегодняшняго — люди вдругъ утратили жажду знанія, свою главнѣйшую особенность въ ряду живыхъ существъ, это также вѣроятно, какъ то, чтобы выпущенная изъ клѣтки птица вдругъ, ни съ того ни съ сего, превратилась въ лягушку.

А красота? Объ ней-то ужъ и говорить нечего. Кто ее не любитъ, отъ дѣтей до стариковъ и отъ дикарей до нашихъ „критиковъ“? Правда, слишкомъ многимъ теперь не до красоты, такъ же точно, какъ не до истины, не до общественныхъ интересовъ, не до дружбы, не до любви въ чисто че-

ловѣческомъ смыслѣ этого слова. Рыночная борьба, поглощая всѣ душевныя силы, оттѣсняетъ и извращаетъ всѣ высшія человѣческія потребности. Она извращаетъ также и способы ихъ удовлетворенія, переполняя рынокъ суррогатами истины и красоты и всего того, что по самому существу своему не выноситъ рыночной борьбы и оцѣнки и можетъ свободно развиваться лишь *надъ* экономической основой жизни, удовлетворяющей всѣ низшія, основныя человѣческія потребности.

* * *

Во всякомъ случаѣ „соціально-политическій романтизмъ, который сопровождается мученичествомъ и создаетъ прекрасные героическіе образы", уже исчезъ безвозвратно, утверждаютъ наши критики; но и тутъ, думается намъ, они слишкомъ спѣшатъ своимъ утвержденіемъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о героизмѣ открытой борьбы съ оружіемъ въ рукахъ? А... было бы у людей за что́ бороться, было бы нѣчто общее и дорогое — героизмъ найдется, когда понадобится.

Въ западной Европѣ соціалистическій пролетаріатъ уже добился возможности работать надъ расширеніемъ и укрѣпленіемъ своихъ партій. Въ этой необходимой работѣ вооруженныя возстанія помочь не могли, и за послѣднія дѣсятилѣтія до крупныхъ кровопролитій дѣло, дѣйствительно, нигдѣ, кромѣ Италіи, не доходило. Но если мысли и чувства людей заняты этой организаціонной работой, если изъ года въ годъ они съ не ослабѣвающей энергіей тратятъ на нее силы, время, свои скудныя средства, можно съ увѣренностью сказать, что они будутъ защищать свое дѣло и съ оружіемъ въ рукахъ, когда понадобится.

Когда есть у людей, не на словахъ только, а въ мысляхъ, въ чувствахъ, объединяющее ихъ нравственное отечество, у нихъ есть и патріотизмъ, заставляющій бороться за него. Военный героизмъ открытой борьбы — чувство, быстро разростающееся и быстро угасающее. Это говоритъ намъ вся исторія до южно-африканской войны включительно. Предъ началомъ этой войны такого героизма самозащиты, какой проявляется ими, буры, быть можетъ, и сами отъ себя не ожидали.

Но мы забыли, что сущность нашей „трезво реалистической" и оппортюнистически-филистерской „критики" заключается именно въ отрицаніи соціализма, какъ достижимой цѣли объединеннаго пролетаріата, а такое отрицаніе логически вело (и быстро привело) къ отрицанію или, по меньшей мѣрѣ, къ полнѣйшему игнорированію объединяющей силы идеи революціоннаго соціализма, — этого нравственнаго отечества пролетаріата и всѣхъ тѣхъ выходцевъ изъ сферы, охваченной атмосферой индивидуальной погони за наживой, которые не могутъ ни умомъ, ни чувствомъ допустить, чтобы будущее принадлежало прогрессирующей ... лавкѣ.

Да, глядя на міръ съ точки зрѣнія такого рода „реализма“, остается только — не то па Ничше, да на декадентскую беллетристику надѣяться, не то богу молиться, чтобы „сотворить“ въ своихъ представленіяхъ о будущемъ хоть какой нибудь просвѣтъ въ сторону „совершенствованія“ А самое лучшее по рецепту г Бердяеву, „взглянуть на міръ sub specie aeternitatis“, тамъ ужъ ровно ничего не видно и ничто не мѣшаетъ созерцать абсолютную истину и красоту.

* * *

Съ нравственной, съ психологической стороны „бернштейнство“, въ широкомъ смыслѣ, пріобрѣтенномъ этимъ словомъ, представляется мнѣ приспособленіемъ буржуазной нравственности къ условіямъ существованія верхняго слоя пролетаріата, — борьбой за душу этого слоя. Вопросъ въ томъ, присоединится-ли онъ психически къ міру собственниковъ, или останется вѣренъ классовому сознанію пролетаріата.

Въ немѣцкой буржуазной литературѣ давно высказывалась та надежда, что если верхніе слои пролетаріата пріобрѣтутъ хоть что нибудь прочное, хоть крошечное мѣстечко въ буржуазной лавочкѣ, — лавочка съѣстъ ихъ пролетарскую душу, вытравитъ изъ нея всѣ революціонно-соціалистическія фантазіи. Но буржуазнымъ писателямъ приходилось разговаривать „промежь себя“: когда пролетаріатъ узнавалъ объ этихъ прорицаніяхъ, онъ съ презрѣніемъ ихъ отбрасывалъ. Бернштейнъ съ Ко. заставили соціаль-демократію выслушать и обсуждать тоже самое подъ другимъ соусомъ.

Въ Германіи давно уже существующіе профессіональные союзы за послѣдніе годы распространяются сильнѣе прежняго; основалось и процвѣтаетъ много потребительныхъ товариществъ. Сильнѣйшее участіе принимали во всемъ этомъ рабочіе-соціалисты, но они не превращали, употребляя выраженіе г Струве, эти средства нѣсколько улучшить свое положеніе „въ высшую цѣнность и верховную цѣль“ своей дѣятельности. Такой высшей цѣнностью оставалась для нихъ партія съ ея „верховной цѣлью“ соціалистическаго переворота. Отбросивъ „цѣль“, Бернштейнъ сохранилъ слово „соціализмъ“, но вложилъ въ него другое содержаніе: соціализмъ не есть достиженіе какой-то общей цѣли, онъ уже теперь осуществляется въ каждой реформѣ, въ каждомъ успѣхѣ профессіональныхъ союзовъ, въ кажной потребительной лавочкѣ.

„Дѣлайте то, что вы дѣлали, но дѣлайте это съ чистой совѣстью, съ убѣжденіемъ, что вы осуществляете соціализмъ,“ розюмировалъ ученіе Бернштейна его истолкователь на Ганноверскомъ конгрессѣ, Давидъ. Онъ видитъ въ этомъ перенесеніи „высшей принципіальной цѣнности“ съ конечной цѣли класса на профессіональныя и потребительныя учрежденія нѣкоторыхъ его группъ, главную заслугу Бернштейна.

Вполнѣ соотвѣтствуетъ стремленію перенести ореолъ пріобрѣтенной *классовой* борьбы пролетаріата на *групповую*, также и мнѣніе г. Бернштейна относительно необходимости привить пролетаріямъ недостающее имъ чувство личной нравственной отвѣтственности за свои неудачи въ жизненной борьбы, а слѣдовательно, — хотя г. Бернштейнъ и не прибавляетъ этого, — и чувство презрѣнія со стороны удачниковъ къ неудачникамъ. Въ этомъ „принципѣ“ заключается самая сущность нравственной атмосферы міра собственниковъ, гдѣ раззорившійся человѣкъ теряетъ не только благосостояніе, но и уваженіе людей той ступени, на которой стоялъ, а если не запасся какимъ нибудь высшимъ „нравственнымъ маякомъ“, то и самоуваженіе.

Наши критики правы, говоря, что вытѣсненіе революціоннаго соціализма ихъ міровоззрѣніемъ имѣло-бы большое этическое значеніе. Не мудрено, что вся пишущая и говорящая буржуазія такъ обрадовалась новому теченію. Его главнѣйшая привлекательность для буржуазныхъ политиковъ заключается конечно, въ открывающейся перспективѣ постепеннаго стиранія существенныхъ различій между соціаль-демократіей и другими „прогрессивными“ партіями, въ надеждахъ на постепенное превращеніе соціаль-демократіи въ одну изъ обычныхъ парламентскихъ партій, избиратели которыхъ не связаны никакой общей программой, общей цѣлью и вотируютъ подъ вліяніемъ текущихъ событій и настроеній или разсчетовъ на немедленныя выгоды, которыхъ съумѣетъ наобѣщать ловкій кандидатъ. Такія партіи, какъ показалъ опытъ, гораздо удобнѣе въ качествѣ соперницъ при выборахъ. Всегда можно надѣяться ловкимъ маневромъ переманить отъ нихъ значительное число избирателей.

Но даже и помимо этихъ практическихъ перспективъ, у всей той части буржуазіи, которая обращаетъ на эти вещи хоть какое нибудь вниманіе*) не можетъ не возбуждать отраднаго чувства предвкушеніе той гармоніи, того единства этическихъ принциповъ, которое при побѣдѣ бернштейніанства водворилось бы во всѣхъ углахъ буржуазной лавки. Эта побѣда дѣйствительно „заштопала“-бы всѣ дыры, черезъ которыя въ лавку, не знающую иной серьезной цѣли кромѣ наживы, иного дѣйствительнаго мѣрила достоинста людей

*) Для буржуа, не обращающаго рѣшительно никакого вниманія ни на что кромѣ собственнаго промышленнаго или торговаго предпріятія, профессіональныя или кооперативныя учрежденія рабочихъ могутъ, при случаѣ, показаться вреднѣе соціализма. Для торговцевъ той улицы, напр., на которой открылась потребительная лавка, она можетъ быть противнѣе всякаго Zusammenbruch'a: онъ когда-то еще будетъ, а мерзкая лавченка уже сейчасъ покупателей перебиваетъ. Хотя съ другой стороны, лавки открывалися и безъ бернштейніады, и ужъ будутъ ли онѣ считаться просто лавками, или кусочками соціализма — для лавочника отъ котораго уходятъ покупатели, не велика разница.

кромѣ удачи въ борьбѣ за эту наживу, врывается пролетарское міросозерцаніе, благодаря которому неимущіе гордятся своимъ званіемъ пролетаріевъ и считаютъ себя членами единаго „рабочаго класса“, соединяющагося въ великую партію, не для наживы (наоборотъ, еще тратятъ и время и скудные гроши на общее дѣло), а во имя общей, не пятачками достигаемой, отъ наживы независимой, сравнительно отдаленной цѣли, каковой нѣтъ и быть не можетъ у живущей лишь личными интересами буржуазіи. И вотъ ей обѣщаютъ, что конечная цѣль будетъ убрана съ дороги, а опротивившій соціализмъ, сохранивши только имя, превратится въ копѣечныя улучшенія по принципу буржуазнаго строя, въ которомъ „жить лишь тотъ имѣетъ право, кто имѣетъ что-нибудь“, хотя бы только болѣе постоянный заработокъ. Тысячи прибавляются къ милліонамъ; къ имѣющемуся на лицо пятачку можетъ быть прибавлена копѣйка, а для остальной массы, не получившей ни „кусочка соціализма“: рабочій домъ или тюрьма. При чемъ сторонники соціализма по кусочкамъ, также охотно, едва-ли не охотнѣе самой буржуазіи, стараются изгнать съ поля своего умственнаго зрѣнія эту остальную массу

Съ своей гордой высоты соціализмъ низводится на лавочный уровень. За неудачу на рынкѣ труда не голодъ только, а нравственная отвѣтственность, а удача даетъ не только лишній кусокъ хлѣба, но и сознаніе своего превосходства въ качествѣ осуществителей новаго „соціализма“ Все какъ у буржуазіи. Тамъ люди расцѣниваются на тысячи и милліоны — здѣсь на пятачки, но принципъ одинъ. Развѣ это не должно быть пріятно буржуазному сердцу?

Нѣмецкая буржуазія ничего не знаетъ о проектѣ г Бердяева украсить буржуазную лавку букетомъ бумажныхъ цвѣтовъ „абсолютнаго добра, истины и красоты“, но если бы узнала, нашла бы, конечно, что онъ ни на волосъ не нарушаетъ гармоніи. Сама буржуазія забавлялась въ дѣтствѣ этимъ букетомъ. Долгіе годы чуть не вся абсолютно идеальная фразеологія гг. Бердяева и Струве переполняла собою литературу и перешла наконецъ въ наиболѣе скучныя изъ дѣтскихъ книгъ. О „божественномъ идеалѣ добра, истины и красоты“, о „звѣздномъ небѣ надъ нами и нравственномъ чувствѣ внутри насъ“ и проч. и проч. можно было даже у насъ въ Россіи еще въ 60-хъ годахъ услышать, во французскомъ переводѣ, отъ старыхъ гувернантокъ, воспитывавшихся въ началѣ XIX-го вѣка въ столичныхъ институтахъ для благородныхъ дѣвицъ.

Буржуазный котъ Васька на зарѣ своей юности не только слушалъ, но и самъ объ абсолютномъ добрѣ мурлыкивалъ, обучаясь труду надъ относительнымъ курченкомъ всяческой наживы, что не помѣшало его душѣ покрыться постепенно „толстымъ слоемъ жира“

Окончательно, возмужавъ, онъ за послѣднія десятилѣтія забросилъ, правда, абсолютныя пѣснопѣнія, нашелъ другія забавы. Старый бумажный букетъ измялся, запылился, его не видно изъ за тюковъ съ товарами, но почему же, въ самомъ дѣлѣ, не встряхнуть его и не поставить на видное мѣсто въ качествѣ „компенсаціи“ за духовныя потери пролетаріата, заключающіяся въ возведеніи текущаго пятачка въ единственную цѣль и высшую цѣнность жизни?

* * *

Революціонная соціаль-демократія должна бороться, не можетъ не бороться съ этими, сознательно или безсознательно, буржуазными теченіями, проникающими въ ея среду. Но въ Германіи эти теченія наталкиваются на сложившееся міросозерцаніе пролетаріата, имъ приходится считаться съ цѣлой исторіей развитія, борьбы и успѣховъ достигнутыхъ широко организованной партіей подъ знаменемъ революціоннаго соціализма. Все это дѣйствуетъ и на самихъ нѣмецкихъ „критиковъ“, не рѣшающихся дѣлать крайніе выводы изъ своихъ посылокъ, предпочитающихъ простой „оппортюнизмъ“ принципіальной борьбѣ. Тамъ чувствуется инстинктивное стремленіе не переубѣдить пролетаріатъ, а прократься въ его сознаніе, такъ чтобы онъ этого и самъ не замѣтилъ.

Въ иномъ положеніи находится русскій пролетаріатъ. У насъ процессъ разрушенія стараго натуральнаго хозяйства и „натуральнаго“ быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ „натуральныхъ“ въ незапамятныя времена сложившихся понятій, принялъ массовой, общенародный характеръ лишь въ послѣднія десятилѣтія. Онъ совершается на нашихъ глазахъ, съ такой быстротой и силой какой въ исторіи западной Европы едва ли найдется примѣръ.

Еще въ концѣ 70-хъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, переселявшіяся въ города массы рабочихъ сохраняли въ цѣлости свое первобытное міросозерцаніе. Ходячее народническое изрѣченіе того времени „нашъ рабочій тотъ же мужикъ“ имѣло тогда нѣкоторую долю правды. Способнаго городскаго рабочаго и тогда легче было, чѣмъ крестьнина, заинтересовать тѣми вопросами, съ которыми носилась интеллигенція, выдающіяся единицы изъ рабочихъ и тогда стремились къ знанію, пристращались къ книгамъ. Но это были отдѣльныя личности или кружки образовывавшіеся благодаря усиліямъ интеллигенціи и распадавшіеся, когда она оставляла ихъ въ покоѣ. Самостоятельныхъ запросовъ рабочая масса тогда еще не предъявляла, старые отвѣты еще удовлетворяли ее.

За послѣдніе 15 лѣтъ мы не имѣемъ такихъ художественно-проницательныхъ наблюденій надъ крестьянской душой, какъ очерки Г. Успенскаго и другихъ беллетристовъ народниковъ. Мы мало знаемъ о томъ, что думаетъ и чувствуетъ современ-

ный крестьянинъ. Но трудно сомнѣваться въ томъ, что и онъ уже не тотъ „сплошной“, цѣльный, живущій наслѣдственнымъ умомъ человѣкъ, который отвѣчалъ суровымъ: „не суйся“ на безнадежную любовь интеллигенціи. Что онъ не тотъ, доказываетъ намъ не одна только статистика деревенскаго разслоенія и раззоренія, а также и то обстоятельство, что измѣнившаяся деревня потеряла способность давать своимъ дѣтямъ то прочное воспитаніе, которое позволяло имъ, даже уйдя изъ нея, сохранять на цѣлую жизнь, ея міросозерцаніе и настроеніе.

Теперь уже не одна только чрезвычайно размножившаяся рабочая интеллигенція ищетъ знанія, но и сама широкая масса рабочихъ узнала, что есть на свѣтѣ много нужнаго и важнаго, чего она не знаетъ. Сама эта масса видимое потеряла вѣру, хотя бы въ нѣкоторые изъ отвѣтовъ стараго міросозерцанія и жадно бросается на все новое.

У насъ именно теперь происходитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и самымъ интенсивнымъ образомъ выработка пролетаріатомъ новаго міросозерцанія взамѣнъ утрачиваемаго. Бернштейновскаго пошиба отвѣты на его запросы являются для него первыми активно усвоенными (а не пассивно воспринятыми по наслѣдству отъ предковъ) взглядами. Онъ противъ нихъ сравнительно беззащитенъ.

И, хочетъ или не хочетъ этого интеллигенція, выработка пролетаріатомъ новыхъ взглядовъ происходитъ и будетъ происходить подъ ея вліяніемъ. Чтобы рабочіе „сами“ безъ подсказыванія „бациллы“ интеллигенціи создали всѣ отвѣты на свои вопросы, чтобы ихъ міросозерцаніе сложилось подъ такимъ же исключительнымъ воздѣйствіемъ ихъ фабричнаго труда и матеріальнаго быта, какъ міросозерцаніе крестьянъ складывалось въ незапамятные времена подъ „властью земли“ и приноравившагося изъ земледѣлію быта, это также невозможно, какъ невозможно уничтожить всей той измѣнчивой и сложной жизни, которая выростаетъ одновременно съ фабрикой и изъ одного съ ней источника; — какъ невозможно изолировать фабричный пролетаріатъ отъ разросшейся среды разночинцевъ, всевозможныхъ „кухаркиныхъ дѣтей“, представляющихъ и по положенію и по образованію безчисленныя градаціи и естественную связь между низшими слоями городской бѣдноты и міромъ книги и интеллигенціи. Теперь даже проповѣдь отрицанія книги и преимуществъ обученія у „жизни“ обыкновенно заимствуется изъ книгъ и производится посредствомъ печатнаго слова.

Въ настоящій историческій моментъ интеллигенція не можетъ не повліять на взгляды пролетаріевъ, а слѣдовательно и на характеръ неизбѣжно предстоящей имъ долгой борьбы, на тотъ типъ движенія, въ который сложится эта борьба при политической свободѣ. Вліять при этомъ можетъ на рабо-

чихъ лишь мысль, подающая надежды на лучшее будущее, отрицающая прошлое и настоящее. Проповѣдь Іоанна Кронштадскаго или реакціонной прессы утверждающей неизмѣнность существующаго и необходимость однако лишь терпѣнія и смиренія слишкомъ противорѣчитъ положенію и настроенію пролетаріата, чтобы серьезно повліять на него. Чтобы развращать и обманывать рабочихъ, самому Зубатову пришлось, прибѣгнуть къ помощи интеллигенціи и основать особаго рода союзъ науки съ полиціей.

Но все, о чемъ съ увлеченіемъ разсуждаютъ широкіе слои недовольной настоящимъ интеллигенціи, имѣетъ теперь шансы проникнуть также и въ среду читающихъ интеллигентныхъ рабочихъ, а затѣмъ, въ томъ или иномъ видѣ, дойти до рабочихъ массъ и отозваться на ихъ складывающимся міросозерцаніи, и тѣмъ самымъ помочь или повредить ихъ дальнѣйшей борьбѣ.

Въ иномъ положеніи чѣмъ за западѣ находится и наша интеллигенція.

У западной буржуазіи, а слѣдовательно и у всей примыкающей къ ней интеллигенціи, нѣтъ и быть не можетъ никакой общественной цѣли въ будущемъ, нѣтъ никакого общественнаго будущаго, которое съ ея точки зрѣнія было бы привлекательнѣе настоящаго. Отсюда — страшный индивидуализмъ всѣхъ наиболѣе яркихъ, оригинальныхъ и современныхъ продуктовъ ея мысль и творчества. *„Мы“* (не въ смыслѣ трёста или акціонерной компаніи) для нея навѣки утеряно, всѣ краски сосредоточены на *„Я“*, на отдѣльной личности, на ея украшеніи, на приданіи ей какого-нибудь, хотя бы и „злаго“ (и даже по преимуществу злаго) интереса. Интересная личность — это единственная мечта возможная для интеллигенціи охваченной атмосферой господствующей буржуазіи.

У нашей будущей буржуазіи (она еще не сложилась психически, какъ не сложилась и не можетъ сложиться политически, пока существуетъ самодержавіе) есть цѣль, есть будущее. Въ томъ положеніи относительно будущаго, въ какомъ находится на западѣ буржуазія, у насъ остается только горсть мыслящихъ, (а не просто „служащихъ“), сторонниковъ самодержавія. Только для нихъ лучше настоящаго могутъ быть лишь нѣкоторые моменты прошлаго: времена царя „миротворца“ или Николая I.

Вся остальная масса читающихъ, думающихъ, проснувшихся русскихъ людей ждетъ, надѣется, по временамъ отчаявается, но во всякомъ случаѣ ненавидитъ настоящее, убѣждена, что лучшее — впереди и, за послѣднее время, все крѣпче убѣждается въ томъ, что придетъ оно лишь съ паденіемъ самодержавія. Этотъ духъ общественнаго недовольства, духъ вражды противъ всенароднаго врага облаго-

раживаетъ до извѣстной степени нашу общественную атмосферу, даже тамъ, гдѣ активно не проявляется. Онъ мѣшаетъ борьбѣ за наживу, заботамъ о карьерѣ, о положеніи насытить всю общественную атмосферу съ той непрерѣкаемой верховной силой, которая дозволяетъ вполнѣ сложившемуся буржуазно-капиталистическому міру давать своей молодежи такое основательное воспитаніе, что западному студенту—революціонеру 50 лѣтъ тому назадъ — теперь смѣшно и думать о какомъ нибудь общественномъ стремленіи, не говоря уже о какихъ нибудь „безумствахъ", портящихъ карьеру Наша молодежь способна на всѣ.

Для ея лучшихъ элементовъ, какъ и для всѣхъ смѣлыхъ, активныхъ людей среди общества, изъ этого настроенія все опредѣленнѣе выясняется задача свергнуть самодержавіе, выростаетъ желаніе и вмѣстѣ обязанность бороться съ нимъ всѣми способами. Эта же задача, при помощи соціаль-демократовъ, становится съ каждымъ днемъ все полнѣе сознанной задачей рабочей массы.

Съ другой стороны, какъ бы пассивно и безсознательно ни относилось къ своему растущему раззоренію крестьянство, всѣмъ думающимъ объ этомъ людямъ становится ясно что какія бы то ни было улучшенія въ его положеніи могутъ начаться лишь съ устраненіемъ избытка безправія, угнетенія и поборовъ наваленныхъ на него самодержавіемъ. Это же самодержавіе мѣшаетъ народному образованію, въ необходимости котораго согласны всѣ: отъ соціаль-демократа до самаго умѣреннаго либерала и самаго ветхозавѣтнаго народника. Оно мѣшаетъ всякимъ, хотя бы чисто филантропическимъ задачемъ. Это общій врагъ, и его сверженіе является сознанной или несознанной необходимостью для всей неправительственной Россіи.

Но это единство полно разнообразія.

Въ помѣщеніи, наполненномъ міазмами съ каждымъ днемъ становящимися все удушливѣе, заперты люди различныхъ положеній, состояній, различнаго психическаго склада. Покончить съ невыносимымъ удушьемъ, вырваться на воздухъ — это ихъ общая, для всѣхъ самая настоятельная задача, до выполненія которой нельзя отдаться цѣликомъ никакой другой.

Какъ всякое удовлетвореніе давно назрѣвшей, терзающей потребности чистый воздухъ представляется великимъ счастьемъ всѣмъ кому тяжело дышать. И представленіе не обманываетъ: въ данный моментъ это дѣйствительно величайшее благо, сколько бы ни оставалось другихъ не устраненныхъ бѣдствій. Но мы знаемъ, что существующее неравенство въ распредѣленіи этихъ остальныхъ бѣдствій будетъ продолжать рости и послѣ освобожденія. Если острыя голодовки милліоновъ крестьянъ будутъ скоро сданы въ архивъ, то отборъ хозяевъ, которымъ предстоитъ обогощеніе, отъ тѣхъ, кто

обреченъ на хроническую безвыходную нужду или полную пролетаризацію, пойдетъ успѣшнѣй прежняго. Внизу будетъ расти и множится пролетаріатъ — вверху богатства. Не связанные больше общимъ врагомъ союзники неизбѣжно разойдутся, и въ концѣ концовъ изъ плодовъ побѣды большинство, въ общемъ и цѣломъ, унесетъ съ собою лишь великое не матеріальное благо свободнаго широкаго объединенія и солидарной борьбы за освобожденіе отъ послѣдняго рабства, въ которомъ бьется цивилизованное человѣчество, освободившееся отъ всѣхъ другихъ, — порабощенія своими собственными экономическими отношеніями.

Послѣдняя конечная общественная цѣль имущихъ классовъ и всѣхъ примыкающихъ въ нихъ элементовъ, является лишь ближайшей цѣлью пролетаріата, лишь этапамъ на пути къ его конечной цѣли.

Психическое состояніе образованнаго и полуобразованнаго общества у насъ настолько революціонно (несмотря на всю его трусость и бездѣятельность), что для самыхъ лучшихъ его представителей точка зрѣнія революціонной соціаль-демократіи не можетъ представить ничего психологически недоступнаго (т. е. лично и субъективно отталкивающаго вслѣдствіе накопившихся безсознательныхъ симпатій и антипатій, представленій о привлекательномъ и тяжеломъ и проч.). Для того, кого наростающее настроеніе борьбы превратило въ *революціонера*, перспектива цѣлой жизни, посвященной борьбѣ за революціонную цѣль, можетъ быть только привлекательной. Невозможной, отталкивающей представляется ему, наоборотъ, судьба добраго буржуа, поглощеннаго заботами о личномъ благосостояніи, даже скрашенными какой нибудь частной задачей впусканія капелекъ меда въ переполненную бочку дегтя. Мы не знаемъ, конечно, кто изъ теперешнихъ революціонеровъ захочетъ послѣ первой же побѣды отдохнуть на лаврахъ, а кто останется безсмѣннымъ „солдатомъ революціи“, — какъ назвалъ себя передъ судомъ старый Либкнехтъ, начавшій свою революціонную службу на студенческой скамьѣ, — но знаемъ навѣрное, что такіе солдаты могутъ оказать безцѣнныя услуги революціонному дѣлу соціализма, что чѣмъ больше останется ихъ въ нашихъ рядахъ, тѣмъ шире развернется работа при правовомъ порядкѣ. А мнѣ кажется, что у насъ революціонное соціаль-демократическое движеніе можетъ развернуться и шире, и ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, именно потому что мы послѣдніе пришельцы буржуазно-капиталистическаго міра.

Соотвѣтствующій переживаемому нами періодъ революціоннаго подъема нѣмецкой интеллигенціи, полный самой напряженной работы общественной мысли, направленной на будущее, оставилъ революціонному движенію пролетаріата безцѣнное наслѣдство. Изъ этого періода вышли и великіе

учителя международнаго пролетаріата, и лучшіе пропагандисты, основатели и вожди нѣмецкой соціаль-демократической партіи. Но усиленное развитіе капиталистическаго способа производства — и тѣмъ самымъ — усиленное пробужденіе изъ дремы наслѣдственнаго міросозерцанія не сотень или, самое большее, тысячъ выдающихся рабочихъ, а широкихъ массъ трудящагося населенія, совпало въ Германіи лишь съ послѣдними отголосками общественнаго подъема буржуазіи (и ея интеллигенціи).

У насъ эти два условія соединились въ неизмѣримо большей степени. Вооруженное всякими приспособленіями буржуазной цивилизаціи, не связанное никакими средневѣковыми предразсудками (ни бога не боится ни людей не стыдится) и въ тоже время азіатски деспотическое правительство, устранивъ помѣщиковъ, сразу набросилось на крестьянскую Россію съ денежными налогами, прямыми и косвенными, совершенно несовмѣстимыми со всѣми условіями существованія мелкаго натуральнаго хозяйства, а съ другой стороны, на ту же — еще наканунѣ чисто земледѣльческую — Россію набросился капитализмъ въ всеоружіи техническаго совершенства, достигнутаго почти вѣковымъ развитіемъ на иной почвѣ. Въ результатѣ получается самое безпримѣрное по быстротѣ (и жестокости причиняемыхъ страданій) разрушеніе всѣхъ привычныхъ хозяйственныхъ условій существованія многомиліонной народной массы, и какъ неизбѣжный психическій результатъ расшатка ея міровоззрѣнія. Въ соотвѣтствіи съ этой быстротой разрушенія оказалась та быстрота, съ которой работа разбуженной мысли и наростаніе революціонной активности городскихъ рабочихъ распространяются, какъ раздуваемый вѣтромъ пожаръ, во всѣ концы и закоулки промышленной Россіи.

Эта быстрота процесса создаетъ между прочимъ одну многообѣщающую особенность нашего рабочаго движенія. Къ моменту его разлива городъ не успѣлъ еще основательно размежеваться съ деревней. Она еще представляетъ собою ту „родину“ на которую полиція во множествѣ высылаетъ волнующихся рабочихъ, на которую нѣкоторые и сами уходятъ на лѣтнія работы. Пропитанные все болѣе и болѣе горячей городской атмосферой, они не могутъ не заносить туда своихъ „новыхъ словъ“ и новыхъ чувствъ, и никто не скажетъ имъ *„не суйся“*. Эта особенность открываетъ огромную перспективу въ будущее. Она сулитъ возможность не допустить образоваться у насъ той пропасти между умственной и политической атмосферой города и деревни, которая образовалась въ западной Европѣ, не отдать душу сельскаго пролетаріата и сельской бѣдноты во власть его же эксплуаторовъ и вмѣстѣ реакціонеровъ и враговъ всякаго движенія, какими въ большинствѣ случаевъ являются на западѣ партіи опирающіяся на сельскія голоса.

Въ то же время это — уже какъ далеко подвинувшееся экономическое разложеніе стараго хозяйственнаго строя и развитіе капиталистическихъ отношеній — совпадаетъ у насъ не съ послѣдними отголосками умирающаго революціоннаго общественнаго подъема интеллигенціи, а съ его самымъ широкимъ разливомъ. А мы настаиваемъ на томъ, что въ такое время естественное мѣсто революціонера, каково бы ни было его происхожденіе, въ рядахъ единственной революціонной до конца партіи — партіи пролетаріата. Къ тому-же и по происхожденію наши революціонеры въ большинствѣ случаевъ дѣти разночинскихъ семей, растерявшихъ старыя традиціи. А какой размахъ, при политической свободѣ, могло бы придать партіи пролетаріата присутствіе въ ея рядахъ сотень людей, съ дѣтства привыкшихъ къ умственной работѣ, заранѣе имѣющихъ тотъ запасъ элементарныхъ знаній, который лишь съ страшнымъ напряженіемъ приходится пріобрѣтать самоучкѣ пролетарію. Быстрѣе чѣмъ гдѣ либо пошло-бы умственное развитіе рабочаго класса, шире и разностороннѣе развернулась бы партійная пресса. Русская соціаль-демократія не допустила бы представителей преуспѣвающей собственности возстановить противъ себя ни одного изъ слоевъ деревенской и городской Россіи, изнывающихъ въ тяжкой борьбѣ противъ вѣчно грозящей пролетаризаціи.

Каутскій высказываетъ надежду, что революціонное соціалистическое движеніе въ Россіи подниметъ духъ нѣмецкаго движенія, заставитъ его покончить съ тѣмъ затишьемъ, которое позволяетъ прокрадываться въ его среду „трезвенному политиканству“ оппортюнизма. Оправдаемъ-ли мы эту лестную для насъ и такую свѣтлую надежду?

Не одни только благопріятныя условія создало намъ наше позднее выступленіе на путь капиталистическаго развитія. Есть и затрудняющія, ставящія русскую революціонную мысль въ трудныя, исключительныя условія, налагающія на нашу революціонную печать, въ которой она только и можетъ развиваться, огромную задачу.

Революціонная, направленная на будущее мысль французовъ XVIII-го вѣка работала въ значительной степени подъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ англійской мысли. Когда учащаяся молодежь Германіи находилась въ томъ же историческомъ періодѣ, какъ теперь наша, она развивалась подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ общественной мысли французской интеллигенціи, долго остававшейся въ революціонномъ броженіи прежде, чѣмъ окончательно успокоится въ объятіяхъ трезвой буржуазіи.

Но теперь давно уже успокоилась въ тѣхъ же широко раскрывшихся на ея родинѣ объятіяхъ и нѣмецкая интеллигенція. Давно уже бѣлыми воронами стали люди съ университетскимъ образованіемъ, посвящающіе свои умственныя

силы единственному возможному теперь въ западной Европѣ общественному, направленному на будущее движенію — соціалистическому, а „академиковъ“, трудящихся по мѣрѣ силъ, надъ его разрушеніемъ нѣсть числа. Иначе и быть не можетъ. Мысль людей, выросшихъ въ устойчивой атмосферѣ класса, для котораго нѣтъ и быть не можетъ никакихъ цѣлей кромѣ часныхъ, заранѣе подготовлена къ тому, чтобы видѣть „не реалистичность“ конечной цѣли пролетаріата, ея „антинаучность“, ея противорѣчіе, наконецъ, съ „человѣческой природой“, которую они изучили на себѣ и на всѣхъ окружающихъ. Эти „соціологи“ борются противъ революціоннаго соціализма не потому, чтобы всегда и непремѣнно чувствовали себя заинтересованными въ господствѣ буржуазіи. Ихъ ослѣпляетъ (съ ихъ точки зрѣнія: просвѣщаетъ, дѣлаетъ трезвыми) психическая атмосфера застывшаго въ господствѣ класса, въ которой они живутъ и движутся. Мысль людей, воспитанныхъ въ этой атмосферѣ антиреволюціонна и индивидуалистична не тогда только, когда борется съ соціализмомъ. Она не можетъ быть пособницей никакого общественнаго движенія и можетъ дѣйствовать на него лишь разлагающимъ образомъ, даже тогда, когда говоритъ, повидимому, о совершенно постороннихъ предметахъ. Куда, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ борьбы съ соціализмомъ, уводитъ она своихъ русскихъ читателей? Съ одной стороны, въ возможно болѣе далекую отъ всѣхъ земныхъ вопросовъ область безконечныхъ гносеологическихъ упражненій надъ собственнымъ *я*, гдѣ мысль бѣгаетъ, какъ бѣлка въ колесѣ, чтобы унестись, наконецъ, — если не удастся соскочить во время на землю — прямехенько въ „небо“ Это область пассивнаго индивидуализма. Но рядомъ не нею, наиболѣе оригинальныя, заинтересовывающія, типично современныя теченія философіи или поэзіи, заносимыя къ намъ съ буржуазнаго Запада, проникнуты въ большинствѣ случаевъ наступательнымъ индивидуализмомъ, подчеркнутымъ общественнымъ индифферентизмомъ, презрѣніемъ къ „массамъ“, ради возвеличенія „личности“ и въ своемъ наиболѣе сильномъ и яркомъ представителѣ — величайшимъ отвращеніемъ, ненавистью къ тѣмъ, кого „слишкомъ много“, стремленіемъ къ идеалу, прямо противоположному всей освободительной борьбѣ и прошлой, и настоящей, и будущей. Наши поклонники этихъ теченій называютъ ихъ „борьбой съ буржуазностью“ По моему мнѣнію тутъ кроется большое недоразумѣніе. Къ конкретному, типичному буржуа, поклонники личности — красивой разумѣется — не могутъ не чувствовать отвращенія, и тѣмъ не менѣе, всѣ эти пышныя орхидеи, выростающія на трупѣ умершаго для общественныхъ стремленій класса, вовсе не борьба съ буржуазностью, а лишь дополненіе къ этой самой буржуазности, ея украшеніе.

Склонный мечтать или философствовать даровитый сынъ современной буржуазіи не можетъ найти другихъ объектовъ идеальнаго пристрастія, кромѣ совершенно отвлеченной или фантастической „личности“ Господствующій классъ современнаго общества не поддается идеализаціи, не способенъ внушить пѣснопѣній, какъ внушало дворянство. Да буржуа и не нуждается въ идеализаціи, какъ съ другой стороны, не можетъ чувствовать и оскорбленія за классъ, за цѣлое. Нѣтъ у него этого цѣлаго, нѣтъ того чувства нравственной солидарности, которое въ извѣстныя эпохи проявлялось въ дворянствѣ и всегда развивается въ рабочемъ классѣ вмѣстѣ съ началомъ движенія. Идеализировать конкретный типъ современнаго „господина“ жизни было бы весьма затруднительно уже потому одному, что реальное мѣрило цѣнности буржуа, какъ такового — это размѣры его богатства: нѣчто слишкомъ постороннее „личности“, связанное съ ней лишь однимъ ея качествомъ (при значительномъ развитіи, правда, подавляющимъ всѣ другія), — способностью пріобрѣтать богатство. Его и не превозносятъ.

Но съ другой стороны въ совершенно развившейся буржуазной средѣ личность порабощена однимъ только голодомъ внизу, а вверху одними заботами о пріумноженіи и сохраненіи богатства. Надъ ней не тяготѣетъ никакого прямого принужденія со стороны людей, у нея нѣтъ никакихъ принудительныхъ наслѣдственныхъ связей: сословныхъ, мѣстныхъ и проч. Отрѣшите только умственно эту личность отъ ея экономическихъ цѣпей или заботъ, и она окажется „самоцѣльной“ и свободной, какъ „голый божественный Діонисъ“. Кто можетъ помѣшать ей сдѣлаться красивой? Нѣтъ при этомъ ни малѣйшей надобности, чтобы всѣ „личности“ усовершенствовались. Дѣло не въ числѣ, и свѣтлыя пятна въ картинѣ ярче выступаютъ на темномъ фонѣ.

Наша полная борьбы общественная атмосфера слишкомъ жива и горяча, чтобы эти могильные цвѣты могли укореняться на ней во всей ихъ чистотѣ и оригинальности. Не случайность поэтому, а особенность переживаемаго нами историческаго момента, что у насъ чисто эстетическія красоты ницшеанско-декадентской „личности“ снабжаются этическими приспособленіями и объединяются съ бернштейніадой, отъ которой въ подлинникѣ онѣ совершенно отдѣлены. Чтобы проповѣдывать у насъ совершенствованіе отдѣльныхъ личностей, надо было хоть какъ нибудь обосновать возможность этого занятія для всѣхъ „личностей“ Съ точки зрѣнія революціоннаго соціализма эту возможность надо еще завоевать. Пока-же существуетъ буржуазный строй, основанный на междуусобной борьбѣ людей за ихъ матеріальное существованіе, единственнымъ путемъ къ совершенствованію и общему и своему собственному остается возможно болѣе дѣятельное

участіе въ объединенной борьбѣ за устраненіе этого строя, а наилучшей нравственной красотой — возможно полное поглощеніе частныхъ интересовъ личности интересами общаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія совершенно исчезаетъ идея самодовлѣющаго совершенствованія своей или чужой личности. Люди пріобрѣтаютъ знаніе, навыки, стараются всячески увеличить свои личныя силы, не для того, чтобы создать изъ себя на память потомству образцы красивыхъ личностей, а для того, чтобы больше сдѣлать, успѣшнѣй бороться за достиженіе общей цѣли. Но тому, кто уже увлекся культомъ красивой личности, ради нея самой, не можетъ не быть противна идея длящейся объединенной борьбы. Она „калѣчитъ личность“, „съуживаетъ“ ее и проч.

Бернштейніада даетъ кое-какой, права, плохенькій выходъ, кое-какую, хоть *филистерскую* возможность водворить въ своемъ представленіи о ближайшемъ будущемъ „миръ и благоволѣніе“. Въ той идейной обстановкѣ, въ какую ставятъ ее критики, она представляетъ собою что-то вродѣ суррогата идей XVIII вѣка, съ той великой разницей, что для революціонной, активной мысли XVIII вѣка, вѣрившей лишь въ могущество людей, идея бога была помѣхой, которую они и убрали съ дороги.

Для вырабатываемой же нашими критиками комбинаціи изъ двухъ теченій анти-революціонной мысли современнаго буржуазнаго запада идея божьяго промысла весьма полезна. Онъ ужъ тамъ устроитъ, додѣлаетъ все, чего не осилитъ „мощь сберегательныхъ кассъ“ и не доштопаетъ „само капиталистическое развитіе“, а мы займемся индивидуальными красотами.

Если бы дѣло шло только о тѣхъ сторонникахъ этихъ комбинацій, которые не могутъ быть нашими, которые знаютъ насъ и сознательно ушли изъ нашего лагеря, мы могли бы не тратить тѣсныхъ страницъ революціонной печати на всестороннее разсматриваніе ихъ усилій. „Права человѣка“ нужны намъ такъ же, какъ и имъ — больше чѣмъ имъ; чего же намъ безпокоиться о томъ употребленіи, которое они собираются изъ нихъ сдѣлать? Пусть себѣ совершенствуются на здоровье и пускаютъ въ свою жизнь или „культуру“ струи какой угодно красоты, трагической или комической!

Но дѣло обстоитъ не такъ.

Въ своемъ революціонномъ подъемѣ русская интеллигенція теперь совершенно одинока въ томъ смыслѣ, что вся современная „интеллигентная“ (университетская, не пролетарская однимъ словомъ) литература запада въ своемъ подлинномъ видѣ противна всякимъ общественнымъ задачамъ, всякому общественному движенію и прямо или косвенно направлена на разрушеніе единственной возможной въ настоящее время и единственной имѣющейся на свѣтѣ общественной теоріи, дающей идейную основу борьбѣ за будущее.

Въ тоже время, не смотря на громадный успѣхъ марксизма въ Россіи, истинная физіономія революціоннаго соціализма далеко не такъ извѣстна, какъ это можно бы предположить. Страницы легальной литературы теперь для него абсолютно закрыты, а въ сущности никогда и не были открыты, и тотъ періодъ, когда ортодоксальные марксисты могли писать въ легальныхъ журналахъ, оставилъ послѣ себя цѣлую массу и теперь еще длящихся искаженій и недоразумѣній. Еще въ первый моментъ, пока цензурное вѣдомство не сообразило, съ чѣмъ имѣетъ дѣло, удавалось — книга Бельтова служитъ этому блестящимъ примѣромъ — одновременно съ стихійнымъ историческимъ процессомъ, расчищающимъ путь къ нашей цѣли, отмѣтить также и революціонную активную сторону нашихъ воззрѣній: цѣлесообразное использованіе процесса, планомѣрное приближеніе къ цѣли. Но бдительность цензурнаго вѣдомства скоро заставила вести безусловно необходимые разсчеты съ этико-субъективистами-народниками чисто отрицательнымъ путемъ. Интеллигентной личности, обязанной „повернуть назадъ колесо исторіи“ и тащить его по самобытному пути, справедливо противопоставлялся стихійный экономическій процессъ развитія капитализма и разложенія общины, предъ которымъ „личность“ совершенно безсильна. Свой же революціонный путь къ будущему лишь подразумѣвался или отмѣчался одними намеками. Для борьбы съ народничествомъ этого было достаточно. Оно давно утратило всякую тѣнь понятія о революціонномъ пути и его разговоры о задачахъ русской интеллигентной личности давно уже звучали для всякаго вдумчиваго читателя ироническимъ вопросомъ: „Ты можешь ли левіафана на удѣ вытянуть на брегъ?“ и въ качествѣ „уды“ онъ давно не находилъ ничего, кромѣ мѣста земскаго агронома или завѣдующаго складомъ кустарныхъ издѣлій. Намековъ, поясняемыхъ самой жизнью, оказалось совершенно достаточно для того, чтобы всѣ, имѣющіе уши, услышали революціонный призывъ на опредѣленный путь къ будущему. Но тѣмъ не менѣе это вынужденное выдвиганіе одной стороны своихъ воззрѣній, эта половинчатость пропаганды породила множество недоразумѣній. Она, съ одной стороны, подготовила временный успѣхъ „критиковъ“, которые и тогда уже признавали одну лишь цензурную половину марксизма, а съ другой — позволила сложиться тому въ высшей степени „куцему“ пониманію нашей теоріи, которое и теперь еще продолжаетъ жить не только въ полемическихъ упражненіяхъ противниковъ, — это было бы еще полбѣды, — а также и въ умахъ искреннихъ сторонниковъ пролетаріата, дѣйствующихъ въ его средѣ, а это уже настоящая бѣда. Вѣдь мы живемъ въ моментъ сильнѣйшаго психическаго подъема, когда понятія схватываются на лету и пускаютъ глубокіе корни.

Эти обстоятельства сильно расширяютъ и усложняютъ задачи нашей революціонной печати. Она не можетъ ограничиться кругомъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей текущей борьбы, какъ въ большей или меньшей степени ограничивается ими періодическая пресса нѣмецкой соціальдемократіи. Мы поступили-бы въ высшей степени неосмотрительно по отношенію къ интересамъ пролетаріата, къ будущему нашей еще не сложившейся партіи, если бы оставили безъ вниманія то обстоятельство, что среди взволнованной, революціонно настроенной учащейся молодежи находится много нашихъ возможныхъ товарищей. Мы должны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы каждая изъ этихъ возможностей превращалась въ дѣйствительность. Мы должны выяснить смыслъ и значеніе революціоннаго соціализма со всѣхъ сторонъ, во всей его широтѣ. Пусть уходятъ въ міръ совершенствующихся личностей, въ міръ благочестиваго или простого либерализма всѣ тѣ, кого туда тянетъ, но пусть выборъ совершается сознательно. Только такимъ всесторонниимъ выясненіемъ своихъ взглядовъ мы можемъ гарантировать рабочій класъ отъ вторженія въ его среду новыхъ „интеллигентныхъ“ недоразумѣній. Либералъ по призванію къ нему не пойдетъ, но можетъ пойти революціонеръ въ душѣ, а либералъ по недоразумѣнію, какъ были и теперь остаются бернштейніанцами по недоразумѣнію наши „экономисты“

В. Засуличъ.

„Международная“ полемика по вопросу о Милльеранѣ.

I. „Vorwärts“ и „Заря“.

Въ № 2—3 „Зари“, въ статьѣ о Любекскомъ партейтагѣ германской соціаль-демократіи я написалъ слѣдующія строки: (стр. 405) „На столбцахъ Vorwärts'а велась его парижскимъ корреспондентомъ (г Б. Кричевскимъ) систематическая пропаганда въ пользу „новой методы“ г. Жореса и г. Милльерана. Грубое искаженіе фактовъ, относительно истинности которыхъ нѣмцамъ трудно быть судьями, тенденціозное замалчиваніе тѣхъ событій въ жизни французскаго соціализма, которыя шли въ разрѣзъ съ всегда несостоятельными пророчествами корреспондента и которыя знаменовали успѣхъ ненавистнаго ему французскаго марксизма, постоянное обливаніе помоями представителей французскаго революціоннаго соціализма, — тѣхъ самыхъ гедистовъ, которые выросли и развились въ тѣснѣйшемъ общеніи съ германской соціаль-демократіей и которые Кричевскими французскаго поссибилизма за это всегда обвинялись въ томъ, что „продались нѣмцамъ“; все это гипнотизировало нѣмецкаго читателя и создавало настроеніе въ пользу „новаго соціализма“ Фольмаровъ и Бернштейновъ“

Эти строки вызвали противъ меня бурю негодованія со стороны „Vorwärts'а“ Въ появившейся 1-го января 1902 г. замѣткѣ редакція этого органа категорически заявила, что мое обвиненіе противъ Кричевскаго недобросовѣстно, что онъ гедистовъ помоями никогда не обливалъ, что никакихъ фактовъ онъ не искажалъ и не замалчивалъ въ своихъ въ высшей степени объективныхъ корреспонденціяхъ, пропагандой милльеранизма и жоресизма не занимался и гедистовъ *въ* „Vorwärts“'ѣ не обвинялъ въ томъ, что они „продались нѣмцамъ“. Послѣдняго я, какъ видитъ читатель изъ приведенной цитаты, и не утверждалъ, да и нелѣпо было бы сказать, что *нѣмецкая* газета обвиняла *французскихъ* соціалистовъ въ томъ, что они подкуплены *нѣмцами*-же. Но редакціи почему-то понадобилось *такъ* понять соотвѣтствующія мои слова. На невозможность такого толкованія „Vorwärts“'у было тотчасъ-же указано К. Каутскимъ, котораго редакція за эту попытку устранить нелѣпое недоразумѣніе обругала „честнымъ маклеромъ“ Это не помѣшало ей, однако, модифицировать свою

инкриминацію и сказать, что она и сама поняла мои слова не въ томъ смыслѣ, чтобы, по моему, Кричевскій именно на столбцахъ „Vorwärts“'а упрекалъ гедистовъ въ продажности. Видя, что редакція подвигается нѣсколько въ сторону вѣрнаго толкованія моихъ недвусмысленныхъ словъ, Каутскій въ еще болѣе любезномъ новомъ письмѣ прямо пояснилъ „Vorwärts“'у, какъ только и можно понимать мои слова о „Кричевскихъ французскаго поссибилизма“: именно, что Кричевскій въ французскихъ партійныхъ раздорахъ принялъ ту сторону, которая включала въ себя и пресловутыхъ шовинистическихъ quasi-соціалистовъ, нѣкогда обвинявшихъ Геда и Лафарга въ томъ, что они „продались нѣмцамъ“ Каутскому редакція снова отвѣтила бранью и заявила, что онъ бы могъ не вступаться за Ignotus'а, который-де и самъ можетъ объясниться.

Этотъ вызовъ я счелъ косвеннымъ приглашеніемъ попытаться опровергнуть утвержденія „Vorwärts“'а передъ нѣмецкими же читателями. Въ обстоятельномъ письмѣ въ редакцію я цитатами изъ „Vorwärts“'а *доказывалъ*, что моя характеристика писаній Кричевскаго соотвѣтствуетъ истинѣ. Отправленное редакціей „Зари“, это письмо было, однако, возвращено обратно: редактора „Vorwärts“'а заявили, что могутъ допустить въ письмѣ только утвержденія, но отнюдь не *доказательства*. Эта болѣе, чѣмъ странная мотивировка отказа и очевидное стремленіе людей, вызвавшихъ насъ на полемику, зажать намъ предварительно ротъ, побудили насъ обратиться съ жалобой въ правленіе партіи. Послѣ долгихъ мытарствъ „Vorwärts“ вынужденъ былъ помѣстить мое письмо, которое мнѣ пришлось сократить вдвое, дабы этой уступкой добиться его напечатанія. Письмо сопровождалось новой рѣзкой замѣткой редакціи, которая находитъ, что цитаты, приводимыя въ письмѣ, вырваны изъ контекста и ничего не доказываютъ. Редакція сожалѣетъ, что я не рѣшился „честно“ сознаться въ томъ, что увлекся въ своей статьѣ и что своимъ упорствомъ только врежу интересамъ того „направленія“, которому служу. Эту доброту редакціи я, право, не понимаю: ей, какъ держащейся „направленія“ г. Кричевскаго, не приходится, вѣдь, огорчаться по поводу пораженій, понесенныхъ (если ей вѣрить) направленіемъ противоположнымъ.

Вслѣдъ за моимъ письмомъ и отвѣтомъ редакціи появилась въ „Vorwärts“'ѣ длинная статья Кричевскаго, пытавшагося контр-цитатами изъ своихъ корреспонденцій показать, что приведенныя мною цитаты ничего не доказываютъ. Такъ какъ Кричевскій очень удивленъ, какъ это я выудилъ такъ мало доказательствъ его жоресизма, то мнѣ пришлось снова просить „Vorwärts“ дать мнѣ мѣсто для *фактическаго* разъясненія того обстоятельства, что добрая половина цитатъ исчезла изъ моего письма прежде, чѣмъ я могъ добиться

его помѣщенія. Этого разъясненія редакція не приняла и за Кричевскимъ осталось послѣднее слово.

Чтобы покончить съ „Vorwärts“'омъ, замѣчу еще, что въ своей первой замѣткѣ редакція моему утвержденію о враждебности Кричевскаго гедистамъ противопоставила тотъ фактъ, что делегированный гедистской партіей для сношеній съ редакціей Браке всего только одинъ разъ помѣстилъ въ „Vorwärts“'ѣ опроверженіе одного утвержденія Кричевскаго, а, стало быть, молчаливо призналъ, что корреспонденціи послѣдняго объективны.

Между тѣмъ, Браке тотчасъ-же по появленіи замѣтки въ „Vorwärts“'ѣ цитировалъ въ оффиціальномъ органѣ гедистской партіи („Socialiste“) мою характеристику поведенія Кричевскаго и выразилъ свое и своей партіи удовольствіе по поводу того, что въ международной соціаль-демократіи видимо начинаетъ торжествовать правильная точка зрѣнія на французскія партійныя дѣла. О „стараніяхъ доказать объективность“ Кричевскаго, дѣлаемыхъ редакціей, Браке отозвался съ недвусмысленной ироніей.

Такова исторія полемики „Зари“ съ „Vorwärts“'омъ. Такъ какъ редакція „Раб. Дѣла“ пожелала познакомить съ нею русскихъ читателей (№ 11—12 „Р. Д.“), при чемъ торжествовала побѣду по поводу нападенія, сдѣланнаго на насъ центральнымъ органомъ германской соціаль-демократіи, то и намъ придется привлечь вниманіе читателей къ этому поучительному эпизоду. Ниже мы даемъ полный переводъ двухъ статей Парвуса, помѣщенныхъ имъ въ его листкѣ „Weltpolitik“ и посвященныхъ характеристикѣ эволюціи Кричевскаго и редакціи „Vorwärts“'а въ вопросѣ о французскомъ соціализмѣ. Эта характеристика, сдѣланная постороннимъ спору человѣкомъ,*) покажетъ читателю, что то, что я говорилъ о Кричевскомъ въ № 2/3 „Зари“, соотвѣтствовало истинѣ.**)

Статьи Парвуса представляютъ совершенно самостоятельный интересъ внѣ вопроса о полемикѣ „Зари“ съ германскимъ органомъ. Тѣмъ не менѣе, я хотѣлъ бы предпослать имъ еще нѣсколько словъ въ объясненіе того, почему мы считаемъ необходимымъ останавливать вниманіе русскаго читателя на этомъ „заграничномъ“ вопросѣ.

Одинъ изъ дружественныхъ намъ комитетовъ партіи запрашивалъ редакцію по поводу раскола нашего съ „Союзомъ“: какое значеніе для Россіи можетъ имѣть „борьба съ милль-

---

*) Въ томъ же смыслѣ высказалась о писаніяхъ Кричевскаго и Клара Цеткинъ въ рефератѣ, прочитанномъ ею въ Берлинѣ. Въ отчетѣ объ этомъ рефератѣ „Vorwärts“ ухитрился ея порицаніе Кричевскому представить какъ одобреніе, но Цеткинъ опровергла это лже-толкованіе.

**) Статья Парвуса дѣлаетъ излишнимъ помѣщеніе здѣсь моего письма въ „Vorwärts“'ѣ: главные изъ моихъ доводовъ (цитатъ) заключаются въ статьѣ Парвуса. Ignotus.

еранизмомъ", о которой упомянуто въ одномъ изъ пунктовъ проэкта соглашенія между нами и „Союзомъ"? Подобнаго рода запросы свидѣтельствовали о томъ, что инымъ полемика по вопросу о Милльеранѣ на столбцахъ *русской* печати казалась какимъ то постороннимъ и ненужнымъ дѣломъ.

Этимъ сомнѣвающимся чтеніе статьи Парвуса должно показать, насколько они ошибались. Соціалистическій оппортюнизмъ — явленіе интернаціональное. Въ изображеніи перипетій, пережитыхъ Кричевскимъ въ качествѣ милльераниста, читатель увидитъ много общаго съ тѣмъ, что онъ продѣлалъ въ качествѣ россійскаго „рабочедѣленца" Поэтому, мастерскій анализъ Парвуса поможетъ ему проникнуть въ психологію русскаго соціалистическаго оппортюнизма.

Съ другой стороны, само по себѣ важно, чтобы русскій читатель хорошо зналъ, какую роль играютъ въ дѣлахъ международнаго соціализма заграничные представители соціализма русскаго. Изъ статьи Парвуса читатель увидитъ, что въ періодъ разгула русскаго „экономизма" отечественный оппортюнизмъ не только у себя на родинѣ боролся съ „ортодоксіей", но и экспортировалъ „избытки" плодовъ своего творчества въ Западную Европу, чтобы тамъ подставить ножку революціонному марксизму. Г П. Струве взялъ на себя пропаганду бернштейніанства, Б. Кричевскій — дискредитированіе французскихъ революціонныхъ соціалистовъ.

Паралельно съ развитіемъ въ нашей партіи „практицизма" шло, между прочимъ, ослабленіе интереса къ внутренней жизни соціаль-демократическаго движенія Европы. На эту подготовленную почву пала систематическая пропаганда легальной марксистской журналистики и нелегальныхъ „Раб. Дѣла" и „Раб. Мысли" въ пользу правыхъ и крайне правыхъ теченій европейской соціаль-демократіи, въ пользу оппортюнизма. Результатомъ этой пропаганды было чрезвычайно быстрая утрата того обаянія, которымъ въ глазахъ нашей передовой интеллигенціи пользовался къ срединѣ 90-хъ годовъ революціонный марксизмъ, какъ программа и теорія. Кому эта утрата пошла на пользу? Главнымъ образомъ, тѣмъ, „соціалистамъ-революціонерамъ", которые въ свое время сочувственно подхихикивали и Бернштейну и Жоресу и которые теперь увѣряютъ, что въ своемъ міровоззрѣніи превзошли односторонности какъ „филистерскаго" оппортюнизма, такъ и революціоннаго „сектантскаго" марксизма.

Ignotus.

II. Милльеранъ и „Vorwärts".

„Къ характеристикѣ психологіи оппортюнизма."

Парвуса (пер. съ нѣмецкаго).

Наступилъ конецъ милльеранской эпопеи. Не самаго министерства Милльерана, конечно, но его соціалистическаго обаянія. Въ рядахъ соціалистическаго пролетаріата замѣчается всеобщее отрезвленіе. Милльеранъ погубилъ всю свою соціалистическую репутацію и добрую долю своего друга Жореса. Его соціализмъ теперь не болѣе, какъ лакейская ливрея, въ которую облекаетъ его капиталистическое государство.

Если процессъ развитія этой оппортюнистической эпопеи интересенъ самъ по себѣ, то не менѣе интересно и отраженіе его въ головахъ людей. Въ высшей степени поучительно прослѣдить, какъ незамѣтно проникаетъ оппортюнизмъ въ душу, какъ человѣкъ, ставъ на наклонную плоскость, катится все ниже и какъ вмѣстѣ съ измельчаніемъ основной точки зрѣнія все мелочнѣе становится и оцѣнка людей и ихъ поступковъ. Я давно имѣлъ въ виду использовать богатый матеріалъ, представленный для такого изученія французскими корреспонденціями „Vorwärts"'а, и полемика между послѣднимъ и „Зарей" побуждаетъ меня не ждать дальше съ этой работой.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я заявляю, что лично не имѣю никакого отношенія къ статьѣ „Зари", видѣлъ ее въ первый разъ тогда, когда журналъ вышелъ въ свѣтъ и прочелъ ее лишь послѣ того, какъ мое вниманіе было привлечено полемикой „Vorwärts'а" На мой взглядъ упомянутая статья представляетъ весьма объективное изложеніе Любекскаго партейтага. Съ самой критикой автора я не вполнѣ согласенъ. Онъ дѣлаетъ слишкомъ много чести оппортюнизму. Онъ переоцѣниваетъ его идейное значеніе и его политическую важность. Онъ приписываетъ ему черезчуръ опредѣленныя формы. Онъ видитъ въ оппортюнизмѣ политическое направленіе, тогда какъ оппортюнизмъ есть политическая безхарактерность (Zerfahrenheit). Ни въ Германіи, ни во Франціи не найдется двухъ оппортюнистовъ, которые были бы согласны между собой въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ. Вотъ почему не подходитъ и аналогія съ Жирондой. Жиронда имѣла опредѣленный принципъ, за который она шла на смерть, межъ тѣмъ какъ оппортюнизмъ живетъ за счетъ своей приспособляемости, проглатываетъ какія-угодно резолюціи и даетъ бить себя по лицу, лишь бы избѣжать потери головы. Фактическую ошибку допустилъ авторъ статьи въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между провинціальной прессой и центральнымъ органомъ въ нашей

партіи. Онъ не знаетъ, что сильное развитіе самостоятельной провинціальной прессы составляетъ важную особенность германской соціаль-демократіи и что въ этой провинціальной прессѣ заключается основа идейнаго развитія нашей партіи. Плохо пришлось бы намъ, еслибъ мы давали руководить собой „Vorwärts“'у. Въ аграрномъ вопросѣ, въ вопросѣ о Бернштейнѣ, въ дебатахъ о таможенной политикѣ, въ вопросѣ о вотированіи кредитовъ на усиленіе артиллеріи, въ вопросѣ о поступкѣ каменьщиковъ-штучниковъ,*) въ наши дни въ вопросѣ объ обструкціи (противъ правительственнаго таможеннаго проекта) — постоянно революціонная иниціатива исходитъ изъ провинціи. Отъ иностранца не приходится требовать, чтобы онъ внимательно слѣдилъ за нашей провинціальной прессой,**) а, слѣдя за центральнымъ органомъ (который систематически замалчиваетъ провинціальную прессу, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ намѣренъ напасть на личности), онъ долженъ былъ вынести именно то представленіе, которое онъ выразилъ въ своей статьѣ.

Есть еще одна причина, дѣлающая необходимой критику французскихъ корреспонденцій „Vorwärts“'а. Позиція нашего центральнаго органа не мало затрудняла борьбу гэдистовъ и бланкистовъ съ оппортюнизмомъ, схватившимся за министерство Милльерана. Это явленіе противорѣчило всѣмъ традиціямъ германской соціаль-демократіи и привело къ тому, что въ отношеніяхъ между нею и тѣми французскими организаціями, съ которой она въ теченіе десятилѣтій стояла въ

---

*) Въ Гамбургѣ, гдѣ столкновенія между каменьщиками, работающими поштучно и повременно, вызвали сильныя разногласія внутри партіи. Ignotus.

**) Большинство фактовъ, приводимыхъ здѣсь Парвусомъ, было мнѣ извѣстно. Я зналъ, что въ многихъ провинціальныхъ соц.-дем. органахъ то или другой дѣяніе оппортюнизма встрѣчало отпоръ независимо отъ того, какъ къ нему относится „Vorwärts“. Въ своей статьѣ я упоминалъ о такихъ фактахъ (1. рефератъ Бернштейна въ *Берлинѣ;* 2. корреспонденціи о французскихъ дѣлахъ), относительно которыхъ провинціальная печать должна была предполагать за „Vorwärts“'омъ надлежащую освѣдомленность и которыхъ тенденціозная передача должна была вводить въ заблужденіе провинціальныя газеты, не имѣющія обыкновенно возможности имѣть своихъ собственныхъ корреспондентовъ въ Берлинѣ, а тѣмъ болѣе въ Парижѣ. Согласенъ, что въ виду выяснившихся изъ статьи Парвуса и другихъ замѣтокъ въ провинціальной печати взаимныхъ отношеній берлинской и провинціальныхъ газетъ, мои слова „провинціальная пресса всегда прислушивается къ голосу центральнаго органа“ были нѣсколько несправедливы по отношенію къ провинціальной печати. Но почему редакція „Vorwärts'а“ такъ разобидѣлась за предположеніе, что онъ способенъ оказывать руководящее вліяніе на провинціальную печать — это для меня непонятно. Или и нѣмецкіе оппортюнисты, подобно нашимъ россійскимъ, твердо увѣрены, что дѣло органа партіи „отражать“ движеніе, а не двигать впередъ его развитіе? Мы думаемъ и продолжаемъ думать, что въ каждой партіи само собой подразумѣвается, чтобы провинціальная печать „прислушивалась къ голосу“ центральнаго органа. разумѣется, если центральный органъ не потерялъ уваженія своихъ сотоварищей. Ignotus.

тѣсномъ духовномъ общеніи, наступило нѣкоторое охлажденіе. Нужно показать, какъ былъ достигнутъ этотъ результатъ для того, чтобы въ будущемъ своевременно можно было избѣжать подобныхъ недоразумѣній.

Начну съ годичнаго обзора французскихъ событій за 1898 годъ. Онъ еще въ общемъ написанъ весьма объективно, но уже въ немъ — впрочемъ въ скрытой формѣ — заключается упрекъ французскимъ соціалистамъ въ „пассивной поддержкѣ ‚высокой арміи‘“, т. е. генеральнаго штаба. Какъ бы рѣшительно ни держаться того взгляда, что наши французскіе товарищи должны были бы энергичнѣе дѣйствовать въ компаніи въ пользу пересмотра дѣла Дрейфуса, все же тяжкій упрекъ имъ въ томъ, что они поддерживали генеральный штабъ, представляетъ *простое тенденціозное искаженіе* фактовъ, тѣмъ болѣе, что самъ корреспондентъ въ своемъ дальнѣйшемъ разсказѣ долженъ былъ признать, что вся „шовинистическая травля“ направлялась *противъ соціалистическихъ партій*. Задача редакціи, которая въ другихъ случаяхъ такъ охотно блюдетъ приличный тонъ, была не допускать подобнаго оскорбленія соціалистическихъ партій.

Этотъ случай показалъ, что корреспондентъ уже не былъ свободенъ отъ предвзятости. Дѣло Дрейфуса сбило его съ толку, поскольку оно все болѣе овладѣвало всѣмъ его міровоззрѣніемъ. Основная точка зрѣнія отодвигалась — то была уже не точка зрѣнія пролетарской классовой борьбы, но борьбы за Дрейфуса. Онъ чуялъ измѣнника въ каждомъ, для кого дѣло осужденнаго капитана не исчерпывало пролетарскаго дѣла. Вскорѣ для него дѣло Дрейфуса стало всѣмъ. У него уже нѣтъ другого матеріала для корреспонденцій. Въ теченіе цѣлаго года: Дрейфусъ, Дрейфусъ, Дрейфусъ! Ни слова о пролетаріатѣ съ его особыми интересами: ни слова о классовой борьбѣ; экономическія различія стушевались; различія между партіями стерлись; все исчезло въ дикомъ хаосѣ, въ которомъ, словно искорка, свѣтитъ вдали душа невиннаго Дрейфуса и вокругъ этой искорки свирѣпствуетъ борьба между злыми и добрыми духами.

Но чѣмъ болѣе выходили изъ поля зрѣнія интересы пролетаріата, тѣмъ болѣе выдвигалась впередъ буржуазная интеллигенція. Да здравствуютъ интеллигенты (les intellectuels)! Они соль земли. Явился Прессансэ и былъ встрѣченъ съ тріумфомъ. Vivat sequens! (да здравствуетъ грядущій за нимъ). Явился и этотъ и имя ему было — Психари. Великое торжество! Его послужной списокъ приводится въ подробностяхъ, дабы показать пролетаріату, какіе знатные господа становятся нынѣ на его сторону. Разумѣется, мы радуемся, когда кто либо переходитъ въ силу своихъ убѣжденій изъ вражескаго лагеря въ ряды борцовъ за соціальную революцію; но своеобразнымъ былъ тотъ соціализмъ, которому для

того, чтобы проявиться, нужно было дожидаться дѣла Дрейфуса. Только вчера еще приверженцы священнаго буржуазнаго порядка, они назвали себя сегодня соціалистами потому, что видѣли попраніе буржуазной справедливости. Чего хотѣли они отъ пролетаріата? Во имя абстрактнаго принципа справедливости они требовали возстановленія справедливости буржуазной. Но соціалистъ противопоставляетъ этой буржуазной справедливости пролетарскую справедливость, онъ отвергаетъ буржуазную справедливость въ самыхъ ея основаніяхъ, которыя суть не что иное, какъ устои капиталистическаго классового господства. Изъ всей толпы, которая тогда перешла къ соціалистамъ, Прессансэ былъ, быть можетъ, единственнымъ, котораго стóило принимать въ серьезъ, а Прессансэ продѣлалъ свою эволюцію къ соціализму еще до начала „дѣла Дрейфуса“. Прочіе были соціалисты на часъ, которые исчезли такъ же внезапно, какъ и появились. Дѣло Дрейфуса подѣйствовала на нихъ такъ, какъ дѣйствуетъ индійскій методъ леченія слѣпыхъ. Послѣдній заключается въ томъ, что глазъ подвергается дѣйствію какой то ѣдкой жидкости, вызывающей ощущеніе свѣта: несчастные думаютъ, что видятъ свѣтъ, но они видятъ его лишь въ собственномъ воображеніи и скоро впадаютъ въ прежній мракъ.

Кокетничанье съ буржуазными идеологами было первымъ шагомъ на пути стиранія границъ между партіями, первымъ этапомъ на пути къ министерству „республиканскаго сплоченія“.

Около того же времени все замѣтнѣе становится въ „Vorwärts“'ѣ пропаганда въ пользу *Жореса*. Появляются отчеты объ его агитаціонныхъ путешествіяхъ, приводятся его статьи изъ „Petite République“. Въ письмахъ изъ Парижа также рѣзко проявляется его духовное вліяніе.

Въ началѣ іюня пало министерство Дюпюи. Корреспондентъ „Vorwärts“'а заявилъ, что составленіе новаго кабинета не представитъ никакихъ затрудненій. Но вотъ возникаетъ кандидатура Милльерана. Парижскій корреспондентъ, повидимому, не зналъ, въ какое отношеніе стать ему къ этому вопросу. Ибо онъ замолкъ*) и „Vorwärts“ сталъ пользоваться отчетами „Vossische Zeitung“. Между тѣмъ, Жоресъ со всей энергіей выступаетъ въ защиту Милльерана и 23 іюня даръ слова вернулся и къ корреспонденту. Онъ пишетъ: „Не приходится толковать о томъ, что рѣшеніе Милльерана свободно отъ какихъ либо честолюбивыхъ побужденій. Напротивъ, соціалистическій депутатъ принесъ въ этомъ случаѣ *великую жертву* на службѣ республикѣ, а слѣдовательно и соціали-

*) Вѣроятно, Кричевскій какъ разъ въ этотъ моментъ былъ отозванъ „неотложными“ русскими дѣлами, которыми онъ нынѣ въ „Vorwärts“'ѣ объясняетъ свое умалчиваніе о нѣкоторыхъ французскихъ событіяхъ, непріятныхъ жоресистской братіи. Ignotus.

стической партіи.“ Слѣдуетъ передача аргументаціи Жореса. Теперь мы знаемъ, въ чемъ состояла принесенная Милльераномъ жертва: то была *жертва своими убѣжденіями!*

14 іюля появился извѣстный соціалистическій манифестъ противъ министерства, историческій документъ, въ которомъ классовая точка зрѣнія выражена съ удивительной ясностью и силой. Но для „Vorwärts“'а и его корреспондента это было уже китайской грамотой. Для нихъ это было всего лишь застывшей догмой, проявленіемъ сектантскаго духа, пустой фразой. Въ письмѣ отъ 20 іюля парижскій корреспондентъ сообщаетъ о раздорахъ внутри соціалистической партіи и начинаетъ словами: „Въ французскихъ партійныхъ спорахъ наряду съ дѣловыми мотивами *играютъ роль и личные*, и безполезно было бы скрывать это“. Это было только переводомъ на нѣмецкій языкъ распространявшихся французскими оппортюнистами инсинуацій о томъ, что Гэдъ и Лафаргъ затѣяли раздоры только изъ зависти къ своему счастливому сопернику — Жоресу. Такъ говорилъ тотъ самый человѣкъ, который только что торжественно утверждалъ о *Милльеранѣ*, что имъ отнюдь не руководитъ честолюбіе. Прошу читателей запомнить это. — Послѣ этого вступительнаго заподозриванія мотивовъ корреспондентъ старается опошлить (versimpeln) и исказить сущность спора. Мы узнаемъ отъ него, что уже коммунистическій манифестъ оправдываетъ соціалистическое министерство и что гэдисты собственно только непослѣдовательные анархисты. И если прежде упрекъ въ пассивной тактикѣ во время Дрейфусовскаго дѣла былъ направленъ противъ французскаго соціализма вообще, то теперь отвѣтственность за нее возлагается исключительно „на фракціи Гэда и Вальяна“ Умалчивается о томъ, что самыми рьяными защитниками пассивной тактики были *Милльеранъ и оппортюнисты.* Классическое свидѣтельство справедливости этого утвержденія мы имѣемъ со стороны Жореса, который во время своей дискуссіи съ Гэдомъ въ Лиллѣ заявилъ: „Милльеранъ, Вивіани, Журдъ, Лави*) заявили: ‚это опасное дѣло, не надо намъ мѣшаться въ него‘. Съ другой стороны... Гэдъ, Вальянъ и я, мы говорили: ‚нѣтъ, мы должны вступить въ эту борьбу‘.“ Только когда возникъ вопросъ о министерствѣ, Милльеранъ выползъ на божій свѣтъ.

5 августа нашъ корреспондентъ реферируетъ вновь о партійныхъ раздорахъ и заявляетъ: „Несомнѣнно въ тактикѣ воздержанія играли роль и *оппортюнистическія соображенія о шовинистическомъ настроеніи натравленныхъ массъ*“ (курсивъ подлинника). Эти мотивы, которые здѣсь подсовываются гэдистамъ, на самомъ дѣлѣ были *мотивами тактики Миллье-*

*) Вивіани, Журдъ и Лави и по сейчасъ столпы жоресистской партіи. Ignotus.

рана! Каковъ образчикъ объективнаго изложенія: прегрѣшенія Милльерана приписываются гэдистамъ, чтобы выставить ихъ въ неблагопріятномъ, а его въ выгодномъ свѣтѣ!

Къ этому времени разыгрался слѣдующій инцидентъ. Въ „Vorwärts"'ѣ 2-го іюля появилось постороннее письмо изъ Франціи, изображавшее положеніе дѣлъ съ чисто фактической стороны и бравшее гэдистовъ подъ защиту. На автора письма парижскій корреспондентъ накинулся съ яростью. Самыя постороннія обстоятельства были притянуты имъ для того, чтобы дискредитировать гэдистовъ. Онъ упрекнулъ ихъ въ безсовѣстной погонѣ за депутатскими мандатами, а лично о Девиллѣ*) и Лафаргѣ сказано, что они ведутъ „столь же спокойную, сколько созерцательную жизнь рентьера". „Оба ничего не дѣлаютъ для партіи." „Vorwärts" допустилъ это неслыханное обезчещеніе партіи нашихъ французскихъ братьевъ и это оскорбленіе посѣдѣвшихъ въ борьбѣ товарищей. Болѣе того, какъ выяснилось впослѣдствіи, редакція еще усилила это выраженіе, опустивъ нѣсколько словъ. Только В. Либкнехтъ возсталъ противъ этого, но не могъ ничему помѣшать, очевидно, потому, что имѣлъ противъ себя большинство редакціи. Онъ смогъ только выступить открыто съ возраженіемъ за собственной подписью. Между прочимъ, онъ писалъ: *„Враждебное* отношеніе къ Гэду и гэдистамъ, т. е. къ послѣдовательнѣйшимъ представителямъ соціализма во Франціи, сквозитъ въ каждой строчкѣ этой замѣтки (парижскаго корреспондента)" и указалъ ему цѣлый рядъ искаженій. Возникъ споръ, оставшійся совершенно безрезультатнымъ. Либкнехтъ остался при своемъ мнѣніи.

Вспоминая объ этихъ обстоятельствахъ, понимаешь великое озлобленіе нынѣшней редакціи „Vorwärts"'а. Она борется не съ Ignotus'омъ, а съ кѣмъ-то другимъ, который ей хорошо извѣстенъ, который, къ сожалѣнію, навсегда замолкъ и не можетъ уже защищаться. Но для меня это лишній поводъ довести до конца во всѣхъ деталяхъ эту историческую экскурсію: мы обязаны передъ нашимъ Либкнехтомъ нынѣ, когда результаты процесса на лицо, показать, насколько старый солдатъ революціи, хотя, быть можетъ, и былъ менѣе au courant политическихъ сплетенъ, но правильнѣе судилъ съ своей общей точки зрѣнія и на основаніи своего знакомства съ французской исторіей, чѣмъ оппонировавшіе ему члены редакціи вмѣстѣ съ парижскомъ корреспондентомъ, и насколько посрамлено фактами оппортюнистическое умничаніе послѣднихъ.

Какъ случилось, что въ рядахъ международнаго соціализма люди могли дать обмануть себя по вопросу о значеніи и смыслѣ милльерановскаго министерства? Ихъ загипноти-

---

*) Девилль въ то время еще не совершилъ своего ренегатства. Теперь онъ сидитъ на крайней правой сторонѣ жоресистской партіи. Ignotus.

зировало слово „участіе въ правительственной власти“. При этомъ смѣшивали правительство, какъ министерскую коллегію, какъ опредѣленную группу лицъ, съ правительствомъ, какъ государственнымъ учрежденіемъ; но даже каждая крупная буржуазная партія знаетъ, что это не одно и то же, она, поэтому, требуетъ не просто министерскихъ портфелей, но *образованія кабинета* въ ея духѣ и во всякомъ случаѣ она принимаетъ на себя образованіе министерства только при обезпеченномъ за нею парламентскомъ большинствѣ. Конечно, въ теоріи подобное смѣшеніе невозможно, но тутъ пришло на помощь то положеніе оппортюнизма, согласно которому теорія — одно, а практика — другое. Теорія — это общія точки зрѣнія. Онѣ болѣе не нужны, разъ въ дѣлѣ Дрейфуса обрѣтена руководящая звѣзда Виѳлеемская. Разъ дѣло Дрейфуса взято за исходную точку, то и въ этомъ частномъ случаѣ находилась отличная оппортюнистическая аргументація: Мильеранъ долженъ вступить въ министерство, чтобы довести до конца пересмотръ дѣла Дрейфуса; это министерство республиканской самозащиты, конечно, пойдетъ еще дальше, покончитъ съ правленіемъ милитаристской клики, демократизируетъ все военное вѣдомство, или, по крайней мѣрѣ, военную юстицію и укрѣпитъ устои политической демократіи вообще; черезъ посредство министерства Мильерана соціализмъ беретъ на себя „долю отвѣтственности“ въ этомъ неотложномъ дѣлѣ и завоюетъ симпатіи всѣхъ и каждаго; но демократизація арміи и государственныхъ формъ уменьшаетъ силу сопротивленія капиталистическаго государства противъ натиска классового движенія революціоннаго пролетаріата. Такимъ образомъ, пролетаріатъ, съ одной стороны, спасаетъ буржуазную республику, а съ другой — онъ тѣмъ самымъ подкапываетъ самыя основы ея существованія; это совершается незамѣтно и въ одинъ прекрасный день прогремитъ труба и рухнутъ Іерихонскія стѣны. Дивный планъ провести буржуазію и капиталистическое государство! Но — „личности поддаются обману, цѣлые классы — никогда“ (К. Марксъ). Результаты на лицо: оппортюнизмъ никого не одурачилъ, кромѣ самого себя!

Корреспондентъ „Vorwärts“'а былъ до такой степени захваченъ этимъ кругомъ идей, что даже не остановился передъ тѣмъ вопіющимъ фактомъ, что рядомъ съ Мильераномъ спасать буржуазную республику пришлось тому самому генералу Галифэ, который уже спасалъ ее отъ соціальной революціи. Онъ даже патетически протестовалъ противъ „полемическаго преувеличенія“, съ которымъ Галлифэ выставляютъ „палачемъ коммуны“, тогда какъ онъ былъ „простой генералъ“, убивавшій по приказу начальства! Но гдѣ вообще на свѣтѣ существовалъ такой кровожадный палачъ на службѣ деспотической власти, который былъ бы болѣе, чѣмъ „простымъ

генераломъ"? Если это служитъ оправданіемъ, то вѣдь и члены обоихъ военныхъ судовъ, осудившихъ Дрейфуса, поступали такъ, какъ солдаты, повинующіеся начальству. Галлифэ былъ соучастникомъ въ массовомъ юридическомъ убійствѣ, которое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ хуже, чѣмъ случай съ Дрейфусомъ, онъ не только не проявилъ той человѣчности, которая не чужда даже генераламъ, но поступалъ безчеловѣчно, звѣрски, онъ издѣвался, насмѣхался надъ своими жертвами, забавлялся ихъ мученіями, онъ совершалъ злодѣянія, за которыя, еслибъ они были совершены противъ *внѣшняго* врага, онъ былъ бы преданъ военному суду. Въ качествѣ министра онъ ни на минуту не отрекся отъ своего прошлаго и нѣтъ никакого основанія допустить, что онъ не поступилъ бы одинаково, если бы ему снова пришлось защищать республику противъ революціонныхъ соціалистовъ. Но какое поучительное зрѣлище: строгій критикъ французскаго соціализма, видящій въ Лафаргѣ всего только мирнаго рентьера, отыскиваетъ оправданія для одного изъ наихудшихъ враговъ пролетаріата и отвратительнѣйшихъ негодяевъ своего вѣка! Редакція же центральнаго органа германской соціаль-демократіи, кромѣ Либкнехта,*) заявившаго протестъ, не сочла нужнымъ что либо возразить противъ этого, да и теперь еще заявляетъ, что это — образецъ объективнаго корреспондированія.

Соединеніе Галлифэ съ Милльераномъ вовсе не было случайнымъ, это было выраженіемъ цѣлой программы. Вальдекъ-Руссо стремился найти на постъ военнаго министра такого человѣка, котораго свойства, какъ спасителя государственныхъ устоевъ, были бы внѣ сомнѣній. Поэтому онъ сначала велъ переговоры съ Казиміромъ Перье, котораго кратковременное президентство, преслѣдовавшее задачу уничтоженія соціализма, было еще на памяти у всѣхъ. Онъ хотѣлъ показать этимъ буржуазіи, что государство остается при всей своей власти. Программа была очень проста: спокойствіе и порядокъ — какъ справа, такъ и слѣва. Слѣдовательно, съ самаго начала это было не министерство борьбы, но министерство сплоченія и примиренія. Буржуазный радикализмъ понялъ очень хорошо, что буржуазіи придется не по вкусу, если онъ захочетъ довести до конца борьбу съ господствомъ военной корпораціи. Но такъ какъ своей нерѣши-

---

*) Когда Кричевскій въ оправданіе союза Милльерана съ Галлифэ сослался на то мѣсто въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", которое говоритъ объ обязанности коммунистовъ поддерживать демократовъ, Либкнехтъ презрительно отвѣтилъ („Vorwärts", 1899, № 189): „Марксъ теперь въ гробу и, слѣдовательно, не можетъ протестовать, но, насколько я его знаю, я не сомнѣваюсь, что того соціалиста, который сталъ бы защищать или одобрять вступленіе соціалиста въ кабинетъ Галлифэ, *онъ безъ разсужденій выбросилъ бы за дверь*" (курсивъ нашъ). Ignotus.

тельностью и половинчатостью онъ доставилъ бы только удобный матеріалъ для соціалистической критики, то онъ пришелъ къ мысли вытѣснить соціализмъ изъ его критической позиціи, взваливъ на него часть правительственной отвѣтственности. Планъ удался сверхъ ожиданія: сначала благодаря личному вліянію Милльерана, Жореса и ихъ друзей, соціализмъ былъ умиротворенъ, а затѣмъ сила его нападенія была ослаблена внутренними раздорами, вспыхнувшими изъ за Милльерана.

Уже первые шаги правительства показали ясно, что отъ него нельзя ожидать какой либо рѣшительной борьбы. Но оппортюнистическаго оптимизма ничто не могло поколебать, ни даже приговоръ военнаго суда въ Реннѣ. „Болѣе, чѣмъ когда либо", писалъ нашъ корреспондентъ, „собственно дѣло Дрейфуса, равно какъ вопросъ о милитаризмѣ и связанномъ съ нимъ клерикализмѣ, останутся очередными вопросами французской политики." „Vorwärts" восхвалялъ работу Галлифэ по очисткѣ военнаго вѣдомства. Но уже въ концѣ октября состоялось осужденіе Готіэ*) и это событіе такъ било въ носъ, что его нельзя было игнорировать. „Очень скверный поступокъ" заявилъ съ удрученнымъ сердцемъ парижскій корреспондентъ. Но дѣла шли все хуже. Ровно черезъ три мѣсяца, въ годичномъ обзорѣ событій 1899 года настроеніе уже очень грустное: рѣшительная борьба съ милитаризмомъ брошена, старая рутина возстановлена, правительство боится самаго имени „правительства борьбы" и т. д. Можно было подумать, что наступило время отрезвленія. Но нѣтъ! Таковъ законъ логики оппортюнизма, что онъ вынужденъ переходить отъ уступки къ уступкѣ до тѣхъ поръ, пока не растянется на землѣ. Нашъ корреспондентъ ставитъ вопросъ: кто виноватъ? И опять таки таковъ законъ, что если оппортюнистъ потерпѣлъ фіаско, благодаря собственной непроницательности, то вина въ этомъ падаетъ *на массы*. Такъ и въ этомъ случаѣ. Виновата „широкая масса, которая въ общемъ равнодушно смотрѣла на всю борьбу".*) Но если такъ, то выходитъ, что въ своихъ прежнихъ корреспонденціяхъ авторъ обманывалъ своихъ нѣмецкихъ читателей относительно настроенія во Франціи: ибо онъ выходилъ изъ себя въ негодованіи на гедистовъ, которые, якобы, игнорировали массовой характеръ движенія въ защиту Дрейфуса!

Тѣмъ самымъ, однако, созданъ былъ новый критерій для оцѣнки правительства. Оно теперь уже не правительство

*) За напечатаніе брошюры противъ милитаризма. Ignotus.

*) Пусть читатель сравнитъ отношеніе „Рабочаго Дѣла„ къ русскому спору о политической и экономической агитаціи, о причинахъ преобладанія экономизма въ дѣятельности соціаль-демократіи въ 1898—1900 гг. И въ этомъ случаѣ виноваты были „широкія массы", а никакъ не оппортюнистическое настроеніе ихъ „авангарда". Ignotus.

борьбы, но правительство республиканской защиты. Оно не ведетъ насъ впередъ, но и не тащитъ назадъ. И за это спасибо! Скромность — величайшее украшеніе „реальной политики“. За то въ то же время центръ тяжести переносится на *соціально-политическую* дѣятельность Милльерана. Если прежде оправданіе вступленія Милльерана въ министерство видѣли въ спеціальныхъ задачахъ этого правительства, то теперь въ участіи Милльерана найдено оправданіе для поддержки правительства. Аргументація совершенно переворачивается: такъ какъ участіе Милльерана уже нельзя было прикрыть поблѣднѣвшимъ радикализмомъ правительства, то участіемъ Милльерана стали прикрывать скомпрометировавшійся радикализмъ буржуазнаго правительства.

Чѣмъ болѣе выдвигается впередъ Милльеранъ, тѣмъ болѣе можно было позволить себѣ критиковать правительство въ цѣломъ — на этомъ фонѣ дѣянія соціалистическаго министра являлись тѣмъ болѣе величественными. Съ чувствомъ удовлетворенія и озабоченности подчеркивается, что націоналистическая пресса нападаетъ на правительство изъ-за соціалистическаго министра Милльерана. Пароль былъ данъ: защита соціалистическаго министра противъ буржуазной прессы! Если министръ Милльеранъ уже въ первыхъ своихъ соціалистическихъ опытахъ сѣлъ между двухъ стульевъ, то теперь было достаточно, если онъ министерскими указами соблюдалъ *видимость* соціально-политической дѣятельности: его слѣдовало поддерживать уже потому, что на него нападала буржуазія. Правда, то нападали самые ограниченные, самые реакціонные слои ея, но все же буржуазія есть буржуазія; строгое различіе, вѣдь, требуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о какомъ нибудь палачѣ Коммуны. Правительство слѣдуетъ поддерживать даже не ради дѣятельности Милльерана, но ради одного только его *присутствія* въ министерствѣ. Поддерживать всѣми средствами! И если приходится идти на *уступки*, то надо сдѣлать ихъ. Каждый шагъ соціалистическихъ партій, направленный противъ правительства, былъ промахомъ.

Дѣло дошло до того, что государственную политику стали щадить для того, чтобы только поддержать престижъ правительства. Такъ, напримѣръ, приговоръ въ дѣлѣ о заговорѣ (Деруледа и Ко.) былъ явной капитуляціей передъ героями государственнаго переворота — тѣмъ не менѣе, парижскій корреспондентъ „Vorwärts“а считаетъ себя обязаннымъ подчеркнуть, что „чисто-юридическія основанія вызвали мягкость государственнаго суда“. Стоитъ вспомнить, какъ тотъ же человѣкъ не задолго до того воевалъ съ гедистами за ихъ „пассивную поддержку ‚высокой арміи‘“! Правда, гедисты руководствовались революціоннымъ доктринерствомъ, тогда какъ государственный судъ просто боялся раздражить вра-

говъ республики. Съ другой стороны, происходитъ уголовное преслѣдованіе У. Гойэ новымъ военнымъ министромъ Андрэ. Корреспондентъ даетъ по этому поводу большую путанную статью, которой суть заключается въ слѣдующемъ: это — тенденціозный военный процессъ. Очень, очень печально, однако, надо сознаться, что Гойэ пишетъ очень рѣзко, дѣйствительно рѣзко. Слѣдуетъ цитата. — Когда раньше того же Гойэ и по тому же поводу привлекъ къ суду министръ Галлифэ, корреспондентъ, по крайней мѣрѣ, не старался искать для послѣдняго оправданія въ рѣзкости стиля обвиняемаго. Съ тѣхъ поръ — какой прогрессъ въ дѣлѣ приспособляемости! Съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣлъ „Vorwärts“, какъ разыгрывался фарсъ отставки Галлифе. Редакція плакалась: націоналисты одерживаютъ верхъ! Корреспондентъ писалъ: „то, что палата не свергла министерство, является съ ея стороны почти геройскимъ актомъ (sic!)“. На слѣдующій день редакція печатаетъ жирнымъ шрифтомъ: „Замѣчательный успѣхъ въ палатѣ“. Что же случилось? Правительству была сдѣлана интерпелляція по поводу полученной имъ отъ Галлифэ „пощечины“ — и палата вотировала довѣріе правительству. Осанна! Неудивительно послѣ этого, что когда 15 іюня оппортюнисты открыто отреклись въ палатѣ отъ соціализма,*) чтобы обезпечить правительству большинство голосовъ, то это обстоятельство уже не могло излечить ни „Vorwärts“, ни его корреспондента отъ полюбившейся имъ оппортюнистической тактики.

Въ началѣ іюня „объективное“ изложеніе французскихъ дѣлъ въ „Vorwärts“’ѣ было непріятно прервано появленіемъ написаннаго чисто-фактически пасьма Ш. Боннье, которое было неудобно тѣмъ, что сообщило цѣлый рядъ новостей — старыхъ новостей для всѣхъ, кромѣ читателей „Vorwärts“’а. Послѣдніе узнали впервые, что французскіе рабочіе союзы протестовали противъ Милльерановскаго закона о рабочемъ времени, что биржи труда протестовали противъ закона о рабочихъ союзахъ, что третейскій судъ по поводу стачки въ Крёзо связалъ рабочихъ по рукамъ и ногамъ и выдалъ ихъ съ головой предпринимателямъ; далѣе, они узнали впервые о позорныхъ злоупотребленіяхъ военной власти при избіеніи рабочихъ на Мартиникѣ и въ Фурми. О послѣднихъ событіяхъ редакція сообщила теперь заднимъ числомъ въ двухъ примѣчаніяхъ, чѣмъ засвидѣтельствовала, что она до сихъ поръ сознательно не помѣщала о томъ извѣстій. Парижскій корреспондентъ отвѣчалъ Боннье на двухъ столбцахъ. Фактовъ онъ не могъ отрицать, онъ старался лишь скрасить ихъ и, между прочимъ, заявилъ, что еще ни одно правительство

---

*) Они, вмѣстѣ съ Милльераномъ, вотировали „для спасенія министерства“, резолюцію, осуждающую соціализмъ. Ignotus.

не относилось такъ „благожелательно-нейтрально“ къ стачкамъ. Это было 9-го іюня, а 12-го іюня тому же корреспонденту пришлось сообщать о разстрѣлѣ рабочихъ въ Шалонѣ!

Мы уже знаемъ, какъ корреспондентъ „Vorwärts“'а пытался внушить недовѣріе къ революціонной тактикѣ гедистовъ и бланкистовъ посредствомъ оппортюнистическаго искаженія и приписыванія личныхъ мотивовъ. Вскорѣ была найдена формула, при помощи которой эти инсинуаціи могли повторяться наилучшимъ образомъ. Этой формулой было — единеніе соціалистическихъ партій. Само собой понятно, что оппортюнизмъ, который самъ — въ интересахъ дѣла — не стѣсняется принципіальными соображеніями, чтобы принимать участіе въ дѣлѣ *„республиканскаго сплоченія“*, — что онъ долженъ былъ негодовать на революціонный соціализмъ, который не пожелалъ пожертвовать ни на іоту своей принципіальной точкой зрѣнія, чтобы соединиться съ нимъ, съ этимъ нѣсколько болѣе „реально-политическимъ“ соціализмомъ. Это столь-же понятно, какъ и то, что именно это политическое благодушіе оппортюнизма побудило къ большой осторожности всѣхъ тѣхъ, для которыхъ важно было не просто формальное единеніе, но и организація соціалистической партіи съ единой программой и единой тактикой. Но къ этой естественной досадѣ оппортюнистовъ присоединялся и хитрый разсчетъ. Именно: принципіальная борьба съ революціоннымъ соціализмомъ на почвѣ вопроса о Милльеранѣ становилась чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе неудобной, — вотъ почему выдвинутъ былъ вопросъ объ объединеніи;*) оставимъ вопросъ о Милльеранѣ, *объединимся* прежде всего! Откуда и дѣлался затѣмъ выводъ: гедисты потому подчеркиваютъ вопросъ о Милльеранѣ и другія разногласія, что они хотятъ *помѣшать* дѣлу объединенія. Нигдѣ и никогда еще оппортюнизмъ не защищалъ открыто своей точки зрѣнія, всегда онъ пытался перетащить споръ на постороннюю почву, на *почву личныхъ дрязгъ* и жилъ за счетъ создаваемой имъ путаницы.**) И на этотъ разъ ему удалось это. Когда гедисты заявляли: „Милльеранъ“, оппортюнисты отвѣчали имъ: „Единеніе!“ Они кричали и шумѣли объ объединеніи и имъ удалось фактически вызвать заграницей такое впечатлѣніе, будто спеціально гедисты противились дѣлу единенія.

Въ началѣ октября 1900 г. корреспондентъ нашего центральнаго органа позволилъ себѣ слѣдующимъ образомъ писать о конгрессѣ гедистской рабочей партіи, которая въ теченіе десятилѣтій была тѣснѣйшими узами связана съ

---

*) Просимъ читателя и въ этомъ случаѣ — по вопросу объ „объединеніи“ — провести апалогію между тактикой жоресистовъ во французскихъ дѣлахъ и тактикой ихъ русскихъ подражателей — въ нашихъ собственныхъ. Ignotus.

**) Mutato nomine de te fabula narratur! Ignotus.

германской соціаль-демократіей: „Но, конечно, ея „генеральный комитетъ“ и ея „объединительная конференція“ *стремятся* къ тому, чтобы *окончательно расколоть партію*“. То есть, конгрессъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы объединить революціонно-соціалистическія партіи, а корреспондентъ объясняетъ: „Все это ложь! Вы сознательно стремитесь расколоть партію!“ Можно ли себѣ представить болѣе предвзято-враждебное корреспондированіе и худшее инсинуированіе по адресу какой либо соціалистической партіи? Но редакція „Vorwärts“'а находитъ это корреспондированіе не только отличнымъ, но и „весьма отличнымъ“

Подведемъ же итоги тѣмъ этапамъ, которые прошелъ оппортюнизмъ въ вопросѣ о Милльеранѣ:

1. Оставленіе точки зрѣнія пролетарской классовой борьбы и замѣна ея точкой зрѣнія „Дрейфусъ“.

2. Кокетничаніе съ буржуазной интеллигенціей — салонный соціализмъ.

3. Вступленіе въ министерство для поддержки демократическаго правительства борьбы и подготовленія политической почвы для соціальной революціи.

4. Участіе въ правительствѣ республиканскаго сплоченія во избѣжаніе худшаго.

5. Поддержка соціальной политики Милльерана.

6. Поддержка Милльерана потому, что на него нападаютъ реакціонеры.

7. Поддержка правительства ради имени Милльерана.

8. Уступки въ области общей политики, соціальной политики, въ принципіальной области — въ цѣляхъ поддержки Милльерана.

9. Затушевываніе случаевъ убійства рабочихъ — въ цѣляхъ поддержки правительства.

10. Ненависть къ революціонному соціализму, потому что онъ мѣшаетъ этой работѣ.

11. Гедистская „французская рабочая партія“ — вотъ врагъ, съ которымъ надо бороться.

Далѣе этого корреспондентъ „Vorwärts“'а не пошелъ. Дальнѣйшее шествіе по слѣдамъ Милльерана, впрочемъ, вело уже къ полученію ордена отъ царя. Корреспондентъ сдѣлалъ поворотъ и началъ процессъ обратнаго развитія; „Vorwärts“ допустилъ это. Но это уже относится къ забавной повѣсти о томъ, какъ крысы покидали тонущій корабль. Быть можетъ, я буду еще имѣть случай дополнить съ этой стороны мою лѣтопись.

Выборы во Франціи.

Когда 12-го іюня с. с. 1899 г. вслѣдъ за интерпелляціей Вальяна пало министерство Дюпюи, когда послѣ долгихъ переговоровъ составилось это разношерстное министерство— Вальдекъ-Руссо-Милльеранъ-Галлифэ, едва ли кто нибудь тогда предполагалъ, что правительство продержится не только до выборовъ, но хотя бы до выставки. Случилось, однако, неожиданное: оказалось, что именно эта разношерстность, эта „чудовищность" состава дала министерству его жизненность.

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ выяснилось, что если оффиціальная задача Вальдека-Руссо состояла въ *защитѣ республики*, т. е. въ борьбѣ съ націоналистами, его другой, оффиціозной, если можно такъ выразиться, задачей — было *обузданіе соціалистовъ*. Дѣло Дрейфуса значительно усилило во Франціи два крайнихъ элемента — націоналистовъ и соціалистовъ, представителей реакціи, съ одной стороны, и революціи, съ другой стороны.

Націонализмъ — это амальгама демократическихъ стремленій мелкой буржуазіи и реакціонныхъ утопій крупныхъ землевладѣльцевъ; отсюда его уродливость, отсюда его демагогическій характеръ. Земля и лавочка, ремесленная мастерская и маленькій рантье объединились вокругъ его знамени для совмѣстной борьбы съ „собирателями" земли, съ финансовыми тузами, съ крупными акціонерными компаніями, словомъ, съ капиталомъ-экспропріаторомъ, безпощадно бросающимъ мелкихъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ въ ряды пролетаріата. Мелкая буржуазія долго составляла ядро радикальной партіи. Третья республика обманула ея надежды — не облегчила ея положенія и усилила соціалистическую партію. Въ то же время дѣло Дрейфуса — осужденіе за измѣну Франціи въ пользу Германіи — *еврея и богача* дало богатый агитаціонный матеріалъ тѣмъ пережиткамъ прошлаго, тѣмъ клерикаламъ, антисемитамъ и монархистамъ, которые только ждали случая окончательно наложить свою руку, — я не скажу на республику, но на матерьяльныя блага республики. Клерикализмъ и шовинизмъ, реакція противъ разнузданности „свѣтскаго" (движимаго) капитала и давленія таинственнаго „интернаціональнаго" рынка, духъ церкви и арміи, столповъ собственности и отечества, идеи націонализма, этой пестрой формы признанія національнаго безсилія, — нашли себѣ благопріятную почву въ странѣ мелкой бур-

жуазіи par excellence. Являясь въ *экономическомъ* отношеніи возстаніемъ недвижимаго капитала противъ движимаго, мелочной лавки противъ крупнаго магазина, мастерской противъ фабрики, націонализмъ былъ съ самаго начала обреченъ на безсиліе. Въ этой *политической* вспышкѣ реакціи, безсознательнымъ орудіемъ которой явилась мелкая буржуазія, французскіе марксисты отказывались видѣть что-нибудь другое, кромѣ мертворожденаго ребенка, вреднаго только тѣмъ, что онъ портитъ воздухъ. Необходима была дезинфекція — не больше.

Я только что сказалъ, что третья республика усилила соціалистическую партію; правильнѣе было бы сказать, что при ней только началъ рости, быстро развиваться и усиливаться соціализмъ. На свободной аренѣ классовой борьбы одновременно проявились и всѣ хищническія инстинкты господствующей буржуазіи, и вся мощь сознательнаго, организованнаго пролетаріата. Борясь съ буржуазіей, Геду и Лафаргу, первымъ предпринявшимъ во Франціи пропаганду и организацію рабочаго класса, предстояла трудная задача перевоспитывать пролетаріатъ, съ его мелко-буржуазнымъ практицизмомъ, этимъ духовнымъ завѣщаніемъ Луи-Блана и Прудона, съ его инстинктивнымъ революціонаризмомъ, нашедшимъ свое выраженіе въ старомъ бланкизмѣ, съ его, наконецъ, фразеологическимъ якобинизмомъ, впитаннымъ со всей буржуазно-просвѣтительской литературой. Задача была нелегкая, но можно безъ преувеличенія сказать, что время увѣнчало успѣхомъ труды піонеровъ. 18-го ноября 1877 г. появляется первая соціалистическая газета L'Egalité („Равенство“) подъ редакціей Жюль Геда и Девилля. Газета печатаетъ теоретическія статьи, популяризуетъ идеи Маркса и Энгельса, проводитъ рѣзкую грань между своимъ направленіемъ и всякими анархическими теченіями. Вокругъ газеты мало-по малу группируются рабочіе и интеллигенты, подъ ея знамя становятся политическія группы и синдикаты. Одинокіе голоса гедистовъ, раздававшіеся на первыхъ синдикальныхъ конгрессахъ, организованныхъ и руководимыхъ правительственными агентами, превращаются въ импозантное большинство на Марсельскомъ Конгрессѣ 20-го октября 1879 г., на которомъ впервые во Франціи разрабатываются и принимаются програмныя положенія въ духѣ научнаго соціализма. На законодательныхъ и муниципальныхъ выборахъ 1881 г. партія выставляетъ уже своихъ кандидатовъ; а муниципальный совѣтъ города Комментри весь составляется изъ соціалистовъ. Съ тѣхъ поръ неуклонно партія растетъ качественно и количественно; правда, внутри ея появлялись новыя теченія, образовывались диссидентскія школы; отъ партіи отдѣлились „поссибилисты“, въ свою очередь скоро расколовшіеся на бруссистовъ и альманистовъ. Но центромъ, неуклонно придерживавшимся между-

народной соціальдемократической программы, распускающимъ свои вѣтви по всей Франціи, постоянно растущимъ и числомъ членовъ и силой организаціи — оставались гедисты — Французская Рабочая Партія. Въ эпоху буланжизма, когда обѣ оспаривавшія власть буржуазныя партіи, — буланжисты и оппортюнисты, — искали опоры въ рабочемъ классѣ, когда нѣкоторые соціалисты, съ Эрнестомъ Рошемъ пошли за „чернымъ конемъ“ генерала, привлекаемые демократизмомъ послѣдняго, и другіе, съ Альманомъ, присоединились къ Жюль Ферри, къ Клемансо въ интересахъ защиты республики, гедисты остались въ сторонѣ, и, протянувъ въ эту критическую минуту руку своимъ товарищамъ по революціоннымъ принципамъ бланкистамъ, вмѣстѣ съ ними указывали пролетаріату на непримиримыя противорѣчія между интересами рабочаго класса и буржуазіи, на одинаково враждебное отношеніе къ соціализму и той, и другой партіи. „Между холерой и чумой — писали тогда гедисты и бланкисты — для насъ не можетъ быть выбора; онѣ одинаково опасны обѣ“ Послѣдствія оправдали тактику гедистовъ; одно министерство смѣнялось другимъ, умѣренные уступали власть радикаламъ, а рабочій классъ оставался все въ томъ же положеніе экономической и политической придавленности. Постоянно развиваясь вширь и вглубь, соціализмъ привлекаетъ къ себѣ не только пролетаріевъ, но и лучшую, мыслящую часть буржуазной интеллигенціи. Цѣлая плеяда выдающихся лицъ, съ бывшимъ профессоромъ Тулузскаго университета Жоресомъ и талантливымъ адвокатомъ Милльераномъ во главѣ, заявляютъ себя соціалистами; латинскій кварталъ непрерывно поставляетъ партіи все новыхъ и новыхъ адептовъ. Они *приносятъ* ей свою молодость, свои знанія, свою энергію; но они *вносятъ* въ нее и метафизику университетской науки и идеалистическую фразеологію якобинской интеллигенціи. Преклоняясь передъ стройностью марксистской теоріи и научностью ея положеній, они не идутъ дальше усвоенія эклектическаго соціализма Малона, признавая всю мощь организаціи и силу дисциплины, они не входятъ въ партію, остаются независимыми, не признаютъ контроля и не принимаютъ отвѣтственности.

Разыгравшееся въ началѣ 90-хъ годовъ дѣло Панамы обнаружило и всю продажность, испорченность и негодность правящаго класса, и всю неотвратимость подобныхъ скандаловъ при современномъ строѣ съ его бѣшеной погоней за наживой, съ его разнузданной борьбой за привилегированное положеніе. На фонѣ сразу вырвавшейся наружу грязи, среди моральнаго краха прошлаго, еще ярче выдѣлялись чистота и свѣжесть партіи будущаго, подъ сѣнь которой приходили и пролетаріи и „обездоленные“ мелкіе буржуа. Законодательные выборы 1893 г., и затѣмъ муниципальные выборы 1896 г.

отмѣчаютъ небывалый еще ростъ партіи. Рядъ крупныхъ городовъ, Марсель, Лилль, Рубэ, Монлюсонь, Калэ, Руанъ, Сеттъ и т. д., и т. д. переходятъ въ руки соціалистовъ. Другое дѣло, дѣло Дрейфуса давало партіи не менѣе блестящій поводъ вести агитацію, какъ она вела ее во время Панамы, не противъ того или иного слоя буржуазіи, а противъ *самого* буржуазнаго строя. Вся ошибка Жореса, одареннаго богатымъ художественнымъ талантомъ и недюжиннымъ краснорѣчіемъ, заключалась именно въ томъ, онъ за идеей не видѣлъ реальности, а за личностью забылъ идею. Онъ такъ увлекся идеей, что не замѣтилъ рядомъ съ собой ни Рейнака, автора „гнусныхъ законовъ“, ни Трарье, лишь наканунѣ внесшаго законопроектъ, запрещающій организаціи рабочихъ, занятыхъ въ государственныхъ предпріятіяхъ, ни Ивъ-Гюйо, этого заклятаго врага соціалистовъ, девизъ котораго: „Республика безъ соціалистовъ!“; а не замѣтивъ этого сосѣдства, онъ невольно сталъ впослѣдствіи орудіемъ опредѣленной части буржуазіи въ борьбѣ ея съ другой частью; точно такъ же, какъ еще позднѣе онъ такъ увлекся реабилитаціей Дрейфуса, что забылъ самое идею. Тѣмъ не менѣе агитація велась, и вели ее соціалисты. Тогда, безспорно, Жоресъ спасъ честь французскаго соціализма; больше того: онъ соціализировалъ умы. Соціализмъ выросъ, пріобрѣлъ страшную моральную силу, сталъ популяренъ, какъ никогда не былъ прежде того. Гедисты, крайне осторожно отнесшіеся сначала къ „дѣлу“, въ которомъ видѣли варьяцію буланжизма, тѣмъ не менѣе считаютъ нужнымъ на Монлюсонскомъ конгрессѣ заклеймить самымъ энергичнымъ образомъ націонализмъ и антисемитизмъ, эти формы политической и экономической реакціи; на томъ же конгрессѣ партія поручаетъ своимъ депутатамъ требовать въ парламентѣ отмѣны военныхъ судовъ, этой современной формы инквизиціи; тѣ же гедисты берутъ на себя инициативу созыва представителей всѣхъ соціалистическихъ организацій для принятія мѣръ борьбы съ реакціей (1899 г.). Собраніе создаетъ „Комитетъ Соглашенія“, который и созываетъ первый объединительный конгрессъ всѣхъ организацій, завершившійся среди всеобщаго энтузіазма избраніемъ „Генеральнаго Комитета“.

Итакъ, къ моменту составленія министерства Вальдека-Руссо мы констатируемъ: 1. очень сильный ростъ во Франціи соціалистическихъ силъ; чтобы иллюстрировать этотъ ростъ, приведу нѣсколько данныхъ.

Число голосовъ, поданныхъ на законодательныхъ выборахъ за кандидатовъ Французской Рабочей Партіи:

Въ 1881 г.	27 902
- 1885 г.	31 968
- 1889 г.	47 147
- 1893 г.	221 804
- 1898 г.	330 753

Партія выставляла кандидатовъ:

Въ	1881 г.	въ	7	департаментахъ.
-	1885 г.	-	11	-
-	1889 г.	-	13	-
-	1893 г.	-	36	- (90 изб. округовъ).
-	1898 г.	-	38	- (113 изб. округовъ).

Выбрано было:

Въ	1881 г.	0	депутатовъ.
-	1885 г.	1	-
-	1889 г.	5	-
-	1893 г.	7	-
-	1898 г.	14*)	-

Притомъ слѣдуетъ замѣтитъ, что данныя, приводимыя мною, касаются одной только организаціи — гедистовъ, что кромѣ нея въ Палатѣ представлены были еще альманисты, бланкисты и независимые. Всего въ 1898 г. было выбрано 39 депутатовъ соціалистовъ.

Во-вторыхъ, указанный моментъ отличается тѣмъ, что всѣ организаціи признали необходимость объединиться и сдѣлали первые шаги на пути къ этому объединенію.

* * *

Буржуазія не могла оставаться и не оставалась бездѣятельной въ виду такого прогресса соціализма. Мелинъ открыто объявилъ войну революціонной партіи. Его министерство „борьбы“ не бездѣйствовало. Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія своего въ министерство Барту, министръ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ въ палатѣ депутатовъ, что онъ разослалъ всѣмъ префектамъ спеціальные циркуляры, рекомендующіе имъ всѣми силами бороться съ соціализмомъ. Министерское слово было услышано, и терроризированіе соціалистовъ началось по всей линіи. Соціалистическіе муниципалитеты (Нарбонна, Дижонъ) распускались подъ предлогомъ допущенной во время выборовъ неправильности, рабочія собранія закрывались, войска стрѣляли въ стачечниковъ, и конная жандармерія топтала ихъ женъ и дѣтей. Когда Жоресъ разсказывалъ въ палатѣ про тѣ жестокости, которыя позволила себѣ въ Кармо полиція, Барту цинично поставилъ свой знаменитый вопросъ: „Гдѣ же убитые?“ Но больше чѣмъ гдѣ-бы то ни было, репрессаліи производятъ во Франціи какъ разъ обратное дѣйствіе тому, чего отъ нихъ ожидаютъ. Репрессаліи — орудіе притупившееся: уже Мелинъ чувствовалъ, что нужно другое, когда онъ говорилъ, обращаясь къ соціалистамъ: *„Если бы вы потратили на проведеніе соціальныхъ реформъ половину того времени и таланта, который вы тратите на проповѣдь соціальной революціи, эти реформы были*

*) Во время раскола, вызваннаго въ партіи вступленіемъ Милльерана въ министерство много депутатовъ вышло изъ партіи и примкнуло къ жоресистамъ.

бы давно уже осуществлены". Злая иронія судьбы: Мелинъ въ роли предвозвѣстника практическаго соціализма! Золотыя слова, которыя должны бы фигурировать въ качествѣ эпиграфа на всѣхъ сочиненіяхъ Бернштейна, Струве, Жореса и Ко. Вальдекъ-Руссо выдвинулъ впередъ это „другое", болѣе совершенное, болѣе годное для борьбы съ только начинающей укрѣпляться партіей орудіе — соціальныя реформы. Во всѣхъ странахъ, гдѣ рядомъ съ ростомъ нищеты и недовольства рабочихъ массъ, растетъ и соціалистическое движеніе, правительство принуждено бываетъ подслащать репрессаліи соціальными реформами; такова была политика Наполеона III, еле намѣченная, и Бисмарка, окончательно развернувшаяся. Современные государственные дѣятели все больше и больше держатся принципа: больше соціальныхъ реформъ и меньше репрессалій. Наивные люди принимаютъ притупленіе послѣдняго орудія борьбы за „притупленіе" классовыхъ противорѣчій, ростъ демократіи за мирную эволюцію къ коллективизму. Эти люди забываютъ ту очень простую вещь, что соціальныя реформы, даруемыя свыше, не могутъ не быть дутыми, такъ какъ по существу своему противорѣчатъ экономическимъ интересамъ правящаго класса. За то это прекрасно поняли наши противники.

Умный политикъ, бывшій предсѣдатель республиканскаго Союза, ведшій безпощадную борьбу съ коллективистами, поддерживавшій въ 1898 г. кандидатуру фабриканта Мотта противъ Геда, Вальдекъ-Руссо взялъ въ свои руки бразды правленія, принеся въ лицѣ Галифэ, съ одной стороны, Мильерана, съ другой — двѣ жертвы разгнѣваннымъ богамъ націонализма и соціализма. Я не пишу здѣсь исторіи министерства Руссо и не буду поэтому касаться всей борьбы его и окончательной побѣды надъ мятежными элементами націоналистовъ. Замѣчу только, что въ правленіи Вальдека-Руссо надо различать два періода. Первый — борьба съ націоналистами. Съ изгнаніемъ маніака Деруледа, со взятіемъ игрушечной крѣпости — Шаброль республика была торжественно объявлена спасенной; роль Галлифэ была закончена. Начался второй циклъ славной эпопеи — обузданіе соціалистовъ. На сцену выступилъ Милльеранъ. Безусловно, дѣятельность его была очень богата и . . . плодотворна; много нужно было-бы исписать страницъ о роли его въ министерствѣ. Членъ министерства, онъ покорно, безъ ропота, безъ протеста раздѣлялъ отвѣтственность за разстрѣливаніе рабочихъ въ Шалонѣ и Мартиникѣ, за высылку изъ Франціи иностранцевъ-соціалистовъ, за колѣнопреклоненіе республики передъ русскимъ деспотомъ; представитель Франціи во время международной выставки, онъ принималъ ордена за орденами, которые ему жаловали монархи, отъ русскаго царя до персидскаго шаха и австрійскаго императора; министръ-депутатъ, онъ вотиро-

валъ противъ всѣхъ проектовъ въ пользу рабочаго класса, которые вносили соціалисты Вальянъ, Зеваэсъ, и другіе . . . Министръ торговли . . ., но тутъ я долженъ сдѣлать оговорку. Что-бы ни дѣлалъ Милльеранъ антисоціалистическаго, какой бы тяжелой отвѣтственности ни бралъ онъ на себя, какъ бы вопіюще ни противорѣчилъ онъ всему своему прошлому, друзья его, Жоресъ, Вивьяни и др. всегда говорили: это неизбѣжно; какъ безъ тьмы нельзя представить себѣ свѣта, такъ безъ зла нѣтъ добра. А добро, которое творитъ Милльеранъ, велико.*) На страницахъ того-же номера „Зари“ М. разсматри-

*) Нельзя было дать болѣе яркой характеристики всей дѣятельности Милльерана, чѣмъ та, которую далъ въ одной изъ своихъ рѣчей Барту. Мы приводимъ ее поэтому почти цѣликомъ.

„Г. Милльеранъ не замедлилъ оправдать извѣстное изреченіе Мирабо и показать, что коллективистъ министръ не является, да и не можетъ быть министромъ коллективистомъ . . . Я не намѣренъ, конечно, дѣлать г. министру торговли упрека въ совершенной имъ эволюціи, которая, напротивъ, свидѣтельствуетъ о прямотѣ его характера и широтѣ ума, я хочу только, ссылаясь на нее, объяснить, почему эволюція эта содѣйствовала переходу нѣкоторыхъ республиканцевъ, въ томъ числѣ и меня, на сторону реформаторской и оборонительной политики Вальдека-Руссо.

„Не мало значенія имѣетъ уже одинъ тотъ фактъ, что Милльеранъ подалъ голосъ за поддержаніе нашего посольства при Ватиканѣ, за церковный бюджетъ, за тайный фондъ, и противъ подоходнаго налога. И не имѣетъ ли еще больше значенія тотъ фактъ, что онъ всецѣло раздѣлилъ отвѣтственность и выразилъ солидарность со столь достойнымъ, мужественнымъ и патріотическимъ поведеніемъ Президента Совѣта, требовавшаго распространенія на миссіоноровъ того вознагражденія, которое долженъ былъ выдать Китай жертвамъ боксеровъ? А г. Лейгъ долженъ былъ очень радоваться, нѣсколько дней спустя, согласію его коллеги-коллективиста съ рѣчью министра народнаго просвѣщенія, въ которой послѣдній, вопреки мнѣнію Жореса, отрицалъ за университетскими профессорами право все говорить и все дѣлать за стѣнами университета съ свободой гражданъ, не состоящихъ на государственной службѣ.

„Но я упомяну еще о фактахъ, которые относятся къ разряду соціальныхъ и которые тѣмъ болѣ цѣнны, что рѣчь идетъ о соціалистѣ. Министръ торговли уже не обращался къ своему коллегѣ Бодену по поводу стачекъ въ Кармо и Монсо-ле-Минъ съ интерпелляціей, подобной той, которую онъ направилъ въ 1894 г., правда, ошибочно толкуя законъ 1810 г., противъ другого министра общественныхъ работъ, котораго я хорошо знаю. Точно также, когда Вальдекъ-Руссо изгналъ во время марсельскихъ безпорядковъ одного итальянскаго депутата и нѣсколько итальянскихъ агитаторовъ, г. Милльеранъ, повидимому, забылъ свои прежнія горячія нападки на одного министра внутреннихъ дѣлъ, котораго я тоже хорошо знаю, и который при подобныхъ же обстоятельствахъ, чтобы обезпечить спокойствіе порта, принялъ подобныя же мѣры. Наконецъ, во время угрожавшей стачки углекоповъ, я не слышалъ, чтобы г. Милльеренъ пытался навязать Вальдеку-Руссо свою доктрину, которую онъ такъ часто излагалъ, когда былъ въ оппозиціи, и которая осуждаетъ употребленіе силы для предупрежденія безпорядковъ.

„Я могъ бы еще привести не менѣе характерные примѣры изъ области внѣшней политики, которую г. Милльеранъ понялъ и требованіямъ которой онъ подчинился; но я боюсь, продолжая перечень, превратить свою рѣчь въ лекцію по практическому оппортюнизму, что не входитъ въ мои намѣренія, и, можетъ быть, вамъ не по вкусу“.

ваетъ именно это добро. Мы не будемъ поэтому касаться соціальнаго значенія дѣятельности Милльерана, а укажемъ только на политическія послѣдствія его пребыванія въ министерствѣ. Уже одно его вступленіе въ министерство создало расколъ въ соціалистической партіи. Революціонный, сознательный пролетаріатъ не могъ допустить такого пониманія и примѣненія „борьбы за власть"; такого соучастія въ министерствѣ соціалиста съ генераломъ Галлифэ, принимавшимъ самое дѣятельное участіе въ разстрѣливаніи 35 000 „коммунаровъ". Для этой части пролетаріата поступокъ Милльерана равнялся *измѣнѣ*. Дѣятельность же его, какъ министра, его игра въ „соціальную политику" развратила ту часть пролетаріата, въ которой не было еще достаточно развито классовое сознаніе. Больше того: въ своей борьбѣ съ націонализмомъ, въ своемъ стремленіи удержать за собой мелкую буржуазію, министерство должно было усвоить мелко-буржуазную демократическую политику Вальдекъ-Руссо пошелъ впередъ: изъ оппортюниста сталъ радикаломъ, но Милльеранъ пошелъ назадъ: отрекся отъ соціализма и сталъ практиковать чистый радикализмъ. Реформы, которыя онъ вводилъ или пытался ввести, имѣются во всѣхъ радикальныхъ программахъ. Болѣе того: нѣкоторые соціалисты-радикалы, какъ напр., Камиль Пельтанъ, упрекали его за умѣренность. Между тѣмъ пророки Миллерана, — Жорэсъ, Вивьяни и бывшій анархистъ Бріанъ — urbi et orbi выставляли его дѣятельность, какъ квинтэссенцію соціализма. Пролетаріатъ, только что начавшій во второй половинѣ прошлаго столѣтія освобождаться отъ вліянія мелкой буржуазіи, слишкомъ долго шедшій въ хвостѣ за другими партіями, пролетаріатъ, который съ такимъ трудомъ гедисты только еще начинали воспитывать въ соціалистическомъ духѣ и организовывать въ самостоятельную партію, этотъ пролетаріатъ господа Жорэсъ и Ко. пытаются теперь опять обуржуазить, проповѣдуя ему новый соціализмъ примѣнительно къ лавочникамъ и кабатчикамъ. Борясь съ реакціей, они сами служатъ реакціи. Они не замѣчаютъ, что мелкая буржуазія въ лицѣ радикальной партіи все болѣе и болѣе становится сознательнымъ оплотомъ существующаго строя; они не хотятъ понять, что усиленіе мелко-буржуазной демократіи, совсѣмъ не приближая соціалистическаго строя, только укрѣпляетъ больше, чѣмъ можетъ сдѣлать это крупная буржуазія, современный строй. Никто не популяризировалъ такъ радикальной партіи во время послѣдней избирательной кампаніи, какъ жорэсисты; никогда еще рабочіе не устраивали такихъ овацій радикаламъ, какъ во время послѣднихъ выборовъ.

Къ открытію избирательной компаніи соціалистическая партія находилась въ слѣдующемъ положеніи. Милльеранъ-министръ послужилъ яблокомъ раздора внутри партіи. Уже

на второмъ объединительномъ конгрессѣ въ Парижѣ гедисты рѣшили порвать съ своими временными союзниками, упорно поддерживавшими Милльерана. На Ліонскомъ конгрессѣ 1901 г. вслѣдъ за гедистами ушли и бланкисты, когда конгрессъ принялъ резолюцію, объявляющую Милльерана „*внѣ контроля* партіи". Гедисты и бланкисты объединились въ одну организацію, извѣстную подъ именемъ „Союза соціалистовъ-революціонеровъ"

Незадолго до выборовъ отъ жоресистовъ отдѣлились еще альманисты, и вотъ по какому поводу. Делегаты альманистской организаціи требовали исключенія Милльерана изъ партіи за его недостойное соціалиста поведеніе во время пребыванія царя во Франціи. Большинству членовъ „Генеральнаго Комитета" удалось подъ разными формальными предлогами отклонить внесенную резолюцію и такимъ образомъ еще лишній разъ спасти Милльерана.*) Альманисты въ видѣ протеста ушли изъ Комитета и остались самостоятельной организаціей. Нѣкогда сильная, она теперь совершенно почти разбита и лишена политическаго значенія.

Такимъ образомъ, ко времени выборовъ мы имѣемъ передъ собой двѣ крупныя соціалистическія организаціи. „*Союзъ*", который мы только что упоминали, и организацію жоресистовъ, или, какъ они себя называютъ, „Федеративный Союзъ" (въ него входятъ главнымъ образомъ автономныя федераціи, слабая организація бруссистовъ, или иначе поссибилистовъ, и бывшіе независимые).

Почти наканунѣ избирательной компаніи въ Турѣ состоялся конгрессъ жоресистовъ, на которомъ единодушно и безъ споровъ принята была программа, предложенная Жоресомъ. Программа такова, что подъ ней свободно можетъ подписаться всякій послѣдовательный радикалъ.

„Къ соціализму — гласитъ она — одновременно ведутъ развитіе демократіи и новыя формы производства.

Между политическимъ строемъ, созданнымъ революціоннымъ движеніемъ, и экономическимъ складомъ общества существуетъ недопустимое противорѣчіе.

Въ политическомъ отношеніи общество демократизируется: всѣ граждане одинаково принимаютъ участіе, по крайней мѣрѣ, de jure, въ управленіи страной; всеобщая подача голосовъ — это коммунизмъ въ политической власти.

Какъ всѣ граждане владѣютъ и завѣдуютъ сообща, демократически, политическомъ механизмомъ страны, точно также они должны управлять и завѣдывать сообща ея экономическимъ механизмомъ, средствами производства.

---

*) Въ дѣлѣ этого спасенія обнаружилъ большое усердіе нѣкто Шарль Раппопортъ, русскій, получившій права французскаго гражданина.

Они должны сами выбирать своихъ мастеровъ, точно такъ же, какъ они сами выбираютъ государственныхъ правителей и т. д. и т. д.“

Для насъ въ данномъ случаѣ особенно интересно другое рѣшеніе партіи, гласящее, что депутатъ-соціалистъ отвѣтствененъ не передъ партіей, а передъ своими избирателями, и что объ отношеніи партіи къ разнымъ буржуазнымъ фракціямъ рѣшаетъ каждая мѣстная группа самостоятельно. Какія послѣдствія поведетъ за собой такое рѣшеніе легко было предвидѣть. Кандидатъ-жоресистъ, отвѣтственный только передъ избирателями, приспособляетъ свою программу къ политическому уровню большинства этихъ избирателей. Въ рабочемъ округѣ онъ больше соціалистъ, въ мелко-буржуазномъ округѣ онъ больше радикалъ. Больше того: какъ истый хамелеонъ, оппортюнистъ ухитряется выступать въ одномъ и томъ же округѣ, *смотря по улицамъ*, то соціалистомъ, то радикаломъ. Такъ приходилось, напримѣръ, держать себя Густаву Руанэ, открывшему, кстати сказать, свою избирательную кампанію большимъ собраніемъ подъ предсѣдательствомъ Вальдэка-Руссо, на которомъ Руанэ говорилъ о борьбѣ съ.... туберкулёзомъ. Зато положеніе Вивьяни, бывшаго секретаря Милльерана, и Девилля, ставшаго болѣе рьянымъ жоресистомъ, чѣмъ самъ Жоресъ, было значительно проще, такъ какъ кандидатуры свои они выставили въ центральныхъ округахъ Парижа, населенныхъ главнымъ образомъ мелкой буржуазіей. Нужно было посмотрѣть, до чего доходило заигрыванье ихъ съ разными бакалейщиками, угольщиками, мясниками, булочниками, кабатчиками, и. т. д., и. т. д. Въ борьбѣ съ своими конкуррентами-націоналистами, отнюдь не поднимая своихъ избирателей до уровня соціалистическаго міровоззрѣнія, не пытаясь перевести споръ на принципіальную почву, они опускались до уровня своихъ избирателей и всѣми силами старались угнаться за націоналистами. Націоналистъ пишетъ: „Какъ убѣжденный соціалистъ (?), я буду всѣми силами защищать частную собственность“; „коллективистъ“ Девиль вторитъ за нимъ: „Я хочу, чтобъ частная собственность стала, наконецъ, реальностью, одинаково доступной для всѣхъ“; націоналистъ заявляетъ: „Я не потеряю изъ виду, что сила Франціи заключается главнымъ образомъ въ *среднихъ классахъ* демократіи, начиная трудолюбивымъ и бережливымъ рабочимъ и кончая хозяевами торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, людьми, которые проведя въ трудѣ всю свою честную жизнь, приблизились къ богатству“; соціалистъ завѣряетъ, что онъ также другъ коммерсантовъ, что онъ не менѣе высоко цѣнитъ ихъ честную трудовую жизнь, и т. д. Когда, наконецъ, націоналистъ восклицаетъ въ припадкѣ патріотизма: „Армія должна быть неприкосновенной, какъ въ отношеніи ея нравственной, такъ и въ от-

ношеніи матеріальной силы", тогда какъ эхо раздается изъ лагеря оппортюнистовъ „соціализма": „Мы не стоимъ за дезорганизацію арміи, такъ какъ мы сторонники лучшаго приспособленія арміи къ оборонѣ страны".*) Я слышалъ Девиля года 3 тому назадъ: слышалъ его и теперь, когда повѣяли „новыя" теченія въ соціализмѣ. Онъ говорилъ тогда о неизбѣжности революціи на пути къ коллективизму; онъ говоритъ теперь только о медленной эволюціи на пути къ скромнымъ реформамъ; вмѣсто освобожденія труда отъ капитала онъ говоритъ объ освобожденіи лавочниковъ отъ налоговъ; вмѣсто права человѣка на всестороннее развитіе его силъ и способностей, онъ говоритъ о правахъ бакалейщика на „интегральный" патентъ; вмѣсто мужественнаго выраженія своихъ интернаціональныхъ чувствъ онъ украдкою киваетъ на Петра и предаетъ позорному столбу кабацкаго мнѣнія интернаціонализмъ „націоналистовъ", изъ которыхъ кто-то когда-то пировалъ за однимъ столомъ съ Вильгельмомъ. Все: принципы, программы, соціализмъ, революція — все кануло, рушилось, мелкимъ бисеромъ разсыпалось передъ натискомъ націоналистовъ; коллективизмъ, какъ ненужный, обременительный балластъ, былъ выброшенъ за бортъ, и утлая ладья оппортюнизма легко помчалась по спокойнымъ волнамъ мелкобуржуазнаго демократизма.... Но, говорятъ французы, le mort saisit le vif.... Націоналисты широко пользовались „грѣхами прошлаго" и выступали въ качествѣ грозныхъ обличителей... Вы называете себя теперь друзьями мелкихъ торговцевъ, — свирѣпо упрекали они своихъ противниковъ, — а кто проповѣдуетъ и создаетъ кооперативныя товарищества, раззоряющіе теперь лавочниковъ? Кто поддерживаетъ ихъ? Кто конкуррируетъ съ мелкой буржуазіей?... „Да — оправдывался Вивьяни, — мы сторонники потребительныхъ товариществъ, но мы всегда были противъ какихъ-либо привилегій въ ихъ пользу, противъ конкурренціи ихъ съ магазинами... „Неправда!" — отвѣчали націоналисты — и на слѣдующій день на заборахъ, вокругъ Пантеона, появлялись афиши, содержавшія статью Жореса, въ которой онъ послѣ муниципальныхъ выборовъ 1900 г. призывалъ рабочихъ къ рѣшительной борьбѣ съ мелкой буржуазіей, совѣтовалъ имъ организовывать кооперативныя товарищества, чтобъ положить конецъ царству лавки... „Вы называете себя друзьями рабочихъ — продолжали бичевать націоналисты —, а кто протянулъ руку кровожадному Галлифе, кто стрѣлялъ въ рабочихъ въ Шалонѣ, въ Фурми, кто получилъ титулъ барона**) отъ австрійскаго императора?" „Великій соціализмъ Бланки,

*) Все это буквальныя цитаты, взятыя нами изъ заявленій и афишъ „соціалистовъ" Вивьяни и Девиля и націоналистовъ Кайи и Андриво.

**) Это говорятъ про Милльерана.

Прудона и Малона — горько жалуется въ одной афишѣ Тартюфъ-націоналистъ — опозорили, опошлили всякіе Жоресы, Альманы и Милльераны."

Жоресисты заключили передъ выборами тѣсный избирательный союзъ съ буржуазными „республиканскими" фракціями. Въ округахъ, гдѣ сталкивались кандидатуры „Федеративнаго Союза" и радикаловъ или просто умѣренныхъ республиканцевъ, кандидаты брали на себя взаимное обязательство отказываться при перебаллотировкѣ въ пользу кандидата, который получитъ больше голосовъ. Началось взаимное восхваленіе жоресистами республиканскихъ добродѣтелей радикаловъ, радикалами умѣренности жоресистовъ. Въ изданной радикалами агитаціонной брошюрѣ агитаторъ говоритъ своему собесѣднику: „Не забывай также услугъ, оказанныхъ республикѣ тѣми правительственными соціалистами (socialistes de gouvernement), которые группируются вокругъ Милльерана и которые еще недавно обнаружили свою глубокую вѣру въ осуществленіе прогресса мирными путями. Каковы-бы ни были разсогласія между членами республиканской арміи, всѣ они согласны по двумъ существеннымъ пунктамъ: 1. Признаніе республики и 2. *Отказъ отъ насильственныхъ способовъ дѣйствія.*

Вмѣстѣ съ своими союзниками жоресисты пользовались и правительственной поддержкой, имѣющей во всѣхъ капиталистическихъ конституціонныхъ странахъ очень крупное значеніе. Надо еще замѣтить, что въ очень многихъ округахъ соціалистическіе оппортюнисты выставляли своихъ кандидатовъ противъ гедистовъ. Для насъ это не странно; вполнѣ естественно, что сторонники частной собственности борются съ противниками ея, „мирные" люди съ революціонерами. Но для жорэсистовъ, еще считающихъ себя соціалистами, и не рѣшающихся пока оспаривать соціализмъ гедистовъ, это было, по меньшей мѣрѣ, странно, и во всякомъ случаѣ непослѣдовательно. Но если еще до 27 апр. н. с., жоресисты кое-гдѣ и заикались о соціализмѣ, то въ теченіе двухъ недѣль, отдѣлявшихъ баллотировку отъ перебаллотировки, о соціализмѣ больше не было произнесено ими ни слова. Вмѣстѣ съ газетами „Rappel", „Radical" и „Siècle" (послѣдняя подъ редакціей Ивъ-Гюйо) „Petite République" Жоресъ составляетъ общій листъ кандидатовъ, и затѣмъ въ теченіе 15 дней, единственнаго момента за 4 года, когда граждане съ жадностью посѣщаютъ собранія, когда соціалистъ имѣетъ передъ собой рѣдкій случай развивать сразу передъ массой гражданъ свою классовую и революціонную точку зрѣнія, за этотъ періодъ, однако, мы слышали теперь только безконечныя рѣчи о республикѣ и націоналистахъ, націоналистахъ и республикѣ, и т. д., и т. д. Я былъ на одномъ собраніи, на которомъ Жоресъ защищалъ кандидатуру Девилля. Около 8 тысячъ

гражданъ, пришедшихъ услышать слово, дѣйствительно, чуднаго оратора, тѣснились въ огромномъ помѣщеніи цирка. Жоресъ говорилъ и увлекалъ: толпа жадно впивала его слова, шла за нимъ... А онъ говорилъ... о націоналистахъ, объ ихъ реакціонномъ духѣ, объ ихъ іезуитскихъ пріемахъ, объ ихъ маскахъ.... Онъ говорилъ о Деруледѣ, о Леметрѣ, о Дрюмонѣ; онъ осмѣивалъ ихъ — и толпа вмѣстѣ съ нимъ смѣялась; онъ бросался въ бой съ ними — и толпа сжимала кулаки; онъ расхваливалъ республику — и толпа восторгалась... „Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо!“ — О соціализмѣ ни слова. Въ концѣ онъ только упомянулъ о восьми часовомъ рабочемъ днѣ и прогрессивномъ подоходномъ налогѣ. Слушая его тогда, видя энтузіазмъ толпы, мнѣ еще болѣе становилось ясно, почему гедисты такъ страстно борются съ нимъ, почему *его* измѣна такъ опасна.... Понятно также, почему оппортюнисту Жоресу, возлагающему всѣ надежды на легальный способъ дѣйствія, на парламентскую дѣятельность, важно не развитіе классового сознанія пролетаріата, а солидное реформаторское большинство въ парламентѣ.

Побѣдила правительственная партія; побѣдили, слѣдовательно, и жорэсисты. Правда они теряютъ 9 человѣкъ; среди которыхъ находятся — Фурньеръ, Вивьяни, Альманъ, Журдъ, негръ Лежитимюсъ и др. Особенно печальна для нихъ потеря Вивьяни. Блестящій ораторъ, талантливый адвокатъ и способный политикъ, онъ подавалъ большія надежды.... попасть въ министры. Зато пріобрѣтаютъ они 13 человѣкъ депутатовъ; между ними: Аристидъ Бріанъ, неистовый пропагандистъ всеобщей стачки, и пока осуществившій таковую... по отношенію къ революціоннымъ принципамъ; Жэро-Ришаръ, редакторъ „Petite République“ никогда не имѣвшій понятія о соціализмѣ; Франсисъ-де-Прэссансэ, сотрудникъ ультра-умѣренной газеты „Temps“, новичокъ въ соціализмѣ, въ свое время такъ рѣзко осуждавшій всю дѣятельность Милльерана, что удивляешься, какъ онъ попалъ въ группу Жореса; наконецъ, самъ Жоресъ и др. Парламентская группа „Федеративнаго Союза“ будетъ состоять теперь изъ 35 членовъ, если въ нее войдутъ, какъ, по слухамъ, они намѣрены это сдѣлать, Бенезешъ и Баронъ, выставившіе свою кандидатуру какъ гедисты. Такимъ образомъ, жоресисты пріобрѣтаютъ шесть новыхъ депутатскихъ мѣстъ (до выборовъ ихъ было 29).

На своемъ конгрессѣ въ Рубэ гедисты приняли два очень важныхъ рѣшенія, къ которымъ послѣ присоединились и другія организаціи, входящія въ „Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ“. Во-первыхъ, партія рѣшила выставить своихъ кандидатовъ во всѣхъ 591 округѣ Франціи. Это — попытка, первая въ своемъ родѣ не только для Франціи, но и для

всего цивилизованнаго міра. Какъ ни сильна нѣмецкая соціаль-демократія, но и она выставляетъ своихъ кандидатовъ только тамъ, гдѣ у нея уже имѣются свои группы. Французская же рабочая партія выставляла своихъ кандидатовъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никогда и слова „соціализмъ“ не слыхали. Повинуясь рѣшенію своего конгресса, она вступила въ борьбу одинаково со всѣми фракціями буржуазіи — какъ съ самыми реакціонными націоналистами, такъ и съ самыми передовыми республиканцами. Руководилась она при этомъ двоякой-организаціонной и пропагандистской-цѣлью. Враги рабочей партіи, отъ націоналистовъ до жоресистовъ, подняли смѣшной шумъ по поводу того незначительнаго числа голосовъ, какъ напримѣръ, 8, 14, 37, и т. д., даже 3, которые получали гедисты въ нѣкоторыхъ округахъ. Господа эти забываютъ, что для гедистовъ избирательная компанія является главнымъ образомъ прекраснымъ агитаціоннымъ средствомъ, что гедисты бросали сѣмена соціализма въ такихъ мѣстахъ, гдѣ или совсѣмъ не имѣютъ понятія о немъ, или явно враждебны ему.

Крупный успѣхъ для партія заключается уже въ томъ, что въ какой-нибудь пиренейской деревенькѣ рѣчи гедиста, программа партіи, расклеенная на заборахъ, заставятъ призадуматься одного-двухъ крестьянъ, привлекутъ къ себѣ ихъ вниманье, толкнутъ на путь соціализма, или если въ другомъ какомъ-нибудь округѣ кандидатъ-гедистъ сгруппируетъ вокругъ себя уже сознательныхъ, но разрозненныхъ соціалистовъ, положитъ начало мѣстной организаціи, выработаетъ съ ней соціаль-демократическую программу. Во-первыхъ, партія рѣшила обязать всѣхъ кандидатовъ, выступающихъ отъ ея имени, расклеивать въ своихъ избирательныхъ округахъ слѣдующее profession de foi.

„Соціалистическая партія Франціи (Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ), часть международнаго организованнаго пролетаріата, стремится къ освобожденію труда и общества на слѣдующихъ основахъ:

„Международное соглашеніе и дѣятельность рабочихъ; политическая и экономическая организація пролетаріата въ классовую партію съ цѣлью завоеванія власти и обобществленія средствъ производства и обмѣна, т. е. преобразованія капиталистическаго общества въ общество коллективистическое или коммунистическое.

„Вопреки тѣмъ, которые отдаляютъ до безконечности наступленіе новаго общества, партія утверждаетъ, что уже въ данный моментъ имѣются въ наличности матерьяльныя или экономическія условія для осуществленія его, что не достаетъ только людей, т. е. сознательнаго и организованнаго пролетаріата, который можетъ появиться уже нынѣ.

„Партія революціи, а, слѣдовательно, и постоянной оппозиціи къ буржуазному государству, обязанная вырвать у буржуазіи реформы, способныя улучшить условія борьбы рабочаго класса, она ни въ коемъ случаѣ не можетъ содѣйствовать продленію господства враждебнаго класса, участіемъ-ли въ центральномъ управленіи страной, вотированіемъ-ли бюджета или же вступленіемъ въ союзы съ буржуазными партіями.“

Такое заявленіе не давало мѣста никакимъ недоразумѣніямъ и не позволяло кандидатамъ сбывать буржуазные идеи подъ флагомъ соціализма. Борьба, которую вели теперь революціонеры, была особенно трудна, потому что имъ не только приходилось отражать удары буржуазіи, не только бороться съ давленіемъ патрона, префекта и священника, но и защищаться отъ нападковъ своихъ бывшихъ друзей.

Французская рабочая партія особенно сильно организована, по образцу нѣмецкой соціаль-демократіи, на Сѣверѣ Франціи. Здѣсь имѣются у нея сильныя политическія группы, богатыя кооперативныя товарищества, удѣляющія большую часть своихъ доходовъ на пропаганду, многочисленные синдикаты. Здѣсь въ рядѣ городовъ и деревень, — Лиллѣ, Рубэ, Туркуанѣ и др. — муниципальные совѣты состоятъ изъ однихъ соціалистовъ или имѣютъ соціалистическое большинство. Сѣверъ былъ ядромъ и перломъ Французской Рабочей партіи, которымъ могли смѣло гордиться не только гедисты, но и всѣ соціалисты Франціи. Такъ было, однако, лишь до того момента, когда прославленный „объединитель“ Жоресъ поѣхалъ на Сѣверъ „объединять“ достаточно объединенную организацію. Его агитаціонная поѣздка совершилась не безъ пользы для... радикаловъ. Сѣвернымъ радикаламъ всегда трудно было проникнуть въ рабочую среду; они начали проникать въ нее подъ флагомъ „новаго“ соціализма. Образовывались новыя группы; сѣятель „истины и справедливости“ усердно сѣялъ расколъ среди рабочихъ. Не только радикалы, но и прогрессисты, и даже клерикалы подняли голову. Жоресисты выставляли своихъ кандидатовъ противъ гедистовъ, а буржуазныя партіи въ своей борьбѣ съ послѣдними широко пользовались аргументами первыхъ. Въ эпической борьбѣ Геда съ фабрикантомъ Монетомъ, въ этой открытой схваткѣ пролетарскихъ требованій и хозяйскаго гнета, жоресисты дѣлали, путемъ закулисныхъ интригъ, все отъ нихъ зависящее, чтобы разстроить, деморализовать армію Геда. То же было и въ другихъ избирательныхъ округахъ Сѣвера. Тѣмъ не менѣе гедисты, какъ и въ остальныхъ мѣстахъ Франціи, въ общемъ сохранили свою позицію. Правда, на Сѣверѣ число голосовъ, полученныхъ ими теперь равняется всего 71 899, тогда какъ въ 1898 г. у нихъ было 86 732 голоса.

Въ Парижѣ гедисты выставили кандидатуру бывшаго де-

путата Шовэна, парикмахера противъ министра торговли Милльерана. Съ 1889 г. Милльеранъ представлялъ въ Палатѣ депутатовъ XII округъ. На выборахъ 1898 г. онъ избранъ былъ 8000 голосовъ почти безъ конкуррентовъ. Гедисты вступили въ борьбу съ нимъ, не надѣясь, конечно, на успѣхъ, но съ единственной цѣлью вести въ округѣ агитацію. Сильнымъ пораженіемъ для Милльерана было уже то обстоятельство, что онъ получилъ теперь всего 4000 голосовъ, и попалъ въ перебаллотировку, несмотря на то, что онъ пользовался всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи правительственными агентами для давленія на избирателей. Вліятельные избиратели XII округа получали ордена, награды, всякія привиллегіи. Въ то-же время газета Жореса „La petite République“ забрасывала грязью Шовэна, наполняла столбцы свои всевозможными сплетнями противъ него, курила фиміамъ министру-соціалисту.*)

Въ Греноблѣ гедисты потерпѣли пораженіе въ лицѣ молодого, неутомимаго пропагандиста Зеваэса. Въ Лиллѣ въ депутаты выбранъ мэръ этого города Делори.

„Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ“ выставилъ кандидатовъ въ 83 департаментовъ; всѣ кандидаты его получили вмѣстѣ 174363 голоса. Парламентская группа *„Союза“* будетъ состоять изъ 12 членовъ, среди которыхъ 3 гедиста: Делори, Дюфуръ и Констанъ, 6 бланкистовъ: Вальянъ, Самба, Шовьеръ, Аляръ, Кутанъ, Вальтеръ, и трое принадлежащихъ къ другимъ организаціямъ: Буври, Тиврье, Дежантъ.

Подведемъ итоги. Оставаясь еще въ области теоріи въ Германіи, и въ области мечтаній въ Россіи, соціалистическій оппортюнизмъ сталъ на твердую практическую почву во Франціи, а ставъ на таковую, онъ неизбѣжно долженъ былъ обнаружить свою внутреннюю буржуазную сущность. Еще подписываясь подъ формулой международной соціаль-демократіи, французскіе оппортюнисты на каждомъ шагу нарушали самыя элементарныя ея требованія. Они не революціонеры, — это они сами признаютъ; они не соціалисты, — такъ какъ они дважды отреклись отъ коллективизма: въ палатѣ депутатовъ, голосуя за рѣшеніе, отрицающее соціализмъ, и во время выборовъ; они не интернаціоналисты, — такъ какъ они солидарны съ Милльераномъ, грудь котораго украшена орденомъ,

---

*) Въ спискѣ членовъ новой парламентской группы „Федеративнаго Союза“ значится Милльеранъ. Вольно, конечно, этой группѣ принимать въ свои члены, кого она хочетъ; къ сожалѣнію, она черезъ свою партію представлена еще и въ международномъ секретаріатѣ. Мы надѣемся, что ко времени международнаго конгресса жоресисты сбросятъ съ себя маску и покажутъ себя тѣмъ, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ являются. Присутствіе Милльерана на международномъ конгрессѣ недопустимо, особенно для насъ русскихъ. Между русскими революціонерами и человѣкомъ, чуть-ли не лобызавшимъ руки царя, не можетъ быть ничего общаго. Русскіе делегаты обязаны будутъ громко высказать это на конгрессѣ.

пожалованнымъ русскимъ царемъ.. Нельзя быть одновременно другомъ Самодержца и русскаго пролетаріата.

Пережитый кризисъ былъ спасителенъ для французскаго соціализма: онъ заставилъ, наконецъ, объединиться на почвѣ принциповъ международной соціаль-демократіи истинныхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Во все болѣе и болѣе тѣсномъ объединеніи ихъ вплоть до окончательнаго сліянія — залогъ успѣха нашихъ французскихъ товарищей, котораго мы горячо желаемъ.

Г. Линдовъ.

Прогрессъ религіи и „религія прогресса“.

„Жалкое состояніе религіи есть одновременно и выраженіе жалкаго состоянія дѣйствительности, и протестъ противъ этого жалкаго состоянія. Религія — это стокъ всего подавленнаго, это — построеніе безсердечнаго міра, это — духовный элементъ бездушныхъ условій жизни. Она — опіумъ народа. Устраненіе религіи, какъ иллюзіоннаго счастья человѣчества, это — требованіе его дѣйствительнаго счастья. Требованіе отбросить иллюзію о своемъ положеніи есть требованіе — выйти вообще изъ положенія, нуждающагося въ иллюзіяхъ. Критика религіи, слѣдовательно, составляетъ зародышъ критики той плачевной юдоли, священный ореолъ которой есть религія.“ „Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля.“ 28 стр. Карлъ Марксъ.

Религіозные вопросы, а также и политическій вопросъ о свободѣ вѣры, обращаютъ на себя вполнѣ законное вниманіе соціаль-демократовъ, какъ въ виду потребности всякаго сознательнаго рабочаго пройти въ своемъ личномъ развитіи стадію религіознаго скептицизма, такъ и въ виду политическаго гнета господствующей церкви, отвлекающаго на борьбу съ нимъ въ ряды сектантовъ подчасъ живыя оппозиціонныя силы.

Николаевскій с.-д. комитетъ въ своемъ отчетѣ 1900 года, считаясь съ потребностями пропаганды, говоритъ о томъ, что мысль рабочаго, пробужденная соціализмомъ, часто обращается къ разрѣшенію религіозныхъ вопросовъ, имѣющихъ въ Россіи помимо метафизическаго и глубокое общественное значеніе. Одесскій комитетъ въ своемъ отчетѣ (см. „Рабочее движеніе въ Николаевѣ и Одессѣ“) отмѣчаетъ выгодную для политической агитаціи черту одесскихъ рабочихъ — ихъ атеизмъ.

Кіевскіе соціаль-демократы, находясь въ центрѣ южно-русскаго штундизма, принуждены также считаться съ этимъ явленіемъ религіознаго протестантизма. Будучи теченіемъ религіозно-освободительнымъ и, слѣдовательно, прогрессивнымъ, штундизмъ вовлекаетъ въ число своихъ приверженцевъ не мало рабочихъ и вообще демократически-оппозиціонныхъ элементовъ, становящихся во враждебное отношеніе къ соціализму. Конечно, полиція не разбирается въ этихъ тонкостяхъ и утверждаетъ, что „штунда все отрицаетъ“; не далѣе какъ лѣтомъ 1901 г. въ Голосѣевскомъ лѣсу подъ Кіевомъ она, въ поискахъ за соціаль-демократическимъ собраніемъ рабочихъ, захватила нѣсколько десятковъ штундистовъ и долго, вопреки очевидности, упорствовала въ своемъ заблужденіи.

Интересуясь, главнымъ образомъ, политическими условіями, въ которыхъ приходится эмансипироваться суевѣрной мысли нашего народа, упомянемъ лишь вкратцѣ объ исторіи развитія штундизма. По словамъ „Пастыря добраго“ (Матеріалы по Исторіи Рус. С.-Р. движенія XI „Нѣсколько словъ о прошломъ и настоящемъ южно-русскаго штундизма“) „штундизмъ занесенъ былъ въ Кіевскую губ. въ 1869 г. крестьяниномъ Таращанскаго уѣзда с. Чаплинокъ Андреемъ Балабаномъ, долгое время находившимся въ услуженіи у пастора нѣмецкой колоніи Рорбахъ Херсонск. губ.“ Борьба съ штундизмомъ въ началѣ велась собственными силами духовенства: съ 75 г. стали посылаться для вечернихъ собесѣдованій съ сектантами особые миссіонеры; указомъ Кіевской духовной Консисторіи отъ 8 февраля 1884 г. предписано духовенству отбирать у прихожанъ по домамъ изданія Библейскаго общества и брошюры Толстого (изгнанныя къ тому времени изъ школьныхъ библіотекъ), и представлять ихъ по начальству для сожженія. Попытки доноса на штундизмъ, какъ секту „особо опасную въ государственномъ отношеніи“, до 1894 г. успѣхомъ однако не увѣнчивались. Заслуга передачи всѣхъ штундистовъ, какъ лицъ неблагонадежныхъ, въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ — принадлежитъ б. Кіевскому генералъ-губернатору графу Игнатьеву, избравшему себѣ въ сотрудники въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по дѣламъ южно-русскаго штундизма преподавателя семинаріи по противу-штундистской кафедрѣ — г. Скворцова. Что за личность этотъ Скворцовъ, — нынѣ чиновникъ особыхъ порученій при Оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго синода — Побѣдоносцевѣ, — можно судить по его образу дѣйствій при разслѣдованіи штундизма. „И поѣхалъ, пишетъ о немъ „пастырь добрый“, этотъ наставникъ семинаріи въ мѣста движенія, переодѣвался въ разныхъ селахъ въ обычные народные костюмы, прикидывался самъ простецомъ, чтобы легче и полнѣе можно было обойти простыхъ людей и выпытать у нихъ задушевныя мысли и думы, которыхъ они никогда не повѣдали бы ему, какъ миссіонеру, присланному начальствомъ для ихъ вразумленія, да не повѣдали бы никому другому, кто не былъ-бы имъ извѣстенъ, какъ народный другъ и доброжелатель. Но на этой овечкѣ народъ не разглядѣлъ волчьей шкуры: такъ искусно она была прилажена — и это лицо все успѣло вывѣдать у народа и обо всемъ донести по начальству, чтобы получить заслуженную награду“.... Случалось, что г. Скворцовъ съ собесѣдованія направлялъ къ полицейскому приставу несогласно съ нимъ мыслящихъ, дѣлалъ обыски, учинялъ полицейскіе допросы арестованнымъ. Въ своей рѣчи, произнесенной на 3-мъ Казанскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ („О церковно-общественномъ и государственномъ значеніи миссіонерства“)*) г. Скворцовъ до наглости откровенно высказалъ много наводящихъ на размышленіе мыслей; онъ восклицалъ: „На твердынѣ православія прежде всего и болѣе всего обосновался, возросъ и укрѣпился могучій колоссъ Россійской Державы! .... „Не православіе ли воспитало чувства безграничнаго народнаго патріотизма, беззавѣтной преданности и вѣрности къ Россійскимъ Самодержцамъ Помазанникамъ Божіимъ, всегдашней покорности къ предержащей власти, не страха ради, а по совѣсти, по долгу, во имя вѣры въ Бога? Вотъ этотъ-то покоющійся на православіи внутренній міръ религіозно-политическихъ воззрѣній нашего народа и представляетъ ту государственную твердыню, чистую и крѣпкую какъ алмазъ, способную противустоять всѣмъ народнымъ бѣдствіямъ, невзгодамъ, всѣмъ внѣшнимъ и внутрен-

*) Въ нѣкоторыхъ рабочихъ соціаль-демократическихъ кружкахъ Кіева брошюра эта была использована съ большимъ успѣхомъ въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

нимъ врагамъ; ёе-то всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Церкви, Царя и Отечества и нужно блюсти какъ зеницу государственнаго ока. И горе, если мистически-набожный народъ православный раздѣлится на ся въ своей вѣрѣ! Горе, если будетъ толкнутъ на скользкій путь отпаденій отъ церкви! Горе, если въ православной Руси наступитъ господство принциповъ ненормальной свободы совѣсти и пропаганды сектъ — какъ то желаютъ враги Церкви и отечества!.... Это будетъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ подкоповъ подъ Кремль Руси!..." (стр. 2.) Проще говоря, чѣмъ больше народъ склоненъ принимать все на вѣру, чѣмъ онъ легковѣрнѣе, тѣмъ онъ невѣжественнѣе и покорнѣе. Говоря далѣе о миссіонерствѣ, какъ „служеніи не церкви только, но и обществу, — служеніи великомъ и святомъ", г. Скворцовъ останавливается на тѣхъ „кривотолкахъ", которые создаютъ миссіонерамъ славу „гасителей просвѣщенія, гонителей отпавшихъ отъ Церкви — штата опричниковъ духовенства и шпіоновъ правительства" (стр. 4). Въ этомъ оказывается виновнымъ „антимиссіонерское теченіе, значительное если не числомъ, то вліяніемъ": ... „интеллигенты, ненавидящіе миссію, прозираютъ въ русскомъ расколо-сектантствѣ ‚сіяніе' проблесковъ свѣта, пробивающагося въ темную народную среду', занимающуюся на горизонтѣ народной жизни ‚зарю освобожденія нашего простолюдина отъ путъ суевѣрія православной церкви', хотятъ видѣть въ этомъ смѣлый подступъ къ соціальной свободѣ народныхъ массъ и въ другихъ сферахъ простолюдина" (ст. 4). „Нельзя отказать этой кликѣ въ тонкой политикѣ и далекой прозорливости. Всячески поддерживая анти-церковное своеволіе сектантскихъ массъ, изощряя массы въ церковной анархіи, прогрессисты знаютъ, что такимъ путемъ разнуздывается по-немногу звѣрь политическихъ страстей. Либеральные друзья сектантства и враги православной Руси вѣрно разсчитываютъ, что эта школа сектантскаго своеволія и попиранія священнѣйшаго авторитета Матери-Церкви съ теченіемъ времени должна подготовить имъ изъ народной среды вѣрныхъ союзниковъ въ дѣлѣ осуществленія ‚безумныхъ мечтаній' нашихъ конституціоналистовъ. Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ это — вопросъ воли Божіей"... (стр. 5.) И вотъ трудами этого-то православнаго шпіона-воителя, котораго нынѣшній ген.-губерн. Драгомировъ не выноситъ и прогналъ, какъ завѣдомаго прохвоста, воспользовался въ 90-хъ годахъ прежній кіевскій ген.-губ. графъ Игнатьевъ для проведенія въ государственный совѣтъ новаго закона о штундизмѣ. Старанія духовенства и такихъ администраторовъ, какъ Игнатьевъ (конечно не безъ содѣйствія Побѣдоносцева), увѣнчались успѣхомъ. Секта признана особо-опасной и сторонникамъ ея запрещено устройство молитвенныхъ собраній, хотя бы на частныхъ квартирахъ. Съ этихъ поръ началея рядъ судебно-административныхъ преслѣдованій штундистовъ. Конечно „воинствующіе мечемъ слова Божія" миссіонеры продолжаютъ свою „великую и святую дѣятельность". Въ Кіевѣ, во главѣ ихъ стоитъ архіепископъ Уманскій Сергій — бывшій актеръ, а теперь монахъ-жуиръ и взяточникъ.*)

Въ сферѣ преслѣдованій священники предпочитаютъ дѣйствовать закулисно: сообщая полиціи о тѣхъ или другихъ изъ своихъ прихожанъ, они избѣгаютъ публичной дачи свидѣтельскихъ показаній на судѣ, дабы не ронять достоинства своей сана участіемъ въ мірскихъ дѣлахъ; если священники раньше въ 70-хъ годахъ переводились изъ приходовъ, зараженныхъ штундизмомъ, то нынѣшніе предпочитаютъ закулиснымъ образомъ выселять штундистовъ изъ своихъ приходовъ (напр. свящ. Прозоровъ, Ѳоменко и мн. др.). Намѣтивъ болѣе вліятельныхъ сектантовъ, эти пастыри имѣютъ обыкновеніе обращаться частнымъ образомъ къ домохозяевамъ,

*) Взятки беретъ черезъ „племянника".

у коихъ квартируютъ эти несчастные вѣроотступники, и убѣждать первыхъ, какъ своихъ вѣрныхъ прихожанъ, отказать послѣднимъ отъ квартиры. Травля, которой подвергаются болѣе вліятельнѣе изъ штундистовъ, заставляетъ ихъ иногда выселяться на восточныя окраины, въ Азію, въ Америку. Со стороны администраціи штундисты также подвергаются самому ревностному и нелѣпому преслѣдованію. Ближайшій надзоръ за поведеніемъ штунтиста поручается дворнику двора, въ которомъ онъ живетъ; за неисполненіе своихъ полицейскихъ обязанностей дворникъ подлежитъ особой дисциплинарной отвѣтственности: административной высылкѣ съ воспрещеніемъ когда-либо занимать должность дворника. Отданные подъ надзоръ дворникамъ, околоточнымъ, попамъ — штундисты постоянно подвергаются самымъ грубымъ оскорбленіямъ; ихъ частная жизнь стѣснена въ большей мѣрѣ, чѣмъ жизнь политическихъ, состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ. Въ деревняхъ на штундистовъ возлагаютъ въ усиленной дозѣ натуральныя повинности, подвергаютъ истязаніямъ и избіеніямъ, какъ это видно напримѣръ изъ дѣла Павловскихъ сектантовъ, изъ дѣла объ истязаніи Лисовской („Свободное слово“) и т. д. Какая-либо государственная должность, въ томъ числѣ служба дворникомъ, штундисту недоступна. Не безинтересенъ слѣдующій секретный документъ, которымъ полиція выясняетъ благонадежность дворника до его утвержденія на его государственномъ посту:

М. В. Д.
Приставъ старокіевскаго
Полицейскаго
г. Кіева участка
Ноября. дня 1901 г.
№, г. Кіевъ.

Секретно

Въ Кіевское уѣздное Полицейское
Управленіе.

Въ домъ № по М—ой улицѣ поступилъ на службу дворникомъ крест. с. Совки К—о. Во избѣжаніе случаевъ принятія на эту службу лицъ преступной дѣятельности и порочнаго поведенія, покорнѣйше прошу Полиц. Управл. собрать и сообщить мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени свѣдѣнія о личности К—о, его поведеніи, нравственной и *политической благонадежности*, не состоялъ и не состоитъ-ли подъ судомъ и слѣдствіемъ, *не принадлежитъ ли къ вреднымъ сектамъ и вообще какимъ пользуется общественнымъ мнѣніемъ.*

Приставъ Закусиловъ. Письмоводитель.

Помимо мѣръ полицейскаго воздѣйствія штундисты подвергаются еще судебнымъ преслѣдованіямъ за совмѣстное чтеніе Евангелія на собраніяхъ въ частныхъ квартирахъ. Извѣстно, что безпристрастное толкованіе закона въ Сенатѣ, выгодное для штундистовъ, вызвало смѣщеніе оберъ-прокурора Кони министромъ Муравьевымъ. Но Сенатъ и теперь продолжаетъ выносить обычно оправдательные приговоры, требуя, чтобы принадлежность къ штундизму арестованныхъ на молитвенномъ собраніи была установлена по тѣмъ именно признакамъ, по которымъ секта эта признана особо-вредной. Согласно же циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 3-го сентября 1894 г. „существенными признаками штундистской секты считаются тѣ, коими подрываются основы государственнаго строя и православія и кои выражаются въ отрицаніи всѣхъ таинствъ и всякаго начальства, въ непризнаніи присяги и необходимости военной службы для защиты отечества, а также въ началахъ соціалистическаго характера“. На практикѣ дѣло сводится къ тому, что за невозможностью

доказать антиправительственное направленіе сектанта и склонность „къ соціалистическимъ началамъ“ — судьи, придерживающіеся точки зрѣнія Сената постановляютъ оправдательные приговоры. Всѣ оправдательные приговоры опротестовываются прокурорскимъ надзоромъ по предписанію министра юстиціи; но предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Хейнацкій, боясь слѣдовать толкованію Сенату и тѣмъ самымъ вступить въ противорѣчіе съ министромъ юстиціи, складываетъ дѣла съ оправдательнымъ приговоромъ подъ сукно?!

Понятно, что штундизмъ, какъ и всѣ попытки болѣе трезвой, самостоятельной, критической мысли въ какой бы то ни было области, жестоко преслѣдуется самодержавнымъ правительствомъ: не надо быть соціалистомъ, чтобы возбуждать противъ себя его ненависть. Эта ненависть противъ штундистовъ тѣмъ болѣе понятна, что Кіевъ—мать русскихъ городовъ — кишитъ духовенствомъ, наживающимся отъ разныхъ святыхъ мѣстъ и святынь. Постоянное движеніе богомольцевъ со всѣхъ угловъ Россіи въ этотъ клерикальный центръ создаетъ поразительные нравы въ духовенствѣ. Развратное и наглое монашество богатѣетъ отъ грубого вымогательства: на пути до Лавры и во всѣхъ углахъ ея несчастные богомольцы подвергаются нападеніямъ монаховъ, которые со священными мѣшками для сбора денегъ и колокольцами преслѣдуютъ ихъ по улицамъ, зазываютъ къ мощамъ, навязываютъ всякіе крестики, куски кипариса отъ гроба господня, куски отъ слѣда богоматери въ камнѣ, а то и прямо обкрадываютъ. Народъ, подвергающійся сплошному обману, настолько легковѣренъ и суевѣренъ, что на пути къ Лаврѣ часто, какъ можно наблюдать, прикладывается къ рельефнымъ изображеніямъ на частныхъ домахъ, крестится передъ статуями львовъ на Никольскихъ воротахъ, при чемъ страдающіе глазами, зубами, потрогавъ львиные глаза или зубы съ вѣрой прикасаются къ своимъ. Случается, что эти идолопоклонники крестятся передъ почтовыми ящиками и въ нихъ опускаютъ свои убогія лепты. Но наше духовенство не довольствуется этой темнотой, этимъ обманомъ и грабежомъ, оно старается при случаѣ фабриковать новыя чудеса, новыя святыни для новыхъ обмановъ.

Одинъ простодушный генералъ (г. Корниловичъ) увѣровалъ въ 1895 г. въ „Чудесное явленіе изображенія богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ“ въ строившемся тогда соборѣ св. Владимира. Кіевскій вице-губернаторъ Баумгартенъ и проф. университета Праховъ также увѣровали въ чудо, скрѣпили своими подписями фотографическій снимокъ „изображенія образовавшагося изъ пятенъ штукатурки“ и составили соотвѣтствующій протоколъ (см. брошюру генерала „Чудесное явленіе богоматери... etc“). Когда выяснилось, что эти пятна штукатурки образовались не отъ чудесной сырости, а что набросокъ искусно сфабрикованъ мошенниками-попами, — обманутые строители съ конфузомъ за свое простодушіе поспѣшили замять дѣло... Газеты, въ которыя проникъ слухъ о „чудѣ“, получили нагоняй и строгій приказъ молчать, простодушный же генералъ Корниловичъ началъ агитацію въ пользу „чуда“: напечаталъ брошюру, которая была запрещена цензурой, ѣздилъ къ митрополиту, въ святѣйшій синодъ; но отовсюду попы его грубо прогоняли за то, что онъ, по своему невѣжеству и глупости, не могъ узнать въ поразившемъ его „чудѣ“ — шарлатанской продѣлки, не удавшейся духовенству.

Выйдя изъ этой самой бездны невѣжества штундисты отрицаютъ — спутанно, фанатично, односторонне — всю эту сѣть обмановъ, всю внѣшность обрядовъ, весь мистицизмъ таинствъ. Оперируя надъ нѣсколькими текстами, они покушаются на доходы поповъ и тѣ объявляютъ ихъ виновными въ... соціализмѣ, восклицая дружнымъ хоромъ:

„Богоотступники они!
А тотъ, кто, Боже сохрани,
Не ходитъ въ храмъ —
Тотъ настоящимъ
Властямъ не вѣренъ предержащимъ."

Въ то самое время, какъ на довольно значительное, прогрессивное, народное религіозное теченіе незаслуженно набрасывается для усиленія преслѣдованія его тѣнь соціализма, — въ самомъ соціализмѣ группа писателей отрывается отъ нуждъ общественной жизни для того, чтобы возносить жертвы на алтарь религіи... прогресса. Цѣлая группа легальныхъ писателей „марксистовъ" (гг. Бердяевъ, Струве, Булгаковъ, Кистяковскій*) послѣ ряда преслѣдованій марксистскихъ легальныхъ органовъ вознеслась въ такую заоблачную высь міровыхъ вопросовъ, ничего общаго съ соціализмомъ не имѣющихъ, гдѣ ее, конечно, не достанетъ самое строгое цензорское перо.

Вся эта безплодная словесная „борьба" за право вѣрить въ мощь ума и чувства человѣка, въ гармонію и красоту міра, „борьба", возникшая въ годину полнаго оскудѣнія легальной печати и неистовыхъ гоненій на пробуждающуюся народную мысль, — не есть ли она жалкій самообманъ и созерцательное самоублаженіе?

Несомнѣнно, это новое религіозно-метафизическое теченіе есть признакъ тяжести и неприглядности окружающей насъ дѣйствительности, разъ умные и образованные люди, превращаясь въ смѣшныхъ пророковъ, факировъ, приглашаютъ насъ рефлектировать надъ самыми неуловимыми ощущеніями своего „я" въ поискахъ за его вѣчными, трансцедентальными элементами, мечтать о будущей жизни вмѣсто того, чтобы работать надъ нынѣшней.

Невольно вспоминается „философія" жалкой драмы интеллигентной современности — въ „Трехъ сестрахъ" Чехова:

Вершининъ. „Что-жъ? Если не даютъ чаю, то давайте хоть пофилософствуемъ." —

Тузенбахъ. „Давайте. О чемъ?"

Вершининъ. „О чемъ? Давайте помечтаемъ..., напримѣръ, о той жизни, какая будетъ послѣ насъ, лѣтъ черезъ 200—300." (Русск. Мысль 1901 г., II. стр. 146.)

В. „Черезъ 200—300 лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ." (Ibid. стр. 134.)

Вершининъ. „Между тѣмъ, въ сущности, какая разница между тѣмъ, что есть и что было! А пройдетъ еще немного времени, какихъ нибудь 200—300 лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь также будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой, все нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, тяжелымъ, и очень неудобнымъ, и страннымъ. О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь! (смѣется). Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мнѣ ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроеніе (пауза). Точно спятъ всѣ. Такъ я говорю: какая это будетъ жизнь! Вы можете себѣ только представить... (тамъ же 159 стр.)

Вѣра моральная, вѣра вдохновленная нужны русскому соціаль-демократу для того, чтобы идеалистически бороться со зломъ, переносить сто-

*) По прихоти судьбы трое изъ низъ могутъ считаться кіевлянами.

ически невзгоды и пошлость жизни. Международная революціонная борьба пролетаріата за освобожденіе человѣчества, обобщеніе науки, міровыя произведенія искусства... — вотъ неисчерпаемый источникъ оптимистической вѣры и чувства революціонера. Но „метафизика", вынесенная изъ тайниковъ души человѣка на толкучку россійской легальной печати для схоластическаго, напыщеннаго обоснованія „марксизма", философія „борца за идеализмъ" — Вершинина, живущаго въ разладѣ съ дѣйствительностью — это грустный симптомъ вырожденія легальнаго марксизма, реакціонная попытка подсластить, растопить движеніе и оторвать его отъ жизни.

„...та старинная пѣсня на небо зоветъ
Съ отреченьемъ отъ жизни печальной;
Этимъ гимномъ вездѣ усыпляютъ народъ,
Нашъ народъ — истуканъ колоссальный
— — — — — — — — — — —
Пѣсню новую, лучшую стану я пѣть,
Позабывши старинныя темы...
Нѣтъ, блаженство и полное счастье себѣ
Приготовимъ пока на землѣ мы.
Будемъ счастливы всѣ — и пусть голода стонъ
Не коснется до нашего слуха;
Пусть, что добыто силою рукъ трудовыхъ,
Не проглотитъ лѣнивое брюхо
— — — — — — — — — — —
Предоставимъ же небо однимъ воробьямъ,
Рѣзвымъ сильфамъ... и всѣмъ въ этомъ родѣ...

(Гейне „Германія".)

—Ъ.

Кіевская демонстрація 2-го февраля.

Разсказъ очевидца.*)

Я пріѣхала въ Кіевъ за нѣсколько дней до 2-го февраля. Большинство моихъ знакомыхъ принадлежало къ числу активно-дѣйствующихъ, и поэтому мнѣ сразу пришлось попасть въ страшно нервную, напряженную атмосферу. Кругомъ только и говорили, только и думали, что о демонстраціи. На нее возлагали громадныя надежды и въ то же время ждали ее съ трепетомъ. Рабочіе рвались на улицу и почти поголовно заявляли, что съ „пустыми" руками они не пойдутъ. И дѣйствительно, кастеты, палки, ножи и, какъ говорили, даже револьверы закупались въ большомъ количествѣ. Въ то же время изъ высшихъ сферъ доходили зловѣщіе слухи. Говорили, будто Треповъ получилъ строгій выговоръ за слишкомъ мягкое отношеніе къ демонстрантамъ въ прошломъ году, будто ему было заявлено, что войска посылаются не за тѣмъ, чтобы быть мирными свидѣтелями и зрителями творящихся безобразій. Говорили еще, будто на совѣтѣ министровъ принято рѣшеніе кровью залить эту демонстрацію, чтобы разъ на всегда положить имъ конецъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что эта демонстрація должна была быть главнымъ образомъ рабочей.

Изголодавшіяся, измученныя безработицей массы давно уже выжидали случая громко заявить свой протестъ. — Что же студенты? Скоро-ли назначутъ демонстрацію? Чего еще ждать? Съ такими или подобными вопросами набрасывались рабочіе почти на каждаго появлявшагося у нихъ интеллигента. Узнавъ, что на послѣдней студенческой сходкѣ рѣшена не демонстрація, а забастовка, рабочіе заволновались и рѣшительно потребовали отъ комитета, чтобъ онъ взялъ на себя устройство демонстраціи. — „Иначе мы сами, безъ всякой организаціи, выйдемъ на улицу!" — заявляли они. Комитетъ рѣшилъ исполнить ихъ требованіе и назначилъ демонстрацію на 2-ое февраля (суббота и срѣтеніе, свободный день и для евреевъ, и для христіанъ).

Настроеніе у рабочихъ было страшно повышенное! Они пойдутъ массами, пойдутъ, запасшись всякимъ оружіемъ!**) Побоища, кровопролитія, можетъ быть пуль не избѣжать! Вѣдь съ рабочими и церемониться-то будутъ меньше! Невольно въ душу прокрадывалось жуткое чувство. Невольно на языкѣ вертѣлся тревожный вопросъ, что то будетъ, чѣмъ все

---

*) *Отъ Редакціи*. Приводимъ этотъ разсказъ свидѣтельницы кіевской демонстраціи. По своей полнотѣ и попыткѣ освѣтить какъ сильныя, такъ и слабыя стороны нашихъ организованныхъ манифестацій, онъ заслуживаетъ вниманія всѣхъ дѣйствующихъ товарищей.

**) Относительно того, вооружаться или нѣтъ, комитетъ не высказался опредѣленно. Онъ предоставилъ каждому право самому рѣшить этотъ вопросъ.

это кончится. Рабочіе были возбуждены и чувствовали себя героями. Пусть, говорили они, пусть стрѣляютъ! Лучше же умереть на улицѣ, чѣмъ околѣвать съ голоду по своимъ угламъ! Довольно мы терпѣли, будетъ! Пусть стрѣляютъ! — Ужъ будто такъ страшно! говорили 17, 18 лѣтнія дѣвушки-работницы, съ волненіемъ и нетерпѣніемъ ожидая 2-го февраля.

Переговоры комитета со студентами дали самые плачевные результаты. Изъ всего технологическаго института нашлось только 15 человѣкъ, согласившихся принять активное участіе въ рабочей демонстраціи. Настроеніе другихъ высшихъ учебныхъ заведеній было приблизительно такое же. Рабочимъ приходилось разсчитывать только на себя. Комитетскіе волновались. Дѣло казалось такимъ громаднымъ и въ то же время такимъ отвѣтственнымъ. Что если слухи изъ высшихъ сферъ оправдаются и царскіе башибузуки дѣйствительно зальютъ кровью демонстрацію? Что если это надолго лишитъ силы молодое, еще неокрѣпшее движеніе?

Но отступать было поздно, приходилось готовиться, и работа закипѣла. А ея было немало. Выработка плана демонстраціи, выборъ и назначеніе организаторовъ, подсчетъ силъ, переговоры съ другими революціонными организаціями, переговоры со студентами и т. д., и т. д. безъ конца.

Главное вниманіе, главныя заботы все же направились на то, чтобы и при страшномъ кровопролитіи не дать залить движеніе кровью, не дать вырвать съ корнемъ все существующее. Съ этой цѣлью было рѣшено пустить на демонстрацію только часть организованныхъ силъ. Комитетъ Россійской Соціаль-демократической Партіи, иниціаторъ и главный организаторъ демонстраціи, выбралъ изъ своей среды одно лицо, на которое возложено было руководство всей демонстраціей. Это лицо должно было подать сигналъ началу демонстраціи, развернувъ надъ головами красное знамя. Остальные члены комитета были лишены права участвовать въ демонстраціи. Имъ рекомендовалось даже не присутствовать на ней въ качествѣ зрителей. Помощниками выбраннаго руководителя являлись наиболѣе сознательные и организованные рабочіе. Но и изъ нихъ рѣшено было часть не пустить на демонстрацію. Сами рабочіе, члены ремесленнаго и заводского комитетовъ, должны были рѣшить на своемъ собраніи, кому изъ нихъ итти и кому остаться дома. Послѣднихъ обязали даже совсѣмъ не показываться въ этотъ день на улицахъ. Всѣ эти заботы о дальнѣйшей судьбѣ движенія и о возможномъ исходѣ демонстраціи настолько овладѣли умами, что сама демонстрація отодвинулась какъ то на второй планъ и о деталяхъ ея почти никто и не думалъ.

Какія прокламаціи будутъ разбрасываться на самой демонстраціи? — Спрашивала я. Есть ли ораторы? Готовятся ли рѣчи? — Какіе тамъ ораторы! Какія тамъ рѣчи! Слышала я въ отвѣтъ. До листковъ ли будетъ, когда подымется свалка! — Распредѣлены ли роли среди организованныхъ рабочихъ? допытывалась я. Въ какихъ пунктахъ можно ожидать наиболѣе воодушевленныхъ и яркихъ проявленій демонстрирующихъ массъ? — Ужъ тамъ всякій самъ сообразитъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Начнется побоище на Крещатикѣ, а гдѣ будетъ продожаться дальше, не все ли равно? Лишь бы устоять на Крещатикѣ, разсуждали устроители.

Наканунѣ во всѣхъ сферахъ, среди рабочихъ, ремесленныхъ и заводскихъ, среди студентовъ и широкой публики были распространены воззванія, приглашавшія всѣхъ явиться въ субботу на Крещатикъ между 12 и часомъ дня. Послѣ этого все какъ то затихло, точно передъ бурей. Казалось, будто даже обычное для Кіева движеніе сократилось. Облака низко ползли по небу. Снѣгъ валилъ большими мокрыми хлопьями. Въ воздухѣ чувствовалась сырость. Слухи о демонстраціи давно уже проникали въ самую широкую публику. Какъ подтвержденіе, на столбахъ по-

явились *прошлогоднія**) объявленія полицмейстера, напоминающія обывателямъ о томъ, что всякія сборища на улицахъ строго воспрещаются. Прохожіе останавливались на минуту передъ ними, быстро пробѣгали глазами и съ улыбкой шли дальше. „Знаемъ мы это, старое, читали уже", казалось, говорили эти улыбки. Всякому было ясно, что это простая формальность, которая никого и ни отъ чего не остановитъ.

Двѣ послѣднія ночи всѣ ждали массовыхъ арестовъ, особенно послѣ распространенія воззваній — обычный пріемъ полиціи, чтобъ разбить ряды революціонеровъ и разстроить ихъ планы. Арестовъ не произошло. „Видно, въ самомъ дѣлѣ откладываютъ свою месть и расправу на день демонстраціи! Кровопролитія не избѣжать!" Никто не сомнѣвался, что будутъ стрѣлять.

И вотъ роковой день наступилъ. Облака попрежнему низко ползли по небу, но подулъ холодный пронизывающій вѣтеръ, и застывшая земля гулко отдавала шаги. Уже съ утра Кіевъ, особенно Крещатикъ, оживился и принялъ необычный видъ. Обиліе городовыхъ и околоточныхъ съ рѣшительными суровыми лицами. Вотъ проскакалъ отрядъ казаковъ. Откуда то донесся барабанный бой. По всѣмъ угламъ, перекресткамъ и просто по троттуарамъ масса какихъ-то подозрительныхъ субъектовъ съ печатью Каина на лицѣ. Толпа гуляющихъ также больше обыкновеннаго. Въ окнахъ видны глазѣющія лица. Выжидательныя фигуры у воротъ и калитокъ. Послѣ 11 начала появляться и другая публика. Возбужденныя лица, горящія глаза, едва замѣтные кивки, мимолетныя рукопожатія, кучки студентовъ, группы рабочихъ. Толпа на правой сторонѣ Крещатика замѣтно густѣетъ. Околоточные и городовые, правильно разставленные вдоль улицы, продолжаютъ стоять на своихъ мѣстахъ, будто не замѣчая, что творится вокругъ нихъ. Со всѣхъ улицъ, со всѣхъ сторонъ къ Крещатику стекаются люди. Часамъ къ 12 уже трудно двигаться по троттуарамъ. Мѣстами движеніе почти прекращается. А толпа становится все гуще и гуще. Чувствуется напряженіе, чувствуется, что вотъ должно что-то произойти, что долго такъ тянутѣся не можетъ. Вдругъ по толпѣ пронесся гулъ, а въ одномъ мѣстѣ, противъ Прорѣзной, толпа съ гикомъ хлынула волной съ троттуара на улицу. Это руководитель, поддавшись настроенію толпы и не дождавшись даже заводскихъ рабочихъ, стройной толпой спѣшившихъ въ это время по Большой Васильковской къ мѣсту дѣйствія, выступилъ съ троттуара на улицу и, развернувъ красное знамя, высоко поднялъ его надъ головой. Въ тотъ же моментъ, безъ всякаго промежутка, точно выскочивъ изъ подъ земли, кучка городовыхъ и околоточныхъ, частью пѣшихъ, частью верхомъ, ринулась на демонстрантовъ. Послѣдніе не успѣли даже достигнуть середины улицы, не успѣли занять прочной позиціи. Знамя оказалось окруженнымъ съ одной стороны демонстрантами, рабочими и студентами, съ другой стороны полицейскими. Одна волна наскочила на другую и готовилась поглотить ее. Сдавленные возгласы, поднятыя шашки и палки, минутное колебаніе Волна демонстрантовъ подалась и быстро отхлынула назадъ на троттуаръ. Краснаго знамени уже не было. Въ сторонѣ, между троттуаромъ и улицей, вдоль улицы, мелькало другое красное знамя, немного поменьше перваго, преслѣдуемое полицейскими, старавшимися его отнять, и быстро передаваемое изъ рукъ въ руки. Но и это знамя скоро оказалось во власти враговъ и, уже отнятое, еще нѣсколько времени развѣвалось надъ толпой въ рукахъ торжествующаго полицейскаго. Между тѣмъ на троттуарѣ, куда отхлынула

---

*) Т. е. оставшіяся отъ прошлаго года, того же содержанія и даже съ той же датой.

волна демонстрантовъ, началась настоящая бойня. Городовые и околоточные врѣзались въ середину и смѣшались съ демонстрантами. Первыя минуты трудно было даже разобрать, кто кого бьетъ. Удары сыпались направо и налѣво. Мелькали обнаженныя шашки и съ размаху опускались куда попало. Нѣсколько минутъ демонстранты оказывали сопротивленіе и на удары шашками отвѣчали ударами палокъ. Но скоро ряды ихъ начали рѣдѣть. Городовые почувствовали себя побѣдителями и съ новой силой набросились на противниковъ. Теперь многіе изъ полицейскихъ дѣйствовали уже палками, только что отнятыми у демонстрантовъ. Шашки потерпѣли крушеніе и отказывались служить имъ.

Все это происходило на троттуарѣ. На улицѣ же, сравнительно пустынной, разыгрывались только отдѣльныя сцены. Выскакиваетъ съ троттуара студентъ и безъ оглядки, преслѣдуемый городовымъ съ шашкой на голо, изо всѣхъ силъ удираетъ черезъ дорогу. Изъ толпы показывается новое лицо, очевидно, рабочій, вслѣдъ за нимъ околоточный и опять съ шашкой на голо. Рабочій бѣжитъ по улицѣ, стараясь увернуться отъ удара, спотыкается и падаетъ. Полицейскій налетаетъ и осыпаетъ лежачаго ударами. Держась за голову обѣими руками, пошатываясь, появляется на улицѣ околоточный. На лбу длинный кровавый шрамъ, все лицо залито кровью. Нѣсколько городовыхъ вытаскиваютъ изъ толпы рабочаго, изорваннаго, избитаго. Онъ отчаянно отбивается. Его вталкиваютъ на извозчика; двое городовыхъ вскакиваютъ вслѣдъ за нимъ, и извощикъ трогается. „Убійцы, негодяи! Убійцы, негодяи!“ вырывается изъ груди у него озлобленный, негодующій крикъ. Въ отвѣтъ на это новые тяжеловѣсные удары по лицу и головѣ. „Убійцы, негодяи, убійцы!“ разносится еще нѣсколько разъ по Крещатику, покрывая общій шумъ толпы. Нѣсколько полицейскихъ волокутъ еще одного рабочаго. Онъ шатается и, ошеломленный ударомъ, находится почти въ безсознательномъ состояніи. Шапка свалилась съ головы, руки опущены, глаза мутные, лицо мертвенно-блѣдное. Несмотря на это, городовые осыпаютъ его ударами, прямо кулаками, и тащутъ дальше. Не довольствуясь и этимъ, одинъ городовой схватываетъ его за ухо, озлобленно наворачиваетъ себѣ ухо на палецъ и, оттянувъ его чутъ не на четверть аршина въ сторону, сопровождаетъ такимъ образомъ шествіе. Возмущенные возгласы и крики негодованія раздаются и съ медленно двигающейся по улицѣ электрички, и изъ толпы зрителей, съ расширенными отъ ужаса глазами смотрящихъ на происходящее. Изрѣдка слышны истерическіе возгласы: Боже мой, бьютъ! Не смѣйте бить! Изверги! Что вы дѣлаете! Но охотниковъ вмѣшиваться болѣе активно не находится.

Всѣ эти сцены я видѣла сама лично. Каждый изъ присутствовавшихъ навѣрное смогъ бы разсказать много подобныхъ же. Арестовывали не толпами и кучками, какъ это практиковалось раньше, а, разъединивъ толпу ударами, сыпавшимися направо и налѣво, по комъ и по чемъ попало, выхватывали изъ нея отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ нибудь обратившихъ на себя особенное вниманіе башибузуковъ, и уволакивали этихъ лицъ, подвергая ихъ всяческимъ истязаніямъ.

Для всѣхъ было ясно: демонстрація на Крещатикѣ не удалась. Попытка выступить на улицу потерпѣла крушеніе. На троттуарѣ сопротивленіе было смято очень быстро. Когда явились казаки, имъ почти ничего не оставалось дѣлать. Проскакавъ по всей улицѣ и не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, они направились на троттуаръ и здѣсь погнали передъ собой остававшуюся еще и, повидимому, только глазѣющую публику. Крещатикъ быстро пустѣлъ. Пришедшіе съ барабаннымъ боемъ солдаты, пришли уже слишкомъ поздно, чтобы хоть чѣмъ нибудь проявить свою энергію. За ними торжественно двигалась фура Краснаго Креста.

Но демонстрація еще не кончилась. Сверхъ ожиданія устроителей, это было только первое дѣйствіе. Убѣдившись, что здѣсь ждать больше нечего, демонстранты, сначала незамѣтно, а потомъ густыми толпами, двинулись по поперечнымъ улицамъ на Большую Владимирскую. Шли безпорядочными массами, шли, толкаясь и тѣснясь по троттуарамъ. Полиціи совершенно не было. Очевидно, и она сосредоточила свое вниманіе на Крещатикѣ и теперь, занятая окончательной очисткой улицы, еще не сообразила, куда направились демонстранты. По Фундуклеевской толпа затянула мерсельезу и безъ всякой помѣхи дошла до Большой Владимирской, гдѣ она слилась съ общимъ потокомъ. А на Большой Владимирской творилось что-то невѣроятное. Такого количества народа, я думаю, еще никогда и нигдѣ въ Россіи не собиралось. На большомъ протяженіи, по обѣимъ сторонамъ троттуара, стояла густая сплошная толпа. Не помѣщаясь на троттуарѣ, она захватывала и часть улицы, но середина улицы попрежнему оставалась почти пустой. Казалось, неудача первой попытки выступить на улицу отбила у демонстрантовъ охоту покидать троттуары.

Полиціи все еще не было. Моментъ былъ чрезвычайно удобный. Демонстранты безъ всякой помѣхи могли дѣлать все, что угодно. Толпа глухо волновалась, но ничего не предпринимала. — Ну же, ну же! Чего не начинаютъ? Въ чемъ дѣло? А дѣло было въ томъ, что наиболѣе самоотверженныя и воодушевленныя лица, знавшія чего имъ нужно и какъ это сдѣлать, знавшія, что все зависитъ отъ нихъ, и только отъ нихъ, и что больше ни на кого разсчитывать нечего, что ихъ дѣло подавать сигналы и увлекать за собою толпу, однимъ словомъ, всѣ герои, организаторы и руководители, всѣ страстно рвавшіеся на улицу въ бой съ врагами, всѣ чувствовавшіе и сознававшіе свою отвѣтственность за исходъ демонстраціи, всѣ они, такъ или иначе, арестованные или избитые, выбыли изъ строя на Крещатикѣ. Запасныхъ отрядовъ не оказалось.

Толпа бездѣйствовала. Чувствовалось напряженное ожиданіе. Не хватало искры, которая бы пронизала всѣхъ, которая бы зажгла, воодушевила и вдохновила собравшіяся массы. Красное знамя, заколыхавшееся въ это время надъ головами, могло бы многое сдѣлать. Нѣсколько горячихъ словъ перевернуло бы всѣхъ. — Неужели, неужели никого не найдется для этого? Взять на себя, на свою отвѣтственность... А ну-ка устроители задумали что нибудь другое, и это пойдетъ въ разрѣзъ съ ихъ планами... А главное... отсутствіе близкихъ, сочувствующихъ лицъ, отсутствіе увѣренности, что ты будешь поддержана... Мнѣ казалось, такія же мысли волновали многихъ другихъ. Да, въ этой громадной толпѣ можно чувствовать себя потерянной. А для воодушевленія, для геройскаго подъема, для энтузіазма до самозабвенія, способнаго увлечь и другихъ, для порыва, однимъ словомъ, нужна близость съ окружающими, нужны дружескія, горячія лица. Нельзя итти на демонстрацію въ одиночку, если хочешь быть активнымъ. Надо итти вмѣстѣ съ близкими хорошими товарищами, тѣсной, дружной компаніей. Задача же и обязанность устроителей позаботиться о томъ, чтобы вездѣ были застрѣльщики, чтобы вездѣ были запасные отряды, готовые воспользоваться каждымъ удобнымъ моментомъ, каждой оплошностью полиціи. Порывъ пяти, десяти лицъ... и что бы сдѣлалось съ этой нерѣшительной толпой! Во время выброшенное красное знамя, даже простой платокъ на палкѣ, кстати появившіеся листки... и какъ бы она вспыхнула и оживилась! Удаль и беззавѣтность охватили бы всѣхъ, удаль, которая ни передъ чѣмъ не остановится, удаль, для которой не страшны ни шашки, ни пули, ни нагайки, которая ищетъ только случая, чтобъ проявиться! Вся бы демонстрація приняла иной характеръ, а теперь...

Раздался топотъ лошадей, и на улицу галопомъ въѣхали казаки. Толпа встрепенулась и зашевелилась. Раздались отдѣльные возгласы: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода! Дружное ура, привѣтствуя эти возгласы, прокатилось по толпѣ. Казаки повернули лошадей и направили ихъ туда, гдѣ раздавались возгласы. Толпа дрогнула и тотчасъ же подалась назадъ. Расходиться, расходиться! властно кричалъ офицеръ. Казаки напирали, размахивая своими нагайками. Передніе ряды пятились, оттѣсняя задніе; часть отступала въ поперечныя улицы, часть перебѣгала на другую сторону. Троттуаръ быстро очищался, и казаки скакали дальше, награждая ударами менѣе поворотливыхъ. Но, разогнанная въ одномъ мѣстѣ, толпа собиралась въ другомъ, и снова раздавались, задорно и вызывающе, крики ура, совершенно покрывавшіе отдѣльные возгласы. Казаки бросались туда, и снова повторялась та же исторія. Демонстранты шарахались, быстро разбѣгались, и, точно подразнивая, крики ура неслись изъ другихъ мѣстъ. Казаки приходили въ бѣшенство. Но только въ этомъ одномъ и выражалась вся демонстрація. Ни революціонныхъ пѣсенъ, ни даже попытокъ выйти на улицу. Демонстранты все время оставались на троттуарахъ и, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, почти смѣшивались съ посторонней публикой. И это не могло не отразиться на ихъ настроеніи. Не демонстранты, запявъ улицу и сомкнувшись тѣсными рядами, увлекали за собой публику, а публика, по природѣ боязливая и нерѣшительная, заражала своимъ настроеніемъ демонстрантовъ.

Крики „ура“ продолжали раздаваться то здѣсь, то тамъ. Демонстрирующіе упорно не хотѣли расходиться. Казаки выбивались изъ силъ. Разъяренные, они набрасывались на отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ нибудь выдѣлившихся изъ толпы, и тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, безпощадно избивали ихъ. Возмущенные возгласы и крики: оставьте! Не смѣйте бить! конечно, не помогали и очень часто кончались тѣмъ, что выкрикнувшіе подвергались той же самой участи. Дальше такихъ возгласовъ дѣло не шло. При мнѣ не было ни одного случая, когда бы толпа попробовала энергичнѣе заступиться за избиваемаго. Если попавшему въ передѣлку не удавалось самому, вывернувшись изъ подъ лошадиныхъ копытъ и мордъ, ускользнуть въ толпу, казаки схватывали его за шиворотъ и, продолжая награждать ударами нагаекъ, выволакивали на улицу. Здѣсь они передавали его во власть городовыхъ, которые уводили или увозили несчастнаго въ участокъ. Такихъ избиваемыхъ и потомъ отправляемыхъ въ участокъ было очень много. То и дѣло можно было видѣть двухъ, трехъ городовыхъ, ведущихъ по улицѣ или везущихъ на извощикѣ то рабочаго, то студента. И — что страшно поражало — толпа и не думала отбивать ихъ. Сплошь и рядомъ приходилось видѣть такія картины. На троттуарахъ масса народа. Вблизи ни казаковъ, ни солдатъ, ни даже полицейскихъ. По улицѣ пара городовыхъ, а то и одинъ, спокойно ведетъ арестованнаго, и... хоть бы кто нибудь двинулся къ нему на помощь, хоть бы малѣйшее движеніе въ толпѣ.

Арестовывали многихъ, даже и не проявлявшихся ничѣмъ въ демонстраціи, очевидно, заранѣе намѣченныхъ. Тутъ же въ толпѣ подходитъ какой нибудь субъектъ въ партикулярномъ платьѣ, хватаетъ за рукавъ и зоветъ городового. Городовой подбѣгаетъ и безъ всякихъ разсужденій уводитъ указаннаго. И даже въ такихъ случаяхъ настолько не хватало боеваго настроенія, чтобы избить этого шпіона и отстоять намѣченную жертву.

До поздняго вечера по улицамъ бушевали толпы. Численность демонстрантовъ и продолжительность ихъ сопротивленія, хотя и пассивнаго, невольно вызывали удивленіе. Чтобы у насъ, въ Россіи, при нашихъ башибузукскихъ порядкахъ, въ городѣ, находящемся подъ усиленной охра-

ной, въ продолженіе цѣлаго дня не удавалось возстановить порядокъ и очистить улицы отъ демонстрирующихъ массъ! Было ли это мыслимо раньше? Ни усилія и звѣрства казаковъ, ни старанія солдатъ, ни энергія полиціи, ни появленіе самаго Трепова, который, сойдя съ экипажа и переходя отъ одной группы къ другой, уговаривалъ собравшихся расходиться, ничто не помогало. — Ну и отчаянные, говорили обыватели, ничего съ ними не подѣлаешь! Даже и нагаекъ не боятся! — Что только дѣлается! — разсуждалъ другой. — И годъ отъ года все хуже и хуже. Какъ бы плохо не кончилось... — Для кого плохо? не утерпѣвъ, спросила я. — А для тѣхъ, кто за китайской стѣной сидитъ, не задумываясь, отвѣтилъ обыватель и пошелъ дальше . . . Только часамъ къ девяти вечера улицы опустѣли. Утомленные демонстранты разошлись по домамъ.

На слѣдующій день демонстрація повторилась. Нѣсколько сотъ рабочихъ, стройными рядами, занявъ всю улицу, со стройнымъ пѣніемъ (какъ будто спѣлись, говорили видѣвшіе) прошли по Большой Владимирской отъ университета до театра. На Театральной Площади они остановились, пропѣли: „Смѣло, друзья!“ и потомъ опять тѣсно сомкнувшись, съ пѣніемъ тронулись дальше. Налетѣвшая, наконецъ, полиція быстро расправилась съ ними. Часть демонстрантовъ была оттѣснена на какой-то дворъ и тамъ подверглась аресту, остальные были разогнаны. И все таки, эта маленькая демонстрація, отголосокъ вчерашней, произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

Въ ней было то, чего не хватало въ демонстраціи наканунѣ. Совершенно незначительная, сравнительно со вчерашними толпами кучка рабочихъ, по собственной иниціативѣ вышедшая на улицу, сумѣла придать своимъ дѣйствіямъ единство и стройность, сумѣла поставить себѣ цѣль, соотвѣтствующую своимъ силамъ и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, на которыя она отчасти расчитывала уже заранѣе (отсутствіе полиціи, довольно многолюдное мѣсто), блестяще выполнила свою задачу. И эффектъ получился полный.

Чего же собственно не хватало демонстраціи наканунѣ? Чѣмъ вообще онѣ должны быть? Какія цѣли онѣ должны собѣ ставить? И къ чему онѣ должны повести? Вотъ вопросы, которые невольно возникаютъ у каждаго вдумчиваго наблюдателя современной жизни и которые настоятельно требуютъ себѣ отвѣта.

Послѣ Кіевской демонстраціи, насколько мнѣ пришлось наблюдать, у участниковъ демонстраціи было довольно удрученное настроеніе. — Намъ уже, кажется, и итти-то дальше некуда, разсуждали нѣкоторые. — Насъ били, когда мы выходили на улицу съ пустыми руками. Теперь мы вышли вооруженными палками, кастетами, ножами, насъ все таки избили. Что же дальше дѣлать? Съ огнестрѣльнымъ оружіемъ итти? Будетъ кровопролитіе и пострадавшими окажемся опять таки мы. А итти, какъ въ послѣдній разъ, чтобы опять избили, неохота, да и какой смыслъ . . .

Да дѣствительно, итти только для того, чтобы быть избитыми, никому не будетъ охоты, и смысла въ этомъ весьма мало. Но дѣло въ томъ, что всякая живая дѣятельность, разъ она застываетъ въ какихъ нибудь рамкахъ, разъ она принимаетъ шаблонныя формы, непремѣнно теряетъ свою яркость, начинаетъ блѣднѣть и лишается своего значенія. Недостатокъ Кіевской демонстраціи главнымъ образомъ и заключается въ томъ, что она, поскольку была организована, была задумана и проведена по шаблону, по шаблону прежнихъ демонстрацій, очень хорошихъ и имѣвшихъ громадное значеніе. Но демонстраціи эти были въ свое время явленіемъ новымъ, необычнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ. Одинъ уже фактъ выступленія на улицу имѣлъ тогда громадное значеніе, заставляя трепетать власти и

полицію, давалъ удовлетвореніе демонстрантамъ, а среди широкой публики вызывалъ такое горячее сочувствіе, что зрители нерѣдко переходили въ ряды демонстрирующихъ. Полиція проявляла иногда при этомъ такую растерянность, что одинъ видъ этого имѣлъ громадное агитаціонное значеніе. Теперь положеніе во многомъ измѣнилось.

Съ одной стороны, то, что раньше вызывало воодушевленіе и возбужденіе, теперь уже не удовлетворяетъ больше. Даже такіе возгласы, какъ долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ соціализмъ, и появившіеся то только въ самое послѣднее время, но произведшіе на первыхъ порахъ потрясающее впечатлѣніе, поразивъ своею смѣлостью и новизной, теперь уже, дѣлаясь обычными на всѣхъ демонстраціяхъ, составляя такъ сказать шаблонное содержаніе ихъ, не дѣйствуютъ уже такъ сильно, а для посторонней публики начинаютъ даже звучать, какъ общее мѣсто. Необходимо подкрѣпить эти общіе возгласы, имѣющіе, конечно, глубокій смыслъ и громадное значеніе, реальными фактами изъ текущей дѣйствительности; необходимо связывать каждую демонстрацію съ тѣми событіями и происшествіями, которыя бьютъ по нервамъ какъ разъ въ это время даже и простыхъ обывателей. Только тогда впечатлѣніе, производимое демонстраціями, не будетъ ослабѣвать, и только тогда онѣ будутъ достигать своей цѣли.

Съ другой стороны и полиція стала опытнѣе и прекрасно научилась справляться съ демонстрантами. Она выработала даже спеціальные методы (смотр. сцену на Крещатикѣ), прекрасно приноровленные именно къ тому типу демонстрацій, который создался у насъ за послѣднее время. Въ примѣненіи этихъ методовъ она становится все искуснѣе, ловчѣе и самоувѣреннѣе и держитъ себя поэтому вызывающе и нахально. Хотя и демонстранты теперь не идутъ уже съ пустыми руками, а запасаются кто чѣмъ можетъ, все же для всѣхъ ясно, что сила пока на сторонѣ полиціи и казаковъ съ ихъ дисциплиной и военной дрессировкой и что въ открытомъ бою демонстрантамъ не устоять. Да и не можетъ демонстрація ставить себѣ цѣлью полный разгромъ полицейскихъ военныхъ силъ, хотя бы даже и мѣстныхъ. Демонстраціи вѣдь не возстанія. Онѣ лишь подготовляютъ почву для возстанія, пріучая народныя массы къ улицѣ и научая ихъ дѣйствовать здѣсь. Демонстраціи ведутъ къ возстанію и въ концѣ концовъ приведутъ къ нему, но сами по себѣ онѣ все же еще не возстанія. Поэтому онѣ и должны ставить себѣ и иныя цѣли, а не низверженіе властей и полиціи, и должны выбирать иныя пути и средства, а не вызывать враговъ на состязаніе съ собой, заранѣе назначивъ мѣсто и время поединка, какъ мы это видѣли въ Кіевѣ 2-го февраля.

Однако отказываться отъ открытой борьбы, строй противъ строя, со всѣми полицейскими силами, не значитъ еще, конечно, отказываться отъ всякаго сопротивленія врагамъ. Наоборотъ демонстранты должны быть готовы къ столкновеніямъ. Они обязаны давать отпоръ городовымъ и казакамъ вездѣ, гдѣ тѣ настигаютъ ихъ и мѣшаютъ имъ провести намѣченный планъ демонстраціи. И такіе отпоры безусловно возможны, если полицейскіе и военныя силы разбиты, разъединены, не знаютъ, куда броситься и какъ справиться съ многотысячнымъ непріятелемъ, планы котораго ему неизвѣстны и планы котораго осуществляются одновременно во многихъ мѣстахъ. Мало этого, демонстранты должны быть каждую минуту на сторожѣ, должны быть каждую минуту готовы воспользоваться всякою оплошностью, всякимъ промахомъ полиціи и каждой случайною выгодою своего собственнаго положенія. Они должны выискивать случая, чтобы застать полицію въ расплохъ и сдѣлать на нее нападеніе. Всякій удачный шагъ въ этомъ направленіи, всякое даже самое мелкое пораженіе враговъ

поднимаетъ настроеніе и увеличиваетъ значеніе этой демонстраціи. Во время и съ честью отступить, во время дать отпоръ и во время напасть и разсѣять врага, вотъ чему учитъ практика демонстрацій и вотъ что сослужитъ большую службу при возстаніи.

Цѣль демонстрацій — посрамленіе и униженіе властей и полиціи передъ лицомъ возможно большаго количества свидѣтелей; посрамленіе и униженіе правительства, посрамленіе и униженіе всего существующаго строя. Цѣль демонстраціи — протестъ предъ лицомъ всего свѣта противъ гадостей и гнусностей нашего политическаго режима во имя счастья и свободы всего человѣчества, во имя соціализма. Цѣль демонстраціи — показать себѣ и врагамъ ростъ своихъ силъ, своей организованности, смѣлости, находчивости и дисциплины.

Вдумайтесь, товарищи, что даетъ намъ и чему учитъ насъ Кіевская демонстрація. Назначается открытый поединокъ съ полиціей, хотя всякій знаетъ, что сила не на сторонѣ демонстрантовъ и что побѣдителями изъ этого поединка она выйти не можетъ. Смятые, избитые, они оттѣснены на другія улицы и тутъ, подавленные первой неудачей, они не находятъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы давать отпоръ отдѣльнымъ натискамъ небольшихъ казачьихъ отрядовъ, отпоръ обязательный для чести и достоинства революціонеровъ. Они пассивно смотрятъ, какъ издѣваются надъ отдѣльными лицами изъ ихъ среды, какъ ихъ избиваютъ и влекутъ въ тюрьму!!!

На организацію первой части этой демонстраціи было потрачено очень много силъ и стараній, но организована она была по шаблону, а потому, столкнувшись съ еще лучше организованными и прекрасно подготовленными полицейскими силами, она потерпѣла полную неудачу. Вторая часть демонстраціи, совершенно не входившая въ планы устроителей, такъ и осталась безъ всякихъ признаковъ организованности. Полная безпорядочность, полная разбросанность и случайность. Такая демонстрація не можетъ произвесть сильнаго впечатлѣнія, и агитаціонное значеніе ея слишкомъ незначительно, чтобы окупить жертвы и дать удовлетвореніе участникамъ.

Чтобы придать демонстраціямъ жизненный характеръ, чтобы поставить ихъ на должную высоту, надо совершенно отказаться отъ шаблона, надо въ каждую изъ нихъ вливать свое собственное содержаніе и сообразно съ содержаніемъ подыскивать ей соотвѣтственную форму. Надо, соображаясь съ своими силами ставить себѣ опредѣленныя цѣли и задачи, надо заранѣе обдумывать весь планъ дѣйствій, всѣ условія и обстоятельства выполненія, заранѣе обдумывать, какъ провести и оставить въ дуракахъ полицію, и тогда только приступить къ выполненію плана ловко, смѣло и самоувѣренно, на всѣхъ пунктахъ давая отпоръ растерявшемуся отъ неожиданности врагу и пользуясь всѣми выгодами случайныхъ обстоятельствъ.

А у насъ ли въ Россіи будетъ недостатокъ въ особомъ содержаніи, которое можно было бы влить въ каждую демонстрацію! Тутъ голодаютъ по тюрьмамъ политическіе. Тамъ сѣкутъ манифестантовъ и подвергаютъ ихъ всяческимъ издѣвательствамъ! Честные гордые мстители безпощадно вѣшаются! Крестьяне умираютъ отъ голода, а циркуляры запрещаютъ оказывать имъ помощь! При попыткѣ же самимъ помочь себѣ ихъ усмиряютъ прикладами, пулями и розгами! А сколько совершается менѣе замѣтныхъ гадостей и безобразій!

И во всякое изъ этихъ безобразій можетъ неожиданно вмѣшаться улица и, въ той или иной формѣ, громко заявить свое мнѣніе. И чѣмъ организованнѣе выступимъ мы на улицу, чѣмъ большей силой мы явимся,

тѣмъ внушительнѣе зазвучитъ нашъ голосъ, тѣмъ мѣлѣе будутъ наши дѣйствія и тѣмъ большее значеніе получитъ наше вмѣшательство. Соображаясь, напр., со своими силами, мы можемъ поддержать голодающихъ политическихъ простой мирной демонстраціей передъ зданіемъ тюрьмы, настаивая на выполненіи ихъ требованій. Или же мы можемъ ввести въ планъ нашей демонстраціи битье стеколъ въ домахъ ненавистнаго начальства, отъ котораго зависитъ выполненіе требованій заключенныхъ. Крестьянъ мы можемъ поддержать отвлеченіемъ войскъ своими демонстраціями какъ разъ въ то время, когда бунтуютъ крестьяне. Въ свою очередь и крестьяне легко могутъ пойти на помощь и демонстрантамъ изъ ближайшихъ деревень. Эта связь, установившаяся между городомъ и деревней, безусловно сыграло бы большую роль въ предстоящемъ возстаніи. Мы должны мстить и за честь поруганныхъ нашихъ товарищей. Ни одно издѣвательство, ни одно оскорбленіе не должно пройти даромъ! На судъ улицы отдадимъ мы всѣхъ этихъ Фонъ-Валей, Келлеровъ и Оболенскихъ! И чѣмъ сильнѣе мы будемъ, тѣмъ строже поплатятся эти негодяи за свои подвиги. Никакая висѣлица не будетъ для нихъ слишкомъ жестокой. Всякое безобразіе заклеймимъ мы своими демонстраціями и, подготовляя возстаніе, грознымъ призракомъ встанемъ мы передъ правительствомъ. Ничто не остановитъ насъ на этомъ пути, и передъ ростомъ нашей организованности не устоитъ никакая вражеская сила. II.

Аграрная программа русской соціаль-демократіи.

I.

Врядъ-ли есть надобность подробно доказывать необходимость „аграрной программы“ для русской соціаль-демократической партіи. Подъ аграрной программой мы разумѣемъ опредѣленіе руководящихъ началъ соціаль-демократической политики въ аграрномъ вопросѣ т. е. по отношенію къ сельскому хозяйству, къ различнымъ классамъ, слоямъ, группамъ сельскаго населенія. Въ такой „крестьянской“ странѣ, какъ Россія, аграрная программа соціалистовъ естественно является главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ, „крестьянской программой“, программой, опредѣляющей отношеніе къ крестьянскому вопросу. Крупные землевладѣльцы, сельскохозяйственные наемные рабочіе и „крестьяне“ — таковы три главныя составныя части сельскаго населенія во всякой капиталистической странѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи. И насколько опредѣленно и ясно уже само собою отношеніе соціаль-демократовъ къ первымъ двумъ изъ указанныхъ трехъ составныхъ частей (землевладѣльцамъ и рабочимъ), настолько неопредѣленно самое даже понятіе „крестьянства“, а тѣмъ болѣе наша политика по отношенію къ кореннымъ вопросамъ его быта и его эволюціи. Если на Западѣ весь гвоздь аграрной программы соціаль-демократовъ составляетъ именно „крестьянскій вопросъ“, то въ Россіи это должно быть въ еще гораздо большей степени. Самое недвусмысленное опредѣленіе своей политики въ крестьянскомъ вопросѣ тѣмъ болѣе необходимо для насъ, русскихъ соціаль-демократовъ, что наше направленіе еще совсѣмъ молодо въ Россіи, что весь старый русскій соціализмъ былъ, въ послѣднемъ счетѣ, „крестьянскимъ“ соціализмомъ. Правда, у той массы русскихъ „радикаловъ“, которая мнитъ себя хранительницей наслѣдства, оставленнаго нашими соціалистами-народниками всяческихъ оттѣнковъ, соціалистическаго почти-что совсѣмъ ничего уже не осталось. Но всѣ они тѣмъ охотнѣе выдвигаютъ на первый планъ свои разногласія съ нами по „крестьянскому“ вопросу, чѣмъ пріятнѣе для нихъ затушевать тотъ фактъ, что на авансцену

общественно-политической жизни Россіи выдвинулся уже „рабочій“ вопросъ, что по этому вопросу они не имѣютъ никакихъ прочныхъ устоевъ, а девять десятыхъ изъ нихъ являются здѣсь, въ сущности, самыми дюжинными буржуазными соціалъ-реформаторами. Наконецъ, многочисленные „критики марксизма“, почти совсѣмъ слившіеся въ этомъ послѣднемъ отношеніи съ русскими радикалами (или либералами?), тоже стараются напирать именно на крестьянскій вопросъ, по которому будто-бы „ортодоксальный марксизмъ“ всего болѣе посрамленъ „новѣйшими трудами“ Бернштейновъ, Булгаковыхъ, Давидовъ, Герцевъ и даже... Черновыхъ!

Далѣе, помимо теоретическихъ недоумѣній и войны „передовыхъ“ направленій, чисто-практическіе запросы самого движенія выдвигаютъ въ послѣднее время задачу пропаганды и агитаціи въ деревнѣ. А сколько-нибудь серьезная и широкая постановка этого дѣла невозможна безъ принципіально выдержанной и политически цѣлесообразной программы. И русскіе соціаль-демократы признавали всю важность „крестьянскаго вопроса“ съ самаго уже своего появленія на свѣтъ въ качествѣ особаго направленія. Напомнимъ, что въ проектѣ программы русскихъ соціаль-демократовъ, составленномъ Группой Освобожденія Труда и изданномъ въ 1885 году, стоитъ требованіе „радикальнаго пересмотра аграрныхъ отношеній (условій выкупа и надѣленія крестьянъ землей)“.*) Въ брошюрѣ: „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“ (1892 г.) Г. В. Плехановъ тоже говорилъ о соціаль-демократической политикѣ въ крестьянскомъ вопросѣ.

Вполнѣ естественно поэтому, что и „Искра“ въ одномъ изъ первыхъ своихъ номеровъ (апрѣль 1901 г., № 3) выступила съ наброскомъ аграрной программы, опредѣляя въ статьѣ „Рабочая партія и крестьянство“ свое отношеніе къ основамъ аграрной политики русскихъ соціаль-демократовъ. Статья эта вызвала недоумѣніе у весьма многихъ русскихъ соціаль-демократовъ; мы получили рядъ замѣчаній и писемъ въ редакцію по поводу нея. Главныя возраженія вызвалъ пунктъ о возвращеніи отрѣзковъ, и мы предполагали уже открыть дискуссію въ „Зарѣ“ по этому поводу, когда появился № 10 „Раб. Дѣла“ со статьей Мартынова, разбиравшей, между прочимъ, и аграрную программу Искры. Въ виду того, что Раб. Дѣло сдѣлало сводъ многимъ изъ ходячихъ возраженій, — мы надѣемся, что наши корреспонденты не посѣтуютъ на насъ за то, что мы ограничимся *пока* отвѣтомъ одному Мартынову.

Я подчеркиваю *пока* въ виду вотъ какихъ обстоятельствъ. Статья въ Искрѣ-писана была однимъ изъ членовъ редакціи,

*) См. приложеніе къ брошюрѣ П. Б. Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціаль-демократовъ“. Женева 1898.

и остальные члены ея, будучи солидарны съ авторомъ относительно общей постановки вопроса, могли быть, разумѣется, различныхъ мнѣній относительно частностей, относительно отдѣльныхъ пунктовъ. Между тѣмъ вся наша редакціонная коллегія (т. е. и Группа Освобожденіе Труда въ томъ числѣ) была занята выработкой коллективнаго, редакціоннаго проекта программы нашей партіи. Выработка эта затянулась (отчасти вслѣдствіе разныхъ партійныхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ конспиративныхъ обстоятельствъ, отчасти вслѣдствіе необходимости особаго съѣзда для всесторонняго обсужденія программы) и закончена только въ самое послѣднее время. Покуда пунктъ насчетъ возвращенія отрѣзковъ оставался моимъ личнымъ мнѣніемъ, я не спѣшилъ защищать его, ибо для меня гораздо важнѣе была общая постановка вопроса о нашей аграрной политикѣ, чѣмъ этотъ отдѣльный пунктъ, который могъ еще быть отвергнутымъ или существенно видоизмѣненнымъ въ нашемъ общемъ проектѣ. Въ настоящее время я буду защищать уже этотъ общій проектъ. А „читателя-друга“, который не полѣнился подѣлиться съ нами критикой нашей аграрной программы, мы попросимъ теперь заняться критикой нашего общаго проекта.

II.

Приведемъ полностью „аграрную“ часть этого проекта.

„Въ цѣляхъ устраненія остатковъ стараго крѣпстного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянствѣ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, россійская соціаль-демократическая рабочая партія будетъ добиваться:

„1. Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

„2. отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

„3. возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей; конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній, а равно обложенія особымъ налогомъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

„4. учрежденія крестьянскихъ комитетовъ

„а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или — въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки, — выкупа и т. п.) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права

и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія;

„б) для устраненія остатковъ крѣпостного права, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ западномъ краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

„5. предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ."

Читатель удивится, можетъ быть, отсутствію въ „аграрной программѣ" какихъ-бы то ни было требованій въ пользу сельскихъ наемныхъ рабочихъ. Мы замѣтимъ по поводу этого, что такія требованія вошли въ предъидущій отдѣлъ программы, содержащій требованія, предъявляемыя нашей партіей „въ интересахъ охраны *рабочаго класса* отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также въ интересахъ повышенія его способности къ борьбѣ за свое освобожденіе". Подчеркнутыя нами слова объемлютъ *всѣхъ* наемныхъ рабочихъ, въ томъ числѣ и сельскихъ, и *всѣ 17 пунктовъ* этого отдѣла программы относятся *и къ сельскимъ рабочимъ*.

Это объединеніе промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ въ одинъ отдѣлъ съ оставленіемъ въ „аграрной" части программы только „крестьянскихъ" требованій имѣетъ, правда, то неудобство, что требованія въ пользу сельскихъ рабочихъ не бросаются въ глаза, не замѣтны съ перваго взгляда. При поверхностномъ ознакомленіи съ программой можетъ получиться даже совершенно неправильное представленіе, что мы намѣренно затѣняли требованія въ пользу наемныхъ сельскихъ рабочихъ. Нечего и говорить, что это представленіе было бы въ корнѣ ошибочно. Указанное же неудобство — въ сущности, чисто внѣшняго характера. Оно легко устранимо и болѣе внимательнымъ ознакомленіемъ съ программой и комментаріемъ къ ней (а наша партійная программа „пойдетъ въ народъ", разумѣется, не иначе какъ въ сопровожденіи не только печатныхъ, но и — что гораздо важнѣе — устныхъ комментаріевъ). Если какая нибудь группа захочетъ обратиться спеціально къ сельскимъ рабочимъ, — она должна будетъ только выдѣлить изъ всѣхъ требованій въ пользу рабочихъ именно тѣ, которыя наиболѣе важны для батраковъ, поденщиковъ и т. п., и изложить ихъ въ особой брошюрѣ, листкѣ или рядѣ устныхъ сообщеній.

Въ принципіальномъ отношеніи *единственно правильнымъ* редактированіемъ разбираемыхъ отдѣловъ программы является именно такое, которое бы соединяло вмѣстѣ всѣ требованія въ пользу наемныхъ рабочихъ *во всѣхъ отрасляхъ* народнаго хозяйства и строго отдѣляло въ особый отдѣлъ требованія въ пользу „крестьянъ", ибо основной критерій того, что мы можемъ и должны требовать въ первомъ и во второмъ случаѣ, *совершено не одинаковъ*. Принципіальное отличіе двухъ

разсматриваемыхъ отдѣловъ программы выражено, по проекту, во вступительныхъ словахъ къ каждому отдѣлу.

Въ пользу наемныхъ рабочихъ отъ *современнаго* общества мы требуемъ такихъ *реформъ*, которыя „ограждаютъ ихъ отъ физическаго и нравственнаго вырожденія и повышаютъ ихъ способность къ борьбѣ"; въ пользу же крестьянъ мы добиваемся такихъ *требованій*, которыя содѣйствуютъ „устраненію остатковъ стараго крѣпостного порядка и свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ". Отсюда видно, что наши требованія въ пользу крестьянъ носятъ совершенно иной характеръ, что въ рабочемъ отдѣлѣ мы стоимъ на почвѣ современнаго буржуазнаго общества, а въ „крестьянскомъ" — требуемъ введенія деревни въ такія условія жизни, какія свойственны буржуазному обществу. По отношенію къ наемнымъ рабочимъ мы беремъ на себя защиту ихъ интересовъ, *какъ класса въ современномъ обществѣ;* мы дѣлаемъ это, ибо считаемъ ихъ классовое движеніе единственнымъ *дѣйствительно* революціоннымъ движеніемъ и стремимся именно это движеніе съорганизовать, направлять и просвѣщать свѣтомъ соціалистическаго сознанія. Между тѣмъ по отношенію къ крестьянству *мы вовсе не беремъ на себя* защиты его интересовъ, *какъ класса мелкихъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ въ современномъ обществѣ.* Ничего подобнаго. „Освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самаго рабочаго класса", и потому соціаль-демократія — *непосредственно* и *всецѣло* — представляетъ интересы только одного пролетаріата, только съ его классовымъ движеніемъ стремится слиться въ одно неразрывное цѣлое. Всѣ-же остальные классы современнаго общества стоятъ за сохраненіе основъ существующаго экономическаго строя, и потому защиту интересовъ этихъ классовъ соціаль-демократія можетъ брать на себя лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ и на извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ, условіяхъ. Напр., классъ мелкихъ производителей, и мелкихъ земледѣльцевъ въ томъ числѣ, въ своей борьбѣ противъ буржуазіи является *реакціоннымъ* классомъ и потому „пытаться спасти крестьянство защитой мелкаго хозяйства и мелкой собственности отъ натиска капитализма значило бы безполезно задерживать общественное развитіе, обманывать крестьянина иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія, разъединять трудящіеся классы, создавая меньшинству привилегированное положеніе насчетъ большинства" (Искра № 3). Вотъ почему выставленіе „крестьянскихъ" требованій въ нашемъ проектѣ программы обставлено *двумя условіями.* Мы подчиняемъ законность „крестьянскихъ требованій" въ соціаль-демократической программѣ, во-первыхъ, тому условію, чтобы они вели къ устраненію остатковъ крѣпостного порядка, а во-вторыхъ, чтобы они содѣйствовали свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ.

Остановимся подробнѣе на разборѣ каждаго изъ этихъ условій, которыя были вкратцѣ очерчены уже въ № 3 Искры.

„Остатки стараго крѣпостного порядка“ страшно еще велики въ нашей деревнѣ. Это фактъ общеизвѣстный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчиненіе вооруженному розгой привилегированному землевладѣльцу, бытовая приниженность, дѣлающая крестьянина настоящимъ варваромъ, — все это не исключеніе, а правило въ русской деревнѣ и все это является, въ послѣднемъ счетѣ, прямымъ переживаніемъ крѣпостного порядка. Въ тѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ, гдѣ еще царитъ этотъ порядокъ, и поскольку онъ еще царитъ, — врагомъ его является *все крестьянство какъ цѣлое*. Противъ крѣпостничества, противъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ и служащаго имъ государства крестьянство продолжаетъ еще оставаться *классомъ*, именно классомъ не капиталистическаго, а крѣпостного общества т. е. классомъ-сословіемъ.*) И поскольку сохраняется еще въ нашей деревнѣ этотъ, свойственный крѣпостному обществу, классовый антагонизмъ „крестьянства“ и привилегированныхъ землевладѣльцевъ, *постольку* рабочая партія, несомнѣнно, должна быть на сторонѣ „крестьянства“, должна поддерживать его борьбу и *подталкивать его на борьбу* противъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества.

Мы ставимъ въ кавычки слово крестьянство, чтобы отмѣтить наличность въ этомъ случаѣ не подлежащаго никакому сомнѣнію противорѣчія: въ современномъ обществѣ крестьянство, конечно, не является уже единымъ классомъ. Но кто смущается этимъ противорѣчіемъ, тотъ забываетъ, что это — противорѣчіе не изложенія, не доктрины, а противорѣчіе самой русской жизни. Это — не сочиненное, а живое діалектическое противорѣчіе. *Поскольку* въ нашей деревнѣ крѣпостное общество вытѣсняется „современнымъ“ (буржуазнымъ) обществомъ, *постольку* крестьянство перестаетъ быть классомъ, распадаясь на сельскій пролетаріатъ и сельскую буржуазію (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крѣпостныя отношенія, — *постольку* „крестьянство“ продолжаетъ еще быть классомъ, т. е., повторяемъ, классомъ не буржуазнаго, а крѣпостного общества. Это „поскольку — постольку“ существуетъ въ дѣйствительности въ видѣ *крайне*

*) Извѣстно, что въ рабскомъ и феодальномъ обществѣ различіе классовъ фиксировалось и въ сословномъ дѣленіи населенія, сопровождалось установленіемъ особого *юридическаго* мѣста въ государствѣ для каждаго класса. Поэтому классы рабскаго и феодальнаго (а также и крѣпостного) общества были также и особыми сословіями. Напротивъ, въ капиталистическомъ, буржуазномъ обществѣ юридически всѣ граждане равноправны, сословныя дѣленія уничтожены (по крайней мѣрѣ въ принципѣ) и потому классы перестали быть сословіями. Дѣленіе общества на классы обще и феодальному и буржуазному обществамъ, но въ первыхъ двухъ существовали классы-сословія, а въ послѣднемъ классы безсословные.

сложнаго сплетенія крѣпостническихъ и буржуазныхъ отношеній въ современной русской деревнѣ. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у насъ самымъ причудливымъ образомъ. Мы подчеркиваемъ это, всѣми экономическими изслѣдованіями Россіи установленное, обстоятельство въ особенности потому, что оно по необходимости, неизбѣжно является источникомъ той сложности, запутанности, если хотите искуственности, нѣкоторыхъ нашихъ „аграрныхъ“ требованій, которая сильно поражаетъ многихъ съ перваго взгляда. Кто ограничивается въ своихъ возраженіяхъ *общимъ* недовольствомъ по поводу этой сложности и „хитрости“ предлагаемыхъ рѣшеній, тотъ забываетъ, что простого рѣшенія столь запутанныхъ вопросовъ *и быть не можетъ*. Мы обязаны бороться противъ всѣхъ остатковъ крѣпостническихъ отношеній,—это не можетъ подлежать для соціаль-демократа никакому сомнѣнію, а такъ какъ эти отношенія самымъ сложнымъ образомъ переплетаются съ буржуазными, то намъ *приходится* забраться въ самую, съ позволенія сказать, сердцевину этой путаницы, не пугаясь сложностью задачи. „Простое“ рѣшеніе ея могло бы быть *лишь одно*: отстраниться, пройти мимо, предоставить „стихійному элементу“ всю эту кашу расхлебывать. Но такая „простота“, излюбленная всѣми и всяческими, буржуазными и „экономическими“, поклонниками стихійности, недостойна соціаль-демократа. Партія пролетаріата должна не только поддерживать, но и подталкивать впередъ крестьянство въ его борьбѣ со всѣми остатками крѣпостничества, а чтобы подталкивать впередъ, недостаточно ограничиваться общимъ пожеланіемъ,—надо дать опредѣленную революціонную директиву, надо сумѣть *помочь разобраться* въ путаницѣ аграрныхъ отношеній.

III.

Чтобы читатель нагляднѣе представилъ себѣ неизбѣжность сложнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, мы попросимъ его сравнить въ этомъ отношеніи рабочій и крестьянскій отдѣлы программы. Въ первомъ изъ нихъ всѣ рѣшенія чрезвычайно просты, понятны даже совсѣмъ мало посвященному и совсѣмъ мало думавшему человѣку, „естественны“, близки, легко осуществимы. Во второмъ, наоборотъ, большинство рѣшеній чрезрычайно сложны, „непонятны“ съ перваго взгляда, искуственны, маловѣроятны, трудно осуществимы. Чѣмъ объяснить это разлнчіе? Не тѣмъ-ли, что составители программы въ первомъ случаѣ трезвенно и дѣловито размышляли, а во второмъ сбились и запутались, впали въ романтизмъ и фразеологію? Такое объясненіе, надо правду сказать, было бы чрезвычайно „просто“, дѣтски-просто, и мы не удивляемся, что Мартыновъ за него ухватился.

Онъ не подумалъ, что практическое рѣшеніе мелкихъ рабочихъ вопросовъ облегчено и упрощено до послѣдней степени самимъ экономическимъ развитіемъ. Общественно-экономическія отношенія въ области крупнаго капиталистическаго производства стали (и все болѣе становятся) до такой степени прозрачными, ясными, упрощенными, что ближайшіе шаги впередъ намѣчаются сами собой, напрашиваются сразу и съ перваго взгляда. Наоборотъ, вытѣсненіе крѣпостничества капитализмомъ въ деревнѣ до такой степени запутало и усложнило общественно-экономическія отношенія, что надъ рѣшеніемъ ближайшихъ практическихъ вопросовъ (въ духѣ революціонной соціаль-демократіи) надо очень подумать, и „простого“ рѣшенія — можно заранѣе съ полной увѣренностью сказать — выдумать не удастся.

Кстати. Разъ уже мы начали сравнивать рабочій и крестьянскій отдѣлы программы, то отмѣтимъ еще одно принципіальное различіе между ними. Коротко говоря, это различіе можно бы формулировать слѣдующимъ образомъ: въ рабочемъ отдѣлѣ мы не вправѣ выходить за предѣлы соціально-реформаторскихъ требованій, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы не должны останавливаться и передъ соціально-революціонными требованіями. Или иначе: въ рабочемъ отдѣлѣ мы безусловно ограничены рамками программы минимуму, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы можемъ и должны дать программу-максимумъ.*) Объяснимся.

Въ обоихъ отдѣлахъ мы излагаемъ не нашу конечную цѣль, а наши ближайшія требованія. Въ обоихъ мы должны поэтому оставаться на почвѣ современнаго (= буржуазнаго) общества. Въ этомъ состоитъ сходство обоихъ отдѣловъ. Но ихъ коренное отличіе состоитъ въ томъ, что рабочій отдѣлъ содержитъ требованія, направленныя противъ *буржуазіи*, а крестьянскій — требованія, направленныя противъ *крѣпостниковъ-помѣщиковъ* (противъ феодаловъ, сказалъ бы я, еслибы вопросъ о примѣнимости этого термина къ нашему помѣстному дворянству не былъ такимъ спорнымъ вопросомъ.**) Въ рабочемъ отдѣлѣ мы должны ограничиться *частными* улучшеніями даннаго, буржуазнаго, порядка. Въ крестьянскомъ — мы должны стремиться къ *полному* очищенію этого даннаго порядка отъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества. Въ рабочемъ отдѣлѣ мы не можемъ ставить такихъ требованій,

---

*) То возраженіе, что требованіе вернуть отрѣзки далеко не есть еще максимумъ нашихъ ближайшихъ требованій въ пользу крестьянства (resp., нашихъ аграрныхъ требованій вообще) и что оно поэтому не послѣдовательно, будетъ разобрано ниже.

**) Я лично склоненъ рѣшать этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, но въ данномъ случаѣ, разумѣется, не мѣсто и не время обосновывать и даже выдвигать это рѣшеніе, ибо рѣчь идетъ теперь о защитѣ коллективнаго, общередакціоннаго проекта аграрной программы.

значеніе которыхъ было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство буржуазіи: когда мы достигнемъ этой нашей конечной цѣли, достаточно подчеркнутой въ другомъ мѣстѣ программы и „ни на минуту“ не упускаемой нами изъ виду при борьбѣ за ближайшія требованія, тогда мы, партія пролетаріата, не ограничимся уже вопросами о какой нибудь отвѣтственности предпринимателей или о какихъ-нибудь фабричныхъ квартирахъ, а возьмемъ въ свои руки *все* завѣдываніе и распоряженіе всѣмъ общественнымъ производствомъ, а, слѣдовательно, и распредѣленіемъ. Наоборотъ, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы можемъ и должны выставить такія требованія, значеніе которыхъ было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство крѣпостниковъ-помѣщиковъ, чтобы совершенно очистить нашу деревню отъ всѣхъ слѣдовъ крѣпостничества. Въ рабочемъ отдѣлѣ ближайшихъ требованій мы не можемъ ставить соціально-революціонныхъ требованій, ибо соціальная революція, ниспровергающая господство буржуазіи, есть уже революція пролетаріата, осуществляющая нашу *конечную* цѣль. Въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы ставимъ и соціально-революціонныя требованія, ибо соціальная революція, ниспровергающая господство крѣпостниковъ-помѣщиковъ (т. е. такая же соціальная революція буржуазіи, каковой была великая французская революція), возможна и на базисѣ даннаго, буржуазнаго порядка. Въ рабочемъ отдѣлѣ мы остаемся (пока и условно, съ своими самостоятельными видами и намѣреніями, но все же таки остаемся) на почвѣ соціальной реформы, ибо мы требуемъ здѣсь только того, что буржуазія можетъ (въ принципѣ) отдать намъ, не теряя еще своего господства (и что поэтому напередъ совѣтуютъ ей благоразумно и честь-честью отдать гг. Зомбарты, Булгаковы, Струве, Прокоповичи и Ко.). Въ крестьянскомъ же отдѣлѣ мы должны, *въ отличіе отъ соціалъ-реформаторовъ*, требовать и того, что никогда намъ (имъ крестьянамъ) не дадутъ и не могутъ дать крѣпостники-помѣщики, — требовать и того, что въ состояніи только силою взять себѣ революціонное движеніе крестьянства.

IV.

Вотъ почему недостаточенъ и негоденъ тотъ „простой“ критерій „осуществимости“, посредствомъ котораго Мартыновъ такъ „легко“ „разносилъ“ нашу аграрную программу. Этотъ критерій непосредственной и ближайшей „осуществимости“ приложимъ вообще только къ завѣдомо реформаторскимъ отдѣламъ и пунктамъ нашей программы, отнюдь не къ программѣ революціонной партіи вообще. Другими словами, этотъ критерій приложимъ къ нашей программѣ только въ видѣ исключенія, отнюдь не въ видѣ общаго правила. Наша программа должна быть осуществима только въ томъ широ-

комъ, философскомъ смыслѣ этого слова, чтобы ни единая буква ея не противорѣчила направленію всей общественно-экономической эволюціи. А разъ мы вѣрно опредѣлили (въ общемъ и въ частностяхъ) это направленіе, мы должны — во имя своихъ революціонныхъ принциповъ и своего революціоннаго долга должны — бороться *всѣми силами* всегда и непремѣнно за *максимумъ* нашихъ требованій. Остановить же себя, до окончанія исхода борьбы, во время самаго хода борьбы, тѣмъ соображеніемъ, что *всего* максимума мы, пожалуй, и не добьемся, — значитъ впадать въ чистѣйшее филистерство. Соображенія подобнаго рода всегда ведутъ къ оппортунизму, хотя бы даже этого и не желали виновники такихъ соображеній.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не филистерствомъ является разсужденіе Мартынова, усмотрѣвшаго въ аграрной программѣ Искры „романтизмъ“ — „потому что *пріобщеніе крестьянской массы къ нашему движенію* при настоящихъ условіяхъ *является весьма проблематичнымъ*“ (Р. Д. № 10, с. 58, курсивъ мой)? Это — хорошій образчикъ тѣхъ очень „благовидныхъ“ и очень дешевыхъ разсужденій, посредствомъ которыхъ русскій соціалъ-демократизмъ упрощался до экономизма. А вникните хорошенько въ это „благовидное“ разсужденіе, — и оно окажется мыльнымъ пузыремъ. „Наше движеніе“ есть соціалъ-демократическое рабочее движеніе. Къ нему „пріобщиться“ крестьянская *масса* прямо таки не можетъ: это не проблематично, а *невозможно*, и объ этомъ никогда и рѣчи не было. А къ „движенію“ противъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества (и противъ самодержавія въ томъ числѣ) крестьянская масса *не можетъ не пріобщиться*. Мартыновъ запуталъ дѣло посредствомъ выраженія „наше движеніе“, не вдумавшись въ различный по существу характеръ движенія противъ буржуазіи и противъ крѣпостничества.*)

*) Что Мартыновъ недостаточно вдумался въ разбираемый имъ вопросъ, видно также изъ слѣдующей фразы его статьи: „Въ виду того, что аграрная часть нашей программы *еще очень долго будетъ имѣть сравнительно малое практическое значеніе*, она открываетъ широкое поприще для революціонной фразеологіи“ Подчеркнутыя слова содержатъ именно ту путаницу, на которую указано въ текстѣ. Мартыновъ слыхалъ, что на западѣ съ аграрной программой выступаютъ лишь при очень развитомъ рабочемъ движеніи. У насъ это движеніе только начинается. Слѣдовательно—„еще очень долго“!—спѣшитъ умозаключить нашъ публицистъ. Онъ не замѣтилъ мелочи: на Западѣ аграрныя программы пишутся для привлеченія *полу крестьянъ, полу-рабочихъ* къ *соціалъ*-демократическому движенію противъ *буржуазіи*, у насъ — для привлеченія крестьянской *массы* къ *демократическому* движенію противъ *остатковъ крѣпостничества*. Поэтому на Западѣ аграрная программа будетъ пріобрѣтать тѣмъ *большее* значеніе, чѣмъ дальше идетъ развитіе сельскохозяйственнаго капитализма. Наша же аграрная программа, въ преобладающей части ея требованій будетъ, наоборотъ, имѣть тѣмъ *меньшее* практическое значеніе, чѣмъ *дальше* идетъ развитіе сельскохозяйственнаго капитализма, — ибо остатки крѣпостного права, противъ которыхъ эта программа направлена,

Проблематичнымъ можно назвать отнюдь не пріобщеніе крестьянской массы къ движенію противъ остатковъ крѣпостничества, а только развѣ *степень* этого пріобщенія: крѣпостническія отношенія въ деревнѣ страшно переплетены съ буржуазными, а въ качествѣ класса буржуазнаго общества крестьяне (мелкіе земледѣльцы) являются гораздо болѣе консервативнымъ, чѣмъ революціоннымъ элементомъ (особенно въ виду того, что буржуазная эволюція сельско-хозяйственныхъ отношеній находится у насъ только еще въ началѣ). Поэтому правительству въ эпоху политическихъ преобразованій гораздо легче будетъ раздѣить крестьянъ (чѣмъ, напр., рабочихъ), гораздо легче будетъ ослабить(или даже, въ худшемъ случаѣ, парализовать) ихъ революціонность посредствомъ мелкихъ и неважныхъ уступокъ небольшому сравнительно числу мелкихъ собственниковъ.

Все это такъ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Чѣмъ легче правительству спѣться съ консервативными элементами крестьянства, тѣмъ больше усилій и тѣмъ скорѣе должны мы направить на то, чтобы спѣться съ его революціонными элементами. Нашъ долгъ — опредѣлить, съ возможной степенью научной точности, въ какомъ именно *направленіи* должны мы поддерживать эти элементы, а затѣмъ *подталкивать* ихъ на рѣшительную и безусловную борьбу со всѣми остатками крѣпостничества, подталкивать всегда и при всякихъ обстоятельствахъ, всѣми доступными средствами. И развѣ не филистерской является попытка напередъ „предписать“ *степень удачи* нашего подталкиванія? Да тамъ уже потомъ жизнь это рѣшитъ и исторія это запишетъ, а наше дѣло теперь во всякомъ случаѣ бороться и бороться до конца. Развѣ смѣетъ солдатъ, который уже двинулся въ аттаку, разсуждать о томъ, что мы можетъ быть, не весь непріятельскій корпусъ, а три пятыхъ его уничтожимъ? Развѣ не является „проблематичнымъ“, въ Мартыновскомъ смыслѣ, и такое, напр., требованіе какъ требованіе *республики?* Да правительству еще легче будетъ отдѣлаться частичкой платежа по *этому* векселю, чѣмъ по векселю крестьянскихъ требованій уничтожить всѣ слѣды крѣпостничества. Но намъ-то какое до этого дѣло? Частичку платежа мы, конечно, положимъ себѣ въ карманъ, нисколько не прекращая тѣмъ не менѣе отчаянной борьбы за *весь* платежъ. Намъ нужно шире распространять идею, что только въ республикѣ можетъ произойти

вымираютъ и сами собой и подъ вліяніемъ политики правительства. Наша аграрная программа разсчитана поэтому практически главнымъ образомъ на непосредственно-ближайшее будущее, на періодъ *до* паденія самодержавія. Политическій переворотъ въ Россіи во всякомъ случаѣ и неизбѣжно поведетъ за собою такія коренныя преобразованія отсталыхъ нашихъ аграрныхъ порядковъ, что намъ тогда непремѣнно придется пересмотрѣть нашу аграрную программу.

рѣшительная битва между пролетаріатомъ и буржуазіей, намъ нужно *создать**) и упрочить республиканскую традицію среди всѣхъ русскихъ революціонеровъ и среди возможно болѣе широкихъ массъ рабочихъ, намъ нужно выразить этимъ лозунгомъ: „республика“, что въ борьбѣ за демократизацію государственнаго строя мы пойдемъ до конца, безъ оглядки назадъ, — а тамъ уже сама борьба рѣшитъ, какую часть этого платежа, когда именно и какъ именно удастся намъ отвоевать. Глупо было бы пытаться учесть эту часть, раньше чѣмъ мы не дали врагу почувствовать всей силы нашихъ ударовъ и не испытали на себѣ всей силы его ударовъ. Такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло — опредѣлить, на основаніи научныхъ данныхъ — *максимумъ* этихъ требованій и помочь товарищамъ бороться за этотъ максимумъ, а тамъ уже пускай смѣются надъ его „проблематичностью“ трезвенные легальные критики и влюбленные въ осязательность результатовъ нелегальные „хвостисты“!**)

*) Мы говоримъ: „создать“, ибо старые русскіе революціонеры никогда не обращали серьезнаго вниманія на вопросъ о республикѣ, никогда не считали его „практическимъ“ вопросомъ, — народники, бунтари и пр. потому, что съ пренебреженіемъ анархистовъ относились къ политикѣ, народовольцы потому, что хотѣли прыгнуть прямо отъ самодержавія къ соціалистической революціи. На нашу долю (если не говорить о давно забытыхъ республиканскихъ идеяхъ декабристовъ), на долю соціаль-демократовъ выпало распространить требованіе республики въ массѣ и создать республиканскую традицію среди русскихъ революціонеровъ.

**) Можетъ быть, небезполезно будетъ напомнить, къ вопросу объ „осуществимости“ требованій соціаль-демократической программы, полемику К. Каутскаго противъ Р. Люксембургъ въ 1896 году. Р. Люксембургъ писала, что требованіе возстановленія Польши неумѣстно въ практической программѣ польскихъ соціальдемократовъ, ибо это требованіе неосуществимо въ современномъ обществѣ. К. Каутскій возражалъ ей, говоря, что этотъ доводъ „основанъ на странномъ непониманіи сущности соціалистической программы. Наши практическія требованія, выражены-ли они прямо въ программѣ или представляютъ изъ себя молчаливо принимаемые „постулаты“ должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы*-ли они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы*-ли они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно-ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата, дать толчекъ ея развитію, и расчистить пролетаріату путь къ политическому господству. Съ даннымъ же соотношеніемъ силъ мы при этомъ нисколько не считаемся. Соціаль-демократическая программа пишется не для даннаго момента, — она должна по возможности дать директиву при всѣхъ и всяческихъ конъюнктурахъ въ современномъ обществѣ. Она должна служить не только практическому дѣйствію, но и пропагандѣ, она должна въ формѣ конкретныхъ требованій указать съ большей наглядностью, чѣмъ это могутъ сдѣлать абстрактныя разсужденія, то направленіе, въ которомъ мы хотимъ идти впередъ. Чѣмъ болѣе отдаленныя практическія цѣли можемъ мы при этомъ себѣ ставить, не теряясь въ утопическихъ спекуляціяхъ, — тѣмъ лучше. Тѣмъ яснѣе будетъ для массъ — даже и для тѣхъ массъ, которыя не въ состояніи понять наши теоротическія разсужденія, — то направленіе, которому мы слѣдуемъ. Программа должна показать, чего мы *требуемъ* отъ современнаго общества или современнаго государства, а не то, чего мы *ожидаемъ* отъ него. Возьмемъ,

V

Переходимъ къ второму общему положенію, опредѣляющему характеръ всѣхъ нашихъ крестьянскихъ требованій и выраженному въ словахъ: „*въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ*“

Эти слова чрезвычайно важны и для принципіальной постановки аграрнаго вопроса вообще и для оцѣнки отдѣльныхъ аграрныхъ требованій въ частности. Требованіе уничтожить остатки крѣпостного порядка обще намъ со всѣми послѣдовательными либералами, народниками, соціальреформаторами, критиками марксизма въ аграрномъ вопросѣ и т. д. и т. д. Отъ всѣхъ этихъ господъ мы, выставляя такое требованіе, отличаемся не принципіально, а только по степени они и въ этомъ пунктѣ неизбѣжно останутся всегда въ предѣлахъ реформы, мы же не остановимся (въ указанномъ выше смыслѣ) и предъ соціально-революціонными требованіями. Наоборотъ, требуя обезпечить „свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ“, мы становимся въ *принципіальное* противорѣчіе ко всѣмъ этимъ господамъ и *даже* ко всѣмъ революціонерамъ и соціалистамъ *не*-соціаль-демократамъ. Эти послѣдніе тоже не остановятся передъ соціально-революціонными требованіями въ аграрномъ вопросѣ, но они не захотятъ подчинить этихъ требованій такому условію, какъ свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ. Это условіе — основной и центральный пункъ теоріи революціоннаго марксизма въ области аграрнаго вопроса.*) Признать это условіе — значитъ признать, что и эволюція сельскаго хозяйства, несмотря на всю ея запутанность и сложность, несмотря на все разнообразіе ея видовъ, есть тоже капиталистическая эволюція, что она порождаетъ тоже (какъ и эволюція промышленности) классовую борьбу пролетаріата съ

напр., программу нѣмецкой соціаль-демократіи. Она требуетъ выбора чиновниковъ народомъ. Это требованіе, если мѣрить его по масштабу Р Люксембургъ, такъ же утопично, такъ и требованіе создать польское національное государство. Никто не впадетъ въ такую иллюзію, чтобы считать осуществимымъ при современныхъ политическихъ соотношеніяхъ, требованіе выбирать государственныхъ чиновниковъ въ Германской Имперіи. Съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ можно признать, что польское національное государство осуществимо лишь по завоеваніи пролетаріатомъ политической власти, — съ такимъ же правомъможно это утверждать и о данномъ требованіи. Но развѣ это достаточное основаніе, чтобы не принимать его въ нашу практическую программу?“ (N. Z. XIV 2, S. 513 u. 514. Курсивъ К. Каутскаго.)

*) Въ сущности, къ непониманію именно этого пункта сводятся всѣ заблужденія и блужданія „критиковъ“ марксизма въ аграрномъ вопросѣ, и самый смѣлый, самый послѣдовательный (а постольку и самый честный) изъ нихъ, г. Булгаковъ, прямо заявляетъ въ своемъ „изслѣдованіи“, что „здѣсь (въ деревнѣ) есть индивидуальная эксплуатація, но нѣтъ мѣста классовой борьбѣ, какъ общественному явленію“ („Капитализмъ и земледѣліе“, т. II, стр. 289).

буржуазіей, что именно *эта* классовая борьба должна быть нашей первой и коренной заботой, должна быть тѣмъ осѐлтомъ, на которомъ мы будемъ испытывать и принципіальные вопросы и политическія задачи и пріемы пропаганды, агитаціи и организаціи. Признать это условіе — значитъ обязаться и въ особенно большомъ вопросѣ объ участіи мелкаго крестьянства въ соціаль-демократическомъ движеніи стоять на неуклонно классовой точкѣ зрѣнія, не поступаться ни въ чемъ точкой зрѣнія пролетаріата въ пользу интересовъ мелкой буржуазіи а, наоборотъ, прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы мелкій крестьянинъ, разоряемый и угнетаемый всѣмъ современнымъ капитализмомъ, покинулъ *свою* классовую точку зрѣнія и всталъ на точку зрѣнія пролетаріата.

Выставляя это условіе, мы тѣмъ самымъ рѣшительно и безповоротно отгородимъ себя не только отъ *своихъ враговъ* (т. е. прямыхъ или косвенныхъ, сознательныхъ или безсознательныхъ сторонниковъ буржуазіи, являющихся нашими временными и частичными союзниками въ борьбѣ противъ остатковъ крѣпостного строя), но и отъ тѣхъ *ненадежныхъ друзей*, которые своей половинчатой постановкой аграрнаго вопроса способны принести (и приносятъ на дѣлѣ) много вреда революціонному движенію пролетаріата.

Выставляя это условіе, мы проводимъ этимъ руководящую нить, держась которой соціальдемократъ, даже заброшенный въ любое деревенское захолустье, даже поставленный лицомъ къ лицу передъ наиболѣе запутанными аграрными отношеніями, выдвигающими на первый планъ *общедемократическія* задачи, можетъ провести и подчеркнуть, при рѣшеніи этихъ задачъ, свою пролетарскую точку зрѣнія, — точно такъ же, какъ мы остаемся соціаль-демократами и при рѣшеніи *общедемократическихъ* политическихъ задачъ.

Выставляя это условіе, мы тѣмъ самымъ отвѣчаемъ на то возраженіе, которое является у многихъ послѣ бѣглаго ознакомленія съ конкретными требованіями нашей аграрной программы... „Вернуть выкупные платежи и отрѣзки *сельскимъ обществамъ!?*“ — да гдѣ же тутъ наша пролетарская особность и наша пролетарская самостоятельность? да развѣ не будетъ это, въ сущности, подаркомъ сельской буржуазіи?? —

Конечно, да — но въ томъ только смыслѣ, въ какомъ и самое паденіе крѣпостного права было „подаркомъ буржуазіи“ т. е. освобожденіемъ отъ крѣпостническихъ путъ и стѣсненій именно буржуазнаго, а не какого-либо иного развитія. Пролетаріатъ именно тѣмъ и отличается отъ другихъ угнетенныхъ буржуазіей и противостоящихъ ей классовъ, что онъ возлагаетъ свои надежды не на задержку буржуазнаго развитія, не на притупленіе или смягченіе классовой борьбы, а напротивъ на наиболѣе полное и свободное развитіе

ея, на ускореніе буржуазнаго прогресса.*) Въ развивающемся капиталистическомъ обществѣ *нельзя* уничтожить остатки стѣсняющаго его развитіе крѣпостничества такимъ образомъ, чтобы не усилить и не упрочить этимъ буржуазіи. „Смущаться" этимъ значитъ повторять ошибку тѣхъ соціалистовъ, которые говорятъ, что политическая свобода намъ ни къ чему, ибо она усилитъ и упрочитъ господство буржуазіи.

VI.

Разсмотрѣвъ „общую часть" нашей аграрной программы, перейдемъ къ разбору отдѣльныхъ ея требованій. Мы позволимъ себѣ при этомъ начать не съ перваго, а съ четвертаго пункта (объ отрѣзкахъ), ибо именно онъ является наиболѣе важнымъ, центральнымъ, придающимъ особый характеръ аграрной программѣ пунктомъ и въ то же время наиболѣе уязвимымъ (по крайней мѣрѣ, по мнѣнію большинства высказавшихся о статьѣ въ № 3 Искры). Напомнимъ, что содержаніе этого пункта слагается изъ слѣдующихъ составныхъ частей: 1. Онъ требуетъ учрежденія крестьянскихъ комитетовъ съ полномочіемъ заново урегулировать тѣ аграрныя отношенія, которыя являются прямымъ пережитомъ крѣпостничества. Выраженіе: *„крестьянскіе* комитеты" выбрано для яснаго указанія на то, что—въ противоположность „реформъ" 1861-го года съ ея дворянскими комитетами — новое регулированіе должно находиться въ рукахъ крестьянъ, а не въ рукахъ помѣщиковъ. Иначе говоря: окончательная ликвидація крѣпостническихъ отношеній предоставляется не угнетателямъ, а угнетенной этими отношеніями части населенія, предоставляется не меньшинству, а большинству заинтересованныхъ лицъ. Въ сущности, это есть не что иное, какъ *демократическій пересмотръ крестьянской реформы* (т. е. именно то, чего требовалъ первый проектъ программы, составленный Группой Освобожденія Труда). И если мы не выбрали этого послѣдняго выраженія, то лишь потому, что оно менѣе опредѣленно, что оно менѣе выразительно указываетъ истинный характеръ и конкретное содержаніе этого пересмотра.**)

*) Разумѣется, не всякія мѣры, ускоряющія буржуазный прогрессъ, *защищаетъ* и пролетаріатъ, а только тѣ изъ нихъ, которые *непосредственно* вліяютъ на усиленіе способности рабочаго класса къ борьбѣ за его освобожденіе. А „отработки" и кабала падаютъ на неимущую и близкую къ пролетаріату часть крестьянства еще гораздо сильнѣе, чѣмъ на зажиточную.

**) Отмѣтимъ непослѣдовательность (или недомолвку?) Надеждина, который въ своемъ наброскѣ аграрной программы воспринялъ, видимо, идею „Искры" насчетъ крестьянскихъ комитетовъ, но формулировалъ эту идею крайне неудачно, сказавъ: „созданіе особаго суда изъ народныхъ представителей для разбора крестьянскихъ *жалобъ* и заявленій относительно всѣхъ тѣхъ операцій, которыя сопровождали „освобожденіе" („Канунъ революціи", стр. 55, курсивъ мой). *Жаловаться* можно только на *нарушеніе* закона. „Освобожденіе" 19 февраля со всѣми его „операціями" само является

Далѣе, 2. крестьянскимъ комитетамъ дается право экспропріировать и выкупать помѣщичью землю, производить обмѣнъ земли и проч. (п. 4, б), причемъ (3), право экспропріаціи и выкупа дается именно по отношенію къ тѣмъ землямъ, которыя „отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права“ (эти земли искони служили, слѣд., необходимой принадлежностью крестьянскаго хозяйства, входили какъ часть въ цѣлое этого хозяйства и были искусственно отъ него отняты тѣмъ узаконеннымъ грабежемъ, каковымъ была великая крестьянская реформа), — и, „служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія“

Наконецъ, 4. пунктъ 4, б, предоставляетъ крестьянскимъ комитетамъ полномочіе устранять остатки крѣпостного права, уцѣлѣвшіе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ государства (сервитуты, незаконченные выдѣлы земли и размежеванія и проч. и т. п.).

Такимъ образомъ все содержаніе 4-го пункта можно, простоты ради, выразить въ двухъ словахъ: „вернуть отрѣзки“. Спрашивается, какъ возникла идея такого требованія? Какъ прямой выводъ изъ того общаго и основного положенія, что мы должны помочь крестьянамъ и подтолкнуть крестьянъ на возможно полное уничтоженіе всѣхъ остатковъ крѣпостничества. Съ этимъ „всѣ согласны“, неправда-ли? Ну, а если согласны встать на эту дорогу, такъ потрудитесь уже самостоятельно двигаться по ней впередъ, не заставляйте тащить васъ, не робѣйте по поводу „необычнаго“ вида этой дороги, не смущайтесь тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ вы и вовсе никакой проторенной дороги не найдете, а должны будете и по краю обрыва проползти и черезъ чащу пробираться и черезъ ямы перескочить. Не жалуйтесь на бездрожье: эти жалобы будутъ безполезнымъ нытьемъ, ибо вы напередъ должны были знать, что становитесь не на столбовую дорогу, выпрямленную и выровненную всѣми силами общественнаго прогресса, а на тропинки закоулковъ и захолустій, изъ которыхъ выходъ есть, но прямого, простого и легкаго выхода ни вы, ни мы, ни другой кто никогда не отыщетъ, — „никогда“ т. е. до тѣхъ поръ, пока будутъ еще существовать эти отмирающія, и мучительно-долго отмирающія, захолустья и закоулки.

законовъ. Созданіе особыхъ судовъ для разбора жалобъ на неправильность извѣстнаго закона не имѣетъ никакого смысла, пока не отмѣненъ этотъ законъ, пока не даны въ замѣну (или въ частичную отмѣну) его новыя законодательныя нормы. Надо дать „суду“ не только право принимать „жалобу“ на отрѣзку выпаса, но и право вернуть (евр. выкупить и т. п.) этотъ выпасъ, — а тогда, во-первыхъ, „судъ“ съ полномочіемъ творить законъ уже не будетъ судомъ, а, во-вторыхъ, надо точно указать, какія именно права экспропріаціи, выкупа и т. п имѣетъ такой „судъ“. Но, какъ ни неудачна формулировка Надеждина, а необходимость демократическаго пересмотра крестьянской реформы понялъ онъ гораздо вѣрнѣе Мартынова.

А не хотите соваться въ эти закоулки, — такъ говорите прямо, что не хочу, и не отдѣлывайтесь фразами.*)

Вы согласны бороться за уничтоженіе остатковъ крѣпостничества? — Хорошо. Такъ помните же, что никакого единаго юридическаго учрежденія, которое бы выражало или обусловливало эти остатки, *не существуетъ* — я говорю, конечно, объ остаткахъ крѣпостничества исключительно въ области занимающихъ насъ теперь аграрныхъ отношеній, а не въ области законодательства сословнаго, финансоваго и проч. Прямыя переживанія барщиннаго хозяйства, безчисленное множество разъ констатированныя всѣми экономическими изслѣдованіями Россіи, держатся не какимъ-либо, особо ихъ ограждающимъ, закономъ, а силой фактически существующихъ поземельныхъ отношеній. Это до такой степени такъ, что въ 70-хъ годахъ знающіе люди прямо говорили: крѣпостное право возродилось бы, несомнѣнно снова, если бы оно не было запрещено прямымъ закономъ. Значитъ, одно изъ двухъ: либо не касаться вовсе поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, — тогда всѣ остальные вопросы рѣшаются очень „просто“, но тогда вы не коснетесь и главнаго источника всякихъ переживаній крѣпостного хозяйства въ деревнѣ, тогда вы „просто“ отстранитесь отъ очень жгучаго вопроса, затрогивающаго самые глубокіе интересы крѣпостниковъ и закабаленнаго крестьянства, отъ вопроса, который можетъ завтра или послѣ-завтра стать однимъ изъ самыхъ злободневныхъ соціально-политическихъ вопросовъ Россіи. Либо вы хотите коснуться и того источника „отсталыхъ формъ экономической кабалы“, какими являются поземельныя отношенія, — и тогда вы должны считаться съ такой сложностью и запутанностью этихъ отношеній, которая легкаго и прямого рѣшенія прямо-таки не допускаетъ. Тогда вы, будучи недовольны предложеннымъ нами конкретнымъ рѣшеніемъ запутаннаго вопроса, *не вправѣ* уже отдѣлываться общей „жалобой“ на запутанность, а *должны* сдѣлать попытку самосто-

*) Напр., Мартыновъ обвиняетъ въ „фразеологіи“ Искру, которая дала ему и общія основанія своей аграрной политики („внесеніе классовой борьбы въ деревню“) и практическое рѣшеніе вопроса о конкретныхъ программныхъ требованіяхъ. Не замѣнивъ этихъ общихъ основаній никакими другими, не попытавшись поработать надъ составленіемъ опредѣленной программы, Мартыновъ отдѣлался слѣдующей фразой: ...„Мы должны требовать огражденія ихъ (крестьянъ, какъ мелкихъ собственниковъ).. отъ разныхъ отсталыхъ формъ экономической кабалы“. Не дешевенько-ли будетъ? Не попробовали-ли бы вы указать намъ прямо *хоть на одно* огражденіе, *хоть отъ одной* (а не отъ „разныхъ“!) отсталой формы кабалы? (вѣроятно, есть еще и неотсталой „формы кабалы“!!). А то вѣдь и мелкій кредитъ и сборныя молочныя, и ссудосберегательныя товарищества, и союзы мелкихъ хозяйчиковъ, и крестьянскій банкъ, и земскіе агрономы, все вѣдь это есть тоже „огражденіе отъ разныхъ формъ отсталой экономической кабалы“. Значитъ, вы полагаете, что всего этого „мы должны требовать“??

ятельно разобраться въ немъ, предложить другое конкретное рѣшеніе.

Какое значеніе имѣютъ отрѣзки въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, — это вопросъ факта. И знаменательно, что, какъ ни глубока пропасть между народничествомъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и марксизмомъ въ оцѣнкѣ экономическихъ порядковъ и экономической эволюціи Россіи, — по *данному* вопросу между этими доктринами нѣтъ расхожденія. Представители обоихъ направленій согласны въ томъ, что въ русской деревнѣ тьма остатковъ крѣпостничества и (нота-бене) что господствующій въ центральныхъ губерніяхъ Россіи способъ частновладѣльческаго хозяйства („отработочная система хозяйства") есть прямое переживаніе крѣпостничества. Согласны они, далѣе, и въ томъ, что отрѣзки крестьянскихъ земель въ пользу помѣщиковъ — т. е. и отрѣзки въ прямомъ, непосредственномъ смыслѣ, и лишеніе крестьянъ права выпаса, пользованія лѣсомъ, водопоемъ, выгономъ и проч. и т. п. — являются однимъ изъ главнѣйшихъ *(если не главнѣйшимъ)* базисомъ отработочной системы. Достаточно напомнить, что по новѣйшимъ даннымъ отработочная система помѣщичьяго хозяйства считается *преобладающей не менѣе какъ въ 17 губерніяхъ Евр. Россіи.* Пусть попробуютъ оспорить этотъ фактъ тѣ, кто видитъ въ пунктѣ объ отрѣзкахъ чистоискусственную, „вымученную" хитрую выдумку!

Отработочная система хозяйства означаетъ вотъ что. Фактически т. е. не по праву владѣнія, а по хозяйственному пользованію, земли и угодья помѣщиковъ и крестьянъ не раздѣлены окончательно, а продолжаютъ оставаться слитыми: часть крестьянской земли служитъ, напр., для содержанія скота, необходимаго для обработки не крестьянской, а помѣщичьей земли; часть помѣщичьей земли безусловно необходима для сосѣдняго крестьянскаго хозяйства въ данной его системѣ (водопой, выгоны и т. п.). И это фактическое сплетеніе землепользованія *неизбѣжно* порождаетъ (вѣрнѣе: сохраняетъ порожденныя тысячелѣтней исторіей) такія же отношенія мужика къ барину, какія были и при крѣпостномъ правѣ. Мужикъ de facto остается крѣпостнымъ, работая по прежнему своимъ исконнымъ инвентаремъ, по исконной рутинѣ 3-хпольнаго хозяйства, на исконнаго своего „государя-вотчинника" Чего же уже вамъ больше надо, когда сами крестьяне называютъ эти отработки сплошь да рядомъ паньщинной и „барщиной"? — когда сами помѣщики, описывая свое хозяйство, говорятъ: обрабатываютъ мнѣ землю „мои бывшіе" (значитъ, не только бывшіе, но и настоящіе!) „крестьяне" своимъ инвентаремъ за снимаемый ими у меня выпасъ?

Когда рѣшается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономическій вопросъ, то азбучное правило требуетъ, чтобы сначала былъ взятъ самый типичный, наиболѣе

свободный отъ всякихъ посторонникъ, усложняющихъ вліяній и обстоятельствъ, случай и уже затѣмъ отъ его рѣшенія чтобы восходили далѣе, принимая одно за другимъ во вниманіе эти постороннія и усложняющія обстоятельства. Возьмите же и тутъ наиболѣе „типичный“ случай: дѣти бывшихъ крѣпостныхъ работаютъ на сыновей бывшаго барина за снимаемый у него выпасъ. Отработки обусловливаютъ собой застой техники и застой *всѣхъ* общественно-экономическихъ отношеній въ деревнѣ, ибо эти отработки препятствуютъ развитію денежнаго хозяйства и разложенію крестьянства, избавляютъ (сравнительно) помѣщика отъ подтягивающаго вліянія конкурренціи (вмѣсто повышенія техники онъ понижаетъ долю испольщика: кстати, это пониженіе констатировано въ цѣломъ рядѣ мѣстностей за многіе годы пореформеннаго періода), прикрѣпляютъ крестьянина къ землѣ, задерживаютъ тѣмъ развитіе переселеній и отхожихъ промысловъ и т. д.

Спрашивается, усомнится-ли какой-нибудь соціаль-демократъ, что въ этомъ „чистомъ“ случаѣ вполнѣ естественна, желательна и осуществима экспропріація соотвѣтствующей части помѣщичьей земли въ пользу крестьянъ? Эта экспропріація встряхнетъ Обломова и заставитъ его перейти на болѣе маломъ количествѣ своей земли къ болѣе усовершенствованному хозяйству, эта экспропріація подорветъ (не скажу уничтожитъ, а именно подорветъ) отработочную систему, подниметъ самостоятельность и демократическій духъ въ крестьянствѣ, подниметъ его жизненный уровень, дастъ могучій толчокъ дальнѣйшему развитію денежнаго хозяйства и дальнѣйшему капиталистическому прогрессу земледѣлія.

Да и вообще: разъ общепризнано, что отрѣзки есть одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ отработочной системы, а эта система есть прямое переживаніе крѣпостничества, задерживающее развитіе капитализма, то какъ можно сомнѣваться въ томъ, что возвращеніе отрѣзковъ подорветъ отработки и ускоритъ общественно-экономическое развитіе?

VII.

Однако же, усомнились въ этомъ очень многіе, и мы перейдемъ теперь къ разбору тѣхъ доводовъ, которые выдвинули усомнившіеся. Доводы эти можно всѣ подвести подъ слѣдующія рубрики: а) соотвѣтствуетъ-ли требованіе вернуть отрѣзки теоретическимъ основоначаламъ марксизма и программнымъ принципамъ соціаль-демократіи? б) разумно-ли съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности выдвигать требованіе объ исправленіи исторической несправедливости, значеніе которой ослабляется съ каждымъ шагомъ экономическаго развитія? в) осуществимо-ли это требованіе практически? г) если признать, что мы можемъ и должны выста-

вить требованіе въ такомъ родѣ и дать въ нашей аграрной программѣ не минимумъ, а максимумъ, то послѣдовательно-ли требованіе вернуть отрѣзки, съ этой точки зрѣнія? Является ли такое требованіе на самомъ дѣлѣ максимальнымъ?

Насколько я могу судить, *всѣ* возраженія „противъ отрѣзковъ“ подходятъ подъ тотъ или другой изъ этихъ четырехъ пунктовъ, причемъ большинство возражавшихъ (и Мартыновъ въ томъ числѣ) отвѣчали на всѣ четыре вопроса отрицательно, признавая требованіе вернуть отрѣзки и принципіально неправильнымъ, и политически нецѣлесообразнымъ, и практически неосуществимымъ, и логически непослѣдовательнымъ.

Разсмотримъ же, въ порядкѣ важности всѣ эти вопросы.

а) Принципіально неправильнымъ требованіе вернуть отрѣзки считаютъ по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, говорятъ, что это „затронетъ“ капиталистическое сельское хозяйство т. е. пріостановитъ или задержитъ развитіе капитализма; во-вторыхъ, говорятъ, что оно не только усилитъ, но и прямо пріумножитъ мелкую собственность. Первый изъ этихъ доводовъ (особенно подчеркнутый Мартыновымъ) совершенно неоснователенъ, ибо типичные отрѣзки, наоборотъ, задерживаютъ развитіе капитализма, и возвращеніе ихъ усилитъ это развитіе; нетипичные же случаи не могутъ быть предусмотрѣны никакимъ единымъ общимъ закономъ, и разрѣшеніе ихъ необходимо предоставить усмотрѣнію мѣстныхъ комитетовъ (которые могутъ примѣнить и выкупъ и обмѣнъ земли и пр.).

Второй доводъ (особенно подробно развитый въ нѣкоторыхъ частныхъ письмахъ) гораздо серьезнѣе и вообще является самымъ сильнымъ доводомъ противъ защищаемой программы. Вообще говоря, развивать, поддерживать, укрѣплять, а кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе уже не задача соціаль-демократіи. Это совершенно справедливо. Но дѣло въ томъ, что здѣсь передъ нами какъ разъ не „общій“, а именно *исключительный* примѣръ мелкаго хозяйства, и эта исключительность *явно выражена* въ вступленіи къ нашей аграрной программѣ: „уничтоженіе остатковъ крѣпостного порядка и свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ“ *Вообще* говоря, поддержка мелкой собственности реакціонна, *ибо* она направляется противъ крупнаго *капиталистическаго* хозяйства, задерживая, слѣдовательно, общественное развитіе, затемняя и сглаживая классовую борьбу. Въ данномъ-же случаѣ мы хотимъ поддержать мелкую собственность именно не противъ капитализма, а противъ крѣпостничества, — въ данномъ случаѣ мы поддержкой мелкаго крестьянства даемъ громадный толчокъ развитію классовой борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы дѣлаемъ этимъ *послѣднюю* попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьянъ къ крѣпостникамъ-помѣщикамъ. Съ дру-

гой стовопы, мы расчищаемъ дорогу для развитія буржуазнаго классоваго антагонизма въ деревнѣ, ибо этотъ антагонизмъ *прикрытъ* нынѣ общей и одинаковой, якобы, угнетенностью всѣхъ крестьянъ остатками крѣпостничества.

Все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны. Крестьянинъ-собственникъ за западѣ съигралъ уже свою роль въ демократическомъ движеніи и отстаиваетъ свое привилегированное положеніе по сравненію съ пролетаріатомъ. Крестьянинъ-собственникъ въ Россіи стоитъ еще наканунѣ рѣшительнаго и общенароднаго демократическаго движенія, которому онъ не можетъ не сочувствовать. Онъ еще смотритъ больше впередъ, чѣмъ назадъ. Онъ еще гораздо больше борется противъ, столь сильныхъ еще въ Россіи, сословно-крѣпостническихъ привилегій, чѣмъ отстаиваетъ свое привилегированное положеніе. Въ *такой* историческій моментъ мы прямо обязаны поддержать крестьянство и попытаться направить его, туманное и темное еще, недовольство противъ его настоящаго врага. И мы нисколько не будемъ противорѣчить себѣ, если въ слѣдующій историческій періодъ, когда минуютъ особенности данной политической „конъюнктуры“, когда крестьянство, допустимъ, удовлетворится ничтожными подачками ничтожной части собственниковъ и даже „зарычитъ“ рѣшительно противъ пролетаріата, если мы тогда выкинемъ изъ своей программы борьбу съ остатками крѣпостничества. Тогда-то, вѣроятно, придется намъ выкинуть изъ программы и борьбу съ самодержавіемъ, ибо никакъ нельзя полагать, чтобы *до* политической свободы крестьянство избавилось отъ самаго отвратительнаго и тяжелаго крѣпостническаго гнета.

При господствѣ капиталистическаго хозяйства, мелкая собственность задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ, прикрѣпляя работника къ мелкому кусочку земли, узаконяя рутинную технику, затрудняя вовлеченіе земли въ торговый оборотъ. При господствѣ отработочнаго хозяйства, мелкая поземельная собственность, освобождаясь отъ отработковъ, тѣмъ самымъ толкаетъ впередъ развитіе производительныхъ силъ, освобождаетъ крестьянство отъ прикрѣплявшей его къ мѣсту кабалы, освобождаетъ помѣщика отъ „дарового“ слуги, отнимаетъ возможность замѣнять техническія улучшенія безграничнымъ усиленіемъ „патріархальной“ эксплуатаціи, облегчая вовлеченіе земли въ торговый оборотъ. Однимъ словомъ, противорѣчивое положеніе мелкаго крестьянства на рубежѣ крѣпостническаго и капиталистическаго хозяйства вполнѣ оправдываетъ эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности соціаль-демократіей. Повторяемъ еще разъ: это не противорѣчіе въ редактированіи или формулировкѣ нашей программы, а противорѣчіе живой жизни.

Намъ возразятъ: „какъ ни туго поддается отработочное хозяйство натиску капитализма, все-же оно поддается ему,—

больше того: оно осуждено на полное исчезновеніе; крупное отработочное хозяйство уступаетъ и уступитъ мѣсто непосредственно крупному капиталистическому хозяйству. Вы-же хотите ускорить процессъ ликвидаціи крѣпостничества мѣрою, которая является, въ сущности, дробленіемъ (хотя бы частичнымъ, но все же таки дробленіемъ) крупнаго хозяйства. Не приносите-ли вы этимъ интересы будущаго въ жертву интересамъ настоящаго? Ради проблематической возможности возстанія крестьянъ въ ближайшемъ будущемъ противъ крѣпостничества вы затрудняете въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ возстаніе сельскаго пролетаріата противъ капитализма!"

Такое разсужденіе, какъ ни убѣдительно оно съ перваго взгляда, грѣшитъ большой односторонностью: во-первыхъ, и мелкое крестьянство тоже поддается, хотя и туго, а поддается, натиску капитализму, оно тоже осуждено, въ конечномъ счетѣ, на неизбѣжное вытѣсненіе; во-вторыхъ, и крупное отработочное хозяйство уступаетъ мѣсто крупному капиталистическому не всегда „непосредственно", а сплошь и рядомъ создавая слой полу-зависимыхъ, полу-батраковъ, полу-собственниковъ, — между тѣмъ такая революціонная мѣра, какъ возвращеніе отрѣзковъ, сослужила бы гигантскую службу именно тѣмъ, что хоть разъ замѣнила бы „методъ" постепеннаго и незамѣтнаго превращенія крѣпостнической зависимости въ буржуазную „методомъ" открытаго революціоннаго превращенія: это *не могло бы* остаться безъ *самаго глубокаго вліянія* на духъ протеста и самостоятельной борьбы во всемъ трудящемся сельскомъ населеніи. Въ-третьихъ, мы, русскіе соціаль-демократы, постараемся воспользоваться опытомъ Европы и гораздо раньше, гораздо усерднѣе займемся привлеченіемъ „деревенщины" къ соціаль-демократическому рабочему движенію, чѣмъ это удалось нашимъ западнымъ товарищамъ, которые послѣ завоеванія политической свободы долго еще „ощупью" искали путей для движенія промышленныхъ рабочихъ: въ этой области мы многое возьмемъ готовымъ „у нѣмцевъ", а вотъ въ аграрной области, можетъ быть, выработаемъ и нѣчто новое. И для того, чтобы облегчить впослѣдствіи нашимъ батракамъ и полу-батракамъ переходъ къ соціализму, крайне важно, чтобы соціалистическая партія *сейчасъ же* начала „вступаться" за мелкое крестьянство, дѣлая для него „все возможное" съ ея стороны, не отказываясь отъ участія въ рѣшеніи наболѣвшихъ и запутанныхъ „чужихъ" (не-пролетарскихъ) вопросовъ, пріучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видѣть въ себѣ своего вождя и представителя.

Пойдемъ далѣе. б) Требованіе вернуть отрѣзки считаютъ политически нецѣлесообразнымъ: неразсчетливо отвлекать вниманіе партіи на исправленіе всякихъ, теряющихъ уже со-

временное значеніе историческихъ несправедливостей, — отвлекать вниманіе отъ основного и все болѣе надвигающагося вопроса о борьбѣ пролетаріата и буржуазіи. Задумали „съ запозданіемъ на 40 лѣтъ переосвободить крестьянъ“ — иронизируетъ Мартыновъ.

И это разсужденіе сразу выдаетъ поразительную близорукость „экономиста“ Разныя вѣдь бываютъ историческія несправедливости. Есть такія, которыя остаются, такъ сказать, въ сторонѣ отъ главнаго историческаго потока, не задерживая его, не мѣшая его теченію, не препятствуя углубленію и расширенію пролетарской классовой борьбы. Такія историческія несправедливости, дѣйствительно, неумно было бы браться исправлять. Какъ примѣръ, укажемъ на присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи Германіей. Ни одна соціальдемократическая партія не вздумаетъ ставить въ свою программу исправленіе *такой* несправедливости, хотя ни одна въ то-же время не уклонится отъ своего долга протестовать противъ этой несправедливости и клеймить за нее всѣ господствующіе классы. И если-бы мы мотивировали требованіе вернуть отрѣзки только тѣмъ, что вотъ де была совершена несправедливость, — давайте, исправимъ это, — тогда это было-бы пустозвонной демократической фразой. Но мы мотивируемъ наше требованіе не нытьемъ по поводу исторической несправедливости, а необходимостью отмѣнить остатки крѣпостничества и расчистить дорогу для классовой борьбы въ деревнѣ, т. е. очень „практической“ и очень настоятельной необходимостью для пролетаріата.

Мы видимъ здѣсь примѣръ *другой* исторической несправедливости, именно: такой, которая *непосредственно* продолжаетъ *задерживать* общественное развитіе и классовую борьбу. Отказываться отъ попытки исправить *такія* историческія несправедливости значило бы „защищать кнутъ на томъ основаніи, что это кнутъ историческій“ Вопросъ объ освобожденіи нашей деревни отъ гнета „стараго режима“ — одинъ изъ самыхъ злободневныхъ вопросовъ современности, выдвигаемый всѣми направленіями и партіями (кромѣ крѣпостнической), такъ что ссылка на запозданіе вообще неумѣстна, а въ устахъ Мартынова просто забавна. „Запоздала“ русская буржуазія съ *своей*, собственно, задачей смести всѣ остатки стараго режима, — и исправлять этотъ недочетъ мы должны и будемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ исправленъ, пока не будетъ у насъ политической свободы, пока положеніе крестьянства будетъ питать недовольство во всей почти массѣ образованнаго буржуазнаго общества (какъ это мы видимъ въ Россіи), а не питать въ этой массѣ чувство консервативнаго самодовольства по поводу „неразрушимости“ самого мощнаго, якобы, оплота противъ соціализма (какъ это мы видимъ на Западѣ, гдѣ указанное самодоволь-

ство замѣчается у всѣхъ партій порядка, начиная съ аграріевъ и консерваторовъ pur sang, продолжая либеральными и кончая даже.. не во гнѣвъ будь сказано „Вѣстнику русской революціи“!... кончая даже модными „критиками марксизма“ въ аграрномъ вопросѣ). Ну а затѣмъ еще „запоздали“, конечно тѣ русскіе соціаль-демократы, которые по принципу тащатся въ хвостѣ движенія и занимаются только вопросами, „сулящими осязательные результаты“: не будучи въ состояніи выдвинуть опредѣленную директиву и въ аграрномъ вопросѣ эти „хвостисты“ даютъ только сильнѣйшее и вѣрнѣйшее оружіе въ руки революціонныхъ несоціаль-демократическихъ направленій.

Что касается (в) до „неосуществимости“ въ практическомъ смыслѣ требованія вернуть отрѣзки, то это возраженіе (особенно подчеркнутое Мартыновымъ) — одно изъ самыхъ слабыхъ. Съ вопросомъ о томъ, въ какихъ именно случаяхъ и какъ именно произвести экспропріацію, выкупъ, обмѣнъ, размежеваніе и т. п., крестьянскіе комитеты справились бы, при политической свободѣ, вдесятеро легче, чѣмъ составленные изъ представителей меньшинства и дѣйствовавшіе въ интересахъ меньшинства дворянскіе комитеты. Придавать значеніе этому возраженію могутъ только люди, которые привыкли къ слишкомъ низкой оцѣнкѣ революціонной активности массъ.

Тутъ выдвигается четвертое и послѣднее возраженіе. Если уже разсчитывать на революціонную активность крестьянства и выдвигать для него не программу-минимумъ, а программу-максимумъ, тогда надо быть послѣдовательнымъ и требовать крестьянскаго „чернаго передѣла“! „Еслибы мы захотѣли — пишетъ Мартыновъ — найти настоящій (sic!) классовой лозунгъ для массы малоземельнаго кресьянства, мы должны были бы выставить требованіе чернаго передѣла, но тогда намъ пришлось бы распроститься съ соціаль-демократической программой.“

Это разсужденіе основано на смѣшеніи послѣдовательности съ черезчуръ одосторонней прямолинейностью.

Вы высказались за *одно* изъ требованій, осуществляющихъ *извѣстные* интересы извѣстнаго слоя мелкихъ производителей: *значитъ*, вы должны покинуть свою точку зрѣнія и перейти на точку зрѣнія этого слоя!! — Вовсе это не значитъ; такъ разсуждаютъ только „хвостисты“, смѣшивающіе выработку программы, соотвѣтствующей широко понятымъ интересамъ класса, съ прислужничествомъ этому классу. Будучи представителями пролетаріата, мы тѣмъ не менѣе прямо осудимъ тотъ предразсудокъ неразвитыхъ пролетаріевъ, будто бороться надо только за требованія, „сулящія осязательные результаты“. Поддерживая прогрессивные интересы и требованія крестьянства, мы рѣшительно отклонимъ его реакціонныя

требованія. А „черный передѣлъ“, этотъ одинъ изъ самыхъ рельефныхъ лозунговъ стараго народничества, содержитъ въ себѣ именно сплетеніе революціоннаго и реакціонныхъ моментовъ. И соціаль-демократы десятки разъ твердили, что они вовсе не выкидываютъ за бортъ все народничество съ прямолинейностью одной неумной птицы, а выдѣляютъ изъ него и признаютъ своими его революціонные, его обще-демократическіе элементы. Въ требованіи чернаго передѣла реакціонна утопія обобщить и увѣковѣчить мелкое крестьянское производство, но въ немъ есть (кромѣ утопіи, будто „крестьянство“ можетъ быть носителемъ *соціалистическаго* переворота) и революціонная сторона, именно: желаніе смести посредствомъ крестьянскаго возстанія всѣ остатки крѣпостного строя. По нашему мнѣнію, требованіе вернуть отрѣзки выдѣляетъ изо всѣхъ противорѣчивыхъ требованій крестьянина именно то, что можетъ дѣйствовать революціонно только въ направленіи всего общественаго развитія и что заслуживаетъ поэтому поддержки пролетаріата. Приглашеніе Мартынова „идти дальше“ на самомъ дѣлѣ ведетъ только къ той безсмысліцѣ, чтобы *„настоящій“* классовый лозунгъ крестьянства мы опредѣляли съ точки зрѣнія *настоящихъ* предразсудковъ крестьянства, а не *настоящимъ образомъ понятыхъ* интересовъ пролетаріата.

Итакъ разборъ возраженій противъ требованія возвращенія отрѣзковъ убѣждаетъ насъ въ несостоятельности этихъ возраженій. Мы должны выступить съ требованіемъ демократическаго пересмотра крестьянской реформы, и именно ея аграрныхъ преобразованій. А чтобы точно опредѣлить и характеръ, и предѣлы, и способъ произведенія этого пересмотра, мы должны выдвинуть учрежденіе крестьянскихъ комитетовъ съ правомъ экспропріаціи, выкупа, обмѣна и пр. „отрѣзковъ“, посредствомъ которыхъ держатся переживанія крѣпостного хозяйства.

VIII.

Въ тѣсной связи съ четвертымъ пунктомъ проекта нашей аграрной программы находится пятый пункъ, который требуетъ „предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ“. Подобно четвертому пункту и этотъ направленъ противъ кабалы; въ отличіе отъ 4-аго пункта онъ требуетъ не единовременнаго пересмотра и преобразованія аграрныхъ порядковъ, а постояннаго пересмотра гражданскихъ правоотношеній. Предоставляется *этотъ* пересмотръ „судамъ“, причемъ имѣется въ виду, разумѣется, не та жалкая пародія на судъ, какой является „институтъ“ земскихъ начальниковъ (или хотя бы даже мировыхъ судей, выбираемыхъ имущими классами изъ имущихъ лицъ),

а тѣ суды, о которыхъ говоритъ § 16 предъидущаго отдѣла нашего проекта программы. Этотъ § 16 требуетъ „учрежденія промысловыхъ судовъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства“... (значитъ, и въ земледѣліи)... „изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей поровну“. Такой составъ суда обезпечивалъ бы и демократизмъ его, и свободное выраженіе различнымъ классовымъ интересамъ различныхъ слоевъ сельскаго населенія. Классовый антагонизмъ не прикрывался бы фиговыми листочками гнилого бюрократизма — этого крашенаго гроба для остатковъ народной свободы, — а выступалъ открыто и ясно передъ лицомъ всѣхъ и каждаго, встряхивая тѣмъ самымъ деревенскихъ жителей изъ ихъ патріархальнаго прозябанія. Полное знакомство съ аграрнымъ бытомъ вообще и мѣстными его особенностями въ частности было бы вполнѣ обезпечено выборностью судей изъ мѣстныхъ же жителей. Для массы крестьянъ, которыхъ невозможно было бы отнести въ разрядъ только „рабочихъ“ или только „предпринимателей“, были бы установлены, естественно, особыя правила для обезпеченія равномѣрнаго представительства всѣхъ элементовъ сельскаго населенія, причемъ мы, соціалъ-демократы, безусловно настаивали бы при всякихъ обстоятельствахъ, во-первыхъ, на *особомъ* представительствѣ сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, какъ бы ихъ мало ни было, и во-вторыхъ, на томъ, чтобы по возможности отдѣльно было представлено маломощное и зажиточное крестьянство (ибо смѣшеніе этихъ разрядовъ не только въ статистикѣ приводитъ къ фальши, но и во всѣхъ областяхъ жизни приводитъ къ угнетенію и оттѣсненію перваго разряда вторымъ).

Компетенція этихъ судовъ предположена двоякая: во-первыхъ, они имѣли бы право *понижать* арендныя платы, если онѣ „непомѣрно высоки“. Уже самыя эти слова программы, выражаютъ косвенное признаніе широкой распространенности этого явленія. Гласное и состязательное разбирательство на судахъ вопроса о высотѣ аренды приносило бы громадную пользу даже независимо отъ рѣшенія судовъ. Пониженія арендной платы (хотя бы эти пониженія были и не часты) съиграли бы свою роль въ дѣлѣ устраненія остатковъ крѣпостничества: извѣстно, что въ нашей деревнѣ аренда носитъ чаще крѣпостническій, чѣмъ буржуазный характеръ, и арендная плата является гораздо болѣе „денежной“ (т. е. преобразованной феодальной), чѣмъ капиталистической, рентой (т. е. избыткомъ надъ прибылью предпринимателя). Пониженіе арендной платы, слѣдовательно, непосредственно содѣйствовало бы замѣнѣ крѣпостническихъ формъ хозяйства капиталистическими.

Далѣе, во-вторыхъ, суды имѣли бы право „объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ“.

Понятіе „кабалы“ здѣсь не опредѣляется, ибо стѣснять выборныхъ судей въ примѣненіи такого пункта было бы вовсе не желательно. Что такое кабала, — русскій мужикъ слишкомъ хорошо знаетъ! Съ научной же точки зрѣнія, это понятіе объемлетъ всѣ тѣ сдѣлки, въ которыхъ есть элементъ *ростовщичества* (зимняя наемка и т. п.) или *крѣпостничества* (отработки за потравы и проч.).

Нѣсколько иной характеръ носитъ 3-ій пунктъ о возвращеніи народу выкупныхъ платежей. Здѣсь не возбуждается тѣхъ сомнѣній насчетъ мелкой собственности, которыя вызываетъ 4-ый пунктъ, но за то возражатели указываютъ и на практическую неосуществимость этого требованія и на отсутствіе логической связи между нимъ и общей частью нашей аграрной программы (— „устраненіе остатковъ крѣпостного права и свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ“). Однако никто же не станетъ отрицать, что именно остатки крѣпостного права, во всей ихъ совокупности, обусловливаютъ тѣ постоянныя голодовки милліоновъ крестьянъ, которыя сразу выдѣляютъ Россію изъ числа всѣхъ цивилизованныхъ націй. Даже самодержавіе вынуждено поэтому создавать особый (совершенно жалкій, разумѣется, и болѣе расхищаемый казнокрадами и бюрократами, чѣмъ идущій на пользу голодающихъ) „фондъ для благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ“. Не можемъ и мы не потребовать, въ числѣ прочихъ демократическихъ преобразованій, созданія такого фонда. Противъ этого врядъ ли можно спорить.

Теперь спрашивается, изъ какого источника взять суммы для образованія этого фонда? Насколько мы можемъ судить, здѣсь могли бы указать намъ на прогрессивно-подоходный налогъ: повысить спеціально тѣ ставки, которыя падаютъ на доходы богатыхъ людей, и употребить эти суммы на указанный фондъ. Было бы вполнѣ справедливо, чтобы наиболѣе имущіе члены государства больше всего участвовали въ содержаніи голодающихъ и въ расходахъ на возможное исправленіе бѣдствій, причиненныхъ голодовками. — Мы ничего не имѣли бы противъ такой мѣры, о которой нѣтъ надобности особо говорить въ программѣ, ибо она всецѣло подходитъ подъ требованіе прогрессивно-подоходнаго налога, упомянутаго въ программѣ особо. Но зачѣмъ же ограничиваться этимъ источникомъ? Почему не попробовать, помимо него, возвратить народу хотя бы часть той дани, которую взимали и продолжаютъ взимать вчерашніе рабовладѣльцы съ крестьянъ при помощи полицейскаго государства? Развѣ эта дань не стоитъ въ самой тѣсной связи съ *современными* голодовками? И развѣ требованіе вернуть эту дань не сослужитъ намъ самой полезной службы въ дѣлѣ расширенія и приближенія революціоннаго возмущенія крестьянъ противъ всѣхъ крѣпостниковъ и всяческаго крѣпостничества?

Но вѣдь этой дани *нельзя* вернуть цѣликомъ, — возражаютъ намъ. — Справедливо. Но если нельзя уже вытребовать весь долгъ, — отчего бы не взять и части его? Что можно возразить противъ особого налога на земли тѣхъ крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые воспользовались выкупной ссудой? Число такихъ владѣльцевъ латифундій (иногда превращенныхъ даже въ заповѣдныя имѣнія) очень значительно въ Россіи, и ихъ справедливо было бы привлечь къ спеціальной отвѣтственности за крестьянскія голодовки. Еще болѣе справедлива будетъ полная конфискація монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній, какъ такой собственности, которая всего болѣе пропитана традиціями крѣпостничества, которая служитъ обогащенію самыхъ реакціонныхъ и самыхъ вредныхъ для общества тунеядцевъ, изъемля въ тоже время немалое количество земли изъ гражданскаго и торговаго оборота. Конфискація такихъ имѣній лежала бы, слѣдовательно, всецѣло въ интересахъ всего общественнаго развитія; она имѣла бы непосредственное и громадное политическое значеніе для укрѣпленія демократическихъ учрежденій *новой* Россіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ она дала бы также и добавочныя средства на помощь голодающимъ.

IX.

Что касается, наконецъ, до первыхъ двухъ пунктовъ нашей аграрной программы, то на нихъ долго останавливаться не приходится. „Отмѣна выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе“ (п. 1) — есть нѣчто, подразумѣвающееся само собою для всякаго соціалъ-демократа. Никакихъ недоумѣній относительно практическаго осуществленія этой мѣры тоже не возникаетъ, — насколько мы можемъ судить. Второй пунктъ требуетъ: „отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина“... (замѣтьте: „крестьянина“, а не „крестьянъ“)... „въ распоряженіи его землей“. Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ по поводу пресловутой и приснопамятной *„общины“*. Фактически, разумѣется, отмѣна круговой поруки (эту то реформу г. Витте успѣетъ, пожалуй, осуществить еще до революціи), уничтоженіе сословныхъ дѣленій, свобода передвиженія и свобода распоряженія землей для каждаго отдѣльнаго крестьянина поведутъ къ неизбѣжному и быстрому уничтоженію той фискально-крѣпостнической обузы, каковой является, на три четверти, современная поземельная община. Но такой результатъ докажетъ только правильность нашихъ взглядовъ на общину, докажетъ несовмѣстимость ея со всѣмъ общественно-экономическимъ развитіемъ капитализма. Этотъ результатъ отнюдь не будетъ вызванъ какой нибудь мѣрой „противъ общины“, рекомендованной нами, ибо *ни единой мѣры*, направленной

непосредственно противъ той или иной системы крестьянскихъ поземельныхъ распорядковъ, мы никогда не защищали и не будемъ защищать. Болѣе того: общину, какъ демократическую организацію мѣстнаго управленія, какъ товарищескій или сосѣдскій союзъ, мы безусловно будемъ защищать отъ всякаго посягательства бюрократовъ, — посягательства, столь излюбленнаго врагами общины изъ лагеря „Моск. Вѣдомостей". Никому и никогда не будемъ мы помогать „разрушать общину", но отмѣны всѣхъ учрежденій, противорѣчащихъ демократизму, мы будемъ добиваться безусловно, *какое бы вліяніе эта отмѣна ни оказала на коренные и частные передѣлы земли и т. п.*: въ этомъ наше коренное отличіе отъ явныхъ и тайныхъ, послѣдовательныхъ и непослѣдовательныхъ, робкихъ и смѣлыхъ народниковъ, которые, съ одной стороны, являются, „конечно", демократами, а, съ другой стороны, боятся опредѣлить рѣшительно и недвусмысленно свое отношеніе къ такимъ элементарно-демократическимъ требованіямъ, какъ *полная* свобода передвиженія, *полное* уничтоженіе сословности крестьянской общины, а, *слѣдовательно*, и полная отмѣна круговой поруки, отмѣна всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей.*)

Намъ возразятъ: именно послѣдняя мѣра, освящающая индивидуальную волю каждаго отдѣльнаго крестьянина, и разрушаетъ общину не только какъ систему передѣловъ и т. п., а прямо даже какъ товарищескій сосѣдскій союзъ. Каждый отдѣльный крестьянинъ, вопреки волѣ большинства, вправѣ будетъ потребовать выдѣла его земли въ особый участокъ. Не противорѣчитъ-ли это общей тенденціи всѣхъ соціалистовъ содѣйствовать расширенію, а не суженію правъ коллективности по отношенію къ индивидууму?

Такое возраженіе было бы неосновательно. Наши требованія не разрушаютъ товарищескаго союза, а напротивъ создаютъ на мѣсто архаической (de facto полу-крѣпостной) власти общины надъ мужикомъ — власть *современнаго* товарищескаго союза надъ свободно вступающими въ него членами. Отмѣна круговой поруки должна превратить всѣхъ наличныхъ членовъ крестьянской общины въ свободныхъ совладѣльцевъ извѣстнаго участка земли, — а тамъ какъ уже они будутъ распоряжаться этимъ участкомъ, это ихъ дѣло, это будетъ зависѣть отъ общихъ гражданскихъ законовъ и отъ ихъ спеціальныхъ договоровъ между собою. Что же касается до расширенія правъ коллективности по отношенію къ индивидууму, то соціалисты защищаютъ его только тогда, когда это расширеніе лежитъ въ интересахъ техниче-

*) На этомъ именно оселкѣ слѣдуетъ испытывать тѣхъ многочисленныхъ въ Россіи радикаловъ (и даже революціонеровъ — изъ „Вѣстника Русской Революціи"), которые склонны сидѣть въ данномъ вопросѣ между двухъ стульевъ.

скаго и соціальнаго прогресса.*) Въ такой формѣ, разумѣется, и мы защищали-бы всякій соотвѣтствующій законъ, лишь-бы онъ относился не къ однимъ только мелкимъ собственникамъ, не къ однимъ только крестьянамъ, а ко *всѣмъ* землевладѣльцамъ вообще.

X.

Въ заключенье, резюмируемъ тѣ основныя положенія, которыя легли въ основаніе нашей аграрной программы. Всякій, кому случалось работать надъ составленіемъ программы или знакомиться съ деталями ея составленія въ другихъ странахъ, знаетъ, что одну и ту-же мысль можно формулировать самыми различными способами, — намъ важно, чтобы всѣ товарищи, на судъ которыхъ мы отдаемъ теперь нашъ проектъ, вполнѣ спѣлись прежде всего и больше всего относительно основныхъ принциповъ. А тамъ уже тѣ или иныя частныя особенности формулировки не имѣютъ рѣшающаго значенія.

Центральнымъ фактомъ и въ области аграрныхъ порядковъ Россіи мы признаемъ классовую борьбу. Мы строимъ всю свою аграрную политику (а, слѣдовательно, и аграрную программу) на неуклонномъ признаніи этого факта со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ него. Наша главная ближайшая цѣль — расчистить дорогу для свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, классовой борьбы пролетаріата, направленной къ осуществленію конечной цѣли всемірной соціаль-демократіи, къ завоеванію политической власти пролетаріатомъ и къ созданію основъ соціалистическаго общества. Объявляя классовую борьбу своей руководящей нитью во всѣхъ „аграрныхъ вопросахъ“, мы тѣмъ самымъ рѣшительно и безповоротно отдѣляемъ себя отъ столь многочисленныхъ въ Россіи сторонниковъ половинчатыхъ и расплывчатыхъ теорій: „народнической“, „этико-соціологической“, „критической“, соціаль-реформаторской и какъ ихъ тамъ еще звать!

Чтобы расчистить дорогу для свободнаго развитія классовой борьбы въ Россіи вообще и въ русской деревнѣ въ частности, необходимо устранить всѣ остатки крѣпостного порядка, которые теперь *прикрываютъ* зачатки капиталистическихъ антагонизмовъ внутри сельскаго населенія, не даютъ имъ развиться. И мы дѣлаемъ *послѣднюю* попытку помочь крестьянству смести однимъ рѣшительнымъ ударомъ всѣ эти остатки, — „послѣднюю“ потому, что и самъ развивающійся

---

*) Напр., Каутскій признаетъ справедливымъ требовать „ограниченія правъ частной поземельной собственности въ интересахъ 1. размежеванія, уничтоженія черезполосицы; 2. повышенія сельско-хозяйственной культуры; 3. предупрежденія эпидеміи“ (Agrarfrage, S. 437). Подобнаго рода, совершенно основательныя, требованія отнюдь не связаны и не должны быть связываемы съ крестьянской общиной.

русскій капитализмъ стихійно творитъ ту же работу, ведетъ къ той же цѣли, но ведетъ свойственнымъ ему путемъ насилія и гнета, раззоренія и голодной смерти. Переходъ крѣпостнической эксплуатаціи въ капиталистическую неизбѣженъ, и было-бы вредной, реакціонной иллюзіей пытаться задержать или „обойти“ его. Но этотъ переходъ мыслимъ также и въ формѣ насильственнаго сверженія тѣхъ крѣпостниковъ-послѣдышей, которые, опираясь не на „власть денегъ“, а на традиціи прежней власти рабовладѣнія, высасываютъ теперь послѣдніе соки изъ патріархальнаго крестьянства. Это патріархальное крестьянство, живущее трудами рукъ своихъ при системѣ натуральнаго хозяйства, осуждено на исчезновеніе, но вовсе не „обязательно“, не „имманентнымъ“ закономъ общественно-экономической эволюціи осуждено на пытки „выколачиванія податей“ и розги, на муки вымиранія голодною смертью.

И вотъ, не дѣлая себѣ иллюзіей насчетъ возможности процвѣтанія или даже сноснаго существованія мелкихъ производителей въ капиталистическомъ обществѣ (каковымъ все болѣе и болѣе становится Россія), — мы требуемъ полной и безусловной, не реформаторской, а революціонной отмѣны и уничтоженія пережитковъ крѣпостничества, мы признаемъ крестьянскими тѣ земли, которыя отрѣзало у нихъ дворянское правительство и которыя по сію пору продолжаютъ держать ихъ въ фактическомъ рабствѣ. Мы становимся такимъ образомъ — въ видѣ исключенія и въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ — защитниками мелкой собственности, но мы защищаемъ ее лишь въ ея борьбѣ противъ того, что уцѣлѣло отъ „стараго режима“, и лишь подъ условіемъ отмѣны тѣхъ учрежденій, которыя задерживаютъ преобразованіе патріархальной, застывшей въ своей неподвижности, забитости и оброшенности обломовки: подъ условіемъ созданія полной свободы передвиженія, свободы обращенія земли, полнаго уничтоженія сословныхъ дѣленій. Демократическій пересмотръ государственныхъ и гражданскихъ законовъ Россіи мы хотимъ дополнить демократическимъ, революціоннымъ пересмотромъ пресловутой „крестьянской реформы“

Руководимый такими принципами аграрной политики, русскій соціаль-демократъ, попадая въ деревню, сумѣетъ разобраться въ сложной сѣти тамошнихъ отношеній, сумѣетъ „приспособить“ къ нимъ свою строго-выдержанную революціонную пропаганду и агитацію. Его не застанетъ тогда врасплохъ возможное движеніе крестьянства (кое-гдѣ какъ будто и начинающееся). Онъ не ограничится тѣми требованіями въ защиту сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, которыя подробно изложены въ отдѣлѣ ближайшихъ „рабочихъ“ требованій нашей программы и которыя, разумѣется, онъ будетъ выдвигать всегда и повсюду. Онъ всегда будетъ въ

состояніи также и въ крестьянствѣ подтолкнуть то общедемократическое движеніе, которое (если суждено ему будетъ въ нашей деревнѣ выйти за предѣлы зародышеваго состоянія) начнется борьбой съ деревенскими крѣпостниками, а кончится — возстаніемъ противъ того могущественнѣйшаго и гнуснѣйшаго остатка крѣпостничества, который зовется царскимъ самодержавіемъ.

Н. Ленинъ.

* *
*

P S. Предлагаемая статья была написана до начала крестьянскихъ возстаній на югѣ Россіи весной текущаго года. Принципіальныя положенія статьи вполнѣ подтвердились этими событіями. А о тѣхъ тактическахъ задачахъ, которыя съ особенной силой выдвигаются теперь предъ нашей партіей въ ея „деревенской“ работѣ, мы надѣемся поговорить въ слѣдующій разъ.

Н. Л.

Внутреннее обозрѣніе.

(Голодъ. Безработица. Студенческое движеніе. Экспериментъ Ванновскаго. Роль общества и либеральной прессы. Демонстраціи. Терроръ или возстаніе?)

I.

„Весело жить!“ восклицалъ нѣмецкій революціонеръ начала 16 вѣка, оглядываясь на величавую картину разрушенія всего традиціоннаго и освященнаго вѣками... Весело жить! могъ-бы воскликнуть и современный русскій революціонеръ, на глазахъ котораго расшатываются одна за другой всѣ скрѣпы, сдерживавшія чудовищное по своей архитектурѣ, но не лишенное прочности зданіе царизма; могъ-бы воскликнуть, еслибы веселящій его сердце процессъ не сопровождался цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ явленій, если-бы обрушивающіеся осколки не причиняли столько пораненій, не уносили столько жертвъ....

Прошло только полтора года съ того времени, какъ борьба, начавшаяся между студентами и правительствомъ по поводу „Временныхъ Правилъ“, разгорѣлась въ широкое общественное движеніе. За этотъ короткій срокъ царизму нанесенъ рядъ ударовъ, авторитетъ его сильно поколебленъ и революціонное пламя успѣло охватить сравнительно широкіе круги, а революціонныя идеи пустили уже довольно глубокіе корни. Едва-ли полтора года назадъ нашелся-бы какой нибудь оптимистъ, который предсказалъ бы такой быстрый темпъ процессу разложенія самодержавія.

Самодержавіе переживаетъ такой трудный моментъ, какого ему еще не приходились испытывать. Число враговъ его принимаетъ грандіозные размѣры, энергія нападенія этой все растущей арміи сильно и быстро повышается; замѣтно для всѣхъ совершается процессъ усвоенія массой обывателей изъ всѣхъ классовъ идеи политической реформы и несомнѣнно прививается къ этой массѣ революціонное сознаніе. Въ еще никогда неслыханномъ размѣрѣ обращаются среди населенія нелегальныя изданія, десятки тысячъ листковъ разносятъ повсюду сѣмена политической идеи и десятки тысячъ людей получаютъ начатки практическаго политическаго воспитанія

въ все еще неоформленныхъ, но тѣмъ не менѣе грозныхъ народныхъ собраніяхъ — демонстраціяхъ. А тѣмъ временемъ сильныя потрясенія въ экономической жизни сразу подводятъ итогъ долгой незамѣтной молекулярной работѣ стихійнаго процесса развитія, — итогъ роковой для старой, крѣпостной Россіи.

Голодъ и безработица неумолимо дѣлаютъ свое дѣло.

Какъ ни старалось правительство заставить замолчать голодъ, какъ ни изощрялось оно въ попыткѣ отрѣзать китайской стѣной голодающую деревню отъ живущаго культурной жизнью общества, какъ ни податливы оказались въ этомъ пунктѣ подвергшіяся натиску правительства общественныя силы, — тѣмъ не менѣе, разговоровъ о голодѣ не удалось вытравить ни изъ печати, ни изъ земскихъ собраній. Хотя наша легальная печать и очень старательно считается съ тѣмъ циркуляромъ цензурнаго вѣдомства, который рекомендуетъ ей величайшую „осторожность“ въ оглашеніи фактовъ голода (угрожая за непослушаніе свирѣпыми карами) — все же и въ столичныя, и въ провинціальныя газеты попадаетъ множество сообщеній изъ голодныхъ губерній, дающихъ возможность привычному читателю представить себѣ картину того, что происходило въ эту зиму въ деревнѣ.

Въ Новоржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи „скотъ нечѣмъ кормить. Вся солома (съ крышъ) снята на кормъ. Нигдѣ сѣна нѣтъ.“ (Нет. Вѣд.) Въ Нижегородскомъ уѣздѣ — „полное отсутствіе кормовъ“, благодаря чему — падежъ скота. Въ Омскомъ уѣздѣ — то же самое. Въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи „неурожай охватилъ собой цѣлыхъ 48 волостей. Дефицитъ продовольственныхъ хлѣбовъ въ минувшемъ году выше, чѣмъ дефицитъ грознаго голоднаго 1883 года на 1 271 095 пудовъ. “ (Спб. Вѣд.) Въ февралѣ мѣсяцѣ члены мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста г-жа Любимова и г. Никитинъ сообщали, что въ осмотрѣнныхъ ими башкирскихъ селеніяхъ происходитъ „нѣчто ужасное, неподдающееся никакому описанію.“ „На печкѣ сидятъ совершенно голыя дѣти и около нихъ полунагая мать. Отецъ въ рваной одеждѣ, которая не прикрывала его тѣла, разсказывалъ о страшныхъ мученіяхъ дѣтей. Семья второй день не ѣла. Ребятишки жались около своей матери, но не плакали. Въ избѣ былъ страшный смрадъ; дышать было невозможно. Это не было человѣческое жилье. Это была скорѣе мрачная и сырая яма, наполненная зловоніемъ, въ которой догорала человѣческая жизнь. “ „Зашли въ другую избу — то же самое, въ слѣдующую — то же, и т. д.“

Напомнимъ тутъ же читателю, что, согласно волѣ усопшаго Сипягина, чтобы накормить этихъ дѣйствующихъ лицъ „классической картины голода“ (выраженіе „Спб. Вѣд.), надо получить удостовѣреніе въ политической благонадежности!

Въ Ирбитскомъ уѣздѣ той же Пермской губерніи „у многихъ жителей уѣзда нѣтъ ни хлѣба, ни корма. Скотъ валится, вывозится на кладбища. Цѣны на кормовые продукты поднялись до maximum'а, недоступнаго не только бѣдному, но и среднему крестьянину.... Мужикъ стонетъ, хозяйство его валится и будущее ничего отраднаго не обѣщаетъ!“ (Уральская Жизнь).

Въ Екатеринославской губерніи „хлѣбные запасы истощились, рабочій и хозяйственный скотъ распроданы...“ („Спб. Вѣд.“) Въ Самарскомъ уѣздѣ „крестьяне въ большинствѣ случаевъ находятся въ бѣдственномъ положеніи: продаютъ за половинную цѣну иногда послѣднюю скотину, проѣдаютъ хлѣбъ, оставленный на сѣмена, берутъ впередъ хлѣбъ и деньги подъ весеннія и лѣтнія работы, а нѣкоторые, исчерпавъ всѣ рессурсы, идутъ побираться, такъ что приливъ нищихъ въ селахъ значительный.“ („Спб. Вѣд.“)

Въ Сибири дѣло не лучше. Въ Красноярскомъ уѣздѣ („Сиб. Вѣстн.“) многіе изъ крестьянъ „голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ слова“. Въ селѣ Погорѣльскомъ этого уѣзда „большинство крестьянъ ѣдятъ не каждый день“. („Сиб. Вѣст.“) Въ Бійскомъ уѣздѣ, Томской губерніи „не имѣя ни сѣна, ни соломы, крестьяне выгоняютъ скотину въ поле и оставляютъ ее тамъ на произволъ судьбы, болѣе же зажиточные (!) крестьяне покупаютъ старыя соломенныя крыши и этой соломой кормятъ скотъ.“ („Спб. Жизнь“.)

Всѣ эти сообщенія, взятыя нами изъ легальныхъ газетъ, могутъ дать только отдаленное представленіе о размѣрахъ голода и переживаемыхъ крестьянами бѣдствій. Памятуя объ угрозахъ Управленія по дѣламъ печати, газеты съ величайшей осторожностью помѣщаютъ подобныя свѣдѣнія. Гораздо охотнѣе, повидимому, онѣ распространяются объ эпидеміяхъ, развивающихся среди голодающаго населенія. Привычный читатель изъ этихъ данныхъ о цынгѣ и тифѣ можетъ нарисовать себѣ картину „всероссійскаго раззоренія“.

Въ Казанской губ. въ Тетюшскомъ уѣздѣ еще въ концѣ декабря появилась цынга, а затѣмъ сыпной и брюшной тифъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ тифъ появился еще въ декабрѣ. По всей губерніи за 3½ мѣс. зарегистрировано около 1800 случаевъ заболѣванія цынгой. „Свѣдѣнія о появленіи заболѣванія цынгой поступаютъ уже изъ уѣздовъ, которые не включены въ число ‚неблагополучныхъ по неурожаю‘“ („Пет. Вѣд.“). По словамъ отчета медицинской коммиссіи Краснаго Креста, въ губерніи „кромѣ цынги, наблюдаются и другія заболѣванія, зависящія отъ недостаточнаго и плохого питанія“. Въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи къ 1-му апрѣля зарегистрировано свыше 360 человѣкъ больныхъ цынгою. Въ Нолинскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, въ Верхотурскомъ и Ирбитскомъ — Пермской, въ Сызранскомъ — Симбирской, въ

разныхъ уѣздахъ Воронежской губерніи цынга свирѣпствуетъ съ неменьшей силой, а въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи въ началѣ апрѣля въ 241 селеніяхъ зарегистрировано 6815 больныхъ! Въ Воронежской губерніи въ апрѣлѣ насчитывалось до 10 000 заболѣваній куриной слѣпотой: болѣзнью, которая непосредственно порождается недостаточнымъ питаніемъ. На югѣ — въ Екатеринославской губерніи — въ Екатеринославскомъ уѣздѣ — сыпный тифъ, въ Новомосковскомъ — цынга, въ Александровскомъ и Славяносербскомъ — брюшной тифъ, въ Тираспольскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи тоже тифъ. . . . Словомъ, вездѣ одно и тоже.

По отношенію спеціально къ эпидемическимъ болѣзнямъ въ голодныхъ мѣстностяхъ данный свыше пароль гласитъ: отрицать связь между голодомъ и заболѣваніями. Голодъ — самъ по себѣ, а цынга и тифъ — тоже сами по себѣ, заявляютъ лицедѣи „продовольственной компаніи“. Такое утвержденіе мы встрѣчаемъ въ отчетѣ Земскаго Отдѣла М. В. Д. о продовольственной компаніи. Слѣдуя внушеніямъ свыше, Россійское Телеграфное Агентство въ своей телеграммѣ изъ Тамбова отъ 22-го марта сообщаетъ: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи усилился брюшной и сыпной тифъ, но не по недостатку продовольствія“. Корреспондентъ „Пет. Вѣд.“ пишетъ изъ Глазова, Вятской губерніи:

Земско-медицинскій совѣтъ въ засѣданіи 18-го марта, обсуждая вопросъ о появленіи въ Глазовскомъ уѣздѣ цынги, категорически высказался что „несомнѣннымъ фактомъ, вызвавшимъ значительное развитіе заболѣваній цынгою, служитъ исключительно недородъ въ уѣздѣ хлѣбовъ и овощей и неудовлетворительность вслѣдствіе этого питанія среди населенія. . . .“ Просто и убѣдительно; кажется, оставалось бы вѣрить этому факту, основанному на наблюденіяхъ цѣлой коллегіи медицинскаго совѣта, но не тутъ-то было! Нашлись люди изъ мѣстнаго административнаго управленія, которые вмѣсто оказанія всякаго содѣйствія земству, упорно замалчиваютъ и недородъ хлѣбовъ, и появленіе цынги, обвиняя земскихъ людей якобы въ раздуваніи этого явленія.“ Въ числѣ этихъ „людей изъ мѣстной администраціи“ оказывается, по словамъ „Пермскаго Края“ (№ 350) предсѣдатель мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста, т. е. того учрежденія, которому передана монополія заботъ о помощи голодающимъ — г. Князевъ. Г. Князевъ, онъ-же предсѣдатель съѣзда земскихъ начальниковъ — „не считаетъ появленіе цынги слѣдствіемъ недоѣданія, а видитъ другую причину и, по свѣдѣніямъ гг. земскихъ начальниковъ, въ уѣздѣ благополучно“. Мы видѣли, что въ то-же самое время глазовскіе врачи зарегистрировали по уѣздѣ свыше 360 цынготныхъ больныхъ!

„Вопросъ о благополучіи населенія у насъ почему-то явился крайне растяжимымъ вопросомъ“, пишетъ Екатеринославскій

корреспондентъ „Пет. Вѣд.“, „и въ то время, когда, по мнѣнію нѣкоторыхъ, „все обстоитъ благополучно“, — въ результатѣ оказывается, что населеніе страдаетъ отъ цынги, брюшного тифа и даже отъ сыпного тифа и т. д.“

Стремленіе сдѣлать крайне „растяжимымъ“ вопросъ о „благополучіи“ — основной мотивъ „продовольственной компаніи“, грубо изъятой Сипягинымъ изъ рукъ земскихъ учрежденій.

Реакціонная и пресмыкающаяся пресса обѣщала чудеса отъ „реформы“ покойнаго министра. Увы! несмотря на то, что оттѣсненныя Сипягинскими циркулярами общественныя силы проявили достаточную дозу терпѣнія въ „непротивленіи“ правительственному насилію, несмотря на то, что бюрократія могла дѣйствовать вполнѣ свободно, она потерпѣла жалкое фіаско. Преступная неумѣлость и бездѣйствіе бюрократической шайки проявились въ самыхъ различныхъ формахъ.

„Нельзя не выразить глубокаго сожалѣнія — говоритъ медицинская коммиссія казанскаго Управленія общества Кр. Креста — что волостные попечительства Краснаго Креста не были открыты своевременно во всѣхъ уѣздахъ, пораженныхъ недородомъ. Нѣкоторыя попечительства начинаютъ открываться только теперь, когда наступила ростепель, вслѣдствіе чего снабженіе ихъ необходимыми средствами, съѣстными припасами и предметами медицинской помощи становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ.“

Воронежское губернское земское собраніе, „не располагая средствами для раціональной постановки борьбы съ послѣдствіями неурожая, постановило возбудить цѣлый рядъ ходатайствъ передъ главнымъ управленіемъ Краснаго Креста и передъ попечительствомъ о домахъ трудолюбія“ о субсидіяхъ для этой цѣли. „Въ высокой степени знаменательно“, замѣчаютъ „Русск. Вѣд.“ (№ 127) „что изъ всѣхъ этихъ постановленій осуществились только тѣ, на исполненіе которыхъ были ассигнованы средства самимъ земствомъ. Ходатайства-же земства остались безрезультатными“

Въ Екатеринославлѣ, гдѣ массы голодающихъ крестьянъ раздѣляютъ участь выброшенныхъ за ворота заводовъ безработныхъ, по словамъ „Пет. Вѣд.“, „не смотря на такую острую нужду, нѣтъ почти никакихъ благотворительныхъ организацій, сколько нибудь способствующихъ облегченію участи нуждающихся. Во всемъ и вездѣ отношеніе формальное и безсердечное.“

„Формальное и безсердечное“ отношеніе, вообще свойственное бюрократіи, диктуется всѣмъ планомъ компаніи, затѣянной въ прошломъ году правительствомъ противъ голодающихъ и тѣхъ, кто желаетъ имъ помогать. Задавшись цѣлью во что бы то ни стало сократить до minimum'а помощь голодающимъ, правительство привело въ движеніе весь свой усовершенство-

вавшійся въ дѣлѣ „обузданія“ аппаратъ и достигло блистательныхъ результатовъ.

Въ Ирбитскомъ уѣздѣ, по словамъ „Сиб. Ж.“, „недостатокъ хлѣба и кормовъ для скота началъ чувствоваться уже съ осени. По нѣкоторымъ обществамъ составлены приговоры о выдачѣ ссуды уже тогда, но сельское и волостное начальство старалось тормозить ихъ движеніе и только пройдя длинный рядъ мытарствъ, удавалось достигнуть благопріятныхъ результатовъ отъ своихъ приговоровъ. Благодаря этимъ проволочкамъ, многимъ уже съ осени пришлось „ликвидировать“ свой скотъ. Хорошо еще, кто хоть за безцѣнокъ да продалъ, а то и просто вывезли въ отвалъ.“

Вотъ ужъ подлинно, что называется — „брать изморомъ“! Нетрудно догадаться, подъ чьимъ давленіемъ волостныя и сельскія власти осуществляютъ эту „борьбу съ голодающими“. Вѣдь не даромъ нынѣшняя продовольственная компанія покоится, главнымъ образомъ, на земскихъ начальникахъ!

Уфимское губернское земство ходатайствовало о выдачѣ правительственной ссуды населенію, не имѣющему кормовъ для скота, при чемъ предполагала выдать ссуды „только однолошаднымъ хозяйствамъ, засѣвающимъ не болѣе 4 казенныхъ десятинъ и располагающимъ кормовыми запасами менѣе, чѣмъ на 4 мѣсяца“ Несмотря на такое ограничительное условіе, число хозяйствъ, признанныхъ нуждающимися, опредѣлено въ 63 495 (19% общаго числа хозяйствъ въ пострадавшихъ уѣздахъ). Правительство *отказало* въ выдачѣ ссуды. Результатъ предвидится — массовая продажа рабочаго скота, массовое „обезлошадѣніе“ Очевидно, гг. земскіе начальники признали положеніе населенія „благополучнымъ“

Въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи „списки безземельныхъ для выдачи имъ безвозвратныхъ пособій изъ средствъ казны составлены еще на январь, но до сихъ поръ (середина марта) нужда еще не удовлетворена. Благотворительная помощь совершенно отсутствуетъ. („Рус. Вѣд.“)

Корреспондентъ „Нижегор. Листка“ пишетъ изъ Самары (№ 75). „Приближается развязка продовольственной компаніи. Невеселая будетъ эта развязка, и врядъ-ли почерпнутъ изъ нея аргументы въ свою пользу защитники недавней реформы продовольственнаго дѣла. Съ выдачей сѣмянъ для Николаевскаго уѣзда (500 000 населенія) все еще не только не закончено, но для многихъ мѣстъ совершенно неизвѣстно, гдѣ получать сѣмена; кое-гдѣ не утверждены еще самые сѣменные списки. Жутко при мысли, что будетъ съ народомъ, если сѣмена опоздаютъ. Опять рухнетъ масса самостоятельныхъ хозяйствъ, опять начнутся продажи для покрытія сборовъ, — кстати, продовольственную и сѣменную ссуду будутъ взыскивать немедленно, въ первую очередь. Возрадуются кулаки и маклаки.“

Кулаки и маклаки, безъ сомнѣнія, порадуются и той „коммерческой“ операціи, которой приходится заняться крестьянамъ самарскаго уѣзда, получившимъ на сѣмена сорный хлѣбъ, закупленный Губернскимъ Присутствіемъ. Уѣздный съѣздъ призналъ эти сѣмена неудовлетворительными и 6 марта постановилъ „чтобы сѣмена выдавались въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ предполагалось, такъ какъ извѣстная часть ихъ отойдетъ въ качествѣ сора или явится необходимой прибавкой, безъ которой населенію не обмѣнять выданныя сѣмена на хорошія.“ Извѣстно, что россійскіе фабриканты подчасъ выдаютъ рабочимъ вмѣсто заработной платы разные ненужные продукты, которые затѣмъ рабочимъ приходится вымѣнивать въ лавкахъ на предметы необходимости. Нынѣ, какъ видите, truck-system въ этой формѣ практикуется казной-благодѣтельницей.

Въ экстренномъ собраніи Казанскаго губернскаго земства гласные Догель и Каземъ-Бекъ огласили слѣдующій фактъ: „при заготовкѣ хлѣба (для голодающихъ) совершенно напрасно производились операціи, *которыя почти вдвое удорожали стоимость заготовленнаго хлѣба:* хлѣбъ съ Камскихъ пристаней Казанской губерніи увозился въ Саратовъ и въ Самару, а изъ Саратова привозился въ Казань.“ Собраніе констатировало, что устраненіе земства отъ продовольственнаго дѣла снимаетъ съ него отвѣтственность за то, что возникшимъ на почвѣ нужды эпидеміямъ „дали принять угрожающіе размѣры“. Въ виду этого собраніе постановило „возбудить ходатайство о снятіи съ земствъ обязанности въ случаѣ будущихъ неурожаевъ принимать мѣры, непосредственно связанныя съ продовольствіемъ населенія“

Выше упомянуто, что продовольственную ссуду будутъ взыскивать „въ первую очередь“ Въ губерніяхъ, пощаженныхъ недородомъ въ 1901 г., но пострадавшихъ въ предыдущіе годы, это взысканіе производится по всей строгости. Изъ Пскова въ „Пермскій Край“ пишутъ, что „торговля въ текущемъ году, несмотря на сносный сравнительно урожай, идетъ очень тихо. Крестьяне объясняютъ это усиленнымъ взысканіемъ недоимокъ, совершенно истощившимъ ихъ денежные рессурсы. *Съ особенной энергіей производится сейчасъ взысканіе продовольственныхъ долговъ*, накопившихся за населеніемъ въ годы недородовъ. При общемъ безденежьѣ деревни, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, выдѣлилась группа скупщиковъ, переѣзжающихъ изъ селенія въ селеніе и скупающихъ за безцѣнокъ крестьянскіе пожитки.“

Но неуклонность въ взысканіи податей проявляется начальствомъ и въ тѣхъ углахъ, которые голодаютъ въ этомъ году. Вотъ что пишетъ „Саратовскій Дневникъ“:

С. Большой Меликъ, Балаш. у. Случился у насъ недородъ хлѣбовъ и нечѣмъ стало крестьянамъ платить подати. Просто копѣйки достать негдѣ. Законовъ они не знаютъ, не съ кѣмъ

имъ и посовѣтоваться. А волостной старшина Ляпуновъ, можетъ быть, знаетъ законъ, а можетъ быть, и не знаетъ; только началъ онъ круто выколачивать подати. Описалъ почти у всѣхъ мужиковъ нѣсколько тысячъ головъ домашняго скота, разный домашній скарбъ и строенія. Опись, надо полагать, была утверждена начальствомъ, и началась продажа съ торговъ мужицкаго имущества. На торги явились три мужика, которые за безцѣнокъ скупали описанное имущество. У нѣкоторыхъ крестьянъ, такимъ образомъ была продана послѣдняя корова, и имъ нечѣмъ стало кормить малолѣтнихъ дѣтей. Такъ какъ у многихъ крестьянъ скотъ продавался для пополненія ничтожнаго недобора, то излишекъ вырученныхъ денегъ возвращался имъ же самимъ, но были и такіе случаи, что излишки эти зачислялись въ платежи за будущіе годы. Большинство крестьянъ послѣ торговъ и пополненія недоборовъ шли къ покупателямъ выкупать свой скотъ. Эти „великодушно“ соглашались возвращать купленный на торгахъ скотъ и скарбъ владѣльцамъ подъ условіемъ возвращенія имъ заплаченныхъ на торгахъ денегъ съ „приплатой“ 15—20 проц. прибыли. И хорошо нажились теперь три „добрыхъ“ мужичка на этихъ процентахъ, и очень благодарны они старшинѣ Ляпунову за всю операцію съ продажей крестьянскаго имущества. Теперь подати сполна внесены въ казначейство! Мужики порядочно разорены и добиваются управы на Ляпунова, который, какъ самъ говоритъ, все можетъ сдѣлать, потому что вездѣ „состоитъ членомъ“ и даже „инспекторомъ“.

Продовольственная компанія правительства обставлена такимъ цинизмомъ, что не замедлила оказать революціонизирующее дѣйствіе на крестьянскіе умы. То, чего русскіе революціонеры ожидали съ 1891—92 гг., — массовое движеніе крестьянства на почвѣ протеста противъ „политики голода“, — начинаетъ, наконецъ, осуществляться.

Діалектика исторіи сыграла съ нашимъ самодержавіемъ непріятную шутку. Каждая голодовка, являясь наглядным свидѣтельствомъ несостоятельности его экономической и общей политики, должна была фатально вызывать подъемъ активной дѣятельности тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые стоятъ въ оппозиціи къ этой политикѣ. Ограниченный умъ бюрократіи не такъ ужъ былъ неправъ, когда въ общественной агитаціи по вопросу о кормленіи голодныхъ усматривалъ косвенную агитацію противъ того политическаго порядка, однимъ изъ устоевъ котораго являются періодическія голодовки. Требовалось, во что бы то ни стало, уничтожить эту агитацію, а для этого оказались достаточными навѣстныя „мѣропріятія“ Сипягина. Но бюрократическая проницательность не замѣтила того, что, способствуя *косвенно* усиленію и развитію оппозиціи въ „обществѣ“, продовольственная „компанія“ земствъ и интеллигенціи *непосредственно* содѣйствовала

„умиротворенію“ самихъ голодающихъ, поскольку приходила на помощь самой острой нуждѣ. И вотъ, когда цѣль была достигнута, когда общество пассивно подчинилось правительственному насилію и голодающія массы стали лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ, — немедленно обнаружилось, что есть мѣра терпѣнію даже русскаго крестьянства.

Пока земскіе начальники и другія колеса бюрократіи занимались „выясненіемъ истиннаго размѣра продовольственной нужды“, крестьяне то тамъ, то здѣсь принялись разбирать общественные запасные магазины. Въ № 349 „Пермскаго Края“ читаемъ:

Балашовскій уѣздъ. Крестьяне села Трубецкого, по словамъ „Сар. Л.“, стали говорить на тему: нельзя ли намъ взять хлѣбушка изъ общественнаго амбара?... Наконецъ рѣшили дѣйствовать всѣмъ „обществомъ“ и прибѣгли къ слѣдующему пріему: берутъ двое возжей и связываютъ концы, къ одному концу привязываютъ ключъ, затѣмъ, ухвативши руками веревку, за исключеніемъ не участвующихъ въ насыпкѣ ржи, всѣ направились по направленію къ амбару. Подойдя къ послѣднему, одинъ изъ участвующихъ, не выпуская изъ руки веревки, отперъ амбаръ. Затѣмъ начали брать рожь, — кто 10 пудовъ, кто 15. О такомъ самоуправствѣ со стороны крестьянъ немедленно дано было знать сельской власти. Крестьяне деревни Ильинки поступили иначе. Предварительно крестьяне пригласили постороннихъ лицъ, какъ свидѣтелей, и при нихъ приподняли снизу дверь амбара. Когда дверь снялась съ петлей, крестьяне заявили, что они берутъ хлѣбъ, ничуть не прибѣгая къ взлому замка. Оказывается, что и въ другихъ деревняхъ разобранъ хлѣбъ изъ общественныхъ амбаровъ...

Аналогичный фактъ произошелъ въ деревняхъ Николаевкѣ и Стар. Мелькней, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, гдѣ 11—14 февраля земскій начальникъ приговорилъ всего 190 крестьянъ къ штрафу отъ 16 до 50 руб. за „самовольный разборъ хлѣба изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ“. Въ Тюкалинскомъ уѣздѣ, Тобольской губ., „нужда дошла до того, что въ одной деревнѣ крестьяне отстранили всѣхъ мѣстныхъ властей и разобрали общественный хлѣбо-запасный магазинъ“. Въ другомъ мѣстѣ того же уѣзда „крестьяне-колонисты разбили общественный хлѣбозапасный магазинъ“.

Въ печать, повидимому, попали далеко не всѣ случаи подобнаго рода*). Но что продовольственныя безобразія правительства вызываютъ въ широкихъ кругахъ крестьянства глубокое негодованіе — это показали событія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.

---

*) У насъ имѣется сообщеніе о рядѣ такихъ же фактовъ изъ Новгородской губ.

Спѣшимъ оговориться. Мы вовсе не хотимъ пытаться объяснить крестьянское движеніе въ этихъ губерніяхъ всецѣло нынѣшнимъ голодомъ и мѣрами правительства по борьбѣ съ голодающими. Мартовское движеніе полтавскихъ и харьковскихъ крестьянъ имѣетъ глубокіе соціальные корни. Въ этомъ смыслѣ оно представляетъ собою борьбу всѣхъ слоевъ крестьянской массы противъ эксплуатирующаго ихъ помѣщичьяго землевладѣнія. Такое движеніе замѣчается въ теченіе послѣднихъ лѣтъ во всѣхъ концахъ Россіи и въ теченіе послѣдняго года случаи крупныхъ безпорядковъ и „сопротивленій властямъ“ происходили въ Воронежской, Пермской, Пензенской, Волынской, Тамбовской, Вологодской, Смоленской, Бессарабской губерніяхъ — обыкновенно на почвѣ земельныхъ распрей съ помѣщиками и казной. Но были въ томъ числѣ и случаи непосредственнаго „бунта“ противъ правительства на почвѣ взысканія администраціей недоимокъ (Пермская, Вологодская, Смоленская губ.), а въ селѣ Майданъ, Пензенской губ. (см. № 20 „Искры“) мы имѣемъ дѣло съ принципіальнымъ отказомъ крестьянъ платить подати, невѣдомо куда идущія и несправедливо взимаемыя съ бѣднѣйшей части населенія.

Въ тѣхъ уѣздахъ Полтавской и Харьковской губерній, которые послужили ареной мартовскаго движенія, было достаточно поводовъ для накопленія въ крестьянствѣ горючихъ элементовъ. „Земельное утѣсненіе“ создало для большинства крестьянъ крайне тягостную зависимость отъ владѣльцевъ громадныхъ имѣній, достигающихъ подчасъ размѣровъ латифундій (с. Карловка, напр.). Не только арендная плата все повышалась, но усиливался и гнетъ надъ личностью крестьянина: стоило чѣмъ-нибудь прогнѣвить помѣщика или управляющаго, и крестьянинъ оставался безъ земли. Сильно развивавшіяся въ Малороссіи за послѣднія годы переселенія въ Сибирь и на востокъ Россіи все болѣе тормозятся администраціей и многимъ переселенцамъ приходилось возвращаться на старыя пепелища.

И вотъ — когда ко всѣмъ этимъ причинамъ недовольства присоединилась Синягинская „продовольственная компанія“, харьковскіе и полтавскіе крестьяне зашевелились

По словамъ корреспондента „Искры“ (№ 21) „всѣ единогласно признаютъ теперь, что единственная причина крестьянскаго движенія — это то обстоятельство, что, несмотря на всѣ просьбы и ходатайства, до сихъ поръ всѣ приговоры (о казенной ссудѣ) не получили дальнѣйшаго движенія“.

„Быстрое развитіе волненій въ Валковскомъ у.“, говоритъ другой корреспондентъ (ibid), „объясняется новой продовольственной системой. Этотъ уѣздъ, и безъ того стоящій на низкомъ уровнѣ экономическаго благосостоянія, постигъ сильный неурожай. Были составлены по волостямъ списки нуж-

дающихся въ ссудахъ на обсѣменѣніе полей, но эти списки до сихъ поръ еще лежатъ въ г. Валкахъ, хотя время посѣва давно уже прошло. Такъ ведутся въ Россіи „продовольственныя компаніи“

Мы не будемъ здѣсь излагать хода крестьянскихъ безпорядковъ, предполагая, что подробности извѣстны читателямъ (см. №№ 20 и 21 „Искры“). Правительство было вынуждено дать оффиціальное сообщеніе о происшедшихъ волненіяхъ. Увѣреніямъ правительства о томъ, что порядокъ вполнѣ возстановленъ, едва-ли кто-нибудь вѣритъ. Быстрое распространеніе „бунта“ по нѣсколькимъ уѣздамъ, бурныя формы проявленія его — все это вызвало панику въ правящихъ сферахъ. Полтавскія власти смѣщены за „нерадѣніе“, началась травля „третьяго элемента“ въ Полтавскомъ земствѣ, „обновленъ“ и пополненъ составъ мѣстнаго жандармскаго управленія; словомъ, приняты всѣ мѣры, чтобы предотвратить въ будущемъ повтореніе подобныхъ сюрпризовъ*). Въ тѣхъ же цѣляхъ къ возставшимъ деревнямъ примѣнены террористическія мѣры и во главѣ ихъ — классическая порка. Жестокости, примѣненныя спеціалистомъ по части „борьбы съ голодающими“ — княземъ Оболенскимъ**) — въ Валковскомъ уѣздѣ, представляютъ нѣчто необыкновенное даже для Россіи. Едва-ли этотъ „бѣлый“ терроръ достигнетъ своей цѣли — отучить крестьянъ отъ посягательствъ на священную собственность „первенствующаго сословія“. По крайней мѣрѣ, мѣстные наблюдатели сообщаютъ пока только о крайнемъ озлобленіи, вызванномъ такой защитой собственности. Еще нелѣпѣе съ точки зрѣнія консервативной такая мѣра, какъ наложеніе военной контрибуціи на „бунтовавшія“ села (800 000 руб.) въ пользу „пострадавшихъ“ Ноздревыхъ и Собакевичей. Крестьяне голодающихъ мѣстностей дошли уже до такого экономическаго положенія, при которомъ новые поборы останутся фиктивными просто потому, что, согласно французской пословицѣ où il n'y a rien, le roi perd ses droits. Но пропаганда въ крестьянствѣ самой идеи налога на опредѣленное *сословіе* или *классъ* представляется намъ въ высшей степени своевременнымъ дѣломъ. Знакомство съ *круговой порукой* въ такой формѣ будетъ очень полезно крестьянству, когда зайдетъ рѣчь объ окончательной ликвидаціи „великой реформы“ 19 февраля, ликвидаціи, которую нельзя осуществить сколько-нибудь демократически, не прибѣгая къ принципу коллек-

*) Дальнѣйшими шагами въ дѣлѣ „пресѣченія и предупрежденія“ были прекращеніе статистическихъ работъ въ 12 губерніяхъ и рядъ не лишенныхъ остроумія губернаторскихъ попытокъ „просвѣтить“ крестьянъ относительно святости частной собственности.

**) Нынѣшній харьковскій губернаторъ прославился своей „продовольственной компаніей“ въ 1899—1900 гг. въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, закончившейся административной высылкой нѣсколькихъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей.

тивной отвѣтственности нынѣшняго „первенствующаго сословія.“

Репрессіямъ князей Оболенскихъ, конечно, не удастся пріостановить то движеніе революціонной литературы въ деревню, которое — для Полтавской и Харьковской губерній — констатировано правительственнымъ сообщеніемъ и которому послѣднее приписываетъ большую роль въ возникновеніи „бунта“. Для Россіи уже наступилъ такой моментъ, когда революціонныя идеи проникаютъ рѣшительно во всѣ слои населенія *незамѣтными* путями. Въ частности достигшее еще небывалой широты *городское* движеніе, и прежде всего рабочее, обусловило неизбѣжность ознакомленія извѣстныхъ слоевъ сельскаго населенія съ ведущейся въ центрахъ политической борьбой. Когда сотни рабочихъ, задѣтыхъ соціалистической пропагандой, ежегодно высылаются на родину, въ деревню, когда тысячи и десятки тысячъ безработныхъ, воспитанныхъ въ условіяхъ постоянной агитаціи, слѣдуютъ за ними, а сотни революціонеровъ изъ интеллигенціи и участниковъ студенческаго движенія водворяются въ губернскихъ и уѣздныхъ центрахъ земледѣльческихъ районовъ — при такихъ условіяхъ никакой полицейскій карантинъ не можетъ преградить дальнѣйшаго доступа въ деревню „превратныхъ“ идей.

Послѣдній годъ принесъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о наличности революціонной пропаганды въ деревнѣ. Въ нелегальной печати можно найти свѣдѣнія этого рода о губерніяхъ Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Пермской, Орловской, Курской, Смоленской, Полтавской, Кіевской, Черниговской, Харьковской, Могилевской, Волынской, Минской и др. Наводнявшія большіе города тысячи летучихъ листковъ проникали въ окрестныя деревни и обсуждались крестьянами (такого рода указанія имѣются относительно Одессы, Нижняго Новгорода, Иваново-Вознесенска, Екатеринослава). Кое-гдѣ жандармы нападали на слѣдъ систематической пропаганды и производили облавы; крестьяне стали появляться въ тюрьмахъ на положеніи „политическихъ“.

Полтавскія и харьковскія событія показали, что крестьяне сочувственно относятся къ революціонной литературѣ и усваиваютъ ея содержаніе. Если боевые пріемы возставшихъ продиктованы имъ крестьянскими представленіями о правѣ крестьянъ на помѣщичью землю, то въ мотивировкѣ притязаній „бунтовщиковъ“ уже слышались нотки, свидѣтельствующія о вліяніи „книжки“.

Разрастающееся „городское“ движеніе, проявляющееся въ рядѣ разнообразныхъ открытыхъ протестовъ, можетъ найти себѣ могучаго союзника въ крестьянскихъ „безпорядкахъ“. Паника, охватившая правительство при извѣстіи объ южнорусскихъ волненіяхъ, и самая слѣпая ярость, съ которой со-

вершалось усмиреніе, показываютъ достаточно, что для сословно-полицейскаго государства всего страшнѣе пріобщеніе къ революціонному движенію крестьянскихъ массъ. До тѣхъ поръ, пока крестьяне спокойны, самодержавіе еще можетъ надѣяться затопить въ крови „городское“ движеніе. Только *реальная* угроза всероссійской „крестьянской войны“ можетъ внести въ правящія сферы ту атмосферу деморализаціи, ту полную дезорганизацію, при которыхъ реакція сдается послѣ перваго серьезнаго натиска. Съ другой стороны, только хотя бы начало такого возстанія сдѣлаетъ невозможнымъ для царизма расколоть оппозиціонныя силы грошовыми уступками въ духѣ Лорисъ-Меликова. Когда на политическомъ горизонтѣ покажется многомилліонная масса крестьянства, — всякіе разговоры о простомъ возвращеніи къ великимъ реформамъ“ Александра II должны будутъ прекратиться. Въ лицѣ поднявшейся крестьянской массы городской пролетаріатъ будетъ имѣть прекрасный рычагъ для демократическаго давленія на тѣ — нынѣ оппозиціонные или полуоппозиціонные — элементы, которые, по всему вѣроятію, явятся главными хозяевами конституціонной Россіи и на радикализмъ которыхъ нѣтъ никакихъ основаній полагаться революціонерамъ.

Въ интересахъ ускоренія вовлеченія крестьянской массы въ нынѣшнее революціонное движеніе, соціаль-демократія должна какъ можно болѣе расширить свою агитацію на почвѣ вопросовъ, непосредственно задѣвающихъ крестьянскую массу Продовольственная компанія правительства, классовой и сословный гнетъ землевладѣльцевъ и освящающая его политика царизма должны разоблачаться передъ лицомъ той народной массы, которая является обычной аудиторіей соціаль-демократіи. Тамъ, гдѣ силы это позволятъ, соціаль-демократы, конечно, перейдутъ къ непосредственному воздѣйствію на сельское населеніе. Но и тамъ, гдѣ условія не допускаютъ еще этого перехода, одно только введеніе въ нашу агитацію вопросовъ о сословномъ и политическомъ угнетеніи крестьянства сдѣлаетъ немало для революціонированія крестьянской массы. Полицейскій надзоръ можетъ затруднить доступъ въ села пропагандистамъ и ихъ литературѣ, но общая политика царизма и условія, создаваемыя экономическимъ развитіемъ, способствуютъ разрушенію китайской стѣны, отдѣлявшей городъ отъ деревни. Милліоны жертвъ голода и „земельнаго утѣсненія“ бросаются въ города, въ поискахъ за заработкомъ, и тѣмъ самымъ вступаютъ въ атмосферу политическаго и соціальнаго возмущенія, достигшаго уже весьма высокой степени.

II.

Голодающіе и оставленные безъ посторонней помощи крестьяне идутъ въ города искать работы. Но въ городахъ они

находятъ массы безработныхъ, оставшихся за штатомъ вслѣдствіе промышленнаго застоя.

„Со второй половины 1900 года“, пишетъ Екатеринославскій корреспондентъ „СПБ Вѣд.“, „положеніе фабрично-заводской промышленности въ Екатеринослав. губерніи стало замѣтно ухудшаться; уменьшеніе казенныхъ заказовъ на многихъ заводахъ, въ большинствѣ и оборудованныхъ въ разсчетѣ на эти заказы, повлекло за собой сокращеніе числа рабочихъ, разсчитываемыхъ за избыткомъ ихъ почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ въ значительномъ количествѣ. Помимо того, нѣкоторыя промышленныя общества, вслѣдствіе переживаемыхъ затрудненій, оказались несостоятельными, и принадлежащіе имъ заводы совершенно прекратили работы.“ Вотъ таблица, показывающая число рабочихъ, отпущенныхъ заводами г. Екатеринослава и прилегающихъ поселковъ (Амуръ и Нижнеднѣпровскъ) въ теченіе послѣдняго года.

	Было въ 1901 г.	въ 1902 г.
Брянскій зав.	7 000	5 000
Сталелитейный	1 200	600
Трубопрокатный	1 900	1 450
Екатеринослав. желѣзодѣлательный	360	170
Донецкій желѣзодѣлателѣный . .	120	26
Желѣзопрокат. заводъ Ланге . . .	906	532
Итого	11 656	7 778

Итого разсчитано 3 878 раб. Сверхъ того, закрытіе 8-ми промышленныхъ заведеній оставило безъ работы еще 965 чел. Общій итогъ — 4 843 оставшихся безъ работы за одинъ годъ.

№ 7 „Южнаго Рабочаго“ приводитъ, между прочимъ, слѣдующія данныя о безработицѣ въ Екатиринославѣ: на заводѣ Эзау въ сентябрѣ разсчитано 130 рабочихъ, зимой еще — 100. На Брянскомъ заводѣ ожидается увольненіе новыхъ трехъ тысячъ. „Немногіе счастливцы, которыхъ хозяева милостиво оставили въ своихъ мастерскихъ, находятся подъ постояннымъ страхомъ потерять кусокъ хлѣба, а это даетъ фабрично-заводской администраціи возможность самой безстыдной эксплуатаціи, издѣвательства надъ личностью и попиранія даже тѣхъ жалкихъ правъ, которыхъ рабочимъ удалось добиться тяжелой борьбой. Такъ, на Бельгійскомъ заводѣ теперь безъ всякихъ предупрежденій понижены разцѣнки на 30 % и вдобавокъ на цѣлый часъ удлиненъ рабочій день“. На заводѣ Ланге работаютъ всего 4-5 дней въ недѣлю. „Увольненія идутъ безпрерывно; тамъ, гдѣ работали раньше 6 слесарей, теперь работаетъ 3; вмѣсто 3 кузнецовъ въ каждой смѣнѣ работаетъ 1-2... Разцѣнки понижены вдвоевтрое; рабочій день, благодаря практикующимся сверхурочнымъ работамъ, теперь длиннѣе прежняго: очень часто заставляютъ работать по 3-4 смѣны подъ-рядъ безъ всякаго промежуточнаго отдыха; слесарей заставляютъ работать черезъ день ночь. Впрочемъ, только при такой усиленной

работѣ и можно что нибудь заработать. Конечно, это не обходится даромъ рабочему. Изнурительный трудъ, недосыпаніе, скверное питаніе и недоѣданіе подорвали наше здоровье и больныхъ у насъ больше обыкновеннаго. Но начальство постоянно просматриваетъ списки больныхъ и если кто часто болѣетъ, тотъ скоро получаетъ разсчетъ. Изъ боязни разсчета приходится скрывать свою болѣзнь.“

Безработица охватила всю Екатеринославскую губ. и смежную съ ней Донскую область. Въ чрезвычайномъ бахмутскомъ земскомъ собраніи земскій начальникъ Смѣкаловъ, предлагая ходатайствовать о правительственной помощи пострадавшимъ отъ голода крестьянамъ, указывалъ на то, что „общій промышленный кризисъ повлекъ за собой прекращеніе дѣятельности многихъ промышленныхъ заведеній уѣзда, такъ что населеніе осталось безъ всякихъ постороннихъ заработковъ.“

Цититированный нами уже екатеринославскій корреспондентъ „СПБ. Вѣд.“ пишетъ о положеніи безработныхъ: „Матеріальное необезпеченіе ихъ, какъ людей существующихъ исключительно фабричнымъ трудомъ, въ настоящее уже время принимаетъ угрожающій характеръ... Обстановка ихъ жизни, совершенно голодной цѣлыми мѣсяцами, представляетъ собой подавляющія картины полнаго развитія нищенства; потребность въ работѣ огромная, и ежедневно передъ воротами всѣхъ заводовъ можно регистрировать сотни людей, ожидающихъ найма.“

Въ Ростовѣ на Дону на гвоздильномъ заводѣ Панина разцѣнки понижены на 1 коп. съ пуда, „разсчитываютъ старыхъ рабочихъ, на мѣсто ихъ принимаютъ дѣтей и подростковъ, которымъ платятъ въ 2-3 раза меньше.“ („Юж. Раб.“ № 7).

„Общая безработица“, пишетъ корреспондентъ „Искры“, (№ 18), „отразилась, разумѣется, и на Таганрогѣ и съ наступленіемъ зимы, Касперовка — предмѣстье, населенное рабочими металлургическаго завода — имѣла видъ голодающей деревни.“ Съ января рабочимъ понижены разцѣнки на 25 %, а 200 человѣкъ назначено къ разсчету; стачка рабочихъ вынудила администрацію отказаться отъ послѣдняго намѣренія.

19-го февраля въ Сулинѣ, Донской обл., рабочіе завода Пастухова разгромили контору и уничтожили вещи въ квартирахъ членовъ администраціи. Причиной волненій было пониженіе разцѣнковъ, какъ слѣдствіе кризиса. (Искра, № 18).

Описывая состояніе Донецкаго бассейна въ маѣ, корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 9399) пишетъ: „... Кризисъ затягивается и грозитъ стать хроническимъ. Никакихъ надеждъ на открытіе новыхъ рынковъ для сбыта угля никто не питаетъ.... Запасъ угля въ бассейнѣ дошелъ уже до 40 милліоновъ пудовъ, не считая того количества, которое добыто въ шахтахъ кустарнаго промысла. Впрочемъ, *кустари-углепромыш-*

ленники исчезаютъ и особенно быстро за послѣднее время.)* Неурожай двухъ предшествующихъ лѣтъ лишилъ этотъ классъ промышленниковъ даже минимальныхъ средствъ для оборота"...

„Всѣ толки о томъ, что будто бы разсчетъ рабочихъ прекращенъ, несправедливы. Не только разсчитываютъ тульскихъ, смоленскихъ и всякихъ иныхъ весей работниковъ, но даже сокращаютъ штаты въ конторахъ и администраціи вообще."

„Но это видимое оскудѣніе", продолжаетъ корреспондентъ, „этотъ промышленный застой не перестаетъ наполнять рабочіе поѣзда цѣлыми массами крестьянъ, ежегодно двигающихся и разсыпающихся по окрестнымъ шахтамъ и заводамъ въ поискахъ за работой. Диву даешься этому ничѣмъ необъяснимому движенію съ вѣрнѣйшимъ разсчетомъ потерять потраченныя деньги на проѣздъ, а потомъ побираться и предлагать свой трудъ за кусокъ хлѣба." Послѣднія слова сіятельнаго корреспондента (кн. М. Шаховской) хотятъ, повидимому, свалить вину за бѣдствія безработицы на невѣрный „разсчетъ" ищущихъ труда. Князь забылъ дать указаніе, что же дѣлать изголодавшемуся крестьянину? Впрочемъ, онъ самъ признается, что „это какой то заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ средствъ выбраться. Когда я началъ бесѣду на эту тему съ директоромъ завода, разумѣется, бельгійцемъ, — онъ по своему разрѣшилъ рабочій вопросъ: Il faut les chasser d'ici par les cosaques."**) Знаменательный отвѣтъ. Напрасно только нашъ князь, „украдкою киваетъ на Петра", говоря, что находчивый директоръ, „разумѣется, бельгіецъ". Гг. бельгійскіе директора и капиталисты на нашемъ Югѣ очень скоро усваиваютъ себѣ „истинно-русское" представленіе о „козацкомъ" рѣшеніи рабочаго вопроса, но самое-то это рѣшеніе несомнѣнно православно-россійскаго происхожденія. „Эвакуація" переполненнаго безработными Донецкаго бассейна производилась въ теченіе всего прошлаго года не безъ содѣйствія военной силы и казацкой нагайки. Свыше десяти тысячъ горнорабочихъ были *высланы* изъ мѣстности, гдѣ они отдали Молоху капитализма свои силы.

Азіатскій способъ „рѣшенія" рабочаго вопроса путемъ принудительной высылки безработныхъ особенно практиковался въ Баку. „Съ мая 1901 г. до закрытія навигаціи отправлено до 6000 человѣкъ. Послѣ закрытія навигаціи въ теченіе послѣднихъ полутора мѣсяцевъ отправлено по желѣзной дорогѣ по льготному тарифу 1996 человѣкъ, кромѣ выѣхавшихъ въ Ташкентъ 500 чел.... Ожидается къ отправкѣ еще до 1000 чел." (Нижег. Лист. № 59). Итого, стало быть, около 10 000.

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Прогнать ихъ при помощи козаковъ!

Въ Батумѣ директоръ завода Ротшильда „отдалъ распоряженіе разсчитать старыхъ рабочихъ (около 420 чел.), какъ лицъ по его мнѣнію неблагонадежныхъ.“ („Искра“ № 20). Легко догадаться, что “неблагонадежность“ могла быть только поводомъ къ тому, чтобы избавиться отъ „не нужныхъ“ рабочихъ. Въ результатѣ — стачка всѣхъ рабочихъ, кончившаяся, благодаря вмѣшательству властей и ряду провокацій съ ихъ стороны, бойней 9 марта. 13 рабочихъ было убито.

На другомъ заводѣ — Манташева — въ томъ же Батумѣ увольненіе рабочихъ вызвало стачку въ февралѣ.

Въ Царицынѣ („Волгарь“) „открытіе навигаціи вызвало лишь приливъ массы нищихъ, которые буквально осаждаютъ обывателей“ въ ожиданіи открытія работъ на пристаняхъ. Въ Саратовѣ городской думѣ доложено слѣдующее письмо врача Соколова („Сарат. Днев.“):

„Имѣю честь довести до свѣдѣнія управы, что возвратный тифъ обнаруживаетъ наклонность все къ большему и большему усиленію. Съ цѣлью выясненія причинъ этого усиленнаго развитія я произвелъ поголовный опросъ всѣхъ больныхъ, лежащихъ въ городской больницѣ 5-го марта, а также разспрашивалъ неоднократно ночлежниковъ въ ночлежномъ домѣ № 3. Оказалось, что громадная масса чернорабочихъ, проживающихъ въ настоящее въ Саратовѣ, совершенно не имѣетъ заработка; другая часть, хотя и имѣетъ таковой, но онъ настолько ничтоженъ (10—15 коп. въ день при работѣ на погребахъ, на Волгѣ и пр., и 10—15 коп. при работѣ на маслenkахъ), что совершенно не даетъ возможности удовлетворить минимальныя человѣческія потребности. Въ силу всего этого, рабочіе или совершенно голодаютъ цѣлыми днями, или же живутъ впроголодь и легко поэтому заболѣваютъ.“

Въ Брянскомъ заводѣ, Орловской губ., „съ февраля мѣсяца стали сбавлять расцѣнки и начали съ вагоннаго цѣха, сбавивъ расцѣнки *въ половину*, что и заставило рабочихъ забастовать въ числѣ 400 чел. Забастовка продолжалась съ 2-го по 6-ое февраля и рабочимъ удалось на половину уменьшить сбавку.“ Съ 4-го марта сбавка на 40 % произведена въ механическомъ цѣхѣ, но стачка рабочихъ вынудила администрацію взять свое рѣшеніе назадъ. („Искра“, № 20).

Въ Москвѣ Зубатовъ и его агенты всячески старались на пасху сплавить возможно большее количество рабочихъ въ деревни, уговаривая ихъ не возвращаться до тѣхъ поръ, пока ихъ уполномоченные не подрядятся съ фабрикантами отъ имени цѣлыхъ артелей. Объясненіе этимъ стараніямъ находимъ въ слѣдующей замѣткѣ „Русскаго Слова“: „Администрація городского работного дома серьезно озабочена вопросомъ о пріисканіи спеціальныхъ работъ для многочисленныхъ слесарей, вступившихъ въ работный домъ въ качествѣ добровольцевъ... Большое число рабочихъ этого цѣха, посту-

шившихъ въ работный домъ, объясняютъ сокращеніемъ штатовъ мастеровъ и рабочихъ на многихъ московскихъ фабрикахъ и заводахъ, а то и совершеннымъ закрытіемъ нѣкоторыхъ заводовъ."

На Вагонностроительномъ заводѣ въ Твери, хотя и нѣтъ недостатка въ заказахъ, но разцѣнки систематически сбавляются, благо въ ищущихъ работы нѣтъ недостатка. Низкіе расцѣнки вызвали въ концѣ февраля стачку на Тверской Рождественской мануфактурѣ Берга. На мануфактурѣ Морозовыхъ „съ мая прошлаго года сбавляли расцѣнки, и — особенно среди ткачей, — шло глухое броженіе." („Искра", № 20).

Въ Орѣховѣ Зуевѣ весной громадный наплывъ безработныхъ. Въ Сормовскомъ заводѣ близъ Нижняго Новгорода „систематически, хотя незамѣтно и постепенно, понижаютъ расцѣнки." („Искра", № 15).

Въ Петербургѣ на механическомъ заводѣ Гольдберга, прошлымъ лѣтомъ уволили болѣе старыхъ рабочихъ, а остальнымъ понизили расцѣнки; съ Пасхи расцѣнки снова понижены, а еще до того, въ октябрѣ, разсчитана часть рабочихъ литейнаго цѣха. (Раб. Мысль, № 14). На Путиловскомъ заводѣ систематически разсчитываютъ рабочихъ, при чемъ подлежащіе увольненію опредѣляются жребіемъ. На другихъ крупныхъ заводахъ число рабочихъ также сокращается.

Въ Ревелѣ („Прибалт. Край") босяки „тщетно ждутъ открытія навигаціи, надѣясь найти себѣ работу... Положеніе несчастныхъ настолько плачевно, что изъ каждой части города около 4 000 челов. должны были оставить свой родной городъ и искать въ другихъ мѣстахъ заработка".

Въ Ригѣ (ibid.) „безработица повсюду. Пришла весна, но надежды найти работу никакой нѣтъ, между тѣмъ, какъ содержаніе становится все дороже... Вслѣдствіе этого ежедневно уѣзжаютъ рабочіе, прибывшіе сюда осенью и раньше, назадъ въ деревню, гдѣ еще надѣются получить работу и хлѣбъ. Фабрикантъ М. объявилъ въ газетахъ, что ему нуженъ ночной сторожъ. На другой день съ самаго утра у конторы фабрики собралось человѣкъ до ста, желающихъ занять это мѣсто. На какое-то объявленіе на мѣсто служанки въ теченіе полъ-дня явилось до 60-ти женщинъ. Около экспедицій газетъ стоитъ ежедневно куча людей, ищущихъ работы... А работы нѣтъ."

Наконецъ, и на востокѣ Сибири, въ Иркутскѣ „замѣчается необыкновенный наплывъ по преимуществу чернорабочаго люда и притомъ не только изъ Россіи, но и изъ Манчжуріи. Всѣ они поголовно жалуются на абсолютную безработицу. Нѣкоторые по недѣлямъ и болѣе тщетно бродятъ по городу, нищенствуя и выпрашивая работы." („Рус. Вѣд.")

И т. д. И т. д.

Что означаетъ время промышленнаго кризиса для тѣхъ „счастливцевъ“, которые *еще* не потеряли работу, объ этомъ очень краснорѣчиво говоритъ наблюдатель петербургскихъ рабочихъ*):

„Теперь сама почва заколебалась подъ ихъ ногами. Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять передъ пустыми тисками. Отойти нельзя; присѣсть невозможно: мастеръ пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы потянуть къ разсчету. Рабочій чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ провинился въ чемъ-либо передъ мастеромъ. Онъ не смотритъ въ глаза мастеру, онъ знаетъ, что онъ не нуженъ болѣе, что онъ безсиленъ, что мастеръ можетъ, какъ ему угодно, издѣваться надъ нимъ. Расцѣнки понижаются: не выработаешь и половины прежней получки А фабричнымъ еще труднѣе: рвется гнилая нитка, ноетъ грудь отъ вонючей пыли, а выработаешь въ мѣсяцъ 8—6 рублей, иногда четыре, иногда еще меньше. Питаются однимъ „постнымъ“ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, — хорошо, если можно лукомъ скрасить эту, не идущую въ ротъ, пищу . Но и здѣсь за воротами стоятъ кучами оборванныя ткачихи, ожидая мастера, чтобы просить у него, какъ милости, хоть какой-нибудь работы. Исхудалыя дѣвушки просятъ у своихъ прежнихъ товарищей „Христа ради“, съ завистью провожая ихъ глазами до воротъ фабрики.“

Тотъ же авторъ въ яркихъ краскахъ изображаетъ перемѣну въ настроеніи массы рабочихъ, созданную такимъ положеніемъ. „Въ сознаніи рабочихъ возникаетъ громадная картина торжествующаго зла и насилія, и страшная жажда борьбы и мести прорывается наружу . Глухая злоба скопляется въ груди, гнететъ и мучаетъ. Эти люди на все пойдутъ, все могутъ, потому что все смѣютъ “

Нужно считать большимъ успѣхомъ русскаго рабочаго движенія тотъ фактъ, что при такомъ боевомъ, отчаянномъ настроеніи, охватившемъ пролетарскія массы во всѣхъ концахъ Россіи, количество возникавшихъ въ послѣдній годъ стачекъ сравнительно незначительно. Рабочіе понимаютъ, что при данномъ состояніи промышленности стачки обречены на неуспѣхъ. За то, въ тѣхъ случаяхъ, когда стачки все-же возникаютъ, онѣ носятъ зачастую очень грозный характеръ. Таковы упомянутые уже „бунтъ“ рабочихъ въ Сулинѣ (19 февраля) и мартовское движеніе въ Батумѣ, когда тысячи рабочихъ осаждали пересыльную тюрьму, требуя освобожденія арестованныхъ товарищей. Таковы форменное возстаніе рабочихъ Воткинскаго завода въ Вятской губерніи**), закончившееся варварской экзекуціей, произведенной губернаторомъ

---

*) См. № 16 „Искры“: Безработица въ Петербургѣ.

**) См. о немъ въ „Искрѣ“ (№ 21).

Хомутовымъ, и „бунтъ“ на Залогинской фабрикѣ близъ Твери (4-го апрѣля).

„Громадная масса торжествующаго зла и насилія“, разъ сознанная, обращаетъ вниманіе рабочихъ на общія условія окружающей дѣйствительности. Политическое сознаніе растетъ, все, что годами медленно проникало въ рабочую массу, теперь овладѣваетъ всѣми ея помышленіями. Пролетаріатъ прислушивается къ ведущейся кругомъ него политической борьбѣ и рвется принять въ ней участіе.

Въ силу всѣхъ условій предшествующаго общественнаго развитія, политическимъ, такъ сказать, фокусомъ оказалась борьба студенчества съ правительствомъ. Рабочія массы приняли въ ней самое горячее участіе.

III.

Несмотря на славословіе либеральныхъ газетъ, встрѣтившее первые шаги Ванновскаго, масса студентовъ отнеслась къ „новой эрѣ“ съ извѣстной дозой скептицизма. Тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ движеніе улеглось и еслибы Ванновскій хотѣлъ или могъ только отказаться отъ явно-реакціонныхъ постановленій, его политика „умиротворенія“ путемъ обѣщанія всякихъ „улучшеній“ въ университетской жизни могла бы завоевать ему умѣренное большинство въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, первые же признаки затишья въ студенчествѣ послужили правительству поводомъ для того, чтобы, вопервыхъ, нарушить данныя имъ въ мартѣ обѣщанія, а, во вторыхъ, сдѣлать новый реакціонный набѣгъ. Вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ Ванновскаго и Мѣщанинова, сотни пострадавшихъ въ прошломъ году студентовъ не были приняты обратно, часть сданныхъ въ солдаты оставлены въ казармахъ, и въ довершеніе всего на высшія учебныя заведенія посыпался градъ „мѣропріятій“ по усиленію гнусныхъ стѣсненій въ правѣ на образованіе, падающихъ на евреевъ. Очевидно, предполагалось, что студенчество и общество проглотятъ эти пилюли подъ шумокъ болтовни о легализаціи студенческихъ организацій и о „реформѣ средней школы“

Теперь, когда „эра Ванновскаго“ доведена до конца, можно подвести итоги и установить, какую роль въ ней сыграли главныя дѣйствующія лица. Въ высшей степени поучительнымъ представляется успѣхъ правительственной тактики, преслѣдовавшей цѣли *отвлеченія вниманія общества* отъ дѣйствительной „злобы дня“. Таковой было ненормальное положеніе студенческой молодежи. Борьба послѣдней за „академическую“ свободу естественно и неизбѣжно привела къ болѣе широкому и важному вопросу объ общихъ политическихъ условіяхъ жизни русскаго общества. Послѣ „временныхъ правилъ“ и избіенія 4 марта въ этомъ не могли сомнѣ-

ваться самые робкіе либералы. Бурные февральскіе и мартовскіе дни, стоившіе жизни одному изъ столбовъ реакціи, казалось, выбили правительство изъ его позиціи. И вотъ оно дѣлаетъ ловкій шахматный ходъ. Пробормотавъ неопредѣленныя обѣщанія объ удовлетвореніи студентовъ, оно неожиданно *возбуждаетъ агитацію* противъ существующей средней школы. Основной причиной всѣхъ неустройствъ въ положеніи молодежи оказывается „Толстовско-Деляновская" средняя школа, съ ея реформы надо начать дѣло обновленія. Говоря это, правительство хорошо понимало значеніе своихъ словъ: *для него* все сводилось къ тому, что наличная средняя школа *недостаточно* муштруетъ учащихся, не иммунизируетъ ихъ навсегда отъ вліянія тлетворныхъ идей. Въ *такомъ* смыслѣ требованіе реформъ было понято „Моск. Вѣд.", которыя отнюдь не злобно отнеслись къ первымъ заявленіямъ Ванновскаго. Что возбудило тревогу въ реакціонной газетѣ — это смыслъ, *вложенный* въ рѣчи министра либеральной прессой и обществомъ. Почтенный органъ мракобѣсія не признаетъ окольныхъ путей для спасительнаго воздѣйствія на заблудшее общественное мнѣніе. Но повелители Россіи не даромъ соединяютъ въ себѣ всѣ черты азіятскихъ и европейскихъ государственныхъ людей. Они — черезъ посредство своихъ полу-оффиціозовъ à la „Нов. Вр." и „Россія" — разбудили въ обывателѣ давнишнюю ненависть къ классической системѣ образованія, связанной для него со всѣмъ бездушіемъ, формализмомъ и безсмыслiемъ отечественной школы. Недовольство, пробудившееся въ широкихъ массахъ обывателей, искусно направляли въ сторону „наименьшаго сопротивленія", суля имъ незадѣвающую никакихъ основныхъ интересовъ самодержавія, но, тѣмъ не менѣе, „коренную", радикальную ломку одного изъ незначительнѣйшихъ въ общей системѣ колесиковъ гигантскаго механизма, преслѣдующаго цѣли „оглушенія", обезличенія и развращенія русскаго человѣка.

Спора нѣтъ: Толстовско-Деляновская школа представляетъ собой „классически" отвратительное учрежденіе, вполнѣ приноровленное къ нуждамъ самодержавнаго режима. Реформа ея является неизбѣжно-необходимой для всѣхъ сторонниковъ прогресса. Но ея дѣйствительная реформа, какъ и реформа всякой другой отрасли самодержавнаго режима, невозможна на базисѣ этого режима. Вульгарному уму окрашеннаго либерализмомъ обывателя кажется, что все дѣло въ древнихъ языкахъ. Но сами древніе языки потому только стали однимъ изъ устоевъ реакціонной системы, что явились въ рукахъ ея носителей удобнѣйшимъ средствомъ *не давать* молодежи современнаго образованія. „Идя на встрѣчу" воплямъ обывателей противъ древнихъ языковъ, готовились-ли наши реформаторы дать въ гимназіи доступъ современному образованію? Нѣтъ и нѣтъ! Этотъ доступъ могъ быть данъ только

ослабленіемъ *казеннаго* характера школы, отдачей ея въ руки общественныхъ учрежденій, отказомъ отъ шпіонскихъ пріемовъ казенной педагогики, отказомъ отъ правительственнаго надзора за „благонадежностью“ учащихъ и учащихся, удаленіемъ изъ школы того реакціоннаго духа, который выражался въ обязательности „Закона Божія“, въ школьномъ надзорѣ за религіозной благонадежностью учащихся, въ закрытіи или ограниченія доступа „кухаркинымъ сыновьямъ“ и евреямъ. Кажется, теперь уже ясно, что ничего подобнаго не входило въ планы Ванновскихъ и Мѣщаниновыхъ. Спекулируя на оппортюнизмъ обывателей, наши реформаторы готовились облегчить ихъ сыновьямъ прохожденіе наукъ, т. е. процессъ завоеванія „диплома“, одновременно съ тѣмъ усиливая реакціонный характеръ школьной системы. Если весь смыслъ толстовскаго классицизма заключался въ томъ, чтобы убивать въ юношѣ всякіе задатки гражданскаго самосознанія, то новый курсъ, признавъ этотъ методъ „обезвреживанія“ молодого поколѣнія несостоятельнымъ, норовилъ самой программой обученія *активно* и *непосредственно* воздѣйствовать на міровоззрѣніе юношей, воспитывая ихъ въ духѣ „самодержавія, православія и народности“. Таковъ былъ смыслъ разговоровъ о новой „наукѣ“ — отечествовѣдѣніи, отъ преподаванія которой нововременцы ожидали чудесъ. Усиленіе преподаванія естественныхъ наукъ должно было возмѣщаться увеличеніемъ уроковъ „Закона Божія“, а преподаваніе отечественной литературы — возложеніемъ на учителей словесности обязанности слѣдить за *политической* физіономіей гимназистовъ путемъ *провоцированія* ихъ*).

Такой „реформѣ“ не только не противорѣчило, но и вполнѣ соотвѣтствовало устраненіе отъ ея обсужденія родителей и органовъ самоуправленія. Когда на „безсмысленныя мечтанія“ сотрудничества общества съ правительствомъ въ подготовленіи реформы правительство недвусмысленно указало обществу его мѣсто, обыватель началъ было отрезвляться и либеральная пресса стала ворчать на его устраненіе отъ дѣла, касающагося такъ близко его сердца. Но тутъ-то подоспѣли „Моск. Вѣд.“ со своими все болѣе яростными филиппиками въ защиту классицизма. Руководимое такими органами, какъ „Новое Время“, „Россія“, „Русскія Вѣдомости“, общественное мнѣніе все болѣе укрѣплялось въ идіотски-нелѣпомъ, поистинѣ безсмысленномъ убѣжденіи, что Ванновскій и Ко., издающіе реакціоннѣйшія распоряженія объ ограниченіи доступа евреевъ, примѣняющіе къ студентамъ прежнюю политику репрессій, что они двигаютъ впередъ какое-то либеральное дѣло Слухи о конфликтахъ между Ванновскимъ

*) Задавать сочиненія на такія темы, которыя побуждаютъ человѣка высказать свои мысли о политическихъ вопросахъ.

и другими министрами способствовали укрѣпленію этого нелѣпаго взгляда. Когда, наконецъ, правительство рѣшило, что комедію можно прекратить и роль Ванновскаго, дурачившаго общество, оказалась сыгранной, онъ явился окруженнымъ ореоломъ мученика либеральной идеи. Его выбираютъ въ почетные члены С.-Петербургскаго Университета, Зарайская городская дума подноситъ ему званіе почетнаго гражданина и русскій либорализмъ, всячески увиливая отъ серьезной борьбы за прогрессъ, еще разъ доказалъ свою политическую незрѣлость, создавъ себѣ объектъ для безобидной пародіи на оппозицію.

Вотъ въ какихъ словахъ напутствуетъ „Вѣстникъ Европы“ уволеннаго министра: „Глубокимъ сочувствіемъ проникнуты отзывы бо́льшей части нашихъ газетъ о дѣятельности ген.-адъютанта Ванновскаго, какъ министра народнаго просвѣщенія. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ этихъ отзывахъ отразилось господствующее настроеніе русскаго общества, видѣвшаго въ бывшемъ министрѣ *освободителя отъ бремени, болѣе четверти вѣка съ такой силой тяготѣвшаго и надъ дѣтьми, и надъ родителями* . . . .*) Противодѣйствуетъ унынію только надежда, что начатое дѣло будетъ доведено до конца . . . Взятая въ цѣломъ, работа, исполненная бывшимъ министромъ, весьма велика; въ столь короткое время у насъ не часто было предпринимаемо и подготовляемо столь многое. Съ этой точки зрѣнія періодъ съ марта 1901 г. по апрѣль 1902 г. превосходитъ собой другой аналогичный промежутокъ времени — съ апрѣля 1880 г. по мартъ 1881 г.: преобразовательные планы А. А. Сабурова развернулись менѣе широко и менѣе быстро, чѣмъ преобразовательные планы П. С. Ванновскаго.“ По мнѣнію журнала, въ области высшаго образованія министромъ „проложена дорога и сдѣлано нѣсколько шаговъ, предрѣшающихъ отчасти дальнѣйшее движеніе“. О да, рыцари либеральнаго славословія! „Дальнѣйшее движеніе“, безъ сомнѣнія, предрѣшено опытами Ванновскаго, но станете-ли Вы отрицать, что это движеніе есть движеніе въ сторону, прямо противоположную стремленіямъ студенчества? Что сказать о такомъ чудовищномъ благодушіи, съ которымъ либеральный органъ позволяетъ себѣ, въ виду тысячъ пострадавшихъ за дѣйствительное движеніе студентовъ, пѣть хвалу человѣку, прежде всего отвѣтственному за всѣ эти исключенія, за всѣ эти массовыя ссылки? Что сказать о либералахъ, забывшихъ при подведеніи итоговъ дѣятельности министра-фельдфебеля о такихъ „предрѣшающихъ дальнѣйшее движеніе“ актахъ, какъ дальнѣйшее развитіе политики ограниченій пріема евреевъ въ университеты? Какъ назвать органъ, внушающій читателямъ лживую и искус-

*) Курсивъ нашъ.

ственно культивированную защитниками statu quo нововременскую идею, будто „родители и дѣти“ нуждались прежде всего въ избавленіи отъ „бремени“ классицизма, а не отъ бремени самодержавія и *основныхъ* началъ его школьной политики?

Рабій языкъ либераловъ лишній разъ эффектно оттѣняется рѣчами реакціонеровъ. Эти-то хорошо знаютъ, чего хотятъ. Они достаточно проникнуты духомъ „дисциплины“, чтобы скромно помолчать, когда правительству надо поставить на сцену комедію „сердечнаго попеченія“ для дураченія простаковъ. Въ такіе моменты они ограничиваются лишь свирѣпыми окриками на разпуздавшихъ свою фантазію либераловъ, чѣмъ вынуждаютъ ихъ сразу встать въ оборонительную позицію — реакціонеры наши очень хорошо усвоили себѣ пріемы боевой тактики. Съ тѣмъ бо́льшей рѣшительностью они выступаютъ въ тотъ моментъ, когда правительственная игра доведена до конца. Того самого Ванновскаго, котораго онѣ недавно защищали отъ „безсмысленно-мечтательныхъ“ интерпретацій либераловъ, — „Моск. Вѣдомости“ нынѣ лягаютъ нижеслѣдующими „Катковскими“ ударами*):

„Нельзя не отмѣтить съ особымъ чувствомъ удовлетворенія и то обстоятельство, что къ обѣимъ реформамъ нашей научной школы новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія относится съ *одинаковой серьезностью, достойною человѣка высокаго научнаго образованія***). (Каково слышать это только-что уволенному человѣку „домашняго образованія“? Л. М.)

„Зная всю важность какъ той, такъ и другой реформы, г. Зенгеръ, прежде всего, отказывается произвести ихъ съ той лихорадочной поспѣшностью, подъ давленіемъ чуждыхъ и враждебныхъ наукѣ агитацій и демонстрацій, которая можетъ только до-нельзя усложнить, а не разрѣшить такой важный государственный вопросъ, какимъ несомнѣнно является вопросъ о среднемъ и высшемъ научномъ образованіи. Въ виду этого г. Зенгеръ молитъ Бога, „да убережетъ Онъ насъ отъ *угодливости шумливому задору легкомыслія****)“.

„Тотъ, кто сознательно пережилъ всѣ реформаторскіе ужасы истекшаго года, тотъ поймете и безъ дальнѣйшихъ объясненій всю глубину и мѣткость этихъ словъ. То, что вчера легкомысленный фельетонистъ шумливо выкрикивалъ какъ послѣднее слово невѣдомой ему педагогической науки, то сегодня воспринималось съ благоговѣйной угодливостью передъ „общественнымъ мнѣніемъ“ и завтра уже вносилось въ проекты учебныхъ реформъ, вопреки здравому смыслу, историческому опыту и дѣйствительной пользѣ государственной школы.“

*) Моск. Вѣд.“ № 117.
**) Курсивъ нашъ.
***) Курсивъ газеты.

Теперь, съ вступленіемъ Зенгера, реформы „подвергнутся серьезному обсужденію вполнѣ компетентныхъ лицъ и учрежденій, которыя несомнѣнно будутъ исключительно заниматься своимъ спеціальнымъ дѣломъ, *а не пустой болтовней*,*) столь любезной шумливому задору легкомыслія. . . .

„Мы теперь, наконецъ, получаемъ твердую гарантію, что реформы нашего средняго и высшаго образованія будутъ произведены не кое-какъ, не со скоропалительной поспѣшностью, *не съ самоувѣреннымъ диллетантствомъ*, а по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ насущныхъ потребностей какъ Русскаго государства, такъ и русской науки, интересы которой *совершенно были забыты прошлогодними реформаторами съ ихъ эгалитарно-демократическими идеалами*. . . .

„. . . . Въ наши среднія и высшія школы снова вернется духъ добраго порядка и строгой законности, духъ истинной любви къ дѣтямъ и юношамъ, которыхъ уже не будутъ подвергать на-авось разнымъ *легкомысленнымъ экспериментамъ* и, наконецъ, духъ серіозной науки, въ которомъ въ особенности такъ нуждается намъ Университетъ.“

Наша правительственно-реакціонная партія давно уже усвоила ту практическую истину, что въ борьбѣ съ противниками надо всегда *запрашивать какъ можно больше и предлагать какъ можно меньше*. Всѣ приведенныя нами грозныя филиппики и имѣютъ цѣлью оглушить противника-обывателя ни съ чѣмъ несообразными требованіями. Классическая система, во всякомъ случаѣ, будетъ смягчена, это хорошо знаютъ раакціонеры, сознательно выбросившіе обывателю эту подачку, чтобы отвлечь его отъ поддержки оппозиціоннаго движенія. Но, какъ серьезные политики, они знаютъ, что въ политической борьбѣ дать добровольно мизинецъ, значитъ рисковать цѣлой рукой. Вотъ почему они и поднимаютъ отчаянный шумъ о гибели всѣхъ „основъ“ по случаю самыхъ невинныхъ „экспериментовъ“ Ванновскаго. Напротивъ, наши либералы, до сихъ поръ не усвоившіе себѣ этого нехитраго секрета политической борьбы, заранѣе умѣряютъ свои требованія, заранѣе переходятъ въ „виноватый“ тонъ человѣка, сознающаго, что ему *всѣхъ* своихъ требованій не отстоять, и — теряютъ и то, что могли бы урвать. И такой неизбѣжный результатъ заранѣе былъ предрѣшенъ всѣмъ поведеніемъ „общества“ съ прошлаго года.

Тотъ, кто хотѣлъ серьезной реформы университетскихъ и школьныхъ порядковъ и кто не увертывался отъ связи этихъ порядковъ съ общимъ режимомъ, тотъ долженъ былъ стремиться концентрировать борьбу на томъ именно пунктѣ, гдѣ эта связь обозначилась всего рѣзче, гдѣ всякій шагъ по пути реформы означалъ новый клинъ, вбитый въ устои самодер-

*) Курсивъ здѣсь и далѣе — нашъ.

жавнаго строя. Такимъ пунктомъ были и остаются — университетская автономія и академическая свобода. Въ этой сферѣ самодержавіе не можетъ ничего уступить, не вводя въ свой организмъ новыхъ разрушительныхъ бациллъ. Именно поэтому надо было всѣми силами добиваться уступокъ въ этомъ пунктѣ. Студенты и рабочіе сдѣлали все возможное, чтобы выиграть дѣлу прогресса эту позицію. Долгомъ общества послѣ назначенія Ванновскаго было направить свои усилія въ эту-же сторону. Давъ себя одурачить правительству и оставивъ студентовъ безъ активной поддержки, общество съ своей стороны сдѣлало все возможное, чтобы погубить дѣло всѣхъ общихъ и частныхъ реформъ. —

Оставленные обществомъ и испытывая на себѣ истинный характеръ новаго курса „сердечнаго попеченія", студенты съ самаго начала учебнаго года начали готовиться къ новой схваткѣ. Съ октября пошли сходки. Кіевскіе студенты на многолюдной сходкѣ постановляютъ требовать удовлетворенія неисполненныхъ весеннихъ обѣщаній и недвусмысленно констатируютъ тѣсную связь между академической и политической свободой. Прошлогодный опытъ не пропалъ даромъ и участіе рабочаго класса въ борьбѣ за права студентовъ принесло свои плоды: гораздо скорѣе, чѣмъ обыкновенно, революціонные элементы студенчества берутъ верхъ надъ умѣренными „академистами" Во всѣхъ университетахъ во главѣ движенія становятся открыто революціонныя группы. Онѣ развиваютъ весьма широкую агитацію, провозглашаютъ свою непримиримую вражду къ царизму, зовутъ общество на борьбу съ нимъ и всѣ революціонныя надежды возлагаютъ на пролетаріатъ.

Обычная безтактность правительства ускоряетъ начало военныхъ дѣйствій. Половинчатое поведеніе министерства во время инцидента съ инсинуаціями „Гражданина" разжигаетъ страсти. Въ Москвѣ, гдѣ „академисты" пока еще задаютъ тонъ, Ванновскій своими отвѣтами студенческой депутаціи обрѣзываетъ крылья всѣмъ „безсмысленнымъ мечтаніямъ" и однимъ ударомъ бросаетъ москвичей въ „политическій" лагерь.. И, наконецъ, подобно тому, какъ въ 1900 году „временныя правила" примѣнены по сравнительно-ничтожному поводу чисто академическаго конфликта, такъ и теперь „сердечное попеченіе" показало свои когти по случаю невиннаго харьковскаго инцидента съ проф. Лагермаркомъ. Увольненіе цѣлаго курса принято студентами, какъ вызовъ, и борьба началась.

Правительство подготовлялось къ борьбѣ серьезно. Въ Петербургѣ произведена основательная „чистка", удалившая изъ столицы всѣхъ возможныхъ руководителей демократическихъ слоевъ общества. Революціоннымъ организаціямъ повсюду не давалось „ни отдыха, ни сроку"; аресты слѣдовали за арестами. На протяженіи половины Россіи введена

усиленная охрана, издаются „обязательныя постановленія“, запрещающія сборища, ношеніе оружія, устанавливающія надзоръ дворниковъ. Усилены кадры жандармской полиціи, на опасные посты назначены свирѣпѣйшіе сатрапы — Валь въ Вильну, Оболенскій — въ Харьковъ, Клингенбергъ — въ Владимірскую губ. Въ Москвѣ Зубатовъ и Озеровъ проявляютъ чудеса полицейской демагогіи, чтобы не дать рабочимъ принять участіе въ движеніи. Съ своей стороны, революціонеры развиваютъ широкую агитацію, готовясь къ моменту открытыхъ дѣйствій. Летучіе листки распространяются всюду массами. Общая революціонная литература ходко идетъ въ массѣ рабочихъ и обывателей. Кое-гдѣ революціонные элементы начинаютъ манифестировать, пользуясь представившимися поводами. Еще 19-го сентября въ Кишиневѣ происходитъ демонстрація по случаю ссылки студента Домбровскаго. Въ ноябрѣ въ Нижнемъ Новгородѣ происходитъ манифестаціи противъ высылки Горькаго, въ Москвѣ студенты демонстрируютъ по случаю годовщины смерти Добролюбова, въ Кіевѣ освистываютъ мракобѣса Вергуна (15-го ноября), въ Ригѣ (24-го ноября) студенты производятъ уличную демонстрацію послѣ сходки, въ тотъ же день Витебскіе рабочіе устраиваютъ демонстративные проводы ссылаемымъ товарищамъ.

28-го ноября начинаются манифестаціи въ Харьковѣ, продолжающіеся до 2-го декабря. Рабочіе принимаютъ въ нихъ замѣтное участіе. Полиція и казаки свирѣпствуютъ. Извѣстія объ ихъ безчинствахъ облетаютъ южные города, вызываютъ бурную сходку кіевскихъ политехниковъ 5-го декабря и сочувственную екатеринославскую демонстрацію 15-го декабря. 7-го декабря рижскіе студенты демонстрируютъ передъ редакціей реакціонной газеты.

24-го января кіевскіе студенты торжественно сжигаютъ „временныя правила“. 20-го января одесситы съ успѣхомъ устраиваютъ анти-правительственную демонстрацію въ театрѣ. Этотъ родъ „театральныхъ“ демонстрацій быстро входитъ въ моду и примѣняется въ рядѣ городовъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ, Ригѣ, Юрьевѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Полтавѣ). 2-го и 3-го февраля происходятъ многолюдныя демонстраціи въ Кіевѣ. Новыя избіенія — на улицахъ и въ участкахъ. На основаніи „обязательныхъ постановленій“ сотни людей всякаго званія подвергаются аресту. Петербургскіе студенты окончательно вступаютъ на путь обструкціи и готовятся къ демонстраціямъ. Полиція отвѣчаютъ на это безчисленными арестами, а 8-го февраля производитъ въ Народномъ Домѣ колоссальное побище. 9-го февраля арестованные по поводу демонстраціи въ Полтавскомъ театрѣ устраиваютъ новую демонстрацію въ тюрьмѣ, которая подымаетъ на ноги весь городъ и вызываетъ „бунтъ“ уголовныхъ.

Къ этому времени московскіе студенты обращаются къ рабочимъ съ горячимъ воззваніемъ, приглашая ихъ къ совмѣстной демонстраціи. Ловкость Зубатова разстроила ихъ планы. Назначенная на 9-ое февраля сходка принимаетъ революціонную резолюцію, но всѣ 600 слишкомъ молодыхъ людей, собравшихся въ Университетѣ, оцѣпляются военной силой и арестуются вмѣстѣ съ тремя стами изъ собравшейся къ Университету сочувствующей публики. Войска отрѣзали всякій доступъ въ Москву окрестнымъ рабочимъ, а зубатовскіе демагоги внесли въ среду машиностроительныхъ и текстильныхъ рабочихъ города страшную смуту. Рабочіе Москвы не „выручили“ студентовъ. На радостяхъ временной побѣды московскія власти устраиваютъ „патріотическую“ манифестацію 19-го февраля, причемъ великій князь Сергій братается со шпіономъ Слѣповымъ; „Моск. Вѣд.“ начинаютъ рядъ статей съ пропагандой союза самодержавія и „рабочаго сословія“. Въ этой пропагандѣ онѣ съ успѣхомъ пользуются и народнической идеей о возможности „перешагнуть стадію капитализма“, и новомодной „критикой марксизма“. Имя Тихомірова вновь появляется подъ статьями руководящаго характера, а имя Бернштейна красуется въ текстѣ статей. — Въ результатѣ всей этой демагогіи является рядъ „экономическихъ“ стачекъ, во главѣ которыхъ становятся Жилкины, Красивскіе, Слѣповы, Афанасьевы, Андреевы и прочіе шпіоны, которые уже начинаютъ чувствовать, что раздуваемое ими движеніе переростаетъ ихъ руководство. Московскіе фабриканты подымаютъ шумъ, грозятъ перейти къ оппозицію. Полиція начинаетъ теряться, входить въ свою естественную роль „охранительницы порядка“ Въ перспективѣ вырисовывается грозная расплата въ моментъ, когда рабочія массы сознаютъ, какъ и для чего ихъ дурачили.

Пока что, въ упоеніи успѣхомъ правительство публикуетъ чудовищный „приговоръ“ надъ участниками сходки 9-го февраля. 95 человѣкъ идутъ въ Сибирь, до 600 подвергнуты тюремному заключенію. Та же упрощенная процедура отправляетъ въ ссылку десятки „подготовителей“ петербургскихъ и московскихъ демонстрацій.

А, между тѣмъ, движеніе разливается все шире. 17-го февраля московскіе студенты-техники дѣлаютъ новую попытку демонстраціи, въ тотъ же день рабочіе демонстрируютъ снова въ Екатеринославѣ, 19-го — въ Ростовѣ на Дону, 23-го — въ Одессѣ. 19-го и 21-го февраля происходятъ студенческія демонстраціи въ Юрьевѣ. Наконецъ, 3-го марта петербургскій пролетаріатъ организуетъ внушительную демонстрацію на Невскомъ.

Этимъ заканчивается „студенческій“ періодъ движенія. Учащаяся молодежь потеряла въ борьбѣ тысячи жертвъ. Цѣлые курсы исключены, цѣлые *вагоны* отправлены въ ссылку.

Соціаль-демократическія организаціи, въ свою очередь, потерпѣвшія громадный уронъ,*) должны были готовиться къ встрѣчѣ перваго мая. Въ это время на сцену выступаютъ стихійныя силы русской революціи — крестьянскія волненія, съ одной стороны, бурныя стачки въ Москвѣ, на Уралѣ, на Кавказѣ — съ другой. Имъ вторитъ повсюду глухое броженіе среди массы рабочихъ, усиливающее смятенное состояніе духа нашихъ правителей. Отдѣльные террористическіе акты и слѣды успѣшной пропаганды въ войскахъ, разумѣется, не могутъ влить елея въ ихъ души. Россійскіе помпадуры начинаютъ выходить изъ терпѣнія и проявлять явные признаки безумія. Вслѣдъ за сценами насилія на улицахъ начинаются тюремныя драмы. Обращеніе съ политическими арестованными становится вызывающе-грубымъ: кіевскіе, екатеринославскіе, одесскіе демонстранты подвергаются въ участкахъ побоямъ и оскорбленіямъ, въ московскихъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ тюрьмахъ скученность политическихъ заключенныхъ дѣлаетъ условія ихъ заключенія нестерпимыми, развиваются эпидемическія болѣзни. На протесты противъ грубаго обращенія въ Московской „Бутыркѣ“ власти отвѣчаютъ солдатскими прикладами. Требованія ускоренія производства слѣдствія остаются безъ удовлетворенія. Все это вызываетъ рядъ тюремныхъ „голодовокъ“. Въ Петербургскомъ Домѣ Предв. Закл., въ Петропавловской крѣпости, въ Московской Таганкѣ, въ Одесской, Кіевской, Екатеринославской, Пермской, Смоленской, Полтавской, Ковенской, Гомельской тюрьмахъ происходятъ эти „бунты“, которымъ то тамъ, то сямъ, проявляютъ активное сочувствіе уголовные отверженцы. На голодовки власти отвѣчаютъ удвоенными жестокостями. Апогеемъ этого „голоднаго“ движенія является не бывалая еще грандіозная голодовка *шести сотъ* заключенныхъ въ московской Бутыркѣ. Ихъ развозятъ по провинціальнымъ тюрьмамъ по Высочайшему повелѣнію . . . Нѣсколько заключенныхъ сходятъ съ ума. Въ Петербургской тюрьмѣ статистикъ Орловъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Съ приближеніемъ 1-го мая правительство усиливаетъ фактически существующее уже два года осадное положеніе. Всѣ, кого только можно арестовать, арестованы, города превращены въ военные лагери, полицейскіе кадры усилены . . .

---

*) 3—4-го декабря десятки соціалистовъ арестованы въ Петербургѣ, Одессѣ и Кіевѣ, въ концѣ того же мѣсяца разгромъ с.-д. раб. организаціи въ Орѣховѣ-Зуевѣ, аресты въ Ив.-Вознесенскомъ районѣ; въ январѣ — аресты рабочихъ въ Ярославлѣ и Иваново-Вознесенскомъ районѣ; въ февралѣ серьезные „провалы“ въ С.-Петербургѣ, Нижнемъ Москвѣ, Кіевѣ, Двинскѣ, Полтавѣ, Одессѣ, Ростовѣ, Кишиневѣ, Елисаветградѣ, Перми, Тифлисѣ, Баку, Екатеринославѣ, Харьковѣ; въ мартѣ — въ Москвѣ, Петербургѣ, Ростовѣ, Кишиневѣ, Ригѣ, Бѣлостокѣ; въ апрѣлѣ — въ Петербургѣ, Москвѣ, Брянскѣ, Гомелѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Варшавѣ, Воронежѣ, Саратовѣ, Ярославѣ, Ивановѣ и т. д. и т. д.

Соціаль-демократіи при данномъ положеніи дѣлъ не приходилось разсчитывать на большой успѣхъ майскаго праздника. Она могла бы считать себя удовлетворенной, еслибъ успѣла развернуть широкую майскую агитацію. Въ этомъ отношеніи ей удалось сдѣлать довольно много — всякаго рода листки распространены по всѣмъ концамъ Россіи. Въ многихъ мѣстахъ рабочіе не работали; въ Варшавѣ, Вильнѣ, Ковнѣ, Двинскѣ, Сормовѣ, Ростовѣ, Одессѣ, Кременчугѣ, Баку, Саратовѣ, Екатеринославѣ произошли уличныя демонстраціи. Возможно, что нашъ перечень неполонъ. Майская агитація на этотъ разъ проявилась въ такихъ далекихъ пунктахъ, какъ Иркутскъ и Чита, такихъ тихихъ углахъ, какъ „царская“ Ялта, такихъ провинціальныхъ закоулкахъ, какъ Хлудовская фабрика въ Смоленской губерніи и Шостенскій заводъ — Черниговской.

IV

Черезъ мѣсяцъ послѣ неудачной попытки московскихъ студентовъ вызвать обще-народную демонстрацію 9-го февраля, въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера Трепова — непосредственнаго начальника Зубатова и сына извѣстнаго петербургскаго опричника — раздался выстрѣлъ Евгеніи Аллартъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того произошло, повидимому, второе — столь же неудачное — покушеніе на жизнь того же Трепова. 2-го апрѣля С. В. Балмашевъ убилъ Сипягина, а 5-го мая сапожникъ Г Лекертъ двумя выстрѣлами ранилъ виленскаго палача фонъ Валя. Совершенно незамѣтно прошло покушеніе на жизнь одного провокатора въ Гомелѣ.

Въ моменты, подобные тѣмъ, которые мы переживаемъ нынѣ, нервно-боевое настроеніе, охватывающее весьма широкіе слои населенія, вполнѣ естественно прорывается подчасъ въ формѣ подобныхъ единичныхъ нападеній. *Психологія* такихъ актовъ понятна сама собой. Правящая клика дѣлаетъ все возможное, чтобы вызывать въ отдѣльныхъ личностяхъ и цѣлыхъ группахъ жгучую жажду мщенія, находящую непосредственное удовлетвореніе въ наказаніи какого либо отъявленнаго негодяя. *Постольку* и русской соціаль-демократіи приходится считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что всякое обостреніе политической борьбы будетъ сопровождаться тяготѣніемъ извѣстныхъ элементовъ въ сторону индивидуальныхъ террористическихъ актовъ. И — взятые сами по себѣ — такіе акты, какъ явленіе до извѣстной степени стихійное, могутъ считаться не идущими въ разрѣзъ съ задачами организованной борьбы политической партіи — они какъ бы совершаются въ другой плоскости. Соціаль-демократія должна освѣщать ихъ значеніе, какъ *показателя* общественнаго настроенія, какъ явленій, *обличающихъ* невыносимую гнусность

царящей системы. Такъ и отнеслись къ совершившимся террористическимъ актамъ представители международной соціал-демократіи.

Для русской соціаль-демократіи, однако, вопросъ осложняется особыми условіями развитія нашей политической жизни. Среди революціонныхъ элементовъ русскаго общества до сихъ поръ еще сохранилась традиція *террора, какъ средства политической борьбы* организованнаго „революціоннаго меньшинства“ Каждая новая эпидемія политическихъ убійствъ ставитъ, поэтому, снова на очередь вопросъ о цѣлесообразности террора, какъ особой тактики революціонной партіи, подлежащей примѣненію въ дополненіе или замѣну другихъ боевыхъ пріемовъ. Вотъ почему, даже вполнѣ единичный террористическій фактъ можетъ быть у насъ чреватъ политическими послѣдствіями, мимо которыхъ мы не можемъ пройти ссылкой на психологическую неизбѣжность подобныхъ явленій при россійской режимѣ. „Эксцитативное“ значеніе террористическихъ актовъ въ томъ и проявляется, что они вызываютъ въ рядахъ сочувствующихъ „террористическія настроенія“, которыя только усиливаются, благодаря бѣлому террору, достигающему крайняго напряженія въ періоды террора революціоннаго. Когда-же терростическіе акты повторяются одинъ за другимъ, когда „террористическое настроеніе“, очевидно, овладѣваетъ не единичными только личностями, тогда освѣщеніе сцецифическихъ условій, вызвавшихъ это настроеніе или только обострившихъ его, становится настоятельно-необходимымъ для партіи, стремящейся стоять въ первыхъ рядахъ революціоннаго движенія, а не плыть по его теченію.

Современное революціонное движеніе, ведущееся двумя общественными силами — рабочимъ классомъ и „разночинной“ интеллигенціей — вступило въ послѣдніе годы на путь открытой политической борьбы. Орудіемъ этой борьбы явилась *политическая агитація* въ широкомъ смыслѣ слова, агитація, начинающаяся съ распространенія листка и кончающаяся уличной манифестаціей. Мы здѣсь намѣренно обнимаемъ однимъ понятіемъ такую „обличительную“ или „литературную“ дѣятельность, какъ распространеніе прокламаціи, съ открытымъ протестомъ манифестантовъ. Въ соціаль-демократической печати дѣлались попытки противопоставить одно другому, какъ „политическую агитацію“ — „политической борьбѣ“ или „непосредственной“ борьбѣ. Это противопоставленіе основано на глубокомъ недоразумѣніи. Если характернымъ признакомъ „борьбы“ не считать то, что дѣлаетъ ее борьбой въ узко-физическомъ смыслѣ слова, то отпадаетъ все существенное, позволяющее противополагать обычные, такъ сказать, повседневные пріемы агитаціи такому „праздничному“, какъ манифестація. И тѣ, и другая преслѣдуетъ

непосредственно цѣли завоеванія „общественнаго мнѣнія“, цѣли организаціи общественныхъ силъ въ революціонную партію (въ широкомъ смыслѣ слова), цѣли дезорганизаціи существующаго строя. Разумѣется, манифестаціи являются однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ, достигающихъ иногда однимъ ударомъ результатовъ, недостижимыхъ медленнымъ путемъ повседневной агитаціи. Совершенно несостоятельнымъ, поэтому, является съ нашей точки зрѣнія противопоставленіе „агитаціи“ — демонстраціямъ, какъ средства цѣли. И обычная агитація, и такія ея формы, какъ организованная манифестація, являются для насъ средствами для подготовленія боевыхъ силъ революціоннаго движенія къ моменту революціоннаго кризиса. Политическій смыслъ демонстрацій не измѣняется отъ того, что онѣ сплошь и рядомъ устраиваются для опредѣленной, непосредственной цѣли, скажемъ, для того, чтобы добиться отмѣны того или другого правительственнаго распоряженія. Для участниковъ такой демонстраціи эта цѣль можетъ представляться сутью дѣла; для революціонеровъ, ведущихъ сознательную борьбу, она — только одно изъ лучшихъ средствъ укрѣпленія, расширенія и углубленія революціоннаго движенія.

Современное революціонное движеніе пришло, до извѣстной степени ощупью, къ такой постановкѣ борьбы, при которой широкая политическая агитація является жизненнымъ нервомъ движенія, *а повсемѣстный, рѣшительный штурмъ народныхъ массъ на правительство съ перспективой вооруженнаго возстанія* — конечнымъ (поскольку можно употреблять этотъ терминомъ) моментомъ его. И политическая агитація, какъ ни недолго, какъ ни несовершенно еще ведется она нами, уже привела къ результатамъ, указывающимъ на реальность надеждъ, связываемыхъ съ такой тактикой. Въ сравнительно короткое время активность широкихъ народныхъ массъ приняла угрожающій для правительства характеръ, сравнительно-примитивными средствами уже достигнуто ознакомленіе съ цѣлями движенія самыхъ разнообразныхъ слоевъ народа, при безусловно-несовершенной постановкѣ организаціи движеніе способно уже переносить самые тяжелые удары врага.

Но путь широкой политической агитаціи тѣмъ и хорошъ, между прочимъ, что онъ позволяетъ при каждомъ новомъ успѣхѣ немедленно и безошибочно опредѣлить не только то, чего намъ удалось достичь, но и то, чего намъ все еще недостаетъ и чего вполнѣ возможно добиться. Такъ, манифестаціонное движеніе послѣднихъ двухъ лѣтъ показало всю важность и всю возможность распространить агитацію на войска и на деревенское населеніе, равно какъ на извѣстные, внѣ движенія стоявшіе, мелкобуржуазные и пролетарскіе слои городскаго „простонародья“ Разумѣется, было бы гораздо лучше и выгоднѣе для движенія, если бы эти факторы успѣха

были предусмотрѣны ранѣе и о воздѣйствіи на нихъ думали прежде, чѣмъ практика подвинула насъ вплотную къ этому вопросу... но увы! въ массѣ „практиковъ“, къ сожалѣнію, „тактика-планъ“ до сихъ поръ пользовалась гораздо меньшимъ признаніемъ, чѣмъ „тактика-процессъ“, для которой, какъ извѣстно, самой задачи не существуетъ до тѣхъ поръ, пока она не выдвинута „жизнью“ или, по просту, пока она не *вколочена* въ сознаніе неожиданными ударами непродуманной дѣйствительности.

„Тактика-процессъ“ неизбѣжно должна вести къ періодическимъ кризисамъ въ движеніи, когда сразу выдвинувшіяся новыя задачи оказываются непосредственно-недостижимыми для наличныхъ силъ, когда стихійно-ускоренный темпъ движенія долженъ быть, повидимому, замедленъ, чтобы дать возможность борцамъ перестроить болѣе цѣлесообразно свою боевую линію. Говорю: „повидимому, замедленъ“ потому, что на дѣлѣ, какъ извѣстно, обходное движеніе можетъ оказаться въ концѣ концовъ, скорѣе приводящимъ къ цѣли, чѣмъ прямое, линія котораго близорукому глазу подчасъ кажется заманчиво — короткой .... вслѣдствіе оптическаго обмана. Чѣмъ неожиданнѣе для дѣятелей наступаетъ такой кризисъ, тѣмъ смятеннѣе состояніе ихъ духа, тѣмъ болѣе склонны они переходить отъ ничѣмъ не оправдываемаго оптимизма къ столь-же неосновательному пессимизму.

Когда въ прошломъ году, часть (незначительная) русскихъ соціаль-демократовъ поддалась на моментъ иллюзіи „начала конца“, она находилась всецѣло подъ вліяніемъ настроенія, охватившаго въ то время ряды революціоннаго студенчества. А настроеніе революціоннаго студенчества всецѣло питалось неожиданнымъ для него выступленіемъ широкихъ рабочихъ массъ на путь демонстрацій. Тѣ, кто были ближе знакомы съ состояніемъ боевой готовности рабочихъ массъ, не могли предаться этой иллюзіи. Со стороны студенчества и примыкающей къ нему революціонной интеллигенціи эта иллюзія была вполнѣ естественна.

Боевое настроеніе студенчества расло и крѣпло въ теченіе всего послѣдняго года. Занимая — по даннымъ условіямъ — наиболѣе обстрѣливаемый пунктъ, терпя неслыханныя репрессіи со стороны правительства, покинутые обществомъ,*)

---

*) Въ листкѣ отъ 11-го апрѣля 1902 года Организаціонный Комитетъ Института Путей Сообщенія говоритъ: „Наше общество и именно оно повинно въ томъ, что студенчество вмѣсто того, чтобы прибавить свой относительно слабый голосъ къ общему хору, принуждено начинать дѣло освобожденія на свой рискъ и страхъ. Въ этомъ еще наше общество можетъ подыскать оправданіе — слишкомъ ужъ не сплочено оно. Но если уже и тогда, когда концертъ начался, общество ограничивается только ролью музыкальнаго критика, то оно обнаруживаетъ полное непониманіе окружающей дѣйствительности, нежеланіе и неумѣніе выполнить свою общественную обязанность.“

студенты возложили всѣ свои надежды на рабочую массу, о чемъ и заявили открыто въ резолюціяхъ и воззваніяхъ. Студенческій съѣздъ (см. № 18 „Искры“) формулировалъ эти надежды присоединеніемъ своимъ къ соціаль-демократіи.

Обманула-ли рабочая масса эти надежды? Кто рѣшится утверждать это послѣ всего, сдѣланнаго рабочими для поддержки студенчества? Рабочіе проявили въ послѣднее время готовность идти въ бой по первому призыву. Но они оказались недостаточно организованными и, благодаря этому обстоятельству, не всегда и не вездѣ демонстраціи удавались. Изъ этого факта можно сдѣлать только одинъ правильный выводъ: агитаціонная и организаціонная работа должна быть усилена, за нее должны энергично взяться всѣ революціонные элементы. Такой выводъ и дѣлаетъ соціаль-демократія.

Но часть учащейся молодежи, охваченная сцецифическимъ настроеніемъ выдвинувшагося впередъ подъ самый жаркій огонь боевого отряда, начинаетъ терять терпѣніе и самообладаніе. Выстрѣлъ въ Трепова раздался, какъ мы упоминали, вскорѣ послѣ неудачной попытки поднять московскихъ рабочихъ. Это былъ отвѣтъ молодежи на Зубатовскіе успѣхи въ дѣлѣ отвлеченія рабочихъ массъ отъ ея поддержки. Точно также выстрѣлъ Балмашева былъ какъ бы отвѣтомъ на неудачныя попытки въ рядѣ демонстрацій завоевать для протестующихъ массъ возможность громко заявить свой протестъ.

Всѣ эти неудачи не могутъ ошеломить соціаль-демократіи. Что Зубатовщина преодолима силами организованной агитаціи — въ этомъ не можетъ усомниться ни одинъ соціаль-демократъ. Что правительство, наученное опытомъ первыхъ своихъ неудачъ, уже приспособилось къ невысокой еще техникѣ нашихъ демонстрацій и умѣетъ, въ большинствѣ случаевъ, парализовать ихъ въ самомъ началѣ — это только доказываетъ, что намъ надо улучшить эту технику, надо научиться дѣлать демонстраціи *неожиданными* для властей, надо сдѣлать работу подготовки демонстрацій болѣе интенсивной. Нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи уже сдѣланы: напримѣръ, Бакинская майская демонстрація 6-го мая показала, что демонстраціи еще не сказали своего послѣдняго слова. Rira bien qui rira le dernier!

Наиболѣе сознательная часть молодежи это понимаетъ и выразила это въ манифестѣ студенческаго съѣзда, который своимъ присоединеніемъ къ соціаль-демократіи какъ-бы подчеркнулъ, что не теряетъ вѣры въ силы рабочаго класса.*) Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ части молодежи назрѣ-

*) Это присоединеніе не ободряетъ „Револ. Россія“ (№ 5), которая журитъ студентовъ за то, что они связали себя съ *одной* изъ революціонныхъ партій. Но дѣло-то въ томъ, что эта одна — единственная, которая имѣетъ значеніе *самостоятельной революціонной силы*, силы организованнаго пролетаріата.

ваетъ то настроеніе, для котораго террористическая борьба представляется неизбѣжнымъ боевымъ пріемомъ. Въ этомъ настроеніи находятъ себѣ опору сторонники террористической традиціи, не исчезнувшей изъ рядовъ нашей революціонной интеллигенціи и теперь подымающей голову.

Мы не будемъ здѣсь повторять нашихъ доводовъ противъ террора — они извѣстны. Мы только лишній разъ подчеркнемъ наше убѣжденіе, что террористическая волна идетъ въ разрѣзъ съ массовымъ характеромъ современнаго движенія и что увлеченіе терроромъ должно парализовать развитіе этого массоваго характера. *Терроръ ненуженъ*, если организованное массовое движеніе способно побѣдить самодержавіе, онъ безполезенъ, если эта задача не подъ силу народному движенію, и онъ вреденъ, потому что мѣшаетъ работѣ по развитію этого движенія и превращенію его въ организованное. Подтвержденіемъ правильности этого взгляда и служитъ тотъ фактъ, что каждое новое покушеніе является въ результатѣ *временной* неудачи революціонеровъ въ ихъ попыткахъ расширить и усилить массовый характеръ движенія. Какимъ возникающимъ въ нашей революціонной средѣ настроеніямъ соотвѣтствуетъ этотъ подъемъ террористической волны — объ этомъ можете судить по воззванію, вышедшему на другой день послѣ убійства Сипягина и исходящему отъ „Боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ“. Описавъ гнусность современнаго режима, прокламація говоритъ:

„... Мы не видимъ силы, которая сдерживала-бы своеволіе этихъ кровожадныхъ и корыстныхъ временщиковъ, безконтрольно и безнаказанно распоряжающихся достояніемъ и жизнью 130 милліоновъ. *Все вокругъ несетъ безропотно это иго, все трусливо прячетъ свое негодованіе*, свое гражданское чувство, и этой рабской покорностью только усиливаетъ гнетъ, увеличиваетъ наглость нашихъ властителей. Мы — соціалисты-революціонеры — признаемъ, что всякій, кто не препятствуетъ злодѣяніямъ, совершаемымъ правительствомъ, является не только попустителемъ, но и пособникомъ его. *Лишенные возможности какимъ бы то ни было мирнымъ способомъ противодѣйствовать этимъ злодѣяніямъ*, мы, сознательное меньшинство, считаемъ не только своимъ правомъ, но и своей обязанностью — несмотря на все отвращеніе, внушаемое намъ такими способами — на насиліе отвѣчать насиліемъ, за проливаемую кровь народа платить кровью его угнетателей ...“ (Курсивъ нашъ.)

Все вокругъ соціалистовъ-революціонеровъ несетъ безропотно царское иго, *все* является попустителемъ и пособникомъ самодержавія, а *потому* „сознательное меньшинство“, лишенное средствъ „мирнаго“ протеста, берется за орудіе террора. Куда же дѣвались десятки и сотни тысячъ русскихъ рабочихъ, участвовавшихъ въ демонстраціяхъ? Какимъ чудомъ они

оказались въ станѣ тѣхъ, кто „безропотно“ несетъ иго? Жаль, очень жаль, что для группы соціалистовъ-революціонеровъ только и есть, повидимому, свѣта, что въ буржуазномъ „обществѣ“ и что трусость и нерѣшительность этого общества могутъ въ ихъ глазахъ заслонить все растущую активность пролетарскихъ массъ. Жаль также, что, кромѣ „мирныхъ“ средствъ борьбы, которыхъ лишены русскіе соціалисты, и террористическихъ попытокъ „сознательнаго меньшинства“, соціалисты-революціонеры не знаютъ другихъ средствъ борьбы, которыя намъ запрещены, разумѣется, правительствомъ, но которыя мы, тѣмъ не менѣе, практикуемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ съ бо́льшей настойчивостью. Путь широкой политической агитаціи, ведущій къ всенародному возстанію, является, при нашихъ условіяхъ, менѣе всего „мирнымъ“ путемъ, а этого пути мы не „лишены“, и никто насъ его не лишитъ, пока мы не утратимъ уже обрѣтенной, уже пустившей глубокіе корни, связи съ широкимъ потокомъ народнаго движенія.

А всего вѣрнѣе мы утратимъ эту связь, когда замкнемся въ узкомъ кругу идей „сознательнаго меньшинства“, когда забудемъ о своемъ первомъ долгѣ — развивать самосознаніе пролетаріата и организовать его боевыя силы — и, забывая это, построимъ себѣ заманчиво-красивую схему геройскаго поединка между абсолютизмомъ и горстью Балмашевыхъ.

И, начиная утрачивать эту связь, мы сейчасъ же, навѣрное, „поскользнемся“ и въ заключеніе рѣчей о правахъ „сознательнаго меньшинства“, проговоримся такой тирадой à la P. H. C.*) и „Освобожденіе“:

„... Правительственный произволъ становится все болѣе и болѣе невыносимымъ и оскорбительнымъ. Всеобщее возбужденіе противъ него растетъ съ каждымъ днемъ ... Занимается заря великой борьбы, *грозящей ужасами и бѣдствіями наполнить всю страну ...*“**) *Предотвратить ее возможно только однимъ — предоставивъ народу возможность мирными и культурными способами сдерживать произволъ представителей власти.*“ (Въ томъ же воззваніи.)

Такъ вотъ оно какъ! соціалисты-революціонеры предлагаютъ „предотвратить великую борьбу“, заря которой уже занялась на горизонтѣ нашей жизни! Они *пугаютъ* (кого?) этой борьбой, которая-де заполнитъ страну „бѣдствіями и ужасами“! Какъ! въ то время, когда все болѣе широкія массы народа начинаютъ сознавать всѣ бѣдствія и ужасы настоящаго, вы выступаете съ либеральнымъ разговоромъ о бѣдствіяхъ и ужасахъ (для кого?), которыми грозитъ революція, которая одна только создастъ въ нашемъ отечествѣ условія, свободныя отъ азіятскихъ ужасовъ, отъ неслыханныхъ въ цивилизованной

---

*) Авторъ предисловія къ „Запискѣ“ Витте.

**) Курсивъ нашъ.

странѣ бѣдствій! Въ моментъ, когда обыватель готовъ, очертя голову, броситься навстрѣчу революціи, чтобы уйти отъ осточертѣвшаго режима, вы вызываете въ его памяти рабскій страхъ передъ неизвѣстностью будущаго! Нѣтъ, мы никогда не повѣримъ, чтобы герои — Балмашевы, идя на вѣрную смерть, шли спасать страну отъ неизбѣжности той борьбы, которая внесетъ „ужасы и бѣдствія“ въ станъ враговъ, но ни въ коемъ случаѣ не сможетъ увеличить ужасовъ и бѣдствій, тяготѣющихъ надъ рабочимъ классомъ, ибо — худшихъ бѣдствій, бо́льшихъ ужасовъ *быть не можетъ!* Нѣтъ, мы знаемъ, что Балмашевы, предпринимая героическія попытки, хотятъ, напротивъ, приблизить часъ рѣшительной схватки между старой и новой Россіей, хотятъ не остановить, не *предотвратить* разгорающуюся борьбу, а ускорить наступленіе рѣшающаго его момента. Но они — эти будущіе Балмашевы — прежде чѣмъ рѣшаться идти путемъ геройскаго юноши, должны знать, въ какомъ смыслѣ будутъ истолкованы ихъ акты не только обывателями, не только несознательной массой, но — увы! — и тѣмъ „сознательнымъ меньшинствомъ“, которое возводитъ въ принципъ тактики политическій терроръ.

Да! для русскаго „интеллигентнаго“ обывателя значеніе террористическихъ актовъ всегда сводилось и теперь сводится къ тому, чтобы устрашеніемъ правительства „предотвратить“ необходимость революціи. Не намъ, соціалистамъ, потакать этой повадкѣ русскаго „общества“ Ему, этому обществу, придется кое-что терять въ этой революціи и въ ведущей къ ней борьбѣ, придется потерять хотя бы возможность сидѣть „ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ“ между партіей реакціи и партіей революціи. Но пролетаріату — ему „нечего терять кромѣ своихъ цѣпей, пріобрѣтетъ же онъ себѣ цѣлый міръ.“

„Лучше бы безъ борьбы“, говорилъ когда-то наирадикальнѣйшій органъ русской интеллигенціи, „Русское Богатство“, по поводу надеждъ, возлагавшихся марксистами на порождаемую капитализмомъ классовую борьбу. Продолженіемъ той же антиреволюціонной традиціи являются всѣ эти заботы о томъ, какъ можно предотвратить „ужасы и бѣдствія“ народнаго движенія.

„Не добро человѣку быть единымъ“ и, отрываясь отъ связи съ движеніемъ *народныхъ* массъ, революціонная интеллигенція не можетъ не приближаться къ точкѣ зрѣнія, къ чувствамъ и настроеніямъ буржуазнаго „общества“ Ибо, въ концѣ концовъ, террористическая партія, партія „сознательнаго меньшинства“ не можетъ быть ни чѣмъ другимъ, какъ боевымъ авангардомъ недовольныхъ слоевъ „общества“, авангардомъ, который, конечно, тащитъ за собой это общество, но и обратно отражаетъ на себѣ его идейное вліяніе.

„Исторія повторяется“, радостно восклицаетъ „Рев. Россія“ (№ 6), проведя аналогію между нѣкоторыми фактами изъ періода 1876—1878 г. и изъ нашихъ дней.... Мы не знаемъ, чему тутъ радоваться. Если исторія „повторится“ *до конца*, то, конечно, „ужасовъ и бѣдствій“ революціи мы не увидимъ, но едва ли къ удовольствію кого либо изъ насъ. „Но пусть будетъ не такъ, какъ хотимъ, а такъ, какъ хочетъ исторія“, прибавляетъ газета. Разумѣется, въ концѣ концовъ, будетъ „располагать“ нами исторія, но... но это не слагаетъ съ насъ, не какъ съ „сознательнаго меньшинства“, а просто какъ съ сознательныхъ людей, обязанности „предполагать“, какъ должно быть, для того, чтобы исторія не повторялась. Намъ очень жаль, что мы, послѣдователи „фаталистическаго квіэтизма“, должны напоминать объ этомъ соціалистамъ „русской соціологической школы“.

И не только „предполагать“ будущее направленіе „исторіи“ должны мы, но и — гдѣ нужно — противодѣйствовать тѣмъ стихійнымъ прыжкамъ, которые грозятъ *искусственно* толкнуть современныхъ борцовъ на путь террористическаго авантюризма. Мы — соціалисты — не можемъ, не должны принять сраженіе на той позиціи, на которой насъ желалъ бы видѣть нашъ врагъ. Этотъ врагъ уже доведенъ до такого положенія, при которомъ даже „повтореніе исторіи“ для него меньшее зло по сравненію съ тѣми еще неиспытанными „бѣдствіями и ужасами“, которые онъ уже можетъ представить себѣ реально по воткинскимъ, полтавскимъ или харьковскимъ событіямъ. Въ теченіе извѣстнаго времени правительство — быть можетъ, и инстинктивно — воздѣйствуетъ на нашу среду въ смыслѣ „подстрекательства“ къ террору усиленіемъ своихъ жестокостей. „Мы васъ *заставимъ* пойти на терроръ, а тогда раздавимъ,“ говорилъ циникъ-Зубатовъ уже года 3 назадъ соціаль-демократамъ. Только стремленіемъ запугать бо́льшую часть борцовъ и толкнуть смѣлое меньшинство на единичные протесты, можно объяснить разныя правительственныя злодѣянія послѣдняго времени и, особенно, расправу, произведенную въ Вильнѣ фонъ-Валемъ 19-го апрѣля.

Читатели знаютъ, конечно, что этотъ негодяй подвергъ *сѣченію розгами* около 30 товарищей-демонстрантовъ; они знаютъ, что этотъ актъ былъ приведеніемъ въ исполненіе ранѣе задуманнаго и подготовленнаго плана и что самое истязаніе сопровождалось варварскимъ издѣвательствомъ и мучительствомъ. Правительство бросило перчатку всему русскому рабочему классу этимъ безпримѣрнымъ оскорбленіемъ*). Состояніе силъ партіи не позволило, къ сожалѣнію, отвѣтить на это оскорбленіе тотчасъ же такимъ внушительнымъ на-

*) Теперь уже извѣстно, что то-же самое произошло и въ Минскѣ и, вѣроятно, еще кое-гдѣ.

роднымъ протестомъ, который отбилъ-бы охоту у всѣхъ фонъ-Валей и ихъ начальниковъ отъ дальнѣйшихъ экспериментовъ въ этомъ духѣ. При такихъ условіяхъ было неизбѣжнымъ появленіе единоличнаго мстителя, который и явился въ лицѣ Г Лекерта*). Русская соціаль-демократія и весь сознательный пролетаріатъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія встрѣтили геройскій поступокъ виленскаго сапожника, но это чувство не заставитъ ихъ измѣнить свой взглядъ на значеніе террора. а только заставитъ ихъ приложить всѣ силы для того. чтобы быть въ состояніи отвѣчать на фонъ-Вальскія неистовства *массовыми революціонными актами*.

Только *такіе* революціонные акты заставятъ представителей самодержавія умѣрить свои кровожадные инстинкты. До тѣхъ-же поръ. пока мы. соціаль-демократы, не въ состояніи организовать немедленно такихъ актовъ протеста, долгъ революціонеровъ, устраивающихъ народныя демонстраціи, — *организовывать сопротивленіе*, не допускать, чтобы изъ толпы выхватывались полиціей отдѣльныя единицы, надъ которыми фонъ-Вали будутъ изощрять свои таланты героевъ застѣнка. Примѣненіе розги къ участникамъ демонстрацій не можетъ заставить насъ отказаться отъ демонстрацій, какъ склонны думать многіе; но оно требуетъ отъ тѣхъ, кто дѣйствительно желаютъ бороться, чтобы на эти демонстраціи всѣ революціонные элементы являлись вооруженными и способными не допустить до такого финала, какой имѣла виленская демонстрація.

Подведемъ итоги. Въ расширившемся и обострившемся политическомъ движеніи нашихъ дней революціонно-настроенная. молодежь осталась активно-поддержанной однимъ только пролетаріатомъ, но въ силу цѣлаго ряда исторически-сложившихся условій, политическая мобилизація *всей массы* этого революціоннаго класса отстаетъ отъ процесса мобилизаціи учащейся молодежи, ускореннаго правительственными репрессіями. Отраженіемъ этого *временнаго* несоотвѣтствія является усиленіе террористическихъ тенденцій. Дѣло соціаль-демократіи — не покладая рукъ, работать надъ мобилизаціей всѣхъ силъ русскаго пролетаріата и могущихъ примкнуть къ нему другихъ трудящихся слоевъ. Проповѣди террора, устраняющаго необходимость въ „ужасахъ и бѣдствіяхъ“ народнаго возстанія, мы противопоставимъ пропаганду организаціи народныхъ силъ въ цѣляхъ всероссійскаго возстанія, дѣлающаго ненужнымъ политическій терроръ въ теченіе всего періода *подготовки этого возстанія*.

---

*) Въ свою очередь, помощники главнаго палача, приставъ Кончевскій и врачъ Михайловъ, получили надлежащее возмездіе отъ рабочихъ: они избиты вскорѣ послѣ происшествія 19-го апрѣля.

Іюнь 1902. Л. Мартовъ.

Библіографія.

Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland. Zur Geschichte der Philosophie und Sozialphilosophie des Junghegelianismus. Von Dr. Koygen (Berner Studien zur Philosophie und ihrer Geschichte, Bd. XXVI, 1901).

Нѣтъ другой такой области, въ которой бы можно было такъ жестоко обманывать читателя, какъ въ философіи.

Стоитъ только наполнить данное произведеніе извѣстнымъ количествомъ философскихъ терминовъ, помѣстить нѣсколько замысловатыхъ, трудно понимаемыхъ внѣ контекста цитатъ, сдѣлать нѣсколько ссылокъ на давно забытыхъ авторовъ съ указаніемъ на различныя изданія одного и того же произведенія, наконецъ отнестись свысока къ матеріализму, какъ къ міровоззрѣнію, неудовлетворяющему метафизической потребности тонко мыслящей индивидуальности, и вы можете быть увѣрены, что книга произведетъ такое солидное, внушительное впечатлѣніе, что какая нибудь „*Этика*“ Спинозы покажется дилетантскимъ произведеніемъ въ сравненіи съ нею.

Читатель, испытывающій тупую тоску при чтеніи такого произведенія, все таки проникается благоговѣйнымъ почтеніемъ къ нему, хотя никогда не дочитываетъ его до конца и не понимаетъ его съ самаго начала. Именно такова книга, заглавіе которой мы выписали.

Основная мысь этого ученаго трактата сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

Научный, или какъ автору угодно его называть, философскій соціализмъ вышелъ изъ школы Гегеля.

Въ исторіи нѣмецкаго соціализма младогегельянство составляетъ тезисъ: научный соціализмъ Маркса-Энгельса — антитезисъ, а современный нео-марксизмъ — синтезисъ.

Наряду и въ связи съ этой философско- исторической тріадой авторъ открываетъ другую тріаду психологическаго характера.

Существуетъ по его мнѣнію два типа историческихъ дѣятелей: типъ эпохи возрожденія и типъ революціонера.

Перваго не ограничиваютъ конкретно узкія задачи данной эпохи. Онъ живетъ, мыслитъ и чувствуетъ разносторонне. Его индивидуальность характеризуется докторомъ Койгеномъ слѣдующими стихами:

„Mir ist vor keinem meiner Triebe bange:
Ich lausche nur, was jeglicher verlange.“

Типъ революціонера, напротивъ, узокъ и односторонень, онъ довольствуется ограниченной сферой мысли и дѣятельности; онъ, какъ выражается докторъ Койгенъ, одержимъ одной „idée fixe“. Въ философіи младогегельянства, не стоявшей на узкой точки зрѣнія классовыхъ противорѣчій и преслѣдовавшей вѣчныя общечеловѣческія цѣли, заключаются элементы, способные содѣйствовать выработкѣ типа возрожденія.

Марксова теорія, проповѣдующая борьбу классовъ и соціальную революцію, съуживаетъ кругозоръ личности, дѣлая изъ нея революціонера.*)

Неомарксизмъ, соединивъ въ себѣ широко гуманныя стремленія младогегельянства съ нѣкоторыми экономическими принципами, взятыми изъ антитезиса, т. е. марксизма, создалъ всестороннюю теорію соціализма, способную возродить полную личность и уничтожить односторонній типъ революціонера.

Въ чемъ же сущность этой теоріи?

Соціализмъ, — излагаетъ докторъ Койгенъ, — существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ сложилось человѣческое общество. Основа его состоитъ въ стремленіи освободить человѣка отъ эксплуатаціи человѣкомъ, а не въ одностороннемъ освобожденіи пролетаріата отъ эксплуатирующихъ классовъ.

Соотвѣтственно такому широкому опредѣленію, соціализмъ не есть конкретная проблема, а абстрактная регулятивная идея свободы, присущая всѣмъ историческимъ эпохамъ.

„Соціализмъ *всякого времени* (курсивъ нашъ), — говоритъ докторъ Койгенъ, — представляетъ собою соединеніе извѣстныхъ соціальныхъ теченій съ регулятивными принципами. Это соединеніе образуетъ единство, которое находится подъ сильнымъ вліяніемъ идеи свободы и т. п. (въ текстѣ сказано: Freiheit und dergleichen). Идея свободы и т. п. должны въ извѣстной степени разсматриваться, какъ необходимыя предпосылки“ (S. 5). Легко замѣтить, что докторъ Койгенъ совершаетъ надъ соціализмомъ какъ разъ ту же самую операцію, какую надъ нимъ совершаютъ всѣ критики „ортодоксальнаго“ марксизма. Устраняя изъ соціализма его конкретно-опредѣленное содержаніе, — классовую борьбу пролетаріата противъ буржуазіи, — превращаяя его въ абстрактную, регулятивную идею свободы, новый критикъ приходитъ къ заключенію, что всякаго рода стремленіе къ свободѣ есть соціализмъ.

А изъ такого общаго, широкаго опредѣленія слѣдуетъ дальше, что въ борьбѣ господствующихъ классовъ противъ угнетенныхъ проявляется та же регулятивная идея свободы, такъ какъ господствующіе классы, защищая свои интересы, отстаиваютъ свою свободу и реализуютъ, слѣдовательно, ту же самую идею.

Докторъ Койгенъ, будучи, какъ видно, не совсѣмъ опытенъ въ защитѣ буржуазіи, прямо и наивно высказываетъ эту мысль.

„Эксплуатацію, — говоритъ онъ, — не слѣдуетъ понимать въ томъ исключительномъ смыслѣ, что рабовладѣлецъ, напримѣръ, эксплуатируетъ раба, помѣщикъ крѣпостнаго, но необходимо принимать во вниманіе также и то обстоятельство, что тотъ рабъ и тотъ крѣпостной, который возстаетъ противъ своего господина *причиняетъ, до извѣстной степени, послѣднему физическое, психическое и прочее непріятное волненіе. Такъ называемые зависимые начинаютъ съ этого момента* (момента сопротивленія, Р. С.) *эксплуатировать своихъ господъ*“ (S. 6—7). Всесторонній соціализмъ доктора Койгена заключается, какъ видитъ читатель, въ томъ, что онъ принимаетъ въ соображеніе *„физическое, психическое и прочее непріятное волненіе“*, которое могутъ причинять *„такъ называемые зависимые“* привилегированному классу своимъ сопротивленіемъ.

---

*) Докторъ Койгенъ почему то дѣлаетъ исключеніе для самаго Маркса. Марксъ былъ по его мнѣнію типомъ эпохи возрожденія, т. е. не былъ революціонеромъ, одержимымъ „idée fixe“. По нашему мнѣнію, авторъ „Манифеста“ такого комплимента со стороны всесторонняго доктора не заслужилъ.

Съ этой точки зрѣнія ясно видно, что полиція и жандармерія, охраняющія „физическое, психическое и прочее“ спокойствіе господъ отъ сопротивленія „такъ называемыхъ зависимыхъ“ тоже реализуютъ историческую идею регулятивной свободы и воплощаютъ часть всесторонняго соціализма доктора Койгена въ исторію человѣчества

Таковъ соціализмъ новаго „критика“. Спрашивается только, какъ могла прійти этому человѣку въ голову мысль назвать свою ультрареакціонную, старую какъ міръ, точку зрѣнія соціалистической? Эту загадку разрѣшаетъ нашъ авторъ въ томъ мѣстѣ своей книги, гдѣ онъ объясняетъ причины революціонныхъ увлеченій Макса Штирнера. „Въ то время, пишетъ онъ, капитализмъ еще не обладалъ той силой, которая позволила бы ему перешагнуть черезъ фазисъ пауперизма. О демократіи тогда больше говорили, чѣмъ дѣлали ее; тогда еще не понимали сущности капиталистическаго способа производства и не подозрѣвали его относительной силы приспособленія. Вновь появившійся пролетарій разсматривался больше какъ римскій пауперъ или, въ лучшемъ случаѣ, какъ человѣкъ, которому кромѣ соціальной революціи ничто помочь не въ состояніи“ S. (122).

Въ этихъ строкахъ читатель, разумѣется, узналъ знакомую ему „Бернштейніаду“. Бернштейніанство оказывается, такимъ образомъ, тѣмъ неомарксизмомъ, который сбросилъ изъ соціализма классовую борьбу и этимъ самимъ вернулся къ общегуманнымъ тенденціямъ Бруно Бауера, Ф. Д Штрауса и проч. Спорить съ докторомъ Койгеномъ значило бы подвергнуть критикѣ бернштейніаду, что сдѣлано Г. В. Плехановымъ въ его обстоятельной критикѣ всего этого направленія. Мы же ограничимся констатированіемъ того факта, что докторъ Койгенъ далъ вполнѣ ясную формулировку бернштейніанства.

Какъ человѣкъ, имѣющій дѣло съ философскими понятіями, онъ совершенно правильно опредѣлилъ этотъ родъ соціализма, какъ доктрину, принимающую въ соображеніе *„физическое, психическое и прочее непріятное волненіе“*, которое испытываетъ буржуазія отъ сопротивленія „такъ называемыхъ зависимыхъ“.

Кромѣ точнаго опредѣленія сущности неомарксизма докторъ Койгенъ въ своей книгѣ ровно ничего не далъ. Въ ней рѣшительно нѣтъ ни одного довода противъ революціоннаго марксизма по существу.*) Главнымъ аргументомъ противъ научнаго соціализма должна, очевидно, служить гегелева тріада, которая, какъ уже сказано, кладется авторомъ въ основу всего построенія: Младогегельянство — тезисъ; научный соціализмъ Маркса-Энгельса — антитезисъ; неомарксизмъ, т. е. бернштейніанство, отрицающее научный соціализмъ — синтезисъ.

Слѣдовательно, бернштейніанство или неомарксизмъ вѣрнѣе и богаче содержаніемъ, чѣмъ научный соціализмъ.

---

*) Ф. Мерингъ въ рецензіи этой книги говоритъ: „Allein es ist uns schlechterdings nicht gelungen, den greifbaren Punkt zu finden, wo sich nach Koygen der Fehler in der Rechnung des historischen Materialismus finden soll“ („Neue Zeit“, № 13, 1901—1902). Замѣтимъ кстати, что эта рецензія насъ крайне удивила. Указывая на такія недостатки книги, которыя должны исключать всякую возможность какой бы то ни было похвалы, Ф. Мерингъ признаетъ въ докторѣ Койгенѣ философское дарованіе и говоритъ о немъ, какъ о серьезномъ противникѣ. Какой же онъ серьезный противникъ, если даже неизвѣстно, что онъ собственно имѣетъ противъ историческаго матеріализма?

Со стороны такого опытнаго и проницательнаго критика, какъ Ф. Мерингъ, намъ эти похвалы непостижимы и мы подумали, не иронія ли это?

Все это, быть можетъ, очень хорошо, но это слѣдуетъ доказать. Для того же, чтобы доказать это, надо было критиковать принципы научнаго соціализма по существу и показать, въ чемъ именно состоитъ преимущество неомарксизма. Но въ книгѣ г. Койгена нѣтъ и слѣда *такой* критики. „Позитивистъ“ и „неметафизикъ“, нашъ докторъ считаетъ излишнимъ провѣрять свою тріаду посредствомъ серьезнаго анализа отвергаемой имъ теоріи.

Новый критикъ Маркса пользуется діалектикой Гегеля, примѣняя ее какъ разъ въ томъ нелѣпомъ видѣ, какой ей приданъ искажавшими ее критиками діалектическаго матеріализма для опроверженія послѣдняго.

О существенномъ содержаніи этой книги намъ ничего не остается сказать. Коснемся нѣкоторыхъ частностей.

Задавшись цѣлью доказать, что нео-марксизмъ является синтезомъ въ исторіи нѣмецкаго соціализма, докторъ Койгенъ трудится въ потѣ лица, чтобы открыть сходство между идеями младо-гегельянцевъ и нео-кантіанизмомъ, лежащимъ въ основѣ „бернштейніады“. Для этого необходимо очистить философскую репутацію Фейербаха отъ скверны матеріализма. Авторъ не останавливается передъ этимъ предпріятіемъ. Фейербахъ, — думаетъ докторъ Койгенъ, — „не былъ ни матеріалистомъ, ни идеалистомъ“ (S. 93). „Если Гегель, — разсуждаетъ онъ, — объявилъ тождество бытія и мышленія, то Фейербахъ вполнѣ съ нимъ согласился-бы, если-бы вмѣсто бытія было поставлено ощущеніе“ (S. 94). Итакъ, для Фейербаха было тождественно ощущеніе и бытіе. Если бы это дѣйствительно было такъ, то Фейербахъ ни чѣмъ не отличался бы отъ Берклея, который именно на основаніи тождества ощущенія и бытія пришелъ къ *субъективному идеализму*. Докторъ Койгенъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, откуда онъ. Ему, какъ видно, извѣстно, что не всякій сенсуалистъ приходитъ къ матеріализму, но ему неизвѣстно, что всякій матеріалистъ обязательно — сенсуалистъ.

Разница между сенсуалистомъ-нематеріалистомъ и сенсуалистомъ-матеріалистомъ заключается въ исходной точкѣ. Сенсуалистъ, отождествляющій ощущеніе и бытіе, или совсѣмъ отрицаетъ бытіе за предѣлами ощущенія (заключеніе, къ которому пришелъ Берклей), или подвергаетъ реальное бытіе сомнѣнію, какъ это дѣлалъ Кондильякъ.

Для матеріалиста же ощущеніе является первымъ показателемъ реальнаго бытія: наши ощущенія для него — знаки, которые создаются дѣйствіемъ внѣшнихъ реальныхъ вещей.

Сенсуалистъ беретъ за исходную точку въ познаніи ощущеніе; матеріалистъ — причины ощущенія, т. е. дѣйствующіе на насъ объекты внѣшняго міра. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, былъ ли Фейербахъ матеріалистомъ въ теоріи познанія или не былъ, сводится къ вопросу о томъ, смотрѣлъ ли онъ на ощущеніе, какъ на результатъ дѣйствія внѣшняго міра, другими словами, признавалъ ли онъ реальное бытіе внѣ ощущенія, или не признавалъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ книгѣ доктора Койгена. На страницѣ 114 тамъ говорится, что „Фейербахъ былъ убѣжденъ въ реальности внѣшняго міра“ и что „съ точки зрѣнія Фейербаха человѣкъ является результатомъ природы“ Докторъ Койгенъ совершенно не замѣчаетъ, что высказывая эту мысль, онъ опрокидываетъ верхъ дномъ всю свою конструкцію насчетъ философіи Фейербаха. Казалось бы, какое отношеніе имѣетъ вопросъ о томъ, былъ ли Фейербахъ матеріалистомъ въ философіи, къ критикѣ научнаго соціализма?

Но такое отношеніе, несомнѣнно, существуетъ, и буржуазные идеологи его инстинктивно сознаютъ. Современная идеалистическая философія, направляющая все свое оружіе главнымъ образомъ противъ научнаго соці-

ализма, старается всякими средствами компрометировать матеріализмъ. Этому направленію важно, поэтому, доказать, что крупные мыслители не были матеріалистами.

Руководимые классовымъ инстинктомъ, представители современной философіи въ большинствѣ случаевъ систематически искажаютъ воззрѣнія великихъ людей прошедшаго и наполняютъ ложью исторію философіи. Этимъ представителямъ приходятъ на помощь „научившіеся въ университетѣ вѣрить“ разные доктора философіи въ родѣ доктора Койгена.

Далѣе, дѣлая нападки на діалектику Гегеля, докторъ Койгенъ опять таки не касается вопроса по существу. Онъ ограничивается общими избитыми сравненіями Гегеля съ Кантомъ, распространяясь на ту тему, что Кантъ былъ революціонеръ, а Гегель реакціонеръ.*)

Здѣсь, разумѣется, не мѣсто проводить параллель между Гегелемъ и Кантомъ; она была умѣстнѣе въ книгѣ доктора Койгена, цѣль которой заключалась въ опроверженіи діалектики, какъ теоріи, оправдывающей противорѣчіе классовъ и соціальную революцію.

Но мы не можемъ не выразить нашего удивленія по поводу слѣдующаго курьезнаго обстоятельства. Гегель былъ реакціонеръ, а его діалектикой воспользовалась марксова школа, стоящая на точкѣ зрѣнія классоваго антагонизма и считающая соціальную революцію неизбѣжнымъ результатомъ этого антагонизма. Кантъ же былъ „революціонеръ“, а его системой воспользовались критики, опровергающіе съ ея помощью классовой антагонизмъ и необходимость соціальнаго переворота.

Не правда-ли, это очень интересно?

Въ книгѣ доктора Койгена есть, однако, двѣ-три вѣрныхъ мысли: во-первыхъ, параллель между Бруно Бауеромъ и русскими субъективистами (S. 63); во-вторыхъ, то мнѣніе, что французскій матеріализмъ, оказавшій вліяніе на марксову теорію, есть родъ спинозизма.**)

Вполнѣ признавая правильность этихъ мнѣній, мы должны тѣмъ не менѣе констатировать, что первая изъ нихъ была высказана Бельтовымъ***); вторая Г. В. Плехановымъ.†)

Въ заключеніе два слова о психологическихъ тонкостяхъ доктора Койгена. Революціонеръ, — думаетъ онъ, — живетъ и чувствуетъ односторонне, ему мѣшаетъ исчерпывать всѣ наслажденія жизни революціонная idée-fixe. Человѣкъ возрожденія (подъ такимъ человѣкомъ слѣдуетъ, конечно, понимать неомарксиста) живетъ во всю, смѣло отдаваясь всѣмъ своимъ влеченіямъ. Не станемъ спорить съ докторомъ Койгеномъ о томъ, кто психологически содержательнѣе, богаче и смѣлѣе: революціонеръ, или нереволюціонеръ; но отдадимъ ему справедливость за правильную оцѣнку вліянія „ортодоксальнаго“ марксизма на выработку революціонной личности. „Ортодоксальный“ марксизмъ, — какъ это слѣдуетъ изо всей книги г. Койгена, — стоящій на рѣзко классовой точкѣ зрѣнія и стремящійся къ соціальной революціи, содѣйствуетъ развитію революціонныхъ характеровъ. *Не*-классовая же точка зрѣнія создаетъ „разносторонніхъ“ личностей, принимающихъ во вниманіе *„физическое, психическое и прочее непріятное волненіе“*,

---

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что личный психологическій складъ Гегеля и Канта не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ выводамъ, которые вытекаютъ изъ ихъ системъ.

**) Ibid. S.149.

***) См „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ стр. 284.

†) См. „Bernstein und der Materialismus“ „Neue Zeit“ № 44, XVI. Jahrgang, II. Bd. 1897/98.

которое могутъ причинить высшимъ классамъ *„такъ называемые зависимые“* своимъ сопротивленіемъ. Это совершенно вѣрно. Но неправъ докторъ Койгенъ, когда полагаетъ, что „разносторонняя“ личность неомарксиста свободна отъ idée-fixe. *„Разносторонность“*, заставляющая „неомарксиста“ принимать во вниманіе „физическое, психическое и прочее“ спокойствіе буржуазіи, дѣлаетъ его очень *односторонним* по отношенію къ „такъ называемымъ зависимымъ“

Его idée-fixe, это — физическое, психическое и прочее спокойствіе эксплуататоровъ. Эта idée-fixe и даетъ себя чувствовать въ такъ называемой критикѣ марксизма. Р. С.

Къ вопросу о національной автономіи и преобразованіи Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи на федеративныхъ началахъ. Изданіе Всеоб. Евр. Раб. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи. Лондонъ. Февраль 1902 года.

„Національный вопросъ принадлежитъ къ тѣмъ, обсужденіе которыхъ болѣе всего способно возбуждать страсти и вызывать разногласія даже въ средѣ соціаль-демократовъ“, говорится въ началѣ брошюры, заглавіе которой нами выписано. Справедливость этихъ словъ подтверждаетъ и та литературная полемика, которою было вызвано появленіе этой брошюры. Сдержанно и спокойно написанная замѣтка въ № 7 „Искры“ о резолюціяхъ IV съѣзда „Бунда“ вызвала крайне-рѣзкое письмо въ редакцію со стороны Цент. Комитета „Бунда“, письмо, на которое редакція отвѣтила надлежащей отповѣдью. Въ разбираемой брошюрѣ „Бундъ“ на 23 страницахъ мелкаго шрифта мелко и мелочно пикируется съ „Искрой“, какъ бы задавшись цѣлью прежде всего показать, что въ немъ „національный вопросъ“ „болѣе всего способенъ возбуждать страсти“.

Къ числу подобныхъ страстей, легко возбудимыхъ національнымъ вопросомъ, принадлежитъ, между прочимъ, то болѣзненно-мнительное чувство, знакомое представителямъ угнетенной народности, которое побуждаетъ съ излишней проницательностью усматривать во всякой критикѣ того или иного поступка тѣхъ или иныхъ представителей угнетенной народности — проявленіе враждебности къ этой народности вообще или недостаточной симпатіи къ ея борьбѣ противъ угнетенія. Товарищи, которымъ приходилось вести въ *жизни* борьбу противъ нѣкоторыхъ тенденцій въ дѣятельности „Бунда“, понимаютъ, что я имѣю въ виду. Имъ хорошо извѣстно, что въ нѣкоторыхъ кругахъ соціаль-демократической еврейской интеллигенціи всякое слово критики по адресу „Бунда“ принимается, какъ проявленіе враждебности къ евреямъ вообще и люди, виновные въ этой критикѣ, очень легко зачисляются въ ряды зараженныхъ „антисемитскими предразсудками“, хотя бы даже относительно нихъ было доподлинно извѣстно, что они сами евреи.

Къ сожалѣнію, въ новой брошюрѣ „Бунда“ также проскользнула эта непріятная тенденція. „Искра“ какъ-то выразила надежду, что среди южно-русскихъ еврейскихъ рабочихъ, до сихъ поръ боровшихся въ однихъ рядахъ съ русскимъ пролетаріатомъ, „націоналистическія увлеченія Бунда не найдутъ себѣ отклика“. Иначе говоря: констатируя, что единственная жизненная организація еврейскихъ рабочихъ Литвы и Польши вступила на нежелательный путь, „Искра“ выразила надежду, что еврейскіе рабочіе Юга, до сихъ поръ работавшіе въ тѣхъ же организаціяхъ, что и мѣстные рабочіе-христіане, не станутъ выдѣляться въ отдѣльную организацію. И, дѣйствительно, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ еврейскихъ и не-еврей-

скихъ элементовъ южно-русскаго движенія наиболѣе затрагивается тѣми новыми теченіями въ „Бундѣ“, которыя проявились на IV съѣздѣ. Организаціонная самостоятельность „Бунда“ вызвана, на нашъ взглядъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ районѣ его дѣятельности рабочее движеніе среди поляковъ и литовцевъ развивалось особымъ путемъ, мало затрагивая еврейскую массу, развивалось подъ вліяніемъ особыхъ традицій, въ особой исторической средѣ. Напротивъ, движеніе еврейскихъ рабочихъ Юга началось одновременно и параллельно съ движеніемъ русскихъ рабочихъ и въ тѣсной связи съ этимъ послѣднимъ. Естественно опасеніе, чтобы провозглашенная, какъ *принципъ*, полная самостоятельность и самобытность движенія еврейскаго пролетаріата не отразилась дезорганизаціей въ рабочихъ группахъ городовъ Южной Россіи.

„Бундъ“ страннымъ образомъ не понялъ этого смысла аппеляціи „Искры“ къ еврейскимъ товарищамъ Юга. Теряясь въ различныхъ возможныхъ толкованіяхъ этой фразы, онъ между прочимъ, заявляетъ: „Если же, что намъ весьма трудно допустить, „Искра“ хотѣла сказать, что Бундъ, въ противоположность еврейскимъ рабочимъ Юга, не борется *солидарно* съ христіанскими рабочими, не участвуетъ вмѣстѣ съ ними въ экономической борьбѣ, въ политическихъ демонстраціяхъ, не оказываетъ имъ товарищеской поддержки, то *да будетъ ей стыдно!* Подобнаго рода ложныя, хотя бы вскользь брошенныя замѣчанія, падая на почву, въ достаточной степени обработанную всѣмъ нынѣшнимъ юдофобскимъ режимомъ, при полномъ отсутствіи не только у рабочихъ, но и у интелигентовъ освѣдомленности о характерѣ и размѣрахъ дѣятельности Бунда, тѣмъ болѣе вредны и тѣмъ болѣе суроваго осужденія заслуживаютъ“ и т. д. (стр. 16).

Итакъ, прежде всего дается словамъ „Искры“, произвольное толкованіе, о которомъ сказано, что его „весьма трудно допустить“. Потомъ, допуская это трудно допустимое толкованіе, ополчаются на него и заключаютъ: „подобнаго рода замѣчанія“ падаютъ на подготовленную почву юдофобства! Ergo — „Искра“ косвенно способствуетъ укрѣпленію юдофобскихъ предразсудковъ массы. Ni plus, ni moins. Въ виду столь страстнаго отношенія нашихъ еврейскихъ товарищей къ разбираемому вопросу мы, въ интересахъ поддержанія ихъ собственнаго достоинства, отказываемся обстоятельно спорить по поводу всѣхъ тѣхъ нападеній на „Искру“, которыми полна ихъ брошюра. По существу вопроса о національной программѣ евреевъ мы говорили въ спеціальной статьѣ, помѣщенной въ этой же книжкѣ. Надѣемся, что „Бундъ“ отнесется sine ira къ этому принципіальному разбору его позиціи и что полемика по поводу этой статьи — если ей суждено возникнуть — не будетъ безплодной. Брошюра „Бунда“ ничего не прибавляетъ со стороны принципіальной аргументаціи къ тому, что сказано въ отчетѣ его о IV съѣздѣ, а аргументація этого отчета достаточно разобрана въ упомянутой статьѣ.

Было бы очень жаль, если бы возбужденныя въ дѣятеляхъ бунда „страсти“ помѣшали имъ внимательно и хладнокровно взвѣсить все значеніе тѣхъ новыхъ тенденцій, которая возникли въ немъ еще до IV съѣзда и нашли въ его резолюціяхъ опредѣленное выраженіе. Не ослабленіе организаціонной и идейной связи между движеніемъ еврейскаго и русскаго пролетаріата, а развитіе и укрѣпленіе ея соотвѣтствуютъ истинно-понятымъ интересамъ еврейскаго пролетаріата. И мы знаемъ, что замѣтки въ № 7 и 8 „Искры“, несмотря на всю рѣзкость второй изъ нихъ, не всѣми еврейскими товарищами были приняты, какъ проявленіе предвзятой враждебности къ Бунду.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу одной выходки нелитературнаго свойства, допущенной „Бундомъ“ въ его полемикѣ. Отвѣчая

„Искрѣ“, Центральный Комитетъ заявилъ, что не обязанъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ группамъ, не имѣющимъ права причислять себя къ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи. „Искра“ попросила объяснить, кого имѣетъ въ виду „Центральный Комитетъ“. Приводимъ дословно отвѣтъ Центральнаго Комитета на этотъ вызовъ (стр. 21):

„Да развѣ такъ трудно было догадаться? Кажись, ни о комъ другомъ, кромѣ „Искры“, въ „письмѣ“ не говорилось. Иной пытливый читатель, при видѣ такой изумительной непонятливости, подумалъ бы, чего доброго, что „кивокъ“ то попалъ не въ бровь. Онъ сталъ бы размышлять, сталъ бы справляться о законахъ, и тогда у него возникъ бы рядъ вопросовъ. Онъ спросилъ бы себя, напримѣръ, *какимъ образомъ газета „Искра“ очутилась въ Партіи* (курсивъ нашъ), о чемъ гласитъ ея заголовокъ, разъ Центральнаго Комитета, т. е. того учрежденія, которое должно было ввести ее въ Партію, давно уже нѣтъ? *Вѣдь партія не гостинница, куда всякій можетъ заѣзжать и занимать номеръ*“ (курсивъ нашъ). „Какимъ образомъ „Искра“ очутилась въ партіи“, объ этомъ, между прочимъ, разсказывается въ брошюрѣ „Что дѣлать“? (см. стр. 121—122), изъ которой видно, что она „очутилась“ послѣ цѣлаго ряда предложеній, исходившихъ и . . . отъ Центральнаго Комитета „Бунда“. Намъ трудно было бы предположить, что полемическое увлеченіе можетъ довести дѣятелей, стоящихъ во главѣ серьезной организаціи, до такого безцеремоннаго отреченія отъ партійныхъ шаговъ, которые были предприняты при *самомъ активномъ ихъ участіи*. Ну, и нравы . . . . Фраза о „гостинницѣ“ весьма-таки хлестка, но мы недоумѣваемъ относительно слѣдующаго пункта: если вступленіе „Искры“ въ партію носило характеръ самовольнаго занятія ею свободнаго номера, то въ качествѣ кого собственно члены Центральнаго и Заграничнаго Комитетовъ „Бунда“ *раскрывали передъ нею двери этого номера*, гостепріимно приглашая явиться на (несостоявшіеся) партійные съѣзды? Б.

Бенедетто Кроче. Экономическій матеріализмъ и марксистская экономія. Критическіе очерки. *Переводъ П. Штякова. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Петербургъ. 1902.*

Г. Бенедетто Кроче считаетъ себя марксистомъ. Но марксисты бываютъ всякіе. Есть марксисты, „покорно и безропотно“ принимающіе взгляды Маркса, „съ тѣмъ отсутствіемъ свободы и оригинальности, которое замѣчается во всей ихъ литературѣ (стр. 243). Такихъ марксистовъ г. Кроче называетъ *вульгарными* (стр. 244). Но есть марксисты другого закала. Эти *критикуютъ* своего учителя и отличаются „умственной оригинальностью“. Къ нимъ принадлежитъ г. Б. Кроче, который думаетъ, что его „критическіе“ очерки „представляютъ въ своей совокупности довольно законченное изслѣдованіе почти всѣхъ основныхъ проблемъ марксизма (стр. 3). Къ этому онъ прибавляетъ, правда, скромную оговорку: *„если не ошибаюсь“*, но его развязный тонъ ясно показываетъ, что, — по его убѣжденію, — ошибки тутъ никакой нѣтъ и что основныя положенія марксизма въ самомъ дѣлѣ серьезно и всесторонне (и, ужъ разумѣется, *„критически“*) изслѣдованы въ его очеркахъ. Претензія, какъ видите, не маленькая. Насколько она основательна? Это мы сейчасъ увидимъ.

Г. Б. Кроче „изслѣдуетъ“ марксовъ законъ паденія нормы прибыли. „Вульгарные“ марксисты „безропотно“ принимаютъ его въ томъ видѣ, какъ его формулировалъ и обосновалъ ихъ учитель. Г. Б. Кроче, со свойственной ему свободой и умственной оригинальностью, не могъ оставить этого закона не „изслѣдованнымъ“. Онъ употребилъ въ дѣло „логическіе

доводы", „ариѳметическіе разсчеты" и даже „свѣтлую интуицію здраваго смысла" (стр. 256; въ русскомъ переводѣ стоитъ: „индукцію здраваго смысла", но это — опечатка, описка или ошибка), въ результатѣ у него получилось прочное убѣжденіе въ томъ, что Марксъ ошибся въ этомъ случаѣ очень сильно, — такъ сильно, что даже его методъ „разбился у него въ рукахъ" (стр. 259). Въ другомъ мѣстѣ того же очерка результатъ критическаго изслѣдованія г. Кроче выходитъ еще болѣе печальнымъ для автора „Капитала": тамъ оказывается, что Марксъ „придумалъ" свой законъ паденія нормы прибыли „изъ ненависти къ той политической экономіи, которую онъ презрительно называлъ вульгарной (стр. 256). Дѣло выходитъ совсѣмъ дрянь, а мы, вульгарные марксисты, ровно ничего и не подозрѣвали. Но страшенъ сонъ, да милостивъ богъ. Выслушаемъ внимательно нашего критически мыслящаго марксиста: можетъ быть, мы найдемъ, что онъ просто путаетъ, слѣдуя всѣмъ извѣстному обычаю другихъ „критиковъ" Маркса.

„Интуиція здраваго смысла" гласитъ такъ: „Передъ нами — согласно строгой схематической гипотезѣ Маркса — съ одной стороны капиталистическій классъ, а съ другой — классъ пролетаріевъ. Къ чему приводитъ техническій прогрессъ? Онъ увеличиваетъ богатство въ рукахъ капиталистическаго класса. Не представляется-ли само собою разумѣющимся, что въ результатѣ техническаго прогресса капиталисты, затрачивая блага, *цѣнность которыхъ все болѣе падаетъ* (курсивъ въ текстѣ, Г. П.), будутъ получать *тѣ же услуги* (курсивъ въ текстѣ, Г. П.) отъ пролетаріевъ, какъ и раньше, и что, вслѣдствіе этого, соотношеніе между цѣнностью услугъ и цѣнностью капитала измѣнится въ пользу первой цѣнности, т. е. что норма прибыли возрастетъ. Съ затратой благъ (капитала), которыя первоначально воспроизводились за 5 часовъ труда, а теперь воспроизводятся въ теченіе 4 часовъ, рабочій трудится по прежнему 10 часовъ. Прежде отношеніе было 5 къ 10, теперь же 4 къ 10. Губка стоитъ меньше, но она впитываетъ то же самое количество воды (стр. 257).

Вообразимъ, что мы имѣемъ дѣло съ фабрикантомъ, въ предпріятіи котораго ежегодно обращается въ пряжу извѣстное количество хлопчатой бумаги. Предположимъ далѣе, что въ техникѣ пряденья совершается переворотъ, благодаря которому *удваивается производительность труда* прядильщика. Какъ повліяетъ такой переворотъ на величину постояннаго капитала, т. е. той губки, которая, по выраженію г. Кроче, впитываетъ въ себя живой трудъ рабочаго? Если производительность труда прядильщика *удвоилась*, то ясно, что въ данное время *онъ будетъ обращать* въ пряжу *вдвое большее количество хлопчатой бумаги*. Это вдвое большее количество бумаги долженъ доставать рабочему фабрикантъ, вслѣдствіе чего затраты этого послѣдняго на сырой матерьялъ при прочихъ равныхъ условіяхъ тоже *удвоятся* (мы уже не считаемъ разныхъ добавочныхъ расходовъ). Отсюда видно, что г. Кроче очень плохо понималъ значеніе техническаго прогресса, когда спрашивалъ себя: „И какъ только могъ Марксъ вообразить, что съ техническимъ прогрессомъ всегда возрастаетъ затрата капиталиста?" (та же страница). На дѣлѣ выходитъ, что Марксъ не только могъ, но долженъ былъ вообразить это

Но это не все. Техническій прогрессъ, удвоившій производительность труда прядильщика, состоялъ въ *улучшеніи машины*. Улучшенныя машины стоятъ обыкновенно *дороже* — вотъ вамъ новый факторъ увеличенія затратъ капиталиста и новое доказательство того, что г. Кроче былъ очень наивенъ, когда спрашивалъ себя: „Какъ только могъ Марксъ" и проч.

Но г. Кроче возражаетъ: „Капиталъ . . . вычисляется не по своему физическому объему, а по своей экономической цѣнности. И экономиче-

ски этотъ капиталъ (предполагая, что всѣ другія условія неизмѣнны) долженъ имѣть меньшую цѣнность, иначе не было бы техническаго прогресса" (стр. 258).

Тутъ опять нашъ критикъ обнаруживаетъ очень большую, — почти трогательную, — наивность. Техническій прогрессъ *„долженъ"* уменьшать цѣнность постояннаго капитала, иначе не было бы техническаго прогресса, — это все, что можетъ сказать г. Кроче для опроверженія закона Маркса. Но этого — увы! — слишкомъ мало. Техническій прогрессъ состоитъ въ томъ, что увеличивается производительность труда, т. е. что въ каждой данной единицѣ продукта воплощается меньшее, чѣмъ прежде, количество труда. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что производство продуктовъ совершается съ помощью болѣе дешевыхъ машинъ. Какъ разъ наоборотъ! Техническій прогрессъ означаетъ обыкновенно примѣненіе болѣе *сложныхъ* и потому болѣе *дорогихъ* машинъ. И это не только въ области *производства*, но также и въ области *обращенія* продуктовъ. Океаническій гигантъ-пароходъ стоитъ гораздо дороже парусного судна, хотя развитіе океаническаго пароходства чрезвычайно понизило *издержки перевозки*. Правда, нельзя отрицать здѣсь и существованія *противодѣйствующихъ причинъ*. Марксъ подробно перечислилъ ихъ въ своемъ „Капиталѣ" (т. III, ч. I, стр. 213 и слѣд. нѣмецкаго изданія). Къ числу ихъ онъ относитъ, между прочимъ, удешевленіе сырья, машинъ и другихъ составныхъ частей постояннаго капитала. „Такъ, напримѣръ, — говоритъ онъ — масса хлопчатой бумаги, которую можетъ переработать европейскій прядильщикъ на современной фабрикѣ, возросла въ колоссальномъ отношеніи къ тому, что въ прежнее время могъ переработать европейскій ткачъ съ помощью прялки. Но стоимость перерабатываемой хлопчатой бумаги возросла не въ томъ отношеніи, въ какомъ увеличилась ея масса. Тоже — съ машинами и съ другимъ постояннымъ капиталомъ" (Ibid. стр. 217). Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣло доходитъ — по словамъ Маркса — до того, что масса элементовъ постояннаго капитала можетъ расти, между тѣмъ какъ цѣнность ея остается неизмѣнной или даже падаетъ" (тамъ же, та же страница). Но такъ бываетъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, а въ общемъ цѣнность постояннаго капитала увеличивается, хотя и не такъ быстро, какъ масса его составныхъ элементовъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, знаетъ каждый смышленый школьникъ. Вотъ интересныя новыя данныя. Въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки въ десятилѣтіе 1889/1890—1899/1900 число промышленныхъ предпріятій (не считая горнозаводскихъ) съ годовымъ производствомъ не ниже 500 долларовъ возросло на 44%; число занятыхъ въ нихъ рабочихъ увеличилось на 25%; общая сумма заработной платы этихъ рабочихъ поднялась на 23%; капиталъ, вложенный въ предпріятія (очевидно, что тутъ указывается такъ называемый *основной* капиталъ) выросъ на 51%, и, наконецъ, смѣшанныя издержки стали больше на 63% (см. ст. Франца: „Aus der Vereinigten Staaten" въ „Neue Zeit" отъ 17 мая 1802 г.). Эти цифры показываютъ, что постоянный капиталъ растетъ въ Соединенныхъ Штатахъ гораздо быстрѣе, чѣмъ перемѣнный. То, что здѣсь наблюдается *во времени*, можно наблюдать у насъ въ Россіи *въ пространствѣ*. *Южно-русская* металлургическая промышленность оборудована гораздо лучше, чѣмъ *уральская*, и именно потому на каждаго рабочаго, занятаго въ металлургическомъ предпріятіи, *на югѣ приходится значительно больше постояннаго капитала, чѣмъ на Уралѣ*. Повторяемъ, это извѣстно каждому школьнику. Но г. Кроче продолжаетъ вопрошать: какой же смыслъ имѣетъ въ такомъ случаѣ усовершенствованіе способовъ призводства? Въ своей „критической" наивности онъ даже и не подозрѣваетъ, что болѣе совершенная и потому — въ огромномъ большинствѣ

случаевъ — болѣе дорогая машина *переноситъ на каждую отдѣльную единицу продукта меньшую стоимость, чѣмъ менѣе дорогая.* Знай онъ это, — онъ и самъ понялъ-бы, до какой степени смѣшна его „свѣтлая интуиція здраваго смысла“ и какъ неловокъ и безпомощенъ онъ въ своей „критикѣ“ закона паденія уровня прибыли. Но онъ этого не знаетъ и потому онъ очень доволенъ своей „критикой“.

Мы потому остановились именно на этомъ очеркѣ г. Кроче, что имъ подтверждается справедливость французской пословицы: les beaux esprits se rencontrent. Извѣстно, что въ русской литературѣ тотъ же закопъ Маркса очень сходными доводами опровергалъ г. Туганъ-Барановскій. Аргументацію этого критика весьма успѣшно опровергалъ у насъ г. Карелинъ (въ „Научномъ Обозрѣніи“), а недавно за ея оцѣнку взялся Каутскій въ „Neue Zeit“, по случаю выхода нѣмецкаго перевода книги г. Тугана о кризисахъ, куда вошло и его мнимое опроверженіе Маркса. Мы не станемъ, разумѣется, повторять здѣсь доводы Карелина и Каутскаго.*)

Мы только замѣтимъ, что когда два великихъ ума дѣлаютъ какое нибудь великое открытіе, то интересно бываетъ рѣшить вопросъ о томъ, что ученые нѣмцы называютъ *пріоритэтомъ*. Кому же принадлежитъ „пріоритэтъ“ опроверженія Марксова закона паденія уровня прибыли, г. Кроче, или г. Туганъ-Барановскому? Что говоритъ хронологія? Разобранный нами „критическій“ очеркъ г. Кроче впервые появился въ одномъ ученомъ итальянскомъ изданіи *за май 1899 мая* (см. предисловаіе къ его книгѣ стр. 4, примѣчаніе), и въ томъ же мѣсяцѣ того же года г. Туганъ-Барановскій „опровергъ“ Маркса въ *„Научномъ обозрѣніи“*. Ясно, что пріоритэтъ не принадлежитъ никому изъ нихъ: les beaux esprits (critiques) se sont rencontrés. Но если вы, читатель, скажете, что оба эти критическіе ума могли заимствовать свою „критическую“ мысль у какого нибудь третьяго, еще болѣе „критическаго“ экономиста, то мы отвѣтимъ: *вы правы.* Разверните „Verhandlungen der am 28. und 29. September 1894 in Wien abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Sozialpolitik über Kartelle und über das ländliche Erbrecht“, Leipzig, 1895; тамъ, на страницѣ 218, вы найдете слѣдующія слова извѣстнаго Sozialistenfresser'a проф. Юл. Вольфа:

„Тотъ взглядъ г. профессора Брентано, что основной капиталъ увеличивается сравнительно съ оборотнымъ, раздѣляется, пожалуй въ многихъ кругахъ. Въ нѣсколько иной формулировкѣ взглядъ этотъ составляетъ часть соціалистической доктрины. Я не могу согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, не могу согласиться безусловно. Нѣсколько недѣль тому назадъ одинъ цюрихскій промышленникъ, находящійся со мною въ дружественныхъ отношеніяхъ, сдѣлалъ по этому поводу разсчетъ. Самъ онъ прядильщикъ, хорошо знакомый съ исторіей прядильнаго дѣла, особенно въ Англіи, т. е. въ той самой странѣ, изъ которой г. Брентано и соціа-

*) Каутскій, показавшій, что „критика“ г. Тугана-Барановскаго есть просто на просто возвращеніе на точку зрѣнія вульгарной экономіи, дѣлаетъ ему, однако, не мало комплиментовъ. Г. Туганъ оказывается у него чуть-ли не самымъ выдающимся изъ „критиковъ“. На самомъ дѣлѣ этотъ писатель обладаетъ большимъ прилежаніемъ и нѣкоторой способностью къ *описательнымъ* трудамъ. Но для экономической теоріи онъ мертвъ или еще не родился. Комплименты, полученные имъ отъ Каутского, кажутся намъ совершенно незаслуженными. Мы полагаемъ, что они объясняются той же психологической аберраціей, въ силу которой соціалисты каждой отдѣльной страны думаютъ, что буржуазія чужихъ странъ все-таки лучше, чѣмъ ихъ собственная: Каутскому слишкомъ надоѣли нѣмецкіе „критики“.

листы по весьма понятнымъ причинамъ охотно берутъ матеріалы для своихъ доказательствъ. И этотъ промышленникъ вычислилъ, что въ прядильной отрасли основной капиталъ теперь меньше, чѣмъ былъ прежде. Строенія, веретёна, машины всякаго рода теперь стали относительно дешевле; наоборотъ, заработная плата поднялась... Если это такъ, то естественный законъ (Naturgesetz) народно-хозяйственнаго развитія, на который ссылается г. Брентано... не существуетъ."

Упоминаемый г. Ю. Вольфомъ цюрихскій промышленникъ былъ, очевидно, не кто иной, какъ Фридрихъ Берто (Bertheau), который выпустилъ *въ началѣ 1895 года* брошюру: „Fünf Briefe über Marx an Herrn Dr. Julius Wolf, Professor der Nationalökonomie in Zürich", и снабженную предисловіемъ того же профессора Вольфа. Въ этой брошюрѣ, на страницахъ 47—49 приведены нѣкоторыя цифры, съ помощью которыхъ ея авторъ усиливается показать, что въ дѣйствительности относительное увеличеніе испытываетъ *не постоянный*, а именно *перемѣнный* капиталъ (Замѣтьте, что г. Берто употребляетъ здѣсь терминологію Маркса: *постоянный* капиталъ; *перемѣнный* капиталъ). По поводу приведенныхъ г. Берто цифръ, мы скажемъ, что если бы даже онѣ дѣйствительно подтверждали то, что ему хочется подтвердить, то и тогда онѣ далеко еще *не опровергали бы* закона Маркса, доказываемаго цифровыми данными, имѣющими несравненно болѣе широкое значеніе, чѣмъ цифры цюрихскаго промышленника: *даже въ этомъ, лучшемъ случаѣ* онѣ говорили бы только о томъ, что прядильное производство Англіи нужно отнести теперь къ числу тѣхъ исключеній изъ общаго правила, на существованіе которыхъ указываетъ самъ Марксъ. Но цифры г. Берто не представляютъ собою даже и самомалѣйшей тѣни доказательства того, что онъ стремится доказать съ теоретическимъ легкомысліемъ, свойственнымъ столь многимъ „практикамъ". Въ этомъ легко убѣдится каждый, кто прочтетъ указанное нами мѣсто *„Пяти Писемъ о Марксѣ"*. А кто захочетъ узнать въ какомъ направленіи измѣняется въ англійской хлопчатобумажной промышленности отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному, того мы отсылаемъ къ книгѣ г. Шульце-Геверница: *„Крупное производство"* и т. д., С.-Петербургъ 1897 г. Книга эта, въ свою очередь, полна недоразумѣній, недомолвокъ, паралогизмовъ и софизмовъ. Но по интересующему насъ теперь вопросу она содержитъ очень поучительныя данныя.

Но какъ бы тамъ ни было, а наши beaux esprits встрѣтились... *на плагіатѣ*. Ай да критика!

Вышеприведенныя разсужденія „умственно оригинальнаго" марксиста даютъ очень ясное понятіе объ его экономической невинности. Но на всякій случай укажемъ еще одинъ экономическій перлъ: каши масломъ не портятъ.

Въ очеркѣ: *„Новыя истолкованія марксистской теоріи цѣнности"* мы читаемъ:

„Марксъ установилъ свое понятіе цѣнности, изложилъ процессъ превращенія *цѣнности въ цѣну*, признавъ источникомъ прибыли *прибавочную цѣнность*. Вся проблема марксистской критики, по моему сводится къ слѣдующему: представляется-ли ошибочнымъ по существу понятіе Маркса (вполнѣ — вслѣдствіе ошибочности предпосылокъ или отчасти — вслѣдствіе ошибочности дедукціи)? Или же: если понятіе Маркса по существу вѣрно, то подведено-ли оно подъ категорію, къ которой оно не принадлежитъ, не ищутъ-ли въ немъ того, чего въ немъ не имѣется, и не упускаютъ-ли изъ виду то, что оно дѣйствительно даетъ? Придя къ этому второму заключенію, я спросилъ себя: съ какими условіями и съ какими предпосылками *мыслима* теорія Маркса?" (стр. 216—217).

На этотъ ясно формулированный вопросъ г. Кроче отвѣтилъ себѣ слѣдующимъ образомъ: „Понятіе трудовой цѣнности истинно для идеальнаго общества, въ которомъ единственными благами являются продукты труда и въ которомъ не существуетъ классовыхъ различій“ (стр, 231)... „Такимъ образомъ у насъ имѣются: 1. хозяйственное трудовое общество безъ классовыхъ подраздѣленій. Законъ трудовой цѣнности. 2. Соціальное раздѣленіе классовъ. Возникновеніе прибыли, которая *только по сравненію съ предшествующимъ типомъ и поскольку понятія перваго переносятся на второй* (курсивъ г. Кроче), можетъ быть названа прибавочной цѣнностью. 3. Техническое различіе между различными видами производства, требующими разнаго состава капитала... Возникновеніе средней нормы прибыли, которая, *по сравненію съ предшествующимъ типомъ можетъ быть разсматриваема какъ превращенная и уравненная прибавочная цѣнность*“ (стр 213, курсивъ нашъ.)

Въ очеркѣ *„Къ вопросу объ истолкованіи и критикѣ нѣкоторыхъ понятій марксизма“*, гдѣ разбирается тотъ же самый вопросъ, мысль г. Кроче поясняется такъ:

„Трудовая цѣнность Маркса не логическое обобщеніе, а *фактъ, мыслимый какъ типъ и принимаемый за типъ*, т. е. нѣчто совершенно отличное отъ логическаго понятія. Она не страдаетъ худосочіемъ абстракціи, а обладаетъ полнокровіемъ конкретнаго факта.*) Этотъ конкретный *фактъ* исполняетъ вслѣдъ за тѣмъ въ изслѣдованіи Маркса функцію масштаба для сравненія, мѣрила, *типа*“ (стр. 106).

Кажется ясно: трудовая цѣнность, это — просто на просто „фактъ, мыслимый какъ типъ“, и только съ точки зрѣнія такого „факта-типа“ названіе прибавочной цѣнности можетъ быть примѣнено къ прибыли. Нечего сказать, хорошо понялъ автора *„капитала“* нашъ необыкновенный марксистъ! Развѣ же у Маркса прибыль *„называется“ прибавочной цѣнностью?* Примѣнить къ ней такое „названіе“ значило-бы перепутать тѣ самыя понятія, которыя надо выяснить. По Марксу, прибыль, *подобно проценту на капиталъ и поземельной рентѣ*, составляетъ *часть* цѣнности, создаваемой неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ. Но если мы на этомъ основаніи вздумаемъ окрестить ее прибавочной стоимостью, то намъ придется приложить то же самое „названіе“ *и къ проценту на капиталъ, и къ поземельной рентѣ*. Само собою разумѣется, что отъ такой терминологіи ровно ничего хорошаго ждать невозможно. Но это мы замѣчаемъ мимоходомъ. Главное для насъ заключается здѣсь въ томъ, что по Марксу прибыль составляетъ часть прибавочной цѣнности вовсе не въ воображаемомъ „хозяйственномъ обществѣ безъ классовыхъ подраздѣленій“, *а именно въ нынѣшнемъ капиталистическомъ обществѣ, которое представляетъ собою неоспоримый „эмпирическій фактъ“*. Вотъ этого-то и не понимаетъ нашъ „критически“ мыслящій марксистъ. Онъ такъ пропитанъ духомъ вульгарной политической экономіи, что у него вырывается вопросъ: зачѣмъ называть превращеніемъ *прибавочной стоимости* то, что представляется естественнымъ экономическимъ результатомъ капиталовъ, которые (вслѣдствіе того, что они капиталы) должны имѣть прибыль?“ (стр. 230). Это по истинѣ безподобно! Толкуйте послѣ этого съ г. Кроче; объясняйте ему, что научная задача Маркса, между прочимъ, въ томъ и заключалась, чтобы объяснить, *почему возможенъ и откуда берется* тотъ „естественный результатъ ка-

*) Въ примѣчаніи г. Кроче прибавляетъ: „Слѣдуетъ замѣтить, что *конкретный фактъ* можетъ и не быть *эмпирическимъ* фактомъ, а фактомъ, конструированнымъ чисто *гипотетически*, т. е. существующимъ лишь отчасти въ эмпирической дѣйствительности“.

питаловъ", который называется прибылью; изображайте ему прибавочную цѣнность, какъ *источникъ* „естественнаго результата", — все это будетъ напрасно, — вы только даромъ потратите время: умственно оригинальный марксистъ съ несокрушимымъ убѣжденіемъ отвѣтить вамъ, что существование прибавочной цѣнности возможно только въ воображаемомъ обществѣ *безъ* классовыхъ подраздѣленій и что, поэтому, связывать съ нею происхожденіе прибыли, этого *естественнаго* результата капитала, значитъ обнаруживать то самое отсутствіе оригинальности мысли, которымъ, къ величайшему ихъ стыду, отличаются вульгарные марксисты. Г. Бенедетто Кроче, очевидно, по прямой линіи происходитъ отъ крыловскаго человѣка, *слона то и не замѣтившаго*.

Извѣстно, что потомство этого замѣчательнаго экземпляра человѣческой породы чрезвычайно многочисленно. Къ нему принадлежатъ всѣ тѣ „критики" Маркса, которые убѣждены въ существованіи противорѣчія между первымъ и третьимъ томомъ *„Капитала"*. Въ рецензіи на книгу г. Франка: *„Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе"* (см. *„Зарю"*, кн. 2—3 стр. 324 и слѣд.) мы показали, что на самомъ дѣлѣ между названными томами совсѣмъ нѣтъ противорѣчія и что уже второй томъ, — о которомъ почему то совершенно забываютъ въ этомъ случаѣ, — заключалъ въ себѣ самыя недвусмысленныя указанія насчетъ того, *какъ* разрѣшалъ Марксъ антиномію между закономъ цѣнности съ одной стороны и закономъ равнаго уровня прибылей съ другой. Въ своей рецензіи мы сослались на 152 и 253 страницы второго тома (въ русскомъ переводѣ; эти стр. соотвѣтствуютъ 185 и 315 стр. второго изданія нѣмецкаго подлинника). Теперь мы укажемъ въ томъ же томѣ еще нѣкоторыя мѣста. — На страницѣ 79 Марксъ говоритъ, что при капиталистическомъ способѣ вычисленія прибыли для капиталовъ въ различныхъ сферахъ приложенія, гдѣ только различно время обращенія, удлиненіе времени обращенія служитъ поводомъ для повышенія цѣны, короче — *служитъ однимъ изъ основаній для уравненія прибыли* (курсивъ нашъ; во второмъ изданіи нѣмецкаго подлинника это мѣсто находится на стр. 97). Это совершенно въ духѣ третьяго тома. Далѣе, на стр. 88 сказано, что „всякій трудъ, прибавляющій стоимость (цѣнность) можетъ также прибавить сверхстоимость (прибавочную цѣнность)' и при капиталистичечкомъ строѣ всегда прибавляетъ сверхстоимость, такъ какъ стоимость, которую онъ создаетъ зависитъ отъ его величины, а сверхстоимость — отъ размѣровъ, въ которыхъ онъ оплачивается капиталистомъ. Слѣдовательно, издержки, которыя увеличиваютъ стоимость товара, не прибавляя ничего къ его потребительной стоимости, съ общественной точки зрѣнія должны быть отнесены къ faux frais производства, а для единичнаго капиталиста могутъ составить источникъ богатства" (стр. 107 нѣмецкаго подл.). Читатель понимаетъ, что эти faux frais производства не могли-бы служить источникомъ богатства для отдѣльныхъ капиталистовъ, если бы прибавочная цѣнность, выжатая изъ рабочаго класса, не распредѣлялась между предпринимателями пропорціонально капиталу каждаго изъ нихъ. Наконецъ, на стр. 296, ставя вопросъ о томъ, какимъ образомъ возмѣщается изъ годичнаго продукта цѣнность капитала, потребленнаго въ производствѣ, и какимъ образомъ движеніе этого возмѣщенія поглощается потребленіемъ прибавочной цѣнности капиталистами и заработной платы рабочими, Марксъ замѣчаетъ, что тутъ у него предполагается обмѣнъ продуктовъ по ихъ цѣнностямъ, но при этомъ дѣлаетъ многознаменательную оговорку, которая очень плохо переведена на русскій языкъ и которую мы, поэтому, приводимъ сначала въ подлинникѣ: So weit die Preise von den Werthen abweichen, kann dieser Umstand... auf die Bewegung des gesellschaftlichen Kapitals keinen Einfluss ausüben. Es tauschen sich nach

wie vor im ganzen dieselben Massen Produkten aus, obgleich die einzelnen Kapitalisten dabei in Werthverhältnissen betheiligt sind, die nicht mehr proporzionell wären ihren respektiven Vorschüssen und den von jedem von ihnen einzeln produzirten Mehrwerthmassen" (стр. 368. втор. изданія). Это значитъ: „Поскольку цѣны отклоняются отъ цѣнностей, это обстоятелство не можетъ повліять на движеніе общественнаго капитала. Въ цѣломъ по прежнему будутъ обмѣниваться тѣ же самыя массы продуктовъ, хотя отдѣльные капиталисты будутъ получать при томъ такія цѣнности, которыя не пропорціональны ихъ затратамъ и массѣ прибавочной цѣнности — произведенной каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности". Если, при отклоненіи *цѣнъ* отъ *цѣнностей*, масса обмѣнивающихся товаровъ остается неизмѣнной, то съ другой стороны ясно, что не измѣняется при этомъ и *общая сумма обмѣнивающихся цѣнностей*. И если указанное отклоненіе не вліяетъ на *движеніе* общественнаго капитала, то съ другой стороны имъ не можетъ быть измѣнена и природа *процесса созданія той массы прибавочной цѣнности, которая всасывается общественнымъ капиталомъ и распредѣляется между отдѣльными капиталистами*. А это значитъ, что какъ бы мы ни отвѣтили на вопросъ объ отклоненіи среднихъ цѣнъ отъ цѣнностей: — положительно, или отрицательно, — нашъ отвѣтъ *не можетъ измѣнить* рѣшенія вопроса о томъ, *откуда берется общественная прибавочная цѣнность*. А изъ этого слѣдуетъ, что *третій томъ „Капитала" и не могъ противорѣчить первому*, или что гг. „критики" искали противорѣчія тамъ, гдѣ его не могло и быть, т. е. совсѣмъ не поняли Маркса.

А понять его было не трудно. Если гг. „критики" держались того мнѣнія, что по смыслу перваго тома среднія цѣны товара *совпадаетъ* съ ихъ цѣнностями, то на это была ихъ добрая воля. Что же касается Маркса, то онъ уже въ названномъ томѣ замѣтилъ, что на самомъ дѣлѣ *нѣтъ* такого совпаденія. А Энгельсъ въ свою очередь, объявилъ мысль о такомъ совпаденіи ровно ни на чемъ неосновавной. Возражая Дюрингу, онъ замѣчаетъ, что Марксъ никогда не говорилъ будто отдѣльный промышленный предприниматель при всякихъ обстоятельствахъ продаетъ достающійся ему прибавочный продуктъ по его полной цѣнности. „Марксъ прямо утверждаетъ, что торговая прибыль тоже составляетъ часть прибавочной цѣнности, а это при предположенныхъ имъ условіяхъ возможно только тогда, когда фабрикантъ уступаетъ купцу свой продуктъ *ниже* его цѣнности." (Herrn Eugen Düring's Umwälzung der Wissenschaft, 3. Auflage, S. 226). Затѣмъ, ссылаясь на одно мѣсто перваго тома, Энгельсъ говоритъ: „Г. Дюрингъ могъ уже отсюда видѣть, что *при распредѣленіи прибавочной цѣнности конкурренція играетъ главную роль*, а при нѣкоторомъ размышленіи эти, содержащіяся въ первомъ томѣ, указанія могли бы дѣйствительно выяснить ему, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, превращеніе прибавочной цѣнности въ ея производныя формы (Unterformen: Ibid, S. 228). Подчеркнутыя нами слова Энгельса сами представляютъ собою ясное указаніе насчетъ того, *въ какомъ направленіи нужно было искать рѣшенія знаменитой „загадки"*. И когда, въ предисловіи ко второму тому, тотъ-же Энгельсъ предложилъ разгадать эту загадку ученымъ, считающимъ взгляды Родбертуса скрытымъ источникомъ экономической теоріи Маркса, тогда для всякаго понимающаго человѣка должно было быть совершенно ясно въ чемъ тутъ дѣло. Замѣтьте, читатель, что Энгельсъ обращался именно къ людямъ, превозносившимъ Родбертуса насчетъ Маркса, *и только къ нимъ*. Онъ приглашалъ ихъ показать, что съ помощью экономическаго ученія Родбертуса можно разгадать загадку, *не только не отклоняясь отъ закона цѣнности, но скорѣе именно на его основаніи*. И онъ дѣлалъ имъ это предложеніе просто и единственно потому, что они не могли принять его,

не отказываясь отъ экономическаго ученія Родбертуса. Всякій, кто знакомъ сочиненіями этого послѣдняго, знаетъ, что, по его мнѣнію, законъ цѣнности далеко не вполнѣ господствуетъ въ капиталистическомъ обществѣ: Вотъ эту-то особенность взгляда Родбертуса на цѣнность и имѣлъ въ виду Энгельсъ, дѣлая свое коварное предложеніе его послѣдователямъ, а гг. „критики“ поняли это предложеніе какъ ручательство за то, что въ третьемъ томѣ *„Капитала“* будетъ доказано совпаденіе цѣнъ съ цѣнностями. Это былъ большой промахъ, но виноваты въ немъ были гг. критики, а вовсе не третій томъ, не Марксъ, и не Энгельсъ.

Стало быть; ученіе Родбертуса о цѣнности очень отличается отъ ученія Маркса о томъ же предметѣ? Да, оно отличается отъ него чрезвычайно сильно, хотя гг. „критики“, конечно, и не подозрѣваютъ этого. У Родбертуса выходитъ такъ: если товары обмѣниваются другъ на друга сообразно количеству труда, затраченнаго на ихъ производства, то законъ цѣнности примѣняется во всей своей силѣ; если — нѣтъ, то дѣйствіе этого закона какъ бы отмѣняется. *Марксъ же понимаетъ этотъ вопросъ несравненно шире*, что хорошо видно уже изъ перваго тома *„Капитала“*, и что еще лучше обнаруживается въ одномъ изъ его писемъ къ Кулеманну, недавно опубликованныхъ въ „Neue Zeit“. Мы имѣемъ въ виду письмо отъ 11-го іюля 1868 года, въ которомъ Марксъ говоритъ: „Что касается „Centralblatt“, то онъ дѣлаетъ величайшую уступку, признавая, что если вообще подъ словомъ цѣнность понимается что нибудь, то приходится принять мои выводы. Несчастный не видитъ, что если бы въ моей книгѣ совсѣмъ не было главы о цѣнности, то и тогда даваемый мною анализъ дѣйствительныхъ отношеній показалъ-бы и доказалъ-бы дѣйствительныя отношенія цѣнности. Болтовня о томъ, что необходимо доказать понятіе о цѣнности, основываетоя только на полномъ невѣжествѣ какъ насчетъ того, о чемъ идетъ рѣчь, такъ и насчетъ метода науки. Каждый ребенокъ знаетъ, что всякая нація, переставшая работать не скажу на годъ, но хотя-бы на нѣсколько недѣль пропадетъ съ голоду. Каждый ребенекъ знаетъ также, что массы продуктовъ, соотвѣтствующія различнымъ массамъ потребностей, требуютъ различныхъ и количественно опредѣленныхъ массъ общественнаго труда (der gesellschaftlichen Gesammtarbeit). И self evident (само по себѣ очевидно, что *опредѣленная форма* общественнаго производства ни мало не устраняетъ этой необходимости распредѣленія общественнаго труда въ извѣстныхъ пропорціяхъ, а можетъ измѣнить только *форму ея проявленія*. Законы природы вообще не могутъ быть устранены. Въ различныхъ историческихъ состояніяхъ можетъ мѣняться только форма, которую принимаетъ дѣйствіе этихъ законовъ. А мѣновая цѣнность этихъ продуктовъ и есть та форма, которую принимаетъ дѣйствіе этой пропорціональности распредѣленія труда въ обществѣ, гдѣ началомъ, связующимъ общественный трудъ, является *обмѣнъ* индивидуальныхъ продуктовъ труда частныхъ лицъ. Задача науки въ томъ и заключается, чтобы обнаружить (въ подлинникѣ: zu entwickeln — развить), какимъ образомъ дѣйствуетъ законъ цѣнности. Поэтому, если бы захотѣли съ самаго начала „объяснить“ всѣ явленія, повидимому, противорѣчащія закону, то мы должны были-бы дать науку раньше науки. Ошибка Рикардо въ томъ и заключается, что онъ въ своей главѣ о цѣнности предполагаетъ всевозможныя категоріи уже данными, чтобы показать, какъ согласуются онѣ съ закономъ цѣнности, между тѣмъ какъ онѣ еще должны быть развиты... Вульгарный экономистъ чуждъ всякой догадки о томъ, что между дѣйствительными повседневными отношеніями обмѣна и величинами цѣнности не можетъ быть непосредственнаго тождества. Иронія (острота, der Witz) буржуазнаго общества состоитъ какъ разъ въ томъ, что отсутствуетъ сознательное

общественное регулированіе производства. Разумное и общественно-необходимое пролагаетъ себѣ дорогу лишь какъ слѣпо дѣйствующее среднее. А въ виду этого вульгарный экономистъ воображаетъ, что дѣлаетъ большое открытіе, когда показываетъ, что въ явленіи вещи выглядятъ иначе. Въ дѣйствительности онъ показываетъ только то, что онъ держится за внѣшность и не можетъ проникать глубже. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ вообще наука?"

Мѣновая цѣнность есть форма, которую принимаетъ дѣйствіе закона цѣнности, способъ дѣйствія этого закона. Она — не болѣе, какъ *историческая категорія*. Но если *способъ* дѣйствія названнаго закона измѣняется въ зависимости отъ измѣняющихся общественныхъ отношеній, то *дѣйствіе* его неустранимо, какъ неустранимо дѣйствіе вѣчныхъ законовъ природы. Поэтому, если мы видимъ, что *способъ* дѣйствія *измѣняется* или *осложняется* по той или другой причинѣ, напримѣръ, вслѣдствіе конкурренціи между капиталистами, то это отнюдь не значитъ, что *само это дѣйствіе* прекращается или устраняется хотя бы только отчасти. Нѣтъ, проявляясь иначе или переплетаясь съ дѣйствіемъ другого закона, *оно все таки остается во всей своей силѣ*, и задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы прослѣдить его черезъ все разнообразіе новыхъ формъ и сплетеній. Эту задачу и рѣшаетъ Марксъ въ своемъ *„Капиталѣ"*. А Родбертусъ *не только не рѣшилъ этой задачи, но считалъ ея рѣшеніе невозможнымъ*. По его словамъ, одна изъ ошибокъ Маркса заключается какъ разъ въ томъ, что „er nimmt den „Arbeitswerth" aller Güter schon in dem heutigen Zustande als realisirt an, während dies nur durch Gesetze geschehen kann" (см. его письмо къ Р. Мейеру отъ 8 сентября 1871 г., напечатанное въ его „Briefe und sozialpolitische Aufsätze" т. I, стр. 99—100. Курсивъ нашъ). Для Родбертуса весь законъ цѣнности состоитъ въ томъ, что *мѣновыя отношенія товаровъ опредѣляются количествомъ труда*, затрачиваемымъ на производство каждаго изъ нихъ. Иначе сказать: Родбертусъ *смѣшиваетъ дѣйствіе закона съ однимъ изъ способовъ („формъ") его дѣйствія, опредѣляемыхъ въ каждое данное время экономической структурой общества*. И ту же самую ошибку повторяютъ всѣ тѣ, которые думаютъ, что въ третьемъ томѣ *„Капитала"* Марксъ отказался отъ своего ученія о цѣнности.

Но довольно объ этомъ. Читатель самъ видитъ, какъ далека идея Маркса отъ того, что приписываетъ ему г. Кроче со своимъ „фактомъ мыслимымъ, какъ типъ и принимаемымъ за типъ".

Чтобы критиковать Маркса, — какъ и всякаго другого мыслителя, — надо его *понять*. Ось де заковыка, какъ заставляетъ говорить Гамлета одинъ малороссійскій переводчикъ знаменитой англійской драмы. И эта непріятная „заковыка" напоминаетъ о себѣ чуть не на каждой страницѣ „критическихъ" очерковъ г. Кроче. Не понялъ онъ экономическаго ученія Маркса; не понялъ и его исторической теоріи. Мѣсто не позволяетъ намъ дѣлать пространныя выписки. Ограничимся однимъ указаніемъ. Похваливъ Антоніо Лабріолу, между прочимъ, за то, что онъ, въ своей книгѣ о матеріалистическомъ объясненіи исторіи, *„допускаетъ"* существованіе идеологіи и даже „часто встрѣчающееся отсутствіе сознанія и пониманія своего положенія", г. Кроче прибавляетъ: „И такъ какъ человѣкъ живетъ не только въ обществѣ, но и въ природѣ, то Лабріола признаетъ значеніе расы, темперамента и (!) воздѣйствіе природы. Онъ не закрываетъ, наконецъ, глазъ и на значеніе человѣческой личности, другими словами на дѣла тѣхъ людей, которыхъ называютъ великими, людей, являющихся если не созидателями, то несомнѣнно сотрудниками исторіи" (стр. 29—30). Все это г. Кроче называетъ *уступками* (стр. 30). Такое названіе будетъ

навѣрное одобрено знаменитымъ профессоромъ Карѣевымъ, но „вульгарные“ марксисты отвѣтятъ на него презрительнымъ смѣхомъ. Пусть г. Кроче сначала хорошенько вдумается въ историческую теорію Маркса, — тогда онъ увидитъ, что она *не только не исключаетъ „воздѣйствія природы“, но прямо предполагаетъ его* (какъ это видно, напр., изъ перваго тома *„Капитала“*). Точно также никому изъ серьезныхъ марксистовъ никогда не приходило въ голову отрицать „дѣла великихъ людей“. Но врядъ-ли хоть одинъ изъ нихъ смотритъ на такихъ людей, какъ на „сотрудниковъ“ исторіи. Представленіе, соотвѣтствующее такому названію, состоитъ въ томъ, что великіе люди работаютъ *вмѣстѣ* или *рядомъ* съ исторіей, а это нелѣпость, очевидная, по крайней мѣрѣ, для нашего брата, „вульгарнаго“ марксиста.*) Столь же очевидна для насъ и та старая истина, что люди не всегда сознаютъ свое положеніе. Вѣдь цѣль всей нашей дѣятельности прежде всего заключается въ развитіи *сознанія* пролетаріата. Видѣть здѣсь какую нибудь *„уступку“* значитъ опять уподобляться человѣку, слона-то и не замѣтившему.

О другихъ „уступкахъ“ Лабріолы мы здѣсь говорить не станемъ; о нихъ уже говорилось въ русской литературѣ (см. статью Каменскаго въ *„Новомъ Словѣ“*).

Послѣ всего сказаннаго, „вульгарные“ марксисты не удивятся, узнавъ, что нашъ умственно оригинальный марксистъ принадлежитъ къ числу рѣшительныхъ противниковъ *діалектическаго метода и матеріализма*. Ни о томъ, ни о другомъ онъ, разумѣется, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Онъ, ни мало сумняхуся, повторяетъ мнѣніе, по которому *философскій матеріализмъ состоитъ въ признаніи, что духовныя явленія представляютъ лишь нереальную видимость, подъ которой скрываются физическія явленія* (стр. 190). *Такіе* сугубые абсурды не заслуживаютъ опроверженія. Вотъ почему мы оставимъ безъ отвѣта упрекъ, который онъ дѣлаетъ лично намъ за то, что мы, въ своихъ „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“ выказали „потребность вернуться къ Гольбаху и къ Гельвецію“ (стр. 19/20). Къ Гольбаху и къ Гельвецію мы вернулись въ томъ смыслѣ, что сочли нужнымъ сравнить матеріализмъ Маркса съ французскимъ матеріализмомъ XVIII вѣка и обнаружить родственныя черты и генетическую связь этихъ двухъ фазисовъ исторіи матеріалистическаго міросозерцанія. Если бы г. Кроче не былъ ослѣпленъ обычными филистерскими предразсудками противъ матеріализма и если бы онъ понялъ взгляды Маркса, то ему показалось бы страннымъ не то, что у насъ явилась потребность подобнаго сравненія, а то, что такая потребность не высказалась въ философской литературѣ гораздо раньше.

Г. Кроче говоритъ о себѣ, что онъ въ этическихъ вопросахъ не „высвободился изъ подъ власти кантовской критики“ (стр. 175). Мы прибавимъ, что „кантовская критика“ наложила глубокую, неизгладимую печать на *все* его міросозерцаніе. Въ этомъ и заключается тайна его собственныхъ „критическихъ“ упражненій. Онъ чувствуетъ, что *кантіанство* не совмѣстимо съ историческими и соціально-политическими взглядами Маркса, насквозь проникнутыми духомъ *матеріализма*. Но вмѣсто того, чтобы рѣшительно отказаться отъ кантіанства или окончательно отвернуться отъ марксизма, онъ пытается сѣсть между двухъ стульевъ, стараясь видоизмѣнить марксизмъ такъ, чтобы онъ пересталъ, наконецъ, противорѣчить тому, чему онъ *не можетъ не противорѣчить*. И этотъ усердный,

*) По вопросу о роли такъ называемыхъ великихъ и высокопоставленныхъ людей въ исторіи см. статью Кирсанова въ *„Научномъ обозрѣніи“* за 1898 годъ.

но совершенно непроизводительный трудъ украшается у него, у многихъ другихъ, — этикеткой *критики*. Едва ли когда нибудь въ исторіи человѣческой мысли названіе меньше соотвѣтствовало тому предмету, который оно должно обозначать.

И такъ, книга г. Кроче представляетъ собою плохой подарокъ русскому читателю. Тѣмъ болѣе плохой, что г. П. Шутяковъ перевелъ ее *плохо*. Вотъ, напримѣръ, на стр. 132 его перевода мы читаемъ, что историческая теорія Маркса есть не болѣе, какъ *канонъ*, руководство исторической интерпретаціи, и что „это руководство совѣтуетъ сосредоточивать вниманіе на экономической сущности общества для того, чтобы лучше понимать его конфигурацію и измѣненія". Что это за *экономическая сущность общества?* Обращаемся къ подлиннику и тамъ, вмѣсто этой „сущности", находимъ (стр. 115): Sostrato economico della societa, т. е. *экономическій субстратъ общества*. Это тоже не точно нередаетъ взглядъ Маркса, но это все же имѣетъ хоть какой нибудь смыслъ, а *„экономическая сущность"* — просто пустяки. На стр. 61-ой, въ примѣчаніи, сказано: Въ цѣломъ преслѣдуемая Марксомъ форма цѣнности есть *уравненіе между двумя конкретными цѣнностями*". Что значитъ *„преслѣдовать"* форму цѣнности? И что означаетъ *„уравненіе"* между цѣнностями? Въ итальянскомъ подлинникѣ (стр. 53) стоитъ „La concezione del valore nel Capital del Marx... é insomma il paragone fra due valori concreti", т. е. — „словомъ, понятіе цѣнности въ *„Капиталѣ"* Маркса есть сравненіе между двумя конкретными цѣнностями". *Теоретически* это, какъ мы уже знаемъ, совсѣмъ не вѣрно, но тутъ нѣтъ ни *„преслѣдованія"*, ни *„уравненія"*, которыя возводятъ въ квадратъ ошибочность мысли г. Кроче. И такихъ грубыхъ промаховъ у г. П. Шутякова не мало.

Г. П.

Bibliothèque socialiste internationale publiée sous la direction d'Alfred Bonnet. VII. Le Socialisme et l'Agriculture, par G. Gatti, député au parlement italien. Avec une introduction de G. Sorel. Paris, V. Giard et E. Briere. 1902. (Международная Соціалистическая Библіотека издаваемая подъ редакціей Альфрэда Боннэ. VII. Соціализмъ и земледѣліе, соч. Дж. Гатти, депутата въ итальянскомъ парламентѣ. Со введеніемъ Г. Сореля. Парижъ, В. Жіаръ и Э. Бріэръ. 1902.)

Въ 1897 году Джероламо Гатти представилъ конгрессу итальянской соціалистической партіи, имѣвшему мѣсто въ Болоньѣ, докладъ, въ которомъ онъ убѣждалъ своихъ товарищей въ томъ, что они должны „привить соціализмъ къ буржуазной вѣткѣ сельско-хозяйственныхъ кооперацій". Большинство делегатовъ отнеслось очень отрицательно къ его предложенію, и оно было отклонено. Но, потерпѣвъ пораженіе на Болонскомъ конгрессѣ, Гатти не оставилъ своей мысли, а постарался развить ее дальше и обосновать съ помощью новыхъ данныхъ. Плодомъ этихъ стараній явилась книга о „Соціализмѣ и Земледѣліи", французскій переводъ которой вышелъ недавно въ Парижѣ у Жіара и Бріэра.

Съ болонскаго конгресса Гатти вынесъ то впечатлѣніе, что итальянскіе товарищи, отклонившіе его предложеніе, были плохо знокомы съ *фактами*, касающимися нынѣшняго состоянія мелкой поземельной собственности. Неудивительно, поэтому что въ его книгѣ этимъ фактамъ отведено довольно значительное мѣсто. Мы говоримъ: „довольно значительное" потому, что, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: *главное*. Главное мѣсто въ книгѣ Гатти принадлежитъ разсужденіямъ общаго свойства, имѣющимъ къ аграрному вопросу лишь весьма отдаленное отношеніе.

Онъ разсуждаетъ и о соціологическомъ значеніи *расы*, и о *факторахъ историческаго развитія*, и о *субъективномъ методѣ въ соціологіи*, и о *вліяніи географической среды на общественныя отношенія*, и даже о *человѣческой природѣ*. Всѣ эти предметы разсматриваются имъ очень бѣгло, очень поверхностно, съ неожиданными отступленіями и съ совершенно излишними повтореніями. Толку изо всего этого выходитъ очень мало, а между тѣмъ мѣста это беретъ очень много, вслѣдствіе чего, изображеніе нынѣшняго состоянія мелкой поземельной собственности тоже оказывается очень неудовлетворительнымъ. Погнавшись за многими зайцами сразу, Гатти не поймалъ ни одного.

Въ доказательство этого мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. На страницѣ 292-ой мы находимъ у нашего автора слѣдующую таблицу, показывающую движеніе поземельной собственности Франціи:

Гектары	1862	1882
отъ 0 до 10	2 435 402	2 635 000
отъ 10 до 40	636 309	727 222
40 и выше	154 167	142 088

На основаніи этой таблицы нашъ авторъ считаетъ себя въ правѣ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что во Франціи *растетъ мелкая собственность и уменьшается крупная* („accroissment de la petite propriété et diminution de la grande“, курсивъ у автора). Но, во первыхъ, почему Гатти ограничился періодомъ 1861-1882? Вѣдь теперь есть болѣе свѣжія данныя, относящіяся къ десятилѣтію 1882-1892. А, во вторыхъ, — почему Гатти не потрудился внимательнѣе анализировать приведенныя имъ данныя? Сказать, что въ такой-то промежутокъ времени возросло число собственниковъ имѣющихъ до 10 гектаровъ, значитъ очень мало сказать о состояніи мелкаго землевладѣнія. *До 10 гектаровъ* имѣетъ и тотъ, у кого ихъ *девять*, и тотъ, за кѣмъ числится крошечный *„носовой платокъ“*, не превышающій *одной девятой* гектара. Обладатель девяти гектаровъ можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, недурно жить независимыми *„трудами рукъ своихъ“*, а собственникъ „носового платка“ во всякомъ случаѣ вынужденъ жить *продажей своей рабочей силы*. Такимъ образомъ, тутъ передъ нами — двѣ совершенно различныя *соціальныя категоріи*. Смѣшивать ихъ непозволительно, но Гатти не смущается этимъ; вѣрнѣе сказать — онъ какъ будто и не подозрѣваетъ этого. Основываясь на приведенной имъ таблицѣ, онъ умозаключаетъ къ росту мелкой и къ уменьшенію крупной поземельной собственности во Франціи, а затѣмъ переходитъ къ Бельгіи, торопливо прибавивъ: „это путь прямо-противоположный тому, который ведетъ къ капитализму, т. е. къ увеличенію числа пролетаріевъ, живущихъ заработной платой, и уменьшенію числа мелкихъ землевладѣльцевъ“ (та же страница).

При ближайшемъ и при болѣе внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, данныя статистики французскаго землевладѣнія представляются въ иномъ свѣтѣ. Возьмемъ *самыя свѣжія данныя*. Въ десятилѣтіе 1882—1892, — которое *почему-то совсѣмъ обходится въ таблицѣ Гатти* — число крупныхъ экономій (exploitations) понизилось со 142 088 на 138 671, т. е. уменьшилось на 3 417. Но, — какъ справедливо замѣчаетъ *Флуръ-де-Сенъ-Женн*, — это только одна видимость, и мы составимъ себѣ ложное понятіе о положеніи дѣлъ, если остановимся на этой цифрѣ и не потрудимся разложить ее на ея составные элементы. На самомъ дѣлѣ крупная собственность не *„уменьшалась“*, а *„увеличивалась“*. *Ея общая площадь* поднялась съ 22 296 100 гектаровъ въ 1882 году до 22 493 400 гектаровъ въ 1892: *приращеніе = 197 300 гектаровъ*. Кромѣ того, *число экономій* уменьшилось лишь въ той кате-

горіи, которую слѣдовало отнести скорѣе къ *средней*, чѣмъ къ *крупной* собственности: въ категоріи отъ 40 до 100 гектаровъ. Тутъ мы видимъ *убыль*, равную *4818*. Наоборотъ, число экономій, охватывающихъ 100 гектаровъ и выше, возросло на 4477. И это возростаніе совершилось очевидно на счетъ низшихъ категорій, потому что экономіи высшей категоріи увеличились не только въ числѣ, но и въ среднемъ размѣрѣ. Это совсѣмъ не похоже на то, что говоритъ намъ Гатти. Но это не все. Есть нѣкоторое основаніе думать, что увеличеніе крупной собственности было значительнѣе, чѣмъ это показываютъ приведенныя нами цифры. Флуръ-де-Сенъ-Жени замѣчаетъ, что по даннымъ изслѣдованія 1892 года крупная и мелкая собственность потеряли вмѣстѣ *653800* гектаровъ, а крупная пріобрѣла, какъ мы знаемъ, *только 197300* (La Propriété rurale en France, Paris 1902, p., 88, примѣчаніе). Куда же дѣвались остальные *456500* гектаровъ? Это разнорѣчіе цифръ показываетъ, что изслѣдователями сдѣлана какая-то ариѳметическая ошибка. Не зная, въ чемъ именно она состоитъ, мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что крупная поземельная собственность выросла во Франціи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія больше, чѣмъ на 197300 гектаровъ; но мы имѣемъ полное право высказать это, какъ одно изъ возможныхъ въ этомъ случаѣ предположеній.

А мелкая собственность? Мы уже видѣли, что десятилѣтіе 1882-1892 — повторяемъ, *послѣднее* изъ тѣхъ, о которыхъ у насъ имѣются статистическія данныя — было неблагопріятно для нея, что она *потеряла* часть своей площади; но не мѣшаетъ точнѣе опредѣлить характеръ понесенныхъ ею потерь. Что же говоритъ объ этомъ статистика?

Въ 1882 году *число* мелкихъ собственниковъ (отъ 1 до 10 гектаровъ) равнялось 2635030; въ 1892 году оно *понизилось* до 2617558; разность=17471. Въ то же самое время *общая площадь земель* этой категоріи съ 11366274 гектаровъ *уменьшилась* до 11244750; разность = 121524 гектара (Флуръ-де-Сэнъ-Жени, L. P. p. 151). Это опять совершенно не то, что говоритъ намъ Гатти. Но пойдемъ дальше. Въ категоріи *очень мелкой собственности* (до 1-го гектара) мы, за указанное десятилѣтіе, находимъ слѣдующія измѣненія: *число* собственниковъ *увеличилось на 67738*, а площадь принадлежащей имъ земли *выросла на 233420* (Флуръ-де-Сэнъ-Жэни, L. P. p. 151). Стало быть, *эта* категорія, дѣйствительно, стала больше въ обоихъ отношеніяхъ. Надо помнить, однако, что это *не крестьянская, а пролетарская категорія*. Собственность *этого* разряда не обезпечиваетъ независимаго существованія. Нѣсколько разъ цитированный нами Флуръ-де-Сэнъ-Жени говоритъ, повторяя извѣстное выраженіе *де-Фовилля*, что *мелкая*, а въ особенности *очень мелкая* собственность *необходима* для *крупной*, такъ какъ *доставляетъ ей рабочія руки и въ тоже время обезпечиваетъ ей сбытъ нѣкоторыхъ продуктовъ* (p. 335). Но если это такъ, то во французской деревнѣ *ходъ развитія производственныхъ отношеній вовсе не противорѣчитъ развитію въ сторону капитализма*, какъ въ этотъ хочетъ увѣрить насъ Гатти.

А что мы видимъ въ Бельгіи, на которую часто ссылается нашъ авторъ? Здѣсь, по его словамъ, замѣтно *увеличеніе* числа крестьянъ-собственниковъ и *уменьшеніе* земельной площади, сдаваемой въ аренду. А изъ этихъ фактовъ онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что бельгійское крестьянство обладаетъ большой силой сопротивленія и что вліяніе сельско-хозяйственнаго капитализма въ Бельгіи очень слабо (pp. 292-293). Этотъ *выводъ* самъ по собѣ не дуренъ, но бѣда въ томъ, что *данныя* лежащія въ его основѣ, *не вѣрны*, а потому и самъ онъ не соотвѣтствуетъ истинному положенію дѣлъ. Въ 1880 г. въ девяти провинціяхъ бельгійскаго королевства 65,1 % всей сельско-хозяйственной площади находилось въ рукахъ арендаторовъ; въ 1895 въ арендѣ было уже 68,9 % этой площади. Но это *среднія* цифры.

А если мы взглянемъ на цифры, относящіяся къ отдѣльнымъ провинціямъ, то увидимъ, что, напримѣръ, въ люксембургской провинціи арендаторами обрабатывалось въ 1895 году только 32,1 °/° сельско-хозяйственной площади, въ лютихской — 68 °/°, въ брабантсткой — 72 °/°, а въ Западной Фландріи даже 88,4 °/°. *Чѣмъ далѣе мы заходимъ въ область интенсивной культуры, тѣмъ болѣе понижается процентъ земель, обрабатываемыхъ ихъ собственниками* (см. Вандервельда: „La propriété foncière en Belgique“ Paris 1900, pp. 274-275). Это идетъ въ разрѣзъ съ увѣреніями Гатти. И точно также идетъ въ разрѣзъ съ этимъ статистика бельгійскаго *землевладѣнія*. Если мы возьмемъ собственно крестьянскіе участки (отъ 2 до 10 гектаровъ), то мы получимъ такія данныя:

	Собственныя земли.	Арендуемыя.	Общее число.
1846	57 169	69 961	126 120.
1866	68 598	94 714	163 503.
1880	60 298	97 663	158 261.
1895	51 298	99 288	150 586.

(Вандервельдъ, L. cit., p. 286).

Эти данныя показываютъ, что въ промежутокъ времени отъ 1846 до 1866 г. крестьянская собственность не только сохраняла свою позицію, но и *увеличивалась* на счетъ земель другихъ категорій. А съ 1866 года замѣчается противоположное явленіе: *крестьянская собственность отступаетъ*. Но этого мало. Бельгія — страна не мелкой, — т. е, не *крестьянской*, — а очень *мелкой собственности*; это — страна тѣхъ „носовыхъ платковъ“, которые совсѣмъ не избавляютъ своихъ обладателей отъ необходимости *выносить на рынокъ свою рабочую силу*. Въ 1880 году изъ общаго числа 910, 396 хозяйствъ въ Бельгіи было 710 563 (78 °/°) *хозяйствъ, имѣющихъ менѣе, чѣмъ два гектара* (Вандервельдъ, L. c., p. 283). Какъ же обстоитъ дѣло съ этимъ разрядомъ хозяйствъ, которыя мы назвали *пролетарскими?* Въ противоположность тому, что мы видимъ во Франціи, они тоже *уменьшаются въ числѣ*. Въ 1895 году ихъ было уже только 634 353. Это значитъ, что 76 210 пролетарскихъ хозяйствъ сошло съ экономической сцены. Словомъ, и здѣсь факты показываютъ какъ разъ обратное тому, что говоритъ Гатти. Читатель спроситъ, пожалуй, неужели они остались ему неизвѣстны? Нѣтъ, грѣшно было бы утверждать это. Гатти читалъ книгу Вандервельда и уже по одному этому не могъ не знать приведенныхъ нами фактовъ, но онъ отговаривается отъ нихъ тѣмъ соображеніемъ, что они относятся къ слишкомъ малому періоду времени. Это именно только отговорка, и притомъ плохая. Что касается крестьянской собственности въ точномъ смыслѣ этого слова, то *тридцати-пятилѣтній періодъ*, въ теченіе котораго она идетъ назадъ, вовсе уже не такъ *коротокъ* самъ по себѣ и притомъ онъ значительно длиннѣе того — *двадцатилѣтняго* — періода (1846-1866 гг.), который отличается *прогрессомъ* крестьянскаго землевладѣнія. А что касается *пролетарскихъ* хозяйствъ, то хотя уменьшеніе ихъ числа обнаружено только за *пятнадцати-лѣтній періодъ* (1880-1895 г.), но *ихъ* судьба вообще, — какъ мы знаемъ, — не можетъ служить показателемъ прогресса или застоя въ развитіи капиталистическихъ производственныхъ отношеній. Именно потому, что это — хозяйства *пролетарскія*, они нисколько не свидѣтельствовали бы о „силѣ сопротивленія“ *крестьянской* собственности даже и въ томъ случаѣ, если бы число ихъ *возрастало*, какъ мы видимъ это во Франціи. Но Гатти почему-то — его обращеніе съ цифрами вообще до крайности произвольно — совсѣмъ обходитъ фактъ уменьшенія числа мельчайшихъ собственниковъ въ періодъ 1888-1895 годовъ; онъ не идетъ дальше цифръ 1880 года.

Эти два примѣра достаточно характеризуютъ способъ изслѣдованія, практикуемый Гатти: у него нѣтъ и слѣда истинно критическаго отношенія къ дѣлу. Литература предмета — извѣстна ему очень мало. Онъ наивно увѣряетъ своихъ читателей, что въ Германіи Бебель совѣтуетъ соціаль-демократамъ „demeurer les bras croisés en face du prolétariat agricole et de la petite propriété, et négliger, dans l'attente de tous les bienfaits du régime collectiviste, toute amélioration compatible avec le régime bourgeois" (стр. 266; по русски: скрестить на груди руки передъ сельскимъ пролетаріатомъ и мелкой собственностью и, въ ожиданіи благодѣяній коллективизма, пренебрегать всѣми улучшеніями, возможными въ буржуазномъ обществѣ). Каутскій же, — по словамъ Гатти — напротивъ (par contre), желалъ бы вмѣшательства въ пользу пролетаріата, но не идетъ дальше мѣръ простого покровительства: сокращенія рабочаго дня, охраненія здоровья женщинъ и дѣтей и т. д. (та же стр.) Защищая аграрную программу, представленную на бреславльскій конгрессъ 1895 года, Бебель, конечно, не воображалъ, что нѣсколько лѣтъ спустя найдется иностранный товарищъ, способный приписать ему ту мысль, что соціаль-демократы не должны ничего дѣлать даже для сельскаго пролетаріата!

Гатти настойчиво твердитъ, будто Марксъ и марксисты всегда думали, что ходъ развитія производственныхъ отношеній пойдетъ въ земледѣліи такъ же, какъ шелъ онъ въ промышленности. А между тѣмъ Марксъ еще въ 1850 году писалъ въ своемъ журналѣ „Neue Rheinische Zeitung", что пока продолжится существованіе буржуазныхъ отношеній поземельная собственность будетъ вращаться въ круговомъ движеніи *отъ раздробленія къ концентраціи и наоборотъ*. Марксъ думалъ, что если во Франціи уже начался возвратъ къ концентраціи, то въ Англіи, напротивъ, дѣло быстро идетъ къ раздробленію. Онъ ошибся въ этомъ случаѣ: у насъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы серьезно говорить о раздробленіи англійскаго землевладѣнія. Но сама его ошибка должна была бы пристыдить гг. „критиковъ". Похожа ли его мысль не ту непремѣнную и неизмѣнную схему, съ которой воюетъ Гатти? Нашъ итальянскій товарищъ могъ быть незнакомъ съ „Neue Rheinische Zeitung"; мы охотно признаемъ это. Но не нужно было читать „Neue Rheinische Zeitung" для того, чтобы не оставаться въ неизвѣстности на счетъ указаннаго нами взгляда Маркса. Каутскій ссылался на него въ своей книгѣ объ аграрномъ вопросѣ, а ее Гатти читалъ, если не въ подлинникѣ, то во французскомъ переводѣ, который онъ цитируетъ. Выходитъ, какъ будто онъ умышленно закрылъ глаза на истину. Но намъ не хочется такъ думать, поэтому мы предполаемъ, что онъ здѣсь, — какъ и въ обращеніи со статистикой — просто отнесся къ своему предмету безъ достаточнаго вниманія.

Изобразивъ *„успѣхи"* мелкой поземельной собственности, Гатти пытается опредѣлить ту новую тактику, которой должны, по его мнѣнію, держаться итальянскіе соціаль-демократы въ аграрномъ вопросѣ. Онъ выступаетъ въ качествѣ апостола сельско-хозяйственнаго *„кооператизма"*. Онъ говоритъ, что въ *промышленности* экономическое развитіе цѣликомъ направляется въ сторону *капитализма*, а *въ земледѣліи* замѣчается *два теченія*: одно имѣетъ *капиталистическій*, а другое *кооперативный* характеръ (стр. 227 и слѣд.). Въ своей дѣятельности соціалисты должны считаться какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ. Кооператизмъ, подобно капитализму, приготовляетъ торжество соціализма. „Коллективизмъ также можетъ явиться слѣдствіемъ кооперативной ассоціаціи, какъ и капиталистической концентраціи", говоритъ Гатти, заканчивая свою книгу (стр. 336). Въ виду этого соціаль-демократы должны всѣми силами поддерживать сельско-хо-

зяйственныя кооперації, а вмѣстѣ съ тѣмъ кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ мелкой поземельной собственности. Соціаль-демократы не могутъ брать на себя *инищіативу* законовъ, „которые хотятъ во чтобы то ни стало *приковать мелкаго земледѣльца къ его клочку земли*; которые пытаются остановить *раздробленіе поземельной собственности при ея наслѣдованіи*; которые облегчаютъ пріобрѣтеніе мелкихъ участковъ, т. е. *созданіе новыхъ мелкихъ собственниковъ*, и усиливаются задержать естественную *концентрацію собственности* (курсивъ Гатти). Законодательная манна представляетъ собою ненадежную опору для того населенія, которое находится въ нищетѣ вслѣдствіе экономическихъ условій среды" (стр. 332). Но, несмотря на это, соціальная демократія не должна и противиться проведенію въ парламентѣ законопроектовъ, имѣющихъ цѣлью существенно улучшить положеніе мелкой собственности: „Потому что консервативные сторонники возстановленія мелкой собственности, безъ сомнѣнія, будутъ стараться поддержать ея существованіе во что бы то ни стало и, если нужно, то даже возставая противъ капиталистическаго теченія: они создадутъ ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и вездѣ будутъ противодѣйствовать ея крайнему раздробленію и ея отчужденію. Соціалисты-коллективисты поддержатъ эти законодательныя мѣры, косвенно благопріятныя одной изъ двухъ великихъ тенденцій современной сельско-хозяйственной экономіи (кооперативизму); поддержатъ потому, что никогда не надо задерживать развитіе естественнаго экономическаго теченія (дословно такъ: le développement d'un courant naturel économique, Г. П.); потому, что кооперативизмъ также вѣрно ведетъ къ коллективизму, какъ и сельско-хозяйственный капитализмъ и, наконецъ, потому, что ассоціированная собственность еще больше, чѣмъ собственность изолированная, облегчитъ развитіе и пропаганду соціалистическихъ идей" (стр. 332-333).

Итакъ, съ одной стороны приковывать мелкаго землевладѣльца къ его участку не слѣдуетъ: это задерживало бы „естественную концентрацію собственности" и къ тому же было бы безполезно для землевладѣльцевъ этого разряда. Потому соціалисты не должны брать на себя *починъ* законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью такое приковываніе. А съ другой стороны не надо задерживать развитіе „естественнаго экономическго теченія", и потому соціалисты должны *поддерживать* консерваторовъ, когда тѣ будутъ укрѣплять и насаждать мелкую собственность. Кто найдетъ здѣсь противорѣчіе, тотъ услышитъ отъ Гатти, что ассоціированная собственность будетъ облегчать успѣхи соціализма *„еще болѣе„*, чѣмъ собственность изолированная. Но когда же изолированная мелкая собственность, — рѣчь идетъ именно о ней, — *„облегчала"* успѣхи соціализма? Это остается тайной нашего добраго итальянскаго товарища Джероламо Гатти.

Названный товарищъ прекрасно знаетъ, что мелкіе землевладѣльцы, ассоціируясь между собой, сохранятъ свой *экономическій характеръ мелкихъ буржуа* („Gardont en s'associant leur caractère économique des petits bourgeois", стр. 221). Но тѣмъ не менѣе онъ убѣжденъ, что ассоціаціи *мелкихъ буржуа* послужатъ переходной ступенью къ соціализму. Онъ прекрасно знаетъ, что въ этихъ ассоціаціяхъ *отсутствуетъ отличительный признакъ соціалистическихъ производственныхъ отношеній*: общественная собственность на средства производства. Ему очень хорошо извѣстно, что онѣ оставляютъ за каждымъ изъ своихъ членовъ личное владѣніе его прежней собственностью (стр. 234). Но это не мѣшаетъ ему быть убѣжденнымъ, что федерація такихъ ассоціацій явится „послѣдней ступенью лѣстницы, ведущей отъ индивидуализма къ коллективизму" (стр.236). И онъ, какъ видно, совсѣмъ не хочетъ сказать намъ, на чемъ основывается это его

убѣжденіе. Мы внимательно прочитали его книгу, однако эта вторая его тайна такъ и осталась для насъ не разгаданной.

Въ дѣйствительности опытъ сельско-хозяйственныхъ ассоціацій показываетъ, что онѣ пролагаютъ путь *прежде всего и больше всего капитализму*. Сознаніе этого проникаетъ даже въ ряды сторонниковъ противоположнаго взгляда. Такъ, Вандервельдъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоявшій на точкѣ зрѣнія Гатти, теперь рѣшительно, разстался съ нею. Въ статьѣ: „La coopération rurale en Belgique“, напечатанной въ январьской и февральской книжкахъ „Revue d'économie politique“ за нынѣшній годъ, онъ высказываетъ то твердое убѣжденіе, что въ сельскомъ хозяйствѣ производительныя ассоціаціи имѣютъ еще болѣе сильную тенденцію склоняться въ сторону капитализма, чѣмъ въ промышленности. „Кооперативныя товарищества, имѣющія цѣлью производство или продажу предметовъ, — говоритъ онъ, — ведутъ насъ къ соціализму, но тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и акціонерныя компаніи, картели, трёсты, то есть путемъ капитализма“ Мы надѣемся, что современемъ это станетъ ясно и для Гатти. А разъ онъ пойметъ, куда ведутъ *производительныя* сельскохозяйственныя ассоціаціи, ему уже не трудно будетъ уяснить себѣ, къ чему могутъ привести другіе роды ассоціацій, въ организацію которыхъ входитъ *еще большая доза индивидуализма.**)

„Кооперативизмъ“ не устранитъ капитализма изъ деревни, а ускоритъ ходъ развитія капиталистическихъ производственныхъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ. Этого, разумѣется, совершенно достаточно для того, чтобы соціалисты поддерживали тѣ законодательныя мѣры, которыя устраняютъ юридическія препятствія съ пути кооперативизма. Но чтобы соціалисты могли поддерживать такія мѣры, не противорѣча самимъ себѣ, необходимо чтобы онѣ удовлетворяли одному коренному требованію: *онѣ отнюдь не должны упрочивать ту цѣпь, которая привязываетъ мелкаго собственника къ его участку.* Задача упроченія этой цѣпи должна быть цѣликомъ предоставлена *консерваторамъ*.

Г. П.

Крестьянинъ. *Романъ Вильгельма фонъ-Поленца. Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной. Съ предисловіемъ графа Льва Николаевича Толстого. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва 1902.*

До сихъ поръ въ „*Зарѣ*“ почти не было отзывовъ о беллетристическихъ произведеніяхъ. Въ будущемъ ихъ, вѣроятно, появится очень не много: недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиваться въ нашемъ обзорѣ новыхъ книгъ литературными произведеніями, имѣющими болѣе близкое отношеніе къ соціализму. Но романъ фонъ-Поленца „*Крестьянинъ*“ хорошо изображаетъ тѣ самыя стороны общественной жизни, о которыхъ такъ много говорится въ соціалистической и вообще въ соціально-политической литературѣ. Это — чрезвычайно интересная экскурсія въ область

---

*) Организація бельгійскими соціалистами *потребительныхъ* товариществъ въ деревняхъ очень помогаетъ, правда, ихъ сближенію съ крестьянами. Но тутъ тайна успѣха заключается въ *воздѣйствіи на крестьянъ организованной рабочей партіи*, сила которой обусловливается господствующими въ бельгійской промышленности *капиталистическими производственными отношеніями*. Да и въ этомъ случаѣ кооперація, облегчая сближеніе крестьянъ съ соціалистами, вовсе не создаетъ какого нибудь „*новаго теченія*“ въ производственныхъ отношеніяхъ деревни.

„аграрнаго вопроса“. Намъ хочется обратить на нее вниманіе нашихъ читателей.

Зажиточный крестьянинъ Трауготъ Бютнеръ, всю жизнь работавшій, не покладаючи рукъ, со всѣмъ своимъ семействомъ и всю жизнь остававшійся вѣрнымъ религіи *„сбереженія“*, мало по малу попадаетъ въ руки ростовщиковъ, совершенно лишается своего имущества и, наконецъ, обнищавшій и всѣми заброшенный, вѣшается на деревѣ. Такова фабула романа. Эта фабула послужила фонъ-Поленцу поводомъ для тонкаго анализа психологіи современныхъ нѣмецкихъ крестьянъ средней руки. Передъ нами, какъ живые, выступаютъ эти закаленные, неутомимые труженики, которые чувствуютъ, что изъ подъ ихъ ногъ ускользаетъ почва, дѣлаютъ судорожныя, почти инстинктивныя движенія для того, чтобы сохранить равновѣсіе, но въ концѣ концовъ сознаютъ свое безсиліе въ борьбѣ съ невѣдомой имъ безличной силой. „У Траугота Бютнера — говоритъ фонъ-Поленцъ, — было только тупое чувство, смутное сознаніе, что надъ нимъ совершается большая несправедливость. Но кто могъ бы сказать: какъ и кѣмъ? Кого долженъ былъ онъ обвинять? Это-то и было жутко, что объясненія нельзя было найти. Бѣда пришла въ потемкахъ, и онъ не зналъ даже, откуда. Люди получили право на него самого и на его собственность, — чужіе, незнакомые люди, имени которыхъ онъ не зналъ и два года тому назадъ. Онъ не сдѣлалъ никакого зла этимъ людямъ и только принялъ отъ нихъ помощь, которую они ему навязали сами. А изъ этого какими-то непонятными ему оборотами и махинаціями выросли права, которыя безпомощно отдавали его въ руки этихъ людей. И сколько бы онъ ни ломалъ себѣ голову, ему невозможно было понять во всемъ объемѣ того, что произошло.“

Въ романѣ фонъ-Поленца непосредственной причиной раззоренія Траугота Бютнера являются *евреи* Гаррасовицъ и Шенбергеръ. Это обстоятельство можетъ навести на мысль о томъ, что соціальная философія романиста не лишена нѣкоторой примѣси *антисемитизма*. Но мы не думаемъ, чтобы онъ предпочиталъ христіанскихъ капиталистовъ еврейскимъ. Христіанинъ трактирщикъ Эрнстъ Кашель вышелъ у него еще менѣе привлекательнымъ типомъ, чѣмъ ростовщики-евреи. Къ тому же въ его романѣ ярко изображается именно *безличная сила капитала*, дѣйствіе которой было бы нелѣпо относить на счетъ какой нибудь *отдѣльной расы*. Вотъ почему мы, не останавливаясь долѣе на этомъ вопросѣ, попросимъ читателя замѣтить, какъ хорошо обнаружена у фонъ-Поленца причинная зависимость между *экономическимъ бытомъ* крестьянъ съ одной стороны и ихъ *психологіей* — съ другой. Въ той мѣстности, гдѣ живетъ со своей семьей Трауготъ Бютнеръ, — очевидно, это одинъ изъ угольковъ такъ называемой *Остэльбіи* — крестьянинъ является мелкимъ самостоятельнымъ производителемъ, который хотя и посматриваетъ на батраковъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, но все таки еще не считаетъ себя представителемъ *высшаго класса*. Высшій классъ представленъ тамъ крупнымъ титулованнымъ землевладѣльцемъ, котораго крестьяне называютъ *бариномъ* и въ которомъ они, по преданію, сохранившемуся еще отъ временъ крѣпостного права, видятъ самаго опаснаго своего непріятеля. Иное находимъ мы въ той части Саксоніи, куда младшій сынъ Траугота Бютнера, отставной унтеръ-офицеръ Густавъ, отправляется на лѣтнія полевыя работы. Здѣсь „немногочисленные крестьяне были настоящими господами. Они разъѣзжали верхомъ и въ экипажахъ, какъ настоящіе помѣщики, жили въ большихъ, прекрасныхъ домахъ и посылали своихъ дѣтей въ городскія школы. Когда они сходились, то говорили другъ другу „вы“ и ни одинъ изъ этихъ большихъ госдодъ не позволилъ бы себѣ ѣсть за однимъ столомъ со своими работниками“. Классовые предразсудки проникаютъ въ голову

крестьянина всего сильнѣе тамъ, гдѣ его собственное *сословіе*, вслѣдствіе развитія противорѣчій, коренящихся въ его экономическомъ положеніи, подраздѣляется *на два класса:* классъ людей, *живущихъ эксплуатаціей* чужей рабочей силы, и классъ людей, *продающихъ* свою собственную рабочую силу.

Очень хорошо изображенъ фонъ-Поленцомъ *консерватизмъ*, свойственный современному нѣмецкому крестьянину. Отецъ Траугота Бютнера, Леберехтъ Бютнеръ, „ни за что не хватался съ поспѣшностью, даже и за хорошее. Его крестьянская смѣтливость подсказывала ему, что прежде надо еще посмотрѣть да выждать, дать другимъ вытащить каштаны изъ огня, не заводить у себя ничего, что другіе раньше не испробовали, и итти нѣсколько сзади тѣхъ, кто шелъ впереди. Только съ осторожностью и обдуманностью приступилъ онъ къ новшествамъ. Онъ довольствовался синицей въ рукѣ и предоставлялъ другимъ гоняться за журавлями въ небѣ.“ Но Леберехтъ Бютнеръ все таки былъ человѣкомъ, выдающимся по уму, энергіи и предпріимчивости. А его сынъ, главный герой романа, уже знакомый намъ Трауготъ Бютнеръ, человѣкъ средній и потому болѣе типичный представитель своего сословія, выступаетъ передъ нами какъ чистокровный консерваторъ. „Старый Бютнеръ не былъ мечтателемъ, — говоритъ авторъ. — Его интересъ всегда былъ направленъ къ самой строгой и трезвой дѣйствительности, а тяжелая работа не оставляла ему досуга для какихъ-либо фантазій или пустыхъ мечтаній. Но одно только было глубоко заложено въ его душѣ: своими мыслями онъ много жилъ въ прошломъ. Прошлое для него было постояннымъ спутникомъ настоящей его жизни и говорило съ нимъ понятнымъ ему языкомъ. . . . Прошедшее составляло для него не только любимый уголокъ его души, но оно даже рѣшающимъ образомъ дѣйствовало на всѣ его дѣла. Своей волей намѣреніями и поступками онъ былъ связанъ съ своими предками. . . . При этомъ онъ почти никогда не говорилъ о прошломъ. Всякія разсужденія, поскольку они не служили опредѣленной практической цѣли, онъ считалъ праздникъ занятіемъ.“

Если бы человѣкъ, настроенный такимъ образомъ, взялся за общественную дѣятельность, то онъ, естественно, захотѣлъ бы *„повернуть назадъ колесо исторіи“*. Но онъ слишкомъ погруженъ въ свои личные интересы, чтобы взяться за такую дѣятельность. Въ его глазахъ она тоже есть *праздное мечтаніе*.

Нѣмецкій крестьянинъ Трауготъ Бютнеръ очень многими чертами своего характера поразительно напоминаетъ русскаго крестьянина Ивана Ермолаевича, фигурирующаго въ одномъ изъ очерковъ покойнаго Г. И. Успенскаго и изображеннаго, — мимоходомъ сказать, — съ еще большимъ художественнымъ талантамъ. Въ такомъ сходствѣ, нѣтъ ничего удивительнаго: сходныя соціальныя *причины* естественно порождаютъ сходныя психическія *послѣдствія*. Но сходство это могло бы, въ случаѣ нужды, послужить однимъ изъ ручательствъ за то, что оба эти характера вѣрны дѣйствительности.

Если бы общественныя условія, создающія типы, подобные Трауготу Бютнеру, оставались неизмѣнными въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, то и психологія этихъ типовъ не измѣнилась бы ни на волосъ. Но Германія не Китай, и потому консерватизмъ Бютнера не избавилъ его отъ „новыхъ вѣяній“. Эти новыя вѣянія вторглись въ его жизнь въ видѣ новыхъ пріемовъ борьбы за существованіе и, разворивъ его хозяйство, сдѣлали изъ его старшаго сына, Карла, жалкаго деревенскаго пропойцу, а его самого толкнули — какъ мы уже знаемъ — на самоубійство. Его младшій сынъ, уже упомянутый выше Густавъ, идетъ сперва на лѣтнія работы въ

Саксонію, а потомъ попадаетъ въ крупный городской центръ, гдѣ его, варвара, жившаго до тѣхъ поръ внѣ великихъ духовныхъ интересовъ цивилизованной жизни, постепенно захватываетъ потокъ великаго общественнаго движенія. Его бывшій сослуживецъ и неизмѣнный пріятель, веселый, беззаботный кутила Гешке, сильно затронутый соціаль-демократической пропагандой, ведетъ его на собраніе *„безработныхъ“*, гдѣ передъ его глазами открывается новый, невиданный имъ міръ: „Густавъ былъ совершенно озадаченъ. Вѣдь они имѣли видъ тѣхъ самыхъ нищихъ и бродягъ, которыхъ онъ не разъ отгонялъ отъ дверей отцовскаго дома. А теперь со стыдомъ онъ долженъ былъ сознаться, насколько эти скромные люди превосходили его. Какъ умѣло находили они слова, чтобы выразить свои мысли! Они описывали свое бѣдственное положеніе, сообщали то, что личнымъ опытомъ они добыли и узнали на фабрикахъ, въ шахтахъ или на большой дорогѣ. Они говорили о безсердечіи богачей, говорили и о жестокости работодателей! Потомъ они описывали страданія своихъ семей. И на мрачномъ фонѣ настоящаго тѣмъ ярче блестѣла картина будущаго: ихъ требованія, ихъ смѣлыя надежды и ожиданія того, что должно наступить, — равенство, награда за ихъ страданія, счастье, — тотъ земной рай, который предсказывали имъ ихъ учителя и сіяніе котораго уже свѣтилось въ ихъ глазахъ. Слова этихъ людей тронули сердце Густава. Онъ почувствовалъ, что та нужда, которую они описывали, была какъ бы его собственной. Онъ былъ весь на ихъ сторонѣ. Онъ понялъ то, что одушевляло ихъ. Это было общее дѣло. Одна общая всѣмъ надежда, одинъ духъ, одна мысль находили отраженіе во взорѣ ихъ глазъ, владѣли выраженіемъ ихъ лицъ, ихъ движеніями, ихъ языкомъ. Одна идея наполняла ихъ, укрѣпляла ихъ духъ, воспламеняла ихъ одушевленіе, ихъ надежду, поднимала ихъ выше самихъ себя и заставляла казаться каждаго въ отдѣльности выше, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ.... Настоящее было для нихъ какъ мрачное подземелье, отдаленное глубиною отъ всякой красоты, озаряющей поверхность. Взоры ихъ неподвижно были обращены къ тому небольшому далекому отверстію вверху, откуда къ нимъ проникали лучи солнечнаго свѣта и тепла; туда вверхъ, стремились они.“

Служа въ арміи, Густавъ не разъ слышалъ, конечно, нападки на соціаль-демократовъ, и слово *„красный“* сдѣлалось у него бранной кличкой. Теперь онъ увидѣлъ свое заблужденіе.

„Одно стало ему ясно въ этотъ вечеръ: это были неплохіе люди. Не злоба и подлость руководили ими, — ихъ влекло то же стремленіе, которое одушевляло и его, и всякаго другого смертнаго: это — желаніе лучшей участи.“

Разъ увидѣвъ свѣтъ, Густавъ уже не могъ отъ него отвернуться. Его потянуло на другія рабочія собранія. „Онъ слышалъ рѣчь знаменитаго депутата рабочей партіи въ рейхстагѣ. Черезъ Гешке онъ познакомился съ нѣкоторыми членами партіи. Онъ узналъ о существованіи могучаго, широко распространеннаго союза, власть котораго глубоко проникала всѣ эти жизненныя отношенія. И чѣмъ больше онъ видѣлъ, тѣмъ больше притягивало его къ себѣ то, что онъ узнавалъ. Онъ какъ будто сталъ на краю самого водоворота. Онъ чувствовалъ, что водоворотъ захватитъ его, противился ему, но все болѣе и болѣе втягивался въ роковой кругъ.“

Фонъ-Поленцъ ничего не говоритъ въ своемъ романѣ о своихъ собственныхъ соціально-политическихъ взглядахъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ мы рѣшаемся съ увѣренностью сказать, что онъ далеко не соціаль-демократъ. Попадаются въ его описаніяхъ даже черточки, заста-

вляющія думать, что хотя онъ и описываетъ рабочія собранія, какъ школу высокаго нравственнаго идеализма, но въ глубинѣ души онъ не совсѣмъ еще отдѣлался отъ взгляда на пролетарія, какъ на существо, лишенное всякихъ нравственныхъ устоевъ. Тѣмъ дороже для насъ та дань справедливости, которую онъ заплатилъ нашей партіи въ Германіи. Соціальдемократія несетъ въ трудящуюся массу свѣтъ сознанія и огонь великой, благородной страсти. Какая общественная роль можетъ быть выше этой?

Очень интересно отмѣтить и это психологическое наблюденіе: чтобы принять участіе въ великомъ освободительномъ движеніи нашего времени, крестьянинъ долженъ покинуть свою *крестьянскую точку зрѣнія* и перейти на точку зрѣнія пролетаріата.

Графъ Л. Н. Толстой написалъ къ роману фонъ-Поленца предисловіе, въ которомъ онъ, очень расхваливъ это, дѣйствительно достойное похвалы художественное произведеніе, говоритъ о томъ, какова должна быть настоящая литературная критика. Онъ — большой врагъ тѣхъ критическихъ статей, которыя пишутся собственно не о художественныхъ произведеніяхъ, а только *по поводу ихъ*. Но его предисловіе само представляетъ собою критическую статью, въ которой *очень мало* говорится о романѣ фонъ-Поленца и очень много *именно по поводу его*.

У насъ нѣтъ подъ рукой нѣмецкаго подлинника *„Крестьянина“* Поэтому мы не знаемъ, вездѣ-ли *точно* перевела его г-жа В. Величкина. Мы видимъ только, что она превосходно владѣетъ нашимъ могучимъ, гибкимъ и богатымъ языкомъ. А это „по нынѣшнимъ временамъ“ уже большая заслуга со стороны переводчика. Г. П.